

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

ПАРАДИГМЫ В ПСИХОЛОГИИ

Научоведческий анализ

Ответственные редакторы:

А. Л. Журавлева,

Т. В. Корнилова,

А. В. Юревич

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РАН»
МОСКВА – 2012

УДК 159.9

ББК 88

П 18

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги полностью
или частично без разрешения правообладателя запрещается*

- П 18** Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Отв. ред.
А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юренич. – М.: Изд-во «Ин-
ститут психологии РАН», 2012. – 468 с. (Методология, теория
и история психологии)

ISBN 978-5-9270-0251-1

УДК 159.9

ББК 88

В книге рассмотрены и развитие психологического знания анализируются на основе понятия парадигмы, введенного Т. Куном и получившего широкое распространение в психологической науке. Рассматриваются также такие традиционно сопутствующие использованию данного понятия проблемы, как кризис психологии, научные революции в этой дисциплине и др. В фокусе внимания авторов находится как наиболее общие психологические парадигмы, в первую очередь, естественно-научная и гуманитарная, так и более частные формы парадигмальной организации психологического исследования.

*Надпись орудована при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект №12-03-060760*

© ИГиП РАН Институт психологии РАН, 2012

ISBN 978-5-9270-0251-1

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
----------------	---

ЧАСТЬ I ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

<i>А. В. Куреня</i> Естественнонаучная и гуманитарная парадигмы в психологии	13
<i>М. С. Гусельцев</i> Парадигмы в психологии: историко-методологический анализ	34
<i>В. А. Михайлов</i> Парадигмы в психологии: от истории к современности	57
<i>Т. В. Златкина</i> Соотношение обобщающих образов современного знания и главные основания психологических парадигм	85
<i>В. Е. Ключко</i> Парадигмальная динамика психологической науки как процесс усложнения психологического мышления	106
<i>В. А. Якух</i> Парадигмальное многообразие как ресурс углубления понимания психологической феноменологии	136
<i>А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков</i> Теоретико-экспериментальная и практическая психология: две разные парадигмы?	158
<i>Т. В. Корнякова</i> Принятие неопределенности как предпосылка развития теоретической психологии	178
<i>Н. А. Марочкина</i> Кризис психологии – системный или локальный?	201

ЧАСТЬ II
ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>А. Л. Журавлев, А. В. Кудрейченко</i> Парадигмальные изменения в психологических исследованиях личности и группы	217
<i>Т. Д. Мерцановская</i> История и культура как парадигмы психологического знания	240
<i>Н. В. Гербер</i> Социогуманистическая альтернатива естественнонаучной парадигме	258
<i>Н. С. Мидуря</i> Постклассическая рациональность и гуманистическая парадигма в психологии	277
<i>С. В. Малюков</i> Две альтернативные парадигмы в научно ориентированной психологии	288
<i>Н. И. Кусыкина</i> Качественные исследования в психологии как вызов классическим методологиям	308
<i>Л. Я. Дорфман</i> Эмпирическая парадигма в психологической науке	325
<i>Е. В. Соколова</i> Диалектическая логика С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева и логические основания «системной парадигмы» современной психологии	380
<i>Е. Ю. Патнова</i> Парадигмы в психологии мотивации	404
<i>В. И. Конев</i> В поисках парадигмы: институционализация психологии науки	443
Сведения об авторах	466

ВВЕДЕНИЕ

Термин «парадигма», введенный в философскую методологию науки физиком по образованию Т. Куном, стал одним из наиболее популярных терминов и в психологии, что одновременно и симптоматично, и парадоксально. Симпатично потому, что популярность и широкая распространенность этого термина и соответствующего понятия были во многом обусловлены неупорядоченностью психологического знания, сопровождающей психологическую науку с ее первыми шагами и не устраненной шагами последующими, ее острой потребностью разобраться в самой себе и в своей истории, необходимостью выработки системы терминов, с помощью которой это можно было бы сделать, постоянным и достаточно болезненным сопоставлением себя с наиболее «благополучными» – точными – науками и т. п.

Парадоксальность же данной ситуации не исчерывается тем, что термин «парадигма» для психологии – не «свой», порожден не собственной, интрасихологической, а «чужой», внесихологической рефлексией, привнеси в нее знание и к тому же оформился в результате осмысления Куном истории физики – науки, по всем своим ключевым характеристикам очень далекой от психологии. Элементы парадоксальности содержится и в том, что по не вполне понятным причинам это понятие приобрело в психологии куда большую популярность, чем его потенциальные конкуренты, порожденные философской методологией науки, – понятия исследовательской программы (И. Лакатос), исследовательской традиции (Л. Ландау), темы (Дж. Холтон) и др., с помощью которых с не меньшим успехом можно было бы анализировать историю психологической науки и происходящее в ней. Более того, они имели ряд преимуществ перед введенным Т. Куном понятием, особо существенных для психологии. При этом основная часть психологического сообщества

соответствующих терминов просто не знает, видит историю психологии сквозь призму куновских понятий и часто находится в неведении относительно того, что сам Кун впоследствии отказался от ряда своих исходных утверждений, в результате чего ему приписывается им же опровергнутое. Показательно и то, что в психологии не «прижилось» и понятие дисциплинарной матрицы, введенное Куном в ответ на критику понятия парадигмы.

Описанная парадоксальность усугубляется тем, что, по мнению многих, психология как научная дисциплина имеет мало общего с анализировавшейся Куном физикой и вообще с естественными науками, и понятие парадигмы к ней вообще не применимо (т.е. очень популярным в психологии стало не применимое к ней понятие).

Эта парадоксальность становится совсем выходящей за пределы методологической толерантности в условиях, когда очень уважаемые и методологически мыслящие психологи утверждают, что ничего подобного куновским парадигмам в истории психологической науки никогда не наблюдалось: в ней не было ни научных революций, ни «аномалий», ни «нормальной науки», а ее методологическая рефлексия, облаченная в соответствующие понятия, – не что иное, как «платье голого короля», которое замечают лишь настроенные на самообман. Например, Т. Лиши¹ утверждает, что в психологическом сообществе не было переживания ни биологической, ни когнитивистской революций, пока «книга Т. Куна его не предложила». По его мнению, многие психологи, окрыленные понятием революции, тут же ринулись эти революции совершать, т.е. соответствующая методологическая реальность была не столько открыта, сколько создана с помощью соответствующей системы понятий. Здесь уместны аналогии и с самозывающеися пророчествами, и с марксизмом, который, как хорошо известно, проявил себя не только как теория, но и как «руководство к действию», порождая реальность, которой в его отсутствие могло и не быть. Т. Лиши признает «спасать психологию на прокрустовом ложе куновства», подчеркивая, что попытки втиснуть происходящее в ней в это ложе с помощью таких понятий, как, например, «тихая революция» или «перманентная революция», не порождает ничего, кроме терминологических абсурдов.

В целом же в отношении парадигмального статуса психологии сложились три основные позиции. Согласно первой, которой придерживался сам Т. Кун, психология представляет собой *дипарадигмальную* дисциплину, в которой единая парадигма, способная интегри-

¹ *Leahy Thomas H. The Mythical Revolutions of American Psychology // American Psychologist. 1992. V. 47. № 2. P. 308–318.*

ровать различные «психологии» в цельную науку, еще не сложилась, что и отличает ее от более развитых – естественных – наук. Согласно второй позиции, психология – это мультипарадигмальная наука, которая постоянно находится в том состоянии, которое Кун усматривал в естественных науках только при переживании ими научных революций, когда новая парадигма уже возникла, но еще не победила старую, и разные парадигмы временно сосуществуют. Третья позиция состоит в том, что психология характеризуется как антипарадигмальная научная дисциплина, к которой не применимы представления о парадигмальной логике развития наук, разработанные на материале изучения истории естественных наук, причем даже не более или менее близкой к ней биологии, а весьма далекой от нее физики. В данном случае парадоксальность парадигмального подхода к психологии особенно наглядна. Но и в рамках первой, а также второй позиции складывается далеко не «куновская» ситуация, поскольку как отсутствие парадигмы, так и параллельное и при этом, как правило, достаточно мирное сосуществование нескольких парадигм существенно отличается от революционного неистовования в системе взаимоотношений двух парадигм, описанной Куном. В общем, для того чтобы разгадать в истории и современном состоянии психологии хотя бы некоторое подобие описанного этим методологом применительно к физике, необходимо либо очень большое желание это сделать, либо весьма специфическое воображение.

Подавляющее большинство психологов не обнаруживают ни того, ни другого, совершая весьма волюнтаристскую операцию, – заимствуют у Куна ключевые понятия, ряд других терминов и некоторые элементы его концепции, не отвергая, но и не замечая или тихо игнорируя все остальное. В целом же в методологической рефлексии психологии доминирует вторая из трех описанных выше позиций. Психологи предпочитают считать свою науку мультипарадигмальной, что для них комфортно во многих отношениях. Это позволяет одновременно и применить к психологии куновские термины, и избежать тех ограничений, которые налагаются их исходными смыслами, и сопоставлять ее с другими, в том числе точными, науками, и считать ее «особой» научной дисциплиной, идущей своим собственным путем, и объявлять любое новое направление психологической мысли парадигмой, и т. п. Возможно, все подобное обстоятельство и обуславливают доминирование именно данной позиции относительно парадигмального статуса психологической науки.

Одновременно наблюдается и эрозия исходного смысла термина «парадигма», чему в немалой степени способствовал сам Кун, не определив надлежащим образом понятие достаточно четко (его, в част-

ности, обвиняли в создании «логического круга» – за определение парадигмы через научное сообщество, а научного сообщества – через парадигму). Уже в начале 1980-х годов насчитывалось несколько десятков пониманий этого термина, после чего их меньше, естественно, не стало. Психологи называют парадигмами и общие теории, и основные исследовательские направления, такие как бихевиоризм, когнитивизм, психоанализ, и более частные модели проведения исследований, и два основных «типа» психологии – естественнонаучную и гуманитарную, и модели экспериментального исследования, и многое другое. С некоторых пор этот термин проник в прикладную психологию, где тоже используется для обозначения совершенно разных реалий, в частности, соперничающих в ней школ и направлений.

При этом психологи относятся к такому распылению смыслов термина «парадигма» далеко не однозначно. Одни сокрушаются по этому поводу, считая смысловую эрозию эквивалентной полной утрате смысла, другие видят в ней позитивные стороны, в частности, усиление эристических возможностей термина за счет его применения к самым различным явлениям. Так или иначе, открытость термина «парадигма», во многом проистекающая из его исходной недоопределенности, несомненно, способствовала его экспансии, применению к самым разным реалиям и в самых различных областях. Но закономерно и то, что чрезмерность подобной экспансии порождает попытки ее упорядочить, например, путем выделения разных уровней парадигмальности: различения парадигмы общей и частных, мировоззренческих, общенаучных, конкретно-научных и индивидуально-ситуативных, американской, западноевропейской и российской парадигмы и т. п.

Следует отметить, что даже в отношении главенствующего в концепции научных революций термина «парадигма» наблюдаются «революционные» действия психологов, направленные на его ниспровержение и замену другими понятиями, такими как «исследовательская традиция», «тема», «социодигма», «синтагма» и др. Помимо некоторой утомленности от ведающего куновского термина, стремления к новизне и, в частности, к обновлению терминологического аппарата психологии, помимо желания многих методологов ввести свой собственный термин и других подобных обстоятельств скорее психологического, нежели методологического характера, – за подобными попытками стоит неудовлетворенность этим термином и сопряженными с ним традициями. В частности, нередко отмечается его недостаточная «социологичность», его отнесенность преимущественно к когнитивному полю науки

и недостаточные возможности для описания происходящих в ней социальных процессов. Предпринимаются попытки «социологизировать» (я «психологизировать») центральный термин методологического самоанализа психологии, придать ему большую социальную ответственность.

Перечисленные и другие подобные тенденции свидетельствуют о том, что один из наиболее «старых» терминов этого самоанализа не только не списан в тираж, но по-прежнему остается спорным, играя ключевую роль в наиболее «горячих точках» развития психологического знания. Более того, он находится в центре ряда новых методологических тенденций, а во многом и порождает их, действительно зарекомендовав себя в качестве одного из наиболее эвристических, причем не только на уровне общей методологии, но и исследовательской практики, методологических понятий. Данная ситуация определяет задачи настоящей книги, из которых, при всем их многообразии, можно выделить две основные: 1) анализ исторической судьбы и современного статуса термина «парадигма» в психологии, 2) осмысление истории и современного состояния психологии сквозь призму этого термина, а также его возможных альтернатив.

Книга представляет собой сборник статей, в которых представлены разные точки зрения на происходящее в психологии, а также различные понимания парадигмы, неизбежные в условиях эрозии данного термина. Не ответственные редакторы выражают надежду, что книга будет интересна не только тем, кто осмысливает историю психологии в терминах парадигмы, но и всем, кто интересуется методологическими тенденциями в этой науке. Как ни странно, книга обладает козлами. Странно потому, что и парадигмальный анализ психологии далеко не нов, и научных статей на эту тему написано, в том числе и отечественными авторами, предостаточно. Однако собственно книг парадигмам в психологии посвящено не было, хотя, по мнению авторов, она давно этого заслуживает.

А.А. Журавлев,

Т.В. Корыткова,

А.В. Курочка

Часть 1

**ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ
РАЗВИТИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ**

ПАРАДИГМЫ В ПСИХОЛОГИИ

А. В. Юренич

Естественнонаучная и гуманитарная парадигмы

Методологическое самоопределение психологической науки, как правило, осуществляется в терминах парадигмы. Понятие парадигмы, введенное Т. Куном, получило в ней намного более широкое распространение, нежели такие его «конкуренты», рожденные на территории философской методологии науки, как «исследовательская программа» (И. Лакатос), «исследовательская традиция» (Л. Лауден) и др.

Существуют три основные позиции относительно парадигмального статуса психологии. Согласно первой, которой придерживался сам Т. Кун, психология представляет собой депарадигмальную дисциплину, в которой единая парадигма, способная интегрировать различные «психологии» в единую науку, еще не сложилась, что и отличает ее от более развитых естественных наук. Согласно второй, психология – это мультипарадигмальная наука, обреченная на сосуществование в ней различных парадигм, а значит, и принципиально различных вариантов понимания психического, подходов к его изучению, способов производства знания, критериев его верификации и т.д. Согласно третьей позиции, психология является мепарадигмальной дисциплиной, а представления о парадигмальной логике развития науки, разработанные на материале изучения истории естественных наук, главным образом, физики (напомним, Т. Кун по образованию – физик), к ней неприменимы.

В психологическом сообществе доминирует вторая позиция, при этом понятие парадигмы используется достаточно вольно, да что (если рассматривать это как недостаток методологической рефлексии психологии) можно возложить ответственность не только на психологов, но и на самого Т. Куна, который не определял введенное им понятие достаточно четко. В результате уже в начале

1970-х годов М. Мастерман насчитала 35 различных пониманий парадигмы (Mazetman, 1970), и их количество с тех пор, естественно, не уменьшилось. Все основные подходы к изучению психического, такие как бихевиоризм, когнитивизм, психоанализ и др., принято именовать парадигмами. В то же время психологи, видимо, ощущают некоторую несоразмерность подобных подходов этому понятию, в результате чего в последние годы обозначилась тенденция считать парадигмами в психологии лишь наиболее глобальные и «классические» исследовательские направления, такие как естественнонаучная и гуманитарная психологии⁷, разделение на которые сопрягает эту дисциплину с ее первыми шагами.

Б. Ф. Ломов отмечал, что «с самого начала развития психологии как самостоятельной области научного знания в ней возникли две главные линии: одна – ориентированная на естественные науки, другая – на общечеловеческие» (Ломов, 1984, с. 342). Дж. Пайнел прослеживает истоки этого расхождения еще дальше – к обострившемуся в XVII в. конфликту между католической церковью и наукой, разрешенному Р. Декартом с помощью дуалистического разделения человека на физическую, подчиненную законам природы, и духовную, имеющую божественное происхождение, субстанцию (Pine1, 1993). Подобное «раздвоение» в значительной мере характерно для большинства социогуманитарных дисциплин, что, впрочем, служит слабым утешением для психологии. «В XX в. в социальных науках сформировались две методологические установки анализа – эмпирическая и герменевтическая», – пишет М. С. Гусельцева (Гусельцева, 2005). Их расхождение воплощено в таких терминах, как «объективизм» и «культурная аналитика» (Монин, 2000) и др. Однако подобный дуализм не выражает универсальной характеристики

⁷ Возможно, эти виды психологического исследования лучше обозначить как метaparadигмы, ибо дифференцирующая возможность термина «парадигма» явно не хватает для различения основных видов психологического исследования, а дополняющей его термин «метaparadигма» с учетом используется в смежных с психологией науках, – например, в социологии. В. А. Ядов определяет его следующим образом: «Метaparadигма в социологии есть такое системное представление о взаимосвязях между различными теориями, которое включает: а) принятие некоторой общей для данных теорий философской („метафилософской“) идеи о социальном мире с ответом на критериальный вопрос: что есть „социальный“? б) принятие некоторых общих принципов, критериев обоснованности и достоверности знания относительно социальных процессов и явлений и, наоборот, в) принятие некоторого общего круга проблем, подлежащих или, напротив, не подлежащих исследованию в рамках данной парадигмы» (Ядов, 2006, с. 11).

человеческого мышления, а относится преимущественно к западной интеллектуальной культуре. М. Гране, в частности, ставит ей в пример китайскую мысль: «Главное достоинство китайской мысли состоит в том, что она никогда не отделила человеческое от природного и всегда концептуализировала человеческое в социальном контексте» (Гране, 1961, с. 1101).

Провести строгую разграничительную линию между естественнонаучной и гуманитарной парадигмами в психологии едва ли возможно. Значительная часть психологических трудов включает как естественнонаучные (например, в виде количественных данных), так и гуманитарные (например, в виде достаточно свободной интерпретации этих данных) элементы, а многие психологи попеременно прибегают то к одному, то к другому дискурсу, скажем, свои тексты оформляя в соответствии с естественнонаучными канонами, а свои выступления выступая в рамках гуманитарной традиции. Тем не менее, более мягкие различительные признаки классических парадигм сформулированы достаточно четко. Так, вычлениваются шесть ключевых характеристик гуманитарной парадигмы, отличающих ее от парадигмы естественнонаучной: 1) отказ от культуры эмпирических методов; 2) признание научным знанием не только верифицированного знания, подтвержденного «внесубъективным эмпирическим опытом»; 3) легализация интуиции и здравого смысла исследователя; 4) возможность обобщений на основе изучения частных случаев; 5) единство исследования и практического воздействия на человека; 6) изучение целостной личности, включенной в «жизненный контекст» (см.: Юревич, 2006). Однако подобные критерии дифференциации парадигм подвергаются вполне заслуженной критике. И. А. Мироненко, например, констатирует, что «образ естественнонаучного направления здесь оказывается карикатурно искаженным» (Мироненко, 2006а, с. 107). Создается впечатление, что при подобной трактовке естественнонаучная парадигма отождествляется с ее популяристским вариантом, а к гуманитарной психологии причисляется все, что не вписывается в его прокрустово ложе.

Предлагаются и другие критерии демаркации. Так, Т. Д. Марцинковская основное различие между естественнонаучным и гуманитарным подходами в психологии связывает с разницей между «жестким» естественнонаучным детерминизмом и социокультурной детерминацией, «управляющей продуктивной деятельностью людей» (Марцинковская, 2004, с. 80). Д. А. Леонтьев отмечает, что человека можно одновременно рассматривать, с одной стороны, как природный объект, индивидуальность, а с другой – как личность, которая имеет внутренний мир, характеризующийся через

его содержание и через те взаимодействия, в которые надо вступать с этим миром, чтобы позволить таким содержаниям раскрыться. Он констатирует, что первый способ рассмотрения представляет собой традиционный, классический, естественнонаучный, а второй – гуманитарный, неклассический (Леохтыев, 2006). При этом, однако, не учитывается, что естественнонаучный подход тоже может быть классическим, неклассическим и даже постнеклассическим (Степин, 2000). Отожествление неклассической и гуманитарной составляющей психологии представляется не вполне адекватным и потому, что последняя существовала со времен В. Дильтея и тоже представляется достаточно классической.

К перечисленным критериям демаркации парадигмы можно добавить и такие, как ориентация естественнонаучной парадигмы преимущественно на объяснение психологических феноменов, а гуманитарной – на их понимание; доминирование в первой каузальных объяснений, а во второй – телеологических; более тесная связь гуманитарной парадигмы с психологической практикой; соответствие этой парадигмы постмодернистскому образу науки; отсутствие в ней методологического ригоризма, характерного для естественнонаучной парадигмы, которая ориентирована на позитивистские стандарты проведения исследований; и др. Вместе с тем, отмечается и релятивность таких различительных признаков. Например, И. Е. МIRONENKO пишет: «В периоды проявления подобных кризисов, периоды борьбы естественнонаучной и гуманитарной парадигмы в психологии, ярлык естественнонаучности или гуманитарности используется лишь условно – для обозначения и объединения под общими знаменем тех или вступивших в борьбу на территории психологии сил, которые в данный исторический момент в большей степени сосредоточены в области либо гуманитарного направления, либо естественнонаучного» (MIRONENKO, 2006a, с. 106).

Нетрудно заметить и то, что перечисленные критерии демаркации парадигмы носят преимущественно когнитивный, а не социальный характер, будучи отнесенными к характеру производимого в их рамках научного знания и способов его производства (а также верификации и др.), а не к характеристикам соответствующих локусов психологического сообщества. Все это свойственно философской методологии науки, в отличие от социологии науки, фокусированной на когнитивных, а не на социальных компонентах научной деятельности. Здесь уместно в очередной раз вспомнить Т. Кунна, которого систематически обвиняли в том, что он допускал «логический круг», определяя научное сообщество «через парадигму», а парадигму – «через научное сообщество», описывая первую

как систему исследовательских приемов, применяемых научным сообществом, а второе – как объединенное парадигмой. Популярность Купа может быть оправдана тем, что все существующее и происходящее в науке имеет двойную – когнитивную и социальную – детерминацию, и за «логическим кругом» стоит соответствующая реальность – «круг онтологический». Научное сообщество в целом, равно как и тот или иной его докус (например, сообщества сторонников естественнонаучной и гуманитарной парадигмы в психологии), конституированы принадлежностью к соответствующим парадигмам, но существует и обратное влияние: социальные характеристики этих сообществ оказывают воздействие на разрабатываемые ими парадигмы⁷.

Социогуманитарное научное сообщество обладает набором характеристик, отличающих его от сообщества естественнонаучного. В частности, как отмечает Д. Прайс, коммуникативные паттерны в естественных и технических науках существенно отличаются от коммуникативных структур, характерных для социогуманитарных дисциплин, где коммуникативные сети формируются как социальные, междисциплинарные сообщества. Паттерны цитирования в этих дисциплинах носят диффузный, тематически недифференцированный характер, но при этом приобретают вид «социальных солидарностей», таких как «альфасы» и «клики» (Prais, 1963). Нечто подобное наблюдается и применительно к «кругу чтения», характерному для различных дисциплинарных сообществ. В естественных науках он имеет точечный и концентрированный характер, в то время как в социогуманитарных дисциплинах – дисперсный и расплывчатый (Арофьев, 2005). При этом социогуманитарии отличаются и более высоким показателем использования научной периодики, в отличие от представителей естественных наук, предпочитающей ей монографические

⁷ В этой связи следует отметить немалое сходство методологического состояния различных социогуманитарных дисциплин. В.А. Ядов, например, констатирует «методологический анархизм и протипол как признаки постиндустриального развития социологии» (Ядов, 2006, с. 4), – характеристика, очень близкая к той, которую дают своей дисциплине психологи. В.А. Ядов также описывает состояние современной социологической теории как «антисоциальное шок, направлений и парадигмальных „со звезд“» (там же, с. 19) и добавляет, что «различные теоретические подходы в социологических „гранд-теориях“, в том более обилие частных теорий порой вызывают сомнения в том, могут ли социальные исследователи быть причисленными к благородному сословию ученых в классическом понимании подлинной науки» (с. 9). Любая читатель теоретико-методологических текстов в области социологии наверняка удивит в этих словах что-то очень знакомое.

издания (там же). Существуют также различия в «возрасте» наиболее цитируемых источников в естественных и социогуманитарных науках, состоящие в том, что в последних «старые» работы, труды «отцов-основателей» цитируются чаще, чем «молодые», а рейтинг цитируемости работ более динамичен (Nargeta, 2000). И. А. Климов, основываясь на результатах проведенного им исследования, пишет: «Сообщество специалистов, занимающихся социальной проблематикой, оказывается крайне разнообразным с точки зрения социально-биографических ситуаций. Это позволяет предположить, что профессионального сообщества как внутренне интегрированной, устойчивой и воспроизводимой системы коммуникативных действий не существует. Говоря точнее, сегодня имеются определенные „сетевые совокупности“ или профессиональные корпорации, и связь между ними, ключевой обмен и взаимодействие оказываются довольно-таки случайными» (Климов, 2005, с. 215).

Перечисленные характеристики в полной мере распространены на социогуманитарную часть психологического сообщества, и их тоже можно считать отличительными признаками социогуманитарной парадигмы в психологии, но в данном случае не когнитивными, а социальными.

Парадигмальные различия сказываются также и на общем восприятии психологии как науки. Как показывают опросы психологов, она характеризуется и как биологическая, и как медицинская, и как поведенческая, и как социальная, и как образовательная, и как гуманитарная наука, и как наука особого типа (Rosenzweig, 1992), причем по-разному в разных странах и в различных университетах одной страны. Как констатирует М. Розенцвейг, «в разных странах и университетах существует практика либо классифицировать психологию как особую науку, находящуюся между биологическими и социальными науками, либо расценивать ее как дисциплину, объединяющую биологические, поведенческие и социальные категории» (там же, с. 71–72). При этом наблюдается любопытная связь между уровнем развития страны и отношением к психологии: в развитых странах ее чаще характеризуют как биологическую науку, в то время как в менее развитых она чаще воспринимается как наука социальная (там же).

Противостояние парадигм

Предпринимаются, впрочем, и попытки примирения естественнонаучной и гуманитарной парадигм, открывающего путь к «воссоединению» психологической науки и ее объекта – психологической

реальности. Например, Н. И. Чуприкова пишет: «Если деятельность мозга – это отражение действительности и регуляция на этой основе поведения и деятельности, то это и есть психика, и не остается никакого места для двух разных сущностей – психики и отражательной деятельности мозга. Это одна и та же сущность, одна и та же реальность. („Не следует умножать сущности без необходимости“) <...> Там, где долгое время видели две разные сущности, две разные реальности, на самом деле существует одна сущность, одна реальность. <...> Психика – это также уникальные, единственные в природе материальные процессы, которые имеют двойное бытие» (Чуприкова, 2006, с. 186).

Попытки преодолеть «Великий раскол» сознания на «нейрофизиологию и феноменологию» (Юлина, 2004, с. 148) еще более характерны для философии, где эта проблема, собственно, и зародилась. Р. Карнап сформулировал «тезис физикализма», согласно которому так называемые психологические высказывания подлежат переводу на физический язык, и настаивал на том, что каждое психологическое высказывание следует соотносить с физическими событиями, происходящими в организме человека, что, по его мнению, должно сделать психологию частью единой науки, основанной на физике (Саттар, 1959). У. Куайн выделил три уровня объяснения человеческого поведения – менталистский, поведенческий и физиологический, объявив первый из них тупиковым, а последний – наиболее перспективным и близким к идеальному – физическому – объяснению (Quine, 1979). Г. Фейл и Дж. Сمارт выдвинули «теорию тождества», основная идея которой состоит в том, что хотя ментальные и физические термины семантически различаются между собой, сами, по сути, обозначают одно и то же (Feigl, 1958; Smart, 1959).

Позицию, близкую естественнонаучной парадигме в психологии, занимает Д. Девкет, который считает, что объяснять ментальное из ментального, реализуя провозглашенный Э. Шпрингером принцип «*psychologica – psychologica*» (объяснять психическое через психическое), значит топтаться на месте. Девкет утверждает, что сознание надо описывать на «нейтральном» языке, не являющемся ни физикалистским, ни менталистским, но аналогичным компьютерным программам, в результате чего получится, что «мысли сами себя мыслят», а «ментального посредника» между нейрофизиологией и содержанием сознания не существует (Deppet, 1982). Предлагаемый Девкетом «нейтральный язык», впрочем, не так уж нейтрален. Он пишет, что все ментальные события в конечном счете являются не чем иным, как физическими событиями, а то, что мы субъективно воспринимаем как сознание, есть лишь глобальная доступность

информации в «глобальном нейронном рабочем пространстве» головного мозга. Единокой позиции придерживаются также П. Черчленд, Н. Хомский, Дж. Фодор и др., которых Р. Рорти обвинил в том, что их больше интересует связывающее нас не с Платоном, а с ним самим, а попытки «прорваться к природе», «выпрыгнуть» за пределы культуры (Воту, 1972). При этом, как ни парадоксально, в трактовке взаимоотношений тела и духа многие философы оказались более радикальными «физикалистами», чем психологи естественнонаучной ориентации.

В целом же в философии эта проблема выглядит столь же далекой от разрешения, как и в психологии, а более современный «физикализм с человеческим лицом» (Юлина, 2004) обнаруживает такую же несостоятельность в объяснении сложного психологического мира человека, как и физикализм более примитивного типа: «Дуализм, устраненный в одном месте, возрождается в другом» (там же, с. 283). «В настоящее время у нас нет концептуальных средств, которые позволили бы нам понять, каким образом субъективные и физические свойства могут быть одновременно существенными сторонами единой сущности или процесса», – сетует Т. Нагель (Нагель, 2001, с. 105). Ему вторит Н. Блок: «Ни одно из имеющихся сегодня в наличии нейрофизиологических или компьютерных понятий не в состоянии объяснить, что же это такое – быть феноменально осознанным, т. е. испытывать боль или видеть красное. ... Это хорошо известная преграда в объяснении» (Block, 1993, p. 182). А. Дж. Серль констатирует, что для современных материалистов, опирающихся на физическую и физиологическую парадигмы, характерна «болезнь сознания» как обладающего «ужасной» для научного объяснения чертой – субъективностью, и формулирует задачу «вернуть сознание в предмет науки в качестве биологического феномена» (Серль, 2002, с. 99).

В результате в разрешении дуализма тела и духа философия едва ли может помочь психологии, и здесь явно не получится поступить так, как предлагает Н. В. Гарбер: «Ответы на многие „летучие“ психологические вопросы не нужны ни для практики, ни для теории, поэтому их лучше не задавать, оставив для обсуждения философам» (Гарбер, 2007, с. 106). Психология по-прежнему разделена на две конфликтующие парадигмы, воспроизводя восходящий к Р. Декарту дуализм¹. При этом ряд психологов гуманитарной ориентации

¹ Одни психологи считают «обращение к категории души» ступенью неверным шагом, не только бесплодным, но и весьма опасным для развития отечественной психологической науки» (Мироненко, 2006б, с. 163); другие, напротив, очень приветствуют такой шаг. В. Д. Шадринев, на-

с удовлетворением констатирует «победу» своей парадигмы над естественнонаучной». Голоса же сторонников последней (например: «Теоретическая психология может быть построена только по канону естественных наук» (Аллахвердов, 2003, с. 333)) звучат все реже. Необходимость приверженности гуманитарной ориентации часто формулируется как императив: «последовательским идеалом должна быть другая, не естественно-научная, а гуманитарно-ориентированная модель познания» (Холшев, 2007, с. 196). Со времени Л. С. Выготского, считавшего сосуществование «двух психологий» главным симптомом кризиса (Выготский, 1982), отсутствие единства психологической науки удручает многих ее представителей, которые видят в нем «своего рода уродство методологического тела психологии» (цит по: Аллахвердов, 2006, с. 101), сожалеют о том, что «современный период стал в кратчайшем распада прежде единой отечественной психологии» (Мироновская, 2006б, с. 161) (хотя о том, была ли она единой прежде, можно поспорить). Вместе с тем, в современной психологии сформировалась не только традиция опираться на ее перманентный кризис, но и своеобразная «поэтика кризиса», восходящая к идее Л. С. Выготского (Выготский, 1982) и других классиков психологии о позитивной роли кризисов. Как это ни парадоксально, но воспринимать происходящее в психологической науке в терминах противостояния двух парадигм тоже можно в позитивном свете, усматривая в этом признак ее прогресса, а понятие парадигмы считать если не спасительным, то, по крайней мере, способствующим упорядочению интеллекта исследовательских подходов. Если раньше говорили о двух психологиях, то теперь – о противоборстве двух парадигм, существующих в одной науке, что представляется шагом вперед в ее развитии.

Констатация противостоящая естественнонаучной и гуманитарной парадигм тоже не является единственным способом восприятия их взаимоотношений: далеко не всегда они расцениваются как антагонистичные. И. А. Мироновская, например, считает, что «в психологии всегда существовали и, наверное, будут существовать естественно-научное и гуманитарное направления в их традиционном понимании; первое связано с естественными науками, второе – с гуманитарными. Неизбежно между ними будет сокращаться и определенная разница в методологии и – в большей степе-

---

пример, пишет: «Понятие „душа“ вполне достойно того, чтобы его возстановить в правах как научное понятие. И предметом психологии может стать душа в ее научном понимании» (Шадринев, 2006, с. 25).

⁶ Это не соответствует общей статистической картине современной психологической науки (см.: Аллахвердов, 2005).

ки – в методах исследования. Однако никакого антагонизма между этими направлениями в сфере науки складать, на мой взгляд, не следует» (Мироненко, 2006а, с. 110). Высказывается также мнение о полипарадигмальности психологии, о ее обреченности на сосуществование различных парадигм. Причем данный факт не расценивается представителями подобной позиции как проявление раскола и разобщенности (см., например: Смирнов, 2006; и др.).

Правда, и вокруг этого представления ведутся ожесточенные дебаты, в результате чего психологическое сообщество переживает еще один «раскол» – на методологических плюралистов, признающих за разными парадигмами и глобальными психологическими теориями равные права на существование, и методологических монистов⁷, убежденных в том, что в науке может существовать только одна, «единственно правильная», парадигма. Дискуссия между ними ведется в довольно жесткой форме, подчас даже более агрессивной, чем споры между сторонниками самих парадигм. Например, монист Е. Е. Соколова обвиняет плюралистов в «методологической беспечности и безграмотности» (Соколова, 2006б, с. 107), в «убийственной критике монизма» (Соколова, 2006а, с. 16), а взаимоотношения между монистами и плюралистами характеризует так: «не думаю, что в психологии дело обстоит менее драматично (чем в исторической науке, где каждый отстаивает собственное видение истории. – А. Ю.), разве что пока за стремление к научной объективности еще не додумались стрелять через дверь» (Соколова, 2006б, с. 111)⁸. Обязательны и при этом интригующе звучат и откровенные к «плюралистам» слова Е. Е. Соколовой о том, что ей «не безразлично, каковы ценности занятого наукой человека: рассматривает ли он науку исключительно как средство заработка, признавая научной лишь ту картину мира, которая приносит ему доход» (там же, с. 112). (Иде-

⁷ Вообще же современных психологов по критерию их общеметодологических ориентаций можно разделить на: 1) методологических nihilистов, 2) методологических ригористов (или методологических монистов), 3) методологических либералов, 4) методологических плюралистов (Смирнов, 2006).

⁸ Отдавая дань способности этого автора драматизировать ситуацию, обозначая ее чуть ли не в кризисальном свете, следует отметить, что, как это ни парадоксально, дискуссия, ведущаяся в подобной тональности, иногда больше идет на благо науки, нежели ставящийся обсуждению. Она содействует привлечению внимания к методологическим проблемам психологии и преобразованию этой области, еще совсем недавно считавшейся одной из наиболее скучных и безжизненных, в одну из ее «горячих точек».

тересно, как можно «заработать» с помощью картинок мира, равно как и то, где и сколько платят плюралистам за их взгляды?)

Достаточно жестко отвечает Н.Е. Соколовой плюралист Т.В. Корнилова, которая хотя и не «стреляет через дверь» (хочется надеяться, что до этого монисты и плюралисты все же не дойдут), но пишет: «С моей точки зрения, недопустима подмена эмоциональным контекстом восприятия той или иной позиции размышлений на выбранную (автором же) тему. Это несовместимо с бытием в психологии (как в научном сообществе) тех авторов, которые вслед за М. Мамардашвили принимают доводы в пользу возвращения уважения человеку думающему и „додумывающему свои мысли“» (Корнилова, 2006, с. 99). В общем, вопреки сделанному Г.С. Батыгиным наблюдению, что «склонные к деконструированию дискурса постмодернисты ведут себя по принятым вызовам, но и уравновешенные „позитивисты“ чувствуют себя жемчужным стрейнджером» (Батыгин, 2005, с. 336), – в данном случае весьма агрессивно настроены обе стороны.

Таким образом, попытки примирения психологических парадигм на уровне общих методологических представлений оборачиваются еще более жаркими баталиями и реализуют один из «зачем»-вопросов: существуют ли вообще в психологии представления, по которым психологическому сообществу удалось бы достичь согласия? Впрочем, в методологический плюрализм, в отличие от методологического монизма, органично вписывается и отсутствие согласия на всех уровнях: если различные парадигмы, глобальные психологические теории, воззрения на природу психического и т.д. признавать равноправными, то аналогично можно сказать и в отношении общих представлений о путях развития психологической науки.

Остроту парадигмального противостояния несколько не снижает следующее обстоятельство: та парадигма, которая получила в психологии название естественнонаучной, является по сути квазиестественнонаучной. «Естественнонаучность» обеспечивается в этой дисциплине преимущественно двумя способами: 1) путем соблюдения позитивистских стандартов проведения исследований, ассоциирующихся с естественными науками; 2) с помощью «привязки» психологических процессов к физиологическому субстрату. Доминирует, за исключением биологических¹ направлений психологии,

¹ Совокупность этих направлений, объединенных «биологическим подходом к изучению психологических феноменов» (Paele, 1993, с. 40). Дж. Пайкел называет «биопсихологией», которую характеризует как «одну из наиболее стремительно прогрессирующих отраслей науки»

первый способ. При этом позитивистские стандарты проведения исследований – использование репрезентативных (и не вполне) выборок, вычисление коэффициентов корреляции, применение более сложных математических процедур, попытка фиксации независимых переменных и т. п. – выглядят как имитация исследовательской методологии, характерной для естествознания, и дают – на выводе – знание, существенно отличающееся от естественнонаучного, не отвечающее критериям универсальности, воспроизводимости и др. В частности, как подчеркивает Дж. Пайвелл, для психологии характерны «квазиэкспериментальные исследования, выглядящие как эксперименты, однако не являющиеся подлинными экспериментами ввиду отсутствия контроля над переменными» (Pines, 1993, с. 10). Все это прекрасно известно психологам, претендующим на «естественнонаучность» своих исследований, для многих из них являющийся адекватным научности. Однако они предпочитают либо не замечать отличия психологии от естественных наук, либо делать вид, что подобные отличия не слишком существенны и не принципиальны. В то же время квазиестественнонаучный характер психологических исследований очевиден, и то, что считается в психологии естественнонаучной парадигмой, характеризуется ориентацией на естественные науки как на образец «научности», а не реальным соблюдением принятых в них исследовательских стандартов. Недостижимость «естественнонаучной мечты» делает желающих ее психологов не более, а менее толерантными к сторонникам гуманистической парадигмы, отвергающим естественнонаучные стандарты, – возможно, потому, что именно она воспринимается как одна из причин ее недостижимости.

Перспективы парадигмального синтеза

Успехи биологической науки, породившие прогноз о том, что XXI в. станет «веком биологии» (Наука и общество..., 2000), сказались и на ожиданиях в отношении психологии, которые основаны главным образом на прогрессе в изучении ее биологических основ. Так,

(там же, с. 11), включающую 3-основных разделов: 1) физиологическую психологию, 2) психофармакологию, 3) нейропсихологию, 4) психофизиологию и 5) сравнительную психологию.

- ⁹ При этом, как свидетельствуют расчеты, примерно 40% психологических исследований основаны именно на экспериментах, в то время как на опросах – 36%, на контролируемом наблюдении – 16%, на изучении отдельных случаев – 4% и на кросс-культурных методах – 3% (Koslerzweig, 1992).

в США 1990-е годы были провозглашены «десятилетием мозга» – на том основании, что в эти годы о его структуре, функциях, организации и функционировании удалось узнать больше, чем за сотни предшествующих лет (The next twenty-five years of technology..., 1998). В результате возникло ожидание, что «После 2000 г. принципиальные социальные, моральные и экологические проблемы будут, по всей вероятности, сформулированы в „биологические тона“, а в жизнь общества, как из рога изобилия, посыпятся биотехнологические новинки. Биомышление станет информационной базой общества и определит наше видение самих себя» (цит. по: Наука и общество..., 2000, с. 109). Был озвучен также прогноз о том, что в начале XXI в. «Технологии мозга помогут людям слишком вспыльчивым, лишенным чувства юмора, чрезмерно эмоциональным и обретут очень широкий рынок. А в более отдаленном будущем открывается перспектива улучшения мнемических и умственных способностей человека, изменения его характера в сторону большей щедрости, доброты, меньшей гордости или лени» (The next twenty-five years of technology..., 1998, p. 36). Предсказана и «психоэволюционная революция», возвеждающая наступление «био-инженерной эры». В частности, говорится о том, что познания в области биохимии мозга сделают возможными искусственную память, основанную на кодировании в человеческий мозг электродов, стимуляцию мозговых «центров удовольствия» и т. п. (Ritchie-Calder, 1976). Накануне XXVIII Всемирного психологического конгресса журнал «European psychologist» опросил 30 крупных европейских психологов: им было предложено назвать основные тенденции в развитии психологической науки, обещающие определить ее облик в XXI в. Практически все опрошенные в качестве одной из важнейших тенденций назвали достижения генетики, отметив их огромное влияние на психологию (Tele-interviews, 2000).

Не оценивая степень реалистичности и обоснованности подобных прогнозов, отметим, что все они предвещают психологической науке большое влияние на человечество, но связывают это влияние не с доминированием и всей направленностью, а с включением головного мозга. Такая перспектива развития предполагает не только постепенное «испарение» гуманитарной составляющей психологии, подобное постепенному отмиранию философских замесителей естественных наук, сопровождавшему их развитие, но и исключение качественно-наукообразующей составляющей самой естественнонаучной

⁶ Автор данного прогноза утверждает, что станет возможным развитие телепатических способностей, объединяя посредством которых потеснит традиционные формы коммуникации.

парадигмы, опору последней на исследование физиологического субстрата психических процессов, а не на сомнительные корреляции между их феноменологическими проявлениями.

Обрисованная перспектива может круто изменить облик психологии, особенно на фоне тенденции к ее развитию, которую ряд исследователей называет «практическим поворотом» (Poirkinpattte, 1994; и др.). М. Розенцвейг на основе отрыва психологов из разных стран пришел к выводу: «Одна из главных закономерностей в развитии психологии во многих индустриальных странах, наблюдаемая с 1950-х годов, состоит в росте психологической практики при относительном упадке традиционных академических исследований» (Rosenzweig, 1992, с. 32). Розенцвейг подчеркивает, что эта закономерность, которую он тоже называет «поворотом к практике» (shift to practice) (там же, с. 33), проявляется в самых различных странах – в США, Австралии, Канаде, Финляндии, Германии, Норвегии, Португалии и Испании¹. При этом практическая составляющая психологии тоже не остается неизменной, а переживает, говоря словами К. Гергеса, «технологическое продвижение» (Gerges, 1994), т. е. переход от «мягких» и дающих неопределенные результаты психологических *how-how* – таких, к примеру, как психоанализ – к более «жестким», допускающим тиражирование и приносящим более однозначные, «механические» результаты психологическим *what-how*.

Отметим в данной связи, что в сфере практических приложений любой науки прибыль нарастает в направлении *how-how* – технология – промышленные изделия, ибо так существенно расширяется рынок потенциальных потребителей. Если *how-how* – это случайный товар, привязанный к «личному знанию» их носителей, не допускающий отчуждения от него и поэтому имеющий довольно узкий ареал распространения, то технологии предполагают тиражирование, отсутствие привязки к их конкретному носителю и, в результате, имеют более широкий ареал распространения, принося большую прибыль, а промышленные изделия имеют практически неограниченный рынок и обеспечивают многократное возрастание прибыли. Поэтому в условиях рыночной экономики любая наука стремится превратить создаваемые ее представителями *how-how* в технологии, а их воплотить в промышленные изделия, и психология не является здесь исключением. Этим обусловлено ее «технологическое продвижение», которое констатирует К. Герген. Возможно, не за горами и появление новой отрасли индустрии – психологии (по аналогии

¹ См. также предостерегает, что в результате нарастания этой тенденции мы рискуем получить «психологию без науки» (там же, с. 37).

с электроникой) как наиболее перспективного вида психологической инженерии.

Самыми известными примерами промышленных изделий, воплощающих созданные психологами технологии, являются детекторы лжи, кресла и кушетки для психологической разгрузки, психологические приборы, которые почти неизбежно присутствуют на наших нынешних выставках научно-технических изобретений, и т. п. При всех различиях подобных психологических изделий и воплощенных в них видов психологического знания (или псевдознания, особенно характерного для психологических изделий «народных умельцев»), их объединяет стремление воплотить это знание в нечто осязаемое, материализованное, представленное в виде промышленного образца. Внешний их вид, их физическая осязаемость и другие характеристики создают у потенциального потребителя ощущение надежности и гарантированности результатов, сопоставимое с опущениями, порождаемыми бытовой техникой, например, телевизорами или холодильниками. В результате, скажем, детекторы лжи¹ имеют широкое распространение на нашем рынке, продаются за несколько тысяч долларов при многократно меньшей себестоимости и обеспечивают их распространителям впечатляющую прибыль. Подобные причины, связанные и с рыночными механизмами, и со спросом на различные виды психологического знания, делают технологическую траекторию наиболее прибыльным и перспективным направлением развития прикладной психологии.

Эта траектория, при всей ее кажущейся удаленности от академической – исследовательской – психологии, со временем может оказать на нее большое влияние, породив новую – психологическую – парадигму ее развития. Уместно вспомнить, что практически все ученые, с именами которых связано формирование науки Нового

¹ В данной связи можно сослаться с Н. Е. Гарбером, сетующим на то, что «существующие психологические методы не ведут к созданию машин и приборов, ограничивающих или даже замещающих влияние человека» (Гарбер, 2007, с. 115) и в этом видящим один из главных недостатков психологии и ее отличий от успешных наук. Его оценка технологических возможностей психологии pessimistична: «Что могут предъявить обществу психологи, кроме гипноза, детектора лжи и сомнительных ЭЭГ-кадр и психотронного оружия?» (там же, с. 112). В общем-то, и перечисленного уже немало (лиха беда — чучело), а самого по себе психотронного оружия, если бы психология его действительно «предъявила обществу», было бы достаточно для того, чтобы убедить его в своих немалых технологических возможностях. Но, в счастливый, пока не предъявила.

времени (И. Ньютон, И. Кеплер, Г. Галилей и др.), наряду с фундаментальными научными открытиями, имели также и изобретения (вспомним, например, придуманный Галилеем телескоп), что закономерно, поскольку в те годы фундаментальная наука была неотделима от практики. В современной же науке, для которой свойственно дистанцирование фундаментальных исследований от инженерных разработок, одновременно наблюдается и их, на первый взгляд парадоксальное, сближение. В частности, наряду с категориями «фундаментальные исследования» и «прикладные исследования», все чаще используется такое понятие, как «прикладные фундаментальные исследования». Например, в прогнозе развития науки и техники в XXI в., совместно разработанном рядом научных организаций США, подчеркивается, что «фундаментальные технологические исследования» – это новая категория, необходимая для дополнения категории «фундаментальные научные исследования» и выражающая новое явление в развитии науки, которое не следует путать с прикладной наукой (Preparing for 21-st century..., 1997).

Можно предположить, что фундаментальные технологические исследования со временем займут видное место и в психологии, вероятно, послужив основой новой, технологической, парадигмы, в рамках которой противостояние естественнонаучной и гуманитарной составляющей психологии будет попросту лишено смысла, как лишено смысла противопоставление телевизора или холодильника способам их использования или тем ощущениям, которые эти бытовые приборы у нас вызывают. Соответственно, есть основания связывать перспективы примирения естественнонаучной и гуманитарной парадигмы, а значит, и объединения психологии, с развитием только нарождающейся, но уже открывающей многообещающие перспективы технологической парадигмы.

Существуют и другие варианты примирения парадигмы. Так, например, перспектив превращения психологии в точную науку обычно связываются с ее ориентацией на естественные науки. Однако «точные науки» и «естественные науки» не являются эквивалентными понятиями. К числу точных наук принадлежит, скажем, экономика, не являющаяся естественнонаучной дисциплиной. Данный вид точной науки куда ближе психологии и реалистичнее для нее, чем такие естественные науки, как физика, химия и даже биология. Остается лишь удивляться тому, что психология в своем стремлении походить на точные науки избрала столь далекие и неприемлемые для этого образцы, попытки следования которым порождает ее «полютистское переенаправление» (Юренич, 2004; Юренич, 2006) и приводит к другим негативным последствиям.

Следует упомянуть и еще одно «родовое» методологическое заблуждение психологии – представление о том, что исследовательская дисциплина обретает статус наук лишь тогда, когда она, в духе известного высказывания М. В. Ломоносова, «начинает пользоваться математикой», активно культивирует количественные измерения и т.п. Люди научились считать задолго до появления наук, и сама по себе способность подсчитать что-либо не является критерием «научности». Для точных наук характерны же просто количественные подсчеты, а выявление количественных закономерностей. В этом плане экономика способна быть не менее авторитетным образцом «научности» для психологии, чем весьма далекие от нее естественные науки. Экономическая наука давно научилась фиксировать количественно измеримые проявления изучаемых ею феноменов и устанавливать между ними количественные соотношения. Психология же «ломится в открытую дверь», давно и безуспешно пытаясь «материализовать» психические феномены, тем самым сделав их похожими на объекты изучения в естественных науках, причем «материализует» их в виде абстрактных лабораторных конструкций. В то же время их проявления уже материализованы, причем самой жизнью, а не искусственными лабораторными условиями, и к тому же в форме, не только допускающей количественные измерения, но и делющей их естественными. Таковы, например, такие проявления психологического состояния личности и общества, как самоуверенства, психические расстройства, заболевания нервной системы и др., количественный анализ которых позволяет психологии стать точной наукой, даясь по пути, проложенному экономикой.

Еще одна перспектива парадигмального синтеза в психологии открывается в связи с распространяющимися в ней новыми методологическими настроениями, в частности, с новым пониманием причинности. Постмодернистскому⁷ узакониванию различных взглядов на природу психического, разнообразных подходов к его изучению и объяснению как равно адекватных, обернувшегося оправданием и их «спиритизма», пришла на смену пост-постмодернистские настроения⁸. Они выражаются, в частности, в стремлении узаконить

⁷ Четко объяснить, что представляет собой постмодернизм вообще и, тем более, постмодернизм в психологии, очень непросто. На наш взгляд, среди отечественных психологов это лучше всего удалось М. С. Гусельцевой (Гусельцева, 2005 и др.).

⁸ В начале 1990-х В. П. Зинченко констатировал: «Все устало от моды, идущей то ли от проекта Коммуны Пруткова с введением единомыслия в России, то ли от марксизма, то ли от православия» (Зинченко, 1993, с. 50). Однако сейчас наблюдаются симптомы «усталости» и от при-

разнообразие подходов к познанию психики, попытаться их интегрировать. Один из магистральных путей такой интеграции видится в комплексном понимании психологической реальности как не сводимой к какой-либо одной категории причин – феноменальных, нейрорегуляторных, социальных или каких-либо еще, а представляющей собой их взаимовоздействие – суперпозицию (Юревич, 2006). Как подчеркивает Г. Готлиб, психологическая причинность – это совместное действие различных структурно-функциональных отношений, а психологическое объяснение должно принимать во внимание взаимные влияния, проходящие через все уровни – гены, нейроны, поведение и среду (Готлиб, 1997). И действительно, комплексные, многополярные психологические объяснения, в которых нашлось бы место и нейронам, и смыслу жизни, могли бы послужить одним из главных средств преодоления противостояния естественнонаучного и гуманитарного исследования.

Перечисленные новые тенденции в развитии психологической науки дают основание предположить, что она отнюдь не обречена на вечное противостояние естественнонаучной и гуманитарной парадигмы, которые, при определенном взгляде на психологическую реальность, могут выпасть не только не антагонистичными, но и, в терминах Т. Куна, вполне «совместимыми» друг с другом и друг в друге нуждающимися.

Литература

- Александров Ю. И. О «адаптации» парадигмах, телеологии, «квантальности» и особенностях отечественной науки // Вопросы психологии. 2005. № 3. С. 138–158.
- Александров В. М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь, 2003.
- Александров В. М. Предмет психологии сквозь призму одной теории психологии // Методология и история психологии. 2006. № 1. С. 100–104.

ведется на смену моничке постмодернизма. Д. Деппел сравнивает постмодернизм с болезнетворным вирусом, представляющим особую опасность для стран третьего мира, не имеющих рационалистического иммунитета к нему (Deppel, 1986). Н. С. Юкина знает: «формируется своего рода фронт для отпора постмодернистскому напору Западной Рационалистической Традиции, на которой возводился Западная цивилизация и без которой невозможно Образование как Просвещение» (Юкина, 2004, с. 163). В «бойнице» этого фронта она относит Т. Нассага, Э. Уилсона, Дж. Бринкманта, В. Бульвола, Т. Шанка, Х. Сегела и других известных современных философов (там же).

- Арефьев П. Г. Российские интеллектуальные элиты в компьютерных сетях: проблемы интеграции в структуру глобального взаимодействия // Социальные науки в постсоветской России. М.: Академический проект, 2005. С. 262–301.
- Батыман Г. С. Неизбежная граница: грантовая поддержка и реструктурирование научного сообщества в России // Социальные науки в постсоветской России. М.: Академический проект, 2005. С. 323–340.
- Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 291–436.
- Гарбер И. Е. Оппозиция метода и технологии в психологии // Методология и история психологии. 2007. Вып. 1. С. 106–117.
- Гусельдан М. С. Культурная психология и методология гуманитарных наук // Вопросы психологии. 2005. № 5. С. 3–18.
- Нонин А. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000.
- Замеско В. Л. Культурно-историческая психология и психологическая теория деятельности: живые противоречия и точки роста // Вестник МГУ Сер. 14. Психология. 1993. № 2. С. 41–50.
- Казма Н. А. Социальный состав и профессиональные ориентации российских обществоведов // Социальные науки в постсоветской России. М.: Академический проект, 2005. С. 303–327.
- Карпилова Т. В. К проблеме полипарадигмальности психологических объяснений (или о роли редукционизма и пристрастных в методологии психологии) // Психологический журнал. 2006. № 5. С. 92–100.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.
- Леонтьев Д. А. Личность как преодоление индивидуальности: основы неклассической психологии личности // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра. М.: Смысл, 2006. С. 134–147.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Марцинковская Т. Д. Междисциплинарность как системообразующий фактор современной психологии // Методологические проблемы современной психологии / Под ред. Т. Д. Марцинковской. М.: Смысл, 2004. С. 61–81.
- Мирошник И. А. Континуум или разрыв? // Вопросы психологии. 2006а. № 6. С. 110–116.
- Мирошник И. А. О концепции предмета психологической науки // Методология и история психологии. 2006б. № 1. С. 160–173.

- Надль Т. Мыслимость невозможного и проблема духа и тела // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 105.
- Наука и общество на рубеже веков. М.: ИНИОН РАН, 2000.
- Серль Д.ж. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002.
- Смирнов С.Д. Чем грозит психологии отсутствие общепринятого определения ее предмета? // Методология и история психологии. 2006. № 1. С. 73–84.
- Сokolova E. E. Апология системного метода // Вопросы психологии. 2006а. № 4. С. 15–23.
- Сokolova E. E. К проблеме соотношения значений и смыслов в научной деятельности (опыт неравнодушного прочтения книги А.А. Леонтьева «Деятельный ум») // Психологический журнал. 2006б. № 1. С. 107–113.
- Опешин В. С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Холмс В. Б. К вопросу о месте консультативного метода исследования // Методология и история психологии. 2007. Вып. 1. С. 190–206.
- Чупракова Н. И. Теория отражения, психическая реальность и психологическая наука // Методология и история психологии. 2006. № 1. С. 174–192.
- Подрико В. Д. Мир внутренней жизни человека. М.: Логос, 2006.
- Файрабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986.
- Юлина Н. С. Головоломки проблемы сознания: концепция Даниела Деннета. М.: Канон+, 2004.
- Курвич А. В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2004.
- Курвич А. В. Естественнонаучная и гуманитарная парадигмы в психологии, или Раскалываемый маятник // Вопросы психологии. 2005. № 2. С. 147–151.
- Курвич А. В. Объявление в психологии // Психологический журнал. 2006. № 1. С. 97–106.
- Яков В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций. СПб.: Издательство, 2006.
- Block N. Review on Daniel Dennett's "Consciousness explained" // Journal of philosophy. 1993. V. 4. P. 136–151.
- Carnap K. Psychology in physical language // Logical positivism. Glencoe, Ill: Free Press, 1959. P. 214–238.
- Dennet D. Brainstorms. Philosophical essays on mind and psychology. Cambridge, 1986.

- Dennet D. How to study human consciousness empirically or nothing comes to mind // *Synthese*. 1982. V. 2. November. P. 31–49.
- Feigl H. The "mental" and the "physical" // *Minnesota studies in philosophy of science*. Minneapolis, 1958. V. 3. P. 370–457.
- Gergen K.J. *Toward a Postmodern Psychology* // *Psychology and Postmodernism* / Ed. S. Kravak. L.: Sage Publications, 1994. P. 17–30.
- Godlieb G. *Synthesizing Nature-Nurture: Prenatal roots of instinctive behavior*. Mahwah, NJ, 1997.
- Gruntz M. The Tao // *Theories of society*. V. 2. N. Y., 1961. P. 1098–1101.
- Hargens I. Using the literature: Reference networks, reference contexts, and the social structure of scholarship // *American sociological review*. 2000. V. 65. P. 148–163.
- Masterman M. The nature of a paradigm // *Criticism and the growth of knowledge*. Cambridge, 1970. P. 35–61.
- Pözl J. P. J. *Biopsychology*. Boston, 1993.
- Polkinhorne D. E. *Postmodern Epistemology of Practice* // *Psychology and Postmodernism* / Ed. S. Kravak. L.: Sage Publications, 1994. P. 146–165.
- Preparing for 21-st century: science and technology policy in new era. Statement from the presidents of the National Academy of Science, National academy of Engineering and the Institute of Medicine. October 1997. URL: <http://people.ac.upc.edu/artur/basictechnologyresearch/preparing21stcentury.html> (дата обращения: 06.09.2012).
- Prior D. de S. *Little science, big science*. N. Y.: Columbia University Press, 1963.
- Quine W. O. *Facts of the matter* // *Essays on the philosophy of W. O. Quine*. Norman, 1979.
- Ritchie-Calder I. *The next billion years start now* // *The future*. N. Y., 1978. P. 206–214.
- Rorty R. Functionalism, machines and incorrigibility // *Journal of philosophy*. 1972. V. 69. P. 203–220.
- Rosenzweig M. R. *What is psychological science* // *International psychological science: Progress, problems, and prospects*. Washington, 1992.
- Smart J. J. C. Sensations and brain processes // *Philosophical review*. 1959. V. LXVII. P. 141–156.
- Tele-interviews // *European Psychologist*. 2000. № 2. P. 63–72.
- The next twenty-five years of technology: opportunities and risks // *21-st century technologies: promises and perils of dynamic future*. Paris: OECD, 1998.

ПАРАДИГМЫ В ПСИХОЛОГИИ: ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

М. С. Гуолицева

Понятие и феномен парадигмы

Статья посвящена следующему кругу вопросов: что такое парадигма, какие типы парадигмы существуют в психологии, как осуществляется переход от одной парадигмы к другой именно в психологической науке, а также является ли психология допарадигмальной, внепарадигмальной или мультипарадигмальной наукой.

Нельзя не заметить, что слово «парадигма» в последнее время стало довольно популярным. Но чем чаще оно употребляется, тем более размытым и затертым становится само понятие, теряется его первоначальный смысл. Изначально «парадигма» (*parabiblos*) – греческое слово. В античной культуре при помощи данного термина философы пытались установить соотношение между духовным и физическим миром, идеальным и материальным. Например, в концепции Платона идеи выступают как образцы, парадигмы, прообразы вещей, на основе которых творится физическая реальность. На пороге средневековья и в средневековую эпоху в неоплатонизме парадигма проявляет себя как механизм эманации: творение мира по образу и подобию Бога (мировой разум, мировая душа, иерархические души и единичные тела как последовательная эманация вечного и неделимого Единого). В немецкой классической традиции парадигма выступает в качестве формообразующей силы (идеальной прообраз материального мира в концепциях Ф. Шеллинга, Г. Гегеля; понятие идеальной формы у В. Гумбольдта). И лишь в новейшее время парадигма начинает рассматриваться в контексте философии науки в качестве ведущей теории как образца исследования. Впервые понятие парадигмы было введено в методологию науки Г. Бергманом, который стремился продемонстрировать с его помощью нормативную функцию методологии (Огурцов, 1983).

Популярным понятием парадигмы становится благодаря книге Т. Куна «Структура научных революций» (1962). Однако следует восстановить историческую справедливость. При парадигмальном анализе научного знания принято ссылаться на работы Т. Куна, но редко кто вспоминает, что у последнего был предшественник, точнее, предшественница. Французский историк и философ науки Элен Мецжер (Metzger) (1889–1944) явилась предшественницей Т. Куна в исследовании истории идей. Проанализировав историю химии, она показала, что необходимо различать, с одной стороны, становление науки (эволюцию) и, с другой стороны, завершённую, оформленную дисциплину. Дело в том, что законы развития науки на этих двух стадиях – эволюционной и дисциплинарной – неодинаковы. В первом случае наука представляет собой открытую систему, у нее не от-refлексирована (или отсутствует) объективная логика развития, такая наука особенно чувствительна к влияниям смежных наук, для нее характерна полипарадигмальность (множество теорий, подходов и школ). Это стадия «интеллектуальной анархии». Науку же в качестве дисциплины отличают специализация, тенденция двигаться от плюрализма теорий и подходов к монизму, уверенность в своем предмете и методах, устойчивый дисциплинарный статус, четкая заданность предметных границ. В такой науке появляется (или выявляется) внутренняя логика развития, рефлексивируется и формулируется общенаучная парадигма. Дальнейшее развитие науки совершается в пределах этой общенаучной парадигмы, до тех пор пока не происходит (ведь чем больше монизма – тем уже игальное ушко, через которое требуется знанию пройти) неизбежное столкновение с аномалиями и фактами, не вписывающимися в общепринятую научную парадигму. Факты и аномалии продолжают накапливаться, их критическая масса нарастает, и в конце концов разражается методологическим кризисом. Э. Мецжер проводила также сравнительный анализ развития науки и социокультурной ситуации в целом: насколько судьба ученого и эволюция его идей детерминированы его резонансом или диссонансом с развитием общества. Однако основные труды Э. Мецжер – *La genèse de la science des cristaux* (1918); *Les conceptions de la science* (1926); *Les doctrines chimiques en France* (1927), – насколько известно, до сих пор не переведены на русский язык (подробнее см.: Черняк, 2001).

Э. Мецжер и Т. Кун предложили парадигмальный анализ истории науки. Для Т. Куна парадигмы – это общепринятые научные достижения, которые берутся научным сообществом в качестве моделей, образцов для решения текущих задач. Причем парадигмы сменяют друг друга в истории науки, а смена парадигм есть не что иное

как научная революция. Вскоре после публикации работы Т. Куна последовала методологическая дискуссия, участниками которой стали И. Лакатос, К. Поппер и другие. Предметом дискуссии послужила неоднозначность и неопределенность понятия парадигмы. Отвечая на высказанную критику, в дальнейшем Т. Кун разработал понятие «дисциплинарной матрицы».

Итак, греческое слово «παράδειγμα» изначально обозначало образец, модель, канон научного исследования. Однако, как это бывает с понятиями, при заимствовании и цитировании смысл его расширился, сместился и возникла проблема различения термина. Понятие парадигмы в своем расширенном смысле, как «картина мира» в науке, включает в себя также методологические принципы и идеологические установки. Парадигма – это модель научного познания в ту или иную культурно-историческую эпоху. Парадигма есть также пространство научной коммуникации с предписанными в сообществе ученых «правилами игры». Обращает на себя внимание разносторонность феномена парадигмы. Достаточно ли нам одного слова? Ведь обычно наш прогресс в различении культурно-психологической реальности фиксируется языком. Попробим это на примере. Можно видеть просто снег, а можно различать множество оттенков и состояний снега, отмеченных (задержанных) в слове (например, у эскимосов). Или зафиксировать в понятиях разные виды песка (в австралийских языках), различать при помощи слова до сорока оттенков зеленого цвета (в языке зулусов). Заметим, что историки культуры отмечают определенную эволюцию в восприятии цвета в культуре. Так, в средние века не всегда, не во всех культурах различали в слове цвета синий и фиолетовый, но уже к XIX в. появились обозначения оттенков – лиловый, сиреневый, фиалковый и т.п. Причем дифференциация восприятия цвета и языковых понятий складывалась одновременно и взаимосвязанно.

Необходимо ли жесткое определение слова «парадигма»? Возможно ли вообще четко определить это слово? С легкой руки М. Махстерман известно, что в классическом труде Т. Куна насчитывается до 35 определений «парадигмы». Более того, дать точное определение этому термину методологи пытаются до сих пор. В истории науки мы наблюдаем, как оно играет в разных контекстах. В этом и заключается эволюционный смысл «недоконцептуализированного понятия» (Гуревич, 1994). Как ни странно, расплывчатость и подвижность термина необходима для более точного и четкого понимания. А когда мы пытаемся такого рода термин жестко определить, то возникает другой известный в истории культуры феномен – феномен прокрустова ложа. Иными словами, именно в недоконцепту-

алкогоризованности некоторых понятий содержится их эвристическая сила. Если в классическом и неклассическом типах рациональности от научных понятий требовались точность и строгость, то особенность постклассической рациональности как методологической оптики – возможность увидеть достоинства там, где классическая и неклассическая рациональности обнаруживали недостатки (например, в несистематичности концепций, в научной эссенцистике, в употреблении метафор вместо строгих терминов и т.п.). С каждой новой парадигмой в науке добавлялось приращение «мерности» и «когнитивной сложности». Если задачи классической и неклассической парадигмы были связаны с достижением более точного и всестороннего, более целостного и детального описания мира, то задача, которую решает постклассическая рациональность как парадигма, представляется как вызовная поиском путей интеграции информационного «класса» (Гусельцева, 2009).

Зададимся вопросом: в чем смысл многозначности термина «парадигма»? Наша гипотеза такова: понятие парадигмы, как один большой мешок, содержит множество различных научно-психологических реальностей. Не должны ли мы сегодня попытаться более тонко дифференцировать скрывающиеся за этим термином реальности? В настоящее время парадигма есть формообразующее основание для развития самых разных культурно-психологических реальностей, будь то научная область, картина мира, менталитет, умонастроение, привычный способ решать задачи или что-либо иное. Парадигма по отношению к тем формам, в которые она проецируется в качестве общего принципа, есть явление более глубокой мерности, создающее своего рода «крути на воде». Единим объединяющим принципом парадигма провозглашает ряд культурно-психологических феноменов, и для ее улаживания возникают в разных науках понятия-метафоры (типа «духа времени»). Парадигма выступает как целое по отношению к входящим в нее частям (однако важно отметить, что эти части – лишь проекции: их сумма, как водится, не передает сущности целого). Парадигма может быть представлена и в качестве «порождающей метафоры» дисциплинарной области, эпохи, картины мира, типа рациональности... Это контекст, в котором ставятся и решаются определенные задачи; это – ракурс видения реальности с сопутствующими методологическими средствами (вроде «линз» или «философской оптики»).

Прежде чем продолжать развитие данной темы, мы должны рассмотреть вопросы структуры и типологии парадигмы и динамики (смены) парадигмы. Именно последние процессы были исчерпывающим образом проанализированы и описаны Т. Куном.

Структура парадигмы

Парадигма – это жесткий шаблон, позволяющий ученому сформировать собственную картину мира. Это общенаучная картина мира? По-видимому, не только. Ведь, отталкиваясь от общепринятого шаблона, исследователь создает все-таки пристрастную и в чем-то субъективную картину мира. Другой вопрос: существует ли иерархия парадигм? По аналогии с выделенными Э. Г. Юдиным уровнями методологии науки, мы можем попытаться выстроить гипотетическую иерархию парадигм в виде концентрических кругов: мировоззренческая парадигма, общенаучная парадигма, конкретно-научная парадигма, ситуативно-личностная парадигма.

В исследовании Т. Куна уделялось внимание общенаучной парадигме естественных наук. Но в последнее время участились попытки создания глобальной парадигмы для преодоления раздробленности отдельных видов знания. Эти попытки связаны с именами И. Р. Пригожина и его коллег (разработка синергетической парадигмы как междисциплинарной области исследований), И. Валлерстайна (миросистемный анализ как общая парадигма для исторических и социальных наук), В. С. Степина (постнеклассическая парадигма, позволяющая установить диалог между гуманитарным и естественнонаучным знанием), Э. Ласло (возлагавшего, что изучение эволюции систем может стать общим предметом, объединяющим как гуманитарные, так и естественные науки).

Синергетика представляет собой междисциплинарную область исследований, связанным с выявлением универсальных закономерностей развития и функционирования систем, как физических, так и социальных. И. Валлерстайн рассматривает современный мир не просто как проект, развивающийся в соответствии с идеальной моделью, но как сеть взаимосвязанных процессов, как глобальную историческую систему сетевого типа. Миросистема – основное понятие в этом подходе. Миросистема представляет собой сеть национальных государств и социальных реальностей. Автор пытается воплотить в своем исследовании старый как мир принцип «все связано со всем», перетрактовав его на новый, синергетический лад. В понимании В. С. Степина парадигма – это «схема видения», которая является образцом для анализа и решения аналогичных задач. «Парадигмы», «идеалы рациональности», «исследовательские программы» и «исследовательские традиции» в этом смысле выступают как синонимы. В. С. Степин ведет также речь об основаниях науки, куда входят следующие компоненты: научная картина мира, идеалы и нормы научного познания, философские основания науки.

Типы парадигм

Вернемся к нашему вопросу: возможна ли иерархия парадигм? Существуют ли в психологии на сегодняшний день общенаучная картина мира, конкретно-научная, ситуативно-личная (т. е. та иерархия парадигм, которую мы выделяли по аналогии с уровнями методологии Э. Г. Юдина)?

Л. Я. Дорфман классифицирует парадигмы в психологии как общие и частные. В качестве общих он называет две парадигмы – естественнонаучную и культурно-историческую. «В рамках естественнонаучной парадигмы человек рассматривается как неотъемлемая часть мироздания. В свою очередь это предполагает, что методы естественных наук (которые изучают мироздание) используются также при изучении психики и поведения человека. Культурно-историческая парадигма, напротив, подчеркивает своеобразие человека как социального существа, человеческого общества и мира искусственных предметов, созданных человеком (человеческой культуры)» (Дорфман, 2005). Частные парадигмы – это парадигма сознания, парадигма деятельности, парадигма личности, психофизиологическая парадигма и т. д. Согласно Л. Я. Дорфману, понятия «частные парадигмы» и «школы» психологии в данном случае выступают как синонимичные. Если же идти путем дробления дальше, то можно выделить в отечественной психологии две парадигмы деятельности (школы А. Н. Леонтьева и школы С. Л. Рубинштейна) и т. д.

Названный автор обращает внимание на феномен борьбы и несовместимости парадигм. Так, в психофизиологии исторически соперничают друг с другом физиологическая и психологическая парадигмы; в социальной психологии – социологическая и психологическая, в психологии искусства – искусствоведческая и психологическая, а в психологии в целом – биологическая и социальная (идентифицирующие соответственно ведущую роль наследственности или среды в психическом развитии).

В свою очередь, парадигмы социальной психологии по П. Н. Шахиреву следующие: экспериментальная (американская); социокультурная (западноевропейская); деятельностная (русская) (Шахирев, 1999). В психологии выделяют также методологические парадигмы: объяснительную и описательную (понимающую), структурную и функциональную, естественнонаучную и гуманитарную (Корнилова, Сырнов, 2005). Иными словами, разные авторы стремятся стихийно упорядочить все это разнообразие парадигм, которое само по себе представляет проблему. Классификация парадигм в психологии происходит (и возможна) по разным основаниям. Так,

по предметным областям выделяют парадигмы социальной, этнической, культурной и т. д. психологии. По содержанию выделяют биохемиостатическую парадигму, психоаналитическую, экзистенциально-гуманистическую, когнитивную (заметьте, что последние две наиболее актуальны). По парадигмальным уровням различают: мезороздореческий (глобальный, философский), общенаучный, конкретно-научный, индивидуально-ситуативный. По национальным традициям – американскую, западноевропейскую и российскую парадигмы. Возможна также типология парадигм в психологии на основе смены типов рациональности в науке: классическая, неклассическая, постнеклассическая (Гусельцева, 2006; Маслов, 2004).

Смена парадигмы

Как происходит смена парадигм именно в психологической науке? Что в этом процессе является универсальным, а что – уникальным и специфическим для психологии?

Парадигмы представляют собой своего рода стандарты. Однако в культурной реальности всегда существует область нестандартного, маргинального, периферийного, так называемое пограничье. И именно в этой области формируются новые стандарты и зарождаются новые парадигмы. Это происходит как в естественных, так и в гуманитарных науках. В данном случае мы имеем дело с универсальным механизмом развития, который можно описать в виде взаимоотношений центра и культурной периферии (так историки культуры и историки науки показывают роль маргинальных движений в дальнейшем развитии культуры, значение пограничных областей науки как источника инноваций, эволюционную роль неадаптивных элементов в системе (см., например: Рабинович, 1979; Лотман, 1992).

Динамику смены парадигм Т. Кун описал как научную революцию, выделив два состояния науки – нормальная и экстраординарная. Но возможно ли перенести представление о развитии естественных наук на эволюцию психологии? Поскольку концепция смены парадигм Т. Куна создавалась исходя из опыта естествознания, брать ее за модель развития также и гуманитарных наук едва ли представляется корректным. На наш взгляд, в психологии уместнее вести речь о смене интеллектуальных стилей, об «идеалах рациональности», ориентируясь при этом на концепцию смены типов рациональности М. К. Мамардашвили (Мамардашвили, 1994) и модель нормативно-ценностного развития науки В. С. Степина (Степин, 2000). Если же мы обратимся к истории становления психологии,

то обнаружим в ней два периода развития: допарадигмальный и парадигмальный (последний, в свою очередь, представлен сменами парадигмы – от классической и неклассической до постнеклассической науки). В общем контексте науковедения вырисовываются контуры следующих этапов развития психологии: 1) допарадигмальное состояние, связанное с развитием психологических знаний в лоне философии; 2) классическая рациональность, заявлявшая о себе претензией психологии на статус самостоятельной науки и завершившаяся так называемым «открытым кризисом»; 3) неклассическая рациональность, представленная расцветом психологических школ XX в., ориентирующихся на разнообразные типы анализа; 4) постнеклассическая рациональность – современный этап, к особенностям которого относится «критическое осмысленное дисциплинарное» (Geertz, 1994) междисциплинарный дискурс, отеческий принцип организации знания и герменевтическая ориентация исследований.

На допарадигмальном этапе своего развития психология формулировала свой предмет, апробировала различные методы исследования, искала универсальный механизм объяснения психических феноменов. Этот этап завершился становлением ассоциативной психологии как первой психологической школы, сумевшей объединить отдельные «фрагменты» психологического знания в единую систему (возникла собственно психологическая терминология, был найден общий объяснительный принцип – ассоциация) (Мариинковская, 1994). Иными словами, допарадигмальный этап завершился рождением ассоциативной парадигмы психологии. Классическая рациональность в психологии была связана с ориентацией на естествознание, с дискуссиями о предмете и методах исследования и с претензиями психологического знания на самостоятельность. Причем погоня за точностью и строгостью естественных наук привела психологию к возникновению комплекса неполноценности и к невротической фиксации состояния перманентного кризиса (Юревич, 1999). На этапе классической рациональности психология осознала и конструировала себя в качестве позитивной и естественной науки. Психология стала превращаться в неклассическую науку в первой половине XX в. на основе работ Э. Фрейда и К. Левина в зарубежной культуре, а также Л. С. Выготского, А. Р. Лурии – в отечественной. Феноменология активности Н. А. Бернштейна, психология установки Д. Н. Узнадзе, междисциплинарная концепция человека А. А. Ухтомского, деятельностный подход А. Н. Леонтьева и субъектно-деятельностный подход С. Л. Рубинштейна определили расцвет отечественной неклассической психологии. Заметим, что неклассическая рациональность в начале XX в. заявила о себе не только

в физике (А. Эйнштейн, Н. Бор, К. Гедель, В. Гейзенберг), но и в гуманитарных науках, например, в лингвистике (подробнее см.: Журавлев, 2007). Перевод в постнеклассической психологии обусловлен стремлением к интеграции психологического знания. На этом этапе происходит понимание сетевой природы знания, стремление к коммуникации и взаимосогласованности психологических теорий. Это подразумевает, что в насыщенной информационными возможностями мире любая психологическая теория должна учитывать содержание других психологических теорий (развитие же информационных технологий значительно упрощает данную задачу).

Относится ли психология к естественным или гуманитарным наукам, или же ее «жизненный сценарий» – сидеть между двух стульев, быть слугой двух господ? Возможно, пролить свет на этот вопрос позволит наблюдение за естественным развитием психологии.

Существует точка зрения, что гуманитарные науки мультипарадигмальны (Kiseg, 1976). На наш взгляд, историческое становление психологии как дисциплины может быть описано как смена трех периодов: допарадигмальный (множество конфликтующих теорий и разных методологических установок), парадигмальный (чередование ведущих парадигм, которые сменяют друг друга, в частности – классический и неклассический идеалы рациональности) и мультипарадигмальный (сосуществование множества разных парадигм, отношения между которыми складываются от полного безразличия друг к другу до конструктивного диалога, – постнеклассическая рациональность). Иными словами, в пользу устройства психологии как мультипарадигмальной науки свидетельствует сам факт ее исторического развития в качестве «соседств» разных школ. Так, например, уже цитируемый нами выше Л. Я. Дорфман отмечает, что в психологии появление новых парадигм не отменяло старых, «возникновение культурно-исторической психологии не привело к ниспровержению естественнонаучной психологии. Поведенческой психологии не удалось обесценить генитальную психологию. Рождение когнитивной психологии не стало эпохой заката поведенческой психологии» (Дорфман, 2005, с. 18–19). Однако при таком раскладе остается проблема интерпретации и сопоставления данных, полученных в контекстах разных парадигм.

Существует также проблема соотношения внутренней логики развития науки и социокультурного контекста. Ведь выбор парадигм детерминирован как собственной логикой развития науки, так и ценностными установками ученых (Т. Кун), общей культурно-исторической атмосферой эпохи. Вот почему своего рода «стыбка» между ними произошла в начале XX в.: логика развития науки велла отечест-

венную психологию к поискам гуманитарных методологических оснований и особенно категории «культура», а социокультурный контекст требовал от психологии быть научной, строгой дисциплиной, ориентироваться на естествознание и управлять поведением людей. «Можно утверждать, – характеризует Л. Я. Дорфман современную ситуацию в психологии, – что отечественная психологическая наука сейчас переживает глубокий парадигмальный кризис, потому что прежняя парадигма исчерпала свой ресурс, а для утверждения новой парадигмы нет достаточной собственно научной базы, пусть даже для этого появлялись благоприятные внешние (социальные) условия» (там же, с. 20–21).

Рассмотрим более детально роль социокультурного контекста в становлении некоторых парадигм психологии.

Парадигмы и культурный контекст

Обратившись к опыту истории психологии, можно заметить, что уже в XVII–XVIII вв. дает о себе знать национальная специфика психологических школ. Так, в XVIII в. возникает первая психологическая школа, в основе которой лежит ассоциативная парадигма (Марцинковская, 1994). Возникновение ассоциативной парадигмы в психологии было связано прежде всего с английской эмпирической традицией (отдельные фрагменты идей об ассоциации в трудах Т. Гоббса, Дж. Локка, Дж. Беркли, Д. Юма; учение об ассоциации как универсальном механизме познания Д. Гартля, классические концепции Т. Брауна и Дж. Милля-старшего; «неклассическая» ассоциативная психология Дж. С. Милля, связанная со сменой методологических ориентиров с механики на химию; «постнеклассическая» ассоциативная психология (размывание ассоциативной парадигмы под влиянием эволюционных идей) А. Бэна и Г. Спенсера). Обратим внимание, что уже в рамках одной ассоциативной парадигмы мы можем наблюдать смену трех типов рациональности – классической, неклассической, постнеклассической.

Именно с XVIII в. развитие психологии получает ярко выраженную национальную окраску – возникают школы психологии, имеющие собственную культурно-историческую специфику: английская, немецкая, французская. Позднее, на рубеже XIX–XX вв., добавятся еще две традиции – американская и российская. Английская национальная традиция в психологии связана прежде всего с эмпиризмом и развитием ассоциативных идей. Заметим, что учение И. Гербарта об ассоциации можно отнести к ассоциативной парадигме с определенной долей условности именно потому, что в его концепции дает

в себе звать специфику немецкой психологической традиции. Если английская психология разрабатывала парадигму ассоцианизма, то немецкая психология в большей степени была склонна уже к экспериментальной парадигмой (физиологическая психология И. Мюллера, Г. Гельмгольца, В. Вундта). Национальная специфика немецкой психологии проявилась в разработке идей бессознательного (Г. Лейбниц, Г. Гельмгольд, И. Гербарт), идей психической активности (спонтанной активности души) и апперцепции (И. Кант, Х. Вольф, Г. Лейбниц, И. Гербарт, В. Вундт). С другой стороны, И. Гердер, Г. Лессинг и В. Гумбольдт разрабатывали гуманитарные методологические основы психологии и стояли у истоков зарождения «психологии народов» (социальной, коллективной, культурной психологии). Именно И. Кант совершил в немецкой традиции особый методологический переворот. Представитель баденской школы неогатанства В. Виндельбанд охарактеризовал эпоху И. Канта как высший расцвет немецкой культуры, когда поэзия и философия «подали друг другу руки», чтобы «создать совершенно новую культуру». Книга И. Канта «Критика чистого разума» стала поворотным моментом рождения новой парадигмы немецкой мысли. До этого момента, согласно В. Виндельбанду, в науках греческие понятия боролись против греческих понятий, а методология имела дело с платонико-аристотелевой системой и критикой этой системы. После эпохи Просвещения имелись уже две методологические парадигмы – греческая и немецкая (соответственно персонализированные именами Сократа и Канта). Греческая методологическая парадигма отражала черты национальной культуры, и в ее основе лежала установка «длиннизма как интеллектуализма». Познавательная деятельность здесь впервые сделалась самодостаточной и господствовала над «духовной жизнью». «Вся греческая философия и вся находившаяся под ее влиянием философия опирается на предпосылку, что человеческое звание может дать законченную картину мира, без остатка передающую действительность» (Виндельбанд, 1914, с. 97). С другой стороны, «длиннизм есть антропоморфизм» (Там же).

Кризис классической рациональности послужил «вызовом», на который дал свой «ответ» И. Кант. Он показал, что «средства научного познания недостаточны и никогда не будут достаточны для того, чтобы воспроизвести в необходимой и обязательной для всех форме картину мира... Наука сама по себе не в состоянии дать нам мирозерцание...» (там же, с. 99). Учение И. Канта «сопало с эпохой литературного брожения, когда против всеведущего просвещения и все доказующей философии... возстал непосредственность гениальных натур... Эта эпоха мечтала о непознаваемом... Насытившись

жизнью и доказательствами, она жила чувствами, предчувствиями и воображением. И вдруг самый трезвый и строгий из всех мыслителей доказал ее правоту: он указал науке ее пределы и провозгласил самостоятельность нравственного и эстетического суждения (там же). И Кант показал, что наряду с нормальным мышлением есть нормальная волевая деятельность и нормальное чувствование. «После того, как Кант отверг мнение, что правильное мышление должно давать копию бытия, само собой исчезает и призывание мышления обладать всею истиною и черпать ее из себя: задача усвоения норм распространяется на весь объем духовной жизни» (там же, с. 14). Если до И. Канта истина трактовалась как совпадение представления с вещью, то И. Кант показал, что истина есть норма разума (нормальный процесс мышления ведет к истине). Более того, наряду с теоретической истиной существуют истинны этическая и эстетическая. Усиленно нормальных законов сознания и посвящены три направления работы И. Канта – критика чистого разума, критика практического разума и критика эстетического разума. В результате совершенного им методологического переворота греческое содержание сменилось немецкой рефлексией. И Кант также показал, что определенные логические структуры познания конструируют наше видение мира, оказавшись одним из основоположников парадигмы конструктивизма в психологии.

Французская психологическая традиция тоже ведет отчет с эпохи Просвещения – это парадигма материалистической, физиологической и позитивистски ориентированной психологии (Ф. Вольтер, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, Ж. Ламетри, Э. Кондильяк, П. Гольбах, П. Кабанис). Важно отметить, что изначально это была социально ориентированная психология, стремившаяся к активному преобразованию реальности. «Физиологическая психология есть «двое слово, французской революции», – отмечал Г. Н. Челпанов (Челпанов, 1926, с. 17). Конвент создал даже специальный *l'Institut National*. «За восемь лет революции возникла физиологическая психология, которая устранила все понятия о трансцендентном» (там же). Французская революция «подвела научный фундамент под здание психологии» (там же, с. 22). Парадигма материалистической и позитивной психологии в XVIII в. предполагала признание следующих положений: не существует отдельной от тела бессмертной души; душевные явления обусловлены материальными; между физическими и психическими явлениями установлены функциональные отношения. По мысли Г. Н. Челпанова, научная психология, рождавшаяся в горниле французской революции, была позитивной, эмпирической и материалистической. «Психология в эпоху Французской революции сделалась физиологичес-

ческой, потому что в этом заключались итоги научной мысли XVIII в. Физиологам служил оппозицией религиозной метафизике XVIII в.» (там же, с. 28). В дальнейшем, в XIX в., развитие психологических исследований во Франции идет по трем основным направлениям: изучение роли гипноза и внушения в психической деятельности человека (А. Льебо, Ж. Шарко, подраие Г. Тард и Г. Лебон); социологическая школа (Э. Дюркгейм, А. Леве-Брюль) и психологическая школа (Т. Рибо, П. Жане). К специфике французской национальной традиции можно отнести внимание к социальному контексту развития психики, а также интерес к роли внушения и привлечение в психологию данных клинического опыта. Происходило расширение предметных границ психологии благодаря контакту с социологией и историей, с одной стороны, и с медициной – с другой. Проблема бессознательной психики разрабатывалась здесь преимущественно в контексте исследований гипноза и автоматических действий.

На рубеже XIX–XX вв. возникли еще две национальные психологические школы – американская и российская. В развитии этих школ можно увидеть определенную аналогию, связанную именно с культурным контекстом, с теми динамическими социальными процессами, которые переживало и российское, и американское общество (а именно – становление индустриальной культуры на огромном географическом пространстве). Первой парадигмой американской психологии явилась парадигма функционализма. Вместо поиска ответа на вопрос, что такое психика, который на протяжении веков пыталась решить европейская интроспективная психология, в американской психологии был поставлен характерный для нее вопрос: для чего нужна психика, как психика помогает человеку адаптироваться к окружающему миру (Шульц, Шульц, 1998). Иными словами, парадигма функционализма рассматривала психику в целом в контексте ее приспособления к жизни в окружающей среде. Методологическими источниками функционализма стали философские направления позитивизма и прагматизма. Бихевиоризм выступил другой крупной парадигмой американской психологии и оказался явлением крайне специфичным для американской культуры. Если бы такое направление не возникло, его можно было бы сформулировать на основе культурного анализа. Бихевиоризм родился в определенном культурно-историческом контексте – в контексте стремительной индустриализации культуры, сопровождавшейся ростом крупных городов-мегаполисов и огромными потоками мигрантов. Становление индустриальной культуры в США было связано также с тревогой и неопределенностью, охватывающими большие массы людей, с динамичными процессами преобразований и вы-

нужденной мобильности населения, с разрушением традиционных структур жизни. На месте небольших поселений за какие-то пятьдесят лет вырастали огромные города (Чикаго, Нью-Йорк) (Смит, 2008). Ментальность людей стремительно менялась, как и их образ жизни. Новыми психическими качествами, способствующими лучшей адаптации, становились гибкость, мобильность, устойчивость к стрессу неопределенности. В этом социокультурном контексте психологии удалось заявить о себе в качестве практической науки, способной помочь людям приспосабливаться к новым условиям жизни. Бихевиоризм и позиционировал себя в качестве науки не столько теоретической, сколько способной управлять поведением людей, предсказывать и контролировать это поведение. Ценности индивидуализма и прагматизма, свойственные американской культуре, удачно вписывались в данное направление. Иными словами, «вызов» индустриализации культуры породил свой «ответ» в качестве парадигмы бихевиоризма.

Аналогичные культурные преобразования происходили и в России. Причем отечественные педагоги и философы возлагали особые надежды на сферу образования, которое могло бы дать конструктивный «ответ» на «вызовы» индустриализации (модернизации) культуры. Происходящие стремительные изменения в экономической жизни России приводили к перестройке социальной структуры общества, к перемещению огромных масс людей из деревни в город, к утрате прежних связей и идеалов. Нарастающая быстрота этих процессов, по мысли В.Н. Сорока-Росинского, угрожала стать для страны катастрофической. «Этот резкий разрыв со своими корнями является духом нашего времени и стилем, проникающим всю нашу эпоху» (Сорока-Росинский, 1991, с. 73). Иными словами, возникала ситуация дилемматичности: человек, порвавший со своей средой, не сразу способен был обрести духовную опору в новой культурной атмосфере. Отсюда проистекала важнейшая задача школы – дать возможность потерпевшим в смутном времени обрести идеалы. Вероятно, революции 1917 г. можно было бы избежать,

¹ «Быстрота эта оттого может быть катастрофической, что нет в жизни нации более опасного периода, как эпоха таких социальных сдвигов, как времена широкой деклассации всех слоев общества, – слишком скорый и резкий переход снизу вверх действует на первых порах разрывающее не только на дворян, слывшихшегося и вымирающего при встрече с цивилизацией, но и на каждого человека, теряющего связь с родной почвой и лишавшегося прежних своих корней, по которым ему передавались духовная мощь того общества, в котором он ранее жил и действовал» (Сорока-Росинский, 1991, с. 72).

если бы культурный кризис породил соответствующий конструкт культурного средства, как это произошло в США, если бы образованье или психологическая практика смогли стать сферой подготовки людей к жизни в новой культурно-психологической реальности. Российская психология не стала таким конструктом, но соответствующие попытки предпринимались. Именно они привели к появлению деятельностиной парадигмы. Отметим, что зарождающаяся деятельностиная парадигма как основная парадигма советской психологии развивалась, подчиняясь той же самой логике, что и парадигма бихевиоризма в США. Задачей как парадигмы бихевиоризма, так и парадигмы деятельности было на основе научного знания управлять человеческим поведением. Сходным был и путь преодоления методологического кризиса интроспективной психологии – перейти от изучения сознания к анализу его внешних проявлений, будь то поведение или деятельность. Анализ внешнего поведения делал возможным использование в психологии строгих и точных научных методов. Не случайно в этом контексте, что учение об обуславливании И. П. Павлова и рефлексологии В. М. Бехтерева в американской культуре интерпретировали (и интерпретируют до сих пор) как разновидность бихевиоризма. С другой стороны, и парадигма бихевиоризма, и парадигма деятельности методологически ориентировались на учение Г. Спенсера (Марджановская, 2000), доказавшего, что этапы развития психики и этапы развития поведения связаны между собой и что, наблюдая за развитием поведения (рефлекс, инстинкт, навык, волевое поведение), можно судить о наличии определенных психических процессов (ощущение, эмоция, память, мышление). В этом контексте неудивительна интерпретация М. Коула известной схемы Л. С. Выготского (S–R и X-средство) через призму классической схемы бихевиоризма «стимул–реакция» (S–R) (Коул, 1997). Параллели в развитии двух парадигм бросаются в глаза: в парадигме бихевиоризма предметом психологии становится поведение, в российской психологии – деятельность (в первые направления российской естественно ориентированной психологии – рефлексология и реактология). Метод исследования психики в данных подходах был связан с тем, чтобы на основе внешних проявлений можно было предсказывать внутренние намерения. В парадигме бихевиоризма изучают этапы возникновения навыка и законы научения, в парадигме деятельности – поэтапное формирование ответственных действий. Практически в одно и то же время происходит исследование мышления как внутренней речи (Дж. Уотсон, П. П. Блонский и Л. С. Выготский): авторы полагают, что мышление возникает в результате редукции внешних (мыслечных) компонен-

тов (Марцинковская, 2001). Идеи формирования нового человека находят практическую реализацию в программах развивающего обучения. Не случайно и в Америке, и в России парадигмы преобразования реальности обретают экспериментальную площадку в сфере образования и политики. Дж. Уотсон ищет применения своим идеям в сфере образования и военного дела (в армии), Б. Скиннер создает метод программированного обучения, Л.С. Выготский мечтает о психологии как психотехнике, создающей нового человека. Д.Б. Эльманович и В.В. Давыдов разрабатывают концепции развивающего обучения. Исходный постулат и в парадигме бихевиоризма, и в деятельностной парадигме один: несмотря на определенную роль наследственности, преобладающим в формировании человека является влияние среды.

В начале XX в. Г.И. Челпанов выделял в российской психологии пять конкурирующих направлений: интроспективная психология, рефлексология В.М. Бехтерева, учение о ВНД И.П. Павлова, рефлексология К.Н. Корнилова, рефлексология Ю.В. Франкфурта. «Кризис не может быть нажит до тех пор, пока не будет решен вопрос, какой должна быть психология при новой идеологии» (Челпанов, 1926, с. 4). Сам Г.И. Челпанов считал, что психология имела длительную традицию быть физиологической; физиологическая психология была рождена эпохой Просвещения, но XX в. – время для другой психологии, а именно социальной. «Я ни в малейшей степени не отрицаю важного научного значения учения об условных рефлексах, эндокринологии и пр. для психологии, но утверждаю, что они совершенно не нужны для специально марксистской психологии, которая является социальной психологией и которая идет не на смену прежней индивидуальной психологии, а должна работать наряду с ней» (там же, с. 6). Однако Г.И. Челпанов легче услышать сегодня нам, чем его современникам. «Идея коллективной психологии родилась в тот момент, когда было понято, что природа человека в совершенстве может быть изучена только в социальной жизни» (там же, с. 7). Одним из путей разрешения методологического кризиса Г.И. Челпанов видел организацию Института социальной психологии, который освоит накопленный в России богатый этнографический материал (собранный усилиями краеведов и участников экспедиций Географического общества). В связи с этим, как полагал Г.И. Челпанов, изменится проблематика и экспериментальной психологии. «Символом реформы психологии при новой идеологии должно являться не устройство собачников для изучения условных рефлексов, как это делается в современных психологических учреждениях, а организация работ по изучению социальной психологии»

(там же, с. 10). «Чтобы понять задачу психологии текущего XX в., мы должны подвести итоги научной мысли XIX в.» (там же, с. 28). Если XVIII в. породил физиологическую психологию, то XIX в. принес идею коллективной психологии: природа человека должна быть изучена в социальной жизни. «С того момента, как будет осознано, что именно социальная психология есть „свое слово“ XX в., тотчас кризис в психологии разрешится... Не нужно заботиться о введении физиологизма в психологию, ибо это уже превосходно сделали... психологи эпохи Французской революции» (там же). Г. И. Челпанов отмечал, что российской психологии для разрешения методологического кризиса не надо обращаться к прошлому (а именно – к физиологической психологии), но смотреть в будущее и, следуя собственной казусальной специфике, создавать гуманитарно ориентированную психологию: социальную, коллективную, культурную.

Новая парадигма в психологии

Для данного раздела подошел бы следующий эпитет: «Хотя были предложены такие термины как „постструктурализм“, „демонстративизм“, „интерпретативный поворот“ и „новая герменевтика“, нам кажется, что сейчас наиболее распространенным термином в микроанализе, о котором мы говорим, является „постмодернизм“» (Фридман, Коубс, 2001, с. 343).

Новая исследовательская парадигма гуманитарно ориентированной психологии прослеживается в трудах К. Д. Кавеллина, А. А. Петельки, позднего Г. И. Челпанова, М. М. Бахтина и особенно Г. Г. Шпета. Если М. М. Бахтин разрабатывал методологию гуманитарного познания в целом, то Г. Г. Шпет наметил гуманитарные перспективы и конкретно для психологии. Новая исследовательская парадигма Г. Г. Шпета была связана с идеей «динамической полноты познания». Он показал, что «все многообразие культуры получает в языке как таковом не только эвристический образец, и не только эмпирический архетип, но принцип предмета и метода» (Шпет, 1996, с. 82), что методологической основой гуманитарных наук выступает герменевтика.

Г. Г. Шпет проанализировал эволюцию научной дисциплины, выделяя ее этапы: 1) эмпирическое изучение отдельных фактов, 2) интуиция принципиальных основ и философских принципов, а также кризис эмпирической науки, «когда специальная исследовательская перерастает пределы своего эмпирически обобщенного познания, отражающего уже преодоленную в науке ступень», 3) после кризиса и неизбежного усиления рефлексии в науке наступает

творческий подъем и «создаются новые обобщения», уже согласованные с философскими принципами (там же). Он также указал, что недостатки всех объяснительных стратегий обнаруживаются в игнорировании рефлексии того, что факт есть «только отвлеченное обобщение, а не сущая полнота» (там же, с. 83), что одного объяснения фактов для науки недостаточно. Разумеется, в сочинениях Г. Г. Шпета не было понятий типа «постклассическая рациональность», «синергетическая парадигма» и «миросистемный анализ», но была рефлексия реальности динамического размыкания дисциплинарных границ. Психология в понимании Г. Г. Шпета плавно перетекает в языкознание, языкознание в историю культуры и т. п. Границы стираются, но дисциплинарная специфика не исчезает, а поддерживает градус творческого напряжения. Когда мы изучаем, например, такую культурно-психологическую реальность, как язык, то невозможно расчленивать психологической, естественнонаучный и социальный пласты анализа, – это разные углы рассмотрения изучаемого феномена (междисциплинарный дискурс). Так, в социальном плане мы должны учитывать «постоянное давление готового языка, традиции на творческое языковое сознание» (с. 92); с другой стороны, речь в своем развитии должна соответствовать не только некой абстрактной норме, но и вполне конкретной ситуации. Изначальная герменевтическая установка Г. Г. Шпета проявилась в том, что, обратившись к выводу В. Гумбольдта, он не следовал «букве рассуждений Гумбольдта», а пытался «найти за его логическими уклонениями внутреннее мотивы их». Если мысленно перевестись на полсотни лет вперед, то можно обнаружить отголоски идей Г. Г. Шпета в современных методологических концепциях: так, согласно Э. Ласло, в современной науке дисциплинарные границы исчезают, однако, несмотря на междисциплинарное сближение, предметные границы необходимы, чтобы создавать пограничное направление открытий; Д. Бом различает парадигму «лином» и парадигму «голограммы» и т. п. (Философия науки, 2005).

Науки бывают разные, как и... фрукты. Психология в этом смысле – не яблоко, а виноградная гроздь. Так наглядно может быть представлена в ней модель дополнителности. Гроздь – это определенное целое (сеть плодов), но виноградины в ней вполне индивидуальны и в меру самостоятельны по отдельности. На наш взгляд, общенаучная парадигма психологических исследований возможна, но как динамичное и неустойчивое образование (отвечающее эпохе, охарактеризованной Э. Бауманом как «текущая современность»). С другой стороны, возможность общенаучной парадигмы не исключает ситуативного и обусловленного исследуемой проблемой выбора кон-

клетно-мозочной парадигмы: проводить ли исследование, исходя из методологических установок бихевиоризма, или же теории деятельности, или психоанализа, или когнитивной, или экзистенциальной психологии. В современной общенаучной методологии науки сформировались три парадигмы – синергетика (теория самоорганизации), постмодернизм (включая -post-posit-ive-) и постнеклассическая рациональность. Что в этих парадигмах общего и чем они все-таки различаются?

Синергетика представляет собой междисциплинарную область исследований, связанных с выявлением универсальных закономерностей развития и функционирования систем. На практике это зачастую связано с распространением универсальных закономерностей развития, полученных в контексте физических исследований, на другие науки. На сегодняшний день синергетика – сквозная область познания, изучающая как в науках о природе, так и в науках о духе нелинейные, неравновесные и самоорганизующиеся процессы. Основоположниками синергетики, как известно, явились И.Р. Пригожин и Г. Хакен. Последний и ввел в обиход данный термин, буквально означающий «сотрудничество», «теория совместного действия», и восходящий к древнегреческому слову *συνεργία*. Синергетика – междисциплинарная, коммуникативная парадигма современной науки, отличающаяся повышенной методологической рефлексией. Объектом исследования в синергетике являются самоорганизующиеся системы (Синергетические исследования, 2003). Синергетика занимается анализом развивающихся систем, изучает состояния неустойчивости и неравновесности и пытается смоделировать дальнейшие пути развития системы. В основе процесса самоорганизации лежит синхронизированность – совместные действия всех элементов системы. Синергетики доказывают, что все мироздание пронизано одним принципом передачи информации с одной матрицы на другую, начиная с ДНК как модели устройства жизни и заканчивая диалогом как основным принципом человеческого общения и гуманитарных наук. На основании этого вывода В. Ю. Крылов считает целесообразным применение в психологии синергетической методологии и обнаруживает элементы синергетики как в теории поля К. Левина, так и в концепции Б. Ф. Ломова, который считал системный подход необходимым условием психологического знания (там же). (Напомним, что Б. Ф. Ломов выделял следующие свойства психического как системы: многомерность, нелинейность, иерархическое строение). Всякая система развивается, и ее развитие предопределено не столько прошлым, сколько будущим. На определенной стадии развития в системе возникает

состояние неустойчивости, когда незначительные воздействия способны изменить дальнейший ход ее развития. В психологии такой феномен получил название «сезонного периода».

Постнеклассическая парадигма основывается на концепциях коммуникативной (Ю. Хабермас) и постнеклассической (В.С. Степан) рациональности, а также идеях эволюционного глобализма о размывании границ между естественным и гуманитарным знанием, о междисциплинарном дискурсе и диалоге концепций. Основное положение постнеклассической парадигмы – признание равноправной реальности множества типов рациональности, которые не отрицают друг друга, а делают между собой сферы влияния (Степан, 2000). В постнеклассической парадигме отмечается повышенная рефлексивность, субъективность, ситуативность и аксиологическая обусловленность знания. Постнеклассическая парадигма создает особые возможности для междисциплинарного синтеза. «В него включаются наряду с естественными и социальные науки. Проведенное в XX в. различение „наук о природе“ и „наук о душе“ при новых подходах становится относительным. Изучаемые объекты все чаще предстают как различные варианты процессов самоорганизации, становления и функционирования исторически развивающихся систем. И тогда становится возможной взаимная трансляция синергетических описаний и методов из естественных в социальные науки и обратно», – отмечает В.С. Степан (Синергетические исследования, 2004, с. 70–71). Переход к постнеклассической рациональности в психологии обусловлен тенденциями к интеграции психологического знания, пониманием его сетевой природы, стремлением к коммуникации психологических теорий. В постнеклассической парадигме осуществляется переход от позитивизма к герменевтике и культурной аналитике, от системного анализа – к сетевому, от экспериментального вмешательства в реальность – к моделированию реальности. Постнеклассическая парадигма в психологии выражается также в динамике от систем – к судьбам, от систем – к сетям, от предметов – к проблемам, от однозначных текстов – к множественности интерпретаций и игре стилями. Постнеклассическая психология предполагает такое состояние знания, когда различные научные теории (понимаемые в качестве моделей, описывающих отдельные аспекты психической реальности) образуют взаимосвязанную сеть.

Постмодернистская парадигма расставляет акценты на субъективности, ситуативности и относительности истины. В радикальной постмодернистской трактовке единая обобщающая картина мира в принципе невозможна, но мы сейчас абстрагируемся от то-

го, что постмодернистская парадигма существует во множестве авторских интерпретаций (от Ю. Кабераса до У. Эко). Методологические установки постмодернизма в целом связаны со сменением интереса от универсальных законов – к уникальным событиям, от эмпирических фактов и правил – к поиску смыслов и интерпретации фактов в изменяющихся ситуативных контекстах. В постмодернизме ориентация психологии на физику сменяется ориентацией на герменевтику и гуманитарное знание. В контексте постмодернистской парадигмы получили развитие следующие положения и идеи: культурно-психологические реальности социально конструируются, они конституируются через язык, организуются и поддерживаются посредством нарратива, «не существует абсолютной истины» (Фридман, Комбс, 2001, с. 45). Научные «сообщества конструируют „миры“, слова, которые их члены интерпретируют мир» (там же, с. 37).

В психологии постмодернистская парадигма нашла выражение в направлениях нарративной терапии и социального конструктивизма (подробнее см.: *Psychology and Postmodernism*, 1994). Синергетическая парадигма в психологии реализована в исследованиях В. И. Аршинова, В. Г. Буданова, А. П. Назаретина и множества других авторов (см.: Синергетическая парадигма, 2000, 2002, 2004). Постнеклассическая парадигма находит применение в подходах культурной психологии и, по всей видимости, более четко даст о себе знать в ближайшем будущем.

Литература

- Валлерстайн И. Мировой системный анализ. Введение. М.: Территория будущего, 2006.
- Вандельбенд В. Прелюдии: Философские статьи и речи. СПб.: Издательство Д. Е. Жуковского, 1904.
- Гуревич А. Я. «Путь правой, как Невский проспект», или Исповедь историка // *Одyssey. Человек в истории* – 1992. М.: Круг, 1994. С. 7–34.
- Гусельман М. С. Методологические кризисы и типы научной рациональности // *Вопросы психологии*. 2006. № 1. С. 3–15.

¹ Следует отметить, что в последние годы в гуманитарной повестке набирают силу движения к общенаучной парадигме, известные под названиями «культурно-историческая эвистемология» (Автономова, 2009; Пружинин, 2009) и «антропологический поворот» (Прохорова, 2009), которые, на наш взгляд, являются более перспективными для развития психологии, нежели уходящий с исторической сцены постмодернизм (Гусельман, 2011).

- Гуслякова М. С. Методологическая «оптика» постнеклассической и неклассической рациональности // Журнал практического психолога. 2009. №6. С. 4–44.
- Дорфман Л. Я. Методологические основы эмпирической психологии. М.: Смысл, 2005.
- Журавлева И. В. Методические проблемы классической и неклассической психологии // Шуппе В., Штумф К., Литтс Т., Эйслер Р. Фундаментальная психология у истоков неклассической парадигмы / Сост., предисл. и вкл. ст. И. В. Журавлева. М.: КомКнига, 2007.
- Карнилова Т. В., Смирнов С. Д. Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2002.
- Лашман К. М. Культура и вера. М.: Гнозис, 1992.
- Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Лабиринт, 1994.
- Мерцановская Т. Д. Российская ментальность и ее отражение в науках о человеке. М.: Блиц, 1994.
- Мерцановская Т. Д. История психологии. М.: Академия, 2001.
- Маслов И. А. Психология в аспекте типов научной рациональности // Вопросы психологии. 2004. №6. С. 3–18.
- Огурцов А. П. Парадигма // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 477.
- Раббинович В. Я. Алхимия как феномен средневековой культуры. М.: Наука, 1979.
- Сверхэстетическая парадигма: Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
- Сверхэстетическая парадигма: Нелинейное мышление в науке и искусстве. М.: Прогресс-Традиция, 2002.
- Сверхэстетические исследования в области гуманитарных и естественных наук: Сб. статей / Науч. ред. Н. В. Поддубный. Белгород: ИПЦ «Полиатerra», 2003.
- Смит Р. История психологии. М.: Академия, 2008.
- Сорока-Росинский В. Н. Педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1991.
- Спелман В. С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Философия науки: Хрестоматия. М.: Прогресс-Традиция–ИПСИ–Флинта, 2005.
- Фрейдман Дж., Коулс Дж. Конструирование иных реальностей: Истории и рассказы как терапия. М.: Класс, 2001.

- Челпанов Г. И. Социальная психология или «условные рефлексы»? М.: изд. автора, 1926.
- Черняк В. С. Философский метод в истории наук: Об историографической концепции Э. Мецлер // Вопросы философии, 2001, № 8, С. 125–136.
- Шихирев П. Н. Современная социальная психология. М.: Академический проект, 1999.
- Шпан Г. Г. Психология социального бытия. М.: Изд-во ИПИ; Воронеж: НИО «Модерн», 1996.
- Шульц Д., Шульц С. Э. История современной психологии. СПб.: Евразия, 1998.
- Юрков А. В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии, 1999, № 2, С. 3–11.
- Дробинский М. Г. История психологии. М.: Мысль, 1985.
- Gergen K. J. Toward a Postmodernism Psychology // *Psychology and Postmodernism* / Ed. S. Kvale. L.: Sage Publ., 1994. P. 17–30.
- Psychology and Postmodernism* / Ed. S. Kvale. L.: Sage Publ., 1994.
- Ritzer G. *Sociology. A multiple paradigm science*. Boston, 1976.

ПАРАДИГМЫ В ПСИХОЛОГИИ: ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

В. А. Мазилев

В последнее время в психологических работах, в многочисленных методологических дискуссиях довольно часто используется понятие «парадигма». А. В. Юревич отмечает: «Методологическое самоопределение психологической науки, как правило, осуществляется в терминах парадигмы, а это введенное Т. Куном понятие получило в ней намного более широкое распространение, нежели такие его «конкуренты», рожденные на территории философской методологии науки, как исследовательская программа (И. Лакатос), исследовательская традиция (Л. Лаудан) и др.» (Юревич, 2008, с. 3). Столь различное внимание к вышеперечисленным методологическим категориям, на наш взгляд, объяснимо: с методологическим уровнем, который характеризуется, в частности, понятием «парадигма», связаны наиболее острые проблемы современной психологии. Понятия «исследовательская программа» и «исследовательская традиция» в большей степени используются в работах по истории психологии. Поэтому неудивительно, что психологи обращаются в первую очередь к понятиям этого уровня: как именно должна строиться научная психология для того, чтобы считаться полноценной наукой? Да и фактор моды не стоит недооценивать.

Согласно А. В. Юревичу, «существуют три позиции относительно парадигмального статуса психологии. Согласно первой, которой придерживался сам Т. Кун, психология представляет собой допарадигмальную дисциплину, в которой единая парадигма, способная интегрировать различные «психологии» в единую науку, еще не сложилась, что и отличает ее от более развитых – естественных – наук. Согласно второй, психология – это мультипарадигмальная наука, обреченная на сосуществование различных парадигм, а значит, и принципиально различных вариантов понимания психического, подходов к его изучению, способов производства знания, критери-

ев его верификации и т. д. Согласно третьей позиции, психология – внепарадигмальная научная дисциплина, а представления о парадигмальной логике развития науки, разработанные на материале изучения истории естественных наук, главным образом физики (напомним, что Т. Кун по образованию был физиком), к ней не применимы – (там же). А. В. Юревич отмечает, что в современных условиях в психологическом сообществе доминирует вторая позиция, т. е. большинство исследователей полагают, что психология – это мультипарадигмальная наука.

Такая констатация представляется знаменательной: еще десять лет назад все обстояло по-другому. В 1999 г. Юревич отмечал, что преобладающее сейчас определение методологического статуса психологии на основе третьей позиции (внепарадигмальная область знания) позволяет психологии преодолеть «комплекс неполноценности» из-за невозможности на точные науки (Юревич, 1999). Обратим внимание еще на один момент. Юревич отмечает, что «понятие парадигмы используется достаточно вольно, за что, если не рассматривать это как недостаток методологической рефлексии психологии, можно возложить ответственность не только на психологов, но и на самого Т. Куна, который не определил введенное им понятие достаточно четко. В результате уже в начале 80-х гг. прошлого века М. Мастерман насчитала 35 различных пониманий парадигмы, количество которых с тех пор еще более увеличилось. Все основные подходы к изучению психического, такие как бихевиоризм, когнитивизм, психоанализ и др., принято именовать парадигмами. В то же время психологи, видимо, ощущают некоторую несоразмерность подобных подходов к этому понятию, в результате чего в последние годы обозначилась тенденция считать парадигмами в психологии лишь наиболее глобальные исследовательские направления, такие как естественнонаучная и гуманитарная психология, разделение на которые сопровождает психологию с первых ее шагов» (Юревич, 2008, с. 3–4).

Отметим, что сам Т. Кун все же пытался более четко определить понятие парадигмы, для чего им было введено понятие «дисциплинарная матрица», учитывающее, во-первых, принадлежность ученого к определенной дисциплине и, во-вторых, систему правил их научной деятельности. Набор предписаний парадигмы состоит из символических обобщений (законов и определения некоторых терминов теории); метафизических элементов, задающих способ видения универсума и его онтологию; ценностных установок, влияющих на выбор направлений исследования, и, наконец, «общепринятых образцов» – слов решения конкретных задач («головоло-

мом), обеспечивающих функционирование «нормальной науки» (Черняк, 1991, с. 227).

В данной работе не будем пытаться дать более точного определения парадигмы, а сосредоточимся на другом вопросе. нас будет интересовать, как формировалась первая парадигма научной психологии, сложившаяся в работах В.-М. Вундта (1832–1920), признанного создателя научной психологии как самостоятельной дисциплины, независимой от философии. Поскольку эта тема достаточно обширна, рассмотрим ее конспективно, не разворачивая отдельных тезисов. Более развернутый анализ был предпринят нами в других работах (см., например: Мазилков, 2007).

В любом случае, как ни трактовать содержание понятия «парадигма» (*paradigma* (гр.) – пример, модель, образец; *parabólosima* (гр.) – сравнительно), нельзя не признать, что вундтовская психология была именно «примером и образцом»: и для собственно вундтовской школы, в которой были созданы каноны психологического исследования (напомним, у Вундта было более 180 учеников), и для всей последующей (да и современной Вундту психологии), которая либо продолжала развивать какие-то стороны его учения, либо с ним колемнировала. Как представляется, чрезвычайно важно выявить основания, на которых возникла вундтовская психология. Во-первых, такая историко-методологическая работа, как ни удивительно, до сих пор в полном объеме еще не проделана и представляется одной из важных задач современного историко-методологического исследования. Во-вторых, она позволит лучше понять смысл методологической работы, проделанной Вундтом, так как до сих пор в психологической литературе встречаются необъективные, а иногда и просто ошибочные оценки его концепции. Наконец, она поможет лучше понять, что такое парадигма в психологии. Нельзя исключать того, что понятие парадигмы в физике может иметь существенные отличия от подобного же понятия в психологии.

Вильгельм-Макс Вундт (1832–1920) «был одновременно первым психологом и первым мэтром этой новой дисциплины» (Фресс, 1966, с. 31). Причем «первым психологом» В. Вундт оказался вполне осознанно. В предисловии к первому изданию «Оснований физиологической психологии» Вундт в марте 1874 г. писал: «Предлагаемый публике труд имеет целью ограничение новой области в науке. Я хорошо сознаю, что моя попытка может быть сочтена преждевременной. В самом деле, даже анатомо-физиологические основания предлагаемой науки еще не достаточно утверждены, а экспериментальная разработка психологических вопросов едва лишь начала. Но известно, что ориентировка в действительном состоянии науки,

хотя бы только возникающей, есть лучшее средство для заполнения существующих в ней пробелов. Чем несовершеннее будет в этом отношении моя попытка, попытка, надо сказать, первая, тем скорее она вызовет труды ее дополняющие и исправляющие. Кроме того, именно в этой области решение многих проблем существенно зависит от связи их с фактами, которые на первый взгляд часто кажутся не имеющими сюда никакого отношения, так что только ближайшее рассмотрение этих проблем может показать верный путь к их разрешению» (Вундт, 1880, с. 111).

Вильгельм Вундт предпринял попытку построения физиологической психологии. Хотя он является основателем научной психологии, что практически никем не оспаривается, вокруг имени ученого и его трудов существует много легенд, недоразумений, да и просто несправедливых оценок. Безусловно, многочисленным исследователям В. Вундта достойна специального историко-методологического анализа. Да и сам «отец научной психологии» давно заслужил появление своей русскоязычной научной биографии... Оставшимся (с нескрываемым сожалением) лишь на некоторых моментах деятельности Вундта, имеющим методологический характер.

Вундт подчеркивает, что его работа представляет собой опыт соединения двух наук, которые, имея общий предмет, достаточно долго шли различными путями. Физиология имеет задачей изучение жизненных явлений, которые воспринимаются нашими внешними чувствами. В психологии человек непосредственно рассматривает свой внутренний мир и старается привести в связь явления, представляемые этим внутренним опытом. «Мы называем нашу науку физиологической психологией, потому что она есть психология, изучаемая с физиологической точки зрения» (там же, с. 2). В этой науке психологическое самонаблюдение идет «рука об руку» с методами экспериментальной физиологии. «Если иметь в виду главным образом самостоятельность метода, то нашу науку можно назвать экспериментальной психологией, в отличие от психологии, основанной исключительно на самонаблюдении» (там же). Вундт указывает, что ядром новой науки послужили две области: ощущение, представляющие собой психологический факт, непосредственно зависящий от известных внешних условий, и произвольное движение, факт физиологический, причины которого могут быть познаны только в процессе самонаблюдения.

Необходимо сказать, что Вундт – достаточно противоречивый, эклектический мыслитель. Поэтому многие, обратившись к его трудам, так легко выстраивают упрощенные схемы, которые не оправдываются при знакомстве с другими текстами. Сам Вундт

был проницательным психологом, отдававшим себе отчет в реальной сложности объекта психологии, поэтому сводить его взгляды к примитивной модели вряд ли правомерно. Да и 53735 страниц вундтовских трудов (по подсчетам Эдвина Боринга (Boring, 1950)) к этому не располагают.

Вундт отвергает трактовку внутреннего опыта как субстанции. «Последние элементы, из которых самостоятельная психологическая теория выводит все сложные явления в области внутреннего опыта, суть не метафизические предположения относительно сущности души, но лишь непосредственно данные простые факты внутреннего опыта. Так как вся область внутренних явлений представляет характер непосредственности, то элементарные факты этой области тоже должны быть непосредственными. Итак, психология имеет то важное преимущество перед физическими науками, что ее теория совершенно не нуждается в метафизических гипотезах. Психология все более и более будет становиться чисто опытной наукой, тогда как физика, в известном смысле, получает характер гипотетичности» (Вундт, 1880, с. 1010, 1011). Если психология теперь наука о непосредственном опыте, то, естественно, основным ее методом является метод внутреннего наблюдения. Эксперимент выполняет роль вспомогательного метода. Предмет и метод находятся в тесной взаимосвязи: раз теперь изучается непосредственный опыт, то самонаблюдение должно направляться на то, чтобы исследовать структуру подобного опыта. Вундт указывает, что психология находится еще в зачатке: частично по причине сложности явлений внутреннего опыта и сложности их исследования, частично из-за предного влияния гипотез, переведенных в психологию из метафизики. Поэтому в настоящее время, считает Вундт, психология должна сосредоточиться на предварительной работе: «Путем внимательного анализа сложных фактов сознания психология должна отыскать основные, элементарные явления внутреннего опыта; указав те соединения, в которые вступают эти элементы, и те изменения, которым они подвергаются, психология приготовит почву для будущего синтеза психологических фактов» (там же).

Вундт называет элементы – первичные факты – сознанием: «На первый взгляд может показаться, что первичными фактами сознания являются различные элементы – ощущение, чувство, воля...» (там же). Заметим, что в нашей психологической литературе часто так и принято считать: Вундт расчленяет сознание на ощущение, чувства, волю. Между тем, Вундт иного мнения: «...действительным элементом всех душевных явлений им должны признать ту действительность, в которой первоначально соединены и ощущение,

и воли. Эта первичнейшая форма психической деятельности есть... побуждение» (там же). Действительно, мы помним, что Вундт называл себя волюнтаристом. Ему, как выясняется, не чужды идеи развития. «Итак, путем исследования произвольных действий, мы нашли, что побуждение есть общий исходный пункт развития как для представления, так и для воли; после этого не трудно убедиться, что, в частности, представления и вообще все сложные явления сознания заключают в себе побуждение как первичный элемент» (там же, с. 1012). Вероятно, для тех, кто по-прежнему считает, что Вундт – интроспекционист, изучающий замкнутое в себе сознание», трудно поверить, что он мог так высказываться: «В первичный синтез всегда входит, как содействующий фактор, движение; можно думать, что это движение обуславливается элементарным побуждением...» (там же). Иными словами, Вундт многолик, и внутри его системы есть волонтерия, свидетельствующая, что к внутреннему опыту можно подходить по-разному: можно изучать структуру (к этому надо начинать!), можно изучать его развитие или вообще рассматривать как процесс.

Словно предчувствуя, что его взгляды будут пониматься зачастую не вполне адекватно, Вундт писал: «Но мы нимало не выстроим в науку, если будем насильственно сводить сложные явления к какой-нибудь простой схеме. Единственная задача психологической теории, в которой можно рассчитывать на успех, – заключается в том, чтобы выработать, по свететическому методу, позитивскую историю развития» (там же).

Не имея возможности (в силу ограниченности объема настоящей публикации) провести детальный анализ генезиса парадигмы вундтовской психологии, только обозначим лишь основные моменты.

Философские предпосылки

Прежде всего назовем имена Р. Декарта (трактовка души как сознания) и Д. Локка (идея эмпиризма). Эти методологические основания хорошо известны, комментариев не требуется. Далее – Ф. Бэкон (идея систематического изложения знания). Соплемясь на Г. Гегеля: «Его [Бэкона] заслуга именно заключается... в том, что он дал в своем сочинении «De augmentis et dignitate» («Об усовершенствовании науки») систематическую энциклопедию наук. Этот набросок, несомненно, должен был вызвать сенсацию у современников. Очень важно иметь перед глазами такую упорядоченную картину целого, о которой раньше не помышляли» (Гегель, 1999). Далее – И. Г. Фихте (идея учения), утверждае о том, что наука должна иметь основания.

Отметим влиятельного И. Канта. Во-первых, его критика психологии: 1) психология не может использовать математику; 2) психология не может экспериментировать; 3) в психологии нельзя выделить устойчивые элементы (как в химии); 4) самонаблюдение нарушает естественное течение душевных процессов. Во-вторых, его вера в возможность обоснования антропологии (психологии) через физиологию.

Затем Д. С. Милль с его мыслью о том, что должна существовать особая наука о душе – психология. Наконец, О. Конт (из закона трех стадий следует, что психология находится на метафизической стадии; в классификации наук места психологии не нашлось; требование позитивизма – психология должна изучать факты).

Психологические предпосылки

Обозначим их также тезисно.

Х. Вольф – определение номенклатуры способностей с помощью языка; разработка метода «сцепления понятий» как механизма разветвления содержания эмпирической психологии.

И. Герbart – психология может использовать математику; механика представлений.

Д. Браун, Дж. Милль, Дж. С. Милль – использование для разработки психологии аналогии с физикой или химией – ментальная физика и ментальная химия.

Э. Вебер, Ф. Дондерс, Г. Е. Фехнер, Г. Гельмгольц – накопление материала, который может быть ассимилирован психологией; измерение времени реакции; психофизические исследования.

Э. Бекон – психологизм; психология как основа наук о душе.

Естественнонаучные основания

Здесь следует привести два основных тезиса:

- 1) развитие физиологии мозга и физиологии органов чувств, развитие эволюционной биологии;
- 2) распространение экспериментального метода на физиологию органов чувств.

Итак, автором программы, которая позволила психологии институционализироваться в качестве самостоятельной науки, выступил В. Вундт. Историка психологии, изучавшие этот вопрос, выделили целый комплекс причин, обусловивших эту институционализацию. Среди них – и использование специфических методов, и развитие

смежных наук, и требования практики, и, разумеется, выделение предмета, позволяющего заявлять о несопадении с философией, от которой психология и ментала отделиться. Мощным фактором, стимулировавшим интерес к проблеме автономности психологии, являлась знаменитая работа О. Конта, посвященная классификации наук. По О. Конту, психология не нашлось места в системе наук на том основании, что она представляла собой не науку, а метафизику. Напомним, что, согласно Конту, знание проходит следующие ступени: мифология, метафизика, позитивная наука. Таким образом, обязательными требованиями для разработки программ построения психологии как самостоятельной науки являлись как отчетливо артикулированный отказ от метафизики, так и объявление психологии наукой опытной, эмпирической, позитивной. В крайнем случае можно было поставить задачу разработок новой «научной метафизики».

Итак, благодаря заслугам В. Вундта, психология в последней четверти XIX в. становится самостоятельной научной дисциплиной. Существовали альтернативные программы построения психологии как самостоятельной науки (Ф. Brentano, И. М. Сеченов), но «отцом научной психологии стал В. Вундт. Физиологическая психология была принята научным сообществом, так как все требования были выполнены. Психология была опытной наукой, использующей измерение и эксперимент. Психология имела свои собственные законы, не сводимые ни к физиологическим, ни к каким иным. Вместе с тем, благодаря психофизиологическому параллелизму психология была приближена к естественным наукам. Все вместе настолько отличало физиологическую психологию от философии, что выделение состоялось. Психология стала самостоятельной. Но стала ли она наукой?

Вопрос совсем не так прост, как это может показаться. Большинство исследователей вообще предпочитают не останавливаться на этом моменте. Специальное исследование по этому поводу было проведено С. Л. Рубинштейном. В статье «Философские корни экспериментальной психологии», опубликованной в 1940 г., он анализирует различия между знанием и наукой: «...говоря о науке, мы отличаем ее от совокупности сведений, взглядов или воззрений по вопросам той или иной области знания. Существенным для науки является наличие определенной системы знаний, отражающей специфическую логику ее предмета, и специфических адекватных ее предмету методов исследования, позволяющих перейти от более или менее случайного накопления знаний к планомерному, систематическому их добытию» (Рубинштейн, 1973, с. 70). Нельзя не согласиться с С. Л. Рубинштейном, подчеркивающим особое значение

выявления обстоятельства рождения науки: «При этом нужно учитывать, что история наук – это история конкретных исследований, приводящая к последовательному накоплению конкретных знаний и методов исследования, преемственно между собой связанных, и теоретических концепций, которые превращают совокупности знаний в систему науки. Лишь в своем единстве, взаимопроникновении и взаимообусловленности история конкретных исследований и теоретических концепций образует подлинную историю науки» (там же). Этот переход от знания к науке, как известно, в механике происходил в XVII в., в большинстве областей знания – в XVIII в. В психологии он свершился во второй половине XIX столетия. Как отмечает С.Л. Рубинштейн, «лишь к этому времени многообразные психологические знания оформляются в самостоятельную науку, вооруженную собственной, специфической для ее предмета методикой исследования и обладающей своей системой, т.е. специфичной для ее предмета логикой построения относящихся к нему знаний» (там же, с. 71).

С.Л. Рубинштейн, на статью которого мы неоднократно сослались, М.С. Роговин (Роговин, 1969), М.Г. Ярошевский (Ярошевский, 1985), А.Н. Ждан (Ждан, 1990) и др. справедливо указывают на то, что для отделения психологии должны были сформироваться предпосылки. Среди этих предпосылок – философско-методологические (концепция сознания Декарта – Локка, картезианское понятие рефлекса); развитие научных областей, на которые психология должна опереться (физиология, биология); развитие экспериментального метода (в физиологии органов чувств). Среди факторов, повлиявших на выделение психологии, можно назвать еще многие, в том числе и те, которые имеют непосредственное отношение к логике развития знания, заставляющие его переходить на новый уровень.

Итак, по внутренним критериям физиологическая психология, безусловно, становится наукой. Метафизика решительно изгоняется из психологии. Вундт соглашается рассматривать душу лишь как собственно «логический субъект внутреннего опыта» (Вундт, 1880, с. 9). Существовавший ранее необходимый «образец» (шаблон, им для Вундта была химия) становится уже не так нужен. Вместо того, чтобы утверждать, что психология должна строиться по образцу физики или химии, достаточно заявлять, что психология должна изучать структуру опыта. Это важное отличие. Оно означает, что психология начинает руководствоваться собственной логикой. Не статика и механика, но структура, процесс становится психологическими категориями. К ним добавляются имеющие совсем иное происхождение «история», «генезис», «уровень». В осно-

ву кладутся иные понятия. Вундт говорит, что только тогда можно будет установить истинное значение классификационных понятий, когда «будут разобраны элементарные проявления нашей внутренней жизни» (там же, с. 11).

Подведем итоги. Психология стала наукой. История показала, что кантианская критика возымела действие. Психология стала использовать и эксперимент (в физиологической психологии), и математику (это предлагал еще Герbart, математику внедрил в психофизику Фехнер, а психология Вундта ее использовала, ассимилировала, «включив» в пространство физиологической психологии).

По канонам позитивизма, психология стала по настоящему опытной позитивной наукой. Она отказалась от метафизики, от априорных концепций, и принялась изучать феномены и находить их законы.

Благодаря привычке психофизического параллелизма психология сохранила теснейшую связь с физиологией (которая, несомненно, являлась естественной наукой), но, тем не менее, оказалась несводимой к ней, отличной от нее.

Благодаря этим обстоятельствам психология смогла в глазах научной общественности претендовать на самостоятельность и независимость от философии. Это, кстати, объясняет парадоксальный факт: Вундт, окончивший медицинский факультет и закончившийся впоследствии физиологией, «выделил» психологию из философии, хотя был противником полного отделения, считая, что психология – философская наука и отрыв от философии повредит в первую очередь самой психологии (к этому вопросу мы еще вернемся). Это, так сказать, «внешняя» история выделения психологии. Внешняя в том смысле, что «решение» о выделении принимает научное сообщество. Официальная институционализация решения правительство, создание институтов, проведения мероприятий, открытия кафедр и т.д. в конечном счете зависит именно от этого. Поэтому психологии важно было соблюсти внешние признаки научности, сориентироваться на идеал «естественных» наук. Вундт это сделал, хотя он прекрасно понимал, что «естественнонаучной» модели соответствует только часть психологии (физиологическая психология). Таким образом, ценой выделения психологии в самостоятельную науку было ее расчленение на две части: физиологическую психологию и психологию народов. К чести Вундта, нужно сказать, что он сделал все, чтобы сохранить преемственность и взаимодействие между «психологиями». Тем не менее, раскол состоялся.

Однако была и «внутренняя» история выделения. На место существовавших представлений о душе или внутреннем опыте Вундт

станит непосредственный опыт. Таким образом, психология приобретает новый предмет. Кстати, по утверждению Вундта, предмет узкален. Только психология имеет дело с непосредственным опытом. В этом заключается психологизм Вундта. Все остальные науки используют опосредствованный опыт. Уже поэтому психология имеет право на самостоятельность. Вундт прекрасно понимал, что предмет психологии (наука о непосредственном опыте) предполагает определенный метод и этот метод, несомненно, аккурпные наблюдения. И Кант, и, позднее, Копп, как известно, весьма скептически отпывались о возможностях этого метода. Поэтому он нуждался в модификациях. Они были осуществлены Вундтом.

Другой важный момент состоял в том, что, в соответствии с позитивистской моделью науки, психология, по утверждению Вундта, должна была становиться все более непосредственной наукой. Первоично изучение фактов, из них выводятся законы. Вундт допускает возможность вспомогательных гипотез как необходимого звучного инструмента. Метафизические понятия (изначально) отвергаются. Так, Вундт отказывается использовать понятия «сила» и «способность», но глобальных расчленений внутри психологии избежать не удается. Вундт фактически использует классификации, восходящие еще к Платону (познание, чувствование, желание) и Аристотелю (ощущение и мышление), хотя и настаивает на их соответствии данным внутреннего опыта. Как пишет Вундт, «если психология действительно не в состоянии положить в основу своих объяснений и выводов понятие о силе, в том смысле, в каком оно утверждено физическими науками, то лучше воздержаться от преждевременных выводов, чем исходить из понятий, принятых в ложном смысле. Однако мы впоследствии убедимся, что и в области внутреннего опыта понятие о силе получит истинное значение, если мы перестанем видеть в явлениях внутренней жизни проявление метафизической субстанции или изменения ее под влиянием внешних воздействий, но будем изучать элементарные явления психической жизни в их непосредственном взаимодействии» (там же, с. 21). Последнее утверждение, на наш взгляд, чрезвычайно важно, так как оно проливает свет на замысел Вундта. Психология, во всяком случае на первых этапах, должна исследовать структуру непосредственного опыта. Здесь может быть прослежена аналогия с землей, но это только аналогия. У психологии теперь своя, если угодно, научная, космологическая логика. Выявив свой предмет, психология у Вундта формирует строй понятий. Для этого используются те, которые использовались в психологии традиционной, но все они наполняются новым содержанием. По нашему мнению, понятие «структура», выделенное в системе

Вундта, играет совершенно особую, конституирующую роль. Если это так, то аналогичные понятия должны обнаруживаться и в других психологических концепциях. Отказ от метафизических основоположений заставлял искать какую-то иную логику построения науки. Физиология могла дать это лишь в очень ограниченной области. Физика и химия тоже могли выступать лишь источником аналогий. В пятом издании «Основ физиологической психологии» Вундт попытался осмыслить, каковы действительные основания физиологической психологии. Ограниченность метода была очевидной. Без гипотез не обойтись. И здесь на помощь приходит понятие «структура». Хотя, как мы увидим, Вундт недаром был электиком. В его концепции находится место и идее развития, и идее процесса.

Правда, это Вундтовская версия. Были и другие, – частности, версия Ф. Брентано, создавшего свой вариант феноменологической психологии. Естественно, продолжали существовать различные варианты и философской психологии. Продолжал существовать психологический ассоцианизм, представленный могучей фигурой Александра Бана. Эволюционизм Герберта Спенсера по-прежнему был популярен. Но победила новая психология Вильгельма Вундта. И теперь перед нами открывается возможность обратить внимание на методы новой научной психологии и попытаться выявить их взаимосвязь с теорией.

Главный итог все же состоит в том, что психология как наука была признана научным сообществом. Это открыло дорогу для организационных достижений. Задача, соответствующая духу времени: человеческая душа стала предметом научного анализа. Наука отватила ту сферу, которая до этого казалась для нее закрытой. Как ни сетовали многие на то, что каждый психологично понимает по-своему, вундтовская программа имела огромный авторитет, поэтому в продолжение некоторого времени научная психология связывалась исключительно с вундтовской психологией. Горькие слова Фихте-сына, сказанные в 1847 г., тогда, безусловно, справедливые, уже в 1880-е годы казались относящимися к далекому прошлому психологии: «Большая часть из нас одинока, подобно кротам, копают в собственных норах, и опасаются недоброй встречи, прикасаясь к подземным ходам других. В науке самого высокого и универсального интереса каждый упорно говорит своим языком, следует только собственной терминологии; короче, силится прежде всего стать оригинальным между другими, вместо того, чтобы искать общего и связующего» (цит. по: Лавга, 1893, с. XIV–XIV). Достигнемом новой научной психологии было то, что она действительно обрела то, что на какое-то время показалось общим и связующим. Этим общим

и связующим, несомненно, стали действительно эмпирический характер науки (психология, как отмечалось, стала эмпирической наукой) и методы, которые, обретя некую стандартизацию, сделали возможной воспроизведение результатов в других лабораториях.

Итак, психология стала наукой, и в этом становлении велика была роль психологических методов. Остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

В. Вундт, создавая психологию, обратился к химии как ее модели. Как справедливо отмечает Э. Боринг, элементаризм системы довольнался ассоцианизмом с целью обеспечения задач синтеза. Вундт выделял аналоги атомов (ощущения, простые чувства и образы). Аналогами молекул выступали «представления (*Vorstellungen*)» и более сложные образования (*Verbindungen*)» (История психологии, 1992, с. 24). Центральным моментом в любом психологическом подходе, претендующем на новизну, на создание новой психологии, является определение предмета науки. Как известно, Вундт объявил предметом психологии непосредственный опыт. Задачу психологии он видел в том, чтобы раскрыть структуру непосредственного опыта. Вундт различал собственно самонаблюдение (интроспекцию) и внутреннее восприятие. Для того, чтобы заниматься интроспекцией, испытуемый должен был пройти предварительную тренировку. Экспериментальные процедуры использовались в вундтовской лаборатории для того, чтобы лучше структурировать самонаблюдение. «Психологическое самонаблюдение идет рука об руку с методами экспериментальной физиологии, и из приложения этих методов к психологии возникают, как самостоятельные ветви экспериментального исследования, психофизические методы. Если иметь в виду главным образом самостоятельность метода, то нашу науку можно назвать экспериментальной психологией, в отличие от психологии, основанной исключительно на самонаблюдении» (Вундт, 1880, с. 2). Э. Боринг отмечает: «Вундт наставлял на тренировке испытуемых. Даже для участия в экспериментах на время реакции, проводившихся в лейпцигской лаборатории, испытуемые должны были долго тренироваться в выполнении предписанных актов перцепции, апперцепции, узнавания, различения, суждения, выбора и т. п., а также сразу сообщать, когда сознание отклонится от решения требуемых задач. Так, Вундт указывал, что ни один испытуемый, который выполнил менее 10000 интроспективно проконтролированных реакций, не подходит как источник сведений для публикации из его лаборатории» (История психологии, 1992, с. 25). Самым интересным моментом здесь, безусловно, является следующий: зачем необходимо такое большое число предварительных испытаний? Ответ, очевидно,

чрезвычайно прост: для того, чтобы обучить испытуемого описывать то, что необходимо (исходя из задачи) – именно структуру опыта. Причем структура понималась как единство частей. В интроспекции недостаточно было раскрыть содержание опыта – «на атомы» – надо было найти следы «творческого синтеза». Вот как характеризует его сам В. Вундт: «Какой бы процесс среди тех, которые мы называем „логическими соединениями“ в широком смысле слова, или – так как все душевные процессы сложны, т. е. являются соединениями – какое бы психическое явление вообще мы ни взяли, всюду и всегда мы נתолкнемся на следующую яркую, характерную черту: продукт, возникший из определенного числа элементов, представляет собою нечто большее, чем простую сумму этих элементов; нечто большее, чем продукт, однородный с этими элементами и лишь так или иначе, качественно или количественно, отличающийся от них по своим свойствам; нет, такой продукт представляет собой новое образование, совершенно несравнимое по своим наиболее-существенным качествам с факторами, создавшими его. Это основное качество психических процессов мы называем принципом творческого синтеза» (Вундт, б/т, с. 118). И далее: «С этим принципом в его простейшем виде мы встречаемся при образовании чувственных представлений. Звук есть нечто большее, чем сумма его частичных тонов. При слиянии их в единство обертоны, вследствие своей малой интенсивности, обычно исчезают как самостоятельные элементы, зато основной тон получает, благодаря им, звуковую окраску, делающую его гораздо более богатым звуковым образованием, чем простой тон. Благодаря бесконечному многообразию продуктов, которые могут получиться из таких соединений, на основе простых тонов, отличающихся лишь высотой и глубиной, поднимается бесконечно разнообразный мир звуковых окрасок» (там же). Аналогичные явления имеют место в процессе восприятия: «в процессах ассимиляции, соединяющихся с каждым процессом восприятия, воспроизведенные элементы входят в состав вновь образованного продукта: из прямых впечатлений и многообразных отрывков прежних представлений создается синтетическое воззрение» (там же). Таким образом, по-видимому, что задача испытуемого уточняется. Он должен научиться с помощью самонаблюдения вычленивать в непосредственном опыте нужные элементы. Тренировка необходима, она представляет собой своего рода обучающий эксперимент. Понятно, что испытуемые в Лейпциге обнаруживали структуру опыта. В отличие от предшествующих (например, Н. Тан говорил, что самонаблюдение открывает «полный» образ), В. Вундт хочет создать научную картину: для него научность воплощается в структурности, и мы получаем

в результате психическую химию. В свете вышеописанного совсем не удивительно, что требования Вундта к интроспекции весьма либеральны. Э. Боринг в этой связи отмечает: «В целом понимание интроспекции Вундтом было гораздо либеральнее, чем обычно думают: в формальной интроспекции он оставил место и для ретроспекции, и для непрямого отчета» (История психологии, 1992, с. 25). И это совсем не удивительно. Результаты «творческого синтеза» становятся видны не сразу: для этого и используется ретроспекция. Можно сказать, что сложный состав метода, его неоднородность являются результатом двойственности задач выявления структуры опыта по Вундту. Как показала жизнь, испытуемые достаточно легко обучаются структурному интроспективному описанию опыта.

Как уже отмечалось, Вундт широко использовал метод эксперимента, сделав психологию экспериментальной научной дисциплиной. Программа, некогда провозглашенная Фрэнсисом Бэконом, согласно которой природа легче открывает свои тайны, когда ее «пытает наука», оказалась распространена и на человеческую душу. В психологии стал использоваться эксперимент и (вспомним знаменитый кантовский тезис) она все же стала наукой.

В чем видел роль эксперимента в психологии В. Вундт? Напомним, он выделял особую область – физиологическую психологию: «Мы называем науку науку физиологической психологией, потому что она есть психология, изучаемая с физиологической точки зрения» (Вундт, 1880, с. 2). «Проблемы этой науки, как ни близко касались они физиологии, раньше большей частью относились к области психологии; средства же к решению этих проблем заимствованы от наук. Психологическое самонаблюдение идет рука об руку с методами экспериментальной физиологии, и из приложения этих методов к психологии возникают, как самостоятельные ветви экспериментального исследования, психо-физические методы» (там же). Вундт указывает, что если подчеркивать самостоятельность метода, то физиологическую психологию можно называть экспериментальной (в отличие от психологии, основанной исключительно на интроспекции). Главная область физиологической психологии – ощущение и произвольное движение. Вундт подчеркивает, что задача физиологической психологии заключается в исследовании элементарных явлений психической жизни. Исходной точкой эта психология должна иметь физиологические явления, с которыми психологические явления имеют теснейшую связь. Вундт резюмирует: «Таким образом, центр тяжести нашей науки не лежит в собственно сфере внутреннего опыта, в который она старается проникнуть как бы внешне. Именно поэтому-то она и может пользоваться эксперимен-

тальным методом, этим могущественным рычагом естествознания. Сущность эксперимента состоит, как известно, в произвольном, и – поскольку дело идет об открытии закона отношения между причинами и их действиями – в количественно определенном изменении условий явлений. Но искусственно могут быть изменены только внешние, физические условия внутренних явлений, и только они одни доступны внутреннему измерению. Отсюда очевидно, что может быть речь о применении экспериментального метода только собственно к психофизической области» (там же, с. 5).

Общий вывод по вопросу о психологическом эксперименте Вундт формулирует так: «Тем не менее, было бы несправедливо оспаривать возможность экспериментальной психологии; действительно, эксперименты, в сущности, могут быть только психофизическими, но не психологическими, если только под психологическими экспериментами понимать такие, в которых внешние условия внутренних явлений не играют никакой роли; но очевидно, что различия, получаемые от искусственного изменения условий явлений, зависят не исключительно от характера самих условий, но также и от природы самого явления. Таким образом, путем изменения внешних условий мы можем изменять течение внутренней жизни, что существенно способствует выведению для нас законов самой душевной жизни. В этом смысле всякий психофизический эксперимент есть в то же время эксперимент психологический» (там же).

Вундтом были разработаны следующие требования к проведению эксперимента:

1. Наблюдатель должен по возможности сам определять наступление подлежащего наблюдению явления.
2. Наблюдатель должен, поскольку возможно, схватывать явления напряженным вниманием и проследивать таким вниманием их во время протекания.
3. Нужно, чтобы каждое наблюдение в целях подтверждения его данных можно было многократно повторить при одинаковых условиях.
4. Необходимо равномерное качественное и количественное изменение условий протекания изучаемого процесса.

Совершенно очевидно, что эти требования могут быть выполнены только в определенных условиях. Поэтому, когда психологи в Вюрцбурге попытались экспериментально исследовать процесс мышления, оказалось, что все требования Вундта ими нарушаются.

В целом справедливо будет сказать, что метод эксперимента пользовался Вундтом как вспомогательный, создающий оптималь-

ные условия для самонаблюдения. Именно самонаблюдение давало информацию о внутреннем опыте. Метод эксперимента имел ограниченное значение еще потому, что распространялся, как мы видели, только на область физиологической психологии. Мышление, по Вундту, не может исследоваться экспериментально. Работы психологов Вюрцбургской школы, в которых мышление было подвергнуто экспериментальному исследованию, критиковались Вундтом, так как, по его мнению, они систематически нарушали его требования к эксперименту в психологии.

Представляется необходимым, хотя бы очень кратко, затронуть еще один важный вопрос, имеющий непосредственное отношение к рассматриваемой теме. Речь идет о взаимодействии психологических методов.

С самого возникновения научной психологии методы использовались не только изолированно, но и в определенных сочетаниях, что позволяет говорить об их взаимодействии. Этот простой вопрос вызывал, как мы могли увидеть, немало недоразумений, так как в зависимости от того, роль какого из методов акцентировалась, психологическая концепция квалифицировалась существенно по-иному. Скажем, вундтовская психология кем-то именовалась экспериментальной, а кем-то интроспективной. Важным представляется вопрос, можно ли, сравнивая роль методов в той или иной концепции, утверждать, что какой-то является ведущим, а другой – подчиненным? На наш взгляд, можно. Критерием в этом случае, как мы полагаем, выступает отношение метода к предмету исследования и опосредованно к предмету науки (при этом имеется в виду реальный предмет). Ведущий метод обязательно имеет выход на реальный предмет и в значительной степени определяется им. Реальный предмет, таким образом, определяет идею метода. Метод (во всяком случае, в период становления психологии как самостоятельной науки) реализуется в рамках определенной организующей схемы (структура, функция, процесс). вспомогательный (или дополнительный) метод взаимодействует с основным (ведущим) на уровне организующей схем, но на уровень идеи метода не выходит. Скажем, в вундтовской физиологической психологии эксперимент выполняет, несомненно, вспомогательную, «ассистирующую» роль. Роль ведущего выполняет интроспекция, обеспечивающая «доступ» к фактам непосредственного опыта (реальный предмет). Взаимодействие между методами достигается за счет структуры организующей схемы, которая оказывается общей для обоих методов. Именно эта общность позволяет экспериментальным процедурам более четко структурировать данные интроспекции.

В исследовании Г. Эббингауза о памяти (Ebbinghaus, 1885), к примеру, ведущим методом являлся измеряющий эксперимент (реальным предметом были определенные характеристики поведения), поэтому роль самонаблюдения была сведена к минимуму (обеспечение функции контроля). Аналогичным образом дело обстоит в исследовании «закона перцепции», проведенном Н. Н. Ланге. (Напомним, оба психолога – и Г. Эббингауза, и Н. Н. Ланге – были испытуемыми в своих экспериментах.) Ведущий метод, таким образом, имеет выход на реальный предмет. Показательно, что тот же Эббингауза, характеризуя память в фундаментальных «Основах психологии» (Ebbinghaus, 1902), говорит о законах души явно исходя из представлений о сознании. Не случайно результаты исследования 1885 г. попадают в раздел «О частностях» и получают интерпретацию с позиций обидки представлений о сознании.

Вундт рассматривает физиологическую психологию как чисто эмпирическую науку. Однако на этом основании недальновидно было бы делать вывод о том, что он был сторонником «чистой» эмпирической психологии. Анализируя отношения психологии и философии, Вундт утверждает, что психология должна остаться философской дисциплиной. «Чистая» экспериментальная психология легко вырождается в «ремесленничество», при котором (знаем ли, что психология преподавалась в университетах с философских кафедр) высказывание известного историка философии, цитируемое Вундтом, становится похожим на правду: «...для получения философской кафедры в настоящее время куда достаточно, если кто умеет металлически надавливать на электрические кнопки и затем, расположив результаты своих опытов в таблицах, чеканить доказывать, что один человек соображает несколько медленнее, чем другой» (Вундт, 1913, с. 97–98). Вундт считает полезным выделение психологии в самостоятельную науку («...мой план принесет не менее пользы, чем выделение психологии из философии и возвышение ее в ранг самостоятельной науки» (там же, с. 129)), но рядом с философией считает крайне вредным: «...более общие и наиболее важные для психологического образования вопросы столь тесно связаны с определенной теоретико-познавательной и метафизической точкой зрения, что непонятно, как они когда-либо исчезнут из психологии. Именно этот факт ясно доказывает, что психология относится к философским дисциплинам и что таковой она останется и после превращения в самостоятельную науку, так как, в конце концов, в основе такой самостоятельной науки могут лежать только метафизические воззрения, скрытые и – если отделиться от философии психологи не будут обладать более или менее

основательным философским образованием – незрелые. Поэтому никому это отделение не принесет больше вреда, чем психологам, а через них и психологин» (там же, с. 117). Напомним, что эти строки написаны в 1913 г., когда психология окончательно «завоевала» место под солнцем среди других наук.

Таким образом, точку зрения позднего Вундта можно сформулировать следующим образом: необходимо сотрудничество философии и психологии. Психология как чисто эмпирическая наука невозможна. Существуют некоторые теоретические основания, которые препятствуют эмпирическому исследованию. К ним, согласно Вундту, относится понимание психического (метафизические познания).

Отметим, что за пределами нашего анализа остались методологические основы вундтовской программы построения «Психологии народов». Нельзя не отметить, что влияние этой части вундтовского наследия на мировую психологическую науку было явно слабее. Сопшемся в этой связи на мнение американских исследователей: «Развитию культурно-исторической психологии Вундт посвятил 10 лет, но она не оказала существенного влияния на американскую психологию. В статьях, опубликованных за 90 лет в „Американском психологическом журнале“, во всех выдержках из произведений Вундта на долю „Психологии народов“ приводится всего 4 процента цитат. Для сравнения: на „Основы физиологической психологии“ делают ссылки в 61 проценте случаев» (Шульд, Шульд, 1998, с. 93–94).

Кантовская «двойная программа» была полностью выполнена Вильгельмом Вундтом: психология стала использовать эксперимент и математику; в сознании с помощью внутреннего восприятия выделялись устойчивые элементы; психология обосновывалась с помощью физиологии. Психология стала наукой о непосредственном опыте, приступила к изучению фактов, как того требовал позитивизм, формулируя общие и частные законы. Поэтому Вундт и декларировала отделение психологии от философии и провозгласил психологию самостоятельной наукой.

Несмотря на то, что «ни одно из положений вундтовской программы не выдержало испытания временем» (Ярошевский, 1985, с. 225), В. Вундт по праву считается создателем научной психологии, так как главная цель была достигнута – психология заявила о себе как о самостоятельной науке, что было принято научным сообществом и закреплено институционально.

И, наконец, самый последний момент. Было бы недальновидно полагать, будто рассуждения Вундта о методологических вопросах психологии целиком принадлежат прошлому. Мы уже приводили высказывание М. Г. Ярошевского, согласно которому ни одно из по-

ложений вундтовской программы не выдержало испытания временем. В значительной степени это так. Но, как ни парадоксально, идеи Вундта, «конструктивно закованные» в научную психологию, продолжают жить в виде неких методологических допущений. И в этом отношении современная научная психология является «наследницей по прямой» вундтовской психологии. Логика обоснования научной психологии и общая направленность ее развития до сих пор в значительной степени определяется вундтовской психологией.

Другая парадигма развития психологии, альтернативная вундтовской, была предложена И. М. Сеченовым (1829–1905). Его программа неоднократно подвергалась методологическому анализу (см.: Ярошевский, 1981, 1996) и хорошо известна, поэтому не будем ее здесь подробно анализировать. Обратим внимание лишь на некоторые моменты.

«Открытие новой формы жизнедеятельности организма, ставшей, во имя сохранения его нераздельности, связующим звеном между тем, что относилось к ведению физиологии – с одной стороны, и психологии сознания – с другой (т. е. появление науки о поведении), позволило Сеченову в особой исторической ситуации двигаться, используя преимущества этого открытия, план создания новой психологии. <...> Сеченов разработал (считая, что время для этого подошло) свою программу объективной психологии. Собственно психологический уровень отношений индивида к миру имеет свою онтологическую структуру и, соответственно, воссоздается в понятиях и категориях, не идентичных поведенческим. Таковы категории образа, личности, отношения и др.» (Ярошевский, 1996, с. 375, 376).

Ярошевский отмечает, что такой подход был полнцен программой развития психологии, сформулированным в Европе. Западные психологические школы свой предмет ограничили от предмета физиологии по критерию различий между телом и сознанием. «Постулировалось, что физическое начинается и кончается в сознании. На этом основании внешняя мышечная работа и ее внешние объекты, поскольку они не входят в „тексти“ сознания, оказываются „да бортом“ истинной психологии» (там же). У Сеченова, отмечает М. Г. Ярошевский, путь к новой психологии пролегал не от органов чувств, а от целостного организма, осваивающего предметную среду:

«У Сеченова категории науки о поведении (торможение, сигнал, мышечное чувство и др.) вошли в новую, теперь уже психологическую науку. Но вошли в преобразованном виде. Понятие о тор-

можем выступило как механизм задержки действия, в силу чего оно из внешнего становится внутренним. «...» В то же время торможение позволяло понять самую выдающуюся способность волевого действия, а именно способность личности противостоять непосредственным стимулам и мотивам с тем, чтобы следовать собственной программе. «...» Внешний раздражитель, преобразованный в науке о поведении в сигнал, в новой, теперь уже психологической системе из сигнала-чувствования (каким он являлся в исходной схеме) обретает значение чувственного образа объекта. Мышечная реакция, преобразованная в науке о поведении в работу органа, скоординированного аппаратом различения внешне-пространственно-временного континуума, оборачивается на новом – теперь уже психологическом – уровне ролью архитектора элементов мысли» (там же).

Как отмечает Яковлевский, в итоге в России взамен прежней антропологической дуады «тело-душа» (или «органкизм – сознание») появилась обладающая эвристическим потенциалом триада «органкизм – поведение – сознание» (там же, с. 376, 377).

Обратим внимание на то, что в работах И. М. Сеченова сложилось представление о психическом как процессе, во многом определившее развитие не только отечественной психологии, но и мировой. Им был представлен вариант естественнонаучной психологии, ориентированный не на категорию «структура», а на категорию «процесс». Процессуальный подход, естественно, оказывается более целостным, что определяет его большие объяснительные возможности.

***

Сложившиеся в 1970–1980-е годы программы построения научной психологии определили направление развития психологии в двадцатом столетии: возникшие основные школы в психологии, с одной стороны, продолжали развивать отдельные положения, заявленные в первых программах, а с другой – полемизировали с ними.

Развитие психологии в конце XX – начале XXI столетия в значительной степени определяется противостоянием, а иногда и противоборством двух основных парадигм в психологии: естественнонаучной и герменевтической (гуманитарной). Могут быть выделены характерные признаки этих научных парадигм (см.: Мазылов, 2007). Возникновение данных парадигм приходится на вторую половину XIX столетия. О генезисе естественнонаучной парадигмы в психологии мы уже писали (см., например, Мазылов, 2004). В настоящей работе остановимся подробнее на возникновении герменевтической парадигмы.

Как известно из истории психологии, вундтовская программа построения психологии как самостоятельной науки не была единственной. Достаточно скоро появились альтернативные программы. Одной из них была психология актов Франца Brentano (1838–1917). Франц Клеменс Гоноратус Герман Brentano – автор книги «Психология с эмпирической точки зрения», первый том которой был опубликован в 1874 г. Работа содержала существенно иной подход к психологии в целом и к метод introspeкции, в частности.

Согласно Brentano, психология изучает 1) элементы сознания и способы их соединения, а также 2) предпосылки и условия возникновения этих элементов. «Первое – сфера дескриптивной психологии (или описательной феноменологии), второе – предмет генетической психологии. Дескриптивная психология анализирует и описывает феномены нашего сознания, т. е. факты, непосредственно данные в опыте, или, что то же самое, предметы, которые имеют место во внутреннем восприятии. Свою работу Brentano отнес к дескриптивной психологии, уточняя, что значит «пси́хологический». Психологическое обозначалось им как «психология в собственном смысле слова», в противоположность к генетической психологии, которой, учитывая ее интерес к физико-химическим процессам головного мозга, скорее, подобает называться физиологической психологией. ...» (Алашвили, 1996, с. 155). Обратим внимание, что если Вундт в своей физиологической психологии исследует простейшие явления, максимально приближенные к физиологии (ощущения и произвольные движения), то Brentano хочет изучать полноценные психические акты.

Если для В. Вундта идеалом научности была химия, то Ф. Brentano, бывший католический священник, полагал, что ключом к новой психологии является идея Аристотеля. Аристотелевский подход, как известно, определяется как биологический. Поэтому в концепции Brentano особая роль принадлежит активности познающего субъекта. Характерной для сознания является интенциональная направленность на объект. «Каждый психический феномен характеризуется тем, что сложился в средние века называли интенциональным существованием объекта» (Brentano, 1874, с. 116). Brentano не принимает психологию как науку о содержании сознания. По его мнению, подлинной задачей психологии является описание актов сознания. Как пишет Brentano, «примерами психических феноменов могут быть любые представления с помощью ощущения или фантазии, а понимая здесь под представлением не то, что представляется, но сам акт представления» (с. 103–104). Все психические акты, согласно Brentano, могут быть отнесены к следующим клас-

сам: акты представления (*Vorstellungen*), суждения (*Urteile*), оценки (чувства) (*Gefühle*) (Бrentano, 1925).

«Для Brentano исходным являлось понятие не об элементе сознания, а о его акте, понимаемом как функция субъекта, выражающая в его направленности на объект. Поэтому психолог, согласно Brentano, должен исследовать не элементы (ощущения различного качества, интенсивности и т. д.), а акты, благодаря которым эти элементы становятся объектами осознания» (Ярославский, 1985, с. 227). М. Г. Ярославский, сопоставляя методологические позиции В. Вундта и Ф. Brentano, отмечает: «Оба исходят из того, что предметом психологии является сознание. Оба интерпретировали его с позиций интроспекционизма. Но Вундт рассчитывал выяснить с помощью изобретенной интроспекции и вспомогательных физиологических приборов состав сознания: какова его (структура в своей основе) „фактура“. Brentano полагал, что задача психолога состоит в том, чтобы тщательно описывать не само по себе содержание, а связанные с ним акты, действия, внутренние операции. <...> С точки зрения Brentano, принятая в лабораториях физиологической психологии процедура анализа сознания укладывает в прокрустово ложе реальные процессы сознания, которые следует тщательно наблюдать в их естественном течении и составе, (там же, с. 228). М. Г. Ярославский так интерпретирует различия в интроспективном методе у Вундта и Brentano: «субъективный (интроспективный) метод приобрел у тех, кто отталкивался от Вундта, одну направленность, от Brentano – другую. В обоих случаях утверждался феноменологический подход (объект анализа – феномены сознания). Различие же состояло в том, что последователи Вундта устремлялись к гипотетическим структурным элементам, недоступным непосредственному наблюдателю, тогда как воспитанники Brentano культивировали исследование сознания в его целостности и дополнительности, свободной от предвзятых теоретических схем» (там же). С последним утверждением М. Г. Ярославского вряд ли можно полностью согласиться. Brentano, как известно, был сторонником мнения, что внутреннее восприятие дает человеку истинную информацию, что «феномены, постижимые умственно, верны сами по себе», в чем видел огромное преимущество психологии над науками физическими (Herglitzo, 1874). Brentano подчеркивал целостность душевной жизни. «Сознание в единстве его актов Brentano сравнивает с рекой, в которой одна волна следует за другой» (Ждан, 1990, с. 194). Для того чтобы обеспечить интроспективное описание этой целостности, Brentano был вынужден существенно модифицировать метод. Как отмечал Э. Гартман, «непосредственный опыт не есть непосредственное

наблюдение своих собственных душевных процессов в то время, как они протекают, так как – и в этом Brentano прав – такое наблюдение невозможно, а он есть восприятие этих процессов в воспоминании, без чего сама психология не могла бы существовать» (Гартман, 1902, с. 17). Таким образом, платой за целостность является «расширение», точнее, размывание метода, включение наряду с внутренним восприятием в структуру метода элементов ретроспекции. Поэтому вряд ли правомерно утверждать, что Brentano изучает сознание в его «доподлинности». При ближайшем рассмотрении процедура оказывается не менее искусственной, чем аналитическая интроспекция Вундта. Суровую итоговую оценку методу Brentano дает Э. Гартман, работу которого мы уже цитировали: «Что этим самым (восприятием душевных процессов в воспоминании. – В. М.) кажущееся непосредственным наблюдением тем не менее становится опосредованным, хотя и в иной форме, чем наблюдение душевных процессов у других, – этого Brentano не принял во внимание; он также мало внесли и то, что создание эмпирических правил неопределенного, восточного характера с многочисленными исключениями вряд ли заслуживает названия науки» (там же).

Таким образом, согласно Ф. Brentano, метод интроспекции должен описывать акты сознания, а не собственно содержания. При этом описании должно быть по возможности более полным, очерчивающим. В этих условиях ограничена, налагаемая методом эксперимента (напомним, Вундт использовал эксперимент главным образом для того, чтобы стандартизировать интроспекцию), являются излишними, поэтому Brentano настаивает на том, что психология должна быть наблюдательной – экспериментальные процедуры представляют собой «пракрустово ложе» для самонаблюдения.

Другой взгляд на психологию был сформулирован В. Дильтейем (1833–1911) (Дильтей, 1996). В его работах получила развитие идея целостности психических актов, высказанная Brentano.

На наш взгляд, Brentano одним из первых в психологии XIX столетия выразил мысль, что психические образования целостны и аналитический подход к ним разрушает возможность их понимания. Отсюда вытекает вывод, что в исследовании должен использоваться особый метод целостного описания. Эстафета была продолжена В. Дильтейем, который исходил из простого и очевидного положения: существуют явления, которые целостны по своей природе, и для того чтобы их исследовать, необходимо использовать не конструктивный подход (пытающийся «воссоздать» целостность из элементов), а противоположный: брать за основу целостность, расчленять ее, типологизировать и т. д.

Вундтовской психологии, которую Дильтей определял как объясняющую, конструктивную, он противопоставил описательную, расчленяющую, понимающую. О дильтейской психологии написано очень много, что забавляет нас от ее подробного представления. Но, к сожалению, снова часто возникают недоразумения. Достаточно распространена, к примеру, точка зрения, согласно которой «в психологии Дильтея достигает своего предельного выражения дуализм внешнего и высшего, отчетливо выступивший уже у Вундта, – это метафизическое разделение психологии на два этажа, или, как писал Л. С. Выготский, «на две науки – физиологическую, естественнонаучную или каузальную психологию, с одной стороны, и „понимающую“, описательную или теологическую психологию духа как основу всех гуманитарных наук, с другой» (История психологии, 1992, с. 318). То, что справедливо для психологии Вундта, не является таковым для Дильтея. Различие между объяснительной и описательной (понимающей, расчленяющей) психологией для Дильтея чисто методологическое: один или другой подход может быть распространен на всю психологию. За объяснительной психологией признается право на существование, но ее значение невелико. Характеристика описательной психологии хорошо известна. «Под описательной психологией я понимаю изображение единообразно проявляющихся во всякой развитой человеческой душевной жизни составных частей и связей, объединяющихся в одну единую связь, которая не мыслится и не выводится, а переживается. Таким образом, этого рода психология представляет собою описание и анализ связи, которая дана нам изначально и всегда в виде самой жизни. Она изображает эту связь внутренней жизни в некоторого рода типическом человеке. Она пользуется всяким возможным вспомогательным средством для разрешения своей задачи. Но значение ее в шкале наук основывается именно на том, что всякая связь, к которой она обращается, может быть однозначно удостоверена внутренним восприятием, и каждая такая связь может быть показана как член охватывающей ее, в свою очередь, более широкой связи, которая не выводится путем умозаключения, а изначально дана» (Дильтей, 1996, с. 28). «Перейти от отличия наук о духе от естественных служит то, что в последних факты даются внешне, при посредстве чувств, как единичные феномены, между тем как для наук о духе они непосредственно выступают изнутри, как реальность и некоторая живая связь. Отсюда следует, что в естественных науках связь природных явлений может быть дана только путем дополняющих заключений, через посредство ряда гипотез. Для наук о духе, наоборот, вытекает то последствие, что в их области в основе всегда лежит связь

душевной жизни, как первоначально данное. Природу мы объясним, душевную жизнь мы постигнем. Во внутреннем опыте даны также процессы взаимодействия, связи в одно целое функций как отдельных членов душевной жизни. Переживаемый комплекс тут является первичным, различение отдельных членов его – дело уже последующего. Этим обуславливается весьма значительное различие методов, с помощью которых мы изучаем душевную жизнь, историю и общество от тех, благодаря которым достигается познание природы» (Дальтей, 1996, с. 16). «Итак, необходима и возможна психология, кладущая в основу своего развития описательный и аналитический метод и лишь во вторую очередь применяющая объяснительные конструкции, причем она сознает наличие положительных им пределов и применяет эти конструкции так, что такие гипотезы не являются, в свою очередь, основанием для дальнейших гипотетических объяснений. Она будет основанием наук о духе, подобно тому как математика – основа естествознания» (там же, с. 89).

Дальтей подверг резкой критике объяснительную психологию Лотце, Вундта и других представителей современной немецкой психологии. Главными ее недостатками он считал элементаризм и конструктивизм. По Дальтею, эта психология пытается выделить исходные элементы в сознании и на них с помощью произвольных гипотез сконструировать целое. Поскольку интерпретации произвольны и гипотетичны, маловероятно, что итоговая картина будет соответствовать действительности.

Этой психологии Дальтей противопоставляет собственный подход, который называет описательной (понимающей, расчленяющей) психологией. Основные ее постулаты таковы:

1. Необходимо исходить из данности сознания, очевидности.
2. Сознание целостно. Дальтей говорит о связности душевной жизни.
3. Необходимо идти не от элементов к целому, а, напротив, исходить из целого.
4. Важнейшим понятием является переживание. Важно понять, что данное переживание означает для человека. Тем самым обеспечивается связь с индивидуальным миром культуры.
5. Необходимо не выделять элементы, а расчленять сознание на целые системы.
6. Задача психологии не объяснять, а понимать. Причинность в психологии должна пониматься не так, как в естественных науках.
7. Важнейшим методом психологии является типология.
8. Личность представляет собой целостность.

Нам очень важно подчеркнуть важный момент. Если Вундт строил физиологическую психологию «смазу», отталкиваясь от простейших психических явлений, максимально близких к физиологии, то герменевтическая психология исходила из необходимости изучать сложные проявления психической жизни. Если Вундт осваивал «пограничные» области психологии, то Дильтей имел в виду рассмотрение «настоящей» психической жизни во всей ее сложности.

Таким образом, в работах В. Дильтея сформировалось представление о неклассической психологии, которое впоследствии стало фундаментом герменевтической (гуманитарной) парадигмы в психологии.

Не имея возможности рассмотреть исторические трансформации парадигмального статуса психологии, обратимся к современности.

Согласно Л. Гаран и М. Кечке, для современной психологии характерно противостояние двух основных полупсихологий: естественнонаучной и герменевтической. «Психология находится в уникальном положении, так как линия раскола проходит как раз по ее корпусу, раскаяв его на две полужуки: считающая себя одной из естественных наук, применяющая их позитивистскую методологию „объясняющая психологию“ – и помещаемая среди исторических наук, орудовающая их герменевтической методологией „доминирующая психология“» (Гаран, Кечке, 1997, с. 92).

Венгерские авторы отмечают: «А ведь сомнения в том, является ли позитивистский метод естественных наук подходящим для всестороннего изучения человека, не новы. Известны соображения, которые побудили Дильтея противопоставить гуманитарную (*geisteswissenschaftliche*) психологию естественнонаучной (*naturwissenschaftliche*). Ключевым является, например, соображение, которое Дильтей сформулировал следующим образом: „Первое решающее условие для того, чтобы гуманитарная наука была возможной, заключается в том, что и я сам являюсь историческим существом, что тот, кто исследует историю, идентичен тому, кто ее творит“... Мы приписываем этому соображению фундаментальное значение, потому что, например, Гадамер... сделал из него вывод, согласно которому опыт о социальном мире не может быть превращен в науку посредством индуктивного метода естественных наук» (там же, с. 87). Знаменательно заключение, к которому приводят венгерские психологи: «Но пока психологическое исследование будет претендовать на роль естественно-научного, оно то и дело будет наткнуться на несуразности. Однако из этого не следует, что психологию невозможно построить как научную. Возможно, она научна, но по нормам других, нежели естественных, наук. Вот почему нужно рассмотреть

вать как несчастье для этой науки, что ее служители получают свои дипломы (по крайней мере в венгерских университетах, но думается нам, что не только) без малейшего представления о той, отличной от естественнонаучной, логике, которой пользуются науки исторические, лингвистические, литературные, юридические, моральные и которая так же многообещающим образом может быть применена к решению определенных проблем психологии, как и логика естественных наук. Мы считаем этот пробел несчастьем для психологии потому, что с ним связана ее распад на две полунауки и длительные попытки воссоздать единство способом навязывания естественнонаучной логике рассуждений в области другой полупсихологии. <...> Не подает больше надежды также и обратный прием, когда общия знаменателем двух полупсихологий объявляется не позитивистская логика естественных наук, а, согласно новой моде, герменевтическая логика исторических наук. На язык этой последней ничего невозможно перенести из всего богатства открытий, сделанных за долгую историю естественнонаучной психологии, особенно касающиеся связи психологических феноменов, с одной стороны, и стратегии живого организма, направленной на его выживание, с другой- (там же, с. 91).

Итак, на протяжении длительного времени конфликт между парадигмами выступал в разных обличьях. Дело в том, что одна и та же парадигма в истории психологии могла воплощаться в разные концепции, точнее, могла порождать их, так как основная функция парадигмы – продуцировать концепции. Достаточно обратиться к учебнику по истории психологии, чтобы обнаружить противоречия между психологией материалистической и спиритуалистической, объективной и субъективной, объясняющей и понимающей, психологией сознания и психологией поведения и т. п.

Сегодня отчетливо представляется, что в качестве основных парадигм, определяющих лицо психологической науки, все же выступают две – естественнонаучная и герменевтическая.

Основные черты естественнонаучной парадигмы, которая в свое время конституировала научную психологию, по-видимому, могут быть сведены к следующим: 1) психология имеет объект исследования и научный предмет, аналогичные объектам и предметам естественной науки; 2) предмет психологии (так же, как и в любой естественной науке) подлежит объяснению; 3) в психологии должно использоваться причинно-следственное объяснение; 4) в психологии предполагается явная или неявная редукция, т. е. сведение психического к непсихическому; 5) в психологии применимы общие схемы исследования, разработанные в естественных науках

(структурный, функциональный, процессуальный, генетический, уровневый или их определенные сочетания).

Отметим, что некоторые характеристики, которые обычно считаются признаками естественнонаучного подхода в психологии, – атомизм, элементаризм, конструктивность (в дильтейском смысле), склонность к психофизиологическим объяснениям и т. п., – по-видимому, не входят в ядро парадигмы. Поэтому целесообразно в дополнение к парадигмальным характеристикам использовать понятие ориентации исследования, имея в виду элементаристскую или целостную ориентации.

Герменевтическая парадигма в психологии предполагает, что психология имеет иной объект, качественно отличный от объектов естественных наук. Поэтому объяснения, предполагающие редукцию, в той или иной форме в психологии неприемлемы. Вместо объяснения должны использоваться описания; важное место в герменевтической парадигме принадлежит типологии.

А. В. Юревич отмечает, что «вычленяются шесть ключевых характеристик гуманитарной парадигмы, отличающих ее от парадигмы естественнонаучной: 1) отказ от культа эмпирических методов; 2) признание научным не только верифицированного знания, подтвержденного «инесубъектным» эмпирическим опытом; 3) легитимация интуиции и здравого смысла исследователя; 4) возможность обобщений на основе изучения частных случаев; 5) единство исследования и практического воздействия, б) изучение целостной личности, включенной в «жизненный контекст» (Юревич, 2008, с. 5).

Как же соотносятся эти парадигмы? На самых ранних этапах имела место прямая конфронтация – открытое противопоставление по принципу «или – или», хотя нужно заметить, что такие авторы, как В. Дильтей, Г. Мюнстерберг, имели достаточно «мигаше-позиции, призывая право на существование и «другой» психологии, а экстремистами, как это часто бывает, были уже их последователи. Затем наступает период «логического империализма» (Л. Гараи, М. Кечке) – попытки распространить логику одной из «полупсихологий» на всю психологию. К большим успехам это не привело, но, по образному выражению Л. Гараи и М. Кечке, лишь к многочисленным «несуразностям». Попытки прямого «синтеза» успеха также не имели, поскольку в этом случае объединение может быть лишь декларативным. Напомним, что различие между парадигмами чисто методологическое, поэтому поделить «сферы влияния» (скажем, нижние функции – одной, высшие – другой) не представляется возможным. В этом случае предпринимается более тонкий, более «современный» способ. Для исследования выбирается такая единица,

которая непосредственно не относится ни к одной, ни к другой сфере. Примером может послужить цитированная выше работа венгерских психологов. «Производство истолковывалось будапештской исследовательской группой как интегративный принцип, без которого гуманитарные науки были бы обречены на вечные попытки изводить либо культуру из природы человека, либо образцы повседневного поведения из человеческого духа. А это увековечило бы раскол между объясняющей и понимающей гуманитарными науками» (Гаран, Кечке, 1997, с. 93).

Сами Л. Гаран и М. Кечке видят выход из сложившейся ситуации, которую именуют «психофрежкой психологией», в обращении к работам Л. С. Выготского: «В последнее время возникли некоторые признаки того, что психология найдет излечение от своей психофрежки не ценой логического империализма той или другой из двух полунаук. Самым ярким из этих признаков является то особое внимание, с которым за десять последних лет западная научная общественность обращается к теории Выготского» (там же). Согласно венгерским авторам, «сама деятельность имеет два в одинаковой степени важных аспекта: объект, на который она направлена, и субъект этой деятельности. Объект деятельности трактуется в рамках логики естественных наук, субъект деятельности определяется в таких интеракциях, о которых... было показано, что они определяются в логике исторических наук» (там же, с. 94).

Другие авторы (например, М. Коул) видят выход в соединении в рамках одного исследования идиографических и номотетических методов. Примером, согласно Коулу, может служить романтическая психология А. Р. Луриа (Cole, 1997). Сходную точку зрения, в которой подчеркивалась первичность целостного описания, сформулировал в свое время А. Маслоу.

По какому же поводу, разрешение конфликта между естественно-научной и герменевтической парадигмами возможно только при обращении к более широкому, чем традиционное, пониманию психического.

Впрочем, это только «классическая» оппозиция. Появляются попытки преобразовать психологию на новой основе, – соответственно, появляются иные парадигмы. В юбилейном номере журнала «Вопросы психологии», посвященном 100-летию со дня рождения Л. С. Выготского, помещена чрезвычайно интересная статья Ф. Е. Василюка. Название этой статьи, получившей очень широкий резонанс, – «Методологический смысл психологического сланса». Сланс – расщепление психологии – трактуется Ф. Е. Василюком как характеристика современного ее состояния в нашей стране: «К сожалению, психо-

дится диагностировать не кризис, но сдвиг нашей психологии, ее расщепление. Психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью, как две субличности диссоциированной личности...» (Васильюк, 1996, с. 26). Автор подчеркивает: «Наиболее опасное, что консервирует всю ситуацию и в первую очередь нуждается в исправлении, состоит в том, что ни исследователи, ни сами практики не видят научного, теоретического, методологического значения практики. А между тем для психологии сейчас нет ничего теоретичнее хорошей практики» (там же, с. 27).

Главная мысль вышеупомянутой статьи состоит в том, что «наиболее актуальными и ценительными для нашей психологии являются психотезисические исследования, что их значение вовсе не сводится к разработке эффективных методов и приемов влияния на человеческое сознание, но состоит прежде всего в выработке общепсихологической методологии» (там же).

Не вдаваясь в обсуждение этой глубокой и интересной статьи, отметим, что с последним тезисом согласиться нельзя. На наш взгляд, это может привести лишь к ликвидации психологии как науки, какой она, вне сомнения, все же является. Никким образом не игнорируя важность занятых разнообразными видами психологической практики, выскажем опасения, что, на наш взгляд, с общепсихологическо-методологическим значением практики дело обстоит не так просто. Прежде всего констатируем, что лозунг «От исследования психики – к работе с психикой», в принципе, не является новым. Об этом более тридцати лет тому назад неоднократно говорил известный отечественный методолог Г.П. Щедровицкий. Психотезисические «мотивы» в творчестве Л.С. Выготского обнаружил, как известно, А.А. Пузырей. Впрочем, дело, конечно, не в этом. Перенос акцента с исследования психики на работу с психикой приводит на самом деле к тому, что утрачиваются научные критерии исследования. В результате все подходы к работе с психикой как бы становятся «равноправными»: и психотерапия, и коррекция биполей, и снятие порчи, «глаза» и т.д. становятся процедурами принципиально родоволожными. Во-вторых, подобное изменение акцента, похоже, закрывает дорогу перед исследователем психическому как оно есть. Такое исследование, хотя его и не так просто осуществить, все же возможно (во всяком случае, история психологии убедительно свидетельствует, что это иногда случается). В-третьих, хорошо известно, что, когда с чем-то работаешь (тем более если это психика), очень легко получить артефакт. Поэтому в данном случае, скорее, исследуется не сам объект, а то, что при определенных условиях из него можно получить. Это, конечно, объект определен-

ким образом характеризует, но в таком случае всегда существует опасность смешения «существенного» и не вполне существенного (см. известный этюд классика о стакане). Критерии во многом заданы «техникой».

При всей заманчивости психотехнического подхода (во избежание недоразумений еще раз повторим, что автор не против подхода, но против его методологического значения для общей психологии), видимо, не следует надеяться, что он является панацеей. Ф.Е. Василюк пишет: «В отечественной психологии мы находим прекрасный образец реализованного психотехнического подхода. Это теория поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина. Без специального методологического анализа, уже чисто стилистически, очевидно психотехническая суть этой теории: не теория мышления, не теория умственных действий, но именно теория формирования, т.е. теория работы с психикой, а не самой психикой» (Василюк, 1996, с. 32). Здесь все абсолютно верно. Действительно, с психикой можно работать подобным образом. Но что мы отсюда узнаем о самой психике? Что она может выполнять функцию ориентировки? Для практики это, наверное, хорошо, но для теории (тем более для методологии) этого все же мало (хотя бы потому, что совершенно ясно: в любом случае психика – не только ориентировка).

Впрочем, еще в прошлом столетии К.Д. Ушинский, ратовавший за психологию, очень верно заметил в «Педагогической антропологии», что нечто так не обнаруживает односторонности теории, как ее приложение к практическим целям. Может быть, дело в психологических теориях? Решение практических вопросов предполагает работу с целостным объектом, практика объекта. Наука – и в этом ее сила – предмета, что позволяет, используя идеальные объекты, строить теории предмета. Таким образом, научные и практические знания о «человекомерных» (выражалась языком философов) системах весьма различны. Мощная составляющая современной практически ориентированной психологии – разного рода психотерапевтические процедуры, предполагающие работу с целостной личностью (или с группой личностей). Консультативная работа – это работа с целостной личностью. Мы ошибемся, если будем предполагать, что теоретической основой различных психопрактик являются психологические теории, принадлежащие к достойной традиции уважения академической науке. Скорее будет правильно, отдавая дань веку постмодернизма, определить эту основу как мифологию, точнее, мифологии, потому что они столь же многообразны, как и сами психотехники. Собственно, этот разрыв между практикой и психологической теорией существовал давно: еще А.С. Выготский в 1927 г.

акронизировал относительно трудноприменимости эйдетической редукции Эдмунда Гуссерля к отбору разговорных текстов.

Интенсивная практика (а сейчас мы имеем дело с «ренессансом» психологии в сфере образования) делает эти проблемы более острыми и потому более актуальными. Практика находит «свою» теорию. Очевидно, что чаще всего это не научная психология. Никогда теоретическая работа в практических направлениях очень интересна и может быть объектом специального анализа (Мазяков, 1998). Важно здесь подчеркнуть следующее. Разрыв психологической науки и практики свидетельствует – и это очень важно – о явном неблагополучии в самой научной психологии. Игнорировать эти симптомы во меньшей мере недальновидно. Несомненно, разрыв между психологической наукой и психологической практикой сегодня существует. Но что стоит за этим разрывом? Могут ли быть вскрыты его глубинные причины? По нашему мнению, причина все та же – слишком узкое понимание своего предмета научной психологией.

Другим подходом, который заявляет о себе как о возможной новой парадигме психологической науки, является синергетика. В. Ю. Крылов назвал ее психосинергетикой (Крылов, 1998). Синергетика представляет собой междисциплинарное научное направление, возникшее в начале 1970-х годов. Сам термин ввел Г. Хакенем, немецким физиком. Другое направление в синергетике связано с именем И. Р. Пригожина, Нобелевского лауреата, известного физикохимика (например, теория диссипативных (неравновесных) структур). Фокус данного направления в том, что предпринимается попытка описания общих закономерностей, лежащих в основе процессов самоорганизации в системах различной природы (физических, химических, социальных, биологических, экономических и т.д.). «Синергетика направлена на раскрытие универсальных механизмов самоорганизации сложных систем, как природных, так и человекомерных, в том числе когнитивных» (Козлова, 1995, с. 4). Особый интерес вызывают попытки применить синергетику к психологии. Может ли она претендовать на то, чтобы явиться новой психологической парадигмой? Не имея возможности здесь обсуждать специфику синергетического подхода к решению собственно психологических проблем (что, несомненно, представляет значительный интерес), остановимся на самых принципиальных моментах.

Разумеется, очень заманчиво разработать общую универсальную модель, которая была бы свободна от специфики предметного знания. Преимущества формальных построений были проанализированы еще Кантом. В. Ю. Крылов отмечал: «...величайшие эффекты в психологических системах (имеющих аналоги в других

дисциплинах) в точности описываются соответствующими моделями, взятыми из физики, химии, биологии и др.» (Крылов, 1998, с. 60). Является ли синергетика общей фундаментальной теорией? По-видимому, нет. К синергетике полностью приложима критика диалектики, осуществленная Карлом Поппером. (По отношению к диалектике критика, на наш взгляд, не является полностью справедливой). К. Поппер писал о диалектике: «Интерпретация истории мышления может быть вполне удовлетворительной и добавляет некоторые ценные моменты к интерпретации мышления в терминах проб и ошибок» (Поппер, 1995, с. 120). Эти слова, сказанные им в адрес диалектики, полностью можно отнести на счет синергетики. Она является не фундаментальной, но просто описательной теорией. Она полезна, когда мы имеем совершившийся процесс. Для того, чтобы, скажем, использовать концепцию аттракторов, нужно иметь представление о всех возможных путях ее развития. Вряд ли стоит говорить, насколько сложен этот вопрос для психологического изучения. Нельзя же согласиться с В. Ю. Крыловым: «Конечно, все сказанное о смене путей развития в точках неустойчивости предполагает наличие у системы свойства многовариантности путей развития. В связи с этим важнейшей задачей нелинейного подхода в изучении развития психологических систем является выявление различных возможных для систем путей развития в данных внешних условиях» (Крылов, 1998, с. 61). Нельзя также не согласиться с другим тезисом Крылова, согласно которому «важнейшей задачей является выявление таких специфических нелинейных психологических систем, которые не имеют и не могут иметь аналогов среди систем более простой природы. Изучение таких систем, пожалуй, и должно составить наиболее важную часть нелинейной психологии. Сейчас же отметим только, что примером таких систем являются системы, обладающие развитыми языковыми средствами» (там же, с. 60).

Очень важным, на наш взгляд, является положение, сформулированное В. Ю. Крыловым, согласно которому для психолога очень важно исследовать объект в его естественном спонтанном состоянии и развитии: «Метод такого изучения должен радикально отличаться от метода стимул – реакция, в именно, система должна помещаться в те или иные естественные для нее внешние условия, где наблюдается и фиксируется ее спонтанное поведение в данных условиях» (там же, с. 61). Важность этого положения трудно переоценить, так как такого рода методы позволяют получать не артефакты, а, напротив, данные о «невывужденном», естественном поведении объекта.

Сложность психологических объектов привела, однако, к тому, что элементарные линейные модели остались далеко в прошлом, на заре научной психологии (классический ассоциационизм, радикальный бихевиоризм). В психологии XX в. распространение получили структурно-уровневые концепции (см. обзор: Роговин, 1977). Наличие различных уровней и возможность межуровневых переходов, использование рефлексивных стратегий субъекта ставят перед синергетикой пока что неразрешимые проблемы. Особенно важно подчеркнуть, что в самой психологии, в наиболее продуктивных психологических концепциях, накоплен материал (который нуждается в анализе и методолого-психологическом осмыслении), позволяющий по-новому (и не упрощая!) сформулировать представления о целостности (коллажи), телеологии и т.д., которые пытается ввести синергетический подход. Как отмечают сами сторонники синергетики, «по всей вероятности, пока еще рано говорить о философии синергетики, а равным образом и о синергетике познания, т.е. о синергетическом видении когнитивных процессов, как об общеприятых и в достаточной мере разработанных» (Князева, 1995, с. 218).

Впрочем, есть и более оптимистичные оценки. В.Е. Ключко отмечает: «Психосинергетика – это теоретическая психология, точнее, психология, способная теоретически определить предмет своего исследования. Психология, сознательно согласившаяся с тем, что нельзя изучать работу разума, останавливая свое мышление на уровне рассудка. Потребуется еще громадная внутренняя работа, итогом которой должна стать совсем простая идея: не может возникнуть живое из неживого – его там просто нет по определению; не может психика (дух, душа) возникнуть из материи, при ее непосредственном взаимодействии на органы чувств – ее там нет. Нет у человека прямого контакта с миром „чистой объективности“, как нет его и с миром, в котором живет чистый (абсолютный) Дух. Нет у Духа своей обители, как нет и его самого – рафинированного, „чистого“. Дух не скитается и не обитает неведомо где, а живет (в своей идеальной, интегральной форме) в культуре, в этом совокупном общественном продукте. Из нее он переходит в форму реального активного дифференцированного бытия в качестве духа конкретного человека, в нее возвращается по окончании его жизни – чаще обогащенным, иногда деформированным и большим и вынужденным восстанавливаться в процессах перехода в идеальную форму, в процессах интеграции со своей первоосновой» (Ключко, 2001, с. 107).

В.Е. Ключко продолжает: «Самое сложное заключается в том, чтобы понять эту простоту: как „объективная реальность“, так и „субъективная реальность“ есть порождение обыденного сознания, рас-

судка, а задача „разумной“ (теоретической) психологии заключается в том, чтобы не всякую, а целостного человека определить в качестве предмета науки. Ее актуальной задачей является прослеживание того, каким образом культура, хранящая и аккумулирующая в себе „дух“ предков (добытые или знания, отработанные способы видения мира, познания, мышления, их смыслы и ценности бытия, их волю, страсть и т.д.), трансформируется в духовнотворенный мир конкретного человека, превращается в нем в то, что составляет его человеческую сущность: многомерный, наполненный предметами, звуками, красками, смыслами и ценностями, размышляющийся Мир – в единственного претендента на то, чтобы называться „реальностью“ и „действительностью“» (там же, с. 108). Психосинергетика, по В. Е. Ключко, имеет большие перспективы развития: «Тенденция развития научного мышления, идущая по линии „метафизика–диалектика–синергетика“, не оборвется на синергетике. Она продолжится через конкретизацию в пока недоступных нам механизмах метасистемного мышления. Нам же предстоит ассимилировать этот временный предел научной мысли как опору для ее дальнейшего движения. Причем ассимилировать не на простых системах, где взаимодействие со средой обеспечено фактом однопорядковости, однородности, относительной тождественности системы и ее среды, когда запрограммирована случайность встречи явлений и сущностей, не являющихся в полной мере противоположностями, приводящая каким-то образом к порядку. Психосинергетике предстоит объяснить, каким образом детерминирована, обусловлена сама возможность взаимодействия живого и неживого, материи и духа, психического и физического, открыть причину их взаимодействия и его порождающий эффект» (там же, с. 109).

Но, тем не менее, все это пока в будущем.

Таким образом, на современном этапе синергетика пока не в состоянии претендовать на то, чтобы явиться новой полновесной парадигмой психологии.

Все же психология может рассчитывать на преодоление кризиса и конфликта между различными парадигмами. Об этом пишет А. В. Юревич: «комплексные, многополярные психологические объяснения, в которых нашлось бы место и нейронам, и смыслу жизни, могли бы послужить одним из главных средств преодоления противостояния естественнонаучного и гуманитарного изучения психики» (Юревич, 2008, с. 14). А. В. Юревич приходит к выводу: «Новые тенденции в развитии психологической науки дают основание предположить, что она отнюдь не обречена на вечное противостояние естественнонаучной и гуманитарной парадигмы, которые

при определенном взгляде на психологическую реальность могут выглядеть не только не антагонистичными, но и, в терминах Т. Куна, вполне соизмеримыми друг с другом и друг в друге нуждающимися (там же).

Для этого, на наш взгляд, необходимы внутренние преобразования самой психологии. В первую очередь требуется новое, более широкое понимание самого предмета этой науки (Мазюков, 2007).

Литература

- Анощенко В. А. Примечания // Brentano Ф. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги—Русское феноменологическое общество, 1996. С. 153–175.
- Бrentано Ф. Избранные работы. М., 1996.
- Басалки Ф. Е. Методологический смысл психологического слуха // Вопросы психологии. 1996. №6. С. 25–40.
- Вундт В. Основания физиологической психологии. М.: Типогр. М. Н. Лаврова и Ко, 1880.
- Вундт В. Основы физиологической психологии. Естественное и психология. Вып. 1. СПб.: Типогр. П. П. Сойкина, б/г.
- Вундт В. Психология в борьбе за существование // Новые идеи в философии: Сб. 10: Методы психологии. Ч. II. СПб.: Образование, 1913. С. 93–131.
- Гарси Л., Кевеи М. Еще один кризис в психологии! // Вопросы философии. 1997. №4. С. 86–96.
- Гарциман Э. Современная психология. М.: Изд. Д. П. Ефимова, 1902.
- Гельм Г. В. Ф. Лекции по истории философии: Кн. 3. СПб.: Наука, 1999.
- Дильтей В. Описательная психология. СПб.: Алетейя, 1996.
- Ждан А. Н. История психологии. М.: МГУ, 1990.
- История психологии: период открытого кризиса: Тексты / Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М.: МГУ, 1992.
- Ключко В. Е. Психосинергетика: настоящее и будущее психологии // Материалы конференции «Человек в психологии: ориентиры исследований в новом столетии». Караганда: Изд-во КарГУ, 2001. С. 101–110.
- Кляшторный Е. Н. Сдвиги научного разума. М.: ИФ РАН, 1995.
- Крылов В. Ю. Психосинергетика как возможная новая парадигма психологической науки // Психологический журнал. 1998. Т. 19. №3. С. 56–62.
- Данкс Н. Н. Психологические исследования: Закон перцепции. Теория волевого внимания. Одесса: Типография Шт. Одесского военного округа, 1893.

- Машков В. А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: МАПН, 2007.
- Поллер К. Что такое диалектика? // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 118–139.
- Розован М. С. Введение в психологию. М.: Высшая школа, 1969.
- Розован М. С. Структурно-уровневые теории в психологии. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1977.
- Рубинштейн С. Л. Философские корни экспериментальной психологии // Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 68–90.
- Фресс П. Развитие экспериментальной психологии // Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып. 1, 2. М.: Прогресс, 1966. С. 15–98.
- Черныш В. С. Парадигма // Современная западная философия: Словарь. М.: Изд. полит. лит., 1991. С. 227.
- Шульц Д., Шульц С. История современной психологии. СПб.: Евразия, 1998.
- Юрочин А. В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3–11.
- Юрочин А. В. Перспективы парадигмального синтеза // Вопросы психологии. 2008. № 1. С. 3–15.
- Ярославский М. Г. Сеченов и мировая психологическая мысль. М.: Наука, 1981.
- Ярославский М. Г. История психологии. М.: Мысль, 1985.
- Ярославский М. Г. Наука о поведении: Русский путь. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НИО «Модэк», 1996.
- Watson E. A. History of experimental Psychology. 2nd ed. N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1950.
- Wexler F. Psychologie vom empirische Standpunkte / Herg. von Oskar Kraus. Bd. 2. Leipzig: Meiner, 1925.
- Wexler F. Psychologie vom empirische Standpunkte. Bd. 1. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874.
- Cole M. Alexander Luria and the Resolution of the Crisis in Psychology // I Международная конференция памяти А. Р. Лурин – First International Luria Memorial Conference: Abstracts. Moscow, Russia, September 24–26, 1997. М.: МГУ. P. 117.
- Ebbinghaus H. Grundzüge der Psychologie. Bd. 1. Leipzig: Veit, 1902.
- Ebbinghaus H. Ueber das Gedächtnis: Untersuchungen zur experimentellen Psychologie. Leipzig: Duncker & Humblot, 1885.

СООТНОШЕНИЕ ОБЩЕНАУЧНЫХ ОБРАЗЦОВ СОВРЕМЕННОГО ЗНАНИЯ И НЕЯВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

Т. В. Зеленова

Элементы дисциплинарной матрицы Т. Куна, характеризующие парадигму, как известно, выступают не только в виде вербализованных моделей и обобщений, но и в форме неявного знания (Полани, 1985) – в виде ценностных установок и образцов решений конкретных задач и проблем.

Как показано у В. С. Степина (Степин и др., 1999), в основе неявных традиций могут лежать как паттерны действий (образцы деятельности, передаваемые путем непосредственной демонстрации от учителя к ученику), так и образцы продуктов познания (см. рисунок 1). Последние выступают обычно в виде общих абстрактных высказываний, понятий, принципов, моделей и пр. и в силу этого могут быть как чисто психологическими, так и иметь черты междисциплинарности, что, согласно известной теореме Гёделя

Рис. 1. Явное и неявное в структуре психологических парадигм

в неполноте, существенно расширяет возможности их влияния на формирование психологических парадигм.

К таким общеученым образцам в первую очередь можно отнести постулаты сложностных аспектов современного знания: принцип дополнительности Бора, принцип неопределенности Гейзенберга и принцип несовместимости Заде. Согласно первому, один и тот же объект может иметь взаимоисключающие свойства в зависимости от условий эксперимента (электрон может проявлять свойства и частицы, и волны), что способно стать новым основанием для решения, например, психофизической проблемы или снятия методологического противоречия между иерархией и сетью, которые являются дополнительными структурами в архитектуре организмов и общества (Кестлер, 1993).

Принцип неопределенности запрещает одновременное измерение точных пространственных координат и импульса движения объектов микромира. Это дает возможность объяснить трудность попыток одновременной и точной пространственной и временной локализации нейропсихических процессов (каждый момент времени характеризуется разным составом динамически связанных психических функций).

Принцип несовместимости проявляется в невозможности сочетания между собой высокой точности описания и большой сложности системы. Чем сложнее система, тем менее осмысленной становится точная исследовательская модель. Если же стремиться к увеличению смысла, придется пожертвовать точностью описания системы. Это накладывает серьезные ограничения на перспективы изучения психики исключительно объективными методами без учета личности исследователя и использования герменевтических (интерпретационных) подходов и диалоговой коммуникации.

Не менее существенный вклад в формирование психологических парадигм вносит менталитет современной эпохи, который характеризуется тремя основными положениями постмодернизма, сформулированными К. Уилбером: конструктивизмом, контекстуализмом и аперспективизмом (Уилбер, 2004). Конструктивизм опирается на предположение, что реальность не полностью является изначально данной, а частично конструируется самим субъектом. Подчеркивая важное значение интерпретации для понимания и познания такой реальности, конструктивизм включает субъекта в процесс познания. Идея конструктивизма, как показал В. Ф. Петренко (Петренко, 2002), тесно заложена в понятие «образ мира» и активно развивается в отечественной психологии.

Контекстуализм подчеркивает, что смысл находится в самом объекте, а контексты позволяют его найти, обнаружить, выявить. Это положение наиболее ярко проявилось в эпистемологических взглядах Г. Бейтсона (Бейтсон, 2000), который показал взаимосвязанные контексты (контексты контекстов). Контекстуализм стал интерпретационной основой эволютической модели развития ребенка У. Бронфенбрена, показавшего роль фоновых культурных контекстов, в которых находится индивид. Наконец, контекстуализм мог быть важным основанием метода «анализа через синтез» С. Л. Рубинштейна, поскольку позволяет выявить более глубокие свойства объекта через включение его в различные системы связей, образующих другие контексты. А. В. Брушлинский, отмечая суть этого метода, писал: «психическое... в различных системах связей объективно выступает в них в новых качествах: как процесс, как результат, как статика, как динамика...» (Брушлинский, 1982, с. 31).

Аперспективизм, характеризующий многосторонний подход к реальности без выделения какого-то единственного фундамента, можно наблюдать в качестве образца познания прежде всего в становлении сетевого мышления в психологии, наиболее продуктивно проявившегося в концепции вложенных сетей Г. Бейтсона. Аперспективизм свойствен также некоторым современным методологическим взглядам в психологии. Отчасти он характерен для методологических позиций «либерализма» и «плюрализма», методологической терпимости, на которые указывает С. Л. Смирнов (Смирнов, 2005), и для ряда отечественных работ, раскрывающих сетевой подход в научном мышлении. Его наиболее прогрессивная форма – интегральный аперспективизм – лежит в основе психологических взглядов К. Уэллера.

Постмодернистское мышление породило представления о сетевых моделях и синергетических процессах. Осуществляется перенос акцента от изучения свойств объектов на изучение связей между ними. Сеть рассматривается как система, не имеющая управляющего центра («ожерелье Индры»), а любой объект описывается через его взаимосвязи с другими объектами. Понятия синергетики дают возможность рассмотрения «живых» сетей как неравновесных аутопоэтических систем (И. Пригожин, У. Матурама), открывая, наряду с пространственным, временной аспект анализа явления. Особое значение придается положительной обратной связи. Г. Бейтсон впервые обратил внимание на такой качественный параметр, как степень интенсивности обратной связи, являющийся, по его мнению, характеристикой уровня развития сети, ее места в общей иерархии сетей. Чем интенсивнее обратная связь, тем ниже

уровень организации сети и степень первичности контекста, с которым взаимодействует система. Сетевые модели, возможно, выступили как образцы для построения, например, модели когнитивной науки Дж. Миллера (Миллер, 2005). Подробное это вопрос рассматривается в статье автора о сетевой парадигме в психологии (Зеленкова, 2007).

Общепсихологический подход к описанию реальности, изложенный К. Уэлбером на основе идей А. Кестлера в «интегральной теории сознания» (Уэлбер, 2004), явился образцом для построения им единой классификации («matrix matrix») более двухсот зарубежных психологических теорий. При этом он, фактически не имея, использовал метод анализа через синтез, открытый С. Л. Рубинштейном гораздо раньше. Каждая новая теория анализировалась К. Уэлбером через синтез так называемых «ориентирующих обобщений» и занимала соответствующее место в системе психологического знания – коларки, представляющей собой баланс иерархии (качественно различных уровней) и логархии (взаимосвязанных измерений одного уровня – сетей). Таким образом, метод анализа через синтез выступал в качестве образца (продуктов познания) для определения места психологической теории в общем методологическом поле через синтез междисциплинарных обобщений. Сначала психологические теории выстраивались в пространстве двух факторов – «внутреннее–внешнее» и «коллективно–индивидуально» (что соответственно подразделяло концептуальные схемы на четыре основные категории: интенциональные, поведенческие, социальные и культурные), а затем располагались по степени эволюционной сложности.

Такая, в определенном смысле, «психологическая таблица Менделеева» показывала, каким образом та или иная теория описывает «свою» часть реальности и какое занимает место в коларки других теорий, не вступая с ними в противоречие, а лишь дополняя и уточняя общую картину. Здесь сама классификация является образцом продукта познания, который может служить новым основанием для формирования новых психологических парадигм, заполняющих свободные места в классификации, или для переосмысления уже имеющихся теорий.

Например, культурно-аналитический подход в психологии, в настоящее время развиваемый М. С. Гусельцовой (Гусельцова, 2009), судя по названным в статье теоретико-методологическим источникам, лежащим в его основе (несоквантизм, работы К. Г. Юнга, М. Вебера, М. М. Бахтина, труды школы «Анналов» и тартусско-московской семиотической школы), охватывает только два сектора психологического холма – интенциональный и культурный, тем самым

ограничивая полный междисциплинарный анализ психики одной, по терминологии К. Уэллера, «левой» стороной.

С учетом условности указанного деления, в этом координатном пространстве школы А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна преимущественно занимают деятельностный (социальный) и субъектный (интеграционный) секторы, в школы Л. С. Выготского и А. Р. Лурии – культурный и поведенческий. И если К. Уэллер образно определяет хаос через «стороны квадрата» (индивидуальное–коллективное, внутреннее–внешнее), то в данном случае (посредством отечественных теорий) психологический хаос можно определить через его «диагонали», т. е. более устойчивой топологической структурой: субъектное–деятельностное, культурное–поведенческое (рисунк 2).

Таким образом, все четыре ведущие школы отечественной психологии вместе составляют единое интегративное пространство психологического знания и могут рассматриваться как необходимые и непротиворечивые части единого целого.

Интересно отметить, что в качестве неких оснований концепций Т. Куна и К. Уэллера выступали образцы мышления американского философа Артура Лавджоя (Лавджой, 2001). В предисло-

Рис. 2. Основное координатное пространство базовых школ отечественной психологии

нии к книге «Структура научных революций» Т. Кун писал, что труд А. Лавджоя «Великая цель бытия» сильно повлиял на его мышление, но характер этого влияния остался не вполне ясным для него (Кун, 1977). Примерно так же пишет и К. Уилбер.

Новыми образцами мышления А. Лавджоя стали:

- для Т. Куна – представления об истории развития и смены философских идей;
- для К. Уилбера – выделение уровней бытия и познания (от материи – к духу);
- для Т. Куна и М. Поппера – выделение имплицитных (или же полностью эксплицитных) предпочтений, более или менее бессознательных ментальных привычек, оказывающих воздействие на мысль индивида или поколения, такие, например, как склонность мыслить в определенных категориях или в конкретных типах образов (рисунок 3).

Конечно, для построения единой классификации психологических теорий К. Уилбер охотно применял иерархический подход к описанию реальности (это основание явное), однако для самих психологических теорий, входящих в эту классификацию, иерархический подход оказался не самым основным.

В основе иерархического подхода лежит свойство целона быть одновременно и частью, и целым. Отметим, что представление о целостности, отражающей единство и одновременность существования целого и части, было характерно и для отечественной философии

Рис. 3. Образцы мышления А. Лавджоя в качестве нового основания истерологических позиций

ской мысли. Так, например, А. Ф. Лосев выделяет в феноменологии мифа как особой целостности «моменты морфный и схемный» (Лосев, 1990, с. 165), первый из которых предстает как часть, явленное, второй – как целое, имплицитное, определяемое взаимоотношениями элементов. Р. Якобсон также писал о том, что «язык... должен рассматриваться одновременно и как целое, и как часть» (Якобсон, 1985, с. 303). Он обращал внимание на пространственные (имеющие свойства части) и временные (свойства целого) характеристики единого вербального сообщения. Якобсон подчеркивает, что в языке «ни на одной из стадий расчленения высших единиц на составляющие их части невозможно встретить фрагменты, которые не несут никакой информации» (там же, с. 304), т. е. не имеют свойств целого.

Тем не менее, данные представления, как и взгляды А. Кестлера – автора понятия «холона», лишь указывают на факт существования основных свойств холона и не раскрывают функциональных ролей и динамики их соотношения, которые как раз и выступают в качестве главных оснований классификации К. Уилбера. Эти основания следующие: холона как целое проявляется в форме непрерывного, внутреннего, скрытого, а холона как часть – дискретного, внешнего, явленного. Некоторые основные свойства холона как особой целостности представлены в таблице бинарных оппозиций (см. таблицу 1).

Формы эволюции любого холона зависят от того, какой его аспект (часть/целое) становится фигурой, а какой – фоном. Поэтому рассмотрение многих, казалось бы, противоречивых психологических понятий с позиции «часть/целое» интегрирует их в единую непротиворечивую картину. Перефразируя известную метафору выдающегося шахматиста и мыслителя Э. Ласкера, можно сказать,

Таблица 1
Бинарные оппозиции

Холона (целостность)	
Целое	Часть
непрерывное	дискретное
внутреннее	внешнее
имплицитное	явленное
достаточное условие познания	необходимое условие познания
обеспечивает точность	обеспечивает полноту
процесс	структура
внешнее действует через внутреннее	внутреннее действует через внешнее
творчество	кредитивность

что развитие человека как части направлено на отвержение ложных ценностей, а как целого – на утверждение истинных.

Известно, что А. Н. Леонтьев и С. Л. Рубинштейн при рассмотрении природы психического придерживались разных позиций. А. Н. Леонтьев в качестве «фигуры» выделял структуру (действие, образ), он шел от структуры – к процессу, а С. Л. Рубинштейн считал «фигурой» процесс, и шел от процесса – к структуре (процесс кристаллизуется в структуре, которая подчинена процессу).

Рассмотрим эту кажущуюся дихотомно с позицией соотношения части и целого в человеке. Психическое как структура – это свойство психического (человека) проявлять себя как часть. Психическое как процесс – свойство человека проявлять себя как уникальное саморазвивающееся целое. На начальных этапах эволюции, как правило, доминирует структура, на более поздних – преимущественно доминирует процесс. Первое использует анализ как основной метод познания, второе – синтез. Таким образом, обе позиции, рассматриваемые отдельно, являются неполными, частичными истинами, а взятые вместе – они представляют более глубокую истину: целостность психического.

Аналогично разрешается полемика между Г. Эббингаузом и В. Дильтейем в методологических основаниях психологической науки (Лыско, 2009). Доводы, приводимые Г. Эббингаузом в защиту естественнонаучно ориентированной психологии, направлены прежде всего на «отвержение ложных ценностей» – это позиция «части». Дильтейевская «описательная психология» – герменевтическая позиция «целого», направленная на «утверждение истинных ценностей». И то, и другое – необходимое и достаточное – выступают как две части единого целого. Методологические позиции обоих авторов находятся в разных секторах (см. рисунок 2).

Формулировка концепции детерминизма психического также, как известно, является предметом разногласий в школах А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна. Принцип «внутреннее действует через внешнее» (и этим себя изменяет) наиболее точно объясняет и полностью описывает социальную детерминацию психики, развитие человека как члена общества (человек как часть). Принцип «внешнее действует через внутреннее» (и этим изменяет внешнее) акцентирует собственную, внутреннюю детерминацию психики – саморазвитие человека через творческую деятельность (человек как целое).

Оба принципа, отражая приоритет либо внешнего, либо внутреннего в рассмотрении причинности, представляют общее интегрированное поле детерминации психического как целостного раз-

взаимодействующего холона и не являются противоречивыми, поскольку проявляются в разных контекстах: первый – при рассмотрении человека преимущественно как субъекта общественной (коллективной) деятельности, второй – преимущественно как субъекта творческой самостоятельности.

В качестве другого примера можно привести решение вопроса о соотношении между понятиями «значение» и «смысл», которые, по мнению А. В. Брушлинского, в теории А. Н. Леонтьева «неправоммерно отрываются друг от друга» (Брушлинский, 1982, с. 35). На самом деле, вопрос о «неправомерном отрыве» снимается, если эти понятия рассматривать в контексте развития холона как части/целого. Согласно принципу дополнительности, значение образуется в ходе развития холона как части, а смысл – в ходе развития холона как индивидуального целого. С этой точки зрения нельзя рассуждать о том, какое из них богаче. Значение обеспечивает полноту, а смысл – точность, поскольку образуется при погружении значения в конкретный контекст. Поэтому значение есть необходимое условие познания, а смысл – достаточное.

Таким образом, переход рассуждений на более высокий обобщающий уровень, способный интегрировать кажущиеся противоречивые теории и точки зрения, упирается, в сущности, в интегрирование бинарных оппозиций по основанию «часть/целое» как свойства особой целостности (холона), проявляющихся в зависимости от ракурса рассмотрения и условий проявления данного свойства. Тогда эти оппозиции как свойства холона одновременно быть и частью, и целым выступают в виде великих оснований интегрирующей теории.

Холон обнаруживает себя и в онтологии, и в гносеологии сходным образом. К примеру, творчество, проявляясь с внешней стороны (как часть), выступает в форме креативности, проявляясь как целое – предстает в виде творческой. Творчество (как холон) равняется в форме движения от креативности к творческой (от части – к целому). Как творческая не может возникнуть без креативности, так и в создании методов исследования творчества тест дивергентного мышления Ф. Вальмса во завершение рисунков не мог быть создан раньше аналогичного теста П. Торренса.

Рассмотрение психологической реальности через основное свойство холона может иметь и практический смысл. Так, например, функциональные роли целого/части были положены нами в основу построения модели отношений в супружеских парах, позволяющей теоретически и эмпирически определить степень их интегрируемости. Исследование супружеской пары как особой целостности (со-

дона) позволено рассматривать стабильность брака в качестве целого, а устойчивость – в качестве части. Под стабильностью подразумевается способность пары сопротивляться внутренним дезорганизующим факторам, под устойчивостью – способность поддерживать инвариантность собственной структуры и поведения во время и после прекращения внешних воздействий. Исходя из основных атрибутов целона нам была составлена фасетная классификация супружеских пар и разработана методика построения семейной холераммы, наглядно показывающей проблемные зоны и ресурсы развития семьи.

Парадигма сама по себе является целоном, проявляясь то как часть, то как целое. Т. Кун проявил этот целон со стороны части, явленного, М. Полани – со стороны целого, скрытого. Целон всегда сначала разбивается преимущественно как часть, но с какого-то момента становится ясно, что этого недостаточно, и тогда начинает выявляться его имплицитная часть, неявная, – его целое. Эксплицитное, оно становится явным, т. е. снова становится частью, но уже новой парадигмы. Этот процесс продолжается бесконечно. Такая многоуровневость эволюционного развития парадигмы хорошо соотносится с упомянутой теоремой Гёделя.

В силу сказанного, методологическое обсуждение вопроса о новых основаниях современных психологических парадигм является прогрессивным актом, который ведет к эксплицированию этих оснований и, возможно, тем самым дает начало новому уровню развития парадигм. Целое становится частью целона более высокого уровня.

Литература

- Бейтсон Г. Эволюция разума: Избранные статьи по антропологии, психологии и эпистемологии / Пер. Д. Я. Федотова, М. П. Папуша. М.: Смысл, 2000.
- Брушлавский А. В. Мышление как процесс и проблема деятельности // Вопросы психологии. 1982. № 2. С. 28–40.
- Гусельцев М. С. Проблемы изучения психики как междисциплинарного феномена: культурно-аналитический подход // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. № 1. С. 166–179.
- Зелехона Т. В. О сетевой парадигме в психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 3. С. 18–28.
- Кастлер А. Дух в машине // Вопросы философии. 1993. № 10. С. 93–122.
- Кун Т. Структура научных революций М.: Прогресс, 1977.
- Лидской А. Великая цель бытия: история идеи. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.

- Досев А. Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990.
- Лысков А. В. Полемика Г. Эббингауза с В. Дильтейем об описательной и объяснительной психологии // *Методология и история психологии*. 2009. Т. 4. № 2. С. 87–95.
- Миллер Дж. А. Когнитивная революция с исторической точки зрения // *Вопросы психологии*. 2005. № 6. С. 304–309.
- Петренко В. Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // *Психологический журнал*. 2002. Т. 23. № 3. С. 113–121.
- Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.
- Смирнов С. Д. Методологический плюрализм в предмет психологии // *Вопросы психологии*. 2005. № 4. С. 3–9.
- Степан В. С. Философия науки и техника / В. С. Степан, В. Г. Горюхов, М. А. Розов. М.: Гардарики, 1999.
- Уэлбер К. Интегральная психология: Сознание. Дух. Психология. Терапия. М.: АСТ и др., 2004.
- Яковлев Р. Набранные работы. М.: Прогресс, 1985.

ПАРАДИГМАЛЬНАЯ ДИНАМИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ КАК ПРОЦЕСС УСЛОЖНЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

В. Е. Ключко

Вопрос о том, почему именно сегодня проблема закономерностей развития психологической науки, включая вопросы ее парадигмальной организации (в виде смены парадигм и различно понимаемых «парадигмальных сдвигов»), стала обретать выраженную актуальность в методологии психологии, является более значимым и сложным, чем может показаться на первый взгляд. Далеко не случайно, по нашему мнению, что представительный философско-методологический семинар, проходивший на базе ПН РАО в Москве (ноябрь 2010 г.), определил своим предметом «Неизвестные основания современных психологических парадигм». В своем докладе на этом семинаре я высказал следующую мысль: мы продолжаем смотреть на процесс становления психологической науки слишком упрощенно, и эта симплификация позволяет нам обходить вопросы о природе и механизмах парадигмальной динамики, в силу чего и возникает в психологии проблематика «неизвестных оснований» психологических парадигм. Они будут оставаться «неизвестными» до тех пор, пока мы не научимся смотреть на науку как на открытую систему человеческого уровня (по выражению В. С. Степина) уровня, устойчивое существование которой обеспечивается ее собственной динамикой, саморазвитием, заключающей в себе закономерным усложнением системной организации, какую и фиксирует парадигмальная динамика. В данной статье я хочу развить некоторые положения этого доклада и представить развернутую аргументацию прозвучавших в нем утверждений.

Не стоит, видимо, доказывать, что научные проблемы, в том числе и методологические, обретают актуальность по мере становления соответствующих средств и процедур, адекватных для их постановки и решения. Если это так, то резонно предположить, что «парадигмальная проблематика» актуализировалась в психологии в связи

с формированием познавательного ресурса, необходимого для ее решения. Иными словами, сложились условия для адекватной постановки проблемы: искомая актуализация этой проблематики знаменует собой определенный итог развития науки, за которым проглядывает подмеченная М. Г. Ярошевским закономерность, проявляющаяся в последовательной смене основных «формаций научного мышления», его «стилей и структур» (Ярошевский, 1981). Не может ли быть так, что понятие парадигмы зародилось в рамках научного мышления, адекватного одной формации, а постановка и решение целого комплекса проблем, связанных с этим понятием, является уделом мышления новой формации? А. Эйнштейн, например, считал, что развитие науки именно так и происходит, о чем говорит два великодушных афоризма ученого, труды которого во многом способствовали смене парадигмы в физике: «Проблемы никогда нельзя разрешить с тем же образом мыслей, который их породил»; и (почти эквивалентно) «Ты никогда не решишь проблему, если будешь думать так же, как те, кто ее создал».

Несколько парадоксальный, но крайне интересный вопрос: на какую парадигму опирался Т. Кун, выходя к понятию парадигмы? Следом возникают вопросы не менее интересные, но крайне важные в практическом плане. Не вошла ли наша наука в сферу влияния новой парадигмы? Может, сейчас она уже реально использует возможности, которые предоставляет научное мышление новой формации? Если это так, то в чем же заключается специфика прогрессивных изменений в сфере профессионально-психологического мышления, благодаря которым открываются возможности для постановки и решения новых и, соответственно, более сложных и комплексных научных задач, в том числе и методологического порядка? И не может ли так быть, что прогрессирующая наука приближается, наконец, к разрешению противоречия, которое веками не разрешалось в связи с отсутствием в ней необходимого познавательного ресурса, – причем такого противоречия, о которое спотыкнулась вся теория научных революций, тем самым актуализировав его?

Противоречие, исходно связанное с понятием «парадигма», заключается в том, что само понятие изначально формировалось как средство фиксации конечных форм бесконечного и усложняющегося в своей системной организации потока научного (и психологического в том числе) познания, выступая в качестве противоядия представлению о развитии науки как кумулятивном приросте научного знания. Иными словами, с момента своего появления это понятие оказалось на пересечении двух исторически складывавшихся

ся линий, интуитивно близких, но даже сегодня не очень понятных с точки зрения того, что обеспечивает их взаимосвязь.

Эти линии наиболее четко выделил П. А. Флоренский в своих лекциях по курсу «Энциклопедия математики», читанному в 1919–1920 гг. в Сергиевском институте народного образования: «Мировоззрение прошлых веков, от Возрождения и до наших дней, вело во всех своих концепциях две линии, по духовной своей значимости весьма родственные между собой. Первая из них есть принцип непрерывности... а вторая – понятие формы... Родственность и взаимная связность обоих возрожденческих стремлений понятия: если явление изменяется непрерывно, то это значит – у него нет внутренней меры, семы его как целого, в силу соотношения и взаимной связи его частей и элементов, полагающей границы его изменению. Иначе говоря, непрерывность изменений имеет предельного отсутствующие формы: такие явления, не будучи отвлечены в единую сущность изнутри, не выделяемо из окружающей среды, а потому и способно неопределяемо, без меры, растянуться в этой среде и принимать всевозможные промежуточные значения» (курс мой. – В. К.) (Флоренский, 1999, с. 623–624).

Какая до боли знакомая дуальная композиция! Либо развитие, не признающее форму, а потому изгоняющее ее, либо формообразование, оторванное от развития. Не напоминает ли это сегодняшний день нашей науки? В психологии указанное П. А. Флоренским «название понятия формы» происходит двумя путями. Можно вовсе отказаться от понятия парадигмы, считая его избыточным или сугубо объяснительным понятием, которое привлекается для объяснения, но само никаких содержательных характеристик не имеет. Для тех исследователей, которые считают психологию «допарадигмальной» или «принципиально непарадигмальной» наукой, само существование ее как науки является доказательством избыточности привлечения всякого рода «методологических скреп» в виде парадигмы или ее аналогов. Однако можно изгнать понятие, формально сохранив его. Для этого необходимо удалить из него существенный признак, ради которого понятие и возникло, поскольку благодаря этому признаку парадигмальное объяснение развития науки противопоставлено простоте кумулятивного объяснения механизмов ее развития. Какой же существенный признак надо «выбить» из понятия, чтобы, формально сохранившись, оно все-таки было бы изгнано?

Как бы мы ни понимали парадигму – как «исходную концептуальную схему», как «модель постановки и решения проблем», способную господствовать в научном сообществе в определенные исторические периоды, как «дисциплинарную матрицу», которая

объединяет специалистов в данном научном сообществе, или как «традицию» или «шаблон» для решения задачи-головоломки, – инвариантом остается призывание парадигмы объединять работников науки, будучи для них достаточно общеприимным образом научной практика. Если этот инвариант инаичен, то понятие парадигмы уравняется с понятием «авторская идея». А поскольку идея всякого рода в психологии множественна и все они никак не привязаны к процессу идеогенеза, то представление о формообразовании как самопроизвольном разномыслии не связанных между собой «парадигмочек» продолжает отмеченную выше линию «непрерывности изменений», основанную на утрате формы. Как результат – наука начинает растворяться в околонучной среде и демонстрирует способность «неопределенно, без меры, растекаться в этой среде и принимать всевозможные промежуточные значения» (там же).

В. Ф. Петренко пишет по этому поводу: «Принцип „лучше цветут все цветы“, а в дополнение „кроме сорняков“ – не обеспечивает ни критериев приоритета, ни критериев отбрасывания этих самых „сорняков“, т. е. лженаук» (Петренко, 2002, с. 121). Никем не признанная парадигма – это консенсус. Каждый ученый может выдвинуть свою идею, это констатация. Но зачем же называть эту идею, вырванную на процесса идеогенеза, парадигмой, т. е. тем, что тяготеет к расселению в умах других ученых в качестве потенциально объединяющего начала? Призывает жизнутаверждающий призыв к тому, чтобы было много самых разных парадигм, но пусть они будут равноправными и равнозначными, т. е. ничего не объединяют, не господствуют и не подчиняют себе. Тогда теория, на них основанные, откажутся от борьбы между собой, и наступит эпоха методологического плюрализма и толерантности – без кризисов, революций... и без парадигм, ибо откуда они восымутся в науке, которая не знает кризисов?.. Тогда уже действительно лучше уповать на один «перманентный кризис», в котором наука и пребывает почти уже сто лет и который так ни разу и не разрешился научной революцией. Многими психологами кризис науки стал оцениваться как ее нормальное состояние, лавдно исчезли и критерии прогресса, тенденции и подлинки, которые можно оценить в качестве показателей прогресса, – их невозможно отыскать в науке, находящейся в постоянном кризисе. Более ста лет такого кризиса (некоторые его уже любовно называют «наш перманентный кризис» – чем не «стокгольмский синдром?»), безусловно, могут утомить, приводя к появлению сверхценных идей об исключительности нашей науки, о ее особом предмете, обрекающем науку на миссию мученика, призванного корчиться в вечных муках в тисках «неизбывного» кризиса.

Опасность «стокгольмского синдрома», как известно, заключается в действиях заложника против собственных интересов, например, когда он мечтает своему освобождению.

В свое время Т. Кун, полемизируя с К. Поппером, писал о том, что они оба отвергают представление, согласно которому наука прогрессирует путем кумулятивного прироста знаний, противопоставляя этому представлению концепцию «революционного процесса», в ходе которого старая теория отбрасывается и заменяется новой, поскольку оказывается неспособной «ответить на вызов логики, эксперимента или наблюдения» (Кун, 1977, с. 20). Однако и концепция «научных революций» не может объяснить природу прогрессивной эволюции отдельной науки. Если каждая наука решает свои «головоломки», то почему столь неуклонно и почти одновременно нарастает уровень системности мышления ученых, работающих в разных науках? Если каждая из наук «отвечает» исключительно на вызовы своих экспериментов и наблюдений, которые в ней же и проводятся, то почему они почти синхронно начинают менять тип рациональности?

С нашей точки зрения, разрешить противоречие между непрерывностью развития и относительной устойчивостью форм, в которых оно выражает и проявляет себя, можно только переводя в идеологию становления, присущего открытым саморазвивающимся (и самоорганизующимся) системам. Во времена, когда Т. Кун ввел понятие парадигмы, культура научного мышления уже накопила некоторый опыт выделения и последования сложным саморегулирующимся системам, который эпистемология не могла не ассимилировать для решения своих задач. Переход к изучению подобных систем можно видеть как движение через линию демаркации, разделяющую между собой две стадии в развитии науки – классический и неклассический ее этапы (Степин, 2001). Зачастую мы просто упускаем из виду тот факт, что понятие «парадигма» пришло в науку, когда она пыталась представить себя в качестве саморегулирующейся системы со своими внутренними источниками развития. Они выступали в виде возникновения все новых и новых «головоломок», вызывающих кризисы, «питающие саморегулирующийся механизм» (Кун, 1977, с. 236). Кризисы разрешаются научными революциями, итогом которых как раз и являются новые парадигмы. Внешне все кажется понятным, но сохранилось вышеуказанное противоречие между формой и развитием, которое к этой форме привело и которое в самой форме «просвечивает». Т. Кун понимал, что имеет дело с непрерывным процессом направленного изменения форм (парадигм), но ставить вопрос о самодвижении науки и механизмах ее

саморазвития было слишком рано. Прерогатива такой постановки вопроса относится к мышлению, адекватному постнеклассической науке, предметом которой как раз и являются открытые саморазвивающиеся системы.

Современная эпистемология смогла выявить закономерности движения научного познания, проявляющиеся в виде последовательного усложнения уровня системности мышления ученых. Это усложнение выражается в том, что сначала они научились выделять и делать предметом исследования простые системы (классическая наука), затем – сложные саморегулирующиеся системы (неклассическая наука), современное же мышление уже позволяет различать и изучать сложные саморазвивающиеся системы. Более того, «сегодня познавательное и технологическое освоение сложных саморазвивающихся систем начинает определять стратегию переднего края науки и технологического развития» (Степняк, 2003).

Т. Кун занимает свое место в этом движении научной мысли в сторону усложнения ее. Своими построениями он демонстрирует и свою форму мышления, получая в результате особое видение процесса развития научного знания и познания. Можно полагать, что возникшее на базе этого мышления представление о парадигме неизбежно изменится при его включении в контекст более сложного мышления. «Саморегулирующийся механизм» науки воспринимался как достаточно сложный феномен на фоне мышления, выделявшего только простой механизм ее развития в виде линейного (кумулятивного) прироста знаний. Теперь же этот феномен в свою очередь оказывается слишком простым: он не ставит механизм усложнения системной организации науки, в результате которого она может рассматриваться как «восточное расширение способа восприятия человеком мира и себя в нем» (Мамурдашвили, 1990, с. 125). Понимал ли это сам Т. Кун? Думается, что вовсе не случайно автор парадигмального подхода заметил: «Мы все еще стоим перед задачей объяснения того, почему наука – наш самый бесспорный пример полноценного познания – развивается так, а не иначе, и, прежде всего, мы должны выяснить, как это фактически происходит. На удивление мало мы еще знаем о том, как отвечать на этот вопрос» (Кун, 1997, с. 39).

В принципе Т. Куна можно понять: вопрос о парадигмальной динамике, конституирующей прогрессивное усложнение профессионально-научного мышления, не мог возникнуть раньше, нежели будет введено в научный оборот и до определенной степени развито исходное понятие парадигмы. Однако это скорее формальный признак разрыва двух вышеуказанных аспектов. Более существенно

ть, что до сих пор два процесса – процесс раскрытия понятия, его конкретизации, операционализации, и процесс движения науки, который к этому понятию вывел, – рассматриваются в отрыве друг от друга, выступая как две разные проблемы, требующие для своего решения различных познавательных средств и условий. На деле же внутри одной формы (парадигмы) уже присутствуют в своем неразвернутом виде черты и признаки будущей формы. Только для того, чтобы это разглядеть, необходимо сменить мышление и выйти к парадигмальной динамике.

О понятии «парадигмальная динамика науки»

Выход к парадигмальной динамике означает не только сравнение уже «явленных» парадигм между собой, отмечая дельту прироста некоей сложности, но прежде всего вхождение в сам процесс становления научного познания, выявляя тенденции усложнения мышления, влекущие за собой закономерную смену парадигмальных установок, трансформация которых может выступить и в качестве признака, указывающего на прогресс науки. Если наука сможет отразифлексировать свою историю как процесс саморазвития, т.е. объективировать логику собственного становления в качестве саморазвивающейся системы, то это должно привести к перестройке сложившихся представлений о парадигмах, парадигмальных сдвигах, и в этом случае возникает шанс перевести исторический анализ из плоскости констатации в плоскость прогноза. Речь идет о том, как в сплывшем, уже оформившемся, разглядеть процесс сложения. «Изучать исторически что-либо – значит изучать в движении» (Выготский, 1983, с. 62). Требование совместить изучение историческое с изучением наличных форм и тем самым преодолеть разрыв между ними (который и до Л. С. Выготского, и многие годы после него продолжает выглядеть непреодолимым) станет реальной методологической задачей, если будет разработан метод, позволяющий осуществить такое совмещение.

Выготский был уверен, что это можно сделать, поскольку, по его мнению, даже рудиментарные функции, «напит психологические окламенелости показывают в застывшем виде свое внутреннее развитие. В них соединены начало и конец развития» (там же, с. 64–65). Ученый понимал, что нет непроходимой грани между изучением историческим и изучением наличных форм, и, по нашему мнению, это понимание вполне можно экстраполировать на науку, пытающуюся осмыслить связь непрерывности научного познания с конечностью форм, которыми завлечет о себе самодвижение на-

уки. Проблема заключается еще и в том, что сами формы, исторически складываясь, вовсе не спешат покидать пространство наук: в снятом виде они входят в содержание новых форм, а некоторые ученые, подчиняясь научной традиции, продолжают работать с ними «напрямую», обеспечивая их микродинамику в новых условиях. Например, можно выделить критерии, позволяющие различать классицизм и неклассицизм, но трудно определить меклассицизм, т.е. классицизм, искусно прикрытый фактами, полученными с помощью мышления, адекватного другим, более высоким формам научной рациональности.

Итак, если предположить, что за каждой из парадигм стоит свой особый «формат» мышления, то последовательная смена этих форматов в процессе становления науки и есть то, что призвано фиксировать понятие «парадигмальная динамика». Для чего это нужно? С нашей точки зрения, требуется особой акцентуации тот факт, что не мышление меняется в связи со сменой парадигмы, а наоборот, меняется (законично усложняясь) научное мышление с помощью понятия «парадигма», являющегося орудием нового этапа в своем становлении. Иначе парадигма, представляющая некий формат мышления, но будучи исключенной из процесса последовательной смены основных формаций научного мышления, может толковаться как то, что этот процесс запускает, организует и направляет (по формуле «берега толкают реку»). Абсолютизация формы убивает процесс, то единственное, что, по мнению А. Берсона, существует реально: «форма есть только мгновенный снимок с перепада».

На наш взгляд, за формами (парадигмами) просвечивает процесс возвышения этих форм в их включенности в объективные тенденции становления науки как саморазвивающейся системы. Понятие «парадигмальная динамика» связывает процесс усложнения научного мышления. В нем соединяются структурный (формационный) и процессуальный (саморазвивающий) аспекты движения научного познания. Первый из них нам более понятен, а второй все еще ждет осмысления. Здесь необходимо учесть, что форма (парадигма) неотделима от пространства-времени ее реального движения.

Эпицентр методологического напряжения сместился в противостояние между методологическим моноизмом и методологическим плюрализмом. «(Психологи на распутье: какая методология нужна современной психологии?» – так называется злободневная статья Е.Е. Соколовой, обнакающая точку бифуркации, в которой должен состояться выбор дальнейшего пути (Соколова, 2008). Однако, за кем выбор?

На мой взгляд, на распутье находится психология, но не наука, которая шла и идет своим путем. Этот путь не зависит от того, что думают о нем методологи, и этот путь, как мне кажется, не будет представлен рельсами монизма или плюрализма. Сработает «система объективных тенденций, с необходимостью заложенных в исторических задачах, выдвинутых ходом развития науки, и действующих за спиной отдельных исследователей и теоретиков с силой стальной пружины» (Выготский, 1982, с. 324). Не выигрывает, на мой взгляд, ни одна из сторон, представленных в бинарной оппозиции «либо монизм, либо плюрализм». Выиграет наука, через эту борьбу поднимающаяся к осознанию закономерностей и тенденций собственного развития, выводящая ее к новому определению своего предмета.

Исторический смысл актуализации методологической проблематики в психологии

Заметный всплеск интереса к парадигмальной проблематике возник около десяти лет назад. Начало его почти точно совпадает с выходом в свет статьи А. В. Юренич «Методологический либерализм в психологии» (Юренич, 2001). Дальше последовало то, что В. М. Алашвердов назвал «корывом публикаций по методологии», когда одна за другой стали появляться монографии по методологии психологии (Асмолов, 2002; Машилов, 2003; Юренич, 2005; Дорфман, 2005; Корнилова, Смирнов, 2006; Лубовский, 2007; Никандров, 2008; Веракса, 2008). С 2003 г. начал свою работу ярославский методологический семинар, стали издаваться журналы – «Постнеклассическая психология» (с 2005 г.), «Методология и история психологии» (с 2006 г.).

Отпуская на десятилетие назад, к началу 1990-х годов, с которыми обычно связывают возникновение последнего «открытого» кризиса в психологии (по мнению многих исследователей, он продолжается и сегодня), можно заметить, что внешне ничто не указывало на приближение «методологического корыва». Кризисная симптоматика демонстрировала тенденцию к своему усилению: диффузировали «большие концепции», и не возникали новые; несмотря на отсутствие единства психологической науки, ее раскол на множество «мелких» теорий (школ, учений, направлений), не способных к интеграции, странным образом не приводил к полному распаду науки. «Наука в хаосотях» (М. Серр) держалась, хотя на фоне нерешенных вопросов о ее предмете и методе множились, как грибы, альтернативные модели понимания и изучения психического,

а противостояние естественнонаучной и гуманитарной парадигм в психологии казалось неизбежным.

Я не хочу сказать, что именно А. В. Юренич своей статьей инициировал этот «рывок», но было в ней нечто такое, что не могло не вызвать актуализацию методологической мысли. Автор использовал мышление другого – скажем так, непривычного – формата, и это не могло не тревожить, хотя на первых порах тревога вряд ли способствовала проникновению в новый способ видения эволюции психологического познания. Просто произошло вмешательство в противостояние двух сил, в установившуюся бинарную оппозицию «либо моназм, либо плюрализм». Ученые уверенно продолжали искать логические опоры *соборного мышления* то в моназмах, сводящем многообразие к единству, то в плюрализме, приписывающем многообразию, *лаичному внутреннему единству*. Для того чтобы предложить что-то «третье», необходимо было оценить эту борьбу не как то, что рано или поздно приведет к победе одной из сторон, а как работу методологической мысли, пытающейся преодолеть бинарную оппозицию. Поэтому то, что попытка выразить А. В. Юренич, заведомо не могло понравиться ни «монастам», ни «плюралистам».

Прежде всего, это утверждение автором статьи идеи отсутствия когнитивных оснований считать психологию находящейся в состоянии кризиса, а также высказанный им упрек в том, что ученые-психологи явно недооценивают возможности собственной науки, пользуясь при этом «жестоким» образом как своей, так и других («хороших») наук. В результате, не имея принципиальных методологических отличий от других наук, психология обладает «специфическим и неадекватным самовосприятием». Предложенная Юреничем «рациональная методологическая терапия» основывается на изменении видения прошлого, настоящего и будущего психологии. «Хотя отдельные направления научной мысли могут заходить в тупик и порождать пустоты, не бывает так, чтобы целая наука полтора столетия двигалась по ложному пути. Путь, пройденный психологией, – это не движение по тупикам, а, по-видимому, единственно возможная, хотя и нелинейная (таковых в науке вообще не бывает), но провальная траектория ее развития» (Юренич мой. – В. К.) (Юренич, 2001, с. 13). Психологическое объяснение всегда будет равноуровневым, многословным, поскольку многомерна реальность, которую изучает психология. Поэтому и все теории в психологии по-своему хороши и правильны.

Другую позицию представляет В. М. Аллахвердов. «Раз все теории плохи, то пусть хотя бы их будет много. Любая теория подойдет (anything goes, как завламет П. Фейерабенд). В отечественной пси-

экологическую позицию выражает А. В. Юревич (Аллахвердов, 2005, с. 45). Однако Юревич как раз и не утверждает, что все теории плохи, а даже наоборот. Что же касается П. Фейерабенда, то нельзя не учитывать то, как сам ученый оценивал призвание теории пролиферации. В предисловии к немецкому изданию своей известной книги (Feiglabend, 1975) он пишет резко и вполне недвусмысленно: «В то время как теория науки занимается детскими играми, разыгрывая войну мышей и лягушек между сторонниками Поппера и Куна, в то время как медленно-врослеющие младенцы уснащают свой критический рационализм все новыми и новыми эпидемиями, у отдельных мыслителей, таких, как Н. Бор, или в специальных областях, например в теории систем, возникает новая, сильная, политивная философия. Цель настоящего сочинения заключается в том, чтобы хотя бы косвенно поддержать эту философию, освободив ее от интеллектуального навоза» (Фейерабэнд, 1976). Поддерживая теорию систем, П. Фейерабэнд не мог не понимать, что теорий должно быть много, потому что развитие науки детерминировано не только «борьбой теорий за выживание», на чем настаивал К. Поппер, но и процессом кросс-фертилизации – «взаимного оплодотворения» различных научных дисциплин в процессах внутрисистемных и межсистемных взаимодействий.

Представляя науку как саморазвивающуюся систему, мы, чтобы оставаться последовательными, должны и теории, составляющие науку, рассматривать как элементы этого саморазвивающегося целого. Как в трансспективном анализе выглядит концепция методологического либерализма? Ее можно оценить как один из возможных путей выхода к решению проблемы о том, каким образом разнообразные теории оказываются способными на совместное бытие внутри целого, демонстрируя способность поддерживать единство через разнообразие, т. е. способность, сохраняя свою самость, обесцеливаться от других теорий – для удержания единства с ними. Потому что каждая теория выросла в логе целого и, даже будучи относительно замкнутой в операциональном плане, продолжает работать на целое. Впрочем, это процесс взаимный: преобразуемое с помощью конкретной теории целое оказывается соиздательным началом по отношению к ней. В любом случае, многообразие выступает как условие, обеспечивающее единство системы, ее устойчивость в пространстве и времени, обеспечивая тем самым «единство процессов перерождения научной ткани в психологии» (Выготский, 1981, с. 325).

Кроме того, если смотреть на конкретную науку как систему открытую, саморазвивающуюся, находящуюся в постоянном обмене

с околонаучной средой, в широком плане представленной общенаучной (и не только) культурой, то источники саморазвития науки окажутся детерминированными не только внутрисистемными взаимодействиями, но, прежде всего, взаимодействиями междисциплинарными. Поэтому трудно согласиться с К. Поппером в том, что эволюция научного знания представляет собой в основном эволюцию в направлении построения «все лучших и лучших теорий», полагая, что за этим стоит «дарвиновский процесс»: теории становятся «лучше приспособленными» благодаря естественному отбору (Поппер, 1984). Не борьба теорий за выживание делает их «лучше», а «кросс-фertilизация различных дисциплин создает новое интеллектуальное пространство» (Кизлева, 2011, с. 195), обуславливая тем самым закономерную трансформацию научного мышления в сторону его усложнения.

Говоря о природе социальной обусловленности «методологического кризиса» в психологии, можно выделить по крайней мере два основания, которые способствовали актуализации проблемы, почему и каким именно образом эволюционирует психологическое мышление в процессе развития нашей науки. Одно из них связано с особенностями социального заказа, обращенного к психологии, а другое – с современным состоянием нашей науки, а именно со степенью ее готовности принять этот заказ к исполнению. Что касается первого основания, то суть его заключается в невиданном ранее усложнении мира, делающем проблемным само существование человека. «Мегатехнологический сдвиг» в развитии цивилизации предъявляет новые требования к психике человека, и естественно, что психология не могла остаться в стороне от решения возникающих в связи с этим проблем. Но здесь открывается обратная сторона: данный сдвиг оказывает мощное воздействие на формирование иных способов мышления и философского осмысления ситуации, что, по мнению В. И. Аршинова, определяет заказ «на новый вариант философствования» (Аршинов, 2008). Теоретик сверхсложности Р. Барнетт утверждает, что мир, в котором мы живем, уже давно перестал быть сложным – он «сверхсложен». Сверхсложность, по Р. Барнетту, «это такой тип сложности, при котором даже границы понимания мира проблематизируются», что приводит к необходимости переосмысления не только теорий, практик, технологий и институтов, но и «тех структур, в рамках которых мы выдвигаем теории» (Барнетт, 1997).

Таким образом, получается, что с начала текущего века рост методологической активности в психологии мог быть фундирован переосмыслением мира, в котором нам приходится жить, и оценкой возможностей человека, необходимых для жизни в сверхсложном

мире. Возникает естественный вопрос: насколько современная психология способна перевести ощущение происходящего сдвига в форму предосланного ей прямого заказа на переосмысление тех форм мышления, опираясь на которые она традиционно ставила и пыталась решать свои основные проблемы? При этом часть из них так и остается нерешенной, а сами решения последовательно откладываются «до лучших времен». К числу таких проблем можно отнести проблему сознания и связанную с ней проблему инновационной (сверхадаптивной) активности человека. Происходит это потому, что проблема сознания являет собой образец проблемы, реальная сложность которой перманентно провалирует на фоне простоты конвенциональных процедур, используемых для ее решения.

Однако если учесть, что в процессе развития науки профессионально-психологическое мышление становится все сложнее, то должно наблюдаться сближение между реальной сложностью изучаемого феномена и уровнем сложности профессионального мышления, обеспечивающим адекватную постановку и решение научной проблемы. Как уже отмечалось, развитие науки заявляет о себе закономерным повышением уровней системного видения изучаемой реальности. При вхождении науки в область познания сверхсловесного, как заметил Р. Барнетт, каждый исследователь вынужденно становится «практикующим эпистемологом». Это означает не только перенос исследователем своего видения реальности за пределы сообщества, в котором это видение сформировалось, но прежде всего – умение (и хотение) определять свое место в общем движении научного познания и познания психологического – в частности, т.е. оценить истоки и уровень сложности используемого мышления.

Думается, что фактом возрастающего интереса к методологическим проблемам как раз и заявляет о себе спорящая в психологии возможность нового взгляда на психику и сознание как предмет психологического исследования. Не случайно, как мне кажется, Г. В. Акопов – один из самых последовательных и глубоких аналитиков в области психологии сознания – указывает на то, что именно сегодня важно «вывести сознание из „латентного“ состояния и осознать как научную проблему в новом содержательном и качественном объеме» (курсив мой. – В.К.), полагая, что обсуждение проблемы на новом этапе развития науки «позволит выявить в широкой системе психологических знаний новые значения и смыслы» (Акопов, 2010).

Проблема теперь заключается в том, чтобы выявить, в каком направлении на самом деле идет трансформация профессиональ-

но-психологического мышления. На какой новый вариант теоретизирования в психологии ангажирует нас вызов, идущий от условно-анонимного мира? Видно, на такой, который способен обеспечить современная культура психологического мышления. Вопрос же о том, что включает в себя понятие «культура психологического мышления», остается открытым – прежде всего потому, что поднимается крайне редко, а его непопулярность, в свою очередь, определяется тем, что, оставаясь вопросом очень сложным, он еще и этически малопрозрачателен. Здесь нельзя путать индивидуальные показатели культуры мышления учебного (проявляющиеся в совокупности формально-логических, языковых, содержательно-методологических и этических требований и норм, предъявляемых к интеллектуальной деятельности человека) и различные свойства его мышления (такие как гибкость, логичность, реалистичность и т.д.) – с общей культурой профессионально-психологического мышления.

Несколько конкретизируя известное определение культуры, данное К. Левин-Строссом, можно сказать, что культура психологического мышления есть не что иное как зеркало, которое наши великие предки «все еще держат перед нами для того, чтобы мы могли лучше рассмотреть и изучить наш собственный образ» (Levin-Strass, 1963, p. 207). А у нас действительно были великие предки, только мы, позанимываясь от них идеалами рационального рассуждения, опыт постановки и решения научных задач, особенности интерпретации полученных данных и т.д., до сих пор слишком мало уделяли внимания тому, что опыт этот имеет свою историю, что складывался он постепенно и прирастал в великих муках. Не случайно Гегель назвал работу разума (теоретического мышления) «Голгофой человеческого духа».

Почему именно сегодня возникает потребность заглянуть все-таки в это «зеркало», отармающее историю становления культуры психологического мышления? Во-первых, потому, что эта история далеко не закончена – она проходит через нас и образует трансспективу психологического познания. Понятие «трансспектива» в данном случае используется мной не случайно. Те, кто будет после нас, поднимутся в своем мышлении выше нас – это как бы самоочевидно. Однако злоупотребное «как бы» в данном случае означает, что вряд ли кто-нибудь станет открыто возражать против этой «самоочевидности», при том, что мало кто и возьмется определить, что такое «выше нас», поскольку мы еще не отрефлексировали тот уровень культуры профессионального мышления, который на самом деле представляем, и не выделили основные признаки мышления, которым пользуемся. Поэтому мы плохо прогнозируем то, что будет

«после нас» и не можем наметить хотя бы контуры того, как будет выглядеть то самое, что «выше нас».

Во-вторых, сниженный прогностический потенциал науки, неспособной рассмотреть в «зеркале культуры мышления» свой собственный образ, – это еще полбеды. Беда в том, что на прошлое мы смотрим как на то, что было «до нас» и при этом непременно было «ниже нас», или же, во всяком случае, «не выше нас». Эта установка чрезвычайно затрудняет выход к пониманию того, что процесс становления профессионального мышления в психологии можно представить как эскалатор закономерно усложняющихся форм, уронной и спидей изучаемо мыслелюдя, но таковым он отарывается только в свете магистральных тенденций развития науки. В конкретнее же своего реального движения процесс становления профессионально-психологического мышления предстает как самонтегрирующийся поток разномасштабных методологических инноваций, авторыма которых были те самые наши «научные предки», которые все еще держат перед нами свои зеркала – образцы своего мышления, но мы не всегда способны опознать в них себя. Подлинно великие из них были способны подниматься на «эскалаторах собственного мышления» так высоко, что, будучи «до нас», они и теперь продолжают оставаться «выше нас». Они двигались к сложному мышлению, пропуская целые этажи, и начинали строить свои теории, которые и теперь легко принять за воздушные замки.

Можно полагать, что именно поэтому С. Тулмин, уловив «ощущение высочайшей методологической культуры», которое исходит от творчества Л. С. Выготского, назвал его «Моцартом в психологии». Теперь стоит задача, как это ощущение перевести в осмысление, приводящее к пониманию истоков и сущности культуры мышления, лежащей в основании культурно-исторической теории (тавтология здесь выжужденная, но весьма красноречивая). На мой взгляд, для осмысления культуры мышления Л. С. Выготского время только наступает, потому что ученый использовал не просто сложное мышление, но мышление сверхсложное (многомерное). В одной из своих работ я привожу обоснование этого предположения (Kleshka, 2010).

Это означает, что теории, построенные с помощью мышления разного уровня сложности, можно выстроить в некий прогрессирующий ряд, который вряд ли однозначно укладывается в хронологическое ложе, отражающее зафиксированную во времени последовательность возникновения, расцвета и заката психологических теорий, школ и направлений. Самые теории, школы и направления возникают скорее спонтанно, но самое интересное связано с закономерностями и тенденциями, что стоит за этой кажущейся спонтанностью.

Сценивая дедь сегодняшней нашей науки, можно полагать, что психология уже приступила к рефлексии по поводу самой себя, своего исторического пути и тех тенденций, векторов и потенций движения, которые отражают направленную динамику ее становления. Иными словами, уже наступило время, о котором писал Л. С. Выготский: «Для всякой науки раньше или позже наступает момент, когда она должна осознать себя самое как целое, осмыслить свои методы и перенести внимание с фактов и явлений на те законы, которыми она пользуется» (Выготский, 1982, с. 310).

Так, Д. А. Леонтьев в своей работе «Неклассический вектор в современной психологии» выделяет несколько направлений «неклассической трансформации психологии»: от поиска знаний – к социальному конструированию; от монологизма – к диалогизму; от изолированного индивида – к живенному миру; от детерминизма – к самодетерминации; от потенциалности – к экзистенциализму; от количественного подхода – к качественному; от констатирующей стратегии – к действенной. «Этот перечень построен не по концептуальным основаниям, а отражает фактические тенденции развития психологической науки в XX в., поэтому его нельзя считать очерчивающим» (Леонтьев, 2006, с. 58–59).

Интересно все-таки пойти дальше, понимая, что тенденции есть только следствия, намекающие на наличие закономерностей и сил, которые они (тенденции) и проявляют своим фактом своего возникновения. Например, уже сам факт выделения фаз или этапов развития науки, адекватных последовательной смене идеалов рациональности (классика – неклассика – постнеклассика), предполагает закономерность, определяющую возникновение именно данной последовательности. Если за сменой форм и уровней мышления, отраженного этой триадой, открывается объективная тенденция развития, характерная для всех наук, то мы сталкиваемся здесь с наиболее общими закономерностями познания, которые определяют появление в поле зрения науки новых объектов и новых предметов научного познания.

Получается, что предмет науки способен адиметрироваться в ходе становления научного познания, отражая тенденцию, проявляющуюся в виде закономерной трансформации метода науки, вбирающего в себя новые принципы, опираясь на которые разум (теоретическое мышление) поднимается на новые (и более высокие) уровни системного видения изучаемой реальности. Например, в поле зрения психологов появляются последовательно усложняющиеся системные конструкты, констатирующие витальную онтологию человека: трансубъективное пространство (Д. Н. Узнадзе), жи-

невное пространство (К. Левин), смысловое поле (Л. С. Выготский), жизненный мир (Л. Винсвангер, Ф. В. Васильев), многомерный мир (А. Н. Леонтьев), многомерное пространство жизни (В. Е. Ключев). Можно выделить и другие тенденции, проявляющиеся:

- в динамике используемых в психологии подходов (атомарный–структурный–структурно–системный–системный);
- в становлении отдельных принципов, например, принципа детерминизма (примат внешней детерминации–примат внутренней детерминации–самодетерминация–системная детерминация);
- в росте уровня системности мышления (аристотелевское мышление–галлеевское мышление–метасистемное мышление).

На основе приведенных примеров можно выдвинуть предположение о том, что не отдельный ученый, а наука как саморазвивающееся целое всем процессом своего самодвижения осуществляет интеграцию различных принципов, а значит – и методов, и предметов исследования, конструируя тем самым все новые приемы ведения, через которые открывается все более сложная психологическая реальность. Первоначально изолированные и только дополняющие друг друга принципы системности, развития и детерминизма окончательно теряют свою автономность, когда в качестве предмета науки появляется саморазвивающаяся система с присущей ей способностью к самодетерминации. Таким образом появляется некоторая методологическая база, способная направить поиск концептуальных оснований для выделения и объяснения тенденций развития науки. Одна из возможных путей концептуализации заключается в том, чтобы в науку, изучающую человека, и человека как ее предмет представить в качестве открытых самоорганизующихся систем, режимом существования которых является саморазвитие. Такой подход непосредственно выводит к проблеме становления, внутри которой открываются механизмы созревания и роста, межуровневые переходы и освоения, обеспечивающие эту загадочную устремленность системы к более высоким уровням, на которых сохраняются все позитивные результаты, полученные на более ранних (и более ранних) уровнях становления и открывается новая «зона ближайшего развития» системы. С отставившей точки зрения, становится – это закономерное усложнение системной организации сложных целостностей (открытых систем) в процессах внутрисистемных и межсистемных взаимодействий.

Мой ответ на вопрос о том, почему не решается проблема созвония, заключается в следующем: в рамках классической и не-

классической психологии проблема сознания не может быть решена, и прежде всего потому, что эти рамки слишком малы для столь глобальной проблемы. Иными словами, масштабы, которые задают парадигмальные установки уходящих (но вовсе не ушедших!) эпох, не позволяют адекватно поставить проблему сознания. Она избыточно сложна для сравнительно простого мышления, которое культивирует классицизм, и все еще слишком сложна для неклассицизма, наряду размытого бинарного мышления, выступающего в качестве базального основания идеала рациональности, принятого классицизмом. Практически все, что мы знаем о сознании, представляет собой описание многомерного явления с позиций одномерно-бинарной логики.

Понятия «деятельность сознания», «работа сознания», «психическая деятельность» и т. п. – это не расхожие стереотипы, а прямой результат упрощенного мышления, берущего свое начало в классицизме, когда, за отсутствием человека, его функции подлинного деятеля приписывают познание, сознанию, воле и т. д., а потом через функции начинают определять и саму познанию или сознание. Но ведь сам человек познает мир, ставит цели, регулирует свою жизнедеятельность, осуществляет свою жизнь, а не сознание вместо него! Это человек вступает в сложную взаимосвязь с миром, а не живущие в нем ипостаси в виде субъекта, личности, индивида. Кроме того, с каждым днем становится понятнее бесперспективность продолжающихся попыток соединения результатов аналитического «расчленения» целостного человека на указанные составляющие. Дело здесь не только в пресловутом «целое больше суммы частей», а в том, что самим актом аналитики классического уровня уничтожается нечто такое, что впоследствии невозможно обнаружить при самом тщательном и искусном исследовании частей. Мне думается, что именно эта участь постигла сознание: оно растворилось в «черной дыре» аналитической «члененки». Сознание ничего не делает – делает человек с помощью сознания как своего общесистемного (эмерджентного) свойства. Нужно спрашивать не о том, что делает сознание, а о том, какая функциональная роль отведена сознанию в открытой системе человекоподобного уровня. Но для этого и саму систему надо рассматривать как функциональную.

Обратите, например, внимание на ту эмоциональность, с которой один из самых видных разработчиков зарождающейся в последние годы философии сложности Эдгар Морен заканчивает свою книгу о методах познания сложного: «Сложное познание не может оперировать так, как оперировала классическая наука. Операциональность классической науки является, по сути, операционально-

стью манипулирования... А парадигма упрощения открывает двери для всякого рода манипулирования... Упрощающее мышление стало варварством науки. Это – особое варварство нашей цивилизации. Это – варварство, которое сливается сегодня со всеми историческими и мифологическими формами варварства» (Морен, 2005, с. 443). Сказано, на мой взгляд, слишком эмоционально: я не знаю, сколько процентов психологов, считающих себя профессионалами, сегодня придерживаются «парадигмы упрощения», и я не берусь предсказать их реакцию, если они опознают себя в качестве представителей этой парадигмы. Ясно, однако, что такое опознание, благодаря защитным механизмам, является делом весьма непростым, и это несколько снимает этическую напряженность такой постановки вопроса. Однако давайте более внимательно взглянем в механизмы возникновения простого мышления.

Простое психологическое мышление: одномерно-бинарная логика классцизма

Говоря об эволюции науки как о последовательном и атомном закономерном усложнении мышления, которым пользуется психолог, стоит отметить, что при этом один из уровней (назовем его «простое мышление»), с отступающей точки зрения, свойственен не только психологам, но и другим людям, пытающимся осмыслить себя и свое место в мире. С него психология начинала когда-то, но ведь оно нигде и не исчезло. И если согласиться с этим, то естественным образом возникает вопрос о том, насколько сегодня такое мышление можно считать профессиональным. Признание того, что такие мышления могут использоваться и профессиональный психолог, и «первый встречный», переводит проблему в популярный сегодня дискурс о сущности и признаках профессиональной компетентности, а конкретно – в проблему профессиональной компетентности психолога-исследователя.

Понятие «первый встречный» я взял в кавчечки, поскольку использовал его у К. Поппера, и намеревалась удерживать именно тот контекст, в котором его использовал сам автор «эволюционной эпистемологии». Критикуя «бадеевскую теорию», или обсервационизм, который, по мнению К. Поппера, является «стандартной» теорией познания от Аристотеля до наших дней (включая сюда Бертрона Рассела, Дж. Б. С. Холдейна, Рудольфа Карнапа), К. Поппер заметил: «Эту теорию разделяет и первый встречный». Простота мышления, на котором строится бадеевская теория, позволяет задавать только «бесхитростные вопросы» и получать столь же бесхитростные от-

веты. «Однако это не та позиция, которую можно вывести на более высокий уровень и преобразовать в такую теорию познания, к которой можно было бы отнестись серьезно» (Поппер, 1984). Для нас здесь важно то, что анализ истоков обсервационизма выводит к первому признаку простого мышления, а именно такому его показателю, как бинарность.

Поппер полагал, что ошибочность этой концепции связана с традиционной моделью физической причинности, которая не работает применительно к организмам «и даже применительно к автомобилям или радиопремикам, как и вообще применительно к устройствам, имеющим доступ к некоторому источнику энергии, которую они могут расходовать разными способами и в разном количестве» (там же). С моей точки зрения, багдейная теория была первой, и отличается она не только простотой, но и достаточно весомой аргументацией, которая позволяет ей уже более двух тысячелетий выдерживать контраргументы со стороны противостоящих теорий. Эту весомость ей обеспечивает мышление, отталкивающееся от самоочевидности разделенности всего сущего на противоположности (субъективное–объективное, внутреннее–внешнее, психическое–физическое, Я–не-Я, сознательное–бессознательное, Дух–Материя и т. д.). Багдейная теория до сих пор опирается на это мышление, оставаясь довольно внимательной, особенно в психологии. Но она сама себе создает проблемы, претендуя на решение таких задач, которые по сложности своей значительно превышают ресурсы простого мышления, на которое она опирается.

Например, обсервационизм не учитывает, что сознание, обеспечивающее человеку способность видеть мир отдельно от себя, в результате чего и рождается чувство самоочевидности их противопоставления, уже включено в теорию в качестве ее предпосылки, а потому не может стать для нее предметом познания. Иными словами, если бинарное видение мира (различение Я и не-Я) порождено сознанием, то в принципе невозможно поставить и решить проблему сознания в психологии, опираясь на бинарное мышление. Аксиоматика научной теории задает ее идеологию, но никакая теория не может сделать своим предметом исходные основания собственной аксиоматики.

Итак, мы исходим из того, что все культурное психологическое мышление как закономерное усложняющееся феномена можно высветить через то, каким образом ставится и решается учеными проблема «миста встречи» человека с миром. Проблема очень принципиальная, потому что здесь не очень важно, что будет сказано ученым во имя развития идеи («во-вторых», «в-третьих» и т. д.), поскольку

все дальнейшее легко выводимо из того, что он сказал, формулируя свое «во-первых». Кроме того, это проблема очень болезненная для тех мыслителей, которые полагают, что «место встречи изменить нельзя». Они бьются и будут биться за правомочность своего взгляда, утверждая, что это «место встречи» располагается на поверхности человеческого тела, точнее, во дислоцированных на ней «дырках» (органам чувств и рецепторам), что познание и сознание подожковы или представляют собой некие неведомо где (хоть бы и под кожей) существующие «целостные сферы» («сфера сознания», «сфера бессознательного» и т.д.), которые, тем не менее, являются дискретными самодействующими органами (потому и словосочетания «психическая деятельность», «деятельность сознания» часто пишутся без кавычек).

Возможно, что именно о такой простоте теоретического мышления писал Гегель, практически отказывая ему в праве считаться показателем философского профессионализма. «Множество много рода форм, которыми пользуется интеллигенция, – что она извне получает впечатления и принимает их в себя, что представления возникают вследствие «воздействия» внешних вещей как причины и т.д., – относится к той стадии развития категорий, которая не является точкой зрения духа и философского рассмотрения» (Гегель, 1956, с. 240).

С помощью трансспективного анализа, т.е. с точки зрения на науку как саморазвивающуюся открытую систему, выясняется, что науке присущи не только саморегуляция, но и самоорганизация, каковая и проявляется в виде процесса закономерного усложнения научного мышления, внутри которого сегодня можно выделить уже достаточно обобщившиеся переходные стадии и конкретизирующие их уровни мышления.

Сложное психологическое мышление: бинарно-тернарная логика неклассицизма

Оценивая день сегодняшний, можно утверждать, что современная наука вошла в зону перекрытия двух парадигмальных установок, находясь в которой она постепенно накапливает опыт нового, более сложного мышления. Обобщенно можно сказать, что ученые переходят от бинарного мышления к многомерному, но переходят вполне своеобразно. Ю. М. Лотман по поводу такого же перехода в социальных системах отметил «своеобразие момента: сам переход мыслится в традиционных понятиях бинарными» (Лотман, 1992, с. 264).

Внешне кажется, что сегодня уже нет никаких причин для возникновения теорий, реализующих одномерно-бинарную логику профессионального мышления, свойственного эпохе становления идеалов классической рациональности, поскольку переход от бинарной логики к логике многомерной знаменует смену идеалов рациональности в рамках градуса классизма – постклассицизма. Тем не менее, реалии таковы, что «ренессанс» старых (и более простых) форм научных рассуждений происходит прямо, не встречая особого сопротивления. Дело в том, что бинарное мышление представляет собой явление, преодолеваемое (но не преодоленное) неклассикой, обнаруживая истинного самодельствующего субъекта – человека с присущей ему способностью к самореализации, самосуществованию, саморегуляции, самоорганизации и т.д. Устои бинаризма при этом были юридико-распатыны, но не преодолены. Понятие «деятельность» продолжает рассматриваться в качестве равноприложимого как к человеку, так и к его органам, в том числе и таким, как психика («психическая деятельность») и сознание («деятельность сознания»).

Сложность возникает, когда рождаются попытки совместить бинарные оппозиции (материал – дух, внутреннее – внешнее, объективное – субъективное, психическое – физическое, гомеостаз – гетеростаз и т.д.) и выйти к их со-бытию, т.е. к тернарным конструкциям. Сверхсложность заявляет о себе, когда за «методологическим слепяком» указанных противоположностей в их тернарном «со-бытии», констатируемом понятием «единство» (например, посредством «принципа единства эффекта и интеллекта», «принципа единства сознания и деятельности» и т.д.) или «соприсутствия» («принцип соприсутствия духовного существа другому существу», которого придерживается экзистенциальная психология), открывается многомерная и вполне упорядоченная реальность, в которой на самом деле пребывают «со-бытийствующие» оппозиции. Причем реальность подвижная, динамичная, а с такими явлениями психология работает пока с большим трудом. Прав А. А. Ухтомский: «Крайняя трудность для мысли – взять предмет в его текучести» (Ухтомский, 2002, с. 70).

Г. Олпорт писал по этому поводу: «В нынешние времена экзистенциализма я ощущаю, что психологов все меньше и меньше удовлетворяет понятие адаптации и, соответственно, понятия «редукции напряжения», «восстановления равновесия» и «гомеостаза». Встает вопрос, является ли человек, наслаждающийся этими процессами, на самом деле человеком. Нам известно: рост происходит не вследствие гомеостаза, а вследствие определенного рода «трансстаза»; следовательно – это вопрос сохранения человеческих отношений в движе-

нии, а не просто в состоянии устойчивого равновесия. Стабильность не может быть критерием нормальности, поскольку стабильность заводит эволюцию в тупик, отрицая как рост, так и сплоченность» (Олпорт, 2002, с. 39). Фиксируемый Г. Олпортом рост когнитивной сложности обозначает дистанцию между методами мышления, используемыми применительно к изучаемому явлению. Это также дистанция между двумя образами, двумя представлениями об изучаемом явлении, которые складываются в науке, ведущей себя трансистивно, т.е. удерживающей свою устойчивость в движении (и за счет движения). Чем сложнее образ, тем проще объяснение. Насколько трансистаза сложнее гомеостаза? Ровно настолько, насколько саморегуляция сложнее самоорганизации, насколько саморазвитие сложнее самоорганизации, являющейся только активным моментом самодвижения, хотя и очень важным моментом, порождающим параметры следования и концентрирующей силы на этих градусах. Важно, насколько мы способны согласиться с тем, что если явление ускользает от исследования, значит, оно на самом деле сложное, чем применяемая к нему познавательная схема.

Поэтому не случайно-сих пор остается практически неизвестным принцип концидации Д. Н. Узадзе, который, последовательно анализируя сменяющие друг друга теории эмпиризма, интуитивизма, конвергенции, своеобразно устанавливающие взаимосвязи между внешним и внутренним в поведении и развитии человека, пришел к выводу о том, что «понятие внутреннего уже содержит в своем содержании то, что считают внешним, и наоборот, понятие внешнего – то, что считают внутренним» (Узадзе, 2000, с. 130). С большим трудом проходит сквозь «бинарное сито» мысль о том, что «фактически воспринимаемые элементы настоящей ситуации включаются в одну структурную систему с символически представленными элементами будущего», и это создает «совершенно новое психологическое поле для действия, ведя к появлению функций образования намерения и спланированного заранее целевого действия» (Выготский, 1984, с. 49). Уже на исходе жизни Л. С. Выготский наметит пути окончательного вывода своей теории за пределы бинарной логики: надо избавиться от параллелизма в диалог «внешнее поле – смысловое поле», влить их «в едином плане», иначе не выйти к «текущей динамике» – «динамике сорта *fluirig*» (Завершнева, 2008, с. 129).

Что обуславливает сложность? Стереотипы нашего собственно-го мышления, то предпочтение, которое отдается в нем бинарным построенным путем выделением противостоящих между собой диалог – как по отношению к пространству («субъективная реальность» – объективная реальность», «внутренний мир – внешний мир»), так

и по отношению ко времени («прошлое–настоящее», «настоящее–будущее»). Текущая динамика (становление, порождение нового) динамики не фиксируется – она в них просто не вмещается.

Драма ученого-психолога заключается в том, что он, уже владея сложившимися представлениями о пространстве и времени, о внутреннем мире и мире внешнем, должен снова выйти к их единству (со-бытию), но уже на уровне мыслителя, который, пользуясь дифференцированными понятиями, отталкиваясь от них, выходит к другим понятиям, с помощью которых можно реконструировать исходное единство мира и человека, оказавшееся разорванным этими же дифференцированными понятиями. Иными словами, преодолевая логику бинаризма, мышление должно подняться к реальной многомерности человеческих миров, устойчиво существующих только в динамике их становления, самодвижения, саморазвития.

Сверхсложное психологическое мышление: многомерная логика постнеклассицизма

По мнению некоторых философов, переход к многомерности – предполагает революцию в категориальном каркасе научного и философского знаний, поиск новых их логико-методологических оснований» (Друк, 2002, с. 30). В. Е. Кемеров, обсуждая в рамках социальной философии проблему многомерности социального бытия, указывает на те трудности, которые испытывает при вхождении в логику многомерности (Кемеров, 2000). Это проблема дальмодейства, которая в философском плане еще недостаточно оценена и осмыслена. С ней связана другая проблема: способность науки выделять сверхчувственные объекты и работать с ними. В. Е. Кемеров полагает, что философия, сосредоточившись на критике стереотипов классической научности и рациональности, практически ничего не сделала для выработки новых научных и философских средств фиксации и описания сверхчувственных аспектов бытия. Автор считает, что *одномерным* представление о человеческой деятельности не может быть достаточной характеристикой сверхчувственных аспектов бытия вещей, тем более людей. Когда «человеческие предметы» попадают в живое движение деятельности, они раскрывают свою многомерность, включаются в жизненный процесс развивающейся личности, ребенка или взрослого. За термином «сверхчувственное» скрываются процесс, организованность, развёрнутость в пространстве и во времени человеческих деятельных сил. Еще более сложным является то, что вытекает из многомерной логики, а именно – признание факта: соматического и духовного яв-

ляются выражениями сверхчувственной сложности человеческого бытия, понятого в его континуальности. На разных стадиях социального процесса на первый план выступали то одни, то другие аспекты пространственно-временного освоения и представления мира человеком. Сегодня происходит процесс «переподчинения координат»: если прежде формы пространства выражали время и подчиняли себе его измерения, то теперь доминантой становится время. Поворот науки к качественному анализу сложных систем связал пространство и время с их организацией. В. Е. Кемеров полагает, что древняя идея хронотопа вновь становится ориентиром мировоззрения, но без конкретного исследования пространства-времени как форм бытия сложных культурных и природных систем идея хронотопа остается лишь ориентиром.

Интересно сравнить, насколько точно совпадают теоретические построения философа, разработавшего логику многомерно-го мышления, с теми построениями, которые (полностью независимо от философа) вынуждены делать психологи, в своих экспериментах сталкивающиеся с многомерными реальностями. О сверхчувственных качествах предметов мне пришлось заявить, когда аппаратная запись эмоций (эксперименты 1972–1976 гг., проведенные в рамках подготовки кандидатской диссертации), синхронизированная с содержанием разворачивающейся на глазах экспериментатора деятельности испытуемого, вскрыла неожиданный и труднообъяснимый в то время феномен, а именно непрерывно адьюцирующий отклик объясняемых условий деятельности на лежащие субъективные человеческие ожидания и вопросы. В докторской диссертации (Ключко, 1991) был представлен абрис теории психологических систем (ТПС), в которой операциональные ценности и смыслы выступили в качестве системных сверхчувственных качеств, возникающих в результате взаимодействия человека с миром, что существенно изменило представление о природе и функции смыслообразования. Тогда же были высказаны первые мысли о дальности действия (континуальности) психического. Потом, уже рамках ТПС как научного направления, состоялся перевод от лабораторных экспериментов к исследованию психологических феноменов в реальной жизнедеятельности (Красноярцева, 1996), что естественным образом вывело к проблематике психологии жизненного самоосуществления (Логанова, 2010).

Представления о сверхчувственных качествах были конкретизированы при разработке принципа системной детерминации (Галактицкий, 2002), в соответствии с которым внутреннее и внешнее, субъективное и объективное, вступая во взаимодействие, производят нечто третье – сверхчувственные, общесистемные качества,

которые, будучи новообразованиями, не сводимыми ни к первому, ни ко второму, становятся своеобразным параметром порядка, указывающим направления развития системы за пределы ее актуального состояния, организуя тем самым переход возможности в действительность как основание устойчивого существования саморазвивающихся систем в реальном времени и пространстве. Пространственно-временная (хронотопическая) организация жизненного мира человека стала предметом исследования в докторской диссертации Е. В. Некрасовой (Некрасова, 2005), трансвременальные характеристики человека как саморазвивающейся системы были вскрыты в докторской диссертации О. В. Лукьянова (Лукьянов, 2009).

Я не буду останавливаться на том большом числе законченных исследований, в которых удалось установить связь между сложнейшим многомерным пространством жизни человека в ходе онтогенеза и становлением адекватных этим изменениям форм сознания – предметного, смыслового, ценностного. Отмечу только, что сформировалась новая «когнитивная метафора», позволяющая объяснить, каким образом мозг человека, по всем параметрам памяти и скорости действия уступая компьютеру, именно благодаря многомерности своего жизненного пространства, его организации, включающей в себя и сверхчувственные динамические «параметры порядка», справляется с информационным хаосом, сопровождающим становление информационного общества.

Важно заметить, что многомерное мышление, при всех трудностях его освоения, все-таки пробивает себе дорогу не только в теоретико-методологическом плане, но и в плане конкретно-практическом. При этом переключении с бинарной системы на многомерную представляет собой процесс выхода к новому способу мировидения, но невозможно одномоментное переключение исследователя на рельсы нового мышления. Здесь определенным образом может помочь трансперспективный анализ как способ изучения живых открытых саморазвивающихся систем в самом процессе их самодвижения (Ключко, 2005), однако и сам он является продуктом сверхсложного мышления.

Что же делает многомерное мышление сверхсложным? Самое существенное заключается в том, что выход к многомерным пространствам человеческого бытия постепенно оборачивается исключением этих пространств в само определенное человека, выводит к образу человека как существа далеко не подхожаго, продленного в мир, укорененного в нем. Заметим, что постепенно данный образ становится доминирующим в психологии, осваивающей постнеклассическую парадигму. Конкретизируя, можно выделить следующее:

- наступает период, когда необходимо реконструировать целое, чтобы понять части: психика как таковая и психика в структуре целостности понятого человека – это два разных феномена;
- мыслить предстоит в терминах динамического целого, а не статических суверенных частей, даже таких «привычных», как личность, сознание, психика, зачастую понимаемых в качестве самостоятельно «работающих» органов, подчиненных собственной логике;
- от дискретного понимания психических феноменов необходимо перейти к континуальному представлению о них: например, понять психику, сознание в их «неподходяще», непрерывности и дальности; нет пока иного способа реанимировать психологию как науку о душе, о душе и духовном человеке;
- человек как целое, благодаря психике, представляет собой сложнейшую пространственно-временную организацию, открытую в мир и к самому себе саморазвивающуюся систему с присущими ей темпоральными проявлениями, системной детерминацией и инциптивных (инновационных) форм жизне-существования;
- темпоральность (временная сущность явлений, порожденная динамикой их самодвижения) вводит существенно другое представление о последовательности времен в саморазвивающихся системах: будущее в своей неразвернутой форме представлено в настоящем, а прошлое в своем преобразованном виде включено в будущее и подвешено ему;
- меняется масштаб видения человека как предмета психологического осмысления: привычные рамки «субъект–бытие–экзистенциальность» или «личность–личностный рост–самореализация» сменяет постнеклассическая по сути, задающая более высокий и широкий масштаб видения проблемы, рамка «человек–жизнь–жизнелюбивое существование»;
- открытые системы человеческого уровня не производят энергию, необходимую для поддержания активности, – они способны отбирать ее извне и концентрировать вдоль тенденционально представленных силовых линий, по которым человек «вытягивает» себя из настоящего, подчинившись будущему: смыслообразование (производное самоорганизации) выделяет в жизненном пространстве человека такие места (точки, секторы, сегменты), в которых будущее уже реально присутствует «здесь и теперь» и, следовательно, места, в которых саморазвивающийся человек не совпадает с самим собой;
- оперативные (операциональные) смыслы и ценности представляют собой особые сверхчувственные качества предметов

и влений, их особое субъективное измерение, возникающее в актах взаимодействия человека с миром и только в тех местах этого мира, в которых обнаруживается соответствие между текущими состояниями человека (его напряженными потребностями и возможностями) и тем в мире, что отклоняется на его ожидание, на его запрос.

Итак, зафиксированный с помощью трансактивного анализа рост сложности профессионально-психологического мышления выступал в данном случае в качестве показателя прогрессивной эволюции психологического познания. Именно этот рост фиксирует парадигмальная динамика (последовательная смена парадигмальных установок), раскрывая возможности для постановки и решения новых и, соответственно, более сложных и комплексных научных и прикладных задач.

Литература

- Акопов Г. В. Психология сознания: вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Аллахвердиев, В. М. Блеск и нищета эмпирической психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. №2 (1). С. 44–65.
- Аллахвердиев В. М. Размышление о науке психологии с восклицательным знаком. СПб.: Формат, 2009.
- Аллахвердиев В. М. Методологические принципы психологии (презентация) URL: <http://www.slideshare.net/chotverikov/is-2305286> (дата обращения: 14.07.2012).
- Арышев В. И. Постнеклассические практики, конвергентные (трансформативные) технологии и проблема коммуникации в сложностях. 2008. URL: http://tupetria-iaa.ru/?page_id=3186 (дата обращения: 14.07.2012).
- Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.
- Барнетт Рональд. Осмысление университета. 1997. URL: <http://chocolate.ru/bkkt/alm1/barnet.htm> (дата обращения: 14.07.2012).
- Вереща Н. Е. Методологические основы психологии: Учеб. пособие для студентов вузов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001.
- Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т. М.: Педагогика, 1981. Т. 1.
- Галажинский Э. В. Системная детерминация самореализации личности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Барнаул, 2002.
- Гегель Ф. Сочинения. В 14 т. Т. 3. Энциклопедия философских наук. М.: АН СССР, 1956.

- Друк М. А. Современные концепции многомерности как новой парадигмы мышления // Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия. 2002. № 2. С. 30–46.
- Дурфман Д. Я. Методологические основы эмпирической психологии: от понимания к технологии. М.: Смысл, 2005.
- Завершаева Е. Ю. Зависимые книжки, заметки, научные дневники Л. С. Выготского: результаты исследования семейного архива // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 120–135.
- Келерев В. Е. Социальная философия: Курс лекций. Екатеринбург, 2000.
- Ключко В. Е. Интенция мыслительной деятельности: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 1991.
- Ключко В. Е. Самоорганизация в психологических системах (введение в трансспективный анализ). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005.
- Ключко В. Е., Галажковский Э. В. Самореализация личности: системный взгляд. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999.
- Князева Е. Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник ТПУ (TSPU Bulletin). 2011. № 10 (112). С. 193–201.
- Корнилова Т. А., Смирнов С. Д. Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006.
- Красноярцева О. М. Психологические механизмы возникновения и регуляции мышления в реальной жизнедеятельности: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 1996.
- Кум Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. М.: Прогресс, 1977.
- Кум Т. Логика открытия или психология исследования? // Философия науки. Вып. 3. Проблемы анализа знания. М.: ИФРАН, 1997. С. 30–48.
- Левиньяс Д. А. Неклассический вектор в современной психологии // Постнеклассическая психология. 2005. № 1 (2). С. 51–71.
- Лозанова И. О. Жизненное самоосуществление человека: системно-антропологический контекст: Дис. ... д-ра психол. наук. Томск, 2010.
- Лозман Ю. М. Культура и веры. М.: Гнозис, 1992.
- Лубовский Д. В. Введение в методологические основы психологии. М.: Изд-во МПСИ, 2007.
- Лухьянен О. В. Самоидентичность как условие устойчивости человека в меняющемся мире: Дис. ... д-ра психол. наук. Томск, 2009.
- Мищенко В. А. Методология психологической науки. Ярославль: МАПН, 2003.
- Михардшвили М. Как я познаю философию. М.: Прогресс, 1990.

- Морис Э. Метод. Природа Природы. М.: Прогресс-Традиция, 2006.
- Некрасова Е. В. Пространственно-временная организация жизненного мира человека: Дис. ... д-ра психол. наук. Барнаул, 2005.
- Николаев В. В. Методологические основы психологии: Учеб. пособие. СПб.: Речь, 2008.
- Олпорт Г. Ставоление личности: Избр. труды / Под общ. ред. Д. Леонтьева. М.: Смысл, 2002.
- Петренко В. Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал. 2002. №3. С. 113–121.
- Соколов Е. К. Психологи на растущее: какая методология нужна современной психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 3. С. 25–42.
- Степан В. С. Саморазвивающиеся системы в постнеклассической рациональности. 2003. URL: <http://filiof.historic.ru/books/item/800/000/00000249/index.htm> (дата обращения: 14.07.2012).
- Унади Д. Н. Антология гуманной педагогики. М.: ИД Шалвы Амонашвили, 2000.
- Уоткинс А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002.
- Фейерабенд П. Против методологического принуждения: Очерк анархистской теории познания. 1976. URL: http://www.philosophy.ru.ru/BIBLIOTHECA/PHILOSOPHY_OF_SCIENCE/FEYERABEND/01.htm (дата обращения: 14.07.2012).
- Флоренский П. А. Сочинения. В 4 т. М.: Мысль, 1998. Т. 2.
- Юревич А. В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 3–18.
- Юревич А. В. Психология и методология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Дрошевский М. Г. К истории форм психологического познания // Вопросы психологии. 1981. № 3. С. 137–145.
- Feyerabend P. K. Against Method. Outline of an anarchistic theory of knowledge. London, 1975.
- Klechko V. E. Cultural-Historical Psychology of L. S. Vygotsky: Exploring the Logic of Multidimensionality // Psychology in Russia: State of the Art. Scientific Yearbook / Eds Yu. P. Zinchenko, V. P. Petrenko. Moscow: Lomonosov Moscow State University–Russian Psychological Society, 2010. P. 112–130.
- Levi-Strauss C. The structural study of myth // Structural anthropology. N. Y.: Basic Books, 1963. P. 206–231.
- Popper K. A. Evolutionary Epistemology. 1984. URL: <http://www.aic.unn.ru/pustyn/cgi-bin/htconvert.cgi?popper.txt> (дата обращения: 14.07.2012).

ПАРАДИГМАЛЬНОЕ МНОГООБРАЗИЕ КАК РЕСУРС УГЛУБЛЕНИЯ ПОНИМАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ

В. А. Янчук

Введение

Проблема парадигмального многообразия уже не один десяток лет становится предметом обсуждения в психологическом сообществе, демонстрируя широчайший спектр авторских позиций. Многочисленные дискуссии, развернувшиеся между представителями различных конкурирующих подходов, традиций и школ, напоминают разговор глухих, неспособных выработать некие приемлемые основания для диалога и слышания рациональных оснований в аргументации оппонентов. Объективный факт существования альтернативных систем парадигмальных координат, развешивающихся несмотря на, казалось бы, уничтожающую критику со стороны доминирующей сегодня по количеству психологических ассоциаций, научных журналов, учебников и т. п. политикой или экспериментально ориентированной психологической традиции, остается игнорируемым. Тем не менее, в критических ситуациях, подвергающих сомнению научный статус психологии в системе научного знания в целом, эти же представители неангажируют к имени З. Фрейда, вот уже на протяжении многих десятилетий входящего в пятерку самых выдающихся представителей интеллектуальной элиты человечества и идентифицируемого как психолога, что в данном контексте не вызывает чувства, казалось бы оправданного протеста.

Ситуация несколько изменилась лишь к концу XX столетия в связи с укреплением позиций постмодернистской культурно-научной традиции, провозглашающей торжество многообразия как ресурса выхода из модернистского тупика в развитии познания, подробно представленной как в акцентированных публикациях (Янчук, 2003, 2009). В любом учебнике по психологии, теории личности, возрастной и др. психологиям начали появляться конструктивные

разделы, представляющие альтернативные парадигмальные подходы. В серьезных зарубежных научных периодических изданиях, таких, как, например, «Theory and Psychology», «New Ideas in Psychology», «Culture and Psychology», «Current Directions in Psychological Science», «Philosophical Psychology», «Perspectives on Psychological Science» и др., начали публиковаться фундаментальные статьи, анализирующие психологическую феноменологию через призму альтернативных позиций и взглядов с акцентом на выявление оснований и путей междипаригмального диалога. Это обстоятельство, как и попытки поиска ответов на sacramентальные вопросы – «почему существует много психологий? и почему они не объединяются в единственно верную и всеохватывающую?» – предопределяло основную цель данной статьи. Она заключается в установлении причинных оснований парадигмального многообразия и выработке конструктивных решений, направленных на интеграцию усилий психологов, представляющих различные традиции и подходы, в нахождении ресурсов развития психологической науки и практики и углублении понимания психологической феноменологии.

Все основания, по которым можно занять какую-то методологическую позицию, в конечном счете оказываются производными от мировоззренческих установок, которыми руководствуется исследователь или практик. И как бы ни пытались различные претенденты на обоснование оснований «чистоты научного знания» аргументировать критерии, все они сталкиваются с многочисленными контраргументами оппонентов, стремящихся в их «ахиллесову пяту» выявить авторскую субъективность, обусловленную собственными предпочтениями, индивидуальным либо коллективным опытом конкретного научного сообщества, занимающего, в силу разных причин, в том числе идеологических, политических, главенствующую позицию в конкретной области знания в то или иное время. Но меняется время, меняется и мировоззрение, в том числе и научное, что было блестяще показано Т. Куном в его анализе развития науки на примере научных революций. Научное мировоззрение меняется в том числе и революционно, радикально трансформируя казалось бы неизменные постулаты.

Культурно-историческая подоплека радикального изменения научного мировоззрения была рассмотрена мною в контексте эволюции культурно-научных традиций, что позволило проследить динамику мировоззренческих оснований различных традиций (сциентизм, космоцентризм, теоцентризм, антропоцентризм, модернизм, постмодернизм), нашедшую свое высшее воплощение в постмодернистском торжестве многообразия как двигателя куль-

туры и науки (Явчук, 2005). Общество становится мультикультурным, и единственным механизмом существования в нем становится диалог. Несмотря на все претензии технократизма и ориентизма на «оцифрование культуры», наука не может быть свободной от общества и быть выше общества. На современном этапе своего развития она многими нитями связана с различными сферами общественной жизни и является одним из ее институтов. В условиях мультикультурности идеи диалогизма становятся как никогда ранее востребованными в различных областях научного знания, и особенно социально-гуманитарного.

Проблема парадигмального многообразия в психологии

Основной проблемой формирования отношения к существующему парадигмальному многообразию является нахождение его причинных и методологических оснований, а также проверенной временем целесообразности. Причем сложность решения данной задачи обусловлена, во-первых, наличием разных (иногда диаметрально противоположных) систем парадигмальных координат, а, во-вторых, самоопределением в исследовательских приоритетах: следование предписываемым нормативам научности или выход за их рамки во имя нахождения соответствия с реалиями жизни, что наиболее рельефно прослеживается в известном диалогизме между «естественнонаучным» и «гуманитарным» знанием, количественными и качественными, статистическими и клиническими методами исследования и т. п.

Определение сути проблемы предполагает инвентаризацию современного состояния психологического знания на уровне основных конституированных систем парадигмальных координат, а также четкое определение исходных понятий. Последнее тем более важно, что многие из них разнотрактуемы, а многие стали общепотребительными на бытовом уровне, потеряв при этом научное содержание. Не ставя задачу анализа существующего многообразия подходов к определению содержания понятия «парадигма» (см. об этом подробнее: Явчук, 2005, 2006; Юренич, 2001, 2008; Alise, Teddlie, 2010; Chen, 2010; Donnoyer, 2008; Naafien, 2007; Lincoln, Guba, 1985; Morgan, 2007; и др.), предлагаем собственное авторское определение. Парадигма – это «коллективно сформированное на основе конкретных метатеоретических и онтолого-эпистемологических оснований научное психологическое мировоззрение в отношении изучаемой феноменологии, признаваемое и разделяемое психологическим сообществом на протяжении относительно продолжительного времени».

кого периода, включающее согласованный ряд основоположений в отношении описания и объяснения изучаемой феноменологии, способы и критерии доказательства научности полученного знания, его верификации, методы и процедур исследования» (Янчук, 2005, с. 71).

В данном определении акцентируется внимание на том, что любая парадигма устанавливается определенным профессиональным сообществом в определенное время и в условиях определенного состояния науки и культуры, отражая их своеобразие. Как подчеркивает Р. Дорнхойер, «парадигма представляет ряд основоположений и ориентаций восприятия, разделяемых членами исследовательского сообщества. Парадигмы детерминируют то, как члены исследовательского сообщества рассматривают как изучаемые ими феномены, так и методы, которые должны использоваться при изучении этих феноменов» (Dornhoefer, 2008, p. 591). Но это не только методы исследования, но и мировоззрение, основывающееся на определенных онтолого-эпистемологических принципах; это определенные способы доказательства и критерии доказательности; наконец, это привязка к определенному историко-культурному контексту с его метафорами и интерпретациями.

Не останавливаясь на детальной характеристике существующего многообразия систем метапарадигмальных и парадигмальных координат, конституированных в современном социальном, а том числе и психологическом, знании, и критериев их выделения (подробнее см.: Янчук, 2000), отметим, что принятое сегодня выделение двух антагонистических систем метапарадигмальных координат – позитивистской и социально-акструктивистской – в общепринятой форме было предложено Н. Линкольном и Э. Гибой (Lincoln, Guba, 1985). Со временем она дополнила их третьей, обозначенной как парадигма критической теории и характеризующейся как разновидность метапарадигмы, так как она включает (но не ограничивается ими) ряд других парадигм: неомарксистскую, феминистскую, партиципативную (*participatory*), постструктуралистскую и постмодернистскую.

Доминирующая в науке позитивистская парадигма исходит из принципиальной возможности получения объективного знания об окружающей реальности, обеспечиваемого процедурами операционализации и верификации. Иными словами, данные и их анализ являются свободными от ценностей и субъективности исследователя. В самом широком понимании позитивизм исходно отрицает метафизику, утверждая, что задачей науки является просто непредвзятое описание фактов, прикосновение к тому, что мы наблюдаем

и измеряем. Таким образом, позитивисты дистанцируются от личностного фактора и влияния его на изучение мира, в то время как представители других метапарадигм признают возможность взаимодействия внешнего мира с внутренним миром познающего субъекта и необходимость рассмотрения этого взаимодействия для лучшего понимания и выявления существенных свойств и характеристик изучаемых явлений.

Позитивизм определялся многообразными способами на протяжении ряда лет. Л. Колаковский, например, считает, что позитивизм основывается на четырех ключевых доктринах: 1) принципе феноменализма, утверждающего существование только опыта при отрицании любых абстракций типа «материя» и «духа»; 2) принципе номинализма, в соответствии с которым слова, обобщения, абстракции и т. п. являются всего лишь лингвистическими феноменами и не дают новых insights в отношении мира; 3) отделении фактов от ценностей; и 4) единстве научного метода (Kolałowski, 1972). Д. Баррелл и Д. Морган определяют его как эпистемологию, которая осуществляет поиск объяснений и предсказаний происходящего в социальном мире посредством нахождения повторяемости и причинных отношений между составляющими его элементами (Burrell, Morgan, 1979).

В соответствии с позитивистской эпистемологией, научное познание рассматривается как получение истинного знания, понимания мира с целью выявления оснований его предсказуемости и контролируемости. Мир и универсум в таком понимании являются детерминированными, управляемыми причинно-следственными законами, которые могут быть выявлены посредством научных методов. Выведение нового знания осуществляется дедуктивно, являясь своим продуктом проверяемые теории. Позитивисты уверены в надежности эмпиризма, придерживаясь идеи о центральности наблюдения и измерения как фундаментального основания научного исследования. Ключевым методом является научный эксперимент, направленный на установление естественных законов природы посредством наблюдения и манипулирования переменными. Именно позитивистская методология лежит в основании классической экспериментальной психологии, собственно и придавшей психологическому знанию статус научного благодаря усилиям бихевиористов. Во многом экспериментальная психологическая наука остается и сегодня, свидетелем чему являются доминирующие в научных журналах публикации эмпирицистского толка.

Проблема заключается в том, что критериями объективности и научности в позитивизме являются измеримость и воспроизво-

димность научных результатов, конституированная в принципах операционализации и верификации. Как раз с ними-то у психологической науки и возникают фундаментальные проблемы. Во-первых, психоика (внутренняя реальность, активность и т. п.) как основополагающий конструкт не поддается непосредственному наблюдению и тем более измерению. Следовательно, психологические измерения, в отличие от классических естественнонаучных, носят опосредованный характер, требующий специальных усилий для снятия исследовательской субъективности, в принципе недостижимой в силу бесконечности влияющих переменных. Во-вторых, процедуры верификации, предполагающие пространственно-временную бесконечность, также практически неприменимы к психологической феноменологии. Попытка решения этой задачи математическими методами не является исчерывающей, так как в дальнейшем исследователь оперирует математическими константами, оторванными от их субъекта и упрощающими процессы, реализующиеся в его внутренней активности. Впрочем, эта проблема в психологии либо умалчивается, либо не осознается вовсе.

Наиболее очевидное отличие между «конвенциональной» позитивистской системой представлений и «натуралистической», или конструктивистской, системой в эпистемологическом аспекте заключается в том, что первая является по существу объективистской и связана с признанием возможности истернизации исследуемой реальности без прикосновения к ней и вовлечения в нее. С другой стороны, принципиальная позиция натуралистов заключается в том, что эпистемологически исследователь и исследуемое взаимосвязаны друг с другом таким образом, что результаты исследования по существу являются следствием самого процесса их взаимодействия. Конструктивисты, таким образом, занимают позицию содействия знания в процессе взаимодействия познающего и познаваемого.

Попытку нахождения своеобразного межпарадигмального компромисса представляет реализм – философская традиция, содержащая элементы как позитивизма, так и конструктивизма. И. Лангольи с соавт. обозначают эту традицию как критический реализм, или постпозитивизм (Handbook..., 1994; Guba, Lincoln, 1994), другие авторы – как неопозитивизм (Nalicas, Secord, 1982). В то время как позитивизм утверждает существование единственной, конкретной реальности, а интерпретативизм выступает за множественные реальности, реализм провозглашает множественные восприятия единственной, независимой от мышления реальности. Понятие реальности, используемое реализмом, выходит за рамки самости (или сознания), но не является полностью раскрываемым или позна-

важным. Вместо признания независимой от ценностей реальности, как в позитивизме, или обусловленной ценностями, как в интерпретативизме (Lincoln, Guba, 1985), реализм отрицает зависимость познания от ценностей и призывает зависимость от всех человеческих систем и исследователей. Реализм признает некоторую пластичность восприятия (Changshland, 1979) и существование различий между самой реальностью и ее восприятием людьми. Критический реалист согласен с тем, что наше знание реальности является следствием социальной обусловленности и не может быть познано независимо от социальных акторов, вовлеченных в процесс выведения знания. Критические реалисты утверждают, что реальные объекты являются субъектами направленных ценностями наблюдений, оперирующих в двух отличающихся измерениях: одно интранзитивное и относительно устойчивое, второе – транзитивное и изменчивое.

Целью реалистов является открытие наблюдаемых и ненаблюдаемых структур и механизмов независимо от событий, которые их генерируют. Другими словами, исследователи, работающие в реалистской перспективе, наблюдают за эмпирическими основаниями открытий, «соединяя теоретические размышления и экспериментирование» (Outhwaite, 1983, p. 332) в познании реального мира, описывая и анализируя генеративные механизмы, оперирующие в мире, и результаты событий, подлежащих наблюдению. Следует отметить, что попытка интеграции теоретического мышления и эмпиризма, при внешней привлекательности, игнорирует тот факт, что «(а) значение эмпирических данных формируется априорным языком, который исследователь использует, фреймируя свои исследовательские вопросы и сами исследования; (b) что различные исследователи часто фреймируют свои работы различным образом; и (c) что эти различные фреймы могут отражать крайне отличающиеся и иногда противоречащие цели» (Doppenoet, 2008, с. 593).

Парадигмальные войны

Существование описанных метапарадигм и парадигм отнюдь не являлось мирным. По оценке Нормана Дензина (Denzin, 2010, с. 421–422), начиная с 1980-х было отмечено не менее трех войн: постпозитивисты против позитивизма (1970–1990); война между конкурирующими постпозитивистами, конструктивистами и представителями критической парадигмы (1990–2005) и современная война между представителями методологии, основанной на очевидности (evidence-based methodology), школами смешанных методов,

интерпретативистов и критической теории (с 2005 г. по настоящее время). Критические атаки направлялись прежде всего на парадигмальные основоположения. Каждая война была ориентирована на критику парадигмальных основоположений, определяющих взаимоотношения между парадигмами, вопросы методологии, эпистемологии и этики. Эта конфронтация может быть охарактеризована диалектикой соотношения «эти» и «ан», слияния бинарностей, противопоставления двух сторон одной медали, парадигмы и метода. Позиция первой стороны: парадигмальный дискурс определяет методологию. Позиция второй стороны – методологические модели определяют парадигмальный дискурс. Между двумя этики крайностями находится исключенное третье – пространство политики и морального дискурса.

В своем анализе парадигмальных войн Н. Деддик опирается на результаты специального исследования Ч. Теддле и А. Ташаккори (Teddlie, Tashakkori, 2003). Представляя первую парадигмальную войну, авторы расширяют временные рамки за 1980-е годы на период «золотого времени» позитивизма (1950–1970), показывая роль смешанных методологий, объединяющих возможности количественных и качественных методов в развенчании его универсальных возможностей и в возникновении постпозитивизма. Полномасштабный конфликт разворачивается в период 1970–1980-х годов, завершившись резким ростом популярности конструктивизма и постпозитивизма. В наиболее радикальных формах этот период назывался «концом эры позитивизма».

Вторая парадигмальная война была более революционной, расширяющей возможности научного познания. Она обогатила развитие научного знания новыми «языками»: конструктивизмом, натурализмом, интерпретативизмом, различными версиями критической теории, теорией критических рас, феминизмом, постструктурализмом и др. (Lisbet, 2007, с. 64–65). Каждый из перечисленных подходов бурно развивался, доказывая свое преимущество над другими парадигмальными координатами, декларировав «парадигмальную чистоту собственной позиции» (Teddlie, Tashakkori, 2003, с. 7). Воскресая тезисы о несоизмерности и несводимости альтернативных парадигмальных координат времен первой парадигмальной войны, акцентируется внимание на принципиальной невозможности преодоления различий в их основоположениях. На методологическом фронте тезис о несовместимости начал преодолеваться представителями триангуляционного подхода, обосновывающего принципиальную возможность и продуктивность комбинирования разноразличных методов в изучении одних и тех же феноменов (там же).

В основании третьей парадигмальной войны лежит тезис прагматизма о совместности, приобретающий популярность начиная с 1990-х годов (Nowe, 1988). В среде приверженцев прагматизма начало расширяться совместное использование количественных и качественных методов. В качестве аргумента использовался основополагающий принцип прагматизма: «То, что работает и приносит результаты». Конечно, это тезис казался достаточно убедительным, одновременно вновь поднимая вопрос об объективности. Фактически тут можно говорить двух версиях «третьего методологического дискурса» (там же) – версии расширения парадигмальных координат, закоренной в критической интерпретативной парадигме. Она включает инкорпорацию существующего многообразия точек зрения, эпистемологических оснований и стремления к прогрессу в развитии знания и к отказу от норм объективности (Doutyout, 2006; Lathet, 2006; Nezrol, 2006, с. 124). Это стремление к инкорпорации точек зрения, основывающихся на различных эпистемологических основаниях, ставит ряд вопросов методологического свойства: 1) почему различия в эпистемологических основаниях определяют различия парадигмальные; 2) каковы эти отличия и в чем их специфика; 3) каковы условия и механизмы интеграции различающихся в своих эпистемологических основаниях систем парадигмальных координат.

Эпистемологические основания парадигмального многообразия

Корректное сравнение систем парадигмальных координат необходимо проводить с учетом существующего сегодня многообразия трактовок содержания понятия «парадигма». Сегодня понятие парадигмы рассматривается и как мировоззрение, и как эпистемологическая позиция, и как разделенные представления в исследовательской области, и, наконец, как модель. Следует отметить, что в последние годы понятие стало и общепопулярным, часто используется в политике, журналистике, риторике и т. п. Общая характеристика роли различных общесмысловых пониманий парадигмы приводится в таблице 1 (приводится по Morgan, 2007, с. 51).

Как видно из приводимой таблицы, наиболее значимым в обсуждаемом контексте является рассмотрение парадигмы как эпистемологической позиции. Эпистемология представляет собой раздел философии, в котором анализируются природа и возможности знания, его границы и условия достоверности (Касавин, 2009). Значимость эпистемологических оснований заключается в том, что именно они определяют основания постижения познающим того, на чем имеем

Таблица 1
Четыре версии появления парадигмы

	Парадигмы как мировоззрения	Парадигмы как эпистемологические позиции	Парадигмы как религиозные и представленные в исследовательской области	Парадигмы как традиции моделей
Буржуазное мировоззрение	Восходившая буржуазность мира	Онтология, эпистемология и методология философия знания	Религиозные представления в природе когнитива и отрыва на них исследовательской области	Положения на семинарах, диспуты, лекции или типичные решения проблемы
Место в работах Т. Куна	Наличие	Права обоснования, но не подтверждения	Права обоснования и подтверждения	Права обоснования и подтверждения
Место в развитии социальной науки	Образ как истинное знание	Демонстрация старого верия	Относительная свобода	В Большой части это структура
Преимущества	Привлечет роль истинности знания в культуре и научном познании	Познание на основе истинности знания философия знания	Может быть получена путем проверки работ наиболее авторитетных ученых	Крайне логичность и конкретность
Ограничения	Крайне широта, слабость отношения к культуре науки	Широкий подход к познанию, широкое определение связи с научным знанием	Обещано обеспечить результаты небольшого числа исследователей, не достигающую дисципину	Очень узкие, ограниченные приложения
Место в социальном развитии науки	Слабое отношение к культуре	Основательство знания	Несколько знаний	Несколько исследований

но основываются его выводы об обладании знанием. В психологии этот вопрос часто остается за скобками, а зря, потому что без серьезного обсуждения проблем: что есть истины? что есть реальность? что есть знание и познание? и т.д. – движение к получению точного знания становится бессмысленным и стихийным. Например, психологу часто неведомы, что существует по крайней мере несколько концепций истины (см., например: Янчук, 2005, с. 55–56), каждая из которых не является исчерпывающей, но определяющей критерии истинности получаемого знания, которые, в свою очередь, лежат в основании исследовательской методологии. В частности, именно выбор определенной концепции истины определяет концепцию валидности результатов исследования.

Сегодня на смену классической эпистемологии приходит эпистемология неклассическая, по всем основным параметрам отличающаяся от своей предшественницы и характеризующаяся такими особенностями, как посткритицизм, отказ от фундаментализма, от субъектоцентризма и наукоцентризма (Касавин, 2009). Изменения проблематики и методов работы в этой области связано с новым пониманием познания и знания, а также отношениями эпистемологии к другим наукам о человеке и культуре. Это новое понимание, в свою очередь, обусловлено сдвигами в современной культуре в целом.

Критерии соотношения парадигмальных координат

Анализ эпистемологических различий предполагает, во-первых, их выявление, а во-вторых – создание соответствующего аналитического инструментария. Решение этих задач послужило основанием разработке авторской концептуально-критериальной оценочно-сравнительной матрицы соотношения систем парадигмальных координат (Янчук, 2005, с. 94). Она базируется на следующих принципах:

- принцип онтолого-эпистемологической значимости, предполагающий включение наиболее фундаментальных для метатеоретических построений вопросов, определяющих мировоззрение исследователя;
- принцип конституированности в научном психологическом сообществе, предполагающий фиксацию основоположений, методологии и метода исследования в психологической научной литературе;
- принцип иерархичности, предполагающий иерархизацию концептуально-критериальных оценочных измерений от высшего к низшему и от общего к частному;

- принцип сравнительного альтернативизма, предполагающий наличие альтернативных подходов и решений в форме оценочно-сравнительных дихотомий.

Проведенный теоретический анализ позволял выделить следующие оценочно-сравнительные критерии: объективность–субъективность; детерминизм–индетерминизм; мужское–женское; прошлое–будущее; наследственность–изменчивость; гомеостаз–гетеростаз; статичность–динамичность; активность–реактивность; атомизм–целлизм; познаваемость–непознаваемость; рационализм–иррационализм; идниграфическое–нениетическое; интраличностное–интерличностное; биологическое–символическое (рефлексиное); количественное–качественное (Янчук, 2000). Данные критерии по сути представляют онтолого-эпистемологические оппозиции, в принципе несводимые к какому-либо универсальному единству. Именно избранне тех или иных оппозиций и определяет в конечном счете специфику той или иной системы парадигмальных координат, фокусирующихся на конкретных эпистемологических аспектах изучаемой реальности.

Посредством предложенной матрицы были проанализированы наиболее разработанные в психологической литературе метапарадигмы и парадигмы. В качестве основных метапарадигм к анализу были привлечены позитивистская, критическая, социально-конструктивистская метапарадигмы, охватывающие весь спектр возможных решений проблемных вопросов исследования психологической феноменологии социального бытия личности и ее окружения. В качестве объекта анализа выступили фундаментальные работы отечественных и зарубежных исследователей, посвященные анализу метатеоретических оснований психологического знания. В результате анализа определены основные особенности данных метапарадигмальных систем координат, представленные в таблице 2.

К анализу парадигмальных координат, или, в терминологию Куна, дисциплинарных матриц, были привлечены биологическая, бихевиористская, гуманистическая, деятельностная, диалогическая, интеракционистская, когнитивистская, нейронаучная, психоаналитическая, социально-когнитивно-наученческая, феминистская, экзистенциально-феноменологическая парадигмы.

Рассмотрение выделенных систем парадигмальных координат проводилось при посредстве концептуально-критериальной оценочно-сравнительной матрицы их сопоставления.

Представленный в таблице обзор онтолого-эпистемологических приоритетов различных систем парадигмальных координат свидетельствует о широчайшем спектре альтернативных подходов,

Таблица 2

Концептуально-критериальная оценочно-сравнительная матрица соответствия парадигмальных координат

Элемент диалогичности	Доминирующей	Составляющей	Доминирующей	Элемент диалогичности
Общественность	ВП; ДП; КП; ИИП; ПМ; КИ; БвП	ГП; ИП; ПП	ГуП; ДвП; СКМ; ФП; ЭФП	Субъективность
Детерминизм	ВП; ДП; КП; ИИП; ПМ; БвП	КМ; ГП	ГуП; ДвП; СКМ; ФП; ЭФП	Индетерминизм
Музыкальное	ВП; ДП; КП; ИИП; ПМ	КМ; ИМ; БвП; ГуП	ФП	Жесткое
Презентное	ПП	ВЭ; БвП; ДП; ДвП; ИИП; ПМ	КП; ГуП	Будущее
Наследственность	БвП; ДП; КП; ИИП; ПМ	КМЭ; ИП	ВЭ; ГуП; ИП; СКМ; ЭФП	Изменчивость
Богатство	БвП; КП	ВЭ; ДП; ИП; КМП; КП; ИИП; ПМ; СКМ; ЭФП	ГуП; ДвП; СКМ	Голеростая
Сложность	ВП; ПМ	БвП	ДП; ДвП; ГуП; КП; ИИП; СКМ; ЭФП	Двузначность
Реактивность	ВП; КМ	КМ; ИМ	ДП; ДвП; КП; СКМ; ФП; ЭФП	Активность
Аноним	ВП; ДП; КП; ИИП; ПМ	ДП; ГуП; КМП	ДвП; ИИП; СКМ; ЭФП	Конкрет
Полнота	БвП; ДП; ГуП; КМ; КП; ИИП; ПМ; ПП	ДвП; КМП	ПП	Неполнота
Разнообразие	ВП; БвП; ДП; ГуП; ПМ; КП		ПП	Иррациональное
Наконтрастное	ВП; БвП; ДП; КП; ИИП; ПМ	ИП	ДвП; ГуП; ИИП; СКМ; ЭФП	Наконтрастное
Историчность	ВП; БвП; ДП; КП; ИИП; ПМ	ГуП	ДвП; ИИП; СКМ; ФП; ЭФП	Историчность
Безличное	БвП; ДП; КП; ИИП; ПМ	КМЭ; ИМ; ГуП	ДвП; ИИП; СКМ; ЭФП	Символическое
Качественное	ВП; БвП; ДП; КП; ИИП; ПМ	ИИП; КМП	ГуП; ДвП; СКМ; ЭФП	Качественное

Обозначения: ПМ – позитивистская метапарадигма; КМП – критическая метапарадигма; СКМ – социально-конструктивистская метапарадигма; БвП – биологическая парадигма; ВП – функционалистская парадигма; ГуП – гуманистическая парадигма; ДП – деятельностная парадигма; ДвП – диалогическая парадигма; ИП – историко-культурная парадигма; КП – когнитивистская парадигма; ИИП – психоаналитическая парадигма; ПП – психоаналитическая парадигма; ФП – феноменологическая парадигма; ЭФП – экзистенциально-феноменологическая парадигма.

определяющих своеобразие мировосприятия исследователей, работающих в той или иной психологической традиции. Результаты анализа показывают, что в каждой традиции имеют место как пересечения ее по тем или иным онтолого-эпистемологическим оппозициям с другими традициями, так и существенные расхождения. В них тоже есть несомненный позитивный потенциал, так как смещение акцентов в ту или иную сторону в различных их комбинациях позволяет, во-первых, сматывать новые грани исследуемого феномена; во-вторых, привлекать дополнительные ресурсы альтернативных методов; в-третьих, преодолевать жесткую заданность схем; в-четвертых, создавать предпосылки для новых исследовательских высайтов.

В то же время показано, что каждая парадигма обладает своим специфическим видением и интерпретирующей различными аспектов психологической феноменологии, позволяющими схватить те грани и особенности, которые не схватываемы с позиций других парадигмальных координат. Межпарадигмальный же диалог создает условия для взаимообогащения и взаиморазвития, в частности, представляя основания для размышлений и попыток изучения в собственных рамках достижений друг друга, тем самым выступая в качестве вечного двигателя прогресса психологического познания.

Иллюстрацию продуктивности межпарадигмального диалога для углубления понимания психологической феноменологии представляют рассуждения об издержках монопарадигмальности в контексте экспериментальной парадигмы (Meiser, 2011). Эта иллюстрация представляет особый интерес в силу доминирования данной парадигмы в современной психологической периодике, не сопровождающегося критической рефлексией. Результатом же является «утопание в море» частных фактов и закономерностей, не приводящих к углублению понимания сути изучаемых феноменов. Такое обилие частных фактов приводит, во-первых, к дезориентации исследователя в силу невозможности их интеграции в рамках теории более высокого уровня абстракции; во-вторых, задает своеобразный монопарадигмальный фрейм, приводящий к невозможности высайтирования; наконец, в-третьих – начинает негативно сказываться на развитии области знания в целом. Автор формулирует ряд крайне важных выводов в отношении особенностей и потенциальных издержек реализации монопарадигмального подхода и полезности межпарадигмального диалога: «Первое, экспериментальная парадигма выполняет важную эвристическую функцию расширения области действия изучаемого феномена и предложения теоретических моделей в психологии как относительно новой области научных

исследований. Второе, фокусирование на экспериментальной парадигме содержит риск концентрации на наблюдаемых эффектах, задаваемых специфичной конкретной парадигмой, искажая изучаемые эффекты аспектами, задаваемыми избранной теорией, и приводя к недооценке результатов, полученных в других парадигмах. Третье, если исследование узко фокусировано на эмпирических эффектах в рамках конкретной парадигмы, то и теоретические объяснения будут носить парадигмально заданный характер» (там же, с. 184).

Социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива межпарадигмального диалога

Прежде всего, межпарадигмальный диалог предполагает формирование своего предмета. Общим объектом для всех систем психологических парадигмальных координат является человек в его взаимодействии с социальным и природным окружением, а именно взаимосвязь внутреннего мира, недоступного непосредственному наблюдению и намерению, с его внешними проявлениями, актуализирующимися в поведении, активности и т. п. Исходно оформившись как учение о душе, психология в последующем трансформировалась в науку о поведении, психике и т. п. Общим для данных конструктов является внутренний мир человека, проявления которого крайне многообразны и разнокачественны. Человек живет в мире, переживает его, определенным образом действует, осмысливает, принимает решения. На все это оказывает влияние многообразие факторов: природная и социальная среда, история жизни и многое другое. Что-то из причинных оснований происходящего с ним и окружающими осознается человеком, а что-то нет. В любом случае эта внутренняя подоплека внешне наблюдаемого поведения остается таинством, недоступным объективному намерению как для субъекта, так и для наблюдателя, что, в совокупности, и создает основания для множественной интерпретации, предполагающей выстраивание различных предположений и их последующей проверки на практике, приводящей либо к подтверждению гипотез, либо к решению конкретных проблем.

Следовательно, для создания оснований межпарадигмального диалога необходима разработка определения предмета психологии, объединяющего различные ракурсы изучения человека, представленные в существующем поле парадигмальных координат. Вариант решения данной проблемы представляет авторское определение предмета психологического знания как «бытия-в-мире-самости как био-психо-социальной социокультурно-интердетерминирован-

вой диалогической сущности во взаимодействии с социальным и природным окружением в осознаваемо-неосознаваемо-экзистенциальном измерении» (Янгчук, 2006, с. 204). Категория «бытие-в-мире» акцентирует внимание на экзистенциальном аспекте бытия человека, подчеркивая «вотканность» человека в свою жизнь, переживание ее. Категория «самость» концентрируется на аспекте взаимосвязи внутреннего и внешнего, проявляющегося во взаимосвязи человека с его внешним окружением, историей и т. п. Трехмерный био-психо-социальный континуум фокусируется на сложности взаимодействия трех разнокачественных природ – биологической, психической и социальной. Социокультурный интердетерминизм подчеркивает аспект взаимодетерминации личности, активности и ее ситуативного контекста, проявляющейся в том, что любое изменение в одном из них приводит к изменению в двух других. Наконец, психологическая феноменология исторически анализируется в измерениях осознаваемого, неосознаваемого и экзистенциального.

Обозначенное многоаспектное содержание предмета психологии, с моей точки зрения, и должно задавать рамки психологического изучения, объяснения и понимания, предполагающего нахождение согласований, представляющих относительную определенность (упорядоченность) в само- и миротношении. Такого рода качественная разноприродность требует и особого типа объяснения психологической феноменологии, предполагающего, во-первых, исключительную толерантность, плюралистичность и рефлексивность сознания исследователя; во-вторых, процессуальность; в-третьих, социокультурную интердетерминированность и конструируемость; в-четвертых, сосуществование качественно разнородных природ; в-пятых, деизентенциальную бытийность; наконец, в-шестых, использование метанизмов особого типа интеграции как разнокачественных природ, так и знаний, накопленных в альтернативных традициях и подходах.

Решение такого рода задачи предполагает наличие и иного типа логики – диалогической, выдвигающей в качестве альтернативы классическому «или/или» диалогическое «и/и», при котором альтернативные подходы начинают рассматриваться не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие. Целью же развития научного знания становится выработка путей и средств налаживания продуктивного межакадемического и междисциплинарного диалога, направленного на взаимообогащение и взаиморазвитие в области углубления понимания психологической феноменологии.

Реализация диалогической логики «и/и» требует разработки принципиально нового методологического подхода, позволяющего

создать основания для подлинного диалога, по своей сути историко-предполагающего взаимное признание и выработку совместных решений консенсуального типа. Авторская попытка решения этой задачи представлена в рамках интегративно-элективного подхода к анализу психологической феноменологии в условиях существующего многообразия традиций (Янгук, 2000, 2001). Обосновывается необходимость постижения природы психологической феноменологии через сопровождаемую критической рефлексией интегративную электизацию различных традиций, подходов, логик и инструментов, при сохранении их автономии в последующем развитии.

Суть подхода заключается в многоплоскостном, поливалентном, разномасштабном анализе, создающем возможность качественно иного «инсайтирования», предполагающего включение в плоскость рассмотрения различных аспектов множественности, диалогичности, двусторонности изучаемого феномена. Способность встать на позицию оппонента, включение в конкурентную идей, критическая рефлексия, критическое позиционирование предоставляют возможность острого анализа, превращающегося в еще один «вечный двигатель» прогресса знания. Речь идет не об интеграции, неизбежно порождающей тенденцию к монополизированию истины со всеми вытекающими последствиями, а именно о свободном оперировании разномасштабным, разномасштабным знанием, связанным с наиболее продуктивно работающими в проблемной области традициями и их инструментарием.

Методологический фундамент интегративной электики составляют понятия поливариантности истины, онтологического плюрализма, аналогии и двусторонности. Интегративная электика предполагает привлечение к анализу наработок и достижений тех традиций, тех подходов, которые наиболее продуктивно работают в конкретной феноменальной области с последующей возможностью диффузии инсайтов и идей, их критической рефлексии через альтернативное позиционирование, способствующее преодолению парадигмальной и авторской предубежденности, и на этой основе – продвижения к более глубокому постижению исследуемого феномена, переходу на более высокий уровень обобщения за счет рассмотренных теоретических построений разных порядков сложности.

Развитие интегративно-элективного подхода нашло свое выражение в социокультурно-интердетерминистском диалогическом дополнении, предлагающем ряд условий углубления понимания психологической феноменологии:

- плюралистичность и толерантность, по своей сути, реализующиеся в исковом осознанном приятии факта возможности

и возможности существования альтернативных объяснений природы анализируемых феноменов;

- согласованность исходных онтолого-эпистемологических оснований, определяющих отношение к наиболее фундаментальным вопросам, связанным с познаваемостью изучаемой и объясняемой реальности, сопровождаемой констатацией совпадения и расхождения позиций;
- социокультурная интердетерминированность, выражающаяся в признаках взаимовлияния и взаимообусловленности всех факторов, присутствующих в процессе функционирования изучаемого феномена;
- диалогичность, проявляющаяся в способности создания совместного знания с учетом индивидуальных и культуральных различий, основанной на логике взаимобогащения и взаиморазвития.

Существует единственный способ избегания парадигмально специфического фокусирования в эпистемологическом теоретизировании – поиск более интегративных описаний эмпирического феномена в других парадигмах (см.: Rangabati et al., 2016). Узкая концентрация на одной парадигме в теоретическом анализе и исследовании может нанести весьма существенный ущерб развитию науки. Предсказательные и объяснительные возможности теории должны расширяться посредством обращения к возможностям других исследовательских парадигм, так как проверка теоретических предположений в других системах парадигмальных координат позволит найти дополнительные основания для подтверждения верности полученных результатов и продемонстрировать универсальность и внешнюю валидность предлагаемой теории (Meiser, 2011, p. 183–184).

Внедрение подхода в методологическом аспекте предполагает прояснение ряда связанных проблемных областей: теоретического доказательства и метода исследования. Становится очевидной ограниченность эксплицитно-структурированного доказательства (основывающегося на необходимости эмпирического подтверждения любого элемента теории) и необходимость повышения роли имплицитно-структурированного доказательства (основывающегося на меньшей зависимости от эмпирического подтверждения и акцентирования на логической последовательности и непротиворечивости, убедительности и принятии заинтересованным и квалифицированным читателем) (Franklin, 1982; Янчук, 2000, 2005).

В области метода исследования осуществляется поиск оптимального сочетания возможностей количественных и качественных

методов, примером чего является методологическая триангуляция и ее авторская модификация интегративной элестикой путем триангуляции (Ягчук, 2000, с. 321–331). В процессе реализации идеи диалога по отношению к методам исследования все большую популярность и последние годы завоевывают диалогические методологии, примером чему является альтернативный демократический подход, предложенный К. Р. Холу и обозначенный им как интерпретативизм смешанных методов (Howe, 2004). Данный подход изменяет роль количественных методов исследования, придавая им вспомогательную роль. Интерпретативизм смешанных методов провозглашает понимание личности в категориях ее собственных понятий. Он вовлекает во взаимодействие заинтересованные стороны посредством принципов включения и диалога. Принцип включения представляет демократическое намерение, обеспечение, насколько это возможно, слышания всех участвующих голосов. Принцип диалога устанавливает необходимость вовлечения всех заинтересованных сторон и предоставление им возможности обсуждения того, почему что-то происходит и что должно происходить. Совместный критический диалог предполагает привлечение экспертного знания в рассмотрение ситуации и посредством этого – достижение возможности вывода за пределы данного за счет объединения профессиональных возможностей исследователя и доступа к реальности информанта.

Заключение

Рефлексируя изложенное, следует подчеркнуть, что парадигмы представляют собой нечто большее, чем эпистемологические, онтологические и аксиологические основоположения. Они являются продуктами «напряжений и конфликтов, простирающихся за пределы универсума на состояния бюрократии, группа давления, больших корпораций и групп» (Nezret, 2006, с. 123). Они представляют нечто большее, чем «несоизмеримые и отграниченные воззрения... они конституированы отношениями... и распространяются или изменяются не только тогда, когда авторы намекают идею, но и когда объединяющие оппонентов... ситуации и события... меняются» (там же). В этом глубочайшем по смыслу пассаже подчеркивается крайне важная мысль о парадигмальной заданности, или фреймированности, сознания представителей различных традиций, школ и подходов, выражающейся в специфической интерпретации изучаемой феноменологии, запертости к альтернативным видениям и объяснениям в силу, как это ни парадоксально, своей человечности. Можно обладать сверхсмыслом, рефлексировать, абстрагироваться,

во нельзя вырваться из рамок своей бытийности, история, предпочтений и антипатий... Людям свойственно верить в единственную правду жизни, и они часто терпят при столкновении с правдами разными. Но людям свойственна и способность договариваться, убеждать и переубеждаться. Переубедиться можно, лишь приняв и признав другого и услышав его голос. Сделав это, мы обогащаемся опытом и мыслями другого, расширяя собственные горизонты видения, а наилучшим средством для этого выступает диалог.

Завершая обсуждение проблематики междисциплинарного диалога, приведу высказывание одного из крупнейших специалистов в области методологии исследования Нормана Денцина: «Мы нуждаемся в моральном и методологическом сообществе, утверждающем и способствующем парадигмальному и методологическому многообразию» (Denzin, 2010, p. 425)

Литература

- Касован Н. Т. Эпистемология // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон»—РОСНИ—Реабилитация», 2009.
- Юрвич А. В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 5–18.
- Юрвич А. В. Перспективы парадигмального синтеза // Вопросы психологии. 2008. № 1. С. 3–15.
- Ячук В. А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и психологии: интегративно-элективный подход. Минск: Бестпринт, 2000.
- Ячук В. А. Психология постмодерна // Время как фактор изменений личности. Сб. науч. трудов / Под ред. А. В. Врушлинского и В. А. Поликарпова. Минск: ЕГУ, 2003. С. 175–201.
- Ячук В. А. Введение в современную-социальную психологию. Минск: АСАР, 2005.
- Ячук В. А. Постмодернистский, социокультурно-интердетерминистский диалогизм как перспектива позиционирования в предмете психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. С. 193–206.
- Ячук В. А. Постмодернистская социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива метода психологического исследования // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 207–226.
- Ячук В. А. Постмодернистская социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива объяснения в психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 1. С. 195–209.

- Яцук В. А. Прогресс в понимании психологической феноменологии: межкультурно-интердетерминантная диалогическая перспектива // Прогресс в психологии: Критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Маршалковской, А. В. Юрвича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 262–285.
- Яцук В. А. Культурный фрейм как детерминанта взаимопонимания в условиях культурного многообразия // Психологический журнал. 2010. № 2. С. 41–48.
- Abbe M. A., Teddlie C. A. Continuation of the Paradigm Wars? Prevalence Rates of Methodological Approaches Across the Social/Behavioral Sciences // *Journal of Mixed Methods Research*. 2010. V. 4 (2). P. 103–126.
- Barrell G., Morgan G. *Sociological paradigms and organizational analysis*. London: Heinemann, 1979.
- Churchland P. M. *Scientific realism and the plasticity of mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Denzin N. K. Moments, Mixed Methods, and Paradigm Dialogs // *Qualitative Inquiry*. 2010. V. 16 (6). P. 419–427.
- Domoyev R. Take my paradigm... please! The Legacy of Kuhn's construct in educational research // *International Journal of Qualitative Studies in Education*. 2006. V. 19. P. 11–34.
- Domoyev R. *Paradigm* // *Sage Encyclopedia of Qualitative Research Methods*. SAGE Publications, 2008. P. 591–595.
- Franklin C. W. *Theoretical perspectives in social psychology*. Boston: Little, Brown and Company, 1982.
- Guba E. G., Lincoln Y. S. Competing paradigms in qualitative research // *Handbook of qualitative research* / Eds N.K. Denzin, Y. S. Lincoln. Thousand Oaks, CA: Sage, 1994. P. 105–117.
- Haefliger W., van The structure of paradigm change // *New Ideas in Psychology*. 2007. V. 25. P. 207–220.
- Handbook of qualitative research* / Eds Denzin N. K., Lincoln Y. S. Thousand Oaks, CA: Sage, 1994.
- Howe K. R. A critique of experimentalism // *Qualitative Inquiry*. 2004. V. 10. P. 42–61.
- Kolakowski L. *Positivist science*. Harmondsworth, England: Penguin Books, 1972.
- Lather P. *Getting Lost: Feminist Efforts toward a Double (d) Science*. Albany: SUNY Press, 2007.
- Lincoln Y., Guba E. *Naturalistic inquiry*. Beverly Hills, CA: Sage, 1985.
- Matias P., Secord P. Implications for psychology of the new philosophy of science // *American Psychologist*. 1982. V. 38. P. 390–413.

- Meiser T. Much Pain, Little Gain? Paradigm-Specific Models and Methods in Experimental Psychology // *Perspectives on Psychological Science*. 2011. V. 6 (2). P. 183–191.
- Morgan D. L. Paradigms Lost and Pragmatism Regained: Methodological Implications of Combining Qualitative and Quantitative Methods // *Journal of Mixed Methods Research*. 2007. V. 1 (1). P. 48–76.
- Nespor J. Methodological inquiry: The uses and spaces of paradigm proliferation // *International Journal of Qualitative Studies in Education*. 2006. V. 19. P. 115–128.
- Outhwaite W. Toward a realist perspective // *Beyond method: Strategies for social research* / Ed. G. Morgan. Beverly Hills, CA: Sage, 1983. P. 321–330.
- Ranganath K. A., Spellman B. A., Jay-Gaba J. A. Cognitive “category-based induction” research and social “persuasion” research are each about what makes arguments believable: A tale of two literatures // *Perspectives on Psychological Science*. 2010. V. 5. P. 115–122.
- Teddle C., Tashakkori A. Major issues and controversies in the use of mixed methods in the social and behavioral sciences // *Handbook of mixed-methods in social and behavioral research* / Eds A. Tashakkori, C. Teddle. Thousand Oaks, CA: Sage, 2003. P. 3–50.

ТЕОРЕТИКО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИИ: ДВЕ РАЗНЫЕ ПАРАДИГМЫ?

А. Л. Журвалев, Д. В. Ушakov

Начиная с середины 1990-х годов в отечественной психологии широко распространялось мнение о том, что между академической и практической психологией образовался раскол, выражающийся в различии концепций, методов и сообществ. Может создаться впечатление, что академическая и практическая психологии образуют две различные парадигмы в том смысле, который придавал этому слову Т. Кун. В самом деле, парадигмы, согласно исходному определению Т. Куна, – это традиции научного исследования, складывающиеся на основании образцов, или примеров, которым следует в своей научной практике значительная часть научного сообщества. Такими образцами в разное время и для разных наук были «Физика» Аристотеля, «Альмагест» Птолемея, «Начала» и «Оптика» И. Ньютона, «Электричество» Б. Франклина, «Химия» А. Л. Лавуазье, «Геология» Лайеля и многие другие (Кун, 2009). При этом Т. Кун считает парадигмами и значительно более специализированные научные традиции, ограничивающиеся той или иной частной научной областью. Академическая и практическая психологии в этом контексте действительно выглядят различными парадигмами, в которых научная деятельность следует различным образцам.

Соответствие куновским парадигмам усиливается и при дальнейшем рассмотрении особенностей академической и практической психологий. Согласно Т. Куну, каждая парадигма имеет свои эталонные концепции и методы. У разных парадигм они различны. Это относится и к академической и практической психологиям, которые ориентируются на разные теории и используют различные методы.

Далее, вокруг каждой парадигмы группируются ее последователи, образующие четко дифференцированные сообщества. Но такая же и ситуация с представителями академической и практической психологий.

Можно было бы возразить, что академическая и практическая психологии – это не разные парадигмы, а лишь практическое воплощение в технологии и технике одними людьми концепций, разрабатываемых другими. Однако такое возражение в действительности оказывается неверным, поскольку практическая психология часто отнюдь не реализует концепции академической, более того – она возводит свои собственные теоретические построения.

Итак, вполне закономерен вопрос: теоретическая и практическая психологии – две разные парадигмы?

Начать необходимо с прояснения терминологии. Уточним, что понимается под академической психологией. Понятие академической науки этимологически имеет институциональный смысл: это та наука, которая развивается в исследовательских учреждениях академий. В реалиях западных стран ее следует скорее назвать университетской, поскольку там основную научно-исследовательскую нагрузку несут университеты, а не академии. Также университеты ведут подобную работу и в нашей стране, поэтому можно было бы использовать термин академико-университетская психология.

Однако отнюдь не все научные сотрудники академий и преподаватели университетов имеются в виду, когда речь идет об академической психологии и обособившейся от нее психологической практике, в основном психотерапевтической. В университетах, как западных, так и отечественных, трудятся, например, немало психоаналитиков, которые привержены клиническим методам и занимаются психотерапевтической практикой. Это означает, что граньца обсуждаемого раскола имеет не институциональный характер, а относится к способам работы со знанием, различие в которых приводит к образованию относительно обособленных профессиональных сообществ.

Термин «академический» этимологически и семантически близок слову академичный, т. е. «следующий определенным канонам», которые связывают с «хорошей наукой». Однако вновь это не очень точный демаркационный критерий, поскольку, пожалуй, трудно отделить ряд психоаналитиков в академичности, в то время как представители противоположного полюса могут быть академичными в некоторой мере.

Может быть, адекватнее в рассматриваемом контексте использовать термин фундаментальная психология? Фундаментальная наука противопоставляется не только практике, но и прикладной науке. Фундаментальная наука устанавливает общие закономерности явлений. Прикладная наука на их основе строит модели конкретных процессов, имеющих практическое значение. Практики

создают устройства, технологии и осуществляют их практическое применение. Например, фундаментальная психология изучает, среди прочего, общие закономерности переработки информации, инженерная же психология как прикладная отрасль строит модели переработки информации оператором при управлении различными техническими устройствами, которые затем могут быть использованы практиками при создании подобных устройств и организации работы с ними.

Этот анализ значения термина показывает, что ни в рамках данной статьи, ни в каком-либо другом контексте заменить словосочетание «академическая психология» на «фундаментальная психология» нельзя. Академическая наука шире фундаментальной, и разрыв между фундаментальными и прикладными областями психологии отсутствует. Более того, например, теория З. Фрейда в ряде аспектов (общие представления о личности и ее взаимодействиях с обществом) вполне может быть названа фундаментальной, хотя включает и прикладные аспекты, и применяемые на практике психотерапевтические техники.

Настоящий подраздел проводит по линии использования контролируемого эксперимента. Одна психология, часто именуемая академической, строит теории на основе эксперимента или воспроизводимого исследования, а другая, именуемая практической, сверяет их с клиническим наблюдением и строит на них практическую деятельность, не особенно заботясь о воспроизводимой проверке.

Отсюда в качестве вторичных возникают и остальные определения. Наука, основанная на эксперименте, должна быть связана с лабораториями, находящимися в академиях и университетах, что, однако, не мешает науке, не имеющей к эксперименту отношения, обосновываться там же.

В то же время эту науку не совсем точно было бы назвать экспериментальной, поскольку, предполагая эксперимент в качестве необходимого звена, она к нему не сводится. В психологии, конечно, нет такой выраженной специализации, как в физике, на теоретиков и экспериментаторов, поскольку, с одной стороны, у нее не столь развитый моделирующий аппарат, как, например, в математической физике, а с другой – не столь сложная аппаратная организация эксперимента. Функция теоретика и экспериментатора в нашей науке в результате тесно связаны.

Практика в таких областях психологии, как психотерапия, где нет опоры на воспроизводимый эксперимент, тем не менее, не может быть названа апостериорной: в ее основе лежит теория, однако

не экспериментальная, а основанная на впечатлениях клинициста. Классический пример – более чем вековая история психоанализа, в ходе которой его основные положения не получили экспериментального подтверждения. Эдипов комплекс, стадии детского развития, принципы толкования сновидений – все это гипотезы, не выдерживающие экспериментальной проверки.

Самым точным было бы определить психологию как науку, в которой теории обосновываются путем эксперимента или иных контролируемых и воспроизводимых эмпирических исследований. Такое определение, однако, было бы слишком длинным, поэтому в дальнейшем будет использоваться термин теоретико-экспериментальная психология.

Мы будем дальше употреблять в качестве синонима и термин академическая психология. Хотя, как было показано выше, этот термин не совсем точно обозначает соответствующую реальность, нам представляется важным использовать его, чтобы сохранить единое терминологическое поле с предшествующими работами, где употреблялся именно этот термин. Следует специально оговорить, что под понятием академической психологии в этой статье имеется в виду экспериментально-теоретическая психология, а не те – например, клинически ориентированные – отрасли, которые в той или иной форме нашли приют в академиях или университетах.

Термин фундаментальная психология должен употребляться в другом значении – в качестве противопоставления как практике, так и прикладной науке. Таким образом, фундаментальную психологию мы понимаем как часть экспериментально-теоретической, или академической.

Соответственно, на другом полюсе дихотомии по отношению к теоретико-экспериментальной психологии находится психологическая практика. Когда эта практика отделяется от экспериментально-теоретических исследований, она уже перестает быть стороной единой психологии и превращается в относительно независимую практическую психологию. В данном контексте, говоря об академической и практической психологиях, мы употребляем множественное число, чтобы подчеркнуть проблему разделения этих двух ветвей психологии.

Прикладная психология, исследующая закономерности конкретных практически важных явлений, занимает промежуточное место между фундаментальной психологией, с одной стороны, и психологической практикой, с другой. При этом прикладная психология, наряду с фундаментальной, входит в сферу экспериментально-теоретических исследований.

Заметим, что, давая выше определения понятиям, мы ни в коем случае не утверждаем, что любая теоретико-экспериментальная психология оторвана от психологической практики. Мы утверждаем, что там, где этот разрыв существует, он происходит между теоретико-экспериментальной психологией и психологической практикой, а не в какой-либо другой части науки. Многие психологические теории, построенные в университетах и академиях на основе экспериментов, имеют (и это здорово!) прикладные и практические аспекты, а многие виды психологической практики основаны на экспериментально обоснованной теории.

Масштабы обозначенного выше разрыва и его причины предстоит уточнить далее.

История взаимоотношений теоретико-экспериментальной и практической психологией в нашей стране

В первые 10–15 лет советской власти полная зазора психология, вооружившись марксизмом, чувствовала в себе готовность решать грандиозную проблему – формирование нового человека. Первоначальный энтузиазм иссяк к середине 1930-х годов, однако желание приносить практическую пользу сохранялось, приняв менее радикальные формы. Стремившаяся реорганизовать производство психотехника была закрыта, как и реформистски ориентированная педология, но психология в силу своих возможностей продолжала решать практические задачи. Показателен и продуктивен в этом отношении период Великой Отечественной войны, когда силы психологов были направлены на решение военных задач: от реабилитации раненых с повреждением головного мозга до разработки маскировки в целях снижения разрушительной силы бомбардировок. В 1960-е годы в связи с развитием инженерно-психологических исследований психология стала полезна прежде всего авиации и космонавтике, что способствовало повышению ее престижа и институционализации в качестве науки, имеющей представительство в Академии наук СССР (Журавлев, Ушаков, 2006).

История отношений теоретико-экспериментальной психологии с практикой и история рефлексии этих отношений – не совсем одно и то же. Реальные отношения модифицируются достаточно плавно, а рефлексия, проходящая сквозь призму идеологических воззрений своего времени, периодически претерпевает скачкообразные изменения. В 1970–1980-е годы в рефлексии стали преобладать более-менее реалистические науковедческие взгляды, предполагавшие при этом вполне гармоничные отношения между фундаменталь-

вой наукой и психологической практикой. Классическое познание связи теории, эксперимента и практики в психологии в рамках этого этапа выразил Б. Ф. Ломов (Ломов, 1984). Фундаментальная теория должна верифицироваться (или, по К. Попперу, фальсифицироваться) в эксперименте и снабжать проверенными знаниями практику, а практика, в свою очередь, способна, с одной стороны, проявить ценность теории, а с другой – поставить перед теорией такие вопросы, которые будут стимулировать ее развитие. В результате «взаимодействие... теории, эксперимента и практики есть необходимое условие развития всей системы психологических наук» (Ломов, 1984, с. 51).

Однако на постсоветском этапе, начавшемся в 1990-е годы и фактически продолжающемся по сегодняшний день, в концептуализации отношений фундаментальной психологии с практикой произошли серьезные изменения. Начиная с этого исторического момента, мы будем анализировать изменение воззрений подробнее.

Можно указать на три основные причины произошедшего переосмысления давних отношений.

Во-первых, психологическая практика в конце XX в. бурно разрослась количественно и охватила новые сферы, которые оказались весьма востребованными населением. Это в первую очередь относится к различным формам психотерапии, которые в 1990-е годы пережили в нашей стране настоящий бум. Тем самым численно возросшая и укрепившаяся собственными кадрами психологическая практика обрела право независимого голоса, который оказался далеко не всегда совпадающим с голосом академических ученых.

Во-вторых, если в советское время психологические службы и подразделения были, как и все прочее, государственными структурами и опирались поэтому на разработки государственных НИИ или вузовскую науку, то с развитием рыночной экономики появилась сфера частных психологических и психотерапевтических услуг. Тем самым относительному организационному единству фундаментальной психологии и психологической практики был положен конец. Более того, как часто случается, «магнитик» развития качнулся в противоположную сторону – к отрицанию положительных сторон подобного единства и даже взаимодействия.

В-третьих, важную роль в переосмыслении связей академической науки и практики сыграла философия и методология постмодернизма. В контексте характерного для постмодернизма видения мира как фрагментарного и раздробленного выступили разрывы и нестыковки между академическим психологическим знанием и практикой (Степни, 1990; Юренич, 2000).

В результате в 1990-е годы начала создаваться совсем другая, радикально неклассическая картина соотношения фундаментальной психологии и психологической практики. Стали раздаваться голоса, свидетельствующие о том, что практическая психология (речь шла преимущественно о такой ее отрасли, как психотерапия) существует сама по себе, без опоры на экспериментальную науку (Васильюк, 1996; Юрвич, 2000). Было отмечено, что психологический процесс воздействия продолжает по-прежнему во многом оставаться искусством, «ускользая» от строго научных методов оценки (намерения) и проверки. Получается, что об одном и том же предмете, человеческой психике, существуют по меньшей мере два рода знания, один из которых экспериментально проверяем, но по каким-то причинам не отвечает потребностям психотерапевтической практики, а другой, наоборот, соответствует нуждам практикующих психотерапевтов и ими порождается, но плохо поддается экспериментальной проверке. Результатом идейного разделения оказывается социальное размежевание: сообщества, систем образования, ориентиров, авторитетов и кругов общения.

Пожалуй, однако, что в последнее время мы стали свидетелями появления тенденций, направленных в противоположную сторону, – на сближение академической и практической психологии. На это есть серьезные основания.

Прежде всего рассмотрение связи академической психологии с различными областями практики приводит к различным результатам в зависимости от того, о какой сфере практики идет речь. Картина, ставшая результатом рефлексии в 1990-е годы, во многом возникла по той причине, что предметом этой рефлексии была преимущественно психотерапия. Как отмечалось выше, психотерапия оказалась в тот момент чрезвычайно актуальной практической областью. Время, однако, перемещает акценты, и сегодня возникает потребность в более обобщенном взгляде, интегрирующем различные сферы науки и практики. Действительно, в психотерапии очень мало нового выросло из лабораторных экспериментов. Однако не стоит генерализировать это утверждение и переносить его на другие отрасли психологической практики. Можно привести множество примеров. Инженерная психология и эргономика – как в 1960-е годы, так и сегодня – черпают свои основания именно из лабораторных экспериментов по переработке информации человеком. Психологические подходы к подбору персонала основываются на четко проведенных исследованиях, показывающих прогностическую валидность индивидуальных особенностей личности. На экспериментальных данных по влиянию различных воздействий на убеждения

людей строится техники коммерческой и политической рекламы. Подобного рода примеры можно назвать практически до бесконечности. Следовательно, предположение о связи фундаментальной психологии с психологической практикой надо строить не всей совокупности фактом, а не только на основе фрагмента реальности, связанного с различными формами консультационной или психотерапевтической практики.

Стало также меняться отношение и к самому разрыву. Стал уходить романтический флер, окружавший интеллектуальную смелость, граничившую с максимом, и все более очевидным становится, что констатация разрыва между теорией и практикой – это констатация ущербности и теории, и практики. В самом деле, последствия разрыва чувствуются в практической психологии, поскольку отсутствие опоры на эксперимент – существенный недостаток такой практики. Ведь, стержень фундаментальной науки – система процедур проверки знания. Основанная на эксперименте теория является наиболее динамичной и энергично развивающейся. Такая теория приспособлена к тому, чтобы успешно прогрессировать в условиях разделения труда научного сообщества. При ней существуют эксплицитно установленные критерии, которые позволяют каждому члену сообщества предлагать свой способ развития моделей. Обратная связь, создаваемая экспериментом, приводит к опознанию области недостаточности теории и, соответственно, к выявлению точек роста.

Лишенная этих процедур, да еще и имеющая дело со столь неопределенным и трудновозмерным объектом, как психика, практика сталкивается с серией проблем, связанных, с одной стороны, с недостаточной скоростью развития, а с другой – с неоптимальной организационной структурой.

Понятно, что отсутствие потока идей из теоретико-экспериментальной психологии, питающего технологические разработки, не способствует ускоренному развитию технологий. Кроме того, простой аргумент, являющийся аксиомой, например, для бизнеса, гласит: чтобы улучшить, надо измерить. Для того чтобы корпорация могла улучшить какой-то аспект своей деятельности, например, качество товара, необходимо для начала его измерить, объективно зафиксировать. Затем уже можно разрабатывать меры по улучшению качества, эффективность которых удастся оценить. Аналогичное, конечно, верно и для психологической практики – для эффективного развития нужна оценка результатов.

Кроме этих абстрактных соображений, существуют и более живые. А. В. Юренич пишет: «Под «центрами» практической пси-

зология замаскированы всевозможные секты, колдуны, астрологи... которым следовало бы „взаимодействовать“ с прокуратурой, а не с академической наукой» (Юревич, 2012). И далее: «По результатам опроса, проведенного Левада-Центром в 2010 г., к профессиональным психологам и психотерапевтам когда-либо обращались лишь 10% наших сограждан (это согласуется и с данными, ранее полученными ФОМ), а к колдунам и южк с ними – 30%» (там же).

Те примерно 10% россиян, которые обращаются к психотерапевтам, относятся в основном к обеспеченным и образованным слоям общества (Бовдаренко, 2006). Эти люди все больше становятся способны самостоятельно собирать информацию о научной оценке предлагаемой им психотерапии, в частности, используя ресурсы Интернета. В значительной степени таким путем пополняются ряды пациентов, желающих иметь дело с представителями доказательной медицины, и именно такие клиенты обращаются скорее к психотерапевту, чем к колдуну.

Дополнительными факторами являются идейные влияния на других областях как смежных научно-практических сфер в нашей стране, так и психологической практики за рубежом. Движение доказательной медицины, о котором речь пойдет ниже, оказывает серьезное воздействие на психотерапевтическую практику в странах Запада.

Еще один источник перемен заключается в общем изменении общественной атмосферы. 2000-е годы в сравнении с 1990-ми – это период заметного возвращения государства в экономику и социальную жизнь, которое коснулось и психологической практики. В этот период произошло новое «огосударствление» практики, появление запроса на нее от государственных структур, сравнимого с частным, а нередко и превосходящего его. В частности, знаменательным событием стало создание и поступательное развитие Московской службы психологической помощи населению. Служба стала первой в нашей стране организацией, проводящей психологическую работу в масштабах целого региона, причем таким регионом стала финансово и интеллектуально мощная столица страны. Продолжилось и формирование ведомственных психологических служб, среди которых, пожалуй, наиболее примечательно развитие психологической службы в составе Министерства по чрезвычайным ситуациям.

Развитие государственных психологических служб изменяет «законы жанра». Однако организационная логика и здравый смысл состоит в том, что государственные структуры не только имеют право, но и обязаны предоставлять отчет о степени эффективности потраченных средств. Они должны отчитываться и в том, насколько

во средства, потраченные на психологическую помощь населению, принесли реальную отдачу, а как это сделать иначе, кроме как путем оценки эффектов психологического воздействия?

Итак, целый ряд складывающихся в систему обстоятельств подталкивает психологическую практику к сближению с теоретико-экспериментальными исследованиями. Для теоретико-экспериментальной психологии последствия отрыва от некоторых областей практики тоже негативны и существенны, хотя они проявляются не столько в ее внутреннем состоянии, сколько во внешнем положении, социальном престиже и вытекающих отсюда следствиях. Для академических психологов наличие практической приложимости их фундаментальных разработок – предмет профессионального самосознания и профессиональной гордости.

Способы работы со знанием как объяснительный принцип разделения теоретико-экспериментальной и практической психологии

В контексте проблемы недостаточно описать состояние дела во взаимоотношениях теории и практики в психологии, необходимо дать ему объяснение. Последнее предполагает наличие объясняемого, или, в логических терминах, экспланандума (которым в данном случае выступает синдром разрозненности теории и практики с симптомами разделения понятийных систем, сообщества и т.д.), и объясняющего, или эксплананса. Без эксплананса объяснение невозможно. Без него мы не сможем, например, понять отличие отношений теоретико-экспериментальных исследований и практики в психологии и других науках. Обсуждение возможных вариантов взаимодействия теории и практики без эксплананса подобно рассмотриванию теней в платоновой пещере без отсылки к тем людям и животным, которые, перемещаясь перед входом в пещеру, отбрасывают тени.

В качестве эксплананса разумно обратиться к способам работы знания в науке. В принципе возможны и другие типы объяснения, например, через социальную ситуацию. Последняя, однако, является скорее катализатором, чем действующей причиной.

Без обращения к специфически психологическим способам функционирования знаний, без анализа работы концептуального аппарата психологии во взаимосвязи с подходами к эмпирическому исследованию остается непонятым, например, почему в психологии, в отличие от других наук, экспериментальный и практический проект не сходится, а наоборот, по мнению многих, все более

расходится. Если в физике, химии или биологии экспериментальные просекты вполне гармонично взаимодействуют с практикой, а в психологии – нет, то возникает необходимость углубить анализ и попытаться понять, в чем особенность психологического знания, в чем его отличие от знания в тех же физике, химии и биологии.

Ведь эксперимент собственно дает возможность проверки (или фальсификации) моделей, а это значит, что экспериментально обоснованная теория может снабжать практику проверенными моделями объектов, которые позволяют практикам конструировать эффективные устройства и технологии. Что же, например, психотерапевтам не нужны модели объектов, с которыми они работают? Конечно, нужны. Более того, они эти модели используют, однако без того, чтобы модели прошли экспериментальную проверку.

Ответить на эти вопросы помогает обращение к способам функционирования знаний в психологии. Именно их анализ, как нам представляется, должен составить ту базу, на которой возможно обсуждение феноменов разрыва теоретико-экспериментальной науки и практики в психологии.

В рамках подобного анализа выкристаллизовываются два основных подхода. Согласно первому из них, дело заключается в особенностях знания, получаемого сегодня экспериментальной психологией. Это знание пока не является настолько развитым, чтобы обеспечить надежную базу для многообразных видов растущей психологической практики. Следуя подобной логике, дальнейшее развитие основанной на эксперименте эмпирической науки приведет к оптимизации ее отношений с практикой.

Согласно второму объяснению, сам тип построения фундаментальной психологии, ее следование естественнонаучным образцам лежит в основе ее отрыва от практики. Практика в рамках такого взгляда нуждается в по-новому ориентированной фундаментальной науке, которая уже не будет целиком полагаться на могущество эксперимента, а отдаст дань более гуманитарно направленным вариантам знания.

Ниже будут проанализированы оба подхода.

Теория типов знания Я.А. Пономарева и проблема соотношения психологической теории и практики

Основы первого подхода заложены в методологии, разработанной выдающимся отечественным психологом Я.А. Пономаревым. По его мнению, можно выделить три типа научного знания – созерцательно-объяснительный, эмпирический и действительно-преобразу-

ющий. В контексте данной статьи основной интерес представляют два последних, поскольку именно они характеризуют экспериментальную науку, в то время как первый относится к науке доэкспериментальной.

При эмпирическом типе знания не учитываются внутрисубъектные преобразования (они остаются в «черном ящике»), отражаются лишь эмпирические закономерности (Пономарев, 1980, с. 200). Иными словами, при всем многообразии проявлений, которыми характеризуется поведение человека, для объяснения любого феномена, полученного в эмпирическом исследовании, применяется модель, имеющая локальный характер. Для объяснения феноменов, полученных в других экспериментах, требуются другие модели. Так образуется эмпирическая многоэлементность – множество локальных моделей, не связанных между собой и предназначенных для объяснения отдельных закономерностей, добытых в экспериментах и иных эмпирических исследованиях.

Нам сегодня известно много локальных механизмов, стоящих за работой нашей психики. Мы знаем о механизмах цветоощущения и о воронке внимания, о когнитивном диссонансе, социальной категоризации и сдвиге риска, а также о многом другом. Проблема в том, что пока мы не пришли к такому видению, которое объединило бы эти локальные достижения в единое целое.

Синтез, или имитация локальных моделей представляет задачу действительно-преобразующего знания, которое должно упорядочить локальные модели на основе «объективных критериев», в качестве которых, по Я. А. Пономареву, выступают «структурные уровни организации элементов – трансформированные этапы... развития» (там же, с. 42).

Выделение знаний как типов достаточно условно. Я. А. Пономарев рассматривает их как полюса, к которым тяготеют научные концепции и исследования: «ни один из перечисленных типов не существует реально в чистом виде, но каждый из них сравнительно легко выделяется путем «идеализации»» (там же, с. 200).

Фактически можно представить соотношение эмпирического и действительно-преобразующего знания как континуум, на котором объяснительные модели расположены в последовательности от наиболее локальных к все более и более синтетичным.

В нашем контексте важно подчеркнуть, что принципом, отличающим действительно-преобразующее знание от эмпирического, является раскрытие «глобального «черного ящика»». Знание эмпирического типа описывает «черный ящик»-извне, а если и раскрывает, то делает это только применительно к «локальному «чер-

ному ящику⁶», описывая механизм отдельной изолированной функции.

В свете схемы, предложенной Я. А. Пономаревым, различные сферы практики можно разделить в зависимости от их локальности или глобальности в плане вовлечения целостной личности. Локальные практические задачи касаются регуляции выполнения человеком отдельных действий и могут быть успешно решены путем применения локальных моделей, которыми современная психология располагает в достаточной степени. Такие задачи могут быть весьма значимыми социально, и в этой сфере фундаментальная экспериментально-ориентированная наука оказывается надежной базой для решения практических задач. Примером может служить инженерная психология. Модели переработки информации, которыми располагает психология, оказываются вполне достаточными для того, чтобы помочь в оптимизации процессов переработки.

Другое дело – практические задачи, связанные с вовлечением целостной личности, как это происходит, например, в сфере психотерапии. Глобальные модели в этой сфере оказываются недостаточно фундированными экспериментом, в результате чего классическая схема «теория–эксперимент–практика» нарушается.

Тем не менее и в этой ситуации экспериментально-психологические модели не остаются полностью бесполезными. Локальные модели могут сослужить важную службу и при решении проблем, вовлекающих целостную личность, описывая отдельные стороны явления и предлагая методы адекватного воздействия на них.

Ниже будут рассмотрены несколько способов, которыми локальные модели могут быть использованы на практике. Существует несколько типов локальных моделей, из которых выделим два. Во-первых, это локальные модели механизмов. В этих моделях происходит «раскрытие „черного ящика“», однако в части локального механизма, который является лишь частью того механизма, что стоит за целостным явлением. Во-вторых, модели условий протекания процессов. Здесь «черный ящик» не раскрывается, но эмпирически выявляются условия, в которых изучаемый глобальный процесс протекает тем или иным образом.

На первый взгляд может показаться, что модели механизмов «ощуще» моделей условий, поскольку дают возможность предсказывать поведение системы во всем спектре ситуаций. Однако проблема локальных моделей механизмов связана с относительностью разделения человеческой психики на модули. Например, можно создать модель решения человеком силлогизмов, которая, конечно же, не опинет, почему человек пришел на эксперимент, как он относ-

ся к экспериментатору и обстановке экспериментальной комнаты, о чем и о ком вспоминал в паузах и куда пошел после эксперимента. Однако ввиду того, что человеческая психика не состоит из модулей, то, что описывается как локальный механизм, есть в действительности аспект работы более общего механизма. Превращенный контекста феномены, которыми обосновывалось существование механизма, «растворяются в воздухе».

Здесь становится очевидна дополнительная причина сложностей в психологии по сравнению, например, с медициной. Человеческая психика, как и организм, – система с чрезвычайно сложными взаимосвязями. Поэтому, как и в медицине, весьма сложно оценить все возможные побочные эффекты.

Вместе с тем в психологии есть свои дополнительные трудности. В медицине более четко выделяются локальные процессы, пусть и находящиеся в тесной взаимосвязи. В организме «части», системы пусть не обособлены, но отличимы друг от друга. В человеческой психике части выделить еще никому не удалось. Очевидна относительность разделения на когниции, эмоции и волю, как и на восприятие, память, представление, мышление и т.д.

В этом плане создание локальных моделей механизмов – логичный путь к тому, чтобы постепенно решать большую проблему, но при этом фактически каждая модель относится не к обособленной реальности, а к «функциональному органу», формируемому для решения определенной задачи и тем самым зависимому от структуры целого, подобраться к которой пока не удается.

Тем не менее, знания локальных механизмов могут быть весьма полезны практике. Они не дают целостного алгоритма действий, но могут обеспечить предсказание результата, зато служат весьма эффективным дополнительным инструментом в руках профессионала.

Психологический конструктивизм как альтернатива в решении проблемы

Альтернативный подход в весьма последовательной и развернутой форме обоснован известным философом, культурологом и методологом В. М. Розиним, который подвергает сомнению возможность существования психологии как естественной науки, опирающейся на закон: «Как можно говорить о психологических законах, если психологические явления изменчивы, а границы психологических законов при подведении под эти законы разных случаев постоянно сужаются?» (Розин, 2010, с. 93). Психологические явления зависят

от времени и культуры, поэтому с помощью законов или моделей мы можем описывать только тот или иной тип поведения человека, сложившийся в определенных культурных и иных условиях. Универсализировать закономерности нельзя, поскольку у людей, сформированных иным образом, эти закономерности перестают действовать. Психология не есть знание о человеке как таковом, она не конструирует универсальных методов воздействия. «Психолог выступает не от лица всеобщего абсолютного субъекта познания или практического действия, а от себя лично и того частного сообщества, той частной практики, в которые он входит, представления которых разделяет» (там же, с. 100–101).

В реальной психологии, по мнению В. М. Розина, работают не столько законы или модели объектов, сколько схемы: «Модели дают возможность рассчитывать, прогнозировать и управлять, а схемы – только понимать феномены и организовывать с ними деятельность. Построение психологов – это главным образом схемы, позволяющие, с одной стороны, задать феномен (идеальный объект) и разворачивать его изучение, а с другой стороны, действовать практически» (там же, с. 93).

При этом психология – не только знание о человеке, но его проект («замышление», по выражению автора), а также символические описания, которые не только характеризуют человека, но и вовлекают его в определенного рода существование. Поэтому в упреде от естественнонаучных образцов – не слабость психологии, а сила: «Психологическую концепцию следует рассматривать как систему метафор, образов, которая позволяет импровизировать на тему человеческой жизни» (Розин, Розин, 1993, с. 25).

С этой позицией познания человека – результат построения, в некоторой степени подобный другим артефактам: зданиям, произведениям искусства, машинам и т.д. Человек может быть построен тем или иным образом, а главным архитектором строительства выступает культура. Психологическая наука как часть культуры получает немаловажное место на этой стройке.

Если этот подход справедлив, то выводить закономерности мы можем только для определенного типа «человеческих построек». Психологические техники должны конструироваться на основании понимания того, что они могут влиять на сам тип постройки. В этом случае психологическая практика представляет собой искусство, поскольку основывается не на законах, а на схемах, включающих психотехническое действие. Практика уже более не выглядит полигоном для проверки теоретических идей, она оказывается реальностью, которая в определенной степени влияет на создание

того объекта, который в дальнейшем описывается психологической теорией.

Следует отметить, что В. М. Розин также обращает внимание на проблему локальных и глобальных моделей, которая была затронута выше: «В эпистемологическом отношении психолог установлен на оперативность⁶ и модельность знания, поэтому он создает только частичные представления о мире. Сложные же, гетерогенные представления, развертываемые в некоторых психологических концепциях личности, не позволяют строить оперативные модели. Но частичность психологических представлений и сама как естественная плата за научность предполагает удержание целостности и жизни, на что в свое время указывал В. Дильтей, а позднее М. Бахтин и С. Аверинцев» (Розин, 2010, с. 101).

Подход В. М. Розина ясен, последователен и поднимает весьма серьезные вопросы. Очевидно, что в какой-то мере каждая человеко-конструкция. Принципиальный вопрос заключается в том, чтобы эту меру осознать. Любая конструкция базируется на естественных закономерностях. Например, конструируя адюнкта, архитектор не в силах отменить законы физики. Подобно этому, культура может конструировать человека в пределах, отведенных законами природы. Насколько широки эти пределы? Предполагается, что фундаментальная психология ищет ответ на вопрос о наиболее общих закономерностях, внутри которых поведение отдельных лиц или групп выступает частным случаем при тех или иных значимых параметрах. Этим, по-видимому, принципиальное противопоставление снимается. Однако оно остается на конкретном уровне. При анализе каждой конкретной закономерности можно задать вопросом, является ли она универсальной или же культурно обусловленной. Здесь можно говорить о том, насколько сегодня тот или иной аспект описан реальной наукой.

Современная психология достаточно плодотворно исследует закономерности поведения в естественнонаучном ключе. В то же время получен ряд локальных результатов, показывающих некоторую зависимость когнитивных процессов от языка в духе гипотезы лингвистической относительности. Для экспериментальной психологии в контексте идей психологического конструктивизма важно задать вопросом, насколько описанные ею закономерности являются зависимыми от культурно-исторической конституции человека. Например, является ли тот же когнитивный диссонанс «естест-

⁶ По-видимому, автор имеет в виду операционализируемость моделей, возможность установить их соответствие эмпирически фиксируемым параметрам.

ленным» свойством человека или же культурно сформированным феноменом. Пока на вопросы такого рода нет окончательного ответа. Можно, однако, констатировать, что экспериментальная психология движется в сторону изучения подобного рода вопросов. В том числе происходит и развитие статистических техник, которые позволяют устанавливать закономерности, свойственные лишь подвыборкам общей выборки испытуемых. Это означает возможность фиксации локальных (т.е. проявляющихся внутри определенным образом культурно организованных типов протекания психических процессов) закономерностей, на чем настаивает психологический конструктивизм.

В контексте данной статьи, однако, важен другой вопрос: насколько указанная дихотомия может рассматриваться в качестве реального источника расхождения между ориентированной на эксперимент фундаментальной психологической наукой естественного типа и психологической – точнее, психотерапевтической – практикой? С позиции психологического конструктивизма можно высказать предположение, что концепции, выдвигаемые в рамках психотерапевтического направления, не являются научными теориями в собственном смысле слова, но схемами, используемыми для навешивания клиентам определенной организации психических процессов, порой граничащей с патологией: «...многие представители психологического цеха склонны к манипулированию в отношении человека или к стремлению культивировать болезнь. В этом смысле весь психоанализ может быть рассмотрен в этом клише как культивирование патологических наклонностей. Когда З. Фрейд настаивает на мифе Эдипа, превращая его в фундаментальный закон психического развития человека, разве он не культивирует психическую патологию?» (там же, с. 96).

Реальная проблема нестыковок между психотерапевтической практикой и фундаментальной наукой состоит в том, что средствами эксперимента не удается смоделировать соответствующую реальность. С позиции психологического конструктивизма, следовало бы ожидать другого – у людей, организованных разными схемами, разного протекания психических процессов. До момента, когда такое положение дел могло бы выясниться, современная экспериментальная психология еще просто не дошла. Следовательно, необходима большая работа в парадигме естественнонаучного подхода, после которой имеет смысл ставить вопрос о пределах, за которыми эта парадигма может стать неадекватной.

Следует констатировать, что психологический конструктивизм выдвигает серьезные вопросы, однако он не является столь проти-

воречанием современной экспериментальной науки, как это может показаться на первый взгляд. Экспериментальная наука вполне способна ассимилировать ряд принципов психологического конструктивизма. Необходимо лишь определить границы применимости этих принципов и констатировать, что в ряде случаев экспериментальные методы еще не позволяют достигать тех пределов, после которых оценки конструктивизма могут принести серьезную пользу.

Куновское понятие парадигмы и состояние современной психологии (вместо заключения)

После того, как проведен анализ способов работы со знаниями, присущих современной психологии, можно сопоставить полученную картину с описаниями Т. Куна. Очевидно, что академическая и практическая психологии работают каждая по своим стандартам, и в этом смысле их характеристика как различных парадигм правомерна. Однако есть и существенные отличия от того представления науки, которое предложил Т. Кун.

Во-первых, и внутри академической, и внутри практической психологии существуют различные исследовательские традиции, следующие различным образцам. Так, например, в академической психологии в равной мере относятся бихевиоризм, когнитивизм и коннекционизм, каждый из которых ориентируется на свои образцы научного исследования и опирается на отдельную группу представителей научного сообщества. Внутри практической психологии отдельные бороздки между собой школы также ориентируются на различные эталоны (Сосланд, 1999).

При этом все направления академической психологии имеют между собой нечто общее, противопоставляющее их направлениям практической психологии. Главнейшей в этом общем, как уже отмечалось, является опора на воспроизводимые экспериментальные данные.

Таким образом, применение взглядов Т. Куна к психологии требует их уточнения и модификации. Образцы научного исследования оказываются не независимыми друг от друга, а сходными в некоторых отношениях, что позволяет кластеризовать их. Образуются группы и входящие в них подгруппы научных традиций.

Более того, еще более пристальный анализ начинает размыкать и эти группы. Так, немецкая психология первой половины XX в., будучи не просто академической, но мировым центром академической психологии, в меньшей степени опиралась на экспериментальные факты в обосновании концепций, чем порожденные в англоязычной

традиции бихевиоризм или когнитивизм. Образуется, следовательно, целый континуум подходов, которые в большей или меньшей степени близки между собой, в результате чего за счет индивидуальных различий в подходах исследователей стирается грань между сообществами.

Во-вторых, Т. Кун делал акцент на «научные революции», последовательную смену парадигм. Нам сейчас рисует другую картину, где для парадигм, скорее, характерно более или менее мирное сосуществование. Нельзя сказать, что академическая психология предшествует практической или наоборот. Их деятельность протекает параллельно в течение уже более чем столетия. Можно говорить о том, что внутри академической психологии парадигмы меняются, но даже это справедливо лишь с оговорками, поскольку, хотя, например, исследование когнитивной направленности численно превзошли бихевиористские, последние отнюдь не вытеснены, более того, цитируемость такого бихевиористского автора, как Б. Скиннер, растет.

Дело, таким образом, не в том, можно или нельзя характеризовать академическую и практическую психологию как две различные парадигмы. Дело, скорее, в том, что понятия Т. Куна недостаточно точны, чтобы характеризовать ситуацию в психологии. Следует отметить, что это вряд ли связано со спецификой психологии. В частности, П. Фейерабенд критиковал Т. Куна за недоучет факта параллельного существования исследовательских традиций, – как, например, это было в физике XIX в., где классическая ньютоновская механика сосуществовала с электродинамикой и теорией теплоты (Feiglabend, 1970).

Литература

- Бондаренко А. Ф. Психотерапия: тип социальности и сетевой маркетинг // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т. 3. 2006. № 1. С. 68–76.
- Васильев Ф. Е. Методологический смысл психологического сознания // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
- Журалов А. Я., Ушаков Д. В. Введение в издательскую серию «Научные школы ИП РАН» // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 9–18.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2009.
- Лазин Е. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Пonomarev Я. А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1980.

- Ролли В. М. Психологическая реальность как проблема ценного самоопределения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т. 7. 2010. №1. С. 90–103.
- Ролли В. М., Ролли М. В. О психологии и не только о ней // Знание – сила. 1993. №4.
- Сосланд А. И. Фундаментальная структура всеохватывающего метода, или как создать свою школу в психотерапии. М.: Логос, 1999.
- Степан В. С. От классической к постнеклассической науке (изменения оснований и ценностных ориентиров) // Ценностные аспекты развития науки. М.: Наука, 1990. С. 152–166.
- Юревич А. В. Психология и методология // Психологический журнал. 2000. Т. 21. №5. С. 35–47.
- Юревич А. В. Исследовательская и практическая психология: еще раз о «связке» // Психологический журнал. 2012. Т. 33. №1. URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/institut_p/psihologic/vypuski_xh/n2012_god/n12012_god/n12012_god1/n12012_god2.html (дата обращения: 10.09.2012).
- Feyerabend P. K. Consolation for the specialist // *Criticism and the Growth of Knowledge* / Eds I. Lakatos, A. Musgrave. Cambridge, 1970. P. 197–218.

ПРИНЯТИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА РАЗВИТИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Т. В. Корнилова

В прошедшее десятилетие в отечественной методологии психологии были развернуты споры о путях развития психологии, о соотношении в ней основных парадигм (естественнонаучной и гуманитарной, морфологической и динамической и т. д.), вообще о том, находится ли эта наука на допарадигмальной стадии, полипарадигмальной или же в имманентном кризисе, коль скоро не предвидится оснований построения единой психологической теории (Методологические..., 2004; Смирнов, 2005; Теория..., 2007). Эти споры оказались продуктивными с точки зрения рефлексии научным сообществом философских и мировоззренческих оснований психологических теорий, соотношения теоретического мира психологии и практики, движения в сторону принятия тех или иных ценностей (легитимизация ценностных аспектов психологических теорий стала самостоятельным занятием (Ценности в психологии, 2008)). Преподавание методологии психологии на факультетах университетов было подкреплено разработкой первых учебных пособий (Корнилова, Смирнов, 2011). Стали регулярно проводиться конференции по методологии психологии. Однако к сегодняшнему дню можно говорить о необходимости изменения основной обсуждаемой проблематики.

Осмысление путей движения психологии в рамках тех или иных парадигм привело не только к прояснению методологических позиций авторов психологических теорий, но и к такому побочному результату, как стремление к внешнему приписыванию – маркировке их работ (и навешиванию ярлыков самим авторам) вместо содержательного анализа предлагаемых схем психологического объяснения. Дело в том, что далеко не всегда приверженность авторов психологической теории той или иной парадигме имманентно включена в развиваемые психологические объяснения и познание

раскрываемого предмета изучения. Внешняя маркировка не способствует улучшению работы психологов-исследователей или психологов-практиков. Кроме того, как показывает Томас Лири (Leahy, 1992), выделение самих парадигм не столько отражает, сколько маскирует реальные пути развития психологических исследований и теорий.

Более знакомое отечественному читателю парадигмальное противопоставление психологического объяснения и психологического понимания выступило основанием написания ряда работ и диссертаций на эту тему, но не изменило соотношения данных компонентов в теоретическом обосновании результатов конкретных исследований. Скорее ни принадлежательны были призывы к построению единой психологической теории, но столь же очевидным стал прогресс психологии в иных направлениях – углубления представлений о предмете исследований, разработки методического инструментария и новых типов гипотез, изменения взаимодействия с другими науками – и естественными, и гуманитарными (Прогресс..., 2009).

На этом фоне любопытной представляется тенденция ухода от прежних методологических споров к риторике, которая стала включать, в частности, апелляцию к «недоумству» исследователей, чьи работы и взгляды уже не вмещались в прежние схемы методологического единomyслия. Старая проблематика диалектического мышления получила новой импульс в желании обучать ему коллег (но не в реализации его в рамках конкретных исследований). Этот поворот (как несогласие с предлагаемыми вариантами «обучения-диалектике») будет первой из рассматриваемых нами в данной статье проблем.

Следующим – и основным, как мне кажется, – должен стать вопрос: не пора ли переходить от противопоставления или примирения разных парадигм в психологии к другому типу методологического рефлексирования? Важным представляется следующее его направление (при возможности и необходимости ряда других): выделение тех схем научного поиска, которые возросли в рамках самих психологических теорий. Соответствующие содержательные методологические основания работ отражают пути не приписывания автором к тем или иным парадигмам (а также методикам или подходам, рефлексия которых уже выполнила свою продуктивную функцию на предыдущих этапах развития философии психологии), а конструктивных продвижений в теоретических реконструкциях в рамках самой исследовательской практики.

Итак, парадигмальная рефлексия должна перейти от диалектических противопоставлений к предметному анализу оснований

тех методологических установок, которые отражают внутренние опоры психологических построений (гипотез, концепций, теорий). Соответствующее обсуждение уже не может быть «беспредметным», оно предполагает экспликацию положений частно-научной методологии для проведения различий в постановке проблем и в подходах к их решению. С ним будет связано и продвижение между уровнями методологического знания, – следуя различению, введенному Э. Юдиным (Юдин, 1996). Так, для уровня общеакадемической методологии актуальным остается обоснование принципов психологии. Введение (а скорее легализация) новых принципов в психологию является результатом – как мы это показали, в частности, для принципа неопределенности – одновременно двух тенденций: движения «снизу» и «сверху» (Корнилова, 2010а, 2010б; Корнилова, Смирнов, 2011).

Наконец, изменения в методологии психологии могут быть связаны с учетом ее междисциплинарных дискурсов. Один из них породил в последнее время обсуждение проблемы соотношения так называемых качественной и количественной методологии. Проведению этого вопроса посвящена последняя часть статьи.

Призыв к минимизму в теоретическом мире психологии и проблема диалектического мышления

Открытость теоретического мира психологии и принятие относительности истинности психологических построений стали темой ее завоевания, благодаря которым она бурно развивалась в течение прошлого столетия. Наука вообще давно прошла ту допарадигмальную стадию своего развития, когда ее цели мыслились как создание закрытых («замкнутых») теоретических систем. Поэтому претензия на создание единой теории может обсуждаться только при сознательном солицизме в отношении к завоеваниям в большинстве областей психологии, где разработаны разные представления о ее предмете, который строится на базе использования не только разных категорий, но и разных типов исследовательской методологии.

Сама история психологии оказалась возможной только тогда, когда возникла необходимость сопоставления (и противопоставления) психологических подходов, т. е. при их развитии для решения все новых проблем. Идеологические основания в данном случае хотелось бы вынести за скобки (хоть скоро это отдельная постановка вопроса: о роли мировоззренческих ценностей и идеологии в психологии). И если это осуществимо, то вопрос «Чему учит история

психологии?» требует переформулирования – «Чему учится история психологии при анализе теоретического мира психологии?»⁷.

Но последний можно и обойти, если искать мировоззренческие и общенаучные методологические основания оценивания психологических взглядов вне контекста их внутреннего опор, формулируемых в рамках психологических концепций и теорий. Обобщения пока эти внутренние генерализации исследовательских опор в противоположские понятию «метадигм» (и «вчитыванию» тех или иных положений в работы тех или иных авторов) не микро- или мезодигмами, а «экстрадигмами». Они эксплицируются как построения на основе диалектики в исследовательском плане обобщения, интегрирующие опоры частно-научной методологии и не однозначно воплощающие принципы, развиваемые как общеметодологические.

На таком пути предметного рефлексирования, возможно, уже не будет столь явной путаницы в методологических оценках, которые связаны с прямыми «перескоками» от верхних уровней методологического знания (философского и общенаучного) сразу к попытке поправить авторов в их конкретно-научных построениях. Так, минуя явно общенаучной методологии, сегодня иногда кончают к единомыслию как якобы философски обоснованной тенденция, идущей то от Гегеля, то от Дильтея (то, как полемически заметил В. П. Зинченко, от Кузьмы Прутюнова). Эти пропуски приводит к парадоксам, если соответствующие философские построения привносятся как вне критического анализа их других прочтений (в рамках других мировоззренческих установок), так и вне обсуждения тех «экстрадигм», которые прояснили бы правомерность того или иного высказывания на них ярлыков⁸.

Промежуточным звеном, которое позволяет «поправить» пути диалектика психологического мысли, оказывается апелляция к «диалектической логике», если она берется психологом вне контекста

⁷ Можно сказать, что тенденция к дендиологизации меньше всего затронула отечественную историю психологии. Внешняя маркировка на «наших» и «не наших» авторов при этом существенно мешает интеграции отечественной психологии в мировую.

⁸ Меня поразило предложение, высказанное одним из выступавших в рамках секции методологии на конференции, посвященной 125-летию Московского психологического общества. Оно заключалось в том, что исследователь должен сам себя назвать как-то – вывести ярлык той или иной парадигмы; и по этой маркировке методолог уже будет определять, как относиться к этой конкретной психологической работе. Это было бы смешно, если бы история не давала страшные примеры таких классификаций идей (и людей).

конкретной исследовательской практики и научно-научной методологии (Сажонова, 2008). Прежде чем привести ее апелляции к диалектике Гегеля, отметим такой важный контекст этого понятия, как несводимость его к формальному представлению. «Рыцарь диалектики» Э. В. Ильенков следующим образом представил противоречие между Марксом и Гегелем, анализируя разное отношение у них к практике: «Чтобы перейти от „дела логики“ к исследованию „логики дела“, логик должен перестать быть только логиком и стать либо экономистом, либо финансом, либо политиком» (Ильенков, 1968, с. 11). Либо перейти в контекст психологического объяснения (или понимания), коль скоро речь идет о психологических теориях.

Диалектическая логика мыслилась Ильенковым как «учение о методе конкретного разрешения реальных противоречий»; при этом роль теоретического мышления – не разрешать формально-логические противоречия, а формировать представления о предмете, начиная с его простейших абстрактных форм и завершая конкретными (наиболее развитыми) его формами. Чтобы обсуждать представленность диалектики в психологии, необходимо (если продолжить ряд перечислений след за Ильенковым) стать психологом; в его контексте это означало анализировать развитие соответствующих той или иной области научных теорий как последовательное движение в предмете. Таким образом, логика может устранить формальные противоречия, но только практика выступает действительным основанием и предвосхиткой мышления («практика-мышление-практика»). Если речь идет о практике научных исследований, то пути и цели их лежат не в плоскости формальной логики, а в движении реальных форм предметно-чувственной действительности, наполняющих конкретными формами представления о предмете психологии.

Приведем примеры разных типов прочтения работ, апеллирующих к Гегелю, отечественными авторами⁷. В первом апелляция к гегелевской диалектике используется для критики так называемой сетевой парадигмы построения знания, психологического в том числе (Гусельцева, 2007; Зеленева, 2009, и др.), и обоснования возврата тех, кто якобы не знает Гегеля, на платформу единомыслия

⁷ Они идут в обход того прочтения, которое составилось в работах К. Поппера (Поппер, 1992), поставившего под сомнение основания гегелевского познания о том, что все разумное действительно, а все действительно разумно. На аспект общности понимания идеального в концепциях Поппера и Ильенкова указал недавно В. А. Лекторский (Лекторский, 2009), что не могло быть сделано в советский период отечественной философии.

(почему-то в варианте этой концепции – одной из многих деятельностных концепций, в том числе и в немецкой классической философии (Лекторский, 2004)). Сетевая парадигма – метафора, используемая в контексте обозначения специфики той стадии научного знания, которая, если следовать концепции В. Степина, переходит к постклассическим идеалам рациональности (и отвергает «построительную» метафору, заданную классическим естествознанием). Критиковать метафоры – странный посыл. Ведь никто не критикует образ кентавра (и не ищет его останков), вводя в мир греческой мифологии, – он выступает медиатором определенных смысловых нагрузок повествования. Очевидно, что сетевая метафора – не сокровище современной науки, а лишь один из способов осмысления развития современного научного знания.

Второе (исходное, по времени более раннее) прочтение, представленное в работе В. П. Зинченко (Зинченко, 2001), напротив, привлекает из гегелевских схем (тезис–антитезис–синтез) проблему «спекулятивного» (точнее, креативного) этапа человеческой мысли как прорыва за рамки известного, звучит – раскрывает необходимость мыслить, отрываясь от заданных надличностных схем.

Сетевая метафора подвергнута критике и в работах Е. Е. Соколовой, которая противопоставила ей диалектику (причем как диалектику Локана), апеллируя к Гегелю (Соколова, 2008). Кто-то («когда у нас порой»), согласно этой критике, мыслит неправильно (или из разума спит) – то ли разработчики соответствующих концепций (на уровне философии науки), то ли психологи, считающие необходимым знакомство с разными способами представления психологических знаний, в том числе и в рамках сетевой их организации. Отметим, что сетевая схема правомерно обозначается как отмечающая монистическую концепцию представления знаний, но необязательно смешивается с определенным типом размышления – якобы не диалектического.

При этом автор критики путает проблемы организации знаний, закрепляемые в теоретическом мире психологии, и пути размышления субъекта («метасубъекта» у Гегеля) по отношению к одному из тезисов в этих знаниях. Таким субъектом выступает научное сообщество, а не объективный дух, который познает самого себя в самом себе. В соответствующем курсе обучения видет диалектика соответствующий ей путь размышления выглядит вполне формаль-

⁹ Последнее прекрасно представлено в метафоре, использованной М. Мамардашвили для характеристики единства культуры и мышления человека в его втором рождении и последующем преодолении заданных схем (Мамардашвили, 1992).

мым и линейным, Ильенков, который впервые раскрыл в советской философии «глубочайшее теоретико-психологическое содержание немецкой философской классики» (Декторской, 2009), противопоставлял гегелевской логике диалектическую логику как «процесс движения понятий» и считал, что в теоретическом мышлении выражается действительность (Ильенков, 1984). Действительность, отображаемая в сетевых концепциях построения научного знания, не может быть критикуемой с позиции движения по схеме «тезис-антитезис-синтез».

В диалектической логике, построение которой этот философ связывал с развитием диамата, предполагалось развитие предмета в его изучении, т. е. в содержательном движении представлений о нем, а не в лязгающей вербальной противоречия суждений о предмете. «Выявленное противоречие разрешается действительным движением предмета» (Ильенков, 1999, с. 252), – в этой фразе резюмируется опуск не апелляция к единству мысли как ее приложимости или движения мысли по указанной (формальной) схеме. Критичность размышлений, по Ильенкову, также сама по себе не устраняет противоречия. Оно устраняется в ходе развития представления о предмете.

Однако не всякое обсуждение предмета свидетельствует о развитии представлений о нем. Так, приписывание сетевой метафоре характеристике «комплексного мышления» – аналогия (Соколова, 2008), но не развитие представления о современном состоянии мира психологических теорий. Правой перенос особенностей стадии индивидуального мышления на взаимоотношения между психологическими теориями абсолютно неправомерен и недопустим.

Научный анализ строится не на приписываниях метафорам несвойственного им статуса и не на аналогиях. Принципиально иной путь обоснования правомерности тех или иных точек зрения как научных – реализация тех или иных (теоретически фундированных) объяснительных схем в отношении изучаемого предмета. Псевдонаучные являются выводы на основе ошибок – ценностных суждений и – апелляции к авторитетам – как способы задания тех или иных идеологических знамен, а также на основе апелляции к якобы однозначным и единым схемам научного мышления, в данном случае подменяемым пересказом к понятию «диалектической логики».

То понятие диалектики, которое формулировалось в работах Ильенкова, предполагает несводимость путей мышления (даже взятого в сугубо логическом контексте, безотносительно к предметному и смысловому содержанию) к его пониманию как движения в сторону выработки единственной платформы для научного

мышления или создания какой-либо единой теории (какого-либо научаемого предмета). Диалектика, примененная к теоретически оформленным высказываниям, не может покрывать собою всего диалектика в пространстве обобщений, которое возникает при соотношении теоретического и эмпирического знания. Если же учитывать неоднозначность выделения предмета психологии, зависящего как от мировоззренческих и теоретических установок той или иной школы, так и от используемых методов, то тем более апелляция к диалектическому мышлению не может стать критерием для философского подведения всех возможных путей научных размышлений под одну форму или аргументацию.

В классической философии были сформулированы законы диалектики, которые в системе Гегеля лишь косвенно отсылались к индивидуальному познанию, поскольку в них выражалась логика мышления абсолютного духа, но явленная в мышлении человека. Историк психологии осуществляет прорыв от рассматриваемых законов сразу к психологической оценке сетевой парадигмы, которая к воззрениям Гегеля не имеет отношения, как и его «Наука логики» – к реальным процессам становления научного знания (она берет лишь формальный аспект рассуждений). Психология мышления, можно сказать, пострадала пониманием, что мышление не может описываться гегелевскими логическими схемами. Научное мышление, несомненно, предполагает логическую компетентность, но отнюдь не в меньшей степени – ту конструктивность (реальной мысли), которая никак не охватывается логическими схемами – даже диалектической логики. Однако рассмотрим второй пример апелляции к гегелевской логике.

Диалектическое мышление как предполагающее прорыв обобщений

О важной роли повышения диалектического мышления писали В. Ф. Асмус и позже В. П. Зинченко, соотнося в нем компоненты и этапы рассудочного (эмпирического) и разумного (дискурсивного; разум есть дух, по Гегелю). Прочтение ими Гегеля свидетельствует о совсем другом следствии – о невозможности представлять диалектическое мышление в описании заданной схемой «тезис–антитезис–синтез». Для психолога важно, что за скобками оказалась проблема собственно теоретического мышления, несводимого к эмпирическому – рассудочному. Зинченко рассмотрел оппозицию теоретического и эмпирического мышления, отталкиваясь от работы Асмуса «Учение Гегеля о формах и пределах формального мышления», и об-

основан, что рассмотрение диалектического мышления в противовес рассудочному в работах В. В. Давыдова и Э. В. Ильенкова «вопиывает диалектическое мышление» (Зинченко, 2001). Но при этом, как он считает, абсолютизировался отрицательно-разумный компонент в развертывании процесса мышления.

Диалектическое мышление в этом варианте – опрачительно-разумное, выполняющее важную роль «преодоления ограниченности конечных определений», превращения их в свою противоположность. «Отрицательное» в диалектике в снятом виде вводит в конечный результат мышления – синтез. Но достижение этого результата является функцией положительно-разумного компонента, называемого также «спекулятивным». «Спекулятивным» здесь названо положительно-разумное основание синтеза, которое базируется на интуиции, конкретности, продуктивности воображения. И весь путь развития философской и психологической мысли свидетельствует о том, что продуктивность мышления (философского, научного, индивидуального) не может быть связана с оценкой «положительно-разумного» в актах мысли как ведущего к одной и той же истине.

Если теперь отвлечься от апелляции к Гегелю и вспомнить другое основание критики историком психологии «сетевой парадигмы», то вновь обнаружится подмена в прочтении самого термина «комплексное мышление». Соответствующая характеристика построения знаний – по сетевому принципу – обнаруживается на постнеклассической стадии его развития, уже после освоения наукой классического и неклассического идеалов рациональности. Почему она вдруг связывается с комплексным мышлением (Соколова, 2008), совершенно непонятно.

Даже для цели дискредитации современного научного знания вряд ли следует путать комплексное мышление как стадию развития индивидуальных обобщений и как характеристику методологических сдвигов в науке, которые имеют индивидуальный характер, а речь идет о научном сообществе как субъекте познания. О специфике научного мышления как опосредованного категориальными регулятивами писал М. Г. Ярошевский, о его культурогенности – М. К. Мамардашвили, о индивидуальном субъекте мышления – О. К. Тихомиров и ряд других философов и психологов. Никаких оснований приписывать характеристикам стадий научного познания особенности индивидуальных обобщений быть не может.

Оспуемое рядом авторов «неудобство» сетевой метафоры связано, на наш взгляд, с тем, что соответствующая ей парадигма (включающая последовательную практику и развитие предмета

в теоретическом его осмыслении) предполагает принятие неопределенности в научном мышлении, – в частности, в связи с отсутствием «системообразующего фактора» и необходимым «спекулятивным» аспектом диалектического мышления. Это неудобство (и пути его преодоления) можно обсуждать, но нельзя привешивать ярлыки (тем более исходящие из области конкретных исследований) психологии мышления, напомним, характеризующим междисциплинарные связи. Последнее демонстрирует, как трудно усваиваются характеристики постнеклассической стадии научного познания, если специалист мыслит в рамках одной из возможных методологических позиций, – пусть даже это и позиция диалекта, конкретизированная в данном варианте оксюморона «диалектического монаха»⁷. В следующем параграфе мы проясним основания принятия неопределенности как принципа в психологии и необходимого контекста развития теоретических представлений об научном предмете.

Пока же отметим, что и философия, и методология науки тоже развиваются, и нет никаких оснований переносить прежние методологические платформы на те новые реалии, которые даже не предполагались «разработчиками» этих (прежних) методологических путей познания. Полагать, что история психологии может рассматриваться как «методологический эксперимент» (другое предложение Е. Е. Соколовой) – это значит считать, что из прошлого в будущее проложены все ниточки возможных познавательных противоречий (разрешению которых и служит методологический эксперимент⁸), что принципиально новых проблем и качественно новых стадий в научном познании быть не может. Либо нужно легализовать другое следствие – возможна другая история психологии, поскольку эксперимент связан с наличием конкурирующих между собой и даже контрапозов, а полученный результат может оказаться и артефактом.

Итак, предполагать закрытость теоретического мира психологии, что неизбежно в рамках единомыслия, – это значит противостоять самому духу и формам диалектического мышления. Диалек-

⁷ Перенесенный из области решения основной онтологической проблемы на область психологии монашеский подход означал бы отрицание той второй возможности теории, без которой о диалектике говорить не приходится. Собственно это и отстаивается автором – критикой – невозможности новых методологических позиций или новых методологических противоречий в психологии.

⁸ Спор имеет смысл, правда, только в том случае, если автор использовала именно то значение данного понятия, которое раскрывалось при введении в методологию психологии (Смирнов, 2005).

тический цикл заведомо предполагает выдвижение, как сказали бы сегодня в рамках обсуждения экспериментального метода, конкурирующих теорий и «других» объяснений, и путь движения научного познания ну никак не представим в форме движения к одной теории (пусть и в рамках одной отдельно взятой области – психологии). Из понимания диалогичности мышления, как и раскрытия философских оснований диалектического мышления, следует, напротив, принципиальная открытость мира теорий, поскольку к каждому тезису, прошедшему полный цикл обсуждения и реализованному в том или ином «синтезе», будет сформулирован антитезис.

Научное знание принципиально гипотетично. Наиболее строгий путь теоретико-эмпирического познания – эксперимент – также представляет собой гипотетико-дедуктивное рассуждение. В отношении мира теорий и эмпирически устанавливаемых зависимостей всегда будет оставаться «интерпретационный зазор», предполагаемый направленностью контрhipотезы (без чего нет экспериментального метода). Каждая гипотеза остается открытой для дальнейшей проверки. Но главное – нет предела человеческому разуму, который будет выдвигать новые гипотезы и новые теории.

Открытость человеческого мышления – принципиальная особенность человека. И эта открытость, как и «спекулятивный» характер позитивного (конструктивного) этапа диалектического рассуждения, гарантирует выдвижение новых теорий, которые совсем не обязательно могут быть вписаны в рамки уже известных наук. Их «экстрадигмы» могут оказаться не совместимыми с экзистенцируемыми из уже известных психологическими теориями.

Принцип неопределенности как основа преодоления единомыслия и редукционизма в психологии

На рассмотренной выше проблемы необоснованных переносов понятий из одной области знаний на характеристики других не следует, что на уровне общенаучной методологии не могут быть найдены основания тех междисциплинарных связей, которые характеризуют сегодня развитие психологической мысли. Хотелось только напомнить, что использование обобщений, сложившихся в других областях знания, может выполнять эвристическую и продуктивную функцию в психологии, но может вести и к редукционизму (Юренич, 2006; Корнилова, 2006).

Последнее в полной мере относится к становлению принципа неопределенности в психологии. Признание того, что одним из ведущих в науке сегодня становится принцип неопределенности, трак-

товка которого развивается в философии науки в связи с переходом к научению сложным саморганизующимся систем, само по себе не является основанием связывать его с развитием мира психологических теорий. Но в психологии необходимость обращения к этому принципу имеет собственные конкретно-научные предпосылки, связанные с переосмыслением психологической причинности и с изменением понимания свободы человека при решениях и действиях в сложном изменчивом (неопределенном) мире.

Важным аспектом перехода к неклассической картине мира стало рассмотрение изменений в понимании принципа причинности, а именно пересмотр проблемы построения знаний о мире при включении сознания в единый континуум с бытием и в процесс познания мира человеком как «непрозрачным» Наблюдателем, задающим неопределенность как необходимую составляющую процесса и результатов познания. В контексте разработки представлений о применимости к психологии идеи стадильности развития наук (В. С. Степан), с изменением критериев рациональности (Ю. Коалецкой, Г. Саймон, М. К. Мамардашвили) и формулированием проблемы полипарадигмальности психологии (С. Д. Смирнов, А. В. Юрвич) в методологии психологии и стал рассматриваться принцип неопределенности (Корнилова, 2006б).

Какова бы ни была картина мира и человека в нем, с него не снимается ответственность за его собственную жизнь, за те каждодневные решения (включая обыденные и судьбоносные), которые он принимает. Принятие же решений (свободное волеизъявление, самоопределение) необходимо именно потому, что бытийно заданы условия неопределенности (не будем пока говорить об отличиях объективных и субъективных ее репрезентаций). Итак, суть человеческого бытия – постоянное преодоление неопределенности, слабость любых форм и оснований его решений и действий.

Э. В. Ильенков в своей работе «Космология духа», написанной в 1950-е годы и опубликованной только через много лет после его смерти, возможно, впервые дал то философское обоснование роли разумных существ во Вселенной, которое позже встречалось в философии без ссылки на него. Согласно его гипотезе, разумные существа (человек благодаря его разуму, который позже был понят как надличностно индивидуально определяемый такой объективной действительностью, как деятельность) противопоставят энтропии во Вселенной. О том, что освоение категории неопределенности – не новость для психологии, писал В. П. Зинченко (Зинченко, 2007). Неопределенность связана с вариативностью и неповторимостью как условий, так и самих актов выбора, действия, мышления. Не повто-

ряются не только движения – не повторяются даже одни и те же решения.

Оснований психологического анализа факторов неопределенности может быть множество (Завершнева, 2001, 2002; Корнилова, 2010а, б); часть из них рассматривается в современной психологии, базирующейся на деятельностном подходе и раскрытии категории созидания, другая – в гуманистической, экзистенциальной (а теперь еще и позитивной) психологии. Так сложилось, что не когнитивная, а экзистенциальная психология выделила бытийный аспект неопределенности как условия бытия человека в мире. Широко известна мысль В. Франкла о том, что человек может только притворяться, что у него нет выбора. С. Мадди рассматривал выбор в пользу неопределенного будущего как основание таких экзистенциальных решений, которые ведут к душевному и соматическому здоровью (Мадди, 2005).

После публикации на русском языке работ И. Пригожина обращение к проблематике самоорганизующихся и саморазвивающихся систем стало уже обязательным общим местом в характеристике специфики психологических систем, как и анализ роли постпозитивистской философии, культурологии, изменений в парадигмах естественнонаучного и гуманитарного знания в контексте обоснования постмодернистской картины мира (Гусельцева, 2007; и др.). Обсуждать постановки проблемы неопределенности в разных областях знания (я естественного, я гуманитарного) – это не значит включаться в построение постмодернистских картин мира и человека в нем, это значит другое: учитывать общеметодологические разработки проблемы, чтобы иметь возможность применять конструктор неопределенности как связующий общенаучные принципы и развиваемые в рамках частно-научных теорий подходы. Путь отщепления множественности теоретического мира психологии ничем не лучше пути методологических заимствований (Завершнева, 2001). Но идти по нем проше, поскольку там все определено и нет необходимости прилагать усилия для тех форм мышления, которые выходят за рамки «рассудочных», о которых писал Гегель. Принять принцип детерминизма легче, чем принять неопределенность, которая заставляет думать, учитывая возможности мышления за рамками формальных схем. Вот только соответствующая принципам детерминизма логика рухнет, если, как писал М. К. Мамардашвили, мы всерьез впускаем сознание в мир (Мамардашвили, 1984).

Сам принцип детерминизма может быть рассмотрен как форма редукции неопределенности (Зинченко, 2007). Изменяя из психологии в разные периоды ее развития то образ, то свободных

действий, то свободы воли выступило именно вариантами редукция психического, осуществляемой в силу неподчиненности этих психических феноменов принципу детерминации. В последние годы сформулированы новые основания редукции психического, апеллирующие к системному подходу.

В отечественной методологии проблема построения психологического объяснения была тесно связана с проблемами специфики теоретических обобщений и их множественности в психологии. Множественность психологической причинности, а значит и необходимое многообразие теоретического мира психологии, еще приходится специально обосновывать (Корженкова, Смирнов, 2011). В методологии психологии более полувек утверждалась идея, что необходимо искать единицы психического, в которых психологическая реальность не теряла бы своей специфики (Зинченко, Смирнов, 1983). Однако в какой-то момент (когда на место советской идеологии нужно было придумать другую объединяющую платформу) она стала опорой гносеологического обоснования «механизма», и обоснования эти шли на разных уровнях – от концепции К. Маркса до концепции Л. С. Выготского.

Отметим при этом, что Л. С. Выготский в работе об историческом смысле кризиса в психологии (Выготский, 1962) подчеркивал необходимость опоры в разработке научной методологии психологии не на основы диалектического материализма (как «науки самой абстрактной»), применяющего универсальные категории к частным явлениям, «внутренний смысл и соотношение которых неизвестно», а на основе исторического материализма. «То, как сейчас определяют, словно в пробирочной палате, согласуется ли данное учение с марксизмом, сводится к методу „логического наложения“, т. е. совпадения форм, логических признаков (монизм и пр.)» (там же, с. 421; курсив мой. – Т. К.). Чтобы реализовать марксистский подход, нужно искать «не решение вопроса психики», а «теорию, которая помогла бы познать психику» (там же). Эта теория и была разработана Выготским и его последователями как культурно-историческая концепция.

Расширение категориального аппарата психологии и представление ряда ее теорий как переданных на стадию неклассических – характеризующихся принятием неклассического идеала рациональности – раздвигает перспективу построения единого объяснительного принципа в психологии. Множественность теорий и множественность принципов в построении психологического объяснения, т. е. гносеологический контекст принципа неопределенности, – то, что можно противопоставлять как идею редукционизма

в психологии, так и стремлению «построить» всех по Гегелю, Марксу, Выготскому и т.д.

На основе перспективы монизма и детерминизма строить психологические объяснения в психологии уже научились. Но вот к преодолению кризиса в ней это не привело. Почему бы не попробовать иной путь – признания неопределенности и множественности не только мира, но и психологии? Это сложнее, поскольку тогда в психологических теориях нужно сопоставлять разрабатываемые в рамках самого психологического знания объяснительные принципы, т.е. смотреть на развитие тех или иных областей психологии изнутри, а не извне. При этом необходимо также принять неоднозначность путей развития психологии, что совсем уж может запутать картину для внешних ее оценок, но это не означает отказа от тех методологических завоеваний отечественной психологии, которые сыграли в ней продуктивную роль.

Это касается, в частности, путей освоения марксистской методологии. Как показали работы М. К. Мамардашвили, апеллируя к «марксову мышлению» может идти и в иных направлениях, чем было принято в идеологическом монизме советского периода (Мамардашвили, 1984).

Принципы не выдумываются в науке, а раскрываются как необходимые основания обобщений. Как определенные этапы развития науки влекли за собой разработку принципов детерминизма, так другие этапы могут потребовать разработки других понятийных оснований. Так случилось с принципом неопределенности, «запрещенным» в разных областях (физики, психологии) в разное время, но в связи с развитием из специфических ситуаций неопределенности, которые реконструировались для развития мира теорий. И здесь для понимания связей между различными этапами научного исследования (и конкретно-научного познания) действительно необходимо использование диалектики. Но она не означает определение движения научных путей познания на платформе монизма или плюрализма. Она предполагает критичность исследовательской и философской мысли на пути построения адекватных предмету (и не противоречащих логике) концепций.

При этом психология оказывается перед необходимостью построения новых типов психологических объяснений, новых моделей и новых концептуальных опор психологического понимания. Оно уже начало происходить «естественным» (не названным иначе) путем. Функциональные органы, функциональные системы, не определенные – динамически и структурно – взаимодействия между интеллектом и аффектом, одновременность процессов много-

уровневой регуляции выборов, решений и действий человека, – все эти концептуальные построения явно не могут быть вписаны в дедуктивно-номологические модели (разработанные в ориентировке на логику объяснения в естественных науках) или интерпретативные схемы, полагающие специфику психологического познания в эсхатологические, психофизиологические или иные научные и мировоззренческие ниши. Опорные точки новых типов психологических концепций возникают как прорывы обобщений, балансирующих, однако, на той или иной психологической практике – исследовательской или консультационной. Завоевание «непричного взгляда на действительность», о чем писал М. К. Мамардашвили, в психологии происходит и как переосмысление типов психологической регуляции (и психологических законов), и как освоение новых феноменов и проблем, выдвигаются на первый план именно в связи с категоризацией представлений о неопределенности.

Примером выделения таких опорных точек (как экстрадигма) может служить схема познания этапов выбора, которая оказывается общей как для коалиционных концепций его регуляции (Ю. Кошляцкий, А. Тверски, Д. Канеман и др.), так и для познания личностного выбора в реконструкции смысловых миров (Ф. И. Васильев). Однако и она может быть необязательной при ином типе познания функционально-уровневой регуляции принятия решений как осуществляемой посредством динамических регулятивных систем, предполагающих выходы разных процессов на верховные уровни иерархий. Этому сопоставлению посвящены специальные работы (Корнилова, 2005, 2009). Сейчас мы хотели только отметить, что без такой работы по рефлексии «экстрадигм» как эмплицитных внутренних объяснительных опор и схем в рамках самого мира психологических теорий не может быть истории и методологии психологии.

Рассмотрим одно из направлений, предполагающих неопределенность в качестве условия проведения исследований и интерпретации данных.

Качественные исследования: междисциплинарные связи или новая парадигма в психологии?

Реализация новых путей исследования – в социальных науках и в психологии – на основе философско-методологического анализа познания как процесса диалогического, интерпретативного, устанавливающего смыслы, а не истины, привела к возникновению и развитию междисциплинарного направления, обозначающего определенным образом отличие гуманитарного знания и называе-

ного методологией качественных исследований. Экспериментальная парадигма (если называть этим словом определенный тип исследований, безотносительно к различиям в психологических школах) объединила предметно совершенно разные направления изучения психологической реальности, поставив во главу угла нормативы познания, соответствующие классическому идеалу рациональности. Аналогично и качественные подходы – при всем их разнообразии – можно считать образующими специальную исследовательскую парадигму в рамках гуманитарного знания. Ее противопоставляли экспериментальной – как измерительной, или количественной, – именно с точки зрения перехода к другим целям, стратегиям, способам и нормативам познания. Ряд авторов увидели в ней тренд отказа от стремления к объективности, строгости и точности в сторону движения к охвату уникальности события (*объекта, субъекта*), реалистичности рассказа (об изучаемом явлении, которое нужно понять), схватыванию смыслов и переживаний человека (эти понятия, как было выше показано, становятся ведущими в психологии понимания).

Шла ли речь о конструкционистском подходе или более широком понимании онтологии «жизненных миров», о развитии феноменологических или герменевтических основ «качественной методологии», – важнейшим оказывался именно переход к иному подходу: идеографическому, противопоставленному В. Виндельбантом в свое время комбинаторическому. Соответствующие последней методологии исследовательские подходы в рамках естественных наук рассматривали любой объект познания – в том числе и человека – сквозь призму *обиходных признаков* (я признаков в их понимании на стадии классической науки). Напротив, идеографический подход означал обращение к методам, позволяющим реконструировать предмет познания в его уникальности. Применительно к «понимающей парадигме» в социальных науках это означало также и смену сциентистской установки на доминантную, что предполагало обращение к человеку не только как субъекту, равноправному в своей позиции исследователю, но и как включенному в диалог (разных интерпретативных позиций).

Важно отметить неправомерность формулирование методологии качественных исследований как противостоящей количественному подходу в психологии. Качественный подход в психологии есть, а вот количественного – нет. В психологии разработаны приемы построения психологических шкал и количественных индексов для аналитически представляемых переменных. Связанная с классическим представлением научного подхода так называемая экспе-

риментальная парадигма реализуется применительно как к качественным, так и к количественным переменным; при этом в любом случае реконструируются качественные базисные процессы, так или иначе представляющие в исследовании изучаемую психологическую реальность.

Используя данное противопоставление авторы либо отмечают этим словом (количественный) обозначение номотетического подхода – как соотносимого с экспериментальной парадигмой, либо путают измерительные процедуры с экспериментальным подходом. Основанием для последнего служит тот факт, что, действительно, для разработки психологических шкал могут использоваться экспериментальные схемы (наряду с наблюдением и психодиагностикой, которая тоже может быть как качественная, так и «количественная»⁶). Если речь идет о естественных науках, то это реально, поскольку там физическое измерение представлено именно в рамках экспериментальной парадигмы и установление экспериментальных эффектов означает одновременно их измерение. В психологии же изначально были представлены методы качественной реконструкции изучаемой реальности (сознания или поведения) – наблюдение, самонаблюдение, беседа.

Психологические эксперименты бывают как качественными, так и количественными. Это разграничение происходит не по линии представления качественным или количественным данных, а по свойствам используемых шкал. Количественные данные – это процедурно (методически) заданный переход от квалификации к квантификации психологических реалий, совершенно по-разному представленный в основных психологических методах (наблюдения, психологического измерения, психодиагностики). Итак, в психологии используются и качественные, и количественные шкалы; и экспериментальный метод не следует подменять представлением о возможностях психологического измерения или называть лежащую в его основе методологию количественным подходом⁷.

Анализ индивидуального случая, качественная психодиагностика, разработка схем наблюдения (где данные представляются в качественных единицах или категориях) – эти методы в психологии используются, как и эксперимент, в целях качественной реконструк-

⁶ Психометрическая оценка психологических методов разработана и для качественных методов диагностики.

⁷ Как показал К. Поппер, в основе экспериментальной проверки научных гипотез лежит гипотетико-дедуктивный подход, и принцип фальсификации только по недоразумению можно назвать «количественной методологией».

цды неизбежных базисных процессов. Они реализуют в психологии подходы к изучению психологической реальности, свойственные в основном классическому идеалу рациональности. Но именно в психологии динамичность последовательных процедур и теоретические основания психологических реконструкций дают основания видеть в них также и существенный элемент принятия и преодоления неопределенности. Качественные исследования уже прямо сфокусированы на роли субъекта в описании и понимании и на смене позиции – с объяснения на качественную реконструкцию как реализацию методологии интерпретационизма. Различие же в подходах может касаться именно аспекта достижения определенных – «правильных» – интерпретаций или оставлять для них возможные «горизонты», по отношению к которым заведомо предполагается многообразие трактовок изучаемых реалий.

«Качественные исследования» как название привнесено из социологии и современных вариантов феноменологии и герменевтики. Оно фиксирует определенную направленность поворота к методологии описания и понимания, получившую поддержку в ряде философских подходов. За этими привнесенными стоит воюси структурализма, этнометодология, феминистских направлений, «культуральных исследований». Все это – истоки обоснования качественной методологии как раскрывающей специфику человека в контексте социальной и культурной обусловленности дискурса, нарратива и других средств познания.

Последняя четверть ушедшего века характеризовалась переосмыслением оснований качественных исследований. Ряд новых направлений – постструктурализм, экзистенциализм, экзистенциализм, дескриптивизм, деконструкционизм и т. д. – начали существенно влиять на их методологию. Смещение жанров, критика моделей истины и значения, подчеркивание конструктивистского характера интерпретации – это все работало на снятие того допущения качественных исследований, которое заключалось ранее в принятии принципа построения если не точной, то intersубъективно согласованной репрезентации изучаемого живого опыта, переживаний человека или интерпретации текстов. Начиная с 1980-х годов, вместе с работами Дж. Брунера, Т. Сарбина, Д. Полкиорна, К. Гергена и выдвигавшемся методологии нарратива, идея intersубъективного согласия ушла на задний план, уступив место пониманию, что нужно принимать, но контролировать неопределенность, заданную способами получения данных и интерпретаций в качественных исследованиях.

Период после 1990-х годов называют этапом систематизации методов, процедур и стандартов качественных исследований. В работах

А. М. Улановского⁷ и Н. П. Бусыгиной проанализированы классификации подходов внутри самих качественных исследований и линии их освоения в психологии. Междисциплинарная направленность, первенство роли субъекта в реконструкциях, ценностные приоритеты – эти и ряд других свойств позволяет рассматривать качественные исследования как проявление этапа постнеклассической стадии развития науки. При этом, как показывает обзор их предпосылок и развития, путь к данной стадии был не простым и долгим, захватившим более чем столетие. Нельзя вписать в отдельную парадигму – «интуицию» или «понимания» – все то разнообразие подходов, которое сложилось в философии, социологии и психологии понимания на сегодняшний день (и тем более – видеть в ней единственную линию, начатую В. Дильтейем).

Два вектора развития качественных исследований предложил выделять А. М. Улановский. Первый – это фокусирование исследования на переживании, субъективности жизненного мира субъекта. Понимание направлено при таких исследованиях на выделение сущностных аспектов опыта, которые не доступны изучению классическими методами. Непосредственность знания характеризуется здесь тем, что переживание принимается «из первых рук». Второй – это как раз выдвигание проблем дискурса, нарратива и социальных практик как обосновывающих различные взгляды на внутренний мир человека, его жизнь и повседневные реалии его бытия. В этом контексте важной становится невозможность непосредственной данности переживания другого, из опосредованность нарративом и – более широко – языком. В работе Н. Бусыгиной (Бусыгина, 2010) аналогичны две линии развития – методология описательного исследования и понимающего как конструктивного, репрезентирующего изучаемую реальность в ее опосредствовании дискурсом, в том числе и внутренним диалогом.

Однако требуется дальнейшее прояснение того, будут ли эти две методологии обеспечивать движение теоретико-эмпирических исследований в противоположных направлениях, или же они будут представлять разные варианты движения, но сближающиеся в одной перспективе – построения все более объективных моделей действительности (мира человека и человека в мире).

⁷ «Настоящий и будущий период связывают с моральным дискурсом, поиском и развитием более одухотворенных текстов и потребностями свободного демократического общества» (Улановский, 2008, с. 134). Это переосмотр ценностных оснований – улет экологической направленности, не западных форм существования, исторической и демографической принадлежности автора, стремление к воссоединению науки и духовности.

Современные поиски философского осмысления концепций мира человека на постнеклассической стадии развития науки предполагают необходимость конституирования такого поля научных исследований, где описание и объяснение, установление законов и поиск смыслов, номотетический и идеографический подходы выступали бы не в качестве дихотомий, а в качестве рефлекслируемых полюсов, к которым ведет та или иная реализуемая в конкретном исследовании методология.

Литература

- Высотский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. В 6 т. М., 1982. Т. 1. С. 291–436.
- Гуслярова М. С. Понятие прогресса и модели развития психологической науки // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 107–119.
- Завершаев Е. Ю. Принципы неопределенности и дополительности в квантовой механике и психологии: Проблема методологических заимствований // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2001. № 4. С. 67–77. 2002. № 1. С. 75–80.
- Зеленкова Т. В. Прогрессивные тенденции развития психологии в контексте интеграционных процессов в современной науке // Прогресс в психологии: Критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 32–62.
- Зимченко В. П., Сварцов С. Д. Методологические вопросы психологии. М.: Изд-во МГУ, 1983.
- Зимченко В. П. Возможны ли целостные представления о мышлении // Психологическая наука и образование. 2001. № 2. С. 96–104.
- Зимченко В. П. Толерантность к неопределенности: новизна или психологическая традиция? // Человек в ситуации неопределенности / Под ред. А. К. Болотова. М.: ТЕИС, 2007. С. 9–33.
- Ильенков Э. В. К вопросу о природе мышления: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М.: Ин-т философии АН СССР, 1966.
- Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1984.
- Ильенков Э. В. О роли противоречия в познании // Э. В. Ильенков: личность и творчество / Ред.-сост. И. П. Фарман. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 245–257.
- Канеман Д., Тверски А. Варианты неопределенности // Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: правила и предубеждения. Харьков: Гуманитарный центр, 2005. С. 582–594.

- Карнилова Т. В. Психология риска и принятие решений. М.: Аспект-Пресс, 2003.
- Карнилова Т. В. Методологические проблемы психологии принятия решений // Психологический журнал. 2005. № 1. С. 7–17.
- Карнилова Т. В. К проблеме полипарадигмальности психологических объяснений (или о роли редукционизма и пристрастия в методологии психологии) // Психологический журнал. 2006. № 5. С. 92–100.
- Карнилова Т. В. Методологические проблемы психологии в трудах О. К. Тихомирова и его школы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2008. № 2. С. 59–73.
- Карнилова Т. В. Новый опросник толерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010а. № 1. С. 140–150.
- Карнилова Т. В. Принципы неопределенности в психологии: основания и проблемы // Психологические исследования. 2010б. № 3 (11). URL: <http://psystudy.ru/2010a3-11/320-karnikova11.html> (дата обращения: 17.08.2013).
- Карнилова Т. В., Смирнов С. Д. Методологические основы психологии. М: Юрайт, 2011.
- Докторский В. А. Деятельностный подход: смерть или возрождение? // Методологические проблемы современной психологии / Под ред. Т. Д. Марцинковской. М.: Смысл, 2004. С. 5–20.
- Докторский В. А. О философии России второй половины XX века // Вопросы философии. 2009. № 7. С. 3–11.
- Майда С. Р. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 6. С. 87–101.
- Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси: Мецниереба, 1984.
- Методологические проблемы современной психологии / Под ред. Т. Д. Марцинковской. М.: Смысл, 2004. С. 5–20.
- Полтер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. М.: Культурная эволюция, 1992.
- Прогресс психологии: критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Смирнов С. Д. Методологический плюрализм и предмет психологии // Вопросы психологии. 2005. № 4. С. 3–8.
- Сохолов Е. Е. Нетерпимость толерантных (или раз о монизме, плюрализме и дискуссиях о методологических ориентациях психологии) // Вопросы психологии. 2008. № 3. С. 138–146.
- Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

- Халюков А. М. История и векторы развития качественных исследований в психологии // *Методология и история психологии*. 2008. Вып. 3. №2. С. 129–139.
- Целостные основания психологической науки и психологии ценностей / Под ред. В. В. Знакова, Г. В. Залевского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 21–40.
- Кюбан Э. Г. *Методология науки. Системность. Деятельность*. М.: Эдиториал УРСС, 1997.
- Юревич А. В. Объяснение в психологии // *Психологический журнал*. 2006. Т. 27. № 1. С. 97–106.
- Leahy Thomas H. The Mythical Revolutions of American Psychology // *American Psychologist*. 1992. V. 47. № 2. P. 308–318.

КРИЗИС ПСИХОЛОГИИ – СИСТЕМНЫЙ ИЛИ ЛОКАЛЬНЫЙ?

И. А. Мироненко

В контексте обсуждения актуальных проблем профессионального самоощущения отечественной психологической науки и дискуссий о путях ее развития существенное место занимает вопрос о «кризисе» психологии, который традиционно рассматривается прежде всего как проявление специфического парадигмального статуса этой науки. В качестве основных «симптомов» кризиса в часто цитируемой работе А. В. Юренича (Юренич, 1998, 2006а, с. 251–252) указаны:

- отсутствие единой, разделяемой всеми теории;
- разобщенность на психологические «империи», такие как когнитивизм, психоанализ, биохеоризм и т. п., каждая из которых живет по своим собственным законам;
- отсутствие универсальных критериев добывания, верификации и адекватности знания;
- некумулятивность знания, объявление каждым новым психологическим направлением всей предшествующей ему психологии набором заблуждений и артефактов;
- раскол между исследовательской и практической психологией;
- острое переживание «расчлененности» целостной личности и «водильюнктивной» психики на самостоятельно существующие память, мышление, восприятие, внимание и другие психические функции;
- различные «параллелизмы» (диско-физиологический, психофизиологический, психофизиологический, психосоциальный), которые психология осознает как неразрешимые для нее «головоломки».

В качестве симптомов кризиса также часто упоминаются: раскол между восточной и западной психологией, кризис рационалистической методологии, возрастание веса дезинтеграционных моделей в методологии.

«Правильна ли оценка нынешнего состояния психологической науки как кризисного?» – задается вопросом В. А. Кольцова. И если да, то каковы причины, каков характер и каковы проявления этого кризиса (Кольцова, 2007, с. 8)? В цитируемой работе В. А. Кольцова справедливо отмечает, что ответы на эти вопросы в современной науковедческой литературе опираются на анализ состояния кризиса мировой психологии конца XIX – начала XX в. в работах К. Билера, Н. Н. Ланге, С. Л. Рубинштейна, Л. С. Выготского, М. Г. Ярошевского, А. П. Ждан и других отечественных и зарубежных ученых. Доминирует представление о кризисе психологии как о перманентном и системном. Именно в этом смысле А. В. Юревич указывает на отсутствие прогресса в устранении вышеуказанных симптомов: «оценки методологического состояния психологии, которые давались У. Джемсом или Л. С. Выготским, ничем не отличаются от современных оценок» (Юревич, 2005а, с. 252). Это позволяет говорить о перманентном кризисе, присутствующем в самосознании психологов на всем протяжении времени самостоятельного существования их науки.

Следует ли сделать вывод, что в психологической науке более чем за век ее развития не произошло изменений, достаточно радикальных, чтобы изменить общее состояние дел? Возникли научные школы и направления. Научные революции трансформировали представления о нормах и идеалах научного познания: на смену классической науке пришла неклассическая и постнеклассическая. Психология приобрела статус массовой профессии, что не могло не изменить существенно качественный и количественный состав профессионального сообщества. И что же, в психологии все тот же кризис? Это кажется невероятным. Для понимания того, в какой мере и в каком смысле приложимо к современному состоянию психологической науки понятие кризиса, необходим тщательный анализ и дифференциация кризисной симптоматики.

Среди вышеуказанных симптомов представляется необходимым выделять две существенно различные по своей сути группы:

- симптомы, сводимые к раздробленности психологической науки на независимые «империи» – школы: эти симптомы указаны у Юревича в качестве первых четырех из семи вышеперечисленных;
- симптомы (назовем их «онтологическими» симптомами), проявляющиеся в «расчлененности» целостной личности и «недифференцированности» личности (т. е. в недостаточности понимания психологией своего предмета), в наличии «параллелизма» и в расколе между исследовательской и практической психологией.

Представляется, что данные две группы симптомов не слишком тесно между собой связаны и не обуславливают друг друга непосредственно, хотя в литературе традиционно рассматриваются в единстве. Показно рассмотреть более чем вековую историю психологии с точки зрения проявления в ней каждой из данных двух групп симптомов по отдельности.

Прежде всего обращает на себя внимание наиболее очевидная и общепризнанная симптоматика – раскол психологии на слабо связанные между собой школы. Под углом зрения именно этих «симптомов» рассмотрим развитие психологии с конца XIX в. и до наших дней.

Принято выделять следующие периоды кризиса мировой психологии (Гальперин, Ждан, 2005; Кольцова, 2007):

1. Период возникновения кризисной ситуации: третья четверть 1870-х годов – первое десятилетие XX в.
2. Период открытого кризиса: начало 1910-х – середина 1930-х годов.
3. Период «затухания» борьбы школ: с конца 1930-х годов, окончание не определено.

Возникновение кризиса в психологии явилось непосредственным следствием введения экспериментального метода В. Вундтом, ассоцианистическая система которого была наиболее распространенным направлением в европейской психологии второй половины XIX в. Введя в психологию эксперимент, Вундт ограничил возможности его применения областью простейших психических процессов, преимущественно ощущения и восприятия, не считая возможным экспериментальное изучение «высших психических функций». Однако вскоре после своего появления экспериментальный метод проникает практически во все области психологии. Возникает лавина нового эмпирического материала. Новые факты требуют новых теоретических обобщений. В полемике с психологией Вундта зарождается психология актов Ф. Бергана, появляются австрийская школа, вюрцбургская школа психологии мышления, система К. Джемса и на основе ее возникший функционализм и многие другие оригинальные направления.

Яркую картину данного периода дал Н. Н. Ланге: «В этом огромном и новом движении, при явном разрушении прежних схем и еще недостаточной определенности новых категорий, при, так сказать, бредячем и хаотическом накоплении новых терминов и понятий, в которых даже специалисту не всегда легко разобраться, мы получаем такое впечатление, будто самый объект науки – пси-

лическая жизнь – изменился и открывает перед нами такие новые стороны, которых раньше мы совсем не замечали, так что для описания их прежняя психологическая терминология оказывается совершенно недостаточной.

При этом, однако, обнаруживается вторая характерная черта новых психологических направлений... крайнее разнообразие течений, отсутствие общепризнанной системы науки, огромные прикладные различия между отдельными психологическими школами... Нише общей, т. е. общепризнанной системы в нашей науке не существует. Она исчезла вместе с ассоцианизмом. Психолог наших дней подобен Приаму, сидящему на развалинах Трои: (цит. по Выготский, 1982, с. 110). В этом расколе профессионального сообщества, в утрате «общей системы», в контексте которой осуществлялось общение и взаимодействие профессионального сообщества, и выразился кризис.

Второй период – период открытого кризиса – характеризуется возникновением новых ярких теоретических направлений, заменивших в себе как бы общепсихологических теорий. В качестве основных влиятельных в психологии того времени школ Л. С. Выготский в своей работе «Исторический смысл психологического кризиса» называет психоанализ, рефлексологию (и близнеорию, который в данной работе рассматривается в единстве с рефлексологией), гештальтпсихологию и персонализм.

Во время открытого кризиса, или, как его еще называют, периода борьбы школ, между этими направлениями существовала активная полемика, велись постоянные дискуссии. «Исторический смысл психологического кризиса» написан Л. С. Выготским в 1927 г., – написан непосредственным наблюдателем и участником событий. В этой книге поражает сочетание объективности анализа, беспристрастности видения закономерностей складывающихся отношений между школами и тенденций развития этих отношений – и субъективности взгляда представителя одной из школ, который именно под углом зрения своей школы оценивает процесс, происходящие в мировой науке.

Выготский объективно и абсолютно точно называет ту тенденцию, которая в полной мере развилась позже и задала вектор развития мировой науки во время так называемого третьего этапа кризиса психологии (затухания борьбы школ), – нарастающий раскол между школами. Во время Выготского дискуссия между школами еще существовала, но ведущей уже стала тенденция к прекращению контактов, к полному распаду психологии на отдельные не согласующиеся между собой «науки»: «в психологии происходит не борь-

ба воззрений, которые можно привести к соглашению и которые уже объединены общностью врага и цели; даже не борьба течений или направлений внутри одной науки, а борьба разных наук. Есть много психологий – это значит: борются различные, взаимно исключающие друг друга реальные типы науки. Психоанализ, интенциональная психология, рефлексология – это все типы разных наук, отдельные дисциплины, генерирующие к превращению в общую психологию, т.е. к подчинению и исключению других дисциплин» (Выготский, 1982, с. 374).

И все же книга Выготского провозгласила удивительной верой в необходимость и возможность синтеза, формирования единой науки, в структуре которой были бы соотнесены все научные знания о закономерностях душевной жизни в единстве ее субъективных и объективных проявлений. О проблеме разработки общей психологии, в структуре которой были бы обобщены, соотнесены и систематизированы знания, накопленные отдельными психологическими дисциплинами, Выготский говорит как о проблеме первостепенной важности для только что сложившегося профессионального сообщества психологов. Он пишет: «В последнее время все чаще раздаются голоса, выдвигающие проблему общей психологии как проблему первостепенной важности. Мыслим это, что самое замечательное, исходит не от философов, для которых обобщение сделалось профессиональной привычкой; даже не от теоретико-психологов, но от психологов-практиков, разрабатывающих специальные области прикладной психологии... представителей наиболее точной и конкретной части нашей науки. Очевидно, отдельные психологические дисциплины в развитии исследования, накопление фактического материала, систематизации знания и в формулировке основных положений и законов дошли до некоторого поворотного пункта. Дальнейшее продвижение по прямой линии, простое продолжение все той же работы, постепенное накопление материала оказываются уже бесплодными или даже невозможными... Из необходимости – на известной ступени знания – критически сопоставлять разноразрядные данные, привести в систему разрозненные законы, осмыслить и проверить результаты, прочистить методы и основные понятия, заложить фундаментальные принципы... – из всего этого и рождается общая наука» (Выготский, 1982, с. 292).

¹ Мысль о том, что психологические направления распадаются и тяготеют к превращению в самостоятельные, не связанные между собой науки, высказывалась не только Л. С. Выготским, она в то время буквально повисла в воздухе. Выготский отмечает, что эта же идея встречается в трудах К. Коффа, Н. П. Павлова, В. М. Бехтерева.

Выготский верил, что такая общая наука будет создана, что она будет развиваться в единстве с практикой – и что основой ей послужит марксистская философия (в последнем пункте в полной мере проявилась его принадлежность к одной из школ – советской психологии). Этой верой обусловлены и его выводы о сущности кризиса психологии, и его видение грядущего пути развития психологической науки, пути выхода из кризиса. Путем к выводу из кризиса Выготский, как известно, волагал жесткое размежевание с психологией идеалистической, описательной, и – на основе этого размежевания – единство естественнонаучных направлений.

Выготский волагал, что материалистическая психология, размежеванная с психологией описательной и развивавшаяся в непосредственном взаимодействии с практикой, сможет достичь единства и что основой для нее послужит марксизм. Этот прогноз не оправдался. Исторически сложилось, что раскол единой психологической науки на мало связанные между собой независимо развивающиеся направления продолжился в длительном третьем этапе кризиса, который начался в 1930-е годы и получил название периода затухания борьбы школ. Отечественная теория, основанная на марксистской философии, не стала базой для объединения зарубежных школ, но, напротив, вступила в длительный период относительной изоляции за «железным занавесом». А связь отечественной науки с практикой, в которой Л. С. Выготский видел важнейший нерв ее развития, была практически полностью разорвана после разгрома педологии и психотехники во второй половине 1930-х годов.

Проявлялись ли на протяжении описанных периодов кризиса мировой психологии те симптомы, которые мы отнесли к группе «онтологических»? Только применительно к первому его периоду, когда собственно происходил распад прежде единого профессионального сообщества, реакцией на что эти симптомы и являлись. Можно ли говорить как о типичном явлении о муках недостаточного понимания психологией своего предмета и о других «онтологических» симптомах применительно к периодам борьбы школ и максимальной разобщенности школ, которые захватывают большую часть XX в.? Данный вопрос нуждается в тщательном анализе. Если выводы о принципиальной недостаточности психологических теорий и делались в это время, то лишь по отношению к чуждым теориям и чуждым школам. Примером тому может послужить представление о кризисе буржуазной психологии, бывшее неотъемлемой частью советской истории психологии. В советской психологии, начиная со Второй мировой войны, никакого кризиса собственной

науки никогда не диагностировалось. Да и в классической работе Л. С. Выготского наряду с констатацией отсутствия взаимопонимания среди психологов, принадлежащих к разным школам, ясно звучит оптимистическая уверенность в грядущей победе той школы, к которой он сам принадлежал, и в ее высоком научном потенциале в отношении преодоления актуальных проблем. То же можно сказать обо всех школах в период открытого кризиса. «Онтологическая» симптоматика, таким образом, явно проявлялась в мировой психологии только в первый период кризиса, когда собственно происходил раскол.

Таким образом, представляется правильным выделить в качестве симптомов кризиса мировой психологической науки, продолжавшегося более века, лишь единый целостный комплекс симптомов, который сводится к распаду психологии на отдельные, слабо связанные между собой школы. Именно этот кризис начался в последней трети XIX в., а в 1980-е годы он завершился. Современное состояние мировой психологической науки, как и состояние других сторон жизни человечества, характеризуется выравненной тенденцией к интеграции. Мир становится единым.

Информационный обмен и нужды практики, необходимость разработки единых стандартов профессий уже изменили то состояние мировой психологической науки, в котором она пребывала с конца XIX в. на протяжении более ста лет, – состояние «феодальной раздробленности» школ, фактического отсутствия единого общенаучного контекста. Так, процесс объединения Европы вызвал в жизни ряд проектов соответствующей направленности. Важнейшие цели, которые поставлены в рамках данных проектов, – это создание единого диплома о психологическом образовании (*Psychologist diploma*), который будет действителен во всех европейских странах и откроет психологам единый рынок труда, а также формирование общепвропейской единой правовой базы, регулирующей профессиональную деятельность в сфере психологии, с целью создания гарантий высокого уровня соответствующих профессиональных услуг для населения европейских стран.

Обязательным условием достижения этих целей является формирование единого стандарта знаний, которыми должен обладать специалист, получающий диплом о высшем образовании. Выработка такого стандарта предполагает соотнесение в едином контексте подходов, развиваемых весьма многочисленными и разнообразными научными школами, существующими в современной психологической науке. Это непростая задача, над решением которой давно работают и Европейский союз психологов, и Европейская федерация

профессиональных объединений психологов (Lant, 2000; Newstead, Makkinen, 1997).

Необходимость соотнести различные подходы в контексте единой психологической науки становится актуальной задачей. В мировой психологической науке сегодня закономерно возникают попытки обобщения и соотнесения психологических теорий, создания «теории теорий» психологии, используя выражение А. В. Петровского.

В современной мировой науке сложились и упрочиваются устойчивые приемы сотрудничества представителей разных школ в рамках международных объединений, как практических, так и образовательно-теоретических. Коммуникация между школами активно и с неизбежностью налаживается – и ведущую роль играет в этом фактор институционализации психологической практики, становление психологии как профессии (как и предвидел Л. С. Выготский почти столетие назад). Отечественная психология участвует в общем движении, она с неизбежностью интегрируется в мировую науку после периода относительной изоляции.

Теперь обратимся к «онтологической» кризисной симптоматике, отмечаемой в современной российской психологии. Хочу заметить, что, во-первых, наблюдаемые сейчас в отечественной науке явления, такие как переживание психологами несостоятельности собственных теорий, несостоятельности своей науки, – представляют собой нечто относительно новое, появившееся в постсоветский период, а отнюдь не всегда бывшее. В советский период, как уже говорилось выше, критиковали «соседей», но отнюдь не сетовали на несовершенство собственной методологии.

Во-вторых, явление это характерно сейчас именно для России, а отнюдь не является распространенным в мировой науке. Что касается ссылки В. А. Машлова (Машлов, 2003, 2006) на работу Л. Гаран и М. Кечке (Гаран, Кечке, 1997), то, во-первых, в данном случае зарубежные ученые давно и устойчиво зарекомендовали себя если не представителями советской психологической школы, то учеными, близкими к этой школе по своим методологическим позициям, а во-вторых – заслуживает внимания дата выхода в свет их книги. Даже если оставить без внимания то, что публикация отражает ситуацию с опозданием на несколько лет, с 1997 г. мировая психологическая наука прошла большой путь, и положение в ней сегодня является существенно иным, особенно с точки зрения марксистской психологии, к которой относятся по своим воззрениям цитируемые авторы. То есть в данном случае (имею в виду работу Л. Гаран и М. Кечке) мы имеем дело с проявлением все той же типичной

для советского периода и выше уже упомянутой критики «буржуазной» науки с позиций марксизма, а отнюдь не самокритики.

Все это дает основания утверждать, что «онтологическая» кризисная симптоматика – проявление нового, локального, кризиса, лишь опосредованно связанного с тем кризисом, который длился более века и суть которого заключалась в феодальной раздробленности школ. Данный кризис имеет ядро выраженный локальный характер и во времени, и в пространстве, а отнюдь не перманентный и не общий. Это кризис российской постсоветской психологии, причины которого имеют конкретно-историческую природу, коренятся в ситуации, сложившейся в российской науке в данный период.

Для российской психологии постсоветский период стал временем драматичных и радикальных перемен, парадоксального сочетания различных тенденций развития. Это время интеграции мировой науки после периода относительной изоляции школ (кризиса психологии), но это и время распада единого направления, сложившегося в СССР.

С падением советского государства были сняты идеологические и другие искусственные барьеры на пути развития психологии, которая в советское время отчасти насильственно удерживалась в русле монометодологического течения, естественнонаучного по своей ориентированности и основанного на марксистской философии, с приоритетом фундаментальных теоретико-методологических исследований.

С падением советского государства отечественная психология лишилась прежних источников финансирования и жизнеобеспечения в целом. В это же время перед психологами открылись новые горизонты профессиональной деятельности, возник финансово самостоятельный рынок психологических услуг. На фоне сверхаппенда программ фундаментальных исследований произошел бум в области психологического образования и психологической практики, который с неизбежностью сопровождался снижением качества подготовки специалистов и выходом на рынок психологических услуг людей, уже никак не связанных с советской российской психологической школой, а порой и вообще не принадлежащих к психологической науке. Достаточно вспомнить, что в 1984 г. в России психологов выпускали три университета (девять в СССР) и в весьма ограниченном количестве, а сейчас более 300 вузов России ежегодно выпускают более 5000 психологов.

Подобные процессы и создали почву для кризиса, который мы наблюдаем сегодня в российской психологии. Именно к этому кри-

зису, локальному, следует отнести такие называемые в литературе симптомы, как:

- раскол между исследовательской и практической психологией;
- раскол между восточной и западной психологией;
- кризис рационалистической методологии;
- возрастание веса дезинтеграционных моделей в методологии;
- острое переживание «расчлененности» целостной личности и «нейрофункциональной» психики на самостоятельно существующие память, мышление, восприятие, внимание и другие психические функции;
- острое переживание по поводу отсутствия прогресса в преодолении различных «параллелизмов» – психофизического, психофизиологического, психоэволюционного, психоэкологического, психоэкономического, психоэтнического.

За пределами России, в мировой психологической науке, в настоящее время данная симптоматика или успешно преодолевается, или вовсе отсутствует. Так, можно уверенно констатировать прочное вхождение в «западную» психологию восточных, в первую очередь китайских и японских, ученых (К. Люнг, Ш. Китатани и другие). Большинство из них получает образование в американских университетах и, творчески развивая усвоенные там теории на основе национальной культуры, активно печатается в международных изданиях и выступает на международных конгрессах. Если обратиться к материалам Всемирных психологических конгрессов 2000 и 2004 гг., можно видеть, как достойно представлены там авторы стран Востока (к сожалению, то же самое не скажешь о российских ученых).

Кризис российской психологии начала XXI в. – это прежде всего, как и в конце века XIX, реакция на распад ранее единого профессионального сообщества. В.А. Мазжлов в контексте проблемы кризиса задается «вечными» вопросами: «Кто виноват?», «Что делать?» и «С чего начать?» (Мазжлов, 2006). Ответ на последний представляется наиболее очевидным. Российская психология сейчас подобна кораблю, идущему между Сциллой западных направлений и Харибдой неаучности, – и держаться надо ближе к Сцилле⁷. Начать

⁷ Что касается будущего школы, сложившейся в советский период, конечно, не следует рассчитывать, что все, получившие диплом психолога в современной России, станут в единое методологическое течение и примкнут к этой школе. Это и невозможно, и не нужно. Пусть каждый примкнет к той школе, которая ему ближе. Однако, мне кажется, советская психологическая школа не исчерпала своего потенциала: при условии необходимой герметичности она представляется

следует с непримиримого и четкого размежевания с психологией ненаучной, с психологией, которая старается не желает «стесняться» себя рамками критериев научности, отрицает специфику научного психологического познания, размывает границы между психологическим познанием научным и ненаучным (Юревич, 2005а, 2005б, 2007). Следует четко и институционально размежеваться с такой психологией и лишить ее представителей права на использование «бренда» науки на рынке психологических услуг. Этот шаг позволит преодолеть раскол между психологической наукой и психологической практикой, залогом чего может стать процедура официальной сертификации практики как научной.

Этот шаг позволит преодолеть и раскол между восточной и западной психологией (так как под видом «восточной» в российской психологии функционируют сейчас в первую очередь именно ненаучные психологические воззрения), и кризис рационалистической методологии, и возрастание веса дезинтеграционных моделей. Все эти симптомы суть следствие одной причины – размывания границ между научным и ненаучным психологическим знанием, которое мы наблюдаем сейчас в российской психологии.

Еще одним необходимым шагом на пути к выводу из кризиса российской психологии должно быть преодоление симптоматики острых переживаний по поводу «расчлененности» целостной личности и «недизъюнктивной» психики на самостоятельно существующие память, мышление, восприятие, внимание и другие психические функции, а также по поводу отсутствия прогресса в преодолении различных «параллелизмов» – психофизического, психофизиологического, психофизиологического, психосоциального. Здесь я полностью согласен с А. В. Юревичем, считающим данные симптомы надуманными переживаниями, путем к преодолению которых является «рациональная психотерапия», т. е. изменение самосознания науки. С моей точки зрения такая «рациональная психотерапия» должна заключаться в укреплении в сознании профессионального сообщества представления о мультипарадигмальном характере психологической науки, так как в основном все названные болезненные симптомы представляют собой переживания по поводу соринки в чужих глазах, которые – увы! – мешают этим глазам смотреть по-машеле. За названными симптомами стоит осознаваемая (или же нет) тоска по пресловутой «единой теории» (и, конечно, каждому она видится как развитие его собственных се-

---

густрактальной в контексте тенденций развития мировой психологической науки и имеет все основания войти в психологическую науку XXI столетия в качестве самостоятельной (Миронова, 2005, 2007б).

годеятных воззрений). Тоска – и надежда навязать соседу свое видение недостатков его теоретических позиций и «обратить его в свое веру».

Подобным надеждам не суждено сбыться. Следует понять, что психология, какой она исторически сложилась в мире, – наука мультипарадигмальная и путь ее интеграции – это развитие коммуникации между школами, взаимного понимания, знания и признания. У каждой школы есть своя зона компетентности и свои ограничения. Когда мы осознаем себя в качестве представителей одного из направлений, осознаем, что к направлению, которое мы представляем, вся психологическая наука не сводится, – в поле нашего внимания окажутся проблемы для нас решаемые, в русле разработки которых наше направление и сформировалось, что резко повысит уровень оптимизма и самооценки. Любое направление, которое попыталось бы собственными силами решить все «головоломки» психологического познания, свести все «параллельными» и свалить все «дизъюнкцию», сейчас же окажется в положении лягушки, пытающейся уравниваться в размере с волком. Отсюда и острое переживание.

В этом смысле разработка вопроса о предметной области является для каждого из направлений психологии на сегодняшний день важнейшей задачей. В мировой психологии сейчас происходят взаимосвязанные процессы интеграции и дифференциации. С одной стороны, объединяются знания, накопленные в русле развития различных теоретических направлений. С другой – ясно обозначились процессы дифференциации предметных областей, переходящие в их институционализацию, – уже не как отраслей единой науки, а как отдельных наук, с соответствующим закреплением профессионального сообщества и теоретико-методологического оснащения. Этот объективно протекающий процесс уместно сравнить с тем, как в XVIII в. совершилось разделение единого естествознания на химию, физику и другие естественные науки. Такая происходящая на наших глазах структуризация психологических наук должна позволить оптимальным образом решить вопрос об интеграции знания, накопленного школами XX в. Она обеспечит в наилучшие возможности для прогресса каждой из новых наук, освобожденных от чужих головоломок и «мифов». Для каждой ныне существующей школы, таким образом, оказывается сейчас необходимым прежде всего прояснение и уточнение вопроса о своей предметной области (Мироненко, 2007а). Работа в этом русле – адекватный путь к преодолению кризиса российской психологии начала XXI в.

Литература

- Высоцкий Д. С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 291–436.
- Гальперин П. Я., Ждан А. Н. Предисловие // История психологии: XX век. Хрестоматия. М.: Академический проект, 2005.
- Гарси Л., Кочка М. Еще один кризис в психологии? // Вопросы философии. 1997. № 4. С. 86–96.
- Ждан А. Н. Основные тенденции развития отечественной психологии постсоветского периода // История отечественной и мировой психологической мысли: Материалы международной конференции по истории психологии «IV московские встречи» 26–29 июля 2006 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 69–72.
- Ждан А. Н. К теоретическим проблемам общей психологии // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 137–142.
- Кольцов В. А. Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Кольцов В. А. Актуальные проблемы методологии современной отечественной психологической науки // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 2. С. 5–18.
- Мазлов В. А. Методология психологической науки. Ярославль: МАПН, 2003.
- Мазлов В. А. Методологические проблемы психологии в начале XXI века // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 23–34.
- Мироношко Н. А. Бисоциальная проблема в современной психологии и перспективы развития отечественной теории // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 1. С. 88–94.
- Мироношко Н. А. Монизм, плюрализм и реальность // Вопросы психологии. 2007а. № 3. С. 145–148.
- Мироношко Н. А. Отечественная психологическая наука и вызов современности. СПб.: Тускавора, 2007б.
- Юревич А. В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3–12.
- Юревич А. В. Естественная и гуманитарная парадигмы в психологии, или раскалываемый маятник // Вопросы психологии. 2005а. № 2. С. 147–151.
- Юревич А. В. Наука и псевдонаука: столкновение на «территории психологии» // Психологический журнал. 2005б. Т. 26. № 1. С. 79–87.
- Юревич А. В. Психология и методология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005 в.
- Юревич А. В. Поп-психология // Вопросы психологии. 2007. № 1. С. 3–14.
- Lurt J. EuroPsy project // European Psychologist. 2000. V. 5. № 2. С. 162–164.
- Newstead S., Makkinen S. Psychology teaching in Europe // European Psychologist. 1997. V. 1. № 14. С. 132–134.

Часть 2

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ЛИЧНОСТИ И ГРУППЫ

А. Л. Журалев, А. Б. Купрейченко

Постановка проблемы

По мнению многих современных авторов, выполняемые в последние годы психологические исследования различных, прежде всего социально-психологических, явлений отражают специфику экономической и социальной жизни современного общества. Представляется вполне естественным и даже закономерным, что они также должны вписываться в основные тенденции развития современной психологической науки. В настоящее время довольно динамично развиваются методологические и теоретические основания исследований психологии личности, малых и больших социальных групп и общества в целом (Васильев, 2003; Кольцова, 2007; Корнилова, 2006; Корнилова, Смирнов, 2006; Семенов, 2007; Юревич, 2005, 2010; и др.).

В представляемой работе будет сделан акцент на некоторых наиболее значимых тенденциях развития психологических исследований личности и группы, привлекающих особый интерес современных авторов, определяющих фокус теоретических и эмпирических исследований и составляющих основные парадигмальные изменения в изучении психологии человека.

Конечно, мы исходим из того, что современное развитие психологической науки, в том числе и в интересующей нас области исследований личности и группы, характеризуется большой совокупностью заметных и выделяемых тенденций, однако далеко не все они в настоящее время составляют категорию парадигмальных изменений. Чтобы быть отнесенными к данной категории, тенденции должны обладать некоторым рядом характеристик (признаков), среди которых можно отметить следующие:

- такие тенденции должны иметь определенные исторические предпосылки, например, в форме заметных накопившихся противоречий развития психологических исследований, т. е. парадигмальные изменения определяются объективными условиями развития науки, и в них должна быть исторически обусловленная потребность;
- тенденции, претендующие на статус парадигмальных, должны характеризоваться такими изменениями, которые постепенно накапливаются и затрагивают значимые методологические и теоретические представления, имеющие *системный* характер в современной психологии;
- тенденции (изменения) должны иметь относительно устойчивый характер, постепенно становиться закономерными и даже – закономерностями развития психологических исследований;
- изменения разной направленности должны характеризоваться *взаимосвязанностью, относительной согласованностью*, т. е. парадигмальные изменения – это проявление интеграции *взаимобусловленных* направлений развития научных представлений в психологии;
- в условиях постепенно нарастающей интенсивности изменений такие тенденции должны касаться не столько поверхностных, сколько *глубинных* слоев (или уровней) иерархически организованных научных представлений об исследовании личности и группы, а также о современных возможностях их психологических исследований. И др.

Выделение совокупности признаков, позволяющих те или иные тенденции развития психологических исследований личности и группы отнести к категории парадигмальных изменений, безусловно, является специальной теоретической задачей, решение которой только начинается. Поэтому предложенный ряд признаков остается пока предварительным.

Проявление парадигмальных изменений психологической науки в современных исследованиях

Целесообразно выделить следующие относящиеся к категории парадигмальных изменений тенденции: анализ самодетерминации и миропреобразовательной активности индивидуального и группового субъекта; изучение прежде всего духовных, нравственных, многих позитивных явлений (процессов, состояний и свойств) как оснований жизнедеятельности; разработка психосоциальной проблемы; учет взаимодействия личности и группы с социаль-

ным окружением; учет временной перспективы в жизни субъекта и динамичности психологических явлений; учет многоплановости и многогранности бытия человека; выявление целостности, сложности и интегративности изучаемых психологических феноменов. С опорой на результаты ряда современных теоретических и эмпирических исследований, в первую очередь, выполненных в лаборатории социальной и экономической психологии и других научных подразделениях ИП РАН, ниже будут обоснованы особая значимость каждой из выделенных тенденций в психологии личности и группы и их актуальность для парадигмального развития исследований в целом психологии человека.

Анализ самодетерминации и карьерообразовательной активности индивидуального и группового субъекта

В последние десятилетия возрастает частота рассмотрения как отдельного человека, так и различных групп в качестве сознательных и активных, самостоятельных и социально ответственных, способных к произвольной регуляции и рефлексии субъектов, имеющих значимые экзистенциальные принципы и смыслы, ценности и цели жизнедеятельности, способных в соответствии с ними познавать и сохранять как самих себя, так и окружающий мир, а также преобразовывать и развивать себя, других людей и мир в целом. В последнем, прежде всего, состоит мирообразовательная (в том числе созидательная, развивающая, поддерживающая, разрушительная и др.) функция современного человека.

Феномен и понятие «самодеятельность», которое впервые было введено в научный оборот В. М. Бехтеревым в 1905 г., является важным для понимания теоретических оснований представляемой тенденции. История использования и развития данного понятия достаточно подробно проанализирована А. М. Попова: в частности, отражение идей В. М. Бехтерева о самодеятельности личности в разработке С. Л. Рубинштейном принципа творческой самодеятельности и др. (Попов, 2007). Это же качество человека рассматривается в исследованиях так называемых процессов «самости», или «самопроцессов», в терминологии Н. М. Пейсахова (Пейсахов, 1988), т. е. саморазвития и самосовершенствования, самореализации и самоутверждения, самоорганизации и самоуправления, самоидентификации и самопрезентации, саморегуляции и самоопределения и т. д. Поэтому в ряду современных научных разработок, отражающих данную тенденцию развития психологической науки, особо необходимо отметить теорию самоопределения, основы которой заложены в работах Ж.-П. Сартра, С. Л. Рубинштейна,

К. А. Абульхановой и др., и самодетерминация субъекта – в работах Р.М. Райана, Э.Л. Деси и др.

В концепции Р. Райана и Э. Деси самодетерминацией называется способность выбирать и иметь выбор. Данное понятие дает возможность учитывать как собственный внутренний выбор человека, так и объективно-существующие внешние ограничения свободы выбора. Самодетерминация включает в себя управление своей средой или своими действиями, направленными на результат, но также может включать в себя и отказ от контроля (Ryan, Deci, 2000). Э. Деси считает, что самодетерминация является не только способностью, но и потребностью человека (Deci, 1980).

Самоопределение, согласно нашим представлениям, является комплексным феноменом более высокого уровня. Мы понимаем его как поиск субъектом своего способа жизнедеятельности в мире на основе воспринимаемых, принимаемых или формируемых (создаваемых) им во временной перспективе базовых отношений к миру, человеческому сообществу и самому себе, а также собственной системы жизненных смыслов и принципов, ценностей и идеалов, возможностей и ожиданий (Журавлев, Купрейченко, 2007). Анализ различных подходов к исследованию содержания и структуры самоопределения показывает, что научная проблема поиска ключевых компонентов и показателей, позволяющих наиболее полно и глубоко анализировать этот феномен, по-прежнему остается остро актуальной.

Конкретные социально-психологические исследования последних лет позволили выявить особые типы взаимодействия личности и группы с интенсивно изменяющейся социальной средой, которые подтверждают значимую роль самодетерминации и самоопределения человека в регуляции его социальной активности. В качестве примеров можно привести сознательный отказ личности от адаптации к новым экономическим условиям, а также стремление изменить окружающую среду в соответствии со своими социальными представлениями, жизненными принципами и ценностями. Такой тип взаимодействия возникает в результате «миропреобразовательной», «миросозидательной» активности человека как субъекта. Кроме того, у представителей некоторых социальных групп (например, «аутадаптантов») выявлено отсутствие потребности в адаптации, поскольку происходящие в обществе изменения не затрагивают ни основную сферу их жизнедеятельности, ни основные их жизненные смыслы, ценности, идеалы и т. п. Нередко отмечается также временный и противоречивый характер адаптации (например, в случае «вынужденного предпринимательства» и т. п.).

Характер взаимодействия с окружающим миром в высокой степени определяется тем, как человек воспринимает и оценивает окружающую среду, т. е. какие объекты для него значимы, в каких он относится нейтрально, какие им отвергаются, осознанно игнорируются, а какие из них он вовсе не замечает. Ряд объектов окружающего мира преобразуется или создается (конструируется) в соответствии с замыслом, намерениями и представлениями субъекта. Вышесказанное в полной мере относится к анализу и оценке «внутреннего мира» человека. Он может принимать, отвергать или не замечать, а также целенаправленно формировать или искоренять некоторые собственные потребности и интересы, ценности и идеалы, социальные нормы и правила, личностные свойства и состояния и т.д. Данную активность человека как субъекта, по аналогии с выделенными выше, целесообразно обозначить как «самосоциальную», «самопреобразовательную», «самотворческую» и т.п.

Изучение духовных, нравственных, когнитивных психологических явлений как основной жизнедеятельности

Общее движение системы наук о человеке (комплексного человекознания) привело современных исследователей к необходимости познавать и в полном объеме анализировать сложнейший комплекс нравственных и духовных компонентов личности и социальных групп, общества и даже человечества в целом. В этой связи особо актуальными являются исследования нравственных ценностей и других духовных детерминант экономического поведения многообразных субъектов. Исследования, выполненные в лабораториях психологии личности, социальной и экономической психологии ИП РАН, а также в других научных центрах позволяют считать нравственные характеристики основополагающими факторами социального поведения человека (Воловикова, 2004; Журавлев, Купрейченко, 2003; Купрейченко, 2011; Попов, 2007; Попов, Голубева, Устин, 2008; Проблемы нравственной и этической психологии в современной России, 2011; Психологические исследования духовно-нравственных проблем, 2011; Психология нравственности, 2010).

Подобные тенденции обусловили и бурное развитие в последнее десятилетие такого научного направления отрасли, как положительная психология, основоположниками которой выступили Мартин Селигман и Михай Чиксентмихайи. Центром изучения позитивной психологии и объектом наиболее многочисленных исследований в данной области выступают положительные эмоции, чувства

и сложнейшие составляющие счастья, общей удовлетворенности, уверенности в будущем, оптимизма, надежды и др. (Леонтьев, 2012). Причем роль этих эмоций и чувств отнюдь не сводится к хорошему настроению. Приятное сочетается здесь с полезным. Как показали многочисленные исследования, хронически счастливые – т.е. испытывающие преимущественно положительные эмоции – люди отличаются лучшим здоровьем, успешнее решают задачи, их выше оценивают коллеги и руководители, сами они лучше относятся к другим людям – как знакомым, так и незнакомым. («Жить, как говорится, хорошо! А хорошо жить – еще лучше!» – суть этого удивного выражения из советского комедийного фильма в настоящее время достоверно подтверждается результатами исследований в позитивной психологии.)

Как отмечает Д. А. Леонтьев, не одни эмоции, однако, вносят свой вклад в качество жизни. Важной его составляющей выступает развитие и использование личных достоинств. В психоанализе и клинической психологии давно в ходу каталоги симптомов тех или иных психических заболеваний. М. Селигман и К. Петерсон решили разработать каталог положительных «симптомов», отражающих не нарушения, а, напротив, сильные стороны и достоинства человека. Сейчас активно ведутся исследования на основе методики профиля личных достоинств, которые показывают большое сходство представителей разных культур. Наконец, третий, самый важный и труднее всего поддающийся изучению, компонент позитивно переживаемой жизни – это ее осмысленность. Исследования последних лет показывают, что наличие в жизни позитивного смысла обычно служит причиной переживания счастья или во многом компенсирует его отсутствие, помогает выживать в самых неблагоприятных условиях и восстанавливаться после тяжелой психической травмы (там же).

Разработка психосоциальной проблемы

Необходимо отметить возрастающее внимание исследователей к решению так называемой психосоциальной проблемы, т.е. к изучению закономерных связей (включая причинно-следственные) психологических явлений и общественной жизни человека во всем ее многообразии. Конкретизация психосоциального подхода, причем в самых разных направлениях, – это наметившаяся тенденция в современной психологической науке, которая будет иметь серьезные последствия и неизбежно приведет к принципиальным изменениям в психологической науке, в том числе в самой ее структуре, популярных парадигмах и т.д.

В качестве наиболее значимых общечеловеческих тенденций общественной жизни можно отметить интенсификацию взаимодействия разных культур и связанные с ней глобализационные и антиглобализационные процессы, локальные и мировые кризисы и т. п. Кроме того, в мире происходит изменение экономики в целом как сферы человеческой деятельности. Прежде всего, изменяется ее структура, в частности, увеличивается доля отраслей, относящихся к категориям «экономика сервиса», «экономика инновационного развития», «экономика знаний» и т. п.

К важнейшим изменениям общественной, главным образом социально-экономической, жизни России за последние примерно два десятилетия следует отнести смену общественной формации, состоявшую за сравнительно небольшой исторический период времени и включившую, естественно, радикальное изменение системы социально-экономических отношений. Этот период ознаменовался появлением различных, в том числе комбинированных (смешанных), форм собственности, снижением роли государственного регулирования экономики, резким изменением ее структуры, формированием новых социально-экономических групп, отменой обязательной занятости, снижением социальных гарантий для многих категорий работников, появлением безработицы, заметным недоиспользованием трудового потенциала и др. (Демин, 2004; Заславская, 2002; Поляков, 2000; Хащенко, 2012; и др.). Это все, естественно, не может не сказываться на социальной психологии личности и группы, которая характеризуется психологической природой и формируется во взаимодействии личности и группы с конкретными общественными условиями их жизнедеятельности.

В качестве наиболее общей тенденции можно также отметить, что российское общество постепенно утрачивает свою древнюю специфику и обретает черты западных обществ, описанные в свое время Э. Фроммом. Отправной точкой его рассуждений служит утверждение о взаимозависимости структуры социального характера (обязательно включающей социальную психологию так называемого «среднего» индивида) и социальноэкономической структуры общества. Общество, принципами которого являются нажива, прибыль и владение собственностью, порождает социальный характер, ориентированный на обладание (Фромм, 2008, с. 168).

Таким образом, радикальные изменения в общественной жизни в настоящее время определяют особую остроту психосоциальной проблемы, которая тесно связана в том числе с более частной и конкретной проблемой взаимодействия личности и группы с их непосредственным социальным окружением.

Взаимодействие субъекта и социального окружения

В качестве актуальной тенденции, приводящей к парадигмальным изменениям в современных исследованиях, можно выделить необходимость анализа жизнедеятельности, бытия человека как системы феноменов, включающей влечные события не только его частной жизни, но и жизни значимых для него людей, социальных групп, в том числе больших. Именно социальные потребности и интересы, качество и образ жизни и т. п. отдельных людей и их сообществ, окружающих субъекта, могут в высокой степени определять его жизненные цели, ценности и идеалы, сождения и опасения, намерения и стремления, его степень удовлетворенности жизнью и т. д. Следовательно, понять психологию современного человека можно лишь при условии специального изучения постоянно расширяющихся социальных границ его взаимодействия с окружающим миром.

Многие наиболее значимые теоретические направления социальной психологии в той или иной степени затрагивают проблему роли, которую играет в жизни личности значимое социальное окружение, а также проблему формирования этого окружения. Прежде всего имеется в виду теория Ч. Х. Кули, согласно которой обретение социального качества личности и ее становление включает процесс суммирования «зеркальных Я», каждое из которых является образом личности в глазах разных окружающих ее людей. Концепция, объясняющие и описывающие процессы усвоения личностью социальных отношений и нормы, а также принятия ею социальных ролей, разработаны в русле символического интеракционизма (см., в частности, концепции «обобщенного другого» Дж. Г. Мидда, «значимого другого» А. Халлера).

Теоретическими основаниями для анализа психологии группы являются социометрический подход Дж. Морено и его последователей, а также другие подходы к исследованию психологии коллектива (включая коллективистическое самоопределение), работы по организационной культуре и сплоченности, совместимости и работанности, социально-психологическому климату и атмосфере, выполненные А. И. Донцовым, Е. С. Кузьминим, Н. Н. Обоимым, А. В. Петровским, К. К. Платоновым, Б. Д. Парыгиним, А. А. Русалиновой, Л. И. Уманским, А. С. Чернышевым, Е. В. Шороховой и др. Существенным дополнением являются также современные исследования социальных сетей, социальной поддержки, широко развитые за рубежом и развивающиеся в нашей стране, специфика которых в российских условиях остается на сегодняшний день до конца не раскрытой (Штейнберг, 1999; Нестик 2009а). Локальные и семей-

ные сети являются важным ресурсом преодоления россиянами трудных жизненных ситуаций, особенно безработицы (Демин, 2004).

Блокнот к вышеописанным по проблематике являются современные исследования социального капитала, основы изучения которого заложены Д. Коулманом, Р. Патнэмом и др. В настоящее время они активно привлекают внимание и отечественных исследователей (Нестих, 2009а, 2009б; Татарко, Лебедева, 2009; Татарко, 2010). В ряде работ показано, что общества с высоким социальным капиталом являются более прогрессивными в экономическом плане, в них более благоприятный климат для развития малого бизнеса, а для их членов характерен высший субъективный уровень счастья и удовлетворенности жизнью (Hellwiel, Putnam, 1995; Handbook of social capital, 2010).

В контексте исследования влияния социального окружения на жизнедеятельность субъекта центральными феноменами выступают также лидерство, референтность, авторитетность, уважение. Исследования этих феноменов особо важны, наряду с целым рядом других: доверием и недоверием, социальной и психологической дистанцией и близостью и т. д. (И. Богардус, Г. Заммель, А. Моль, П. Сорокин, Р. Парк, Б. Ф. Портьенв, Э. Эрикссон и др.).

Исследования ролевых и организационных конфликтов также отвечают требованиям учета влияния социального окружения на жизнедеятельность субъекта. В целом, важной особенностью, которую отмечают многие исследователи, является то, что между личностью и окружающими людьми зачастую одновременно имеют место и межгрупповые (социально-ролевые), и межличностные (психологические) отношения. Такая двойственность нередко приводит к межличностным и внутриличностным конфликтам, возникающим не только в организации, особенно в первичном коллективе, но и в семье.

Однако это далеко не единственная причина конфликтов. Полемициальные конфликты между носителями отдельных социальных ролей, как правило, заложены в социальной структуре конкретного общества. Наиболее типичные из них закрепились в массовом сознании (в нашей культуре, например, это конфликт ролей отца и дитя). Сочетание «своичности» и «враждебности» вызывает как семейные, так и внутриличностные конфликты их участников. Другой пример зоны подобных конфликтов – это деловое партнерство. Распространенное представление о том, что нельзя вести дела или заниматься бизнесом с друзьями, сформировалось именно в результате типичных проблем, которые постепенно и неизбежно возникают в таких партнерских отношениях. Конфликт на стыке

межличностных (психологических) и межгрупповых (в данном случае – деловых) отношений отражает известная сентенция: «Ничего личного, просто – бизнес».

В качестве еще одного характерного для нашего времени примера столкновения межгрупповых и межличностных отношений можно привести отношения к мигрантам и особенно – иммигрантам. Наиболее острой эта проблема является для органов социальной защиты и правоохранительных органов. Положение мигрантов, и без того довольно непростое, усложняется их полулегальным или нелегальным присутствием на территории страны, их принятием, высокой криминализированностью среды их жизни и культурной дезадаптацией. Большие массы таких людей оказываются вне социальной структуры общества, вне системы социальных ролей и, соответственно, вне системы социальных гарантий. Их присутствие, с одной стороны, необходимо гражданам страны из соображений, поскольку мигранты готовы выполнять самые неблагоприятные, низкоквалифицированные и непрестижные виды работы. С другой стороны, они как бы «невидимы» и, можно даже сказать, «непривлекательны» для коренного населения, для общественных организаций и социальной политики государства. Желание помочь иммигрантам, продиктованное человеколюбием, может быть блокировано закономерными опасениями, вызванными криминализированностью их среды и культурными барьерами.

Схожая проблема разлома несовместности встает и перед «лицами без определенного места жительства (бомжами)», и, хотя и в значительно меньшей степени, перед безработными. Практически всякое «выпадение» из системы традиционных социальных ролей, из привычной социальной структуры общества приводит к ухудшению таких и межличностных отношений, например, с членами семьи, друзьями, сослуживцами и соседями. Неудачников начинают избегать самые близкие люди: «деклассированный», маргинальный субъект вызывает закономерные опасения и даже страхи.

В этом случае разрушение формальных связей и отношений приводит к утрате субъектом социально-психологического пространства не по его воле. Вопреки своему желанию, он может быть лишен его окружением неформального статуса и связанной с ним роли и даже «вытолкнут» из собственного социально-психологического пространства. В этом случае имеет место феномен «отчуждения личности от ее социально-психологического пространства», которое чаще всего проявляется как принудительное расхождение из ценностей и идеалов, целей и мировоззрения в целом. Отчужденность могут испытывать как сам субъект, так и члены его социально-пси-

экологического пространства. В зависимости от этого либо субъект будет стремиться изменить или изменить свое социальное окружение, либо коллектив или иная общность, сообщество представителей пространства субъекта, будут оказывать на него давление с целью возвращения и обращения в «свою веру», а в случае неуспеха – пытаться когнать его тем или иным способом, или же все эти процессы будут протекать одновременно.

Рольными, по сути, являются и конфликты между отдельными членами социально-психологического пространства субъекта, в случае если они конкурируют за возможность выполнения одной и той же роли, одних и тех же функций по отношению к нему. Речь может идти как о формальном статусе – должности в организационной структуре, роли супруга и др., – так и о неформальном, – например, статусе лучшего друга. Еще один возможный вид ролевого конфликта – *акцидентальный* – вызывается совмещением субъектом различных социальных ролей, относящихся к разным сферам жизнедеятельности (семейная, профессиональная, сфера увлечений и т.д.).

Стремление современных психологов наиболее полно охватить значимые факторы активности субъекта закономерно приводит также к развитию исследований, построенных на анализе временной перспективы и учете динамичности психологических явлений.

Учет временной перспективности в жизни субъекта и динамичности психологических явлений

Все более насущным становится имевшая давние традиции (см. хорошо известные теоретические работы Б. Г. Ананьева, С. Л. Рубинштейна, К. А. Абульхановой, Л. И. Анцыферовой и др.) подход к исследованию жизнедеятельности человека во временной перспективе, т. е. в единстве прошлого, настоящего и будущего. Данный подход предполагает учет целостности жизненного пути человека – относительной устойчивости, преемственности и закономерной изменчивости его жизненных принципов и смыслов, ценностей и идеалов, норм и прав и т. д. на различных стадиях жизни. Эта тенденция делает особо актуальными исследования динамики разных психологических феноменов, личностных и групповых, особенно на протяжении длительного времени и на различных этапах их функционирования и развития.

Значимость временного измерения подтверждается многими современными исследованиями, – в частности, изучением динамики субъективного благополучия К. Риффа, К. Кейеса, Е. Дайнера и др. По мнению этих ученых, установочным фактом является то,

что на удовлетворенность человека жизнью влияют позитивные и негативные события, происшедшие в течение трех ближайших месяцев. Это подтверждает не только событийную обусловленность чувства благополучия, но и его динамичность. Изучая три возрастные группы (молодых людей, людей среднего возраста и пожилых), исследователи показали, как с возрастом изменяется субъективный «вес» характеристик психологического благополучия. Значимость позитивных отношений с другими людьми, компетентности и автономности увеличивается в течение жизни, личностного роста и наличия конкретных целей в жизни – уменьшается, а самопроявления – остается почти неизменным, несколько снижаясь в возрасте средней взрослости (Ryff, Keyes, 1995).

Более полную динамику психологического благополучия в разных возрастных группах, по мнению Т. В. Фофановой, дает оценка представителями этих групп своего прошлого, настоящего и будущего благополучия (Фофанова, 2005). В частности, результаты исследования К. Дайнера и его соавторов показали, что представители старшего поколения, по сравнению с молодежью, чувствуют себя более благополучными в прошлом и настоящем, но менее благополучными в будущем. Оказалось, что субъективные переменные – уровень субъективного контроля и удовлетворенность жизнью – остаются достаточно стабильными на протяжении всей жизни, но после 30 лет контроля значительно повышается, а удовлетворенность жизнью, наоборот, понижается. С возрастом изменяется также оценка собственного социально-экономического статуса, переоценивается значимость разных составляющих благополучия. По отношению к материальному достатку люди старшего возраста выражают большую удовлетворенность, несмотря на его объективное уменьшение. Происходит изменение и в оценках человеческих отношений: с возрастом увеличивается их значение, но это не повсеместное явление, а феномен, зависящий от многих факторов. Наибольшая удовлетворенность работой наблюдается в возрасте 30 лет, в то время как у двадцатилетних и групп старше сорока лет этот показатель снижается (Фофанова, 2005).

Учет многоплановости и многогранности бытия человека

В качестве еще одной тенденции, характерной для комплексного изучения бытия человека, можно выделить психологический анализ его бытия во всей многоплановости и многогранности. Человек должен рассматриваться во всей сложности и многообразии его отношений с миром, а это предполагает изучение взаимодействия разных сфер жизнедеятельности, в которых он выполняет различные

роли, функции и имеет соответствующие им ценности и цели, ожидания и опасения и т. д. Многоплановость и многогранность бытия определяют противоречивость и амбивалентность многих психологических процессов и состояний, отношений и чувств человека. Интерес к жизнедеятельности личности и группы в условиях подобной «внутренней» нестабильности особенно усиливается в переходные, динамичные периоды жизни общества.

Многоплановость и многогранность бытия обуславливает появление в научном дискурсе такого специфического феномена, как многомирие. Множественность миров уже давно привлекает внимание исследователей. Для их изучения предлагаются и специальные термины, например, «энергетика», под которой понимается область духовной деятельности, направленной на осознание и описание микромораля как фундаментальной характеристики бытия (Лебедев, 2006). В ряде случаев возможно появление в психологии субъекта таких специфических понятий, как «параллельные миры», «множественная реальность» и т. д. Чрезвычайно интересные данные о специфических феноменах множественной реальности и ирреальности социально-психологического пространства накоплены в области клинической психологии.

В определенном смысле относительно равными реальностями являются и отдельные сферы жизни субъекта. Как показано в нашем эмпирическом исследовании, посвященном социально-психологическому пространству инструментального и эмоционального видов дружбы, установлено, что в этих сферах отношений возникают разные особенности восприятия временной и энергетической составляющих реальности, что позволяет считать их подпространствами, а не просто зонами одного социально-психологического пространства (Журавлев, Купрейченко, 2012). В предельной форме зонирование может привести к формированию некоторого множества относительно обособленных социально-психологических пространств, «параллельных миров» и «множественных реальностей» (Кафка, 2004; Фридман, Комбе, 2001).

В известном смысле все мы являемся обладателями целой системы миров и пространств, в той или иной степени связанных с реальностью, в которой мы живем. Так, у всех имеется пространство прошлого, пространство настоящего и целый «пучок» будущих виртуальных пространств. Какие функции выполняет это явление множественности пространств у одного человека? Оно позволяет ему делить собственную жизнь на осмысленные этапы, выстраивать полноценные модели различных вариантов возможного будущего и разрабатывать конкретные стратегии для их достижения. Конечно,

увлекаться подобным конструированием не стоит, – как говорится, «за двумя зайцами погоняться...».

Есть и другие причины «двоения» или «умножения» реальности. Так, в клинической практике описаны случаи возникновения «многократной реальности», связанные с неспособностью пациента принять то, что один и тот же человек может доставлять удовольствие и вызывать фрустрацию. Без этого познания постоянство (константность) воспринимаемого объекта является недостижимым (Кафка, 2004, с. 6). В таких случаях образы реальных людей и желаний могут «раздваиваться», при этом одна из двух частей может вызывать позитивные эмоции и чувства, а другая – негативные.

Современные авторы указывают еще на некоторые психологические основания формирования изолированных зон и подпространств в психологическом пространстве личности у вполне здоровых людей. Как отмечает Дж. Хиллман, с позиции аналитической психологии создание дэво вместе с различными «парциальными» личностями (теги, анима, анимус и т.д.) (Хиллман, 2006). О существовании сознания, априорно постулируемого вместе с этими фигурами, или персонафикациями, свидетельствуют их вмешательство в сферу контроля Эго, т.е. психопатология обыденной жизни (З. Фрейд), расстройства внимания в ассоциативных экспериментах (К.Г. Юнг), своеволие и лукавство фигур в сновидениях, навязчивые состояния и конвульсивные мысли, способные вторгаться при понижении ментального уровня (П.М. Ф. Жане) (Хиллман, 2006, с. 73). В отличие от большинства направлений психологии, подвергавших анафеме подобные состояния личности как дезинтегрированные, архаическая психология, как отмечает Хиллман, предпочитает повышать уровень осознания фигур, невластных Эго, и рассматривает конфликт с ними, предвещая относительный характер чувству монополярной уверенности и единственности Эго, как основу для создания души. Таким образом, здоровая, развитая или идеальная личность должна принимать во внимание эту драматическую, замаскированную, неоднозначную ситуацию. Ирония, юмор и сострадание служат признаками такой личности, поскольку они свидетельствуют о понимании множественности значений, суров и намерений, реализуемых любым субъектом в любой момент (Хиллман, 2006, с.73–74).

*Выявленные целостности, сложности и интегрированности
ключевым психологическим феноменом*

Возрастает число исследований (что особенно важно – конкретных эмпирических), посвященных сложным, целостным, интегрированным психологическим феноменам. К ним относятся, например,

культура и менталитет, психологическое пространство и время, экономическое, нравственное и т.д. сознание и самосознание, также как и отдельные их составляющие – самоопределение, субъективное благополучие и т.д. Их анализ позволяет выявить общие и частные закономерности формирования, функционирования и развития различных социально- и экономико-психологических феноменов.

Не менее значимо изучение влияния потребностно-мотивационной и психологической сфер людей различных культур на их образ представления о структуре, динамике и закономерностях мироздания. Целостное представление конкретного сообщества людей о пространстве и времени называется хромотопом. В настоящее время все больше специалистов обращаются к исследованиям этого феномена в целом и отдельным его составляющим. Чаще всего изучаются представления о времени (Абульханова, Березина, 2001; Время как фактор изменчивой личности, 2003; Головаха, Кроник, 1984; Ковалева, 1979; Нестив, 2011; Толстых, 2010; и др.).

Внимание исследователей направлено и на дифференцированный анализ различных видов психологических пространств: бытийное, экзистенциальное, жизненное, ментальное и ин. др. (К. А. Абульханова, Т. Н. Березина, А. В. Бурашторова-Савенкова, Ю. М. Заброева, В. Е. Ключко, Н. А. Кондратова, С. К. Нартова-Бочавер, Е. Н. Панина, Э. И. Рабикина, Н. Р. Салихова, Д. И. Фельдштейн и др.). В качестве отдельного научного направления выделены исследования социально-психологического пространства, таких его видов и феноменов, как пространство деловых отношений, психологическая дистанция, доверие и недоверие, партнерство и конкуренция и др. (Журавлев, Купрейченко, 2012).

В качестве феноменов, более общих по отношению к психологическим времени и пространству, могут рассматриваться психологический мир, психологическая реальность или бытие субъекта. В свою очередь, перечисленные феномены необходимо разграничивать с объективной реальностью, окружающей действительностью, т.е. с объективными условиями существования субъекта.

Анализируя соотношение и специфику применения в психологическом лексиконе вышеупомянутых и других понятий, С. Л. Рубаштейн отмечал, что «Бытие выступает как „мир“, если рассматривается „общающаяся“ друг с другом совокупность, система людей и вещей, совокупность вещей и явлений, соотносимых с людьми. Говоря иными словами, мир – это совокупность вещей и людей, в которую включается то, что относится к человеку и к чему он относится в силу своей сущности, что может быть для него значимо, на что он

направлен» (Рубинштейн, 2003, с. 314). В наиболее краткой формулировке он определял «мир как бытие, преобразованное человеком и вбирающее в себя человека и всю совокупность отношений, с ним связанных» (Рубинштейн, 2003, с. 404).

К. А. Абульханова и А. Н. Славская отмечают, что С. Л. Рубинштейн понимает «мир» как действительность, которая «не субъективна, но является новым качеством природы, действительности в ее единстве с человеком, в своей преобразованности, сотворенности им» (Абульханова, Славская, 2003, с. 32). При таком понимании реального мира вполне уместным становится использование понятия «психологический мир субъекта», который является результатом осмысления, осмысленная, освоенная и преобразованная им объективной реальностью, а также самоназначения, самоорганизации, самоотвержения в ходе взаимодействия с окружающей действительностью.

Анализ сложных целостных психологических феноменов предъявляет особые требования к организации их изучения. В ряде ранее выполненных нами работ обоснованы основные принципы построения подобных исследований. Ниже мы остановимся на этом подробнее при описании результатов конкретных работ.

Примеры реализации парадигмальных изменений в психологических исследованиях личности и группы

В качестве конкретных примеров реализации отмеченных выше парадигмальных изменений в психологических исследованиях индивидуального и группового субъекта можно привести разработанные авторские подходы к изучению феноменов доверия и недоверия (Купрейченко, 2006), экономического самоопределения (Журавлев, Купрейченко, 2007) и его нравственно-психологической детерминация (Купрейченко, 2011), социально-психологического пространства личности (Журавлев, Купрейченко, 2012).

В упомянутом выше исследовании экономического самоопределения (Журавлев, Купрейченко, 2007) в наиболее общем виде были определены следующие принципы организации психологического исследования (в частности, изучения самоопределения личности и группы, индивидуального и группового субъекта).

Первый – это учет нравственно-ценностного и смыслового измерения человека. Смыслы и нравственные оценки окружающего мира, других людей, себя и многообразных систем отзеркаливания, в которые включен человек, а также представление о них и переживание их как ценностей являются основой жизнедеятельности личности и одновременно важнейшими составляющими самоопределения.

Второй – анализ временного измерения, который осуществляется либо через изучение динамики самосознания, включая самоопределение субъекта, либо через сопоставление его отношения к своему прошлому, настоящему и будущему. Именно в динамике только и можно выявить подлинные жизненные ориентации человека, основное направление его движения в мире, в психосоциальной системе собственной жизни.

Третий – учет стадийности жизнедеятельности и развития субъекта. В целом его самоопределение отличается неравномерностью и может иметь скачкообразный характер. Даже в условиях относительно устойчивого развития человека проявляются специфические психологические феномены, один из которых назван нами «эффектом качественного скачка» в динамике самоопределения субъекта.

Четвертый – учет субъектных свойства человека и группы, среди которых можно выделить наиболее значимые для понимания самоопределения: активность, осознанность, наличие гуманистических установок, самостоятельность (независимость, автономность), интегративность, ответственность, оптимизм, стойкость, жизнетворчество, склонность к риску, понимание собственной изменчивости во времени. Значимыми могут быть и такие свойства, как целенаправленность и мотивированность, самоконтроль и саморегуляция, способность к рефлексии и социальной децентрации и т. д.

Пятый – совершение акцента на преобразовательной активности человека, т. е. на целях и средствах изменения окружающего мира в целом, других людей и самого себя.

Шестой – анализ и оценивание наряду с содержательными также и формально-функциональными характеристиками самоопределения. Такой подход реализован на сегодняшний день в некоторых исследованиях, однако его использование со временем будет нарастать.

Седьмой – анализ и учет содержательных элементов самоопределения, различающихся как по степени их значимости для личности или группы, так и по устойчивости во времени. Их анализ необходим для того, чтобы адекватно объяснить и тем более прогнозировать поведение развивающегося индивидуального или группового субъекта в динамично изменяющейся среде.

Восьмой – опора на необходимый, обязательный минимум компонентов самоопределения, образующих иерархически организованную (или уровневую) структуру (в соответствии с используемой теоретической моделью). На сегодняшний день в подавляющем большинстве исследований компоненты самоопределения представлены как раздвоенные в его структуре.

Деятельный – описание, объяснение и прогнозирование самоопределения необходимо осуществлять с позиции самого человека, с опорой на его мировосприятие и представления, систему ценностей и идеалов, смыслов и целей, а не только с позиции внешних оценок.

Выделенные принципы могут быть распространены на организацию исследования и анализа очень многих сложных и целостных психологических феноменов. Следует отметить, что довольно трудно реализовать в одном исследовании все выделенные выше принципы и комплексно проанализировать все стороны интегративных психологических явлений, однако стремиться к этому крайне важно и необходимо. Одним из возможных практических решений представляется конкретизация в каждом исследовании отдельных, наиболее важных его аспектов. Одновременно с этим должна продолжаться разработка новых теоретических моделей и их сопоставление с уже имеющимися.

Еще одним важным направлением реализации перечисленных выше парадигмальных изменений в психологических исследованиях в настоящее время стало теоретико-эмпирическое изучение социально-психологического пространства личности, на котором ниже остановимся несколько подробнее.

Выполняемые различными авторами в последние годы исследования психологических пространств существования (функционационирования и развития) человека, причем как общих, универсальных, базовых (витального, экзистенциального, бытийного, экзистенциального, самоактуализационного, духовного, ментального и др.), так и более частных, специализированных видов пространства, выделяемых в результате анализа взаимодействия человека с конкретными сферами его жизнедеятельности (делового и трудового, коммуникативного и отношенческого, образовательного и воспитательного, социального и правового, экономического и организационного и др.), в полной мере соответствуют современным тенденциям развития психологической науки. Наши исследования социально-психологического пространства также развивают этот подход (Журавлев, Купрейченко, 2012).

Следует отметить, что социально-психологическое пространство – своеобразная переходная, «буферная», зона между внешним и внутренним миром человека. Смысл переходного характера социально-психологического пространства состоит в том, что, с одной стороны, оно принадлежит человеку, им формируется и его характеризует, а с другой – составляющие элементы социально-психологического пространства (если они реально существуют) могут быть «вынесены» за пределы самого человека. Этим, наряду с дру-

гими факторами, определяется двойственная природа социально-психологического пространства, которая проявляется в целом ряде характеристик:

- социально-психологическое пространство определяется внешней средой и одновременно свободным выбором человека;
- категориальная структура социально-психологического пространства типична для всех людей, поскольку определяется архаистическими, социокультурными и социально-ролевыми факторами и одновременно есть результат творческой активности личности;
- элементами социально-психологического пространства могут быть как реальные объекты, так и ирреальные (идеальные, воображаемые, виртуальные и т. д.);
- отношения субъекта со многими членами социально-психологического пространства одновременно носят характер межгрупповых и межличностных;
- личность не только оказывает влияние на людей, входящих в ее социально-психологическое пространство, но и сама изменяется под их влиянием.

Авторская модель развития социально-психологического пространства отражает положение о значимости изучения любого психологического явления в динамике. Так, выполненные эмпирические исследования посвящены детерминации основных процессов формирования, функционирования и развития социально-психологического пространства. Такими процессами выступают категоризация социального окружения по различным основаниям, саморепрезентация и самовыражение личности, взаимодействие субъекта с основными категориями его социально-психологического пространства. Эти процессы, разумеется, не являются противоположными.

Стремясь учесть проанализированные в данной работе парадигмальные изменения в конкретных психологических исследованиях, мы обосновали следующие базовые положения о формировании, функционировании и развитии социально-психологического пространства (Журавлев, Купрейченко, 2012): о понимании социально-психологического пространства как основы жизнедеятельности субъекта и результата его самоопределения; о детерминации социально-психологического пространства социальными связями и отношениями; об индивидуальном избирательном отношении человека к факторам среды; об активности членов (элементов) социально-психологического пространства субъекта и о его формировании в ходе субъект-субъектного взаимодействия; о существо-

важны взаимодействия между различными элементами) социально-психологического пространства личности; о типичности структуры социально-психологического пространства различных субъектов; о творческой активности (творческой самодетельности) субъекта; об одновременной множественности социально-психологических пространств одного субъекта; о многообразии процессов формирования социально-психологического пространства и основанной категоризации его элементов (или объектов); о многообразии видов и структур социально-психологических пространств и др.

Важно понимать, что сформулированные положения могут быть применены также к анализу других теоретических конструкций, и, как следствие, послужить основой организации исследований многих сложных психологических феноменов, требующих комплексного подхода.

Заключение

Таким образом, отмеченные в данной статье тенденции, квалифицированные как парадигмальные изменения в психологических исследованиях индивидуального и группового субъекта, с некоторой долей условности могут быть разделены на две категории. Первая отражает повышенный интерес к определенным явлениям жизнедеятельности человека и детерминантам его активности (анализ самодетерминации и миропреобразовательной активности индивидуального и группового субъекта; выделение духовных, нравственных, а также многих позитивных процессов, состояний и свойств как оснований жизнедеятельности; разработка психосоциальной проблемы; преимущественный анализ взаимодействия личности и группы с социальным окружением). Вторая категория парадигмальных изменений представляет собой некоторые принципы организации современных исследований, которые именно в последние годы обрели особую значимость (учет временной перспективы в жизни человека и динамичности психологических явлений; учет многоплановости и многогранности бытия человека; выявление целостности и интегративности изучаемых психологических феноменов).

Как перечисленным, уже проявившимся, так и некоторым еще недостаточно выраженным современным тенденциям в изучении психологии человека сегодня в полной мере отвечает большинство исследований. Не случайно в концептуальных моделях и программах эмпирических исследований многих современных авторов можно отметить явный рост внимания к ценностно-смыс-

ловым и духовно-нравственным компонентам личности и группы, к самодетерминации социального поведения и к особой роли в ней субъектных свойств (самостоятельности, активности, ответственности, произвольной регуляции и саморегуляции, рефлексивности и т.д.).

Литература

- Абульханова К. А., Березина Т. Н. *Время личности и время жизни*. СПб.: Алетейя, 2001.
- Абульханова К. А., Славская А. Н. Предисловие // С. Л. Рубинштейн. *Бытие и сознание. Человек и мир*. СПб.: Питер, 2003. С. 6–33.
- Васильев Ф. Е. *Методологический анализ в психологии*. М.: МГППУ; Смысл, 2003.
- Воловичева М. И. *Представления русских о нравственном идеале*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Время как фактор изменений личности* / Под ред. А. В. Брушлинского, В. А. Полицартова. Мн.: Изд-во БГУ, 2003.
- Гавваха Е. И., Крайак А. А. *Психологическое время личности*. Киев, 1984.
- Дельин А. И. *Личность в кризисе занятости: стратегии и механизмы преодоления кризиса*. Краснодар: Изд-во БГУ, 2004.
- Журалева А. Л., Кутрейченко А. Б. *Нравственно-психологическая регуляция экономической активности*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Журалева А. Л., Кутрейченко А. Б. *Социально-психологическое пространство личности*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Журалева А. Л., Кутрейченко А. Б. *Экономическое самоопределение: Теория и эмпирические исследования*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Заславская Т. И. *Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция*. М.: Дело, 2002.
- Ковалева В. И. *Психологические особенности личностной организации времени*: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1979.
- Кольцова В. А. *Актуальные проблемы методологии современной отечественной психологической науки* // Психологический журнал. 2007. Т. 28, № 2. С. 5–18.
- Корнилова Т. В. *К проблеме полипарадигмальности психологических объяснений (или о роли редукционизма и пристрастиях в методологии психологии)* // Психологический журнал. 2006. Т. 27, № 5. С. 92–100.
- Корнилова Т. В., Смирнов С. Д. *Методологические основы психологии*. СПб.: Питер, 2006.

- Купрейченко А. Б. Нравственно-психологические факторы экономического самоопределения: Монография. Загребскен: LAF LAMBERT Academic Publishing, 2011.
- Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Леонтьев Д. А. Психология – наука о нарушениях? URL: https://pr.stud.ru/history/leoniev_article.htm#more (дата обращения: 03.08.2012).
- Нестик Т. А. Социальные сети // Инновационное развитие: Экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / Под ред. В. З. Мельнира. М.: Инфра-М, 2009а. С. 365–386.
- Нестик Т. А. Социальный капитал организации: социально-психологический анализ (сообщение первое) // Психологический журнал. 2009б. Т. 30. № 1. С. 52–63.
- Нестик Т. А. Социальный капитал организации: социально-психологический анализ (сообщение второе) // Психологический журнал. 2009 в. Т. 30. № 2. С. 29–42.
- Нестик Т. А. Отношение к времени в малых группах и организациях. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Смаглов В. Е. Современные методологические проблемы в российской социальной психологии // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 38–45.
- Татарко А. Н. Социальный капитал и экономические представления русских и китайцев: различия и взаимосвязь // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 1. С. 138–148.
- Татарко А. Н., Лебедев Н. М. Социальный капитал: теория и психологические исследования. М.: Изд-во РУДН, 2009.
- Талызин Н. Н. Хронотоп: культура и онтогенез. Смоленск-М.: Универсум, 2010.
- Лейсахов Н. М. Закономерности динамики психических явлений: Автореф. монографии ... д-ра психол. наук. М., 1988.
- Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юренич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юренич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Ломыков В. П. Психологические отношения субъектов экономической деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000.
- Лохан Л. М. Наследие В. М. Бехтерева в современной казанской психологии // В. М. Бехтерев и современные казанские медицинские школы / Под ред. Н. Х. Амирова, М. Ф. Исмагилова, Д. М. Межелевича. Казань: Медицина, 2007. С. 232–244.

- Полов Л. М., Голубев О. Ю., Устиш П. Н. Добро и зло в этической психологии личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Проблемы нравственной и этической психологии в современной России / Отв. ред. М. И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Фоланссон Т. В. Экономические ценности в структуре социальных представлений о благополучии разных возрастных групп // Проблемы экономической психологии. В 2 т. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. Т. 2. С. 433–475.
- Хайдеко В. А. Психология экономического благополучия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Хиддман Дж. Архетипическая психология. М.: Космос-Центр, 2006.
- Фромм Э. «Иметь» или «быть». М.: АСТ, 2008.
- Шугров П. Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 17–32.
- Штейнберг И. Русское чудо: локальные и семейные сети взаимоподдержки и их трансформация // Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999.
- Юревич А. В. Методология и социология психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Юревич А. В. Психология и методология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Deci E. L. The psychology of self-determination. Toronto: Lexington books, 1980.
- Neffineff J., Putnam R. Economic growth and social capital in Italy // Eastern Economic Journal. 1995. V. 221. P. 295–307.
- Ryan R. M., Deci E. L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development and well-being // American psychologist. 2000. V. 55. № 1. P. 68–78.
- Ryff C., Keyes C. The structure of Psychological Well-Being Revisited // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. V. 69. № 4. P. 719–727.
- Handbook of social capital. The Troika of Sociology, Political Science and Economics / Ed. G. Svendsen. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2010.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА КАК ПАРАДИГМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Т.Д. Марцинковская

Словосочетание «гуманитарные науки XXI века» стало настолько привычным и даже навязчивым, что в его смысл перестали вдумываться, не замечая, как из-за этого уходит не только его содержание, но и осознание совершающихся в последние годы изменений в науке, ее места в современном мире. В то же время проблема развития гуманитарного знания, факторов и условий, детерминирующих научный прогресс, всегда была одной из центральных методологических проблем.

Поиски смысла научной деятельности, роли и границ воздействия научных открытий на общественное сознание связаны как с методологией, так и с анализом тех проблем, с которыми мы столкнулись в последние годы. Особенно важным такой анализ представляется вследствие того состояния неопределенности, которое переживает российская гуманитарная наука (Социальная психология..., 2002; Методологические проблемы..., 2005; Прогресс психологии..., 2009).

Среди проблем, с которыми сталкивается наша наука, есть и общепроизные (например, размывание границ между теорией и практикой), и отечественные, связанные с все более отчетливо прослеживаемым кризисом методологии.

Сложности в осознании учеными смысла своей деятельности и методологических принципов в настоящее время во многом обуславливаются как логикой развития науки, так и состоянием общества, которое само не определяло, какие задачи оно ставит в настоящее время перед гуманитарными науками, чего ждет от них. Это актуализирует вопрос о том, в рамках каких парадигм пойдет дальнейшее развитие как гуманитарного знания, так и, в частности, гуманитарной составляющей психологии, прежде всего, психологии личности.

Объективные и субъективные факторы развития научного знания

В свое время М. М. Бахтин отмечал, что авторская речь строится с учетом «чужого слова» и без него была бы другой. Представления ученых также связаны с их контактами не только с познаваемыми объектами, но и с другими исследователями, изучающими сходные объекты и высказывающими суждения, причем не только сходные, но и отличные от их собственных. В связи с этим М. Г. Ярошевский отмечал, что текст, по которому история науки воссоздает движение знания, следует рассматривать как эффект не только интеллектуальной (когнитивной), но и коммуникативной активности его автора. Говоря об особом научно-социальном круге, во взаимодействии с членами которого зарождаются и развертываются замыслы и программы исследований, Ярошевский писал о «незримом колледже»/«наш о научной школе, т. е. об исследовательских коллективах, соединенных либо личностью организатора и руководителя школы, либо научной программой (Ярошевский, 1994).

В настоящее время продуктивность когнитивной зависит и от способности руководителя/программы соединить в себе разные точки зрения и направления работы. Поэтому современная наука, в том числе и психология, исходит из междисциплинарного характера представлений человека о действительности и использует различные дискурсы при интерпретации этих представлений. Особенно важны для психологии связи с философией и естествознанием. Философия обосновывает общие подходы к пониманию человека, уровни детерминации (либо свободы, индетерминированности) поведения. Философский анализ взаимосвязи человека и общества, лежащий в основе этических концепций, раскрывается психологией в правилах, нормах и ценностях, жизненных целях, в том числе и в целях и задачах научного познания. Естествознание показывает, какие объективные параметры лежат в основе психологических закономерностей развития, – например, как связана динамика работы нервной системы с индивидуальными особенностями людей.

Сравнительный анализ процесса формирования европейской психологии показывает, что ее развитие опосредуется не только разными отраслями знаний, но и двумя ведущими факторами, определяющими формирование науки: логикой ее развития, уровнем ее знаний о человеке, и состоянии общества, социальной ситуацией, ее отражением в сознании ученых – социальной апперцепцией. При этом наибольший интерес представляет изучение не столько прямого воздействия идеологии и политической обстановки в обществе, но именно социальной апперцепции, т. е. того, как ученые

воспринимали социальную ситуацию, какие ценностные ориентации и научные концепции формировались под ее воздействием.

Социологический подход к истории психологии рассматривает развитие науки, в том числе и все новые открытия, только с точки зрения общественных отношений. Не отрицая роли социальной ситуации, невозможно принять точку зрения, согласно которой это влияние является прямым и непосредственным. Если социальная история и традиционная история психологии оставляют в стороне личность творца, ученого, то психоистория, наоборот, рассматривает ее как главное, центральное звено в развитии той или иной психологической концепции. При этом вся психология (как и вся культура) рассматривается только как способ выживания травм, сублимация, а в развитии любой концепции приоритет отдается не культуре, не социальной ситуации, но только личному опыту.

В то же время надо констатировать, что общая логика развития наук о человеке приводит к появлению общих черт в теориях, разработанных разными учеными. Одновременно с этим проблематика науки, приоритет отдельных аспектов данных теорий, а также специфика их исследования связаны преимущественно с социальной апперцепцией.

Если логика развития научных знаний как достаточно объективный фактор уже изучалась и изучается многими учеными, то фактор социальной апперцепции только начинает исследоваться, хотя его влияние не меньшее, а, иногда и большее, чем влияние смежных отраслей и уровня имеющихся знаний. Естественно, что различия в образовании, личностных качествах, идеологии приводили к тому, что одна и та же социальная ситуация и рефлексировалась учеными по-разному, и способствовала выработке различных научных концепций. Однако, несмотря на индивидуальные различия, в определенные периоды и в конкретных социальных группах появляются достаточно близкие по проблематике теории. Это доказывает, что фактор социальной апперцепции может быть объективно исследован как при анализе современных, так и отстоящих во времени психологических теорий. Помогает такому исследованию и оперирование категориальным аппаратом, разработанным М. С. Ярошевским.

Здесь опять необходимо вернуться к введенному им понятию «незримого колледжа». Он отмечал, что обычная трактовка научно-социального сообщества придает доминирующее значение влиянию предшественников, идеи которых получают дальнейшее развитие в теоретико-экспериментальных работах конкретного ученого. В меньшей степени акцентируются групповые связи этого ученого

с близкими ему по ориентации исследователями. «При изучении творчества главный акцент принято ставить на первом направлении активности, прежде всего понятийном (я категориальном) аппарате, который применял ученый, строя свою теорию и получая новое эмпирическое знание. Вопрос же о том, какую роль при этом сыграло его столкновение с другими субъектами – членами научного сообщества, представления которых были им оспорены, затрагивается лишь в случае открытых дискуссий. «...» Между тем, подобно тому, как за каждым продуктом научного труда стоят незримые процессы в его творческой лаборатории, к которым обычно относит построение гипотез, деятельность воображения, силу абстракции и т. п., в производстве этого продукта нередко участвуют оппоненты, с которыми он ведет скрытую полемику» (Яросневский, 1994, с. 81–82).

Представляется, что обращение к понятию «опponentный круг» позволяет под новым углом зрения осветить взаимосвязь познания и общения как различных сторон целостного процесса научного творчества и расширить возможности анализа процесса становления гуманитарного знания как в отдельно взятой стране, так и в масштабе европейской и мировой науки. Помимо введенных М. Г. Ярославским параметров (опponentного круга, надсознательного, когнитивного стиля и т. д.) при исследовании развития гуманитарного знания необходимо учитывать и такие факторы, как ментальность, индивидуальные особенности ученых, их принадлежность к определенной научной школе. В зависимости от социальной ситуации меняются взгляды на личность человека, на границы его активности, на цели, которые ставит перед собой общество в процессе социализации людей. В то же время логика развития психологии, состояние смежных наук приводит к появлению методологии, которая также определяет подход к познанию человека, способам его изучения и использования/интерпретации научных данных. Так, оба эти фактора, переплетаясь, влияют и на проблематику исследований, и на психологические эксперименты, и на разработку новых методов, и на появление новых отраслей (например, возрастной психологии, психологии искусства, психодиптистики и т. д.).

Изучение теорий, разработанных на рубеже XIX–XX веков, доказывает, что оба фактора – и социальная ситуация, и логика развития науки, – по-разному влияют на развитие гуманитарного знания, определяют его качественное своеобразие, а также позволяют по характеру постановки и решения основных психологических проблем определять и характер времени, эпохи, в которую жил ученый.

Российская гуманитарная наука в конце XIX в. переживала серьезные трансформации, связанные с осознанием своей специфики,

поисками своей методологии, своего языка и проблематики. Сходные трансформации происходили и в немецкой гуманитарной науке, которые также были связаны с социальным и культурным контекстом. В Германии таким контекстом было объединение автономных княжеств в единую страну, в России – коренные реформы, изменившие весь уклад российской действительности.

Это показывает, что существует взаимосвязь между развитием ментальности и национальной науки, которая проявляется в том, что для становления науки необходим определенный уровень национального самосознания, рефлексии этнических особенностей. Именно развитие самосознания и дает возможность выстроить оригинальную по предмету и методологии науку. В то же время необходимость совершенствования психологических и философских знаний, вытекающая из запросов общества (например, необходимость проведения крестьянской, земской и судебной реформ), из уровня образования и культуры, является стимулом для формирования национального самосознания, для рефлексии и описания идеалов и стремлений, ценностных ориентаций и установок, которым должны соответствовать и отечественная наука, и социальные реформы.

Энергетическая парадигма в психологии личности

В конце XX в. проблема построения психологии как мультипарадигмальной науки, связывающей философские и естественнонаучные основания, стала значимой не только для методологии, но и для построения психологических исследований.

Вопрос о сочетании естественнонаучных и философских постулатов встал во всей своей многогранности и сложности, исходя из необходимости диалога, что возможно только на основе междисциплинарных подходов. Особую актуальность такой поиск разных подходов и преодоление границ между ними приобретает для философии и психологии личности, изучения истоков ее активности.

Проблема личностной пассивности тесно связана с вопросом самоорганизации психики, который, как правило, анализировался в двух плоскостях. Во-первых, изучалось, как отличаются процессы самоорганизации в психическом, одушевленном мире от аналогичных процессов организации в живой (допсихической) и неживой природе.

Второй аспект исследований связан с анализом процессов саморазвития и самоорганизации психики в искусственном, а не природном мире, с изучением того, какие существенные отличия возникают при переходе от человека естественного к человеку куль-

турному и в какой мере здесь вообще можно говорить о сверхэнергетических/антропийных тенденциях. Введение таких понятий, как «образ Я» и «социальная ситуация» переводит размышления в новую плоскость, придавая им уникальность, свойственную всем последующим психическому развитию человека, в той или иной мере с необходимостью учитывающим индивидуальные траектории и мультидетерминированность этого развития.

Структурируя эти работы, ученые – совершенно справедливо – стремились найти какую-то парадигму, в которой рассматривался бы процесс самоорганизации психики человека, детерминанту, которая выстраивала бы также и процесс саморазвития. Это могло быть стремление к целостности (целому) или, напротив, к его нарушению, стремление к оптимальной для выживания в физическом и социальном мире иерархии потребностей. Детерминантой самоорганизации могли стать иерархия деятельностей, стремление к самоактуализации, к балансу идентичностей, обретение смысла жизни либо формирование модели психического, конгруэнтности образа мира. Стимулом, включающим эти процессы саморазвития, могла стать неадекватность (отсутствие конгруэнтности) образа мира, нарушение баланса идентичностей, несформированность модели психического и т. д.

Представляется, что в качестве такой детерминанты, определяющей направление и динамику течения сверхэнергетических/антропийных процессов в развитии психики может рассматриваться и образ Я, являющийся одним из основополагающих понятий в психологии личности и определяющий не только содержание осознанных и бессознательных представлений-ощущений человека о себе, но и направление его личностного роста и самосовершенствования, и его интенции в обществе, в системе социальных и ролевых взаимоотношений (Мартиновская, 2009).

Конструируемый образ мира не только субъективен, но и представляет собой сложную разноуровневую систему, полностью проанализировать содержание которой можно только исходя из разных дискурсов. Таким образом, помимо иерархического строения в создаваемых человеком представлениях о себе и мире можно констатировать и их отнесенность к разным областям. Еще в большей степени процесс активного конструирования образа соотносится с представлением о себе, со становлением содержания образа Я и/или идентичности, в том числе социальной и персональной (личностной) идентичности, которые связывают категорию образа мира и образа Я, личности и индивидуальности в единую систему.

Важным фактором в формировании личностной и социокультурной идентичности является необходимость их соотношения, так как параметры, по которым осознаются и оцениваются качества личности, являются нормами и ценностями общества, задаваемыми ребенку окружающими. При этом конечной целью при изучении факторов, влияющих на становление индивидуального социального стиля жизни, является анализ условий, способствующих интериоризации, т. е. присвоению социальных норм и ценностей. Изменение ценностей и норм приводит к пересмотру целей и смысла жизненного пути человека, направленности и результата его самореализации. Это, безусловно, сказывается на целостности представлений о себе и мире, вызывая необходимость конструировать и переконструировать данные представления, включая компенсационные и стабилизирующие механизмы образа Я.

Применение законов, открытых в когнитивной психологии и психофизиологии, в психологии личности, к анализу ее сознательных и бессознательных мотивов, ставит перед наукой много новых вопросов, при этом серьезной проблемой здесь ставится не столько соотношение разных принципов, сколько вопрос о детерминантах становления личности. Уже аксиоматичным стало положение о трех уровнях детерминации в становлении и функционировании мотивационной сферы человека – биологическом, социальном и духовном. Человек как любое живое существо стремится к сохранению и продолжению своего рода, поэтому, естественно, факторы, определяющие биологическую адаптацию, важны и для него. Однако самые естественные потребности человека – в пище, тепле, безопасности – реализуются в обществе, имеющем определенную структуру (одну из функций в которой занимает каждый конкретный человек) и правила поведения, а потому опосредованы социальными отношениями и новым уровнем детерминации – социальным. И то же время, как показали многочисленные исследования, прежде всего в экзистенциальной психологии и философии, человеку важно не только сохранить себя, но и реализовать себя. Возможно, в этом проявляется и неистребимая тяга людей к бессмертию – если не физическому, то духовному, – и поиски смысла и цели жизни связаны именно со стремлением обрести ту сферу деятельности, в которой человек может оставить после себя наиболее значимый след.

Из такого сочетания разных видов детерминации вытекает и сочетание различных подходов в психологии личности. Жесткий детерминизм, постулированный в естественнонаучной парадигме, не соотносится с философским утверждением того, что процесс духовного становления, самореализации человека не ограничивает

ся причинно-следственными связями, но может быть рассмотрен через связи смысловые. В то же время выход за пространства причинно-следственных отношений неминуемо приводит психологию личности к сакральному взгляду на личность человека, к признанию духовных феноменов трансцендентными, не поддающимися научному исследованию и объяснению. Поэтому важной именно для психологии личности представляется позиция, при которой психическая жизнь человека выводится из-под законов естественнонаучной детерминации, но вводится в русло детерминации культурной, управляющей продуктивной деятельностью людей. При этом именно в контексте определенной культуры и социальной ситуации развития можно судить и о причинах, и о смысле того или иного поступка человека, и о его значении для окружающих.

Не менее важным вопрос связан и с анализом границ и возможностей поддержки позитивной динамики и целостности образа Я в период кризисов и бифуркационных периодов личностного развития. Можно говорить о том, что для позитивного саморазвития и самоорганизации потенциальных способностей и интенций человека необходимо динамическое равновесие процессов социализации и индивидуализации. Социализация обеспечивает вхождение в социальный мир, в котором только и возможно удовлетворение (канализация энергии) актуализированной потребности. Индивидуализация обеспечивает поддержание позитивной иерархии этих потребностей, т. е. той иерархии, которая отражает экзистенцию, внутреннюю сущность и уникальность каждого человека (Концепция..., 2010).

Таким образом, внешний социальный фактор может стать источником энергетических или энтронийных процессов в случае совпадения или же несовпадения двух планов в образе Я. В переплетении этих двух тенденций и двух планов бытия личности (внешнего, социального, и внутреннего, духовного) и проявляется специфика психологии личности и уникальность жизненного пути конкретного субъекта. Личность как феномен социальный не может жить вне социума, и поэтому необходимы самоорганизация и, возможно, переструктурирование внутренних планов (способностей, мотивов) для того, чтобы найти группу идентичности – референтную группу – и стать ее членом. Однако существующая при этом опасность конформизма является вполне реальным фактором, фрустрирующим самореализацию и обретение смысла жизни. Поэтому можно говорить о том, что нарушение баланса социальной и личностной идентичности может привести к закрытию Я-системы, т. е. к запуску дезорганизационных, энтронийных процессов (деэнтронизации

человека). При этом противоположные синергетические тенденции можно рассматривать как психологические аналоги защитных механизмов и копинг-стратегий, действие которых направлено на предохранение личности от дальнейшего распада и замыкания, от фиксации inadequate содержания ее представлений о себе и о мире. Обретение смысла жизни и баланса идентичностей может рассматриваться как важный синергетический феномен, который в то же время стимулирует субъекта и к расширению социальных контактов, и к личностному росту и самореализации.

Социальные изменения, происходящие в разных странах, привели к текучести многих, казалось, неизменных правил и норм, к изменению культурных стереотипов и установок, к неопределенности. Это с неизбежностью влечет за собой существенные изменения в осмыслении человеком своего жизненного пути, его целей и смыслов, нарушает целостность его образа Я, позитивное восприятие себя и своего места в мире. В то же время такие негативные воздействия стимулируют включение своеобразных защитных синергетических тенденций, направленных на поддержание целостности идентичности.

При этом существует определенная закономерность, выражающаяся в том, что усиление внешних воздействий активизирует стабилизирующий потенциал образа Я, внутренние ресурсы которой несут синергетическую функцию, уравновешивающую дестабилизирующие негативные воздействия среды и индивидуализирующие стиль жизни человека. По-видимому, эта взаимосвязь в некоторой степени отражает те же реципрокные отношения между знанием воздействия и его глубиной и осмысленностью, что и в законе эмпирического развития В. Штерна: негативные эмоции стимулируют развитие рефлексии и осознания окружающего, в то время как позитивные стабилизируют образ мира (Штерн, 1998).

Наиболее выукло динамическое взаимодействие тенденций к самоорганизации и дезорганизации видно именно в эти периоды фазовых переходов, которые могут рассматриваться не только как кризисы, но и как точки бифуркации, и как периоды, когда актуализируются разновекторные процессы в развитии образа Я. При этом пересекаются и две линии развития – эволюционная и инволюционная.

Соотношение процессов эволюции и инволюции, по-видимому, имеет важное значение для характеристики как начальных этапов онтогенеза, так и периода зрелости, особенно в его нижней границе, однако психологические предикторы ускорения инволюционных процессов практически еще не изучены. При этом и в период зрелости, и в период младенчества, и в подростковом возрасте огромное

значение для развития эмоциональной, когнитивной и личностной сфер имеют физиологические и психофизиологические процессы. Хотя основному воздействию здесь подвергается преимущественно общая схема познания и интерпретация картины мира (формально-логическое мышление, новые логические связи, соотношение процессов репродукции/творчества и т.д.), нельзя совершенно исключить из рассмотрения и изменения в иерархии мотивов, в самооценке, в социальных и индивидуальных переживаниях подростков и взрослых людей (Краскова, 2004). Так как это вопрос, выходящий за рамки данной статьи, хотелось бы только подчеркнуть, что сравнительный анализ инволюционных и эволюционных процессов дает основания вводить новые инварианты – индивидуальный стиль жизни, индивидуальные формы социализации и самореализации, целостность представлений о себе и мире (идентичности). Эти инварианты, поддерживая открытость системы, направляют и структурируют пути ее самоорганизации, что может рассматриваться как стремление к поддержанию динамического и гармоничного равновесия образа Я, интенционально направленное на самореализацию.

Таким образом, можно выделить два уровня в развитии динамических тенденций в образе Я. Первый уровень, направленный на эмоциональное благополучие и поддержание психического здоровья, активизирует энергетический потенциал человека, связанный с общими закономерностями психической жизни (с законом Н.Н. Ланге, В. Штерна и т.д.). Второй уровень опосредован культурными и индивидуальными трансляторами; действие стабилизирующих тенденций в этом случае направлено на самореализацию, на придание смысла собственной жизни в рамках своей культуры и своего общества, на осознание своей самобытности, уникальности и ценности для окружающих.

Культура как парадигма в психологии личности

Специфичность развития любого научного направления в каждой стране является общим местом и не нуждается в особых доказательствах. Интерес представляет характер этих вариаций и анализа возможных причин их появления. Такой анализ может помочь в осознании закономерностей становления методологии научного знания, объективных и субъективных факторов, влияющих на ее развитие, а также предсказать пути дальнейшего развития научного знания или хотя бы дать возможность предвидеть его бифуркационные точки и перспективы.

Рассматривая развитие психологии только сквозь призму логики самой науки, мы не видим личности ученого, который является ее творцом, а такой взгляд после работ Марка Блока не представляется адекватным и продуктивным. Кроме того, при подобном подходе исчезает возможность изучить динамику возникновения открытий, появления новых взглядов на психику. То есть, говоря словами Х. Рейхенбаха (Reichenbach, 1959), история психологии рассматривает развитие психологии в контексте обоснования, а не в контексте открытия, так как вопрос о зарождении идей не имеет отношения к логике науки как таковой, как совершенно справедливо заметил еще К. Поппер (Popper, 2004).

Рассматривая роль культуры в развитии как отдельной личности, так и научной школы, необходимо обратиться к концепции Г. Шпета, которая не только раскрывает механизмы социализации человека, но и помогает преодолеть натуралистическую позицию в психологии. Трактовка Шпетом понятия «человек» дала возможность соотносить внутреннее содержание, присущее только личности, с миром культуры. Цикл его эстетических работ, с точки зрения современной психологии, важен не только тем, что в нем по-новому ставятся вопросы творчества и психологии искусства, сколько тем, что сама психология искусства позволяет ответить на вопрос о влиянии культуры на самосознание человека.

Для психологии личности здесь во многом заложена и ответ на актуальный вопрос о взаимосвязи личностной и социальной идентичности. Позиция Г. Шпета о культуре как образующей личности открывает пути для исследования процесса социализации в современной изменчивой и неопределенной ситуации, которая умножает точки бифуркации в развитии личности и дает основания для появления множественности аспектов Я в разных ситуациях и разных группах (Шпет, 2007).

Шпет подчеркивал, что культура (и особенно искусство) остается неизменной даже тогда, когда меняется быт, мировоззрение, политические и структурные аспекты социальной ситуации человека. Это постоянство и выделяет культуру как фактор, помогающий «восстановить связь времен»; именно культура, эмоционально воспринимаемая как единое целое, как часть социальной, этнической и личностной идентичности, дает укорененность и устойчивость, позволяя найти точки опоры в изменяющейся действительности и восстановить утраченную целостность восприятия мира и себя. Культура, в случае успешной инкультурации, эмоционально воспринимается как единое целое. Так формируется одна из важней-

ших составляющих структуры самосознания личности: «Я – культурный человек» (Шпет, 2007).

Важный момент связан с тем, что включение в социальную идентичность культуры как фактора стабилизации предоставляет возможность в меньшей степени использовать в качестве такого фактора этническую идентичность, которая также дает укорененность в своей нации и уменьшает неопределенность настоящего и будущего. В современной ситуации этот вопрос приобретает исключительную важность, так как рассмотрение этнической идентичности в качестве стабилизационного фактора во многом становится причиной нетерпимости к другим народам и социальным группам. Это доказывает и реальность нашего времени, когда социальная нестабильность в многонациональных государствах проявляется в обострении национальных конфликтов. Возможно, что межнациональные конфликты становятся оборотной стороной тех процессов глобализации, которые характерны сегодня и для Европы, и для мира в целом. Опасения раствориться в мировой культуре, потеряв свою национальную специфику, фрустрация потребности в этнической идентичности (особенно в позитивной идентичности) – все это усиливает недоверие к другим народам, негативное отношение к ним. Как показывают исследования, подобные конфликты особенно непереносимы, когда формирование социальной идентичности начинается происходить преимущественно на основе национальной составляющей идентичности, в то время как доминирование культурной идентичности, напротив, повышает толерантность.

Таким образом, можно утверждать, что в концепции Г. Шпета была сделана попытка разработать одну из первых синергетических теорий, в которой культура может рассматриваться как фактор, структурирующий и выстраивающий процесс социализации и становления социокультурной идентичности в кризисные периоды.

Историко-генетическая парадигма

Историко-генетическая парадигма представляет собой системное направление, сфокусированное на анализе развития психологической науки в рамках определенных исторических и культурных условий и научных парадигм. Сторонники данного подхода утверждают, что развитие научного знания детерминировано как объективными, так и субъективными факторами.

Рассматриваемая парадигма предполагает четыре уровня исследования процесса формирования психологических концепций. Первый уровень концентрируется на изучении общих закономер-

ностей процесса развития психологической науки, поэтому ведущими методами исследования здесь являются введенные М. Г. Ярошевским понятия логики и социальной ситуации развития науки. Этот аспект исследований может рассматриваться как один из вариантов науковедческого анализа.

Фокус внимания второго уровня анализа на развитии знаний о психике в контексте истории и культуры. Здесь рассматривается возможность применения понятия прогресса к процессу становления психологии, изучаются критерии прогресса, понимаемого как кумуляция знаний о психике. Еще одной проблемой, исследуемой в русле этого уровня, является изучение относительности (конвенциональности) знаний, их специфики в рамках определенной культуры. В этом случае культура представляется своеобразной парадигмой (социальной, а не эпистемической), имеющей более или менее жесткие границы, отделяющие ее от других культур.

На третьем уровне исследований в центр внимания попадают закономерности становления и распада отдельных научных школ и особенности развития психологии в рамках конкретной школы. В этих исследованиях используется как инструментарий, предложенный М. Г. Ярошевским («оппонентный круг», «научная школа», «когнитивный стиль»), так и разработанные в философии науки, в работах К. Поппера, И. Лакатоса и П. Фейерабенда понятия «дискурс», «конкуренция идей», концепция «предположений и опровержений».

Последний уровень связан с изучением генезиса психологических знаний по отдельным проблемам. В этом случае также используются понятия оппонентного круга и когнитивного стиля, а также идея прогресса, но здесь она точнее представлена именно как кумуляция знаний.

Общая картина психологической науки может быть рассмотрена через призму образов сети и нелога. При этом сетевой принцип распространяется преимущественно на изучение того, каким образом отдельные проблемы связываются в целостную систему знаний. Сетевой принцип организации категорий раскрывает их взаимосвязь, а также открывает возможности встраивания в уже имеющуюся сеть новых категорий. Этот принцип показывает также многоаспектность категориального строя, давая возможность выделить разные варианты построения сети, в том числе и разные направления в ее развитии, которые характерны для определенных областей науки. При этом новый сегмент в сетке категорий не обязательно должен рассматриваться как «пустое место», но, скорее, как обозначение тенденции к ее расширению в определенную сторону, на-

более актуальную, например, на данном этапе развития психологических знаний.

Образ невода может быть использован при анализе того, как разные теории соединяются в ходе исследования различных сторон одной проблемы. Воображаемый невод, объединяя разные категории и концепции, выставляет их в целостную систему, имеющую одновременно и вертикальное, и горизонтальное измерение – разные представления о предмете анализа в одной концепции и единичные представления в разных научных подходах. При этом гибкая и одновременно законченная «сетка невода» не дает отдельным понятиям разбегаться в разные стороны, но улавливает, собирает их в единую систему.

Современная социальная ситуация диктует необходимость становления активной и гибкой жизненной позиции, стимулирующей людей к использованию всех имеющихся у них потенциальных способностей для самореализации и личностного роста в рамках тех социальных условий и той культуры, в которой они растут и развиваются. В связи с этим встает вопрос о значимости исследования одной из центральных личностных характеристик – идентичности, и тех факторов, которые влияют на становление процесса социализации и целостной и позитивной идентичности, соединяющей в себе как ее социокультурные, так и личностные формы.

При этом конечной целью при изучении факторов, влияющих на становление индивидуального просоциального стиля жизни, является анализ условий, способствующих интериоризации, т. е. присвоению социальных норм и ценностей. Это связано с выработкой нового отношения, переживания новых знаний как своих, что достигается развитием мотивации, лежащей в основе нового поведения.

Принципиально новым в современных исследованиях является тот факт, что в них впервые процесс социализации и структура идентичности изучаются в их взаимосвязи с переживаниями, вызванными отношением к себе и социальному окружению. При этом переживания рассматриваются не как особое состояние человека, но как механизм, позволяющий связать различные аспекты идентичности в единое целое и таким образом органично соединить социокультурную и личностную идентичность.

Полученные в результате историко-генетического анализа материалы дали возможность выявить различные трактовки самого понятия «переживание», обозначить отличия в смыслах, которые вкладывали психологи, работающие в разных научных парадигмах, в понятия «эмоции» и «переживания». Именно таким образом в экспериментальные исследования процесса социализации и фор-

мирования идентичности (как личностной, так и социокультурной) было введено понятие «переживание», сконструированное из некоторых положений эстетической и этнопсихологической концепций Г. Г. Шпета, С. Д. Рубинштейна о когнитивной составляющей переживания, а также идей Э. Гуссерля, М. Хайдеггера и Ж. Пиаже о роли переживания в осознании смысла жизни и в представлении о себе и окружающем мире.

На основании сопоставления и анализа теоретических материалов и экспериментальных данных было выявлено несколько функций переживаний и показано их значение, как с точки зрения теории, так и с позиций психологической практики. При этом наиболее важным моментом, отличающим переживание от других эмоциональных состояний и делающим его основным механизмом личностного становления, является соединение в нем двух аспектов – динамического (интенционального) и когнитивного.

Особенно значимым в когнитивном компоненте является тот факт, что переживание как идентификация познающего субъекта с познаваемым объектом дает возможность снять (или существенно снизить) барьеры, встающие на пути познания внешнего мира. Недаром именно переживание является важным параметром формирования образа мира уже в раннем детстве. В качестве одного из ведущих моментов переживание выделяется и в процессе интуитивного познания окружающего, и в процессе творческого созерцания, и особенно – в процессе социального познания.

Когнитивный компонент переживания в процессе интуитивного постижения мира дает возможность человеку не только более точно познать ситуацию, но и более адекватно сконструировать ее образ, а также отношения, необходимые для реализации его потребностей в данной ситуации и с данными людьми. В этом плане когнитивный компонент переживания способствует социализации и социально-психологической адаптации человека. При этом переживания и лежат в основе социализации (как процессы постижения и конструирования ситуации и отношений в ней), и являются в определенной степени продуктом этого процесса – как положительное или отрицательное переживание ситуации в зависимости от успешности или неуспешности поведения. И здесь вступает в силу второй компонент переживания – его интенциональный, динамический аспект, связанный с побуждением к определенным действиям с конкретными объектами и с постижением их сути и смысла для субъекта.

Так в реальной деятельности переплетаются оба параметра переживания, давая возможность человеку соотносить оба плана в постижении образа мира и себя – объективный и субъективный,

Объективный план может конструировать как отрешенную действительность, предельно обобщающую реальность, так и образ конкретного бытия. Как правило, человек стремится создать образ конкретной ситуации, который всегда является социальным и объективируется в определенном контексте (социальном, этническом, культурном). Образы разного бытия связаны с разными аспектами переживания. Отрешенное бытие – с интеллигибельной интуицией, которой не нужны чувственные составляющие познания, а потому барьеры между субъектом и объектом могут быть сведены к минимуму, создавая иллюзию их полного слияния. Социальное же бытие связано с социальными переживаниями, которые отражают отношение человека к социальному окружению и к своему месту в нем. Становление образа Я, осознание смысла индивидуального бытия корреспондирует с индивидуальными переживаниями, отражающими отношение к себе (Марцинковская, 2009).

Индивидуальные и социальные переживания имеют разные функции, связанные с принятием себя и формированием самосознания (индивидуальные) или с принятием социального окружения и формированием культурного сознания (социальные). И в том, и в другом случае именно развитие переживаний делает субъекта личностью, вводя его в поле культуры. Постигая ее содержание и вырабатывая определенное (положительное или отрицательное) отношение к этому миру, человек идентифицирует себя с этой действительностью или отторгает себя от нее. При идентификации возникает социальная (этническая, культурная) идентичность. Но переживания, интерпретируя приобретаемые звания, соотносят их с личностными ценностями, формируя смысл новых знаний, правил и новые мотивы, направленные на достижение и реализацию новых смыслов и ценностей. При этом человек оценивает (или переоценивает) себя в соответствии с этими новыми понятиями. Таким образом, переживания соотносят содержание личностной и социокультурной идентичности, соединяя их в обобщенное и непротиворечивое представление человека о себе и своем месте в окружающем мире. Исходя из этого, они могут рассматриваться как механизм, при помощи которого формируется идентичность человека как целостная и непрерывная во времени система (Марцинковская, 2009).

Связь интеллектуального компонента переживаний с мотивационной помогает интериоризации культурных ценностей, эталонов и норм, а также принятию себя. Особенно важна отнесенность переживания к мотивации в случае социальных переживаний, так как при положительных переживаниях это приводит к цельности

представления о себе, а при отрицательных – к личностной и социокультурной маргинальности.

Экспериментальные данные (Категория переживания..., 2005) показали также, что процесс социализации и формирования социальной идентичности существенно облегчается в том случае, когда эталонами являются не обобщенные социальные нормы, но культурные ценности, представленные в образах конкретных персонажей художественной литературы или реальных исторических личностей и опосредованные эстетическими переживаниями. Эти материалы подтверждают предположения Г. Шпета о важности искусства в развитии культурного самосознания личности и о связи этнической и культурной идентичности (Шпет, 2007).

Заключение

Историко-генетическая парадигма дает возможность на базе сравнительного историко-психологического анализа не только найти способы решения проблем, наиболее созвучных настоящему времени, но и модифицировать их, учитывая тезаурус и запросы современной психологической теории и практики.

Полученные в результате историко-генетического анализа материалы дают возможность вычленять наиболее ценное в разработанных концепциях и, сопоставив их с современной ситуацией, раскрыть их потенциальные возможности, степень их адекватности социальным ожиданиям. Сравнительный анализ роли социальной перцепции и логики развития научных знаний помогает точнее понять многие психологические теории, прежде всего теории личности, в их взаимосвязи с обществом и психологической практикой. Эти материалы необходимы и для развития теоретических концепций, и для практической работы – в частности, при решении вопросов модернизации системы образования, – так как помогают избежать сделанных ранее ошибок и дают частичный прогноз дальнейшего развития гуманитарного знания. Представленные материалы значимы и для подготовки будущих психологов, так как раскрывают перед студентами перспективу комплексного использования и конструктивного развития психологии.

Литература

Категория переживания в психологии и философии. Монография / Под ред. Т.Д. Марциновской. М.: ГНО «Прометей» МПГУ, 2005.

- Концепции социализации и индивидуализации в современной психологии / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: Российская академия образования; Психологический институт, 2010.
- Краснов О.В. Стереотипы и attitudes к пожилым людям. М.: ГНО «Прометей» МПГУ, 2004.
- Марцинковская Т.Д. Образ Я в современном мире – константы и трансформации // Мир психологии. 2009. №4. С. 142–149.
- Марцинковская Т.Д. Переживание как механизм социализации и формирования идентичности в современном меняющемся мире // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2009. №3 (5). URL: <http://psyntudy.ru> (дата обращения: 30.07.2012).
- Методологические проблемы современной психологии – парадигмальной и междисциплинарный аспект / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: Смысл, 2005.
- Поплер К. Логика научного исследования. М.: Республика, 2004.
- Прогресс психологии: критерии и признаки / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Д. Марцинковской, А.В. Юревича. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2009.
- Социальная психология в современном мире / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М.: Аспект Пресс, 2002.
- Шпенглер Г. Философия и психология культуры. М.: Наука, 2007.
- Штерн В. Дифференциальная психология и ее методические основы. М.: Наука, 1998.
- Ярославский М.Г. Историческая психология науки. СПб.: Наука, 1994.
- Weisheit H. Modern philosophy of science. Selected essays. London: Routledge and Kegan Paul; N. Y.: Humanities press, 1959.

СОЦИОГУМАНИТАРНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ

И. Е. Гарбер

Томас Кун и его «парадигма»

Почти полвека понятие «парадигма» (*paradigma* (гр.) – пример, модель, образец) неразрывно связано с именем историка и философа науки Томаса Куна, как и предложенные им концепции «парадигмального сдвига» и несимметричности «нормальной» и «революционной» науки. Его труд «Структура научных революций», впервые изданный в 1962 г., является одной из наиболее часто цитируемых научных книг (Bird, 2004). Он подвел итоги 15-летних размышлений Т. Куна о развитии естественнонаучного знания и привлек внимание не только историков, философов и методологов, но и исследователей, далеких от теоретизирования по поводу своих занятий. Характерный пример привел Гордон Олпорт. Он спросил однажды у коллеги, изучавшего взаимовлияние физиологических и психологических факторов в стрессе, как связаны получаемые им результаты с психофизиологической проблемой. «Я никогда о ней не слышал», – последовал откровенный ответ (цит. по: Ярошевский, 1971, с. 14). Воистину, большинство ученых «имеют такое же представление о том, что такое наука, как рыбы – о гидродинамике» (Лакатос, 2003, с. 190).

Тем не менее, научный вклад Т. Куна представляется двойственным и парадоксальным. С формальной точки зрения он бесспорен. А. В. Койре разработал концепцию научной революции XVI–XVII вв. до слова Исаака Ньютона включительно и продемонстрировал несоответствие постулатов позитивизма историческим фактам. Однако именно «Структура научных революций» подвела убедительный и неутрачиваемый для логических позитивистов итог работы по созданию «стандартной концепции» структуры и кумулятивной модели роста научного знания (наука развивается посредством постепенного накопления фактов; теория выводится из фак-

тов (Степин, Горюхов, Розов, 1995, с. 181). Сэр Карл Поппер одним из первых вывел уроки из краха теории Ньютона и перенес центр тяжести с анализа логической структуры итогового научного знания на диалектический процесс, в котором оно возникает (Поппер, 1983). Майкл Полани противопоставил эпистемологии без познающего субъекта К. Поппера концепцию личностного знания (*personal knowledge*) и показал обусловленность развития науки социально-психологическими и культурно-историческими детерминантами. Однако их работы, безусловно, не так известны «научному сообществу» (термин, предложенный Полани) в целом, как ставшая сенсацией монография Т. Куна, основанная на идеях, резко отличавшихся от общепринятых. На фоне распространенной среды ученых-естествоиспытателей точки зрения, что «философия – это злоупотребление специально разработанной терминологией» (Вигнер, 1971), в «Структуре научных революций» был предложен новый подход, сблизивший философию науки с ее историей и давший значительный импульс пост-мертоновской социологии научного знания.

Никакие другие конструкции остальных исследователей в данной области, будь то «личностное знание» и «спонтанный порядок» М. Полани, «фальсифицируемость» К. Поппера, «исследовательская программа» и «рациональная реконструкция» Ивры Лакатоса, «эпистемологический анархизм» Пола Фейерабенда, равно как и «дисциплинарная матрица» самого Томаса Куна, не продвинулись столь же успешно на рынке идей. «Парадигма» и «парадигмальный сдвиг» быстро нашли благожелательную аудиторию далеко за пределами истории и философии науки и вошли в лексикон культурных людей наряду со «стрессом», «комплексом неполноценности» и другими научными терминами. История не знает сопоставительного наклонения, но если бы Кун сохранил термин «традиция», использованный им в предшествовавшей «Структуре научных революций» монографии «Коперниканская революция» (издана в 1957 г.) вместо «парадигмы», то ход истории, возможно, изменился бы. По мнению Ю. Н. Давыдова, своей популярностью книга Куна была обязана прежде всего понятию «научная революция», созвучному настроением западной интеллигенции в 1960-е годы, использованию модели социальной (политической) революции и социологических методов при анализе академических вопросов (Современная западная социология, 1990, с. 151). В конце XX – начале XXI столетия, особенно после распада СССР, отклонение многих интеллигентов к революции изменилось, однако взгляды Т. Куна по-прежнему находятся в центре внимания методологов не только как часть классического наследия, но и как актуальный референт.

С содержательной точки зрения, однако, фундаментальные идеи Т. Куна остаются спустя полвека дискуссионными и не доказанными. С самого начала они подвергались резкой и не всегда справедливой критике. И. Лакатос, например, утверждал, что с точки зрения Куна «именно научное знание – от одной «парадигмы» к другой – истинное преобразование, у которого нет и не может быть рациональных правил. Это предмет психологии (возможно, социальной психологии) открытия. Именно научное знание подобно перемене религиозной веры» (Лакатос, 2003, с. 11). Срок испытания критикой является существенным параметром оценки жизнеспособности теории. В соответствии с прагматическим критерием Чарльза Пирса, «истина – мнение, которому предопределено разделяться в итоге всеми исследователями, ... и объект, представленный в этом мнении, есть реальность» (цит. по: Meeri, 2004, p. 616). В современном науковедении приняты в качестве правдоподобного приближения для паровского консенсуса (времена возникновения теории в краткосрочной перспективе) период в 50 лет. В связи с ускорением научного процесса он может быть пересмотрен; кроме того, как показывает пример ньютоновской механики, в долгосрочной перспективе нужны иные критерии.

В данном случае «живучесть» и привлекательность идей Т. Куна не вызывают сомнений, а причины амбивалентности естественно искать в особенностях его личности и жизненного пути, межличностных отношениях с коллегами старшего поколения и сверстниками, наконец, в *Zeitgeist*, или интеллектуальном «духе времени». В 1965 г. в Лондоне состоялся международный colloquium, посвященный философии науки. Его центральным событием должны были стать дебаты с участием сверстников – Т. Куна, П. Фейерабенда и И. Лакатоса, однако последние двое не явились, и все внимание было уделено Т. Куну (Bird, 2004). Дискуссия с К. Поппером, принадлежавшим к старшему поколению, подчеркнула значимость новых идей. Итоговые материалы colloquiuma со статьями П. Фейерабенда, предложившего в 1962 г. независимо от Т. Куна тезис о несоизмерности научных теорий (Preston, 2009), исходя из трудов Людвига Виттгенштейна, и И. Лакатоса были опубликованы в 1970 г. В этом же году вышло второе, дополненное издание «Структуры научных революций», в котором Т. Кун уточнил понятие парадигмы и отверг обвинения в приверженности иррационализму и релятивизму.

Как и в случае большинства других популярных теорий, обнаружилась ее предшественница и ученица, оказавшие на Т. Куна влияние, начиная с И. Канта (А. В. Кофре, Ж. Пиаже, Б. Рассел, К. Поппер).

пер и др.). Исследователи творчества М. Полани обратили внимание на то, что описанная в его работах схема интерпретативной схемы (interpretative framework) сильно напоминает «парадигмальный сдвиг» Т. Куна (Moleski, 2006). Идеиное сходство дополнялось тем, что осенью 1958 г. 67-летний М. Полани, только что издавший «Личностное знание», выступил с докладом в Пало-Альто, на котором присутствовал 36-летний Т. Кун, вероятно, в то время обдумывавший содержание своего будущего труда «Структура научных революций», в первом издании которого ссылки на работы М. Полани с признанием его приоритета отсутствовали. Хотя публичные обвинения в плагиате предъявлены не были, представляется правдоподобным подкрепленный частной перепиской (Moleski, 2006) факт, что М. Полани, крупный ученый в области физической химии, учитель двух нобелевских лауреатов – Юджина Вигнера, цитированного выше, и Мелвина Калвина, отец нобелевского лауреата Дэвида Полани, сменявший «большую» науку на философию и добившийся там общепризнанных результатов, был недоволен тем, что слава и почести достались не ему, а Т. Куну, никак не проявившему себя в физике.

Справедливости ради отметим, что концепции М. Полани и Т. Куна, помимо сходства, содержали значительные мировоззренческие отличия. Первый был убежденным реалистом и считал, что «истина» – по крайней мере, в естественных науках – предопределена реальностью и не зависит от ожиданий и убеждений отдельных ученых. Второй последовательно отрицал свою принадлежность к радикальным релятивистам, однако утверждал, что в каждый конкретный момент времени «истина» не может быть установлена с помощью объективных критериев и определяется консенсусом научного сообщества. Как следствие, утрачивали смысл постепенное приближение к ней, научный прогресс, и, напротив, возникала возможность принятия научной элитой произвольных или даже мистических решений о смене направления исследований. Косвенным свидетельством внимательного отношения Куна к вопросам авторства служит то, что первое издание «Структуры научных революций» было посвящено Джеймсу Конату (1893–1978), бывшему Президенту Гарвардского университета, включившему историю науки в общеобразовательную программу, а во втором и третьем изданиях посвящение отсутствовало. Во Франции, говоря о «парадигме» Т. Куна, в качестве ее предшественницы иногда называют «систему» Мишеля Фуко.

Поскольку Т. Кун не занимал в течение академической карьеры административных постов, не создал научную школу, включающую добившихся успеха учеников, его влияние на современников можно

объяснить, в частности, способностью заражать других своими идеями, т. е. лидерскими качествами. Людей, оказавших исключительное влияние на других, Серг Московичи делит на вождей тотемических и мозаичных (Московичи, 1998, с. 324–326). Тотемические вожди распространяют идею, что «исключительные», «магические», «харизматические» дарования, необходимые для выхода из кризиса, соединены в их личности. Таковы Сталин, Гитлер, Иоанн-Павел II, Наполеон. Мозаичные вожди больше заботятся о распространении своих доктрин и верований, чем об обольщении своей персоной. К мозаичным вождям относятся З. Фрейд, Сократ, Моисей, В. И. Ленин, К. Маркс, М. Ганди. Эти вожди гонят напроказ своих адептов и толпу пылкостью убеждений, верой в достижение цели и упорством, с которыми они пытаются ее достичь. Отсюда приписываемая мозаичным вождям скромность. На наш взгляд, Т. Кун может быть отнесен к мозаичным вождям.

В индустриальном обществе на смену ученому-читателю «книги природы», стремившемуся познать суть вещей и явлений и действовавшему на условиях самофинансирования, пришел «купец истины», производитель новых знаний, нуждавшийся в общепризнанных моделях постановки проблем и их решения – парадигмах, предложенных Т. Куном, лучше других почувствовавшим дух времени и удовлетворившим соответствующий социальный заказ. Однако индустриальное общество сменило постиндустриальное, затем информационное (сетевое, психологическое), а схема Т. Куна, закрепленная в «Структуре научных революций», оставалась неизменной на протяжении почти 50 лет.

С. Московичи говорит «о контрасте между революционным или аномальным обществом, возникающим из социальных big bangs, и обществом нормальным, формирующимся, когда взрывные силы охладятся, а высказанные из к жизни инновации приобрели банальный характер» (Московичи, 1998, с. 278), и считает, что описанный Т. Куном дуализм наук (нормальной и революционной) служит иллюстрацией к дуализму общества. Сам Т. Кун утверждал, что «генетический аспект аналогии между политическим и научным развитием не подлежит никакому сомнению» (Кун, 2001, с. 130). В 1960-е годы Т. Кун инициировал революцию в области истории и философии науки и предложил новую парадигму ее развития. В настоящее время, однако, в связи с трансформацией общества, культуры и науки, его ключевое понятие нуждается в замене.

Например, по мнению Куна, «одно из наиболее строгих, хотя и неписаных, правил научной жизни состоит в запрете на обращение к главам государств или к широким массам народа по вопросам

науки» (Кун, 2001, с. 217). Современные же научные сообщества, напротив, добиваются представительства в ООН и ЮНЕСКО, сотрудничества с ними, лоббируют назначение на должности в правительстве своих членов, которые гордятся статусом советника Президента по СВ больше, чем научным и административным статусом среди коллег, и озабочены «видимостью» (visibility) в средствах массовой информации не меньше, чем профессиональными достижениями (Anderson, 2008).

С оговоркой, касающейся границ применимости, сформулированной выше, я согласен с центральным тезисом А. И. Рахитова, что «к большинству современных и вновь возникающих систем научного знания, которые не носят монодисциплинарного характера, парадигматическая концепция неприменима. Такие системы, используемые для решения обширного класса теоретических и практических задач, должны иметь свой особый системообразующий принцип» (Рахитов, 2003а, с. 132). Перед тем как описать его, рассмотрим особенности применения парадигмального принципа к социогуманитарным наукам.

Парадигма и социогуманитарные науки

Первоначально Т. Кун не предполагал, что понятие парадигмы подходит для социальных наук. Более того, в предисловии к «Структуре научных революций» он объяснял, что основные идеи книги возникли в поисках различия между сообществами специалистов в области общественных и естественных наук. Первые поразили его количеством и степенью открытых разногласий по поводу правомерности постановки тех или иных проблем и методов их решения, в то время как вторые достигли значительной степени согласия относительно ключевых для практики научных исследований моментов (Кун, 2001, с. 16–17).

Однако привлекательный термин «парадигма» начал жить, независимо от предложившего его автора. Научная дискуссия на тему «Применим ли куневский анализ к психологии (социологии, экономике, истории)?» продолжалась недолго и сменилась активной эксплуатацией слова в социальных науках. Фейерабенд, предложивший социологическую концепцию «свободного общества», от которой впоследствии дистанцировался, обвинил обществоведов в том, что они отвесились «к концепции Куна как к иложению нового установленного факта» и, «используя термин, еще нуждающийся в экспликации, ... положили начало новому и весьма прискорбному направлению болтавшего невежества» (Фейерабенд, 1986, с. 500).

Перейдем к рассмотрению более солидных теоретических конструкций. Джордж Ритцер дает следующее определение: «Парадигма – это фундаментальный образ предмета изучения науки. Она служит для определения того, что должно изучаться, какие вопросы должны ставиться и как, каким правилам нужно следовать при интерпретации полученных ответов. Парадигма представляет собой наиболее общий блок единодушия в науке и служит для отделения одной научной группы (или подгруппы) от другой. Она классифицирует, определяет и соотносит существующие в ней образцы, теории, методы и инструменты» (Ритцер, 2002, с. 570–571). Ритцер анализирует три господствующие в социологии, с его точки зрения, парадигмы: социальных фактов, социального определения и социального поведения, выделяет и описывает в каждой из них четыре элемента: образец, определение предметной области, методы и теории. Итогом работы Ритцера стала интегрированная социологическая парадигма, объединяющая микро- и макроуровни как в объективных, так и в субъективных формах (Ритцер, 2002, с. 419–420). Принятие парадигмы, по Т. Куну, повышает эффективность деятельности ученых и способствует, в рамках нормальной науки, ее прогрессу. Ответим на риторический вопрос: «Выполнила ли эти функции интегрированная парадигма Дж. Ритцера за 30 лет с момента ее формулировки?» Безусловно, нет. Получившаяся схема удобна для изложения социологических теорий в университетском учебнике (он многократно переиздавался на разных языках, что свидетельствует о его высоком качестве), но, в отличие от куновской модели, которую можно объяснить школьнику, не позволяет показать динамику и логику развития социологии.

В психологии из четырех возможных статусов по отношению к «парадигме», порождающих различное видение ее прошлого и текущего состояния, тенденций и перспектив, – допарадигмального (так считал Т. Кун; его позицию разделяют историки психологии (Шульц, Шульц, 1998, с. 31)), парадигмального, мультипарадигмального и непарадигмального – рефлексизирующая часть сообщества психологов методом исключения предпочитала в недавнем прошлом третий (Юревич, 2010, с. 101) и в настоящее время четвертый (Юревич, 2010, с. 120), – возможно, потому, что признавать допарадигмальный, донаучный статус в XXI в. ужаснее (чем мы хуже физиков, химиков или биологов?), а парадигмальный статус очевидным образом отсутствует. Заметим, что в последнем, непарадигмальном случае преодолевается камиллаж методологии психологии на точные науки (Юревич, 1999), но необходимо предъявить

ной, специфической теории и концепции, желательна, не менее привлекательна, чем парадигма.

Начнем со сторонников мультипарадигмального подхода. В. А. Машин, на наш взгляд, справедливо утверждающий, что психология находится в плену чужих парадигм, следует «чужой колесе», тем не менее, оценивает как перспективное выделение двух парадигм – естественнонаучной и герменевтической («объясняющей» и «понимающей», идущей от Вильгельма Дильтея), и, соответственно, двух «полупсихологий» в терминологии Ласло Гаран и Марjet Кечки, допускающих возможность их синтеза на базе идей Л. С. Выготского (Машин, 2001). Важным для дальнейшего изложения является его утверждение о том, что наличие структурно-уровневых проблем, характерных для психологии (наличие различных уровней и возможность межуровневых переходов, использование рефлексивных стратегий субъектами; подробнее см.: Роговин, 1977) препятствует претензиям синергетики на статус новой психологической парадигмы, по крайней мере, в настоящее время.

А. В. Юренич не придает парадигмальный статус бихевиоризма, когнитивизма и психоанализа из-за того, что они выполняют неполный набор парадигмальных функций, и характеризует их как метатеории (Юренич, 1999). Отталкиваясь от идеи Т. Куна о том, что в процессе смены парадигмы основную роль играют не когнитивные, а социальные факторы, и от того, что теоретическая («чистая», академическая, исследовательская) и прикладная («нечистая», профессиональная, практическая) психологии развиваются различными сообществами (это обстоятельство Ф. Е. Василюк увидел трагическим, как слухик, нечто подобное расщеплению целостной личности (Василюк, 2003), а Томас Линж, напротив, утверждает, что научная и профессиональная психологии давно идут каждая своей дорогой и потому должны рассматриваться отдельно (Линж, 2003, с. 100). Юренич приходит к понятию сокопарадигмы, обоснованно оценивая подобную интрадисциплинарную разобщенность как далеко выходящую за пределы противостояния парадигм. Итогом его работы стала иерархическая классификация когнитивных систем, взятая мною за основу при составлении таблицы 1 (Юренич, 1999, с. 9).

Критически оценивая позицию сторонников полипарадигмальности в целом (т. е. исходя не только из кратко представленных выше работ), можно утверждать, что для решения статусных проблем многие психологи, исходя из бинарной логики (неклассичекий аристотелевский способ мышления?), используют следующие типич-

Таблица 1
Классификация когнитивных систем

Когнитивные системы	Примеры	Конституирующие приемы
Метатеория	Ассоцианизм, бихевиоризм, психоанализ, структурализм, гештальтизм, функционализм, когнитивизм, трансперсонализм	Объяснение психологической реальности, методы ее исследования
Парадигмы	Естественнонаучная, герменевтическая	Модели человека, подходы к его изучению
Социологии	Теоретическая, исследовательская; практическая (прикладная)	Различные междисциплинарные сообщества
Методы	Западная наука, восточная наука, кросс-культурализм, паракультура, религия, искусство	Типы рациональности

ные приемы: несуществующую социогуманитарную парадигму¹ противопоставляют реально действующей естественнонаучной (иногда, напротив, пытаются их примирить), анализируют когнитивные критерии демаркации парадигмы и игнорируют социальные (Юренич, 2010, с. 103–104), или же вместо анализа научных проблем переходит к обсуждению культурно обусловленных, например, дуализма «душа–тело», т. е. взаимоотношений между теоретическим конструктом, нефизической душой и физическим телом (Смит, 2003, с. 70). Не последнюю роль в этих анализах играют эволюционные моменты, противопоставление «холодных» точных наук «теплым» гуманитарным. Несмотря на значительные затраченные усилия, обсуждение полипарадигмальности психологии, исходя из полученных результатов, может быть отнесено к регрессивным (*degenerating*) исследовательским программам (по И. Лакатосу). В поисках выхода обратимся к метафоре Т. Куна о том, что парадигма – это заранее сконструированная и довольно тесная коробка (Кун, 2001, с. 50). «Коробочное» мышление, мышление внутри коробки свойственно нормальной науке, «Мышление вне коробки» характерно для революционной науки (как правило, не приводящей к успеху и только очень редко ведущей к нему). Представляется, что в случае психологии в качестве коробки выступает монодисциплинарный подход,

¹ Общественное обвиняют в том, что вместо из ните-актуальной нити могут заменить культурную-среду разрыв, чем индустриальные отходы и автомобильные газы испортят физическую среду обитания (Лакатос, 2003, с. 387).

желание решить назревшие и перезревшие проблемы внутри своей дисциплины, своего профессионального сообщества.

Достаточно расширить кругозор, как в поле зрения попадают новые возможности, связанные с тем, что психология не является изолированной наукой, а в полной мере испытывает на себе разнообразные внешние воздействия, в частности, принимает участие в феномене коэволюции, совместном развитии науки и общества. При этом социальным изменениям в цепочке «доиндустриальное общество–индустриальное общество–постиндустриальное общество–информационное общество» соответствует условная цепочка трансформаций статуса психолога, целей его деятельности и критериев прогресса психологии: а) пролежный читатель «книги природы», бескорыстно стремившийся познать суть вещей и явлений и действовавший на условиях самофинансирования; б) производитель новых знаний для «рынка идей», «купец истин», нуждавшийся, как и в промышленности, для повышения эффективности в стандартах труда, общепризнанных моделях постановки проблем и их решения (парадигмах Т. Куна); в) разработчик и поставщик специфических социальных услуг (психологическое консультирование, психотерапия и т.п.), индивидуальных и групповых, работник сферы обслуживания, заинтересованный в удовлетворении потребностей потребителя, в обеспечении качества и экономической эффективности, в соблюдении этических и правовых норм; г) разработчик, поставщик и пользователь специфических информационных технологий и услуг, в том числе использующих Интернет (психологическая диагностика, набор и отбор персонала и т.д.), поставленный в жесткие рамки стандартизации и унификации психологических валидность и надежность инструментария при его массовом использовании, в частности, виртуальном.

Разумеется, появление новых статусов, целей и критериев не ведет к отказу от того, что им предшествовало. Последние два статуса формируются в настоящее время, и трудно предсказать направление их дальнейшего развития (Гарбер, 2009, с. 87). Не меньшее значение для оценки перспектив развития психологии имеют общенаучная тенденция развития по схеме «классическая–неклассическая–постнеклассическая», а также смена модерна в культуре и общественной жизни на постмодерн (см. таблицу 2).

Представленная выше таблица предложена Ихабом Хасаном (Hassan, 1998, p. 280–281). Она составлена в критикованнейшей ныне бинарной логике противостояния «модерн–постмодерн»; содержит множество литературоведческих и филологических терминов,

Таблица 2
Различия между модерном и постмодерном

Модерн	Постмодерн
Римантизм/Символизм	Патафизика/Дадаизм
Соединительная, замкнутая форма	Деглянктизация, открытая форма
Цель	Игра
Замысел, план	Случай
Иерархия	Анархия
Мастерство/Знание	Источение/Молчание
Объект искусства/ Завершённая работа	Процесс/Перформанс/Хэппенинг
Удаленность	Участие
Создание/Создавание воздуха	Разрушение/Деконструкция
Силла	Антисилла
Присутствие	Отсутствие
Центрирование	Расхождение
Жанр/Граница	Текст/Интертекст
Семантика	Риторика
Парадигма	Синтагма
Гипотаксис	Паратаксис
Метафора	Метонимия
Собор	Сомнение
Корень/Глубина	Поверхность/Поверхность
Интерпретация/Чтение	Отказ от интерпретации/ Неверное истолкование
Обязательное	Знак, символ
-Читаемый- текст	-Писущий- текст
Нарратив/Большая история	Антинарратив/Малая история
Мастер-код	Уникальный лингвистический паттерн
Символ	Желание
Типичный представитель	Мутант
Гипнотический/Фаллический	Политрофный/Турбофаллический
Парадигма	Шизофрения
Источник/Противник	Различие-Различие/След
Бог-Отец	Святой Дух
Метафизика	Ирония
Детерминированность	Неопределенность
Трансцендентность	Импотентность

далеких от повседневной практики большинства психологов (ризма, паратаксис, метонимия и т.п.); отдает явное предпочтение герменевтическому подходу. Однако и без детального знания терминологии ясно, что «парадигме» противопоставлена «синтагма» (*syntagma* (гр.) – союзрядок, вместе построенное, соединенное), и это сделано на фоне сетей семантических взаимосвязей, от которых они получают свои смысл и значение. В подобных сетях, согласно К. Даллгеру, изменение смысла одного термина не является независимым от изменений смысла других терминов, и значение каждого термина обусловлено местом, которое он занимает в соответствующей дискурсивной формации (Dalliger, 1997, с. 13). В заключительном разделе статьи обосновывается, что на смену парадигмальному подходу идет синтагматический, приемлемый как для естественных, так и для социогуманитарных наук.

Синтагматический подход к современной науке

В своих работах Т. Кун довольно подробно описал создание «Структуры научных революций», ключевые идеи предшественников, на которые он опирался в своих рассуждениях. Среди них есть принадлежащее гештальтпсихологам. Например, «парадигмальный сдвиг» упоминается в «Структуре научных революций» исключительно гештальта (Кун, 2001, с. 161). Однако в результате анализа доступной литературы нам не удалось найти ответ на вопрос, каким образом Кун пришел к мысли использовать основной и наиболее привлекательный термин «парадигма» и изменить его смысл, принятый в лингвистике. Ниже представлена попытка рациональной реконструкции истории в духе И. Лакатоса. Безусловительно в том, верна она или нет, ее главной целью является обоснование синтагматического подхода в современной науке по аналогии с принятым ныне парадигмальным. Более того, предполагается, что предлагаемая методологическая платформа («синтагма») может стать общей для естественных, инженерных, социальных и гуманитарных наук. Она необходима для объективного сравнения проблем, методов, теорий, достижений и ограничений этих наук, плодотворного междисциплинарного обмена. Своевременность этого амбициозного проекта обосновывается объективной потребностью, связанной с тем, что многие страны, в том числе Россия, вкладывают значительные ресурсы в разработку конвергентных (трансформативных) технологий NBICS (N – Nano, B – Bio, I – Info, C – Cogno, S – Socio), что позволяет говорить о наступлении новой фазы эволюции, стирающей границы между естественными и искусственными систе-

мажи и способной, с антропологической точки зрения, изменить человека как вид. Обращает на себя внимание отсутствие буквы «P» – *praxis* в конце аббревиатуры NBICS.

Предполагаемый вклад технологий NBICS таков:

- N) нанотехнологии сотрут границу между натуральными и рукотворными системами;
- B) биотехнологии продлят человеческую жизнь на основе геномики и протеомики;
- I) информационные технологии приведут к созданию все более автономных и умных машин;
- C) когнитивные технологии позволят создать искусственные нервные сети и декодировать человеческий разум (*сорутом* – когнитивный аналог термина «геном»);
- S) социальные технологии приведут к пониманию «мемов» (термин, предложенный Ричардом Докинзом для описания способов хранения и распространения культурной информации), «культурного» (термин, подчеркивающий аналогию между механизмами передачи генетической и культурной информации) и коллективного IQ (Sprenger, 2003).

Равноправное взаимодействие психологического сообщества с коллегами в XXI в. предполагает внесение им равноценного вклада в технологии, способствующие дальнейшему развитию человечества. Подобным вкладом могло бы стать чтение мыслей человека, изучение его «внутреннего мира» и неосознаваемых областей объективными методами. Гипотетическое создание подобной технологии принесло бы обществу множество проблем, начиная от манипулирования сознанием, управления поведением и кончая сложнейшими этическими коллизиями, однако, на наш взгляд, проблема эта технически может быть решена и будет решена в XXI в. Здесь уместно вспомнить слова Альфреда Райтхеда, цитированные в «Структуре научных революций»: «Наука, которая не решает забыть своих основателей, погибла» (Кук, 2001, с. 182). Вернемся, однако, к истории.

Первоначально Фердинанд де Соссюр – «отец» лингвистики XX в. – выделил два вида отношений, синтагматические и ассоциативные (позднее последние стали называть парадигматическими или систематическими), для описания естественных языков, таких как английский или французский. Соотношение парадигмы и синтагмы начинающие филологи иногда объясняют так: «Все, что хочется написать в строку, – синтагма. Все, что хочется написать столбиком или в виде таблицы, – парадигма». Заметим, что вавилонские

глинные таблички с перечнями парадигмы принято считать первым достижением лингвистики как науки. Ф. де Соссюр предугадал, что синтагматические и парадигматические отношения соответствуют двум формам умственной деятельности человека. Его догадка позволила Роману Якобсону, выжившему оппортисту метафоры (парадигматика) и метонимии (синтагматика) в нелингвистических языках, Ролану Барту и другим распространить его идеи далеко за пределы лингвистики, в область семиотики, перейти от изучения естественных языков к произвольным знаковым системам, используемым в культуре и искусстве (см. таблицу 2), в системах организации знаний (Petra, Weller, 2006).

На наш взгляд, именно потребности систем организации знаний дают наиболее сильный импульс к становлению и развитию синтагматического подхода, так как в информационном обществе данные во многих дисциплинах производятся быстрее, чем могут быть организованы, представлены наглядно и осмыслены. Например, для начала XXI в. характерно быстрое увеличение объема, качества и разнообразия оцифрованной личностной информации, собираемой и используемой (независимо от научной и прикладной психологии) провайдерами сотовой связи и Интернета, владельцами камер видеонаблюдений, мобильных телефонов, сотрудниками банковских служб (дебетовые и кредитные карты), вплоть до служб космического наблюдения за Землей. Информационные технологии объективно способствуют сближению естественнонаучных, инженерных, социальных и гуманитарных дисциплин. Отметим, что эта потребность уже осознана и отражена в науковедении (Ракитов, 2003а, 2003б), медицине (Ушаков, 2005), педагогике (Федотова, 2006), экономике (Платонова, Федотова, 2006), причем данный перечень заведомо неполный.

Согласимся далее под синтагмой (следуя определению А. Н. Ракитова) понимать систему знаний, правил и принципов, разработанных в разных науках, но сводимых вместе для решения важных практических проблем. Это простое определение синтагмы включает только когнитивные факторы, игнорирует социальные факторы и нуждается в экспликаци. Кроме того, существуют принципиально иные подходы к определению синтагмы, на которых мы останавливаться не будем (см., например, A. Kaiser, B. Kaiser, 2001), чтобы подробнее представить концепцию А. Н. Ракитова и обсудить ее применительно к психологии.

Антропоцентрический подход позволяет свести воедино три понятия – «система», «парадигма» и «синтагма», представив их как иерархические уровни жизненного мира ученого (Арапов, 2003):

- «система» (М. Фуко) означает коллективные изменяющиеся когнитивные структуры, «исторические априоры», связанные с культурно-историческим срезов эпохи; это формально-логическая часть общественного сознания эпохи;
- «парадигма» (Т. Куи) означает коллективные внутринаучные структуры сознания, характерные для ученых в определенном исторический период;
- «синтагма» (А. И. Ракитов) означает индивидуальные черты мышления, складывающиеся у ученого в процессе познания определенных сфер действительности.

По мнению А. И. Ракитова, «синтагматическая концепция имеет принципиальное значение не только в познавательном плане, но и в плане организации современной науки, определяя механизмы ее использования во всех сферах экономики и общественной жизни и, главным образом, в выработке государственной научно-технологической политики и принятия соответствующих стратегических решений» (Ракитов, 2003а, с. 132). Это утверждение представляется декларативным, по крайней мере, применительно к России. В современном науковедении когнитивные компоненты и структура синтагм представлены намного более детально и убедительно, нежели социальные или организационные.

Парадигма Т. Куи выступала консолидирующим стереомом междисциплинарного естественнонаучного знания и была закреплена в учебнике. Синтагма в трактовке Ракитова не связана с образцами научной деятельности или фундаментальной теорией. Она, будучи задачей ориентированной, многокомпонентной системой знаний, существует не только и не столько для удовлетворения когнитивных потребностей, сколько для решения практических проблем; является системообразующим стереомом междисциплинарного знания и закрепляется главным образом в технологиях. Под этим А. И. Ракитов понимает «целостную динамическую систему, включающую аппаратно-орудийные средства, операции и процедуры, правила, стандарты, эталоны и нормы технологической деятельности, управление технологическим процессом, необходимые для этого информацию и знания, энергетические, сырьевые, кадровые и иные ресурсы, а также совокупность ее экономических, социальных, экологических и иных последствий, определенным образом влияющих и изменяющих социальную и природную «среду обитания» данной системы» (Ракитов, 2003а).

К синтагматическим знаниям принято относить взаимосвязанные экономические, юридические, социально-психологические,

математические, исторические, естественнонаучные, технологические, культурологические и другие знания. При этом концептуальные синтагмы, представляющие из себя мировоззренческий комплекс идей от эпохи Просвещения, и сохранные в метанаррациях парадигмы модерна (включая, например, идею прогресса) признаются современными теоретиками конструктами, задающими лишь семантическую рамку экономических и социальных практик в контексте культуры своего времени, но отнюдь не образованная, обеспечивающими положительную социокультурную динамику (Платонова, Федотова, 2008).

В трактовке А. И. Рахитова, научная синтагма представляет собой некий проект, программу или целостную систему знаний, правил и принципов, разнородных по своему эпистемологическому происхождению и статусу. В качестве наглядного образа реализации синтагмы он использует высотное здание, созданное в результате разработки архитектурного проекта, проведения инженерных расчетов и построения с учетом имеющихся ресурсов. На теоретическом уровне речь может идти о специфиче объектов, для которых жесткие парадигмальные конструкции непримлемы и требуются целостные синтагматические знания. В качестве типичного примера таких объектов укажем на *иерархические системы* (*ἱεραρχία* (др.) – другой, чужой и *ἀρχή* (др.) – власть, управление; термин введен Уореном Маккаллоком в 1945 г. Их образуют взаимосвязанные, перекрывающиеся, часто иерархические сети с отдельными компонентами, одновременно включенными в различные сети и действующими в различных сетях, причем общая динамика таких систем проявляется и управляет взаимодействиями этих сетей. Гетерархические системы превосходят иерархические при увеличении сложности и скорости изменений внешней среды (Bondarenko, 2007). Естественными примерами таких систем являются объекты и субъекты, изучаемые естественными науками (природа), социологией (общество), психологией (личность) и науковедением (наука).

Рассмотрение социальных факторов, отсутствующих в представленной концепции синтагмы, позволяет описать специфику социогуманитарного знания, включенного в нее. В частности, «в социальных науках критерием признания теории является ее жизнеспособность» (Лефевр, 2010, с. 84). Согласно логике и здравому смыслу, в научной практике должны использоваться теории, соответствующие научным стандартам, и из нее должны устраняться теории, не соответствующие им. Варианты, когда теория соответствует научным стандартам, однако не используется в научной практике, и особенно – когда теория не соответствует научным стандартам, однако ис-

- Ракитов А. И. Новой науке – новое науковедение (от парадигмы к синтагме) // *Наукоевческие исследования: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А. И. Ракитов. М.: РАН, ИНИОН, Центр научно-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям; Центр информатизации, социально-технол. исслед. и науковед. анализа, 2003б. С. 6–31.*
- Ротхер Дж. *Современные социологические теории.* СПб.: Питер, 2002.
- Рогозин М. С. Структурно-уровневые теории в психологии (методологические основы). Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1977.
- Смит Н. *Современные системы психологии.* СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.
- Современная западная социология: Словарь. М.: Политиздат, 1990.
- Спилли В. С., Герасим В. Г., Рязань М. А. *Философия науки и техники.* М.: Контакт-Альфа, 1995.
- Ушakov И. Б. *Качество жизни и здоровье человека.* М.–Воронеж: Истоки, 2005.
- Федотова О. Д. От парадигм к синтагме? // *Современные проблемы педагогики: парадигма науки и тенденции развития образования: Материалы Всеросс. методологической конф.-семинара. В 2 ч. Ч. 1. Парадигма педагогики в контексте развития научного знания / Гл. ред. В. В. Краевский. Краснодар: КубГУ, 2006. С. 80–85.*
- Федерабенд П. *Избранные труды по методологии науки.* М.: Прогресс, 1986.
- Шульц Д. П., Шульц С. Э. *История современной психологии.* СПб.: Евразия, 1998.
- Юревич А. В. Системный кризис психологии // *Вопросы психологии.* 1999. № 2. С. 3–11.
- Юревич А. В. *Методологии и социологии психологии.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Ярославский М. Г. *Психология в XX столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки.* М.: Политиздат, 1971.
- Anderson N. Toward a strategic plan for APA // *Monitor on Psychology.* 2008. V. 39. № 6. P. 9.
- Bird A. Thomas Kuhn // *Stanford Encyclopedia of Philosophy.* 2004. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/thomas-kuhn/> (дата обращения: 03.08.2012).
- Mandavlenko D. M. What is There in a Word? Heterarchy, Homoarchy and the Difference in Understanding Complexity in the Social Sciences and Complexity Studies // *Explorations in Complexity Thinking: Pre-Proceedings of the 3rd Intern. Workshop on Complexity and Philoso-*

- phy / Eds K. A. Richardson, P. Cilliers. Mansfield, MA: ISCI Publishing, 2007. P. 35–48.
- Danziger K. Naming the Mind. How Psychology Found its Language. London: SAGE Publications, 1997.
- Hassan I. Toward a Concept of Postmodernism // *Postmodern American Fiction: a Norton anthology* / Eds P. Geyh, F. Leeborn, A. Levy. N. Y.: W. W. Norton, 1998. P. 273–286.
- Meehl P. E. Cliometric Metatheory III: Peircean Consensus, Verisimilitude and Asymptotic Method // *British Journal for the Philosophy of Science*. 2004. V. 55. P. 615–643.
- Molnár M. X. Polanyi vs Kahn: Worldviews Apart // *Tradition and Discovery* // *The Polanyi Society Periodical*. 2006. V. 33. №2. P. 8–24.
- Peters I., Weller K. Paradigmatic and Syntagmatic Relations in Knowledge Organization Systems // *Information – Wissenschaft und Praxis*. 2008. V. 59. №2. P. 100–107.
- Preston J. Paul Feyerabend // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2009. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/feyerabend> (дата обращения: 03.08.2012).
- Spohrer J. NBICS (Nano-Bio-Info-Cogno-Socio) Convergence to Improve Human Performance: Opportunities and Challenges // *Converging Technologies for Improving Human Performance* / Eds M. C. Roco, W. S. Bainbridge. The Netherlands, Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003. P. 101–116.

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ПСИХОЛОГИИ

Н. С. Шадрин

Н главными основаниями любых тенденций, подходов, парадигм в гуманитарных науках можно считать: а) общие социокультурные и даже социально-политические условия, запросы и «вызовы» данного исторического периода; б) неясно сформировавшиеся на данном этапе «метакатегории» науки или их особый поворот. Важное значение в последующем анализе мы придаем категории психологического, или, в более широком плане, жизненного пространства.

Каждая парадигма есть именно образцы научной теории, и, в отличие от локальной школы, она является притягательной для широкого научного сообщества как с точки зрения интуитивно постигаемых ценностных критериев, так и с точки зрения ее методологических «интенций».

Неясная интенция плюрализма в психологии – это теоретический охват во множестве концепций «почти всех» сторон внутреннего мира человека, без акцента на «подлинности» или же «отчужденности» самого человеческого бытия. Интенция же экзистенциальной и гуманистической парадигмы в психологии – практическое достижение подлинного бытия личности (ее «бытия-в-мире»), с опорой на анализ личностных структур (мотивация, ценности, стереотипы поведения, страх, тревога, «настроенность», «забота» и т.д.).

Что касается постнеклассической научной рациональности, то она есть реакция не на ошибку классики, а на многопредметность и излишний плюрализм наук, на «непроявленность бытия», что требует нового глобального объекта науки (см. также: Никитич, 2008).

Политические установки типа «плюрализм мнений», «конкуренция идей», сам рыночный механизм, когда авторы легко вытесняют книгу за книгой, особо не сопрягая в методологическом

плана научные теории, стимулируют плюралистичность. Правда, у нас в Казахстане, в отличие от России, издавать книги невыгодно. Не имея библиотечной базы типа ВГБИЛ, мы не можем даже удостовериться в адекватности воспроизведения зарубежных доктрин в идущем на нас потоке литературы. Опасность для единства психологии (и для существования самой общей психологии) здесь, и не исключая этого, связана также и с этнической идеей. Достаточно сказать, что в Казахстане этнопсихология, являясь компонентом специальности 19.00.01, подчас как бы несколько довлечет над общей психологией и психологией личности, поскольку постоянно подчеркивается, что важнейшей составляющей общей структуры личности должна быть ее «этническая индивидуальность».

Уже не раз отмечалось, что неклассическая наука содержит не принцип конструирования объекта каждым исследователем (я, соответственно, принцип методологического плюрализма), а лишь идею вероятностного характера закономерностей. По В. П. Зинченко, если в классической психологии субъект дан изначально, то в неклассической психологии, утверждающей, что психика – это культура, человек «может быть, а может и не быть субъектом, поскольку культура – приглашающая сила» (отсюда и известная мера неопределенности). Такова же позиция А. Г. Асмолова, акцентировавшего «присутствие механизмов выработки неопределенности» в культуре (Асмолов, 2010, с. 22), а «неклассической» психолог Л. С. Выготский видел в «плюрализме» лишь проявление кризиса. Наконец, М. С. Гусельцева указывает, что неклассическая психология стремилась к монизму, и уж никак не к плюрализму (Гусельцева, 2005, с. 98).

В самой неклассической физике «принцип неопределенности» Гейзенберга: $\Delta X \cdot \Delta P \geq \hbar/2$, где ΔX – ошибка (неопределенность) измерений положения частицы по координате X , ΔP – ошибка измерений ее импульса по координате X , $\hbar$ – константа (производная от постоянной Планка), – содержит лишь идею вероятностного характера закономерностей в микромире, масштабно несоответственном человеку. Из приведенной формулы отнюдь не следует, что мы не можем очень точно знать определенные параметры. Фейнман призывает «не приходить в замешательство, столкнувшись с „редукцией волновой функции“ и тому подобной магией» (Фейнман, 1988, с. 69). При бомбардировке «фотонами-наблюдателями» (термин квантовой механики) движущегося электрона, когда и реализуется соотношение неопределенностей, возникает иллюзия, что это уже эксперимент, а не наблюдение. Кстати, данная ситуация чужда психологии, где метод наблюдения всегда четко присутствует.

В. К. Шабельников справедливо указывает, что «в теоретическом аппарате квантовой механики большое место занимает занимать не строгое, а вероятностное или статистическое описание исследуемых микросубъектов. При этом сама вероятность описания выступает здесь не как проявление слабости наших познавательных возможностей, а как необходимое следствие изменений объекта, вносимых при любой попытке его исследования» (Шабельников, 2004, с. 247). При этом существенно важно, как могут быть поняты эти изменения: как «конструирование» свойств микросубъекта самим исследователем или как следствие перехода объекта в новое состояние, связанное, предположим, с его временным вхождением в пространство-время с большим числом измерений.

С этой точки зрения эффект неопределенности Гейзенберга как база и суть неклассики, по-видимому, может быть снят в теории «суперструн». Считается, что при близком столкновении «фотона-наблюдателя» с электроном в описанной выше ситуации физический исследователь локально выделяется энергия, достаточная для временного перехода электрона в 10-мерное пространство (или 11-мерное пространство-время) суперструнного вакуума, что, естественно, и порождает некоторую неопределенность в поведении частицы.

Действительно, как указывает В. Н. Дубровский, «квантово-механическое соотношение неопределенностей (Гейзенберга, – Н. III) для энергии (импульса, – Н. III) и времени требует нарушения закона сохранения энергии для малых интервалов времени. Но согласно ОТО (общей теории относительности, – Н. III) сильные флуктуации энергии в малых пространственных участках могут проявляться в рождении (а затем исчезновении) из вакуума виртуальных черных мини-дыр, что дает резкое изменение локальной структуры 4-мерного пространства-времени в масштабах планковской длины („пространственно-временная пена“). Это и делает невозможным использование методов локальной квантовой теории поля, построенной в предположении, что геометрия пространства-времени по-прежнему является псевдоевклидовой (4-мерной, – Н. III)» (Дубровский, 1991, с. 88–89). И в этом отношении сейчас предпочтительно отдается теории суперструн, которая «радикальным образом меняет ОТО вблизи планковских масштабов расстояний (где и реализуется соотношение неопределенностей, – Н. III), расширяя центральную идею Эйнштейна... до более богатого многомерного (в частности, 11-мерного, – Н. III) пространства-времени» (там же, с. 89).

Однако суперструнную теорию можно трактовать уже как вариант постквантовой науки, ибо суперструны – это и очень

малые, и одновременно планетарные объекты, создающие силовые линии полей, действующих в масштабах всей Вселенной.

Объектом постнеклассической науки, по Л. А. Никитич, с середины XX в. впервые стали вся Земля, все живое (биосфера), Вселенная и т. д. (Можно вспомнить компьютерные модели «Мир-1», «Мир-2», «Мир-3» Римского клуба футурологов). Видимо, к числу таких глобальных объектов можно отнести и Бытие человека, давно уже «стоящее под вопросом», за сохранение которого (как и за его подлинность) ответственна и психология. Как пишет казахстанский педагог Айсулу Сатынская, «выход М. Хайдеггера к бытию – философская основа экологической идеологии» и формирования типа личности, в духе «экологического гуманизма» в педагогике (Сатынская, 2007, с. 143).

В глобальной экологии, генной инженерии и других «чисто постнеклассических» дисциплинах часто неясно, какая возможность развития реализуется; много зависит от меры нашей ответственности. Это означает, по Л. А. Никитич, введение аксиологических факторов в объяснительные модели.

В связи с этим укажем, что в рамках методологической концепции В. А. Мазилова отчетливо просматривается возможность «вплетения» в ткань «предтеории» как этапа становления любой психологической теории многих феноменов, казалось бы, субъективно-психологического порядка. По В. А. Мазилеву, значение предтеории в том, что она «предшествует не только теории как результату исследования, но и самому эмпирическому исследованию. Предтеория имеет сложную детерминацию (образование исследователя, научные традиции, идеалы научности и т. д.)» (Мазилев, 2008, с. 65). Ясно, что аксиологические факторы генезиса объяснительных моделей науки вполне могут быть включены в состав такого рода детерминант.

С другой стороны, философской основой неклассической науки, имеющей дело с глобальными, неравновесными и открытыми системами, признается не диалектика, а санкритика, хотя В. Е. Соколова и считает диалектику «культурно-деятельностного образца» совместимой с постнеклассической наукой (Соколова, 2008, с. 32). В связи с этим отметим, что спор об эвристических преимуществах и недостатках диалектики и синергетики как двух различных мировоззренческих систем пока не дал окончательных результатов.

В контексте постнеклассики становится понятным видение ценностей, характерное для экзистенциализма и гуманистической школы. По Ж.-П. Сартру, ценности несут «смысл возмещения»

(*déplacement*) и утверждения бытия, а по А. Маслоу они всегда есть «ценности Бытия». Франкл говорит о ценностях как основе смысла жизни (бытия) человека, а Р. Шануров о «жизнеутверждающей-функции ценностей». Ф. М. Достоевский же считал, что «мир спадает красота».

В сообществе психологов ценностные принципы могли бы быть связаны с привлеканием (хотел бы я будущим?) из отчужденности из единства бытия человека, за его «подлинность», «многочужденность».

Г. Риккерт и В. Дильтей считали, что все исторические события выявляются лишь в системе ценностных координат. Ставоление указанных ценностных ориентиров у психологов позволит увереннее вычленять действительно значимые события в истории психологии и не запутаться в обилии концепций, что пока имеет место в действительности.

С другой стороны, подобные ценностные ориентиры, как бы «предопределяющие» необходимость поиска путей достижения «подлинного» бытия личности (в результате соответствующего преобразования ее мотивационно-потребностной и смысловой сфер), по-новому ориентируют и саму психотерапевтическую практику, что очень важно, поскольку «в настоящее время... профанация психологической практики достигла небывалых размеров» (Соколова, 2008, с. 36).

Видимо, психологи (сначала даже из небольшая часть) сейчас могли бы принять какой-то меморандум, удостоверяющий долю их ответственности за сохранение «подлинности» бытия человека.

Откуда перед нашей психологией могут быть поставлены такие задачи.

Во-первых, надо создать концепцию личности как формы существования, а не просто как субъекта предметной деятельности, что позволит понять меру его подлинности через соотношение с бытием. Субъект же предметной деятельности соотносим с отчужденным объектом, а не с бытием. По сути дела, это ход мысли именно экзистенциальной парадигмы.

Во-вторых, нужна амплификация в понимании самой категории деятельности (традиционной для нашей психологии) как творческой активности, преобразующей не только предмет, но и определяемые сферы социального и социокультурного пространства. Существенно важно, что это позволяет соотносить личность с миром уже в акцианто-действенном плане. А. Н. Леонтьев говорил, что деятельность есть активность в предметной среде, и потому она предметна. Но это лишь один аспект. Ведь деятельность может быть нацелена

на преобразование форм пространственной организации самой этой среды. Как считает А. С. Арсеньев, когда мы говорим о «предметной действительности», то не надо забывать, что «всякая предметность ограничена» и заведомо обедняет отношения человека с миром, бытием (Арсеньев, 2008, с. 129).

«Пространственно-преобразующая» деятельность вполне возможна даже на элементарном физическом (не говоря уже о других) уровне. Приведем такой пример. Представим себе прямую линию. Это пространство мощности континуум, являющееся к тому же связным пространством. Выкаем из нее одну точку; пространство станет несвязным. Когда мы в ускорителе разгоняем частицы до субсветовых скоростей, происходит лоренцево сокращение длины в направлении движения, «сжимаются» некоторые пространственные измерения и т. д. Такое понимание деятельности уводит ее от отчужденной субъект-объектности. (Хотя, заметим, сам пример практически у Маркса и его теории отчуждения достаточно архаичны.)

Последовательное рассмотрение (чего не было у Маркса) деятельности в разрезе категории пространства (а не только в аспекте порождения конкретной предметности, историчности и т. д.) выявляет ее конструктивный, интегративный (в том числе интегративно-бытийный) потенциал.

В-третьих, надо использовать потенциал метакатегории пространства в психологии, прослеживая переход от отчужденных форм бытия личности к подлинному бытию, что является сверхклассовой функцией классики. Психологический анализ любых форм бытия, существующих человека вне пространства как некоего основного такого анализа бесперспективен.

Если исходить из терминологии Л. А. Никитич, то советская наука возникла в русле марксистско-гегелевской традиции как тип «механицистической рациональности», связанный с идеей механицизма, имея скорее «временной», чем «пространственный» видение науки как института и ее предмета. Большую чуждость к категории пространства проявила вся феноменологическая традиция, разгромленная Лениным, но учтенная М. Хайдеггером и Ж.-П. Сартром, благодаря этому более тонко подошедшими к бытию человека. Неразвитость этой категории у Н. Канта, Г. В. Ф. Гегеля и К. Маркса была так велика, что философы ведут ее анализ с Г. В. Лейбница⁵. (Это, по-видимому, учитывает и М. С. Гусельцева, строя свою концепцию пространства науки на некоторых идеях Лейбница.)

⁵ В частности, Лейбниц определял пространство как «порядок сосуществований», а время как «порядок последовательности» явлений (Лейбниц, 1982, с. 441).

Сильная сторона конструктивизма – в применении сложных и подчас, казалось бы, совершенно «акумных» моделей, в том числе математических, а не только «лингвистических» (по Ю. А. Шрейдеру). Многообразные модели многомерных пространств применяет, как известно, В. Ф. Петровский при анализе психоэволютики сознания. В этом плане мы считаем, что возможно использование математических (топологических) моделей пространства даже в психологии личности и ее мотивации (идея, восходящая к Курту Левину).

В философско-категориальном аспекте пространство выступает как относительно регулярное и, как правило, открытое множество элементов любой природы, задающее порядок их сосуществования, или «связность» (хотя существуют и замкнутые топологии, но они рассматриваются как вторичные по отношению к открытым). А. М. Степаненко говорит о «пространственных антиномиях» («гомогенность/гетерогенность», «непрерывность/дискретность» и т.д.) как базовых характеристиках пространства. По В. Г. Виноградскому, «социальное пространство» характеризует интенсивность, плотность и широту распространения односторонних социальных процессов (Виноградский, 1988).

В рамках топологии различаются элементарные топологические, метризуемые и метрические (многомерные) пространства. В топологических пространствах задан лишь «порядок следования» точек или пространственных областей друг за другом, в нем же сохраняются направления или расстояния. Пространства данного типа характеризуются также отношением полного или частичного включения пространственных областей, их простой связности, пересечения и т.д. Примером такого пространства может служить непрерывно растягиваемый по всем направлениям лист резины, на который нанесены какие-то фигуры. Можно также изготовить такие фигуры из резины и непрерывно растягивать их; в этом случае, как известно, круг и эллипс будут топологически эквивалентны. В метрическом же пространстве все точки, пути и пространственные конфигурации заданы в многомерной системе координат; в нем сохраняются направления и расстояния, которые вычисляются по смещению координат точек по специальной формуле (она называется уравнением метрики). Примерами являются обычное трехмерное евклидово пространство или евклидово пространство с большим числом измерений, пространство-время Минковского и т.д. В топологии различают также замкнутые и открытые, связанные и несвязные пространства и т.д.

Изложим теперь абрисно наше понимание иерархии мотивационных образований с точки зрения меры интеграции личности

в социальное бытие на путях достижения его подлинного «бытия-в-мире». При этом мы учитываем аспект «пространственной организации» мотивации на разных ее уровнях, характеризующихся разной мерой реализации «интегративной функции» мотивационных образований. (Данная функция вводится нами как частный случай «интегративной функции» психического в понимании В. А. Гашкина, акцентированного момент «пространственной структуры психики».)

Инфрауровень мотивации – это базовые потребности, от которых зависит воспроизводство существования индивида в его материальных основах. При достижении своего объекта они подвержены дезактуализации.

Во-первых, здесь возможен вариант эгоцентризма, по Б. С. Братушко: это почти нулевая интеграция в социальное бытие. Далее, индивид может быть интегрирован в замкнутую клабовую группировку (ср. «группа-корпорация» А. В. Петровского). Он утверждает себя как личность, получая средства существования через «свою» группу и «заслуженное» покровительство «старших»; это уже группоцентризм. Инфрауровень мотивации описывается, в духе идей К. Левина, моделью топологических и замкнутых (не открытых) пространств. При редукции мотивации к этому уровню возникает отчуждение личности, реализуется культура внешней «полезности» (по А. Г. Асмолову).

Отчуждение, как известно, характеризуется «равнозначностью» тех или иных личностных структур (мотивов, потребностей и т.д.) довлеющим, анонимным социальными силами, внешними по отношению к сущности человека.

Кстати, при известном некритическом принятии ситуации отчуждения (или при полном безразличии психологов к ней) эти социальные силы будут описаны не как социальные в своей основе факторы существования индивида в данном социуме, а как личностные личностные структуры. Тем самым, видимо, может произойти выход за пределы предмета психологии и включение в него чего-то явно к нему не относящегося.

Мезоуровень мотивации – это уровень конвенциональных норм, он характеризуется большей открытостью окружающему социуму и описывается моделью метризуемых пространств.

Метауровень мотивации – это уровень личностных ценностей как устойчивых по направлению, не подверженных дезактуализации, генерализованных мотивов-смыслов (Леонтьев, 1999). При этом нами постулируются многомерное метрическое пространство ценностных значений культуры и индивидуальное про-

стракство ценностных смыслов, связанные отношениями интериоризации/экстериоризации. Здесь адекватно реализуется не только идея Д. А. Леонтьева о «ценностном векторе, направленном в бесконечность», ибо вектор задается лишь в многомерном пространстве, но и трактовка ценностей как «намерений бытия» у А. Маслоу. «Вектор» же мотивации К. Левина не был по сути вектором (для существования вектора, подчиняющегося принципу параллельного переноса и т. д., нужны какие-то устойчивые направления-намерения), показывая лишь топологический «порядок следования» индивида из области больших в область меньших напряжений. Ошибка К. Левина была связана со стремлением представить свою модель мотивации более наглядно.

Ценностная мотивация в ест, по сути дела, «векторная» устремленность личности «по направлению к...» (Ж.-П. Сартр), нечто довольно уникальное. На то, что «лишь для некоторых существует настоятельная потребность идти „по направлению к“...», особо указывает А. Менегетти (Meneghetti, 1997, с. 496). Чаще же люди действуют под влиянием актуальных потребностей («подверженных деактуализации», по Д. А. Леонтьеву), двигаясь то в одну, то в другую сторону, – в общем, как бы скачут наподобие бильбокси. Здесь достаточно модели топологического пространства.

Ценностная мотивация активно влияет на все нижеизложенное ее уровни (потому ее можно трактовать как «метамотивацию», по А. Маслоу), что можно увидеть также с идеей катарсиса в понимании Л. С. Выготского. Наша модель увязывается и с «пирамидой мотивов» Маслоу, и с иерархией личностных смыслов Б. С. Братуся и т. д. Тут, видимо, можно говорить о какой-то преемственности психологических концепций и «принципе соответствия», по В. М. Аллахвердову (Аллахвердов, Кармин, Шилков, 2008).

В целом переход от топологических пространств через метризуемые к метрическим описывает метризация теорема П. С. Урсона, опубликованная в 1925 г. на немецком языке (см.: Александрян, Миракханян, 1979, с. 221–224, 330). С ней мог ознакомиться К. Левин в процессе создания своей главной работы «Намерение, воля и потребности» 1926 г. Механизм метризации в восприятии пространства двухлетним ребенком был изучен Ф. Шеммелем, Н. А. Бернштейном, Э. Вюркцалло, В. П. Зинченко. По Шеммелю, ребенку сначала дан топологический порядок следования областей, «карта-путь», и лишь потом в его сознании возникает «карта-образ», релевантная метрическому (обычному евклидову) пространству.

Различия между «открытыми» и «замкнутыми» топологиями значимы в анализе «открытости» личности миру, а различие «связ-

ных» и «несвязных» пространства проявляется в идеях И. Н. Осина и Д. А. Лоскутова об отчуждении.

Идею метризации жизненного пространства в понимании личности в какой-то мере исповедовал и М. Хайдеггер, ученик Э. Гуссерля, математика по образованию. По Хайдеггеру, можно проследить трансформацию пространства «геометрических фигур, в котором еще нет какой-либо метрики» (топологическое пространство), в многомерное метрическое пространство (Хайдеггер, 1998, с. 248). Все это значимо для анализа «мира в аспекте его мировости», а также для анализа «ориентации» личности, которая «представляет собой структурный момент самого бытия-и-мира» (там же, с. 248).

Итак, единство формализованных моделей пространства в топологии, по сути дела, выявляет переходные мостики между концепциями личности, сфокусированными на категорию «жизненного пространства» и на категорию «оживленного мира», и прежде всего – между феноменологическими (гештальтскими) и экзистенциальными концепциями, обогащенными некоторыми идеями культурной психологии. При этом в методологическом плане в определенной мере реализуется также идея «интеграции психологии» А. В. Юревича (Юревич, 2005).

Литература

- Александров Р. А., Миронян Э. А. Общая топология. М.: Высшая школа, 1979.
- Алхвердов В. М., Кармык А. С., Шилова Ю. М. Принцип преемственности, или как возможны научные открытия // *Методология и история психологии*. 2008. № 3. С. 167–180.
- Арольке А. С. От субъекта к личности (Повесть о творческой судьбе С. Л. Рубинштейна). Часть II // *Методология и история психологии*. 2008. № 4. С. 109–158.
- Асмолов А. Г. Историко-эволюционная парадигма конструирования разнообразия миров: деятельность как существование // *Вопросы психологии*. 2008. № 3. С. 3–11.
- Виноградский В. Г. Социальная организация пространства: Философско-социологический анализ / Отв. ред. Я. Ф. Аскаж. М.: Наука, 1988.
- Гусельцева М. С. Типы методологических установок в психологии // *Вопросы психологии*. 2005. № 6. С. 98–103.
- Дубровский В. И. Концепция пространства-времени: Физический и философский аспекты. М.: Наука, 1991.
- Лейбниц Г. В. Переписка с Кларком // *Сочинения*. В 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 430–528.

- Деонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999.
- Малалов В. А., Б. Г. Афанасьев и методологические вопросы психологии // *Методология и история психологии*, 2008, № 4, С. 59–69.
- Мембрилла А. Учебник по онтопсихологии. М.: Славянская ассоциация онтопсихологии, 1997.
- Никитин Л. А. История и философия науки. М.: Юнити-Дана, 2008.
- Сokolov Е. Е. Психологи на распутье: какая методология нужна современной психологии? // *Методология и история психологии*, 2008, № 3, С. 25–42.
- Самытская А. К. Экологический гуманизм и экологическая идеология как основа экологической культуры общества // *Вестник ПГУ им. С. Торайгырова*, Серия педагогическая, 2007, № 1, С. 139–146.
- Фейнман Р. КЭД – странная теория света и вещества. М.: Наука, 1988.
- Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998.
- Шабельников В. К. Функциональная психология. М.: Академический Проект, 2004.
- Юрков А. В. Интеграция психологии: утопия или реальность? // *Вопросы психологии*, 2005, № 3, С. 16–28.

ДВЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПАРАДИГМЫ В НАУЧНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПСИХОЛОГИИ

С. В. Малахов

Анализируя процессы развития научных исследований, Томас Кун (1922–1995) в книге «Структура научных революций» показал, что в основе смены организационных форм научных исследований и научной методологии лежат не столько процессы переосмысления теоретических представлений о мире и явлениях, сколько изменения в организации всей системы научного познания – парадигмы (Кун, 1977).

Парадигма (образец, модель, пример) в науке – это обобщенный способ представления и анализа предмета исследования, который определяет основные пути разрешения фундаментальных научных проблем. Парадигма предполагает: а) разделяемые группой авторитетных ученых теоретические и методологические позиции на предмет исследования; б) принятый группой ученых определенный тип организации и реализации научных исследований.

При этом Т. Кун подчеркнул, что развитие науки может протекать не только путем эволюционного накопления научного знания, но и революционным путем – на основе формирования, конкуренции и смены парадигмы научного исследования. В рамках сложившейся парадигмы научное знание развивается и накапливается эволюционным путем. Изменение парадигмы ведет к революционному (скачкообразному) изменению и преобразованиям научного знания («научная революция»).

Если в таком контексте вставить вопрос о преобладающих парадигмах, характеризующих российскую научно ориентированную психологию в настоящее время, то может быть выделено два направления исследований, которые претендуют на разработку фундаментальной общепсихологической теории и противопоставлены друг другу по множеству оснований. Это, во-первых, минималистские идеи зародившейся в начале 1960-х годов в США когнитивной

психологии, в основу которой заложил информационный подход к анализу и объяснению психических явлений. Во-вторых – отечественный системно-деятельностный культурно-исторический подход к анализу и объяснению психических явлений, основополагающие идеи которого закладывались в работах Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурия и других отечественных психологов.

Данные подходы часто противопоставляются как альтернативные парадигмы – «стимульная» и «деятельностная» (Смирнов, 1985). При этом информационный подход к анализу и объяснению психических явлений, принятый в когнитивной психологии, в последние годы часто провозглашается как теоретическая альтернатива отечественному системно-деятельностному культурно-историческому подходу.

Сравнительный анализ теоретических и методологических оснований этих двух выделенных парадигм позволяет выявить принципиальные расхождения между ними по целому ряду ключевых вопросов.

Что рассматривается в качестве предмета изучения психологии?

Информационный подход

В когнитивной психологии психика рассматривается как сложная система механизмов, обеспечивающих избирательную селекцию из внешнего мира с помощью органов чувств, последующую обработку, преобразование, хранение и воспроизведение информации, а также влияние таких механизмов на установки, поведение, эмоционально-ценностные и мотивационные отношения субъекта. Психические явления выступают как множество этапов, уровней и механизмов обработки информации в нервной системе и мозге. При этом отмечается, что:

- информация кодируется и перекодировается в процессах ее приема, передачи в ЦНС, а также переработки в различные кодные единицы, которые нельзя свести к свойствам физических стимулов;
- существует множество этапов обработки информации, на каждом из которых выполняется особая функция, которая требует своего выделения в исследовании;
- механизмы переработки информации имеют ограниченную емкость;

- результаты процессов приема и переработки информации сохраняются в долговременной памяти, которая характеризуется рекурсивно-вложенными друг в друга репрезентативными структурами (Андерсон, 2002; Величковский, 2006; Солсо, 1996).

Системно-деятельностный культурно-исторический подход

В отечественной психологии психика рассматривается как система функций в составе любой деятельности (поведения), которые формируются, актуализируются и развиваются у животных организмов в процессах взаимодействия с внешним миром и обеспечивают:

- активную избирательную ориентировку живого организма в окружающем мире в зависимости от функциональных состояний собственного организма;
- организацию на основе предварительной ориентировки различных форм целенаправленного поведения (деятельностей, действий и операций);
- накопление в течение жизни и фиксирование в форме «образа мира» наиболее эффективных способов ориентировки и организация поведения (Гальперин, 2002; Давыдов, 2008, с. 37–61; Иванинков, 2010).

Формирование и совершенствование органов чувств рассматривается в контексте эволюционного развития возможностей организмов ориентироваться во внешней среде на основе обнаружения и выделения биологически значимых факторов. При этом ориентировка во внешней среде приобретает биологическое значение, только если у организма имеется возможность активно перемещаться в окружающей среде. Исходные формы чувствительности начинают обеспечивать избирательность перемещений в среде по направлению к благоприятным условиям существования. По мере эволюционного развития у животных организмов сенсорных систем и их функциональных возможностей формируются специфические типы чувствительности к различным свойствам окружающего мира. Эволюция органов чувств с их функциональными возможностями, а также связанных с ними органов и тканей организма начинают обеспечивать ориентировку на основе выделения в окружающей среде различных объектов (восприятие), накопление и отбор способов и результатов взаимодействия с объектами (память), установление межпредметных отношений и связей (мышление). Все это совершенствуется у животных организмов в составе усложняющихся форм жизнедеятельности в меняющихся условиях окружающей среды (Лесотьев, 1983).

В рамках изложенных гипотез психические функции актуализируются у животных с момента рождения – с момента включения органов чувств во взаимодействие с предметными свойствами окружающего мира. На основе такой логики, верной признается постановка вопросов о наследовании и врожденности только анатомических и физиологических особенностей организма, органов чувств, мозга и т.д. (наследуемых задатках, которые выступают необходимыми условиями исходной актуализации и последующего развития психических функций). При этом нейрофизиологические процессы рассматриваются в качестве необходимых условий формирования и развития психических функций, но не в качестве причины их возникновения (Анохин, 1978; Выготский, 1983; Лурия, 1979).

Какова связь психических функций с анатомическими структурами и физиологическими функциями организма?

Информационный подход

Когнитивная психология продолжает склоняться к давно сложившейся традиции теоретической локализации психических функций и психического образа внутри субъекта: «мозг порождает психический образ». Психический образ рассматривается как результат психических функций в мозге. Психический образ формируется мозгом и в мозге как результат сложных информационных процессов.

Функциональная структура психической активности субъекта анализируется и объясняется как переработка в нервной системе и мозге информации, которая исходно извлекается субъектом из внешней физической стимуляции и субъективно переживается в форме чувственных данных – психического образа. Процессы построения психического образа предметного мира в этом случае предполагают последовательность функциональных этапов:

- регистрация, селекция и доставка по нервным волокнам в ЦНС информации от воздействующей на рецепторы органов чувств физической стимуляции; актуализация на этой основе (мониторингирование мозгом) чувственных ощущений различной модальности;
- организация (конструирование) из ощущений различной модальности целостного образа объекта, а также присоединение к строящемуся образу информации (ощущений, образов), хранящейся в долговременной памяти субъекта;
- верное предметное соотноснение построенного в ЦНС чувственного образа с объектами внешнего мира (предметность, конкретность и т.д.);

- применение к предметно-отнесенному чувственному образу, сформированному мозгом и в мозге, различных приемов обработки информации (мыслительной и смысловой обработки).

Принятие таких гипотез об организации функциональной структуры психических явлений необходимо предполагает выведение психических функций из функций мозга – поиск законов построения психических функций мозгом и в мозге. При этом все психические явления оказываются гипотетическими функциями мозга. Следовательно такой логике порождает ряд известных проблем.

Во-первых, это проблема «предметности психического образа». Образ предмета строится (представляется, актуализируется) в мозге (и мозгом?), а затем, построенный в мозге, накладывается (проецируется) на свой источник и переживается как предмет. В последующем у человека возникает способность репрезентировать (в мозге?) образы отсутствующих в поле восприятия объектов, предметов и возможные способы их преобразования... В связи с этим, возможные механизмы построения образа в мозге, должны существовать дополнительные механизмы проецирования образа во внешний мир (Смирнов, 1985).

Вторая проблема – проблема «замкнутого в мозге» и «замкнутой бесконечности». Если психический образ строится мозгом и в мозге, то должен быть «наблюдатель в мозге», который такой образ воспринимает и информирует об этом субъекта. В свою очередь, у «наблюдателя в мозге» должны быть свои органы чувств, свой мозг и т.д. (Линдсей, Норманн, 1974). Кто же мыслит? Мозг с помощью субъекта или же субъект с помощью мозга?

Системно-деятельностный культурно-исторический подход

Отечественная психология опирается на известную формулировку: возникновение порождается во внешних взаимодействиях животного организма (субъекта) с предметным миром, а мозг выступает только в качестве необходимого, но недостаточного условия для актуализации, формирования и развития психических функций. Так, после рождения животного организма в условиях полной сенсорной изоляции и неподвижности его мозг сам по себе не построит психических образов и представлений. Развернуть ответ на этот вопрос позволяет известная «гипотеза утробления», сформулированная в работах А. Н. Леонтьева, а также следствия, вытекающие из этой гипотезы (Леонтьев, 1983, 2000).

В основе исладного построения психического (сенсорно-перцептивной) образ лежит механизм утробления динамики процессов

в воспринимающей системе свойствам объектов (уподобление составной органам чувств – физическим свойствам отражаемого объекта). По мере развития перцептивных ориентировочно-исследовательских механизмов уподобляющееся объекту движение органов чувств и процессы в организме свертываются, редуцируются и замещаются внутренними (интерноцифрованными) нервно-мышечными операциями и процессами. Воспроизведение таких операций и процессов в отсутствие объектов и образует основу процессов представления. Поэтому предметная вынесенность перцептивных процессов во вне (предметность) – это исходная предпосылка формирования образа на целостном организме субъекта (Зинченко, 1997).

Если развивать логику «тезисы уподобления», то можно полагать, что в любом взаимодействии субъекта с предметным миром психический образ (как результат ориентировочно-исследовательских операций и действий, выполняемых субъектом по отношению к объекту) строится, фиксируется, актуализируется на функциональной системе физиологических процессов в организме, которые исходно определяются мышечными движениями и движениями органов чувств, направленными на объект, – предметно-практическими и сосорно-представительными операциями и действиями. Такие операции и действия, в свою очередь, актуализируют физиологические процессы как в органах чувств и в нервной системе, так и в различных органах и тканях организма, включая и сложнейшие комплексы вегетативных изменений. Системно-динамические изменения вегетативных функций вносят в образ эмоционально-оценочную пристрастность. Нервная система и мозг при этом выполняют функции интеграции и дифференциации разных физиологических процессов и складывающихся на их основе функциональных систем (функциональных органов) (Анохин, 1978; Веккер, 1998).

Принимая такие основания, можно полагать, что психический образ исходно строится, локализуется и избирательно фиксируется на функциональной системе тех физиологических функций, которые актуализируются и изменяются в процессах взаимодействия животного организма с определенными типами объектов. Процессы построения психического образа предметного мира в этом случае предполагают последовательность функциональных этапов:

- охватывающая на органы чувств ориентировочно-исследовательская активность субъекта в окружающем мире (психическая активность);
- функциональное приспособление различных физиологических процессов в организме к организации ориентировки, к постро-

ению разнообразных предметно-практических и (у человека) умственных действий;

- согласование и фиксирование со стороны ЦНС приемов и способов динамической актуализации подобных физиологических процессов в форме функциональных систем (функциональных органов), обеспечивающих все более эффективные взаимодействия с внешним миром

Актуализация такой функционально-динамической системы физиологических функций у человека в отсутствие соответствующего объекта обеспечивает субъективно фиксируемый психический образ-представление. Способность человека к воспроизведению психических образов объектов и явлений в форме субъективных представлений анализируется в отечественной психологии в контексте теорий формирования высших психических функций, умственных и рефлексивных действий и сознания (Малинов, 2009, 2010). Физиологические процессы в человеческом мозге потенциально могут обеспечивать осуществление самых разнообразных ориентировочных и исполнительных операций и действий в составе различных видов деятельности, поведения, но не дают их готовых форм. Конкретные формы психики субъекта исходя задаются совместной с другими людьми ориентировочной активностью и деятельностью во внешнем мире. Каждое новое действие субъекта во внешнем мире детерминирует формирование новой функциональной системы нейрофизиологических процессов, которые обеспечивают эффективное выполнение ориентировочных и исполнительных составляющих действия (Гальперин, 1998, 2002).

Чем характеризуется основной метод исследования психических явлений?

Информационный подход

При использовании информационного подхода в когнитивной психологии теоретически конструируются возможные модели обработки и организации информации, выступающие аналогами, которые соотносятся с особенностями поведения животных, с особенностями решения различных задач человеком, с возможностями накапливать, воспроизводить и использовать для решения новых задач фрагменты жизненного опыта и т.д. Такой путь исследования позволяет устанавливать множество корреляционных отношений между теоретическими моделями возможных механизмов селекции, обработки, хранения информации и соответствующими особен-

ностями поведения и психических функций животных и человека, но не позволяет выявлять и анализировать причинно-следственные связи, которые лежат в основе развития психических функций у животных организмов.

Метод моделирования в когнитивной психологии подготавливает себе все другие методы исследования психических функций. В результате часто подменяется предмет исследования психологии. Вместо исследования психических функций анализируется степень соответствия между моделями-аналогиями, с одной стороны, и регистрируемыми поведенческими возможностями животных и человека, результатами практических и умственных действий человека, а также нейрофизиологическими процессами в ЦНС – с другой. На этой основе устанавливается широчайший диапазон корреляций, которые часто трактуются как причинно-следственные связи и отношения.

В связи с указанными методологическими и теоретическими основаниями, перед исследователями в когнитивной психологии постоянно встает ряд проблем.

Во-первых, это проблема определения и интерпретации психических явлений как механизма обработки информации (психика = информация и механизмы переработки информации). Центральным аспектом информационного подхода в исследовании явлений выступает анализ и описание всевозможных процессов в терминологии информационных связей и информационной причинности. Для любого информационного процесса, который описывает и фиксирует определенную последовательность информационных связей между объектами (или внутри объектов) окружающего мира, а также между техническими устройствами (или внутри технических устройств), основной характеристикой выступает детерминация с помощью набора кодовых единиц отношений в системе, «принимющей информацию», – отношениями в системе, эту информацию кодирующей и передающей. Такую детерминацию и фиксируют как особую форму причинной связи – «информационную причинность».

Для абстрагирования и анализа информационных процессов, характеризующих явления окружающего мира, требуется выделение способов передачи структурных и функциональных отношений от одной системы к другой системе с помощью определенного набора сигналов. При этом вещественно-энергетические характеристики сигналов принимаются как несущественные с точки зрения анализа транслируемых структурных или функциональных отношений.

Несмотря на то, что информационная связь (информационный процесс) необходимо предполагает упорядоченную систему

сигналов, смысловый код сам по себе не может фиксировать содержание сообщения. Для приема сообщения в принимающей системе должен быть внутренний механизм, позволяющий выстроить определенные структурные или функциональные отношения на основе принимаемых сигналов. Такие отношения могут выстраиваться: а) внутри системы, принимающей сигналы; б) во внешней среде с помощью системы, принимающей сигналы. Смыслы – это средства для включения или построения определенных структурных или функциональных отношений системы, принимающей сигналы. Упорядоченные сигналы – это не самодостаточные носители содержания сообщений, но средства для «конструирования» (включения или построения) содержания (структурно-функциональных отношений) сообщений на основе собственной внутренней организации систем, вступающих в информационную связь (информационный обмен). Поэтому термин «информационная связь» будет более точным и верным, чем термин «передача и прием информации» (Вертв, 1993).

Следующая проблема – проблема онтологического статуса информации. Информационный подход является эффективным способом логико-математического описания и моделирования самых разных явлений окружающего мира. В основе этого подхода к анализу и описанию явлений лежит процедура выделения «единиц-сигналов», с помощью которых осуществляется детерминация структурных и функциональных преобразований в разных системах (в изучаемых явлениях).

Отметим, что когда термин «информация» вводится в контекст научных обсуждений достаточно строго, то указывается определенный способ: а) выделения таких единиц; б) структурных или функциональных преобразований, которые такие единицы порождают и которые такими единицами детерминируются в системах, передающих и принимающих сигналы. На этой основе логико-математические модели связываются с качественно определенными свойствами явлений окружающего мира, т. е. приобретают предметную отнесенность и онтологическое содержание.

При отсутствии четких критериев, в соответствии с которыми производится выделение, регистрация и измерение информационных единиц, а также детерминируемых ими структурных или функциональных преобразований явлений, информационный подход остается формальной аналогией, не связанной с онтологией (бытием) изучаемых явлений. Именно это в настоящее время и характеризует информационный анализ психических явлений в когнитивной психологии.

Третья проблема – проблема активности и телеологизма. Еще один аспект, характеризующий использование информационного подхода, заключается в том, что любая информационная модель предполагает скрытый или явный телеологизм. Телеологизм проявляется в двух формах: а) как информационное описание причинно-следственных отношений в объектах (например, в технических устройствах), использование которых позволяет получать предполагаемый, заложенный в техническое устройство самим исследователем, результат (цель); б) как информационное описание процессов целеполагания и подчинения таким целям различных функций у живых организмов.

Когда исследуется неживая система, не имеющая целей, информационные процессы могут быть сведены к структуре сложной организмованной причинно-следственных связей. Это имеет отношение не только к анализу естественных явлений, но и к описанию современных технических устройств. Техническое устройство приобретает собственно содержательно-информационные функции, когда его использует или с ним взаимодействует человек, инициируя внутренние механизмы целеполагания.

Использование термина «информация» что-либо добавляет к причинно-следственным отношениям только в том случае, когда передаваемое или принимаемое сообщение (сигнальный код) имеет какое-либо значение для достижения определенных целей в будущем. Поэтому в неживых системах любое взаимодействие можно рассматривать просто как систему причинно-следственных связей.

Таким образом, применение информационного подхода к анализу и объяснению психических явлений в когнитивной психологии опирается на двухуровневый редукционизм, позволяющий обойти вопрос об онтологической сущности и специфике психических явлений.

Первый способ игнорирования онтологической специфики психических явлений заключается в сведении психических функций к гипотетическим процессам селекции и переработки информации. Второй заключается в постоянно актуализирующихся попытках сведения (редуцирования) процессов и механизмов переработки информации к нейрофизиологическим процессам, которые регистрируются объективными методами.

На этом пути установлено большое количество корреляционных отношений между феноменологией и информационными моделями, феноменологией и нейрофизиологическими процессами, информационными моделями и нейрофизиологическими процессами. Но при этом сами феномены ускользают от их причинно-

следственного выведения из тех закономерностей, которым подчиняются нейрофизиологические процессы в мозге, в нервной системе и в органах чувств.

Системно-деятельностный культурно-исторический подход

Альтернативная логика исследования психики сложилась в системно-деятельностном культурно-историческом подходе к анализу и объяснению психических явлений. Получила широкую известность гипотеза Л. С. Выготского о том, что исходно высшие психические функции человека формируются во внешних взаимодействиях с другими людьми (Выготский, 1982, 1983). Гипотеза о формировании психических функций -извне - внутри- была позднее А. Н. Леонтьевым переведена на закономерности эволюционного формирования и онтогенетического развития всех психических функций, как у животных, так и у человека (Леонтьев, 1983, 2000). В качестве исходной формы психических явлений называют рассматриваться опирающиеся на использование органов чувств набирательные локомоторные и манипулятивные формы взаимодействий животных организмов с окружающей предметной средой, которые очевидны и могут эмпирически достаточно строго регистрироваться. Это объективно (эмпирически) регистрируемая основа реализации психических функций.

Психика начинает изучаться как система функций животного организма, которые актуализируются и развиваются во взаимодействиях с окружающим миром и обеспечивают ориентировку и организацию поведения. Центральным методом исследования становится выявление таких взаимодействий субъекта с предметными условиями окружающего мира, которые выступают причинами актуализации и развития психических функций - новых способов ориентировки и организации последующих взаимодействий (поведения, действий, деятельности). Закономерности генезиса психических функций исследуются на основе включения субъекта во взаимодействие с такими условиями, которые обеспечивают формирование у него новых способов ориентировки и, как следствие, самостоятельной организации на этой основе как предметно-практических, так и умственных действий. Центральным методом верификации теоретических гипотез становится метод формирования и развития теоретически прогнозируемых психических функций в процессах взаимодействия субъекта с предметными условиями окружающего мира. Самым известным примером использования такого метода исследования является поэтапное планомерное формирование умственных действий (Гальперин, 1998, 2002; Талызина, 1998).

Как анализируются речевые функции человека?

Информационный подход

Информационный подход в психологии широко применяется с целью анализа и описания способов использования людьми языковых и других знаково-символических средств. При этом для описания процессов общения часто используются нестрого определенные термины «передача информации» или «переработка информации». Подчеркнем, что анализ языковых или знаково-символических средств как системы знаков материальных носителей, в которых «содержится объективная информация», выступает в качестве са-мого распространенного заблуждения при использовании информационного подхода в психологии. Это приводит к ряду неверных следствий при интерпретации обмена сообщениями между людьми, а также при анализе речевых действий человека (Чертов, 1993).

Обмен сообщениями между людьми представляет собой намного более сложный процесс, чем «передача информации с помощью языковых средств». При использовании информационного подхода в психологии с целью описания процессов обмена речевыми сообщениями требуется более точное определение специфических для речевых форм общения закономерностей информационной связи. Причем определение не столько через процессы, связанные с порядком следования языковых единиц, сколько через формирование и функционирование у субъекта особых психолингвистических механизмов, которые предполагают:

- наличие у субъекта ориентировки в системе языковых единиц (фонемы, морфемы, лексемы, синтаксические модели построения высказываний), а также в синтагматических комбинаторных и парадигматических селективных отношениях между ними;
- наличие у субъекта ориентировки в предметной отнесенности языковых средств – в том, как связаны языковые единицы, используемые в речи, с объективными событиями и явлениями в прошлом, настоящем и будущем;
- наличие способности в соответствии с приемлемой последовательностью знаков и символов на основе умственных операций и действий актуализировать или «конструировать» содержание представлений и понятий, а также изменить собственное поведение с целью достижения какого-либо результата в будущем.

При обмене сообщениями в речевых действиях используются языковые средства с целью актуализации (построения) определенного

семантического содержания. Если единицы языка могут регистрироваться и «измеряться» всевозможными способами, то семантическое содержание не поддается прямым способам измерения.

Что же измеряется в составе речевых действий и может фиксироваться в моделях различных информационных процессов? В любом из вариантов информационного подхода к анализу психических явлений выделяются и используются определенные «единицы информации», которые организуются в информационные модели. В таких моделях фиксируются не психические функции как таковые, а психотетические последовательности переработки информации. При этом в качестве информационных единиц выступают измеряемые свойства предметов и явлений («количество информации» в воспринимаемых объектах, в условиях задачи и т.д.) или измеримые результаты выполнения субъектом каких-либо действий («количество выборов, которые осуществляет субъект, решая задачу; количество отношений и связей, которые установил субъект, и т.д.).

Системно-деятельностный культурно-исторический подход

В системно-деятельностном культурно-историческом подходе к анализу и объяснению психических явлений обмен речевыми сообщениями между людьми рассматривается как использование языковых средств для актуализации совместных способов ориентировки и организации на этой основе определенных практических или умственных действий (Леонтьев, 2001; Лурья, 1979).

Люди, владеющие способами использования одного языка, обмениваются не языковыми «сигналами» и «информацией», а способами ориентировки и организации практических и умственных действий. Диапазон доступных субъекту для актуализации с помощью языковых и других знаково-символических средств способов ориентировки и организации действий (семантическое содержание значений) образует основу психического образа мира субъекта. При этом одно и то же семантическое содержание может быть актуализировано с помощью разных языковых средств, с различной степенью точности, конкретности, что зависит от целей коммуникации и владения субъектом способами использования языка. Субъект, передающий сообщение, может использовать разные языковые средства, позволяющие зафиксировать и выразить определенное семантическое содержание с помощью речевых высказываний. Субъект, принимающий сообщение, должен уметь на основе воспринимаемых языковых знаков актуализировать соответствующее семантическое содержание (значения) в форме соответствую-

ющих способов ориентировки и организации умственных действий или практических действий.

Что лежит в основе регистрации субъектом содержания представлений и феноменологических самоотчетов?

Информационный подход

Первые способы онтологического представления психических явлений носили феноменологический характер и определяли психику через понятие «душа», а позднее через понятия «сознание», «сознательный опыт». Опыт, который дан субъекту в самонаблюдении в форме ощущений, представлений, переживаний, мыслей, рассматривался как онтология психических явлений. Отметим, что в первых подходах к анализу психических явлений в качестве их онтологической основы указывались феномены, которые подчиняются принципам атоцинирования. Позднее В. Вундт основную задачу психологии видел в интроспективном разложении феноменов на «психические элементы» – ощущения и переживания – с целью последующего построения из них более сложных психических образований, а представители гештальтпсихологии настаивали на принципиальной целостности различных феноменов и предполагали исследовать закономерности организации их целостных форм. При этом вопрос о происхождении феноменов оставался открытым.

Анализ только феноменологической онтологии психики, закрывал возможности для использования объективных методов ее исследования. Методологически закономерным и исторически оправданным был подход американского бихевиоризма, который характеризовался радикальным постулированием нового типа онтологии, позволяющей использовать максимально объективные методы познания. В качестве онтологической основы психики стали рассматриваться системы реакций организма (поведение), формирующиеся как ответ на различные внешние стимулы. Последующее смещение позиций классического бихевиоризма к необихевиоризму и, далее, к позициям современной когнитивной психологии – это процесс постепенного возвращения к анализу феноменологии, которая рассматривается в качестве основной онтологической формы существования психики. Феноменологические аспекты психических явлений в когнитивной психологии фиксируются в таких понятиях как «репрезентация» и «репрезентативные системы». При этом за определенными психическими явлениями как механизмами и процессами, обеспечивающих переработку информации, теряется онтологическая специфика психики.

Системно-деятельностный культурно-исторический подход

В контексте системно-деятельностного культурно-исторического подхода к анализу и объяснению психических явлений исследуются формы психики, признаются все вышние опирающиеся на движения и функции органов чувств ориентировочно-исследовательские формы активности живых организмов, которые у человека приобретают характер опосредствованных орудиями и знаками рефлексивных сокращенных (умственных) целенаправленных действий и автоматизированных операций. Также умственные операции и действия, по мере их формирования у человека в онтогенезе, начинают составлять многообразие феноменологии. При этом феномены получают объяснение через механизм преобразования ориентировочных компонентов предметно-практических действий в индивидуальные, опосредствованные знаково-символическими средствами, рефлексивные умственные действия. Процессы формирования умственных действий, включая и формирование феномена, обеспечиваются психологическим механизмом интериоризации, закономерности которого всегда составляли одно из центральных направлений исследований в отечественной психологии (Выготский, 1983; Запорожец, 1986; Гальперин, 1998).

-Функция феноменов- заключается как результате формирования и развития сознательного уровня функциональной организации психики человека, обеспечивающий произвольность в организации поведения и умственной деятельности человека, на основе овладения субъектом разнообразными способами использования знаково-символических средств. При этом различные феноменологические данные являются функциями, производными от степени развития рефлексивных сознательных действий.

Сознательные формы психической ориентировки и организации психики возникают с того момента, когда между субъектом и объективной реальностью «помещаются» различные знаки и символы. Знаково-символические средства (жестовые, языковые, «искусственно» созданные) в процессах выполнения различных действий и установления разнообразных отношений и связей могут функционально «располагаться»: а) исходно между субъектом и другими людьми; б) между субъектом и предметным миром; в) между субъектом и его собственными индивидуальными характеристиками (самосознание); г) между субъектом и другими знаково-символическими средствами. Через использование знаков начинают фиксироваться, актуализироваться и переживаться в качестве феноменов различные формы ориентировки и организации действий: а) в отношениях субъекта с другими людьми; б) в отношениях субь-

екта с предметами и явлениями объективного мира; в) в отношениях субъекта с самим собой, с различными особенностями своего организма, поведения, психики; г) в отношениях субъекта со знаково-символическими средствами.

Что выступает функциональной основой образа мира и сознания человека?

В разных контекстах выделяется множество функций сознания и образа мира в поведении и деятельности человека: выделение и противопоставление себя, своего Я окружающему миру и другим людям; выполнение действий в умственном плане; умение ставить перед собой социально значимые цели, прогнозировать и нести ответственность за последствия своих действий, своего поведения; умение ориентироваться в социальных отношениях, считаться с интересами других людей; умение занимать различные типы рефлексивных позиций, реализовывать разные формы самоконтроля, самоорганизации и т. п. Перечень (исполный) указываемых функций порождает многообразие терминологии и «споры о терминах».

Информационный подход

В когнитивной психологии поиск функциональных источников образа мира и сознания направлен на выявление способов селекций, обработки, хранения и преобразования информации и анализа коррелирующих с функциями сознания процессов в мозге. Существует множество попыток объяснить сознание человека на основе: а) анализа организации процессов фокального внимания; б) анализа актуализированного в «рабочей памяти» содержания; в) анализе процессов актуальной переработки такого содержания; г) анализе функциональной организации долговременной памяти (Андерсон, 2002; Величковский, 2006; Когнитивная психология, 2002).

Система объяснительных принципов, которая закладывается в основу таких теорий, не имеет большого объяснительного потенциала и не позволяет с единых теоретических позиций обобщить имеющиеся данные о функциональной организации сознания человека.

Системно-деятельностный культурно-исторический подход

В системно-деятельностном культурно-историческом подходе к анализу и объяснению психических явлений первичным признается не индивидуальное, а общественное сознание, рассматриваемое как совокупность совместных (общественных) знаний, как культур-

но-исторический опыт, который фиксируется в орудийных и знаково-символических средствах и фрагментами содержания которого потенциально могут обмениваться члены сообщества людей.

Вытеснение биологических закономерностей организации сообщества у предковых форм человечества и формирование культурно-исторических (общественно-исторических) отношений в человеческом обществе в отечественной научно ориентированной психологии, как правило, объясняется тремя типами взаимосвязанных факторов:

- объединением «правителей» в сообщества, организованные на основе разделения и распределения действий (труда) в рамках совместной деятельности;
- изготовлением и сохранением орудийных средств, обеспечивающих развитие общественных видов деятельности во взаимодействии человечества с природной средой;
- развитием языка и речевой коммуникации, которые исходно служат организации действий в совместных формах деятельности.

Эти же факторы рассматриваются как детерминанты формирования и развития общественного сознания, на основе которого формируется и индивидуальное сознание каждого человека. Способы приспособления к меняющимся условиям среды на основе эволюционно-биологического преобразования организма в человеческих сообществах замечаются способами изменения природной среды на основе накопления и трансляции общественно-исторического опыта. Задачи приспособления к меняющимся условиям среды в человеческих сообществах переносятся с процессов эволюционно-биологического преобразования организма на процессы изготовления вспомогательных орудийных и знаково-символических средств, которые обеспечивают: а) построение человеческой культуры путем преобразования природной среды; б) совершенствование психических функций человека (высших психических функций).

При этом действия, которые выполняет человек, во-первых, начинают определяться не биологическими потребностями и непосредственными условиями окружающей среды, а общественной необходимостью или общественными задачами; во-вторых, приобретают объективное значение в составе общественной деятельности.

Значения исходно существуют вне субъекта – в качестве объективных способов использования предметов, вовлеченных человеком в сферу своей деятельности. Структура значений (общений) развивается и совершенствуется в онтогенезе. Сначала преимущественно через непосредственное знакомство с предме-

тами и явлениями, объективные значения которых для достижения различных целей в человеческой деятельности обозначаются и фиксируются с помощью знаково-символических средств. Подлинно – через овладение способами использования языка и других знаково-символических средств, которые позволяют актуализировать и выстраивать новые значения (представления, понятия) в образе мира субъекта. Слова (знаки) замещают предметные характеристики явлений и событий, фиксируя их объективное значение, и позволяют произвольно организовать выполнение действий над вербализованными значениями во «внутреннем» умственном плане.

Индивидуальное сознание формируется и функционально дифференцируется в совместных взаимодействиях с людьми в качестве таких способов ориентировки человека в окружающем мире, которые формируются, фиксируются и передаются с опорой на знаково-символические средства в совместной деятельности и общении. Такие способы психической ориентировки, в свою очередь, обеспечивают субъекту опосредствованную знаково-символическими средствами произвольную и рефлексивную организацию и регуляцию действий, общения, деятельности. Поэтому исходные функции сознания не «созревают», не «вырастают внутри» организма, а «растут в субъекта» на внешних форм взаимодействия с другими людьми.

В 1970-е годы А. Н. Леонтьев начал разрабатывать функциональную теорию «чувственного познания на основе формирования «образа мира», которая структурно и содержательно во многом дублирует ранее построенную теорию сознания (Леонтьев, 1983; Смирнов, 1985).

Формирование индивидуального «образа мира» и способности к произвольной актуализации отражаемого в нем содержания на основе использования языка (сознание) обеспечивает развитие особого психического образования – субъекта умственной деятельности. Главной детерминантой, определяющей содержание психически регулируемой активности у человека, становится не столько текущая ситуация, сколько опыт и знания субъекта (система присвоенных объективных значений) в отношении воспринимаемой ситуации. Такой опыт и знания большей своей частью выступают результатом присвоения общественно-исторического опыта через вовлечение человека в специально направленную деятельность, воспроизводящую различные способы преобразования предметного мира, а также способы использования знаково-символических средств. При этом использование языка значительно расширяет границы усваиваемого опыта, делая их независимыми от парамет-

ров реально воспринимаемой ситуации. Если животное пытается учесть возможности конкретной ситуации для того, чтобы обеспечить удовлетворение актуализированной потребности, то человек при наличии образа мира и сознания имеет возможность ориентироваться в неограниченных пространственных и временных масштабах, далеко выходя за пределы своей индивидуальной жизни (Виклонас, 1990).

Понятия, фиксируемые с помощью терминов «образ мира» и «сознание», в настоящее время требуют противопоставления. Образ мира – это отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» (Леонтьев, 2001, с. 115). Сознание – это особый уровень функциональной организации психики человека, обеспечивающий произвольность в реализации как внешних практических, так и умственных действий на основе овладения человеком разнообразными способами использования знаково-символических средств. Сознание формируется и развивается как совокупность совместных действий, которые обеспечивают обобщенные совместные способы ориентировки в мире при организации совместной деятельности на основе совместного использования знаково-символических средств.

***

Все изложенное выше дает основания сделать вывод о том, что две доминирующие парадигмы исследования психических явлений в научно ориентированной психологии России базируются на альтернативных основаниях выделения предмета исследования, характеризуются разными методологическими подходами, опираются на альтернативные способы теоретического анализа и объяснения.

Вследствие этого сохраняется широко представленная в психологической литературе неопределенность и противоречивость интерпретаций психических явлений. При этом анализ и объяснение психических явлений часто реализуются путем соскальзывания с одной теоретической позиции на другую.

Литература

- Андерсон, Дж. Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2002.
Ахунов П. К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональных систем. М.: Наука, 1978.
Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998.
Величковский Б. В. Когнитивная наука: Основы психологии познания. В 2 т. М.: Смысл-ИЦ «Академия», 2006.

- Валлас В. К. Психологические механизмы мотивации человека. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1990.
- Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1982.
- Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983.
- Гальперин П. Я. Психология как объективная наука. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: НИУ «Модэк», 1998.
- Гальперин П. Я. Лекции по психологии. М.: Книжный дом «Университет», Высшая школа, 2002.
- Давыдов В. В. Лекции по общей психологии. М.: Издат. центр «Академия», 2008.
- Захаровский А. В. Избранные психологические труды. В 3 т. М.: Педагогика, 1986.
- Зинченко В. П. Образ и деятельность. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: НИУ «МОДЭК», 1997.
- Иванников В. А. Основы психологии. Курс лекций. СПб.: Питер, 2010.
- Когнитивная психология: Учебник для вузов / Под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. М.: Пер Сэ, 2002.
- Леонтьев А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: НИУ «Модэк», 2001.
- Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. В 2 т. М.: Педагогика, 1983.
- Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000.
- Ландсэй Н., Норман Д. Переработка информации у человека. М.: Мир, 1974.
- Лурия А. Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979.
- Малахов С. В. Предметный образ, «гипотеза уподобления» и генезис образа мира // Мир психологии. 2009. № 4. С. 67–76.
- Малахов С. В. Системно-деятельностный культурно-исторический подход к анализу и объяснению психических явлений: объяснительные принципы и теоретические положения. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: НИУ «Модэк», 2010.
- Смирнов С. Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1985.
- Солсо Р. Л. Когнитивная психология. М.: Трилада, 1996.
- Талызина Н. Ф. Педагогическая психология. М.: ИЦ «Академия», 1998.
- Чернов Л. Ф. Знакомость: опыт теоретического синтеза идей о знакомом способе информационной связи. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993.

КАЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ КАК ВЫЗОВ КЛАССИЧЕСКИМ МЕТОДОЛОГИЯМ

Н. П. Бусыгина

В последней четверти XX в. в психологии и социальных науках получила значительное развитие такая область исследовательской практики, как «качественные исследования» (qualitative research). К настоящему времени в данной области издано немалое количество методологической литературы. Появились специализированные журналы, публикующие результаты исследований, выполненных в качественном ключе¹. Продолжаются дискуссии о месте качественных исследований в ряду других типов методологий, участники которых предлагают свои решения проблемы научной значимости результатов качественных исследований, а также презентуют вновь созданные методы работы с качественными данными и способы контроля качества такой работы.

Качественные исследования представляют собой междисциплинарную (если не сказать – трансдисциплинарную) область исследовательской практики; их развитие связано с такими дисциплинами, как социология, культурная антропология, психология, педагогика, социология, коммуникативистика, маркетинговые исследования и др. Появившиеся в последние десятилетия методологические пособия по качественным исследованиям, как правило, обращены к широкому кругу специалистов, а публикуемые

¹ К примеру, можно назвать также журналы, как «International Journal of Qualitative Studies in Education» (издается с 1988 г.), «Qualitative Reports» (с 1990 г.), «Qualitative Health Research» (с 1991 г.), «Qualitative Inquiry» (с 1995 г.), «Qualitative Research» (с 2001 г.), «International Journal of Qualitative Methods» (с 2002 г.), «Qualitative Methods» (с 2003 г.), «Qualitative Studies» (с 2009 г.) и многие другие. Особо подчеркнем, что в 2004 г. появился журнал «Qualitative Research in Psychology», а с 2005 г. издается журнал «European Journal for Qualitative Research in Psychotherapy».

в журналах работы, выполненные с опорой на качественные методы сбора и анализа данных, нередко довольно сложно отнести к какой-то конкретной дисциплине: и способ постановки проблем, и полученные в них результаты существуют как бы на границе привычных специальностей, они могут вносить свой вклад в развитие различных областей научного знания и обсуждаться в рамках сразу нескольких дисциплин.

Что касается непосредственно психологии, то примененные в ней качественные методы имеет свою давнюю и богатую историю. Пожалуй, можно выделить несколько исторических этапов использования качественной методологии в психологических исследованиях (при этом мы, разумеется, признаем всю схематичность и условность такого выделения).

Первый этап охватывает достаточно большой временной период – примерно с 1900-х по 1960-е годы. К нему относится значительное количество исследований, основанных на применении качественных методов, – исследований, позднее вошедших в «золотой фонд» психологической науки. Среди них можно вспомнить работы Ж. Пиаже, К. Дункера, М. Вертхаймера, К. Левина и его школы, оформление такого типа исследовательской стратегии, как «анализ случая» в работах Э. Фрейда, Л. Винашангера, К. Роджерса, интерпретативные исследования Э. Эриксона («Молодой Лютер»), Б. Н. Теплова («Он полковник») и др. В этот же период осмыслиются принципы «проективного» психологического исследования и создаются проективные методы (ТАТ, метод чернильных пятен Г. Роршаха и др.).

Нельзя сказать, что для рассматриваемого периода методологическая рефлексия оснований применения качественных методов в психологических исследованиях вообще не характерна. Безусловно, предлагаемые в это время методы исследования психологических реалий получают свое обоснование, описываются правила их использования и способы интерпретации получаемых сих позво-

¹ Свои первые этапы развития качественных исследований представили, в частности, Н. Дензин и Н. Линдслы (Handbook..., 2005) и А. М. Уайтовский (Уайтовский, 2005). Однако первые прослеживают историю становления качественных исследований, обращая в основном к материалу социологии, а второй фокусируется на качественных исследованиях как междисциплинарном движении и, соответственно, рассматривает их историю, ориентируясь на очень широкий материал. Мы же попытаемся посмотреть на историю качественных исследований в самой психологии, но при этом вынес в виду и междисциплинарный контекст, внутри которого и получали развитие качественные исследования в определенный исторический период.

цью результатов (в качестве примера упомянем описание варианта «клинического метода» в работах Ж. Пиаже, правила психоаналитической интерпретации, артикулируемые З. Фрейдом, описание интерпретативных приемов работы с проективными материалами в методике ТАТ и тесте чернильных пятен Форшата, а также артикуляция правил проведения «клинической беседы», как это сделано, к примеру, применительно к методике исследования самооценки Дембо–Рубинштейн). Вместе с тем следует отметить, что все-таки очень многое в процедурах и принципах качественного анализа данных долгое время оставалось неартикулированным, и вплоть до последней четверти XX в. умение проводить исследования, основанные на качественных методах, связывалось в большей мере с интуицией, некой способностью психолога «видеть» людей и его опытом подобной работы, нежели со специальным обучением.

Второй этап развития качественных исследований в психологии начался примерно в 1960–1970-е годы и продолжался вплоть до конца 1990-х годов. В этот период оформляются основные качественные подходы (описательная и герменевтическая феноменология, обоснованная теория, нарративный и дискурс-анализ и др.), складывается сам процесс качественных исследований, издается огромное количество методологической литературы, в которой подробно представляются процедура, методы и техники различных качественных подходов, появляются университетские образовательные программы непосредственно по качественной методологии. В этот же период в психологии отчетливо оформляется критическая позиция в адрес ее традиционного академического варианта, ориентированного на сциентистские идеалы познания и развитие гипотетико-дедуктивного экспериментального метода, и качественные исследования становятся частью общего реформаторского движения, проводящего комплексную критику онтологических и эпистемологических установок академической психологии и нацеленного на поддержку складывающихся познавательных альтернатив.

Таким образом, на протяжении последней четверти XX в. качественные исследования превращаются в отдельную область исследовательской практики, предполагающую свои – достаточно строгие – правила и критерии качества научной работы. Причем следует подчеркнуть, что то, что получило название «качественные исследования» (qualitative research), теперь определяется не только в соответствии с использованием определенных методов, но и как специфическая методология. Качественные исследования – это не просто исследования, построенные на преимущественном применении качественных, а не количественных методов, но и определенный

подход к порождению знания, характерными чертами которого являются направленность на «плотное» описание случая (в отличие от выделения отдельных параметров, наиболее значимых с точки зрения исследователя, и поиска связей между ними, что характерно для экспериментального и корреляционного типов исследований), индуктивный характер исследования, гибкость исследовательских процедур, особое внимание к обыденному языку и контексту и ряд других (Бусыгина, 2010; Улановский, 2009).

На наш взгляд, 2000-е годы стали новым, третьим этапом развития качественных исследований в психологии, который продолжается по настоящее время. Если в предыдущий период произошло более или менее четкое оформление качественных исследований в отдельный методологический подход – точнее, в систему методологических подходов, различающих друг с другом ряд общих черт и во многом позиционирующих себя в качестве альтернативы классическим академическим подходам, – то теперь, напротив, происходит некоторое движение сближения качественных исследований с другими типами исследовательских практик, их интеграция в уже сложившуюся систему методов психологической науки, сопровождающаяся серьезным осмыслением их места внутри этой системы. Кроме того, современный этап развития исследовательских методологий связан с разработкой так называемых «смешанных» (mixed) подходов – новых типов проблемно-ориентированных методологий, в которых гибко сочетаются элементы критического реализма и конструктивизма, компоненты дедуктивного и индуктивного методов, количественные и качественные техники сбора и анализа данных. На наш взгляд, развитие качественных исследований на предыдущем этапе позволило не только оформиться иной, отличной от классической, системе правил психологического исследования, т.е. еще одному, альтернативному, типу критериальной рациональности, но и укрепить платформу «открытой» рациональности – рефлексивную метапозицию, позволяющую переосмыслить установившиеся правила научного исследования, а также в условиях методологического плюрализма критически оценивать возможности и ограничения той или иной частной методологии, оценивать уместность и эвристичность сочетания различных методологических подходов и отдельных техник для решения конкретных научных задач и т.п.⁶ Можно полагать, что развитие во второй половине XX в. качественных исследований как альтернативного подхода к порождению знания обогатило практику методологической ре-

⁶ О различиях критериальной («закрытой») и «открытой» рациональности в философии науки пишет В.Н. Парус (Парус, 2002).

флексии в психологии рядом конкретных критико-аналитических приемов и методов (в частности, приемами критического анализа предпосылок научного мышления посредством рефлексии предлагаемых подходов ответов на онтологический, эпистемологический и методологический вопросы (Lincoln, Guba, 1985).

Итак, мы выделили три основных этапа развития качественных исследований в психологии: дометодологический этап; этап собственно оформления качественных исследований в отдельный подход, его дифференциации от других подходов; и, наконец, этап интеграции качественных исследований в систему методов и методологических традиций психологии, осмысления его своей с другими подходами, а также его специфики – уже внутри целостной системы методов. И, на наш взгляд, именно интегративный этап – реальность (и задача) сегодняшнего дня.

Как уже было сказано, сложившаяся область качественных исследований носит принципиально междисциплинарный характер. Именно эта междисциплинарная «конституция» качественной методологии значительно усложняет понимание ее места в системе исследовательских традиций психологии¹. В настоящей статье мы остановимся на двух, пожалуй, наиболее проблемных вопросах, имеющих отношение к применению качественной методологии в психологических исследованиях. Первый вопрос касается объекта качественного исследования. Исследователи-качественники обычно представляют свою работу как работу с текстами; как достичь валидного (достоверного, правдоподобного, аутентичного) понимания текстов – вот, по-видимому, основная тема, и по сей день волнующая сторонников качественной исследовательской методологии. Но может ли психологическое исследование строиться на понимании текстов, ведь традиционные объекты психологии – психические процессы, особенности личности и т.д. – текстами не являются (и даже сегодня, в «период после лингвистического поворота», вряд ли могут быть к ним сведены)?

Другой вопрос связан с общей структурой и логикой качественных исследований. Обычно данный тип исследований носит индуктивный характер и направлен не на проверку гипотез, а на их выдвижение в конце исследования. Однако такая логика ведет к видимой атеоретичности исследовательской работы: исследователь-качественник как будто отказывается от постро-

¹ О трудностях интеграции качественных исследований в научную психологию говорит многие авторы; см., в частности, анализ таких трудностей применительно к феноменологическому подходу в статье А. Джорджи (Giorgi, 1988).

ция строгого теоретического знания и культивирует лишь «мягкие» эмпирические обобщения в границах определенных условий. Кроме того, индуктивная логика построения исследования чревата опасностью возвращения к упрощенным позитивистским моделям науки, от которых психология отошла во многом благодаря развитию гипотетико-дедуктивного экспериментального метода. Но в таком случае возникает вопрос о научной значимости качественных исследований: для чего развивать тип исследовательской практики, основанный на преодоленных постулатах «индуктивизма» и «теоретичности»? Безусловно, подобные индуктивные исследования с неопределенной теоретической платформой могут выполнять важную полевую функцию на начальных, предварительных этапах исследовательского проекта. Но в том-то и дело, что сторонники качественного исследования настаивают на том, что данный вид исследовательской практики имеет самостоятельное научное значение.

Ниже мы попытаемся, во-первых, показать, в чем состоит суть анализа текстов в качественных исследованиях и какое отношение имеет такой анализ к исследованию традиционных психологических реалий; во-вторых, дать анализ того образа науки, который имплицитно предполагает качественная исследовательская методология, – показать его одновременную близость к образу науки, предполагаемому экспериментальной методологией, и отличие от него, а также обсудить его значение для психологии.

Анализ текстов и психологические исследования

Анализ данных, представленных в виде текста (расшифровок интервью, повседневных диалогов, дневников, писем и др.), – важнейший этап большинства качественных исследований. Подходы и техники такого анализа весьма разнообразны. Большинство из них предполагает движение от первичной организации данных к их концептуальному видению (Бусыгина, 2010). При этом одни подходы в большей мере реализуют формализованный, пошаговый анализ, основанный на достаточно четких правилах кодирования и категоризации (например, подход обоснованной теории (Страусс, Корбин, 2007)), другие же – предполагают более свободный, интерпретативный анализ текстов, базирующийся на движении исследователя от целого к частям текста и обратно и нацеленный на его глубокое толкование (например, подход герменевтической феноменологии (Larntz, 2003)).

Надо сказать, что в последнее время все более пристальное внимание уделяется «строгости» качественного анализа. В одной из на-

ших работ (Нусыгина, 2009⁶) мы обращали внимание на то, что даже в глубинных интерпретативных исследованиях, сторонники которых не склонны разбивать текст на отдельные единицы и последовательно прорабатывать каждую из них, а, напротив, культивируют работу с текстом как с целым (для того, чтобы сохранять его общий смысловой контекст), пошаговый анализ может стать хорошим подспорьем для исследователя: он дает возможность быть ближе к «телу» текста, удерживать контакт с ним. В особенности это касается наиболее сложных для понимания, неоднозначных фрагментов, проводящих исследователя на значительную личностную включенность. Однако, на наш взгляд, акцент на точности и объективности качественного анализа, характерный для многих современных методологических работ, «затемняет» важнейшую особенность данного анализа – его интерпретативный характер, который как раз и составляет специфику качественных исследований и позволяет получать в них важные, нетривиальные результаты. В качественных исследованиях интерпретативное движение понимания «пронимает» все этапы работы с данными, само получение результатов неизбежно включает в себя момент интерпретации, так что мы рискуем утверждать, что стремление к окончательной формализации «убивает» саму суть качественного анализа⁷.

Хотя применяемая уже на первых этапах анализа интерпретативная работа с представленными в виде текста данными предполагает значительную свободу прочтения, на наш взгляд, именно благодаря самому факту такой интерпретативной свободы мы с самого начала имеем возможность структурировать данные в границах дескриптивного дискурса психологии, иными словами, имеем возможность на основании работы с текстом реконстру-

⁶ В ряде психологических работ (см., например: Егорова, Зверева, 2009; Костяк, 2009; и др.) под качественным анализом понимается самое простое – буквальное – прочтение речи респондентов и поиск прямого соответствия между ответами с последующим подсчетом количества тех или иных ответов. Такая техника позволяет отчасти формализовать анализ и даже квантифицировать данные (хотя бы на уровне процентов). Мы отнюдь не хотим сказать, что подобные приемы не надо использовать: в ряде случаев (как в упомянутых исследованиях) они вполне приемлемы и, видимо, в полной мере отвечают исследовательским задачам. Однако необходимо подчеркнуть, что, несмотря на тяготение психологов к качественному анализу именно такого рода, сам качественный анализ не сводится лишь к формализованной организации ответов респондентов: его современные техники гораздо более разнообразны.

ровать психологические реалии. Собственно интерпретативная работа в качественных исследованиях и состоит в реконструкции выражаемых в тексте психологических реалий. Приведенный фрагмент исследовательского анализа протокола наглядно демонстрирует, что мы имеем в виду, говоря о пошаговой интерпретативной работе как реконструкции интересующих психолога реалий.

Особенности морального сознания религиозных людей¹

В настоящем исследовании нас интересовали особенности морального сознания религиозных людей. Степень религиозности определялась на основании опросника уровня индивидуальной религиозности (И. Ф. Митков, Ю. В. Щербатых, М. С. Кранцова), а также на основании данных самооценки респондентов по шкале религиозности, полюса которой задавались абсолютным атеизмом на одном полюсе и искренней и глубокой верой в Бога – на другом. Одним из аспектов морального сознания является особенности моральных суждений, проявляющихся, в частности, в стратегиях решения моральных дилемм (Д. Колберт). Мы предлагали людям с различным уровнем религиозности моральные дилеммы Колберта и просили их ответить на ряд вопросов, проясняющих их позицию и отношение предложенной в дилемме ситуации. В нашем исследовании мы не выявили различий в уровне развития морального сознания у людей с высоким уровнем религиозности по сравнению с теми, кто позиционирует себя в качестве атеиста или человека неверующего. Однако качественный анализ протоколов решения дилемм Колберта позволил нам предположить, что в случае религиозных людей мы имеем дело с определенным типом морального сознания как на его конвенциональном, так и на постконвенциональном уровне развития, – в частности, религиозные люди демонстрируют несколько более определенную и «жесткую» систему моральных принципов, для них характерно апеллирование к интуитивному чувству высшей правды, порядка и справедливости, в то время как нерелигиозные люди чаще обращаются к позиции индивидуальной моральной свободы, апеллируя не к высшему закону, а к индивидуальной системе ценностей и ее соотношению с ценностями других людей. На наш взгляд, приведенные позиции людей с различным уровнем религиозности нельзя характеризовать как «более высокие» или «более низкие» с точки зрения развития их морального сознания. Скорее, речь должна идти о существовании различных форм морали, равнозначных по своему статусу. В 1980-е годы К. Гиллиган

¹ Исследование проводилось нами совместно с Е. Ильиной.

выделила две различные этики, связав их с гендерным фактором: женскую «этику заботы» и противояс мужской «этике справедливости». Позднее, однако, выделенные Гиллиган этики стали восприниматься не столько как гендерные особенности, сколько как индивидуальные вариации моральных позиций. Гиллиган удалось ярко продемонстрировать наличие различных, но равноправных «голосов» в структуре морального сознания. По сути, описав некоторые особенности религиозного и нерелигиозного морального сознания, мы продолжили движение в этом же направлении, а именно – в направлении обоснования множественности равноправных этических позиций.

В анализе протоколов решения моральных дилемм мы использовали технику открытого кодирования: работая с естественными смысловыми единицами речи респондентов, мы пытались вычленивать выражаемую ими моральную позицию. При этом мы не ориентировались на уже описанные в литературе типы морального сознания, а пытались следовать открытой, «вскрывающей» логике, – иными словами, мы не пользовались готовыми категориями, а вычленивали их из самих текстов.

Протокол решения моральной дилеммы

В приводимом протоколе респонденту, женщине 27 лет с высоким уровнем индивидуальной религиозности по данным опросника, была предложена классическая дилемма Кошберга «Должен ли Хайнц украсть лекарство для умирающей жены, если у него нет денег заплатить фармацевту?»

	Решение	Кодирование
M (исследователь)	Следует ли Хайнцу совершить кражу лекарства? Да или нет? Почему?	
F (респондент)	Да, следует, потому что надо бороться за жизнь любимых людей. И... он же не убил человека, он украл. Возможно, он откажет за это, но он попытается сделать все ради того, чтобы его жена не умерла. Ну, что, ему опускать руки и говорить: нет?! Он себе этого просто не простит никогда.	Иерархия ценностей, высшая ценность – спасение человека, позиция заботы, «Голос» представляемой жены за волеизъявлением.
M	Правильно или неправильно с его стороны воровать лекарство?	
F	С его стороны – правильно.	Иерархия ценностей, высшая ценность – спасение человека.

И	Является ли кража лекарства долгом или обязанностью Хайида?	
Р	А... (замысловат) долг или обязанность? Конечно, в чем-то это можно назвать его обязанностью. Да? Он обязан это сделать, чтобы спасти своего родного человека.	Обязанность – сделать все для родного человека.
И	Следует ли Хайиду красть лекарство для жизни, если он ее не любит?	
Р	Конечно. Ты ее не любишь, но это не значит, что она должна умереть. В противном случае ты подписываешь себя на убийство. Он знает, что он может сделать для нее больше. Ужасно – этого нельзя делать, но при таких обстоятельствах это сделать можно.	Не спасти другого – значит убить его. Неразрешимостей, высшая ценность – спасение человека.
И	Заключит ли ты, что следует давать Хайиду, от того, любит или не любит он свою жизнь?	
Р	Я считаю, что не знает. Он просто обязан, должен спасти, хотя бы попытаться. Он пошел за ней, он должен быть с ней в зарнице и бою. Он дал обещание перед Богом.	Высшая ценность – сделать все для другого, независимость морального выбора от ситуативных отношений, обещание перед Богом.
И	Предположим, умирает не его жена, а чужой человек. Следует ли Хайиду красть лекарство для чужого человека?	
Р	Если у этого чужого человека нет другого человека, который мог бы для него украсть (помогать), то, я думаю, что... по просьбе большого... Но с другой стороны, конечно тут уже сложнее, но в целом, что попытаться спасти человека всегда можно.	Цельность спасения человека. Позволил заблуды. Независимость морального выбора от качества отношений.
И	А в каком плане сложнее? Этот чужой человек не обладает такой ценностью для Хайида, как жена?	
Р	Нет, если в целом, что он обязан от спасти, даже если он ее не любит, то почему он не может сделать то же самое и для чужого человека... Но это очень сложно, конечно.	Относительная независимость морального выбора от отношений, в этом случае может быть разрыв между расхождением и реальными поступком, что и случившийся расхождение.
И	Важно ли для людей делать все возможное для спасения жизни другого?	
Р	Да, безусловно!	Спасение другого или высшая ценность.

И	Крива Тайны является противопоставленной. Делает ли это ее морально неправильной?	
Р	Делает неправильной. Если это противопоставлено – это все равно же, но он должен это сделать.	Моральное обязательство заключается в балансе, разделение законности и более высшего морального порядка.
И	Следует ли вообще пытаться делать все возможные ряды следования закону?	
Р	Ну, конечно, желательно придерживаться этого закона, но не в данной ситуации. Да, он потом отвечает перед законом, но в данном его сможет оправдать.	Отсылка к тому, что вынужден и тому в конце концов должен подчиняться закон.
И	Воровство – акт противоправный, является ли он одновременно безразличным?	
Р	Да, воровство – это безразличный поступок, это нельзя назвать нравственным поступком.	

Обратим внимание на то, что, осуществляя пошаговый анализ реплик респондента, мы даем интерпретацию этих реплик, т.е. производим перевод с языка респондента на язык моральных позиций, занимаемых респондентом и выраженных им в вербальных репликах. Мы работаем с текстом – с комплексом высказываний, объединенных в некоторое целое речевым замыслом⁷. Но при этом нас интересуют особенности моральных суждений как одного из аспектов развития морального сознания. И именно через призму этого интереса мы и прочитываем высказывания респондента. Анализ текста выступает инструментом анализа сознания, т.е. интересующей психолога всхлещической реальности.

Итак, уже первоначальная пошаговая работа с текстовыми данными предполагает значительную долю интерпретативных усилий исследователя: выделение категорий, открытие кодирования и конденсация смысла не означают буквального прочтения слов респондента (хотя в ряде случаев и совершаются, так сказать, «близко к тексту»), но представляют собой интерпретативное построение, «работающее» на исследовательский замысел. Мы согласны

⁷ Само определение текста является весьма дискуссионным в современной лингвистике и психолингвистике. Однако в данном случае вопрос, что именно следует называть текстом, для нас несущественен. В рамках данной статьи мы принимаем обиходное бахтинской традиции довольно широкое понимание текста как языкового комплекса, имеющего отношение к высказываниям.

с критиками качественного подхода, что невозможность четкого разделения этапов получения результатов и их интерпретации создает высокий риск исследовательской субъективности, и осознание этого риска побуждает исследователей-качественников искать пути формализации техник качественного анализа. Вместе с тем мы полагаем, что интерпретативный характер качественного анализа, проявляющийся уже на этапе организации данных, является не только источником риска, но и выполняет по крайней мере две важные функции. Во-первых, он является условием возможности специфических стратегий валидации, связанных с постановкой вопросов к тексту (Бусыгина, 2009а; Кнапе, 2003). В отличие от стандартизованных методик, предполагающих получение информации о конкретном конструкте, для измерения которого эта методика создавалась, информация в качественных данных всегда в некотором смысле избыточна, несмотря на то, что, осуществляя сбор данных, например, при помощи интервью, исследователь продумывает вопросы, которые будет задавать респондентам, определенным образом фокусирует речь респондента и т.п. Качественные данные требуют «фильтрующего» инструмента, которым и являются задаваемые исследователем вопросы к тексту («что данный фрагмент текста говорит мне об интересующем меня феномене?» и т.п.). Задавая вопросы, мы получаем возможность отбросить множество альтернативных форм прочтения того же текстового материала. Таким образом, одна из важных функций интерпретативного характера организации текстовых данных состоит в том, что она позволяет каждый раз принципиально фокусировать взгляд, наводя на материал прямо исследовательских вопросов.

Другая функция интерпретативного характера качественного анализа тесно связана с первой и имеет отношение к «психологизации» текста. Задаваемые вопросы к тексту предполагают позицию «нанутри» профессионального дискурса психологии, мы читаем текст в контексте предметного поля и проблематики, характерных для психологии. Понимание текста, которым всегда снабжен исследователь-качественник, невозможно без определения перспективы взгляда на этот текст, а она, в свою очередь, требует дисциплинарной определенности¹.

¹ Справедливости ради стоит отметить, что в современных условиях усиливающейся неопределенности отрефлектировать границы между смежными дисциплинами сейчас не так просто. К тому же масса эвристичных и имеющих научную ценность исследований проводится сегодня на стыке многих дисциплин. По мнению Ж.-Ф. Лютера, сама современность связана с работой по испытанию границ (Лютер, 1997).

Логика качественного исследования и парадигмальные ориентиры психологии

Как уже было отмечено, современные качественные исследования как особый тип исследовательской практики определяются не только преимущественным использованием качественных, а не количественных методов, но представляют собой специфический подход к порождению знания, сложную систему принципов и правил организации исследования. Специфический тип исследовательской «культуры», характерный для качественных исследований, дал повод многим авторам искать иные критерии качества исследовательской работы по сравнению с традиционными критериями надежности и валидности. Одним из наиболее обсуждаемых подходов к оценке научного статуса качественных исследований стал подход Н. Линколы и Э. Гьюбы (Lincoln, Guba, 1985), предложивших заменить традиционное понятие валидности понятием достоверности, которое включает в себя такие критерии, как правдоподобность (*credibility*), включенность в контекст (*dependability*), подтверждаемость (*confirmability*) и переносимость (*transferability*). Другими авторами, однако, были выделены иные критерии качества качественного исследования: к примеру, аутентичность (Bailey, 1996; Sandelowski, 1986), интегративность и критичность (Marshall, 1990; Smith, 1990), креативность и мастерство (Sandelowski, 1993), совместимость по отношению к участникам (Lincoln, 1995) и другие. В настоящее время диалог по поводу оценки научного статуса качественных исследований продолжается, а выделение новых критериев качества таких исследований начинает напоминать бессмысленное «умножение сущностей», никак не проясняющих сути дела.

На наш взгляд, несмотря на специфику исследовательского стиля, характерную для качественных исследований, в них сохраняются те же принципы научности, на которые опираются и иные типы исследовательской практики, а потому валидность как интегративный показатель качества исследования вполне применим и для исследований, выделенных в качественном ключе (Бусыгина, 2009a).

И тем не менее, можно полагать, что на практике мы обладаем способностью к интуитивному «схватыванию», по крайней мере, адекватной дисциплины, к которой мы как профессионалы себя относим, так что в большинстве случаев мы интуитивно отличим то, что принадлежит психологии, от того, что приводит по ведомству другой дисциплины.

* На русском языке подробный анализ данных критериев «существовал» в статье А. Е. Войскуцкого и С. В. Скрипкина (Войскуцкий, Скрипкин, 2001).

Д. Кэмпбелл убедительно демонстрирует, что важнейшей частью экспериментирования является максимальное устранение угроз для трех типов валидности – конструктивной, внутренней и внешней, причем сам процесс подобной валидации представляет собой отбрасывание альтернативных гипотез (Кэмпбелл, 1996). По моему мнению, в качественных исследованиях «работает» похожая логика отбрасывания альтернативных интерпретаций: исследователь, опираясь на приемы и приемы рациональной аргументации, показывает, что в свете всех имеющихся данных предлагаемая им интерпретация наиболее вероятна (Бусыгина, 2009а). Линия «критического рационализма» К. Поппера получает в области качественных исследований свое специфическое преломление: в соответствии с логикой «критического рационализма», довольно сложно определить критерий истинности интерпретации, но, как минимум, можно найти критерий для установления ложных интерпретаций. Им является способность или неспособность интерпретатора следовать за эмпирическим материалом в его целостности, степень «программируемости» интерпретации текстом (Interpretation..., 1992; Kossau, 1979).

Однако в области качественных исследований мы сталкиваемся с серьезной проблемой, осложняющей как понимание их научного статуса, так и их интеграцию в систему методов психологии. В случае классических методологий (в особенности это касается метода эксперимента) мы имеем дело с значимой теоретической фундированностью эмпирических гипотез. Эмпирические гипотезы выводятся из теоретических положений и затем подвергаются эмпирической проверке, причем как интересует содержательный вывод, касающийся возможности опровержения именно теоретических положений. В области экспериментов всегда имеет место асимметричный вывод: согласно логике *modus tollens*, мы можем уверенно лишь опровергать теорию, если получили соответствующие данные «против» теории, но не можем уверенно принимать теорию, если получили данные в ее пользу. Сделанный на основе статистических закономерностей вероятностный вывод о наличии экспериментального эффекта составляет лишь часть общего содержательного вывода, который подчиняется закономерностям дедуктивной логики. Именно в плоскости развертывания гипотетико-дедуктивного метода формулирует Поппер принципы «критического рационализма», которые становятся основой экспериментирования и в области психологии (Коржавова, 2005).

Что же касается качественной исследовательской стратегии, то, как уже было отмечено выше, одной из ее важных особенностей является «открытый», индуктивный характер исследования. Выходя

в «поле», исследователь – «качественник», как правило, не фиксирует теоретической модели. В начале исследования он определяется с основными исследовательскими вопросами и лишь в самом общем виде формулирует гипотезу. По сути, выдвигаемое исследователем гипотетическое утверждение не является гипотезой в строгом смысле этого слова, т. е. утверждением, которое должно быть подвергнуто эмпирической проверке, но играет функцию общего ориентира исследовательских поисков. В процессе исследования такое утверждение не столько проверяется, сколько уточняется, корректируется, наполняется смыслом и т. п.

Возникает вопрос: насколько правомерно утверждать, что в индуктивных качественных исследованиях реализуются принципы, близкие принципам «критического рационализма», отстаиваемым Полпером? Дело в том, что хотя в качественных исследованиях и не предполагается проверка теоретической модели, в процессе самой работы с качественными данными исследователь выдвигает интерпретативные гипотезы, отражающие смысл данных в контексте исследовательского вопроса, и далее как бы испытывает выдвинутые гипотезы на прочность. «Что может разбить гипотетическое построение?» – основной вопрос, двигающий логику качественного анализа. Одна из применяемых исследователем техник состоит в том, что он предельно ищет «негативные» случаи, т. е. случаи, «выбивающиеся» из гипотетического построения и тем самым способные его фальсифицировать, побуждая исследователя к выдвиганию следующего предположения, которое бы вмещало в себя случаи, опровергнувший предыдущее построение. И т. д. В конечном счете «выживает» та интерпретация, которая выдерживает наибольшее количество критических проверок. Иными словами, в качественных исследованиях мы сталкиваемся с действием принципов «критического рационализма», задающих логику отбраковки ложных гипотез по ходу самого качественного анализа. Поэтому любая интерпретация, предложенная исследователем – «качественником», носит характер лишь временного построения, которое всегда может быть отброшено в случае появления интерпретации, получившей аргументативный приоритет.

Более сложный аспект проблемы индуктивной природы качественных исследований состоит в том, что данный тип исследовательской практики, как можно подумать, ориентирует нас на давно предостерегаемый в философии науки и неприемлемый для психологов позитивистский образ науки, согласно которому научные знания выводятся из эмпирических фактов путем индуктивных об-

общений'. На наш взгляд, однако, тот индуктивный характер, который предполагает качественное исследование, не имеет ничего общего с позитивизмом. В качественных исследованиях мы реконструируем смысл языковых единиц, ориентируясь на исследовательский вопрос, контекст целостного комплекса высказываний и контекст ситуации взаимодействия респондента с исследователем (в случае получения данных посредством интервью) или на исторический контекст создания текста, его жанр и т. д. (в случае работы с письменными источниками наподобие дневниковых записей, писем и т. п.). Вряд ли верно утверждать, что аутентичное познание смысла представляет собой описательное повторение сказанного: описание невозможно мыслить вне проблематики познания, а последнее, в свою очередь, всегда носит характер толкования, интерпретации (Гадамер, 1988). В качественных исследованиях мы не встречаемся со смыслами как готовыми фактами; даже если мы пытаемся воспроизвести содержательные характеристики «жизненного мира» респондента в перспективе его собственного самопонимания, как это принято в феноменологических исследованиях (Giorgi, Giorgi, 2003; Torres, Galvín, 2008 et al.), мы это делаем в модуле «произведения» – нового повествования, к тому же, отвечающего исследовательскому замыслу. Позитивистское понимание наблюдаемого факта невозможно приложить к смысловой реальности, с которой работает исследователь – «качественник», просто потому, что смысл не может механически повториться в самобытной оригинальности, в некой первоначальной истинности – в таком случае он «мертвый», или его вообще нет. Смысл живет лишь в условиях познания, толкования, а потому живет в постоянном процессе собственного приращения. Иными словами, аутентично понятий смысл (который можно было бы полагать в качестве некоего эмпирического факта) в контексте такого герменевтического его понимания, которого мы здесь придерживаемся, всегда не равен самому себе. Работая с частными смыслами, т. е. со смыслами, принадлежащими отдельным людям, исследователя – «качественника» не столько фиксируют регулярность в наблюдаемых смыслах⁷, сколько пытаются

⁷ Всякая критичная позиция в отношении индуктивизма и его связи с позитивистской моделью науки представлена, в частности, в работе Н. О. Александрова и Н. Е. Максимовой (Александров, Максимова, 2002).

⁸ Акцент на фиксации наблюдающихся регулярностей характерен лишь для определенного типа качественного анализа, при которой исследователь суммирует повторяющиеся ответы, буквально прочитывая их смысл. Выше мы уже подчеркивали, что подобного рода анализом

ловить центральную тенденцию, какой «эйдос» смысла⁷, вариациями которого выступают типы сообщаемого респондентами опыта. Большое значение приобретает здесь не количество случаев, а способность исследователя концептуализировать данные, выделять этот «эйдос» смысла, используя материал небольшого числа случаев. Как показывает Д. Кэмбелл, обобщения на материалах отдельных случаев возможны именно потому, что исследователь обладает способностью формировать целостное представление об исследуемом объекте в условиях неполной и противоречивой эмпирической информации, он как бы достраивает эту информацию до целостного концептуального образа (гошталята), который предшествует распознаванию отдельных сторон объекта (Кэмбелл, 1996). Мы бы добавили, что формирование целостного образа объекта в качественных исследованиях несколько облегчается еще и благодаря тому обстоятельству, что исследователь – «качественник» изначально работает с более или менее цельными смысловыми формами опыта респондентов, к тому же предпосылкой его понимания является собственный опыт, погруженность в культурные и языковые контексты, опосредующие этот опыт и разделяемые с исследуемым, что дает возможность эмпирического проникновения в смыслы, сообщаемые респондентами.

Некоторые сторонники качественных исследований – в частности, это касается представителей феноменологического подхода в качественных исследованиях – культивирует намеренный отказ от теоретических допущений и выводов (Улановский, 2005). Однако, по нашему мнению, даже если исследователь в самом начале строит исследование в предельно «открытом» режиме, не придерживаясь какой-либо четкой теоретической перспективы, обсуждение полученных результатов неизбежно предполагает выход в имеющиеся теоретические контексты понимания проблемы, затрагиваемой в исследовании. В противном случае наличие результатов исследования остается на уровне сообщения эмпирических деталей, связь которых с дисциплинарным психологическим знанием остается непроясненной.

качественная работа не ограничивается, хотя он и является весьма характерным для психологических исследований. Пожалуй, именно такой качественный анализ близок к позитивистской модели познания.

⁷ Мы намеренно используем здесь эту несколько ренессансную и тавтологичную конструкцию – «эйдос» смысла (по сути, «сущность смысла»), дабы подчеркнуть возможность движения к сути смысла, учесть смысловую неоднозначность поверхности смысла.

Ключевые компоненты структуры переживания переходных жизненных периодов*

Тема исследования возникла в контексте нашего интереса к более общей тематике личностных изменений. Одной из важных тем в этом контексте является тема личностных кризисов (экзистенциальных, биографических, возрастных), их преодоления, а также связи кризисов с процессами развития личности. В психологии кризисы мыслятся как «прерывы постепенности» (Л. С. Выготский), они связаны с разрывами в поступательном движении человеческой жизни и, по сути, представляет собой моменты переходов. Как правило, кризисы предполагают болезненные переживания, нарушенные поведения; нередко они сопровождаются усилением тревоги и депрессии, чувством беспомощности и безнадежности, общей дезорганизованной личности.

Однако в культурологической и психологической литературе речь идет и о переходах в более широком смысле, – о тех, которые не сводятся к личностным кризисам. В культурологической литературе описываются ритуалы инициации, представляющие собой культурные практики перехода от одного жизненного периода к другому, свойственные традиционным культурам (В. Тернер). В психологической литературе речь идет о переходных периодах (например, переходов от детства к взрослости или от молодости к зрелости (М. Стайн) и лиминальных периодах – периодах, в процессе которых человек осуществляет переход от одного свершившегося, «завершенного» для него фрагмента жизни к другому, субъективно воспринимаемому как качественно иной (В. Е. Савонова). Такие переходные и лиминальные периоды, как и кризисы, означают собой разрывы в движении человеческой жизни, однако, в отличие от кризисов, не предполагают такой интенсивности болезненных переживаний. В этом смысле кризисы можно понимать как переходы, сопровождающиеся специфическими переживаниями.

В данной работе нас интересовало психологическое содержание переходного периода. Основные исследовательские вопросы, которые мы задавали, были следующие: каковы ключевые компоненты переживания переходного жизненного периода? как совершается переход? что именно в структуре переживания личностью переходного периода дает возможность формировать новый жизненный фрагмент и осуществлять переход к нему? Под переходными периодами мы понимали периоды, которые, по субъективному ощуще-

* Исследование проводилось нами совместно с Ю. Марковой.

нию самого человека, означают собой окончание одного жизненного периода и начало другого.

Мы проводили исследование структуры переживания переходных периодов в рамках феноменологического подхода. Отметим, что с самого начала исследования мы не были чересчур предвзятыми в плане отщепления сознания от разнообразных форм предрассудков относительно интересующего нас явления, как того требуют сторонники феноменологического подхода. Мы овертали наше понимание переходных жизненных периодов, и это понимание направляло в дальнейшем ход беседы с респондентами. Вместе с тем мы не предлагали никакой модели переживания переходных жизненных периодов, стараясь оставаться открытыми тем смыслам, о которых нам сообщают респонденты.

В исследовании был использован метод интервью. Вначале был применен прием из предложенного Д. Макадамсом нарративного интервью: мы просили человека представить свою жизнь как целое и выделить в ней отдельные главы. Если главы, выделяемые человеком, были слишком общие, мы спрашивали, нет ли в отдельных главах, в особенности тех, которые относятся к взрослой жизни, более мелких подглав. Мы просили респондента кратко рассказать об отдельных фрагментах. Тем самым мы как бы погружали человека в целостный контекст его жизни. Затем мы спрашивали респондента, не переживал ли он такие жизненные периоды, когда какой-то фрагмент жизни был для него как будто завершен, а новый еще не начался, такой период, когда он находился как бы между двумя значимыми для него фрагментами жизни. Мы просили рассказать, что это был за период, как он начался, что происходило, как человек реагировал на события, какие чувства и переживания испытывал, каковы были его отношения с близкими и друзьями и т. п. Беседа велась в достаточно свободной форме. Данные записывались на диктофон и затем расшифровывались.

Анализ каждого протокола мы начинали с того, что неоднократно прочитывали его от начала до конца, пытаясь овертнуть смысл опыта как целого в контексте интересующего нас вопроса о ядерных компонентах структуры переживания переходного периода. Затем мы разбивали каждый протокол на естественные смысловые единицы и проводили конденсацию смысла каждой единицы. При этом мы придерживались того клика описания опыта, который характерен для данного респондента, однако старались вычленить из этого описания тот аспект, который позволял нам ближе подойти к сути интересующего нас феномена, – иными словами, мы как бы

«стигматизации» описываемый жизненный опыт респондентов в психологическую структуру переживания, осуществляя близкий к оригинальному тексту респондента перевод на язык «психологически сензитивных выражений». Работа с каждым протоколом заканчивалась описанием основных тем, раскрывающих сущность переживания переходного периода данным респондентом. В процессе этого «сбирания» тем происходила довольно радикальная трансформация конденсированных смысловых единиц. За «психологически сензитивными выражениями», выделенными на предыдущем этапе анализа, мы пытались, путем «свободных вариаций в воображении», уловить некоторый сущностный инвариант психологической структуры интересующего нас переживания. Соответственно, язык, который мы теперь использовали для его обозначения, мог весьма значительно отличаться от языка, на котором описывал свой опыт сам респондент. Каждого респондента мы анализировали и описывали как отдельный случай; кроме того, в процессе анализа мы искали переклички между случаями, и каждый следующий случай давал нам новую информацию для пространствания смыслового целого – структуры переживания переходных жизненных периодов. Осуществляя понимание опыта, в котором нам сообщали респонденты, мы не столько фокусировались на жизненных смыслах этого опыта в перспективе самих респондентов, сколько пытались прояснить контекст, в котором психологические феномены манифестируют сами себя, т. е. мы пытались не столько прояснить жизненный смысл опыта для самих респондентов, сколько вскрыть его психологический смысл.

В результате анализа были выделены несколько ядерных компонентов переживания переходных жизненных периодов, которые мы обозначили как «экзистенциальная маргинальность», «путь к себе», «временная пауза» и «сензитивность к событию». Выделенные компоненты представляют собой результат последовательной экспликации феномена, «показывающего» себя в вариациях сообщаемого опыта. Нельзя сказать, что, обозначая структуру интересующего нас переживания, мы фиксировали фактическую регулярность неких событий, на основании которой затем формировали эмпирически нагруженное понятие. В действительности мы интерпретировали уже осмысленный в порядке жизненных практик опыт, предпринимая нечто близкое к тому, что нами было обозначено как совмещение «эйдоса» смысла. Таким образом, на основании самоотчетов мы пытались реконструировать особенности психологического феномена – переживания перехода, причем делали это путем особого рода интерпретации.

Ориентируясь на феноменологический подход в качественных исследованиях, мы ставили перед собой довольно узкую задачу – описать структуру переживания переходных периодов. Однако выделенная нами структура, в особенности такие ее компоненты, как «временная пауза» и «сенсиitivность к событию», позволяет подойти к обсуждению более традиционных для психологии проблем, – в частности, проблем, имеющих отношение к процессу личностного выбора и самодетерминации и автономии личности. Как показало наше исследование, переходные периоды связаны с особым типом субъективного времени, а именно с некоторым ощущением «подвешенности во времени»; при этом у личности нет ясной цели и она даже не пытается ее выстроить; скорее, наоборот, в этом состоянии «подвешенности» она не конструирует «образы потребного будущего», а как будто открывається миру (внешним влияниям, событиям) и «ловит моменты» – то, что только может стать для нее важным (мы назвали этот аспект переживания «сенсиitivностью к событию»). Показано, что переходные периоды, имеющие вроде бы непосредственное отношение к аспекту авторства собственной жизни, связанные с выходом из уже известной программы, с тем чтобы уловить нечто новое, в большей мере согласуются с внутренними потребностями личности, как правило, не включая в себя прямой активности целеполагания. Вроде бы это действительно поиск – себя, правды своей жизни и т. п. Но при этом нельзя сказать, что личность в этом поиске – абсолютно самодетерминируемое существо, выходящее за пределы всех внешних влияний и как бы определяющее себя и свою жизнь изнутри. Напротив, в те периоды, которые мы назвали переходными, наблюдается удивительная открытость человека внешним влияниям, внешним источникам и событиям – случайностям, влияниям других людей, их мнениям и выборам. Проблема, к которой мы подошли в результате нашего исследования, имеет отношение к объяснению связи автономии и поддержанности внешним влиянием в самой структуре субъектности. По-видимому, в различные периоды жизни наблюдается различное соотношение этих компонентов¹.

¹ В одной из работ А. Н. Кричевец на материале философских и психологических исследований делает вывод о том, что значимой стороной развития личности является способность к «открытию/закрытию» сознания по отношению к воздействию Другого (Кричевец, 2010). На основании нашего исследования можно предположить, что кризисные и переходные периоды значительно актуализируют необходимость «открытия» внешним влияниям. Правда, как справедливо замечает Кричевец, здесь важно развитие и еще одной способности – своего рода «эстетического вкуса» – кому и чему следует открываться.

Как можно видеть, важной частью нашего исследования являлось обсуждение полученных результатов в контексте более широких теоретических проблем психологии, несмотря на то, что, ориентируясь на феноменологический подход в качественных исследованиях и, соответственно, следуя эксплицированным его сторонниками правилам, мы изначально не связывали себя с необходимостью каких-либо теоретических выводов.

Качественные исследования, оформившиеся в отдельный подход (или совокупность подходов) в междисциплинарном пространстве, ассимилировали ряд специфических моментов, свойственных современным гуманитарным методологиям: феноменологическое мышление, приемы герменевтической интерпретации текстов, техники дискурс-анализа и др. Нельзя сказать, что классическая психология когда-либо серьезно обращалась к гуманитарным методологиям, поэтому ориентированные на них качественные исследования подчас выглядят непсихологичными на фоне основных направлений психологических исследований. Однако, как мы попытались показать, качественные исследования как специфический подход к порождению знания вполне могут служить хорошим инструментом для решения собственно психологических задач. К тому же, в них «работают» – правда, несколько иначе – те же критические механизмы самоворекции, состоящие в отбраковывании ложных интерпретаций, на которых основаны и классические методологии, и рефлексия этого обстоятельства, по нашему мнению, может способствовать более интенсивной интеграции качественных исследований в систему методов и методологических традиций психологии.

Вообще следует сказать, что, хотя классическая психология и не обращалась явно к герменевтической рефлексии оснований познания человеческого мира, в самой исследовательской практике психологии всегда присутствовали герменевтические приемы. В частности, многим психологическим методам в той или иной степени присущ герменевтический компонент, да и сама форма психологического познания нередко включала в себя ту или иную долю герменевтической интерпретации⁷. Так что герменевтичес-

⁷ Любопытно, что в известной статье В.П. Зинченко и М.К. Мамардашвили (Зинченко, Мамардашвили, 1977), обосновывая возможность объективного метода в психологии, в качестве иллюстраций реконструктивного характера эмпирии в психологии приводят субъективно-деятельное освоение физического недостатка (в случае врожденного вывиха тазобедренного сустава) и бессознательное «тело» как предмет психоаналитических вымыслов. Заметим, что оба при-

как и феноменологическая методология качественных исследований попадает в психологию, так сказать, далеко не на «голую» почву.

Служат ли качественные исследования укреплению позиции так называемой «гуманитарной» парадигмы в психологии? Возможно, что служат. Однако мы полагаем, что в большей мере они способствуют деконструкции самой дихотомии «естественнонаучной»/ «гуманитарной» психологии, которая в свете сегодняшнего дня является весьма проблематичной. Указанная дихотомия уходит корнями в разделение двух традиций обоснования знания – традиции, ориентированной на идею «единой науки» и единообразие научного метода, и традиции обоснования специфики гуманитарных наук, акцентирующей содержательную специфику гуманитарных объектов и необходимость применения для их познания особых методов познания и интерпретации (Врефт, 1986). По мнению фон Врефта, данные традиции основаны на столь глубинных различиях допущений и установок, что их примирение, по-видимому, невозможно. Однако мы полагаем, что исследовательская практика в психологии нередко включала в себя своеобразное соединение если не методологических установок, то, по крайней мере, компонентов методов, относящихся к разным традициям познания. В качестве примера можно привести классические исследования развития мышления Ж. Пиаже, построенные на основании применения «клинического метода» – варианта научного эксперимента, включающего в себя значительное взаимодействие с ребенком, диалогическую позицию исследователя и качественную интерпретацию им наблюдаемого поведения исследуемого (Пиаже, 2008). На наш взгляд, современные качественные исследования и их интеграция в систему методов психологии способствуют выходу на такую мета-позицию, которая позволяет в значительной мере проблематизировать разрыв «естественнонаучной» и «гуманитарной» психологии и акцентировать тот факт, что сегодня, по-видимому, речь должна идти не о глобальных различиях в онтологических и эпистемологических установках, а лишь о различиях в методологических стратегиях исследования, связанных с необходимостью решать различные исследовательские задачи.

***

Подведем некоторые итоги. Методологическое оформление качественных исследований в отдельный методологический подход (или совокупность подходов) и их дифференциация от других иссле-

— вкратце можно отнести к формам собственно герменевтической работы в психологии.

довательских методологий происходили преимущественно в междисциплинарной плоскости. Мы рассмотрели ряд особенностей исследовательского стиля, свойственных качественным исследованиям как междисциплинарному направлению, которые, по нашему мнению, затрудняют их интеграцию в систему методов и методологических традиций психологии, и попытались показать, какую роль они могут играть в собственно психологических исследованиях. В частности, мы продемонстрировали, каким образом анализ текстов, который является значимой частью качественного исследования, может служить инструментом реконструкции психологических реалий. Кроме того, мы показали, что качественные исследования, несмотря на такую их особенность, как «открытый», индуктивный характер, основаны на принципах, близких принципам «критического рационализма», хотя конкретное воплощение данных принципов в ситуациях качественного анализа имеет некоторую специфику. Индуктивный характер качественных исследований и отсутствие их теоретической фундированности на начальных этапах исследования отнюдь не являются признаком возвращения к упрощенным позитивистским моделям научного знания. Скорее, необходимо говорить о воплощении в качественных исследованиях герменевтических и конструкционистских познавательных установок.

Многие сторонники качественных исследований подчеркивают их реформаторский и даже революционный потенциал. Отчасти мы согласны с этим мнением, однако считаем необходимым прояснить, в чем именно, по нашему мнению, состоит эта «революционность». Мы не думаем, что качественные исследования являются тем радикальным шагом, который должен привести к некоей глобальной перестройке психологической науки, к замещению «старых» – якобы несостоятельных – образцов научного исследования новыми – прогрессивными, современными, в большей мере отвечающими специфике предмета психологии и т. п. Значение качественных исследований состоит, скорее, в перестройке целостной системы методов психологической науки; их интеграция в эту систему позволяет в несколько ином свете увидеть возможности и ограничения классических методов, а также расширить в целом возможности психологии в решении стоящих перед ней исследовательских задач. Кроме того, предлагая познавательные альтернативы, идеология качественных исследований в значительной мере содействует укреплению в психологии принципов «постнеклассической» науки – принципов открытости, критичности и методологического плюрализма.

Литература

- Александров И. О., Максимова Н. Е. Заметки психологов-исследователь о позиции методолога: в статье А. В. Юренича «Психология и методология» (Психологический журнал. 2000. №5) // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 1. С. 124–132.
- Бусылина Н. П. Проблема качества качественного исследования: принципы научной и этической валидации // Методология и история психологии. 2009а. Т. 4. Вып. 3. С. 106–130.
- Бусылина Н. П. Феноменологическое описание и интерпретация: примеры анализа данных в качественных психологических исследованиях // Московский психотерапевтический журнал (Консультативная психология и психотерапия). 2009б. № 2. С. 52–70.
- Бусылина Н. П. Качественные исследования в психологии: Методологические основания, подходы, методы. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2010.
- Войскуцкий А. Е., Скрипкин С. В. Качественный анализ данных как инструмент научного исследования // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2001. № 2. С. 93–109.
- Врифт Г. Х., фон. Логико-философские исследования: Избранные труды / Пер. с англ., сост. и предисл. В. А. Смирнова. М.: Прогресс, 1986.
- Гадмер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.
- Егорова М. С., Зверев О. В. Влияние структуры семьи на представление дошкольников о желаемой семье // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2009. № 5 (7) URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n5-7/219-egorova7.html> (дата обращения: 13.08.2012).
- Зинченко В. П., Мамардашвили М. К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7. С. 109–125.
- Калла С. Исследовательское интервью / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2003.
- Карнылова Т. В. Экспериментальная психология: Теория и методы: Учебник для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2005.
- Костяк Т. В. Идентификационные стратегии российских студентов // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2009. № 4 (6). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n4-6/197-kostyak6.html> (дата обращения: 13.08.2012).
- Кричевец А. Н. *Sapere*, Другой и представления о психическом // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2010. № 5 (13). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n5-13/377-krichevets13.html> (дата обращения: 13.08.2012).

- Кампбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. СПб: Социально-психологический центр, 1996.
- Достар Ж.-Ф. Интеллектуальная мода // *Комментарии*. 1997. № 11. С. 10–12.
- Паллас Ж. Речь и мышление ребенка. М.: Ринкс, 2008.
- Порус В. И. Рациональность. Наука, Культура. М.: УРМО, 2002.
- Струсс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: Обоснованная теория, процедуры и техники. М.: КомКнига, 2007.
- Улановский А. М. Феноменологический подход как качественная исследовательская методология: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.
- Улановский А. М. Качественные исследования: подходы, стратегии, методы // *Психологический журнал*. 2009. Т. 30. № 2. С. 18–28.
- Bailey P. H. Assuring quality in narrative analysis // *Western Journal of Nursing Research*. 1996. V. 18. P. 186–194.
- Giorgi A. The origins of the journal of phenomenological psychology and some difficulties in introducing phenomenology into scientific psychology // *Journal of Phenomenological Psychology*. 1998. V. 29 (2). P. 161–176.
- Giorgi A., Giorgi B. The Descriptive Phenomenological Psychological Method // *Qualitative Research in Psychology: Expanding Perspectives in Methodology and Design* / Eds P.M. Carnic, J.E. Rhodes and L. Yardley. Washington, DC: American Psychological Association, 2003. P. 243–273.
- Handbook of qualitative research / Eds N.K. Denzin, Y.S. Lincoln. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2005.
- Interpretation and overinterpretation / Ed. U. Eco. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1992.
- Laverty S. M. Hermeneutic phenomenology and phenomenology: A comparison of historical and methodological considerations // *International Journal of Qualitative Methods*. 2003. V. 2 (3). Article 3. URL: http://www.ualberta.ca/~ijqm/backissues/2_3final/html/laverty.html (дата обращения: 13.08.2013).
- Lincoln Y. S. Emerging criteria for quality in qualitative and interpretive research // *Qualitative Inquiry*. 1995. V. 3. P. 275–289.
- Lincoln Y. S., Guba E. G. Naturalistic inquiry. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1985.
- Marshall C. Goodness criteria: Are they objective or judgment calls? // *The paradigm dialog* / Ed. E. G. Guba. Newbury Park, CA: Sage Publications, 1990. P. 188–197.

- Ricoeur P. *The model of the text: Meaningful action considered as a text // Interpretive social science: A reader /* Eds P. Rabinow, W. M. Sullivan Berkeley, CA: University of California Press, 1979. P. 73-301.
- Sandelowski M. *The problem of rigor in qualitative research // Advances in Nursing Science.* 1986. V. 8. P. 27-37.
- Sandelowski M. *Rigor or rigor mortis: The problem of rigor in qualitative research revisited // Advances in Nursing Science.* 1993. V. 16. P. 1-8.
- Smith J. K. *Goodness criteria: Alternative research paradigms and the problem of criteria // The paradigm dialogue /* Ed. E. G. Guba. Newbury Park, CA: Sage Publications, 1990. P. 167-187.
- Todres L., Calvin K. T. *Embodied interpretation: a novel way of evocatively re-presenting meanings in phenomenological research // Qualitative Research.* 2008. V. 8 (5). P. 568-583.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Л. Я. Дорфман

Эмпирическая психология как самостоятельная область научного познания (Введение)

Обычно психологическую науку разделяют на отрасли (общая психология, социальная психология и т.д.), по предмету (инженерная психология, юридическая психология, психология искусства и т.д.) или по отраслям и предмету (возрастная социальная психология, социальная психология искусства и др.). К настоящему времени большое значение придется не только тому, *что* психологическая наука изучает, но и тому, *как* она это делает, добывая научное знание. Научное знание и познание соотносится с такими острыми эпистемологическими проблемами, как истина (правда), познавание, объективность, реальность. Можно ли психологическим знанием *доказывать*, и если да, то на какой основе? *Может ли* психология доказывать существование того фрагмента мира (человека), который она исследует, и какие средства можно принимать за доказательства? Изучает ли психология свой предмет *объективно*? Являются ли психологические знания *истинными* (правдивыми)? Вопросы эти имеют отношение к любой отрасли и к любой по предмету психологической дисциплине. Они несут в себе прежде всего методологическую нагрузку и включают в себя методологический анализ общих путей и способов научного познания.

Между тем современная отечественная психология переживает кризис представлений о том, как изучать и объяснить психику и поведение (Аллахвердов, 2009; Юренич, 1999). Одним из методологических ответов на этот вызов может стать обращение в настоящей статье к теме эмпирической психологии и критический взгляд на чистый разум, анализ отношений эмпирического и априорного познания с реальностью.

Традиционный (ортодоксальный) взгляд на эмпирическую психологию связывает ее с эмпиризмом – в том его виде, в котором он противопоставляется разуму и теории. В «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля термин «эмпиризм» переводится с греческого как «слепой опыт без разумного применения теории и вообще науки». Эмпиризм основан только на опыте, а не на умении. Эмпирик якобы следует опыту, практике, отвергая рассуждение и науку. В Большой советской энциклопедии эмпирическая психология сводится к эмпиризму в его ранних формах: психология, основанная на опыте и противостоящая рациональной психологии, основанной на умозрении. В словаре по общей психологии М. Г. Ярошевский определяет эмпирическую психологию как особую дисциплину, описывающую и изучающую конкретные явления психической жизни, – в отличие от рациональной психологии, выводящей явления из природы и сущности сознания (Ярошевский, 2005). Действительно, был такой период в истории эмпирической психологии. Но времена «разумной перекомпоновки» материала, который дан только в опыте, давно канули в историю. Даже Огюст Конт (Comte, 1855), основатель позитивизма, отвергал любой эмпиризм, если он описывал науку только как аккумуляцию «голых фактов».

Современная эмпирическая психология имеет свою историю и собственный вектор развития, относится к семейству эмпирических наук. Их становление проходило на фоне многовековых оппозиций и столкновений эмпирического познания с априорным познанием. В конечном итоге эмпирические и априорные науки обособились и стали развиваться в значительной степени параллельно. В настоящее время эмпирическая психология (как и другие эмпирические науки) является относительно самостоятельной областью познания и знания (подробнее см.: Дорфман, 2008а).

Современную эмпирическую психологию можно понимать как парадигму – в значениих последней как компактной структуры основных понятий, допущений и предположений. Они характеризуют в значительной степени самостоятельную область познания и знания, которые открывает именно эмпирическая психология. Речь идет не о парадигме как основе и образце научных исследований, которые уже признано и разделяет все научное сообщество отечественных психологов. Здесь понятие парадигмы употребляется, скорее, как возможность и перспектива, некий образец того, как можно решать определенный класс проблем в области психологической академической науки.

Эмпирическая парадигма в психологической науке имеет значение и смысл в определенном контексте – прежде всего как оп-

позиция априорной парадигмы в психологии, но не как оппозитив эмпирических данных психологической теории. Эмпирическая парадигма ориентирует исследователей и на сбор эмпирических данных, и на создание теорий, которые получают эмпирическую поддержку. Вместе с тем не всякие теории и не всякие понятия (категории) доступны для эмпирического познания. Сверхширокие категории типа деятельности (априорная психология) вряд ли когда-либо будут доступны эмпирическому тестированию (см. также: Юренич, 2000). Но это не означает, что водораздел между объемами психологии непреодолим. Границы ими могут быть и мягкими, и подвижными. К примеру, врыв эмпирических исследований неосознаваемых когнитивных процессов (эмпирическая когнитивная психология) попутно свидетельствует в пользу центрального понятия психоанализа – понятия бессознательного (Wentz, 1998), хотя психоанализ, безусловно, является априорной дисциплиной.

Другое значение термина «эмпирическая психология» можно отнести к вопросам научной технологии, к способам получения научного знания. Эмпирическая психология – это особого рода технология (включая способы мышления) получения психологического знания. Эмпирическая психология вклинивается в различные отрасли психологической науки (например, общую, социальную или дифференциальную психологию) и «помогает» им тестировать идеи о тех или иных аспектах природы психики. Эмпирическая психология не предлагает собственные содержательные идеи о природе психики, но претендует на определение и понимание условий получения достоверных и заслуживающих доверия знаний о ней.

Еще одно значение термина «эмпирическая психология» возводит к ее методологическому и теоретическому ресурсу. Понимание эмпирической психологии как технологии позволяет ставить и разрабатывать важные вопросы организации исследовательского мышления, а также методические и технические (процедурные) вопросы. Однако сведение эмпирической психологии только к технологии – это неоправданное упрощение и преуменьшение ее роли в процессе научного познания. Вкушающее доверие психологическое знание обусловлено не только технологией, но и методологией. Технология – это последовательное развитие методологии на более высоких, чем собственно методология, но и более конкретных уровнях анализа средств и условий получения психологического знания. Методология же эмпирической психологии выражается в том, как понимается психическая реальность и какие познавательные средства используются для ее изучения и понимания. Такой под-

ход приводит также к обнаружению и рефлексии ее теоретической составляющей, обнажает тесную связь эмпирической психологии с философией науки.

Парадигмальный характер эмпирической психологии придают ее исходные фундаментальные предпосылки. Вот главные из них.

1. Органы чувств – единственный канал, пользуясь которым, последователь проникает в мир, обращаясь в том числе к другим людям, их чувствам, сознанию, поведению. Отправной пункт открытия бытия, реального существования мира – в чувственности, практике человека, а не в его мышлении (мышление проводило, как писал С.Л. Рубинштейн (Рубинштейн, 2003)). Органы чувств исследователя служат проводником его внешнего опыта. Эмпирическими признаются также «внутренние чувства», внутренний опыт как форма чувственного знания – самонаблюдение, самонаказка, самосознание человеком собственных психических и физических особенностей. Исследователь получает информацию о внутреннем мире человека, особенностях его личности, предпочтениях, установках, переживаниях и т.п. в том их виде и в тех пределах, в которых они даны (косвенно, скажем, через опросники, анкеты, тесты) опытно-такти ощущениям и восприятию исследователя. Этим определяется своеобразие и предмета эмпирической психологии, и применяемых ею способов познания.

2. Исследователи доверяют своим ощущениям и восприятию. Отсюда переход к практике наблюдения (наблюдение в широком смысле – собственно наблюдение, опрос, измерение, тестирование, эксперимент, свидетельства очевидцев и т.п.), которое служит своеобразной отправной точкой отчета эмпирического исследователя (Stavovich, 1992). Наблюдаемые объекты – это все то, что могут зафиксировать органы чувств наблюдателя, непосредственно или косвенно. Первично чувственные данные представляют собой сырую массу неупорядоченных и случайных впечатлений; сами по себе они вряд ли имеют какое-либо собственно научное значение. В ходе эмпирического познания масса сенсорных данных упорядочивается и систематизируется в специально организованных и структурированных наблюдениях, которые затем подвергаются измерению (например, в формах тестирования или проведения экспериментов). Систематическое наблюдение, с одной стороны, обращается к тому, что доступно (прямо или косвенно) ощущениям и восприятию наблюдателя; с другой – оно особым образом структурируется, т.е. организация наблюдения предшествует мышлению. Эмпирическая психология основывается на практике систематического наблюдения (Lebet, 1996).

Эмпирическая психология имеет дело не только с наблюдаемыми, но и с ненаблюдаемыми объектами, а мышление вступает в игру как предшествуя наблюдению («до»), так и на основе результатов наблюдения («после»). Ненаблюдаемые объекты возникают в результате обобщений отдельных фрагментов наблюдений, в том числе на основе статистических вычислений и определения латентных факторов. Соответственно реальностью здесь считается не только предмет наблюдения (чувственно очевидное), но и нечто, полагаемое в виде ненаблюдаемых объектов (сверхчувственное, выходящее за границы данных, доступных ощущениям и восприятию исследователя, но все же находящееся в области реальности). Мышление «после» наблюдений пытается понять и объяснить предмет наблюдения (реальности), обращаясь к ненаблюдаемым объектам. Это же мышление, при котором одни мысли сводятся к другим мыслям, претендуя на постижение некой предельной реальности и укорошенной в ней сущности. Напротив, это мышление на тему постигаемой органами чувств «чувственной» реальности, в том числе сверхчувственной реальности (Дорфман, 2008б). Понятие чувственной (и сверхчувственной) реальности здесь не совпадает с понятием объективной реальности, а если и пересекается, то лишь частично. Чувственная (и сверхчувственная) реальность находится в границах доступности – прямо, косвенно или опосредованно – ощущениям и восприятию наблюдателя-исследователя.

Понятие чувственной (и сверхчувственной) реальности противостоит в понятию предельной реальности. Последнее появилось в русле метафизики и служит проводником априорного знания как учения о сверхчувственных основах и принципах бытия предельной реальности, о сущностях и первых принципах, универсалиях и т.д. Сверхчувственное в эмпирической психологии (ненаблюдаемые объекты) и сверхчувственное в априорной психологии (сущности в предельной реальности) – это принципиально разные понятия. Эпистемологический статус сверхчувственного в априорной психологии – это нечто интеллектуальное, полагаемое, логически допустимое, предельно абстрактное и общее, но не основанное на результатах систематического наблюдения и не имеющее к его предмету никакого близкого отношения. Априорный психолог если и обращается к наблюдениям, то для иллюстрации бытия предельной, а не чувственной реальности. Применение наблюдения (житейского, случайного, несистематического) не меняет здесь сути дела, поскольку значение имеют сущности, а не их якобы внешние проявления (подробнее см.: Дорфман, 2008а). Я ввожу термин «чувственная (или эмпирическая) реальность», имея в виду мысль

С. Л. Рубинштейна, который рассматривал чувственность, как отмечалось выше, отправным пунктом открытия существования мира человеком (Рубинштейн, 2003).

Чувственные данные об объектах, организованное определенным образом в ходе наблюдения, служат наиболее существенными индикаторами истинности понятийских суждений и поведения людей. Конечно, ощущение и восприятие, как и наблюдение, могут быть иллюзорными и обманчивыми. Поэтому особое внимание уделяется тому, как не впасть в заблуждения, получая информацию о мире через органы чувств; тому, насколько информации о психике и поведении людей может быть точной, беспристрастной, объективной (см., например: Toulmin, Leary, 1992). Соблюдение определенных требований (например, обособление в наблюдении одних явлений от других, наличие множества эмпирических свидетельств, доступность предмета наблюдения множеству наблюдателей и т.д.) в значительной степени обеспечивает наблюдениям объективный характер и отход от субъективизма. Так минимизируется сомнение, а доверие к данным систематического наблюдения возрастает.

3. Как уже отмечалось, опыт (внешний и внутренний) представляет собой сырую массу неупорядоченных и случайных впечатлений; сами по себе они вряд ли имеют какое-либо собственно научное значение. В ходе эмпирического познания, однако, массив сенсорных данных особым образом упорядочивается и систематизируется в специально организованных и структурированных наблюдениях, измерениях, экспериментах, свидетельствах очевидцев. В этом проявляются отличия научного познания от обыденного, тесная связь опыта и мышления внутри эмпирического познания.

4. Положение об ощущениях и восприятии, через которые поступает информация о мире, людях, их истории и поведении (чувственный опыт), не означает сведение научного познания только к чувственному опыту. Научное познание – это единство чувственного опыта и мышления, наблюдений, фактов, причин, закономерностей, теорий. Вопрос о том, как соотносятся чувственный опыт и теория, имеет несколько разных трактовок. Одни авторы полагают, что выдвижение новых идей, обобщения, законы и теории основаны на фактах. Отсюда ориентация на индуктивный путь научного познания. Другие авторы настаивают на том, что роль чувственного опыта сводится к поддержке или опровержению теорий. По соответствию фактам судят о состоятельности теорий. Отсюда ориентация на дедуктивный путь научного познания (Юренич, 2006). Между тем, в обоих случаях чувственный опыт оказывается соперником логики, и последнее слово остается за ним. Вопреки Декарту

ту и Гегелю, не все разумное – действительно (Поппер, 1995). Проще говоря, одна безукоризненная логическая конструкция находит эмпирическую поддержку в чувственной реальности; другая безукоризненная логическая конструкция, напротив, не выдерживает эмпирической проверки и терпит фиаско в соприкосновении с чувственной реальностью. Это также значит, что логика, основанная на эмпирических данных, имеет безусловные преимущества перед умозрительной логикой (Дорфман, 2002, 2003).

5. Эмпирическая психология производит знание, которое противостоит, с одной стороны, эмпирически не поддерживаемым идеям, а с другой – эмпирически не поддерживаемым теориям. Главное назначение упорядоченного и систематизированного чувственного опыта состоит в том, чтобы прямо или косвенно поддерживать или опровергать идеями и научные теории с помощью специальных процедур, т.е. быть внешним и объективным свидетельством состоятельности или несостоятельности теоретических идей (Kilbale, 1989).

6. Эмпирическая психология исследует частые события (явления), а не редкие; высоковероятные, а не низковероятные; закономерные, а не случайные. Это значит, что в поле внимания эмпирической психологии попадают одни события и явления и выпадают другие. События и явления, которые изучает эмпирическая психология, типичны для популяции, а потому они существенны и значимы. Выпадающие события и явления необычны, нетипичны и нехарактерны для популяции. Потому они игнорируются.

7. Эмпирическая психология выделена на обнаружение фактов. Но это лишь верхушка айсберга. Ее основное назначение состоит в том, чтобы искать, обнаруживать и понимать причины, цели, закономерности, создавать и тестировать теории. Эмпирическая психология создает теории, но это особого сорта теории – ее положения можно подвергать эмпирическому тестированию и делать эмпирические предсказания. Фундаментальная задача эмпирической психологии заключается в том, чтобы подвергать сомнению идеи, а затем эмпирически подвергать их тестированию. Признаются, во-первых, только теории, положения которых выдерживают эмпирическую проверку, во-вторых, теории, которые позволяют делать высоковероятные прогнозы, относящиеся к эмпирической реальности. Не подтвержденные эмпирически идеи, которые лишь логически выводятся из других идей, или идеи, которые наводят на другие идеи, игнорируются, поскольку они не вписываются в эмпирическую парадигму.

В ряде предыдущих работ (Дорфман, 2002, 2003, 2005, 2008а, 2008б) я развивал общие представления об эмпирической психо-

логии в методологическом ключе. В настоящей работе эта линия исследований продолжается; кроме того, осуществляется попытка пойти дальше. Эмпирическая парадигма в психологической науке развивается путем определения и методологического анализа некоторых базовых понятий эмпирической психологии. В поле зрения будут следующие базовые понятия: редукция, эмпирическое обобщение, эмпирическое понятие. В заключение будет рассмотрена тема эмпирической и априорной теории, их различий по содержательным и эмпирическим основаниям.

Наблюдение, мышление и логика

Как отмечалось выше, эмпирическая психология претендует на познание чувственной и сверхчувственной (эмпирической) реальности. Нужно при этом различать роль ощущений и восприятия, через которые осуществляются наблюдения, и роль мышления как ресурса, позволяющего упорядочивать, структурировать, систематизировать, познать материал наблюдений. Эмпирическая психология опирается на наблюдения, но это не означает, что к данным наблюдений и фактам все только и сводится. Эмпирическая психология использует формальную логику, производит обобщения и пользуется абстракциями, ищет причины, открывает законы, строит теории. Это позволяет познавать и понимать устройство и организацию эмпирической реальности, ее состав, структуру, природу.

Между тем, подобно тому как существует глубокий водораздел между чувственной и сверхчувственной реальностью (эмпирическая психология) и предельной реальностью (априорная психология), целесообразно, во-первых, отделить и обособить мышление, привязанное к чувственному материалу (эмпирическая психология), от мышления, оторванного от чувственной основы (априорная психология), во-вторых, выделить и определить качественное своеобразие мышления, привязанного именно к чувственному материалу.

Под этим углом зрения обратим внимание на то, что эмпирическая психология нуждается в собственном языке и мышлении для описания явлений, которые она изучает, мыслит, наблюдает в эмпирической реальности. Отечественная эмпирическая психология, по сути, не имеет собственного устойчивого понятийного аппарата. В исследовательской практике можно наблюдать многочисленные попытки устанавливать переводы от мышления, направленного на предельную реальность, к эмпирическому материалу. Обычно такого рода прыжки заканчиваются неудачей и разочаре-

важней, поскольку в них отсутствует важное звено – собственный понятийный строй эмпирической психологии. Это существенно тормозит развитие и понимание возможностей эмпирической психологии в целом.

Уровни анализа и редукция

Прежде всего необходимо определиться с тем, какого сорта идеи могут переводиться в плоскость наблюдения, измерения, эксперимента, свидетельства очевидцев и т.п. К примеру, априорные идеи не тестируются; крупномасштабные, сверхширокие обобщения и абстракции не поддаются эмпирическому тестированию. Вместе с тем существуют такого сорта идеи, которые тестировать возможно. Это идеи умеренного или мелкого масштаба, созданы они на весьма умеренных обобщениях и абстракциях, это идеи, привязанные к чувственному материалу.

Положение об «умеренных» обобщениях и абстракциях может удивлять, а некоторых читателей даже и возмутит. Ведь мы воспитаны на том, чтобы мыслить широкими категориями и абстракциями, оперировать «сетью», так сказать, с крупными ячейками (единицами) анализа. «Широкая категоризация» мышления толкает исследователей на глобальное, максимальное, абсолютное и в то же время провоцирует недооценку конкретно-научных понятий и теорий (Юренич, 1999, 2000). Мышление широкими категориями и абстракциями – это движение к априорной психологии, мышление умеренными категориями и абстракциями – к эмпирической психологии. Впрочем, мышление умеренными обобщениями и абстракциями рассматривается здесь не абсолютно, а под решение специальной задачи – привести идею в такую форму, при которой она будет пригодной для эмпирического тестирования.

Теперь поставим вопрос о том, можно ли переводить идеи, которые не подготовлены для эмпирического тестирования, в идеи, которые эмпирически тестируются. Так появляется тема редукции. Обычно редукцию понимают как переход от одних уровней анализа к другим, сведения более сложного к более простому, приведение «целого» к его «частям», т.е. как упрощение. Я понимаю редукцию не только как упрощение; для меня редукция – это также движение к простоте, ясности, отделению одних идей от других, предпочтение (при прочих равных условиях) наиболее простой познавательной конструкции. Простота является неизменным атрибутом рациональности (Максима Оккама: не умножать сущности сверх необходимости), выступает требованием «экономии мышления» (гносео-

логический аспект), призывает минимальное число аксиом и правил вывода (в логике), выражает естественное стремление к минимизации усилий для достижения практического результата (прагматический аспект), является необходимым условием эмпирической верифицируемости и фальсифицируемости научных теорий (в эмпирической психологии).

Исследователи используют прием редукции по меньшей мере в четырех планах: описывая, расчлняя, объясняя явления, применяя определенным образом схемы познания.

На уровне описания в предмет эмпирического исследования включаются одни аспекты явления и опускаются другие его аспекты. Любое явление характеризуется многоаспектностью. Поэтому выделение одних аспектов и игнорирование других есть упрощение, сведение сложного к более простому. Для того, чтобы изучить явление, его нужно расчлнить. Расчленение явления – неизбежное условие и в то же время результат его анализа. Никакой синтез невозможен, если ему не предшествует анализ. Выделение на уровне измерений отдельных черт, свойства, качества, функций – это редукция, сведение явления к его отдельным свойствам. На уровне объяснения появляется еще одна разновидность редукции. Дело в том, что одно и то же явление не может иметь полное объяснение с помощью какой-либо одной теории. Но в действительности те или иные явления изучаются под углом зрения именно определенных теорий. Применение отдельных (а не всех) схем познания есть аналитическая редукция. Ученый может опираться на одни принципы познания и абстрагироваться от других.

Применение редукции означает неявное признание того, что любое конкретное исследование принципиально не может быть полным, охватить все без исключения аспекты явления. Любому изучению любого явления присуща ограниченность. Не следует заблуждаться по поводу терминов «комплексное», «системное» или «интегральное» исследование. Оно во всем аналитического исследования по количеству свойства (признаков) явления, но исчерпание природы последнего во всей полноте остается недостижимой задачей.

Я усматриваю главным в редукции не только упрощение и простоту, но и конкретизацию – последовательные переводы дедуктивным путем широких абстрактных понятий в более конкретные понятия. Скажем, речь может идти: 1) о конвертации идей, оторвавшихся от чувственной основы, в идеи, привязанные к чувственному материалу; 2) о конвертации идей, привязанных к чувственному материалу, в переменные; 3) о конвертации переменных в конструкторы измерения; 4) о конвертации переменных и измерений в формы

статистических вычислений, приводящих к обособлению высоковероятных (закономерных) событий от низковероятных (случайных) событий. Например, понятие «личность» оторвано от своей чувственной основы, это нечто не поддающееся наблюдению, и его невозможно эмпирически изучать. Однако понятие «личность» можно конвертировать в понятие «черты личности». Черты личности тоже прямо не наблюдаемы, но их можно наблюдать (в отличие от личности) косвенно, по их поведенческим проявлениям. Экстраверсия, нейротизм, психотизм – примеры черт личности, которые можно наблюдать по их поведенческим проявлениям. Собственно поведенческие проявления черт личности – еще один ход в сторону понятий, привязанных к чувственному материалу, к данным наблюдения, в том числе – важный момент при создании и проверке на валидность и надежность соответствующих инструментов измерения.

В чем своеобразие уровня анализа экстраверсия, нейротизма, психотизма в сравнении с уровнем анализа личности в целом? Можно сказать, что экстраверсия, нейротизм, психотизм – это не просто черты личности для механического измерения, а нечто существенно большее. В них раскрываются новые, более глубокие слои существования личности (не смешивать с глубинной психологией). Подобно тому как в атомах водорода и кислорода открывается нива, чем на уровне молекулы воды, реальность, в чертах личности открывается реальность, не сводимая к той, которая обнаруживается на уровне личности в целом, но требующая собственного изучения и понимания. Подобно тому как углерод, водород и кислород, а также их различные сочетания лежат в основе совершенно разных веществ, но не сводятся к ним, разные эмпирические конструкты и взаимоотношения между ними приоткрывают дверь к пониманию многогранности личности – «снизу», в мир законов и причин, которым подчиняются свойства личности, но не сводятся к законам и причинам, обнаруживаемым при анализе личности в целом.

Редукция позволяет совершить движение в «глубину» явления и способствует появлению адекватной для этой задачи понятийного аппарата. Движение в обратном направлении, в сторону обобщений, также возможно. Однако связность явлений (синтезы) ограничивается пределами эмпирического уровня анализа, а подъем на более высокие, собственно теоретические уровни анализа требует теоретической (априорной) рефлексии. Изучение связей водорода и кислорода открывает закономерности в пределах химического уровня анализа, но оставляет вопрос о физических закономерностях веществ, основанных на водороде и кислороде, физической науке. Структуры (синтезы), определяемые психологией эмпиричес-

ки, – это взгляд на явление «снизу», с точки зрения его внутреннего устройства. Взгляд на то же явление «сверху» – сверхслоевная задача, если оставаться в пределах только эмпирического уровня анализа.

В моделях личности Г. Айзенка и Р. Кеттелла (Айзенк, 1999; Рухавишников, Соколова, 1995; Cattell, 1957) личность как целое определяется «снизу»: вначале эмпирически определяются компоненты, затем – характер их взаимосвязей. Целое сводится к его внутренней структуре, основанной на отдельных компонентах. Вместе с тем целостность личности также имеет внешние признаки, не сводимые к ее внутренней структуре. Социально-культурные особенности можно отнести к основаниям «внешней» структуры целостной личности. Внешняя структура «сопротивляется» эмпирическому подходу, если оставаться в границах только психологии, а не совершать выходы в смежные области знания, скажем, в эмпирическую социологию.

Редукция имеет естественные пределы. Если личность изучается в рамках общей психологии, пред ли перевод описывающих ее понятий в понятия свойства нервной системы будет оправдан. Произойдет выход за рамки изучаемого явления и переход в качественно иную область. Кроме того, произойдет подмена: вместо черт личности будут изучаться свойства нервной системы. Природа процессов возбуждения и торможения в нервной системе – это совершенно иной материал, чем природа и особенности существовавших свойств личности. Еще одна подмена будет состоять в сведении редукции к вопросам происхождения или поиска причин – вопросам, весьма далеким друг от друга (о редукции также см.: Van, de Jong, 1997).

Эмпирическое обобщение

Как известно, под обобщением понимается мысленный переход от частного к общему, объединение в общем множества различных вещей и событий или мыслей о них, более крупный масштаб общего, чем частного. Обобщение возникает как результат перехода на более высокую ступень абстракции, в связи с анализом, синтезом, сравнением, через применение индуктивных процедур.

Юревич относит обобщения к числу основных структурных элементов психологического знания (Юревич, 2004а). Психологическое обобщение определяется через устойчивые связи между явлениями, но «не достигает» до статуса закона или пока не установилось в качестве такового. Юревич отмечает, что психологическое обобщение производится на разных уровнях анализа психических явлений. Следуя этому, целесообразно ввести понятия теоретичес-

кого обобщения и эмпирического обобщения; их можно применять к разным уровням анализа психических явлений.

Эмпирическое обобщение (см. также: Аллахвердов, 2005; Наследов, 2005; Шнаков, 2005) отличается от теоретического обобщения различия между ними обуславливаются прежде всего их происхождением. Теоретическое обобщение является продуктом «чистого» мышления, т.е. не опирается на чувственный опыт. Эмпирическое обобщение тоже является продуктом мышления, но мышление опирается здесь на эмпирические данные, а не обобщает одни идеи на основании других идей. Теоретическое и эмпирическое обобщения основаны на абстракциях, но у теоретического обобщения более высокая ступень абстракция, чем у эмпирического обобщения.

Можно обозначить также некоторые другие особенности эмпирического обобщения.

1. Эмпирическое обобщение выступает результатом индукции, которая берет начало в эмпирическом материале. К примеру, статистическая экстраполяция данных, полученных на выборке, на популяцию возникает как результат индукции и принимает вид эмпирического обобщения. Данные психологических исследований подвергают обобщениям также в терминах «факторов» (эксплораторный факторный анализ), к ним приводят от сырых эмпирических данных, – т.е. это путь исследовательской индукции, и «факторы» представляют собой своеобразную форму эмпирического обобщения.
2. В силу своего индукционного характера, эмпирическое обобщение является возможным, а не необходимым. На одного и того же эмпирического материала (полученного при одинаковых условиях) могут выводиться несколько разных эмпирических обобщений. В когнитивной психологии эмпирические данные о беглости мышления толкуются в пользу и интеллекта, и креативности (см.: Вату, Fuglestad, 2006). Это значит, что одни и те же эмпирические данные могут приводить к разным эмпирическим обобщениям.
3. Эмпирическое обобщение как индукция противопоставит редукции; последняя есть дедуктивное движение мысли в обратном направлении. Так, при эксплораторном факторном анализе факторы «выводятся» из переменных и корреляций между ними (индукция и эмпирическое обобщение). При конфирматорном факторном анализе, наоборот, латентные факторы вначале полагаются, а затем из них «выводят» так называемые «манифестные переменные» (дедукция и редукция) (Dowley, 2000).

4. Эмпирическое обобщение отображает структурированный фрагмент чувственной реальности, а не ее отдельные, не связанные между собой элементы.
5. Эмпирическое обобщение можно понимать как мысленное отображение ненаблюдаемых объектов, которые обнаруживает исследователь через наблюдаемые объекты. Ненаблюдаемые объекты – это сверхчувственное образование; оно выходит за границы данных, доступных ощущениям и восприятию, и тем не менее остается в области реальности.

Эмпирическое обобщение может быть содержательным и математическим. По содержанию, эмпирическое обобщение может принимать характер объяснения эмпирических данных. Скажем, Г. Айзенк полагал, что креативность основана на синдроме растормаживания (Eysenck, 1993, 1995). Он включает в себя дефокусированное внимание, отдаленные ассоциации, пониженный уровень кортикального бодрствования (arousal). Во времена Айзенка имелись эмпирические данные о связях дефокусированного внимания, отдаленных ассоциаций, пониженного уровня кортикального бодрствования с креативностью. Идея о когнитивном растормаживании как их общем корне явилась результатом обобщения многочисленных эмпирических данных (эмпирическое обобщение).

Математическое обобщение тоже опирается на эмпирические данные. Оно обобщает их, используя в терминах вероятностей и через методы статистики математические абстракции и вычисления. Скажем, некоторое множество пунктов можно отнести к одной и той же шкале вопросника, если все эти пункты попадают в один и тот же фактор при экспериментальном факторном анализе. О конструктивной валидности шкалы вопросника судят, производя эмпирическое обобщение (от пунктов – к шкале) математическими (статистическими) средствами. Другим примером математического обобщения могут служить эмпирические исследования, направленные на изучение корреляций между параметрами психометрического интеллекта, параметрами креативного мышления, параметрами психометрического интеллекта и креативного мышления (Дорфман, Кобзак, 2009). Результаты корреляционного анализа дают информацию, во-первых, об исходных параметрах изучаемых явлений (исходный эмпирический материал), во-вторых, об их связности. Данные корреляций об их связности – простейшая форма эмпирического обобщения, достигаемая с помощью математического критерия.

Математическое обобщение – это качественно иная ситуация, чем в случае производства эмпирического обобщения «чисто» по со-

директивному критерию. Математическое обобщение позволяет, во-первых, приводить к общему знаменателю разрозненные данные на уровне наблюдений (типа данных о парных корреляциях переменных). Во-вторых, оно дает недвусмысленные подсказки о существовании цельных кусков реальности на уровне латентных (не наблюдаемых) объектов в терминах –факторов– (эксплораторный факторный анализ), –кластеров– (кластерный анализ) и т. п.

Нужно вновь напомнить об индуктивном характере эмпирического обобщения, как и о том, что из одного и того же эмпирического материала (полученного при одинаковых условиях) могут выводиться несколько разных эмпирических обобщений. Так возникает сомнение. Его разрешение может лежать в плоскости анализа неопределенности, вероятности, выбора. Скорее всего, предпочтения имеют исследователи, которые планируют несколько (а не одно) разных эмпирических обобщений. Если подразумевается несколько математических обобщений, то их можно сравнить, используя статистические критерии вероятности и пригодности, совершить выбор в пользу математического обобщения, которое имеет более высокую степень вероятности и пригодности в сравнении с вероятностями и пригодностью других математических обобщений. Такого класса задачи можно решать, например, с помощью структурных линейных уравнений.

В рамках концептуальной модели полимодального Я (Дорфман, 2004, 2007) и теории креативного (дивергентного) мышления (Guilford, 1967) А. В. Челюкова изучала связи субмодальностей полимодального Я и субмотивов полимодальных мотивов достижения с креативным мышлением, используя структурные линейные уравнения (Челюкова, 2009). Тестированию подверглись 4 модели. Каждая из моделей оказалась достаточно пригодной. При статистическом сравнении их между собой пригодность четвертой модели была выше пригодности остальных моделей, на всех моделях она же была наиболее вероятной.

Модель – это одна из форм эмпирического математического обобщения. На базе одного и того же эмпирического материала можно создавать несколько моделей, о чем свидетельствует данная работа А. В. Челюковой. Выбор делается в пользу модели (эмпирического математического обобщения), которая более пригодна и более вероятна.

Еще один акцент можно сделать, сравнив математическое обобщение с ненаблюдаемыми объектами. Онтологический статус последних весьма зыбок. К чему они относятся: к реальности или к мышлению исследователя? Риску приближаться к анали-

ду этого вопроса. Когда эмпирическое обобщение производится по критерию содержания, различия между эмпирическим обобщением (мышление) и ненаблюдаемыми объектами (реальность) размываются. Действительно, исследователь сам судит о ненаблюдаемых объектах, показать онтологический рубеж между ним и тем, что он обозначает как ненаблюдаемые объекты, вряд ли возможно. И то, и другое сливается, поскольку нет внешнего критерия, по которому их можно было бы развести. Совсем иная картина возникает, если проводится онтологическое различия между ненаблюдаемыми объектами и эмпирическим математическим обобщением. Непосредственно, исследователь имеет дело с наблюдаемыми объектами, но не сватывает своим ощущениям и восприятием ненаблюдаемые объекты, они сверхчувственны. Зато их улавливают независимые от исследователя математические процедуры. Их можно рассматривать как восторженно к эмпирическим данным и к психологу-исследователю и независимое от них свидетельство. Они объективируют ненаблюдаемые объекты, описывают их как внешние и отдельные (независимые) от исследователя фрагменты реальности, т. е. отделяют их от исследователя. Ненаблюдаемые объекты проявляются в форме возможных латентных факторов в оппозиции к наблюдаемым переменным, но опять-таки безотносительно к исследователю (к нему поступает информация о них). В конечном итоге, ненаблюдаемые объекты обнаруживаются в реальности; они же оформляются как математическое обобщение, произведенное исследователем. Математическое обобщение отображает ненаблюдаемые объекты.

Ненаблюдаемые объекты могут иметь несколько разных статусов. Во-первых, это такие объекты, которые не наблюдаются. Во-вторых, это ненаблюдаемые объекты (латентные факторы), которые исследователи не научились измерять, но научились вычислять, и они приобрели статус ненаблюдаемых вычисляемых объектов. В-третьих, это ненаблюдаемые объекты, которые благодаря расширенным возможностям органов чувств (благодаря технике) исследователи научились наблюдать и измерять и которые вследствие этого перешли в статус наблюдаемых и измеряемых объектов.

Эмпирическое обобщение, произведенное по критерию содержания, – это инсайт, догадка, допущение, нечто в определенной степени произвольное по отношению к эмпирическому материалу, пусть даже оправданное («подправленное») эмпирическими данными и логикой. Эмпирическое обобщение, произведенное в результате математических вычислений, напротив, призывает об-

обобщение к эмпирическому материалу более строго и более точно. Математические вычисления ограничивают произвол последовательного мышления, приводят эмпирическое обобщение в большее соответствие с эмпирическим материалом. Как известно, истинные посылки могут приводить к ложным выводам; это положение отделяет современное понимание индукции от традиционного (Vickers, 2011). Угроза неадекватных эмпирических обобщений по отношению к эмпирическому материалу снижается при математических обобщениях и возрастает, когда эмпирическое обобщение производится по критерию содержания.

Эмпирическое понятие и теоретическое понятие

Я определяю понятие, следуя И. Канту, как то, что обще многим объектам, как общее, имеющее возможность содержаться в различных объектах (вещах) (Кант, 2006). В центре моего внимания – эмпирическое понятие. Хотя этот термин порой употребляется в отечественной философской и психологической литературе, его использование в рамках именно эмпирической психологии специально не осмысливалось и он нуждается в отдельном и специальном анализе.

Эмпирическое понятие целесообразно рассматривать в определенном контексте. Я усматриваю этот контекст, во-первых, в редукции и дедукции, во-вторых, в эмпирическом обобщении и индукции (см. предыдущие параграфы). Эмпирическое понятие как бы заполняет пропущенный промежуток между теоретическим понятием и эмпирическим обобщением, выступает в качестве промежуточного звена между ними и тем самым имеет двойной статус.

Общность и различия

В плане дедукции и редукции эмпирическое понятие можно рассматривать как возникающее в результате анализа теоретического понятия и определенных операций с ним. «Личность», «образ», «мышление» – примеры теоретических понятий. «Интернальный локус контроля», «Я-концепция», «вербальный интеллект» – примеры эмпирических понятий. Основные логические функции (выделение общего посредством отвлечения от особенностей отдельных явлений данного класса и приведение различного к единому) эмпирическое понятие выполняет так же, как и теоретическое понятие. И то, и другое содержит в себе требование постоянности, определенности, однозначного языкового выражения, признания профессиональным сообществом.

Вместе с тем уровень абстрактности и степень обобщенности выше у теоретического понятия, чем у эмпирического. Эмпирическое понятие можно использовать для измерений и благодаря этому прямо или косвенно проникать в эмпирическую реальность. Теоретическое понятие измерять невозможно, и потому описываемая им реальность полагается, предполагается, строится, но никто не знает, с чем имеет дело – с описанными собственно реальности или собственно с интеллектуальными средствами, упрощающими и облегчающими взаимодействие с ней.

Теоретические понятия согласованы с логикой, упорядочивают психологическое знание, организуют научное мышление, лежат в основе методологической и теоретической рефлексии, направляют исследовательский поиск, выполняют много других важных и необходимых функций. Эмпирические понятия тоже согласуются с логикой, но дробят и фрагментируют эмпирическую реальность – в отличие от теоретических понятий, претендующих на объединение и централизацию. В некотором диапазоне теоретические понятия имеют столь же большое значение для развития эмпирической психологии, как и эмпирические понятия.

Кроме того, следует заметить, что понятие характеризуется объемом и содержанием. Объем понятия определяется совокупностью явлений, которые охватываются данным понятием, а содержание понятия – совокупностью объединенных в нем признаков одного или нескольких явлений. По объему и содержанию эмпирическое и теоретическое понятия различаются. В соответствии с законом формальной логики об обратном отношении между объемом и содержанием, теоретическое понятие имеет большой объем (обозначает классы явлений), но бедное содержание (в части описания конкретных признаков отдельных явлений). Теоретические понятия как единицы мышления не предназначены и не приспособлены к задачам описания и объяснения эмпирической реальности, поскольку несомненно крупнее ее. Личность, субъект, индивидуальность, образ, мышление – теоретические понятия, объем у них большой, а содержание бедное. В сравнении с теоретическим, эмпирическое понятие имеет меньший объем (описывает отдельные явления), но наполнено более богатым и конкретным содержанием (выделяются признаки, присущие данным явлениям). Эмпирические понятия как единицы мышления предназначены и приспособлены к задачам описания и объяснения эмпирической реальности, поскольку соизмеримы с ней и с ее отдельными фрагментами. Экстраверсия, доминантность, пространственные ассоциации, сензитивность, когнитивный контроль – эмпирические поня-

тик; объем у них меньше, а содержание богаче, чем у теоретических понятий.

Теперь я сосредоточусь на некоторых более специальных вопросах. Первый – это вопрос о том, что между теоретическим и эмпирическим понятиями существуют известная неопределенность и одно-/многозначные отклонения. Второй – вопрос о конвертации теоретического понятия в эмпирическое через операционализацию.

Характер отклонений

Вспомним И. Канта: понятие – это не только то, что общее многим явлениям, но и то, что имеет возможность содержаться в различных объектах (явлениях). Общее существует как нечто внеклассовое и не сводимое к отдельным явлениям, но также – и внутри отдельных явлений, как их неотъемлемый атрибут. Отсюда – принципиальная возможность переводов от теоретического понятия к эмпирическим понятиям. Между тем общее в разных явлениях их объединяет, а явления остаются все же разными и существуют по отдельности. Различия между ними указывают на своеобразие каждого по ним в том, как сочетаются общее и видовое, общее и индивидуальное. Одно и то же общее может выражаться в разных явлениях неодинаково. Так возникает проблема теоретического понятия в связи с его объемом: чем больше объем, тем больше разных явлений с видовыми и индивидуальными значениями, которые охватываются данным теоретическим понятием. Судя по всему, своеобразие явлений определяет не только их принадлежность общему, но и самостоятельное, отдельное от общего, существование. При этом теоретическое понятие объединяет некоторое множество разных, а не одинаковых, тождественных друг другу явлений. А это значит, что одно и то же теоретическое понятие может проявляться в некотором множестве разных эмпирических понятий. И чем более широким является теоретическое понятие, тем более острой становится тема общего внутри отдельных явлений, которых объединяет данное теоретическое понятие, и тем больше разнообразных путей от теоретического понятия к производным от него эмпирическим понятиям.

В психологической науке примеров выведения из одного и того же теоретического понятия некоторого множества производных из него эмпирических понятий довольно много. Приведу один пример. Креативное мышление – теоретическое понятие. Оно «распадается» на несколько эмпирических понятий: дивергентное мышление (Guilford, 1950, 1967; Runco, 1999), ассоциативный процесс (Mednick, 1962), идеационный поток сознания (Runco, Plucker, Liu, 2000–2001), интуция (Kaufman, 2009).

Поскольку из одного теоретического понятия можно выводить несколько эмпирических понятий, никакое одно эмпирическое понятие не может быть тождественно теоретическому понятию, – потому, что имеются (или могут появиться) другие эмпирические понятия, относящиеся к другим значениям данного теоретического понятия. Это обстоятельство приводит к тому, что отдельное эмпирическое понятие принципиально *недоопределено* по отношению к теоретическому понятию, следуя из которого оно сконструировано. Недоопределенность возникает в связи с тем, что эмпирические понятия создаются, исходя из разных значений одного и того же теоретического понятия. И всякий раз, когда принимается во внимание одно значение теоретического понятия, остаются «свободными» для создания новых эмпирических понятий другие значения этого же теоретического понятия. Конечно, можно пытаться объединять несколько эмпирических понятий в более крупные блоки (скажем, с помощью системного анализа; о системном анализе см.: Карабаджиков, 2005). Теория интегральной индивидуальности (Мерлин, 1986), концепция метаиндивидуального мира (Дорфман, 2006; Dorfman, 2005), концептуальная модель полимодального Я (Дорфман, 2004) могут служить иллюстрациями создания «крупных» эмпирических понятий. Все это имеет большое значение на уровне эмпирических понятий. Но по отношению к собственно теоретическим понятиям эти интеграционные тенденции принципиально сути дела не меняют. Ведь любое теоретическое понятие может иметь бесконечное количество разных значений.

Получается так, что движение от теоретического понятия в сторону эмпирических понятий возможно. Движение в обратную сторону – от эмпирических понятий к «чисто» теоретическому понятию, – напротив, невозможно, если быть достаточно последовательным и строго соблюдать правила формальной логики.

На это обстоятельство обратили внимание логические позитивисты еще в 1930-е годы. Так, чем больше эмпирических понятий длинн, тем меньше шансов дать определение длине как таковой (теоретическое понятие). Это привело Р. Карнапа к тому, что он отказался от требования полного определения понятия. Во-первых, эмпирические понятия не могут претендовать на полные определения. В них имеет место хотя бы частичная редукция, и потому невозможно проверить их полную истинность. Эмпирическое понятие может быть подтверждено лишь в границах, на которые оно же претендует. Во-вторых, по отношению к теоретическому понятию эмпирическое понятие должно быть неполным. Иначе дорога к появлению новых эмпирических понятий будет перекрыта и со вре-

менем науке просто нечего будет открывать. Как отмечают многие исследователи (я это в третьих), теоретическое понятие нужно отличать не только от эмпирического понятия. Теоретическое понятие нужно отличать от метафизического понятия. В то время как теоретическое понятие можно разложить на некоторое множество эмпирических понятий, метафизические понятия (скажем, понятийный строй традиционного психоанализа), как правило, не поддаются эмпирической редукции (подробнее см: Дорфман, 2005; Green, 1992).

В конечном итоге, между теоретическим и эмпирическим понятиями могут существовать известные неопределенность и одно/многозначимые отношения, по сути: одно теоретическое понятие – некоторое множество подпадающих под класс этого теоретического понятия эмпирических понятий.

Очевидно, что эмпирическая психология нуждается как в эмпирических, так и в теоретических понятиях. Они не перекрывают и не заменяют друг друга. Можно полагать, что эмпирические и теоретические понятия сосуществуют по принципу дополтельности.

Следующий вопрос о характере отношений между теоретическим и эмпирическими понятиями – конвертация теоретического понятия в эмпирические через операционализацию.

В 1927 г. П. Бриджман, именитый и авторитетный физик, опубликовал книгу «Логика современной физики» (Bridgman, 1927). Он предложил операциональный анализ в качестве процедуры, предохраняющей от ошибок, которые привели к коллапсу ньютоновскую физику. Бриджман был не первый, кто подчеркивал значение операционального анализа, и не претендовал на приоритет в этой области. Эти же проблемы находились в поле внимания прагматических философов. Некоторые психологи утверждают, что операциональный анализ восходит к психологу Э. Борину. Именно он объявил: «Интеллект есть только то, что измеряет тест» (Boring, 1923). Подход Бриджмана, однако, стал наиболее влиятельным.

Главная задача операционального анализа, по Бриджману, состояла в том, чтобы убрать абстрактные понятия. Эта задача решалась следующим образом: понятие определялось через специфические операции, посредством которых его можно было бы измерить. Бриджман писал, что понятие есть то, что согласуется с набором операций, применяемых для его описания и измерения.

Я весьма далек от того, чтобы отказываться от абстрактных (теоретических) понятий. Свидетельство тому – приращивающий анализ теоретического и эмпирического понятий. Тем не менее, задача перевода теоретического понятия в статус эмпирического понятия остается, так как с помощью теоретических понятий изучать эмпи-

рическую реальность невозможно. С некоторыми ограничениями, операционализация восполняет данный «недостаток» теоретического понятия.

Операционализация – это способ, посредством которого теоретическое понятие через эмпирическое понятие доводится до такой степени упрощения, простоты и конкретизации (на уровне восприятия и ощущений), когда возникает возможность проводить наблюдения и измерения отдельных фрагментов эмпирической реальности. Этот дедуктивный процесс, который связан с редукцией и направлен на конкретизацию теоретического понятия, его упрощение, применяется при введении нового эмпирического понятия. Под этим углом зрения операционализацию можно понимать как цепь непрерывных переводов от общего одного порядка к общему другому, третьего и т. д. порядка: общее в классе явлений (теоретическое понятие) и его значения, общее в отдельном явлении (эмпирическое понятие) и его значения, общее на уровне отдельных признаков явления (восприятие) и его значения. В этом движении «вниз» общее на каждом последующем уровне утрачивает свои сверхчувственные свойства, становится менее абстрактным, но более конкретным, более узким и ограниченным, более чувственно очевидным и доступным для восприятия. По сути, речь идет о цепи переходов от материала сверхчувственного мышления к материалу чувственного восприятия, о поиске и наводках перцептивных соответствий теоретическому понятию. Конечным результатом операционализации являются так называемые операциональные определения. Они указывают на некоторую операцию, посредством которой эмпирическое понятие может быть обнаружено и может быть обозначено его отличием от других эмпирических понятий. При этом эмпирическое понятие очищается от неопределенности и избыточных значений, приобретает большую ясность и строгость.

Операционализация не заканчивается на уровне эмпирического понятия. Далее она опускается еще на ступень «вниз» и затрагивает область наблюдений (принцип редукции эмпирического понятия и выход на уровень восприятия). Операционализация направлена здесь на то, чтобы сделать доступным предмет наблюдения, и прежде всего – для прямого восприятия исследователя, а не для его мышления и способности находить отдаленные и опосредованные связи и отношения (принцип перцептуальной очевидности). Предмет наблюдения (явление) в свою очередь изучается не по одному, а по некоторому множеству признаков-качества. Они возникают благодаря тому, что предмет наблюдения дробится на простейшие, отдельные, насколько возможно, далее неделимые и не следимые друг

к другим качествам (принцип дискретности). Эти качества сводятся затем к количествам (принцип квантификации). С другой стороны, изучаемое явление должно быть доступным для наблюдения многими людьми, а не одного человека (принцип доступности множеству наблюдателей), а его признаки-качества собираются вместе и подвергаются проверке методами статистики на их соответствие эмпирическому понятию, которым обозначается (или могло бы обозначаться) данное явление (принцип множества эмпирических свидетельств). Кроме того, явление изучают в контрасте с другими явлениями, и вопрос обособления (или связей) одного явления от других явлений (или связей с ними) опять-таки подвергается проверке с помощью методов статистики (принцип сравнения одного явления с другими явлениями в терминах эмпирических понятий), и т.д.

Эмпирическое обобщение и эмпирическое понятие

В предыдущем подпараграфе анализа эмпирического понятия проводился в контексте теоретического понятия, путем его дедукции и редукции. Это был взгляд на эмпирическое понятие «сверху». В данном подпараграфе анализа эмпирического понятия обобщается, он проводится в контексте индукции и эмпирического обобщения. Здесь мы поговорим о том, как может возникать и строиться эмпирическое понятие «снизу».

Можно было бы сказать просто: эмпирическое обобщение и есть эмпирическое понятие. Против такого упрощения, однако, свидетельствуют по меньшей мере несколько серьезных соображений.

Во-первых, целесообразно различать процесс и результат эмпирического обобщения. Сопоставим здесь процесс эмпирического обобщения с его результатом – эмпирическим понятием. «Вербальный интеллект» – эмпирическое понятие, субтесты вербального интеллекта (скажем, «Осведомленность», «Исключение лишнего», «Поиск аналогий», «Определение общего» в Тесте умственных способностей Р. Амтхауэра (см.: Сенин, Сарокина, Чирков, 1993) – эмпирические обобщения. «Осведомленность» (как субтест вербального интеллекта и его другие субтесты) «не достигает» до эмпирического понятия, а является частным эмпирическим обобщением результатов выполнения заданий определенного вида и класса. Не обязательно эмпирическое обобщение завершается образованием эмпирического понятия. И совсем не значит, что всякий раз они должны переходить в статус зафиксированных, устойчивых эмпирических понятий, принятых профессиональным сообществом.

Также можно отметить, что эмпирическое обобщение носит более частный характер и более конкретно, а эмпирическое понятие является более абстрактным и более общим. Объем эмпирического понятия больше, а содержание беднее, чем у эмпирического обобщения.

Во-вторых, по предмету эмпирическое обобщение касается прежде всего области восприятия (наблюдение). Обычно признаки-качества наблюдаемого явления собираются вместе посредством эмпирического математического обобщения. Скажем, пункты вопросника разбиваются на шкалы и подвергаются обработке при помощи эксплораторного факторного анализа. С одной стороны, пункты отдельной шкалы «должны попадать» в тот фактор, который служит математическим выражением данной шкалы (статистическая гомогенность как математическое обобщение). С другой стороны, пункты разных шкал должны распасться на разные факторы (конструктная валидность как дискретизация математических обобщений разных качеств). Обнаруженные факторы являются статистическими выражениями эмпирических математических обобщений. Факторы дают важный обобщенный эмпирический материал, на базе которого могут формироваться эмпирические понятия, но это еще не эмпирические понятия как таковые.

Эмпирическое понятие не сводится только к эмпирическому обобщению. В известной степени, эмпирическое понятие – это также результат теоретических абстракций, теоретического обобщения, установления опосредованных связей и отношений, которые превосходят по масштабу эмпирическое обобщение (см. выше подпараграф «Эмпирическое понятие как редукция теоретического понятия»). Между эмпирическим обобщением и эмпирическим понятием, следовательно, есть некая «дистанция», откуда – необходимость «скачка» при интеллектуальных переходах от первого ко второму. Дистанция эта возникает потому, что эмпирическое обобщение строится по преимуществу в области восприятия (хотя в какой-то степени касается мышления), а эмпирическое понятие принадлежит по преимуществу мышлению (хотя в какой-то степени касается восприятия). Эмпирическое обобщение привязано к своей чувственной основе, в то время как эмпирическое понятие в значительной степени отрывается от нее, а то и порывает с ней.

В-третьих, эмпирическое обобщение и эмпирическое понятие функционируют в режиме неполной индукции. Эмпирическое понятие соотносится с эмпирическим обобщением не строго через законы логики, а скорее через эмпирические данные, математические процедуры, психологические представления. Правомочность

эмпирического понятия доказывается на основе эмпирического обобщения (как правило, в терминах статистической вероятности) частных случаев наблюдения и частных признаков-качеств явления, но не для их конечного числа. Вопрос же о всех возможных признаках-качествах явления и всех случаях наблюдения, которые затем обобщаются, остается открытым, так как неполная индукция – это то, что мы наблюдаем, и переход от него к тому, что мы не наблюдаем или не можем наблюдать.

Неполная индукция приводит к тому, что любое эмпирическое понятие в принципе является неполным по отношению к явлению, которое оно описывает и признаки-качества которого обобщает. Эмпирические обобщения, на основе которых было сформулировано эмпирическое понятие экстраверсии, и сходны, и различаются в теории В. Мерляка (Очерк теории темперамента, 1973; Мерляк, 1986), Г. Айзенка (Айзенк, 1999), Р. Кеттелла (Cattell, 1957, 1990). Содержание эмпирического понятия экстраверсии в этих теориях тоже не совпадает, а если совпадает, то частично. Такого рода случаи можно объяснить (наряду с прочими объяснениями в духе дедукции и различающихся теоретических подходов) как раз принципиальной неполнотой эмпирического понятия экстраверсии (как и любого другого эмпирического понятия) по отношению к явлению, которое оно описывает и признаки-качества которого обобщает. И наоборот, можно ожидать, что одни и те же (или сходные) эмпирические обобщения могут наводить на различающиеся эмпирические понятия, пусть даже они имеют одинаковые (сходные) имена.

Неполная индукция не является доказательной с точки зрения формальной логики, и эмпирические обобщения могут приводить к фрагментарным или даже ошибочным заключениям о содержании эмпирического понятия. Поэтому большое значение имеют выделение дополнительных признаков-качеств явления (надежность эмпирических свидетельств), которые подвергаются затем эмпирическому обобщению, и устойчивость эмпирического понятия к новым эмпирическим свидетельствам.

Концептуализация

Переход от эмпирических данных к эмпирическому обобщению и затем к эмпирическому понятию может принимать характер концептуализации.

Концептуализация – это форма работы мышления исследователя, его интеллектуальные усилия. Они дополняют информацию, поступающую через органы чувств (восприятие и наблюдение), оформляют, организуют и структурируют эмпирические данные

путем восхождения на более высокие ступени абстракции и через обобщение. Концептуализацию можно понимать как индуктивный процесс выведения эмпирических понятий из данных наблюдений и эмпирических обобщений, ее суть заключается в том, что благодаря осмыслению, переосмыслению, рефлексии данных наблюдений и эмпирических обобщений последние переводятся на более высокий уровень абстракции. Идеализация, переход в план мышления и представления, схематизация, установление логически непротиворечивых отношений между компонентами понятия и понятием как целым, как и между данным и другими понятиями, – во всем этом находит свое проявление концептуализация. В ней выражается движение исследовательской мысли от восприятия к мышлению и представлению, от конкретного к более абстрактному, от частей к целому, схематизация данных наблюдений и эмпирических обобщений. Результат концептуализации – эмпирическое понятие, превосходящее по уровню абстракции и по объему эмпирическое обобщение. Концептуализация позволяет вписывать одно знание, перцептивного порядка, в другое знание, более общее и абстрактное, мыслительного порядка. Концептуализация – это интеллектуальная процедура, противоположная операционализации: первая имеет дело с индукцией, движением в направлении абстрактного, с эмпирическим обобщением, эмпирическим понятием, в отличие от второй, которая представляет собой дедукцию, редукцию, движение в конкретному, доведение понятия до уровня наблюдения отдельных признаков явления (об операционализации см. выше). Концептуализация обеспечивает внутреннюю связность перцептивного и понятийного слоев психологического знания, задает представление о его уровневой организации.

Далее концептуализация раскрывается в следующих отношениях.

В психодиагностике она затрагивает, в частности, тему конструктивной валидности инструмента измерения (соответствие вопроса или теста теоретическому конструкту). Скажем, пункты вопросника затрагивают область ощущений и восприятия и создаются на основе наблюдений множества независимых друг от друга признаков одного и того же явления. Шкалы данного вопросника (которые математически объединяют и схематизируют содержание данных пунктов) относятся к области эмпирических обобщений и/или эмпирических понятий. Пункты и шкалы вопросника должны измерять то, на измерение чего они претендуют. Здесь кроется проблема, решению которой способствует концептуализация. Не всякое наблюдение служит очевидным свидетельством

в пользу эмпирического понятия. Психометрически нужно выявить такие пункты (область наблюдений), которые бы при обобщении приводили их именно к определенным (а не всяким) шкалам и, соответственно, к определенным эмпирическим понятиям. Решению этой задачи и способствует концептуализация. Обозначим решение такого класса задач термином «психометрическая концептуализация».

При изучении каких-либо явлений (с помощью инструментов измерения) сначала в них выделяются отдельные признаки. Затем они структурируются, дифференцируются, интегрируются, сравниваются между собой внутри явления и с другими явлениями и т. п. Все эти операции (в плане мышления) направлены на то, чтобы совершить концептуальный переход от признаков явления (наблюдение и конкретизация) к собственно явлению, к явлению в целом. Оно укрупняется, подвергается описаниям и обобщениям на более высоком, чем прежде, уровне абстракции, доводится до уровня эмпирического понятия. Здесь концептуализация приводит к включению интеллектуального ресурса и способствует проникновению в суть явлений не только эмпирически, но и интеллектуально. Концептуализация также служит своеобразным фильтром, держателем под контролем необоснованные (неадекватные) эмпирические обобщения, которые могут приводить к ложным эмпирическим понятиям. Они могут возникать на основе ошибок восприятия, житейского здравого смысла, случайных или недостаточно проверенных обобщений, в результате отсутствия внешнего контроля над наблюдениями («Земля – планета, вокруг которой вращается солнце», «фекомек умино Гакса», плацебо-эффекты, в экспериментах эффекты действия одних причин не отделяются от эффектов действия других причин; подробнее см.: Дорфман, 2005). Концептуализацию, возникающую в связи с эмпирическим изучением каких-либо явлений, обозначим термином «перцептуальная концептуализация и категоризация».

Довольно часто эмпирические данные получают на выборках определенного профиля. Соответственно, они экстраполируются не на всю популяцию, а на ее отдельные фрагменты. Эмпирическое изучение явлений увязывается лишь с отдельным рядом занятий, только с определенным возрастом и/или полом и т. д. Иначе говоря, явление (или явления) может характеризовать отдельный слой (фрагмент) популяции и в то же время отсутствовать (или не обнаруживаться) применительно к другим слоям (фрагментам) популяции. Так наблюдаемые явления подвергаются эмпирическим (статистическим) обобщениям в пределах данного фрагмента популяции (ге-

неральной совокупности). Это обстоятельство накладывает определенные ограничения и на концептуализацию: уровень абстракции эмпирических понятий приводится в соответствие с масштабом фрагмента популяции. На основании мета-анализа многочисленных эмпирических данных Г. Фейст (Feist, 1998) показал, что нейротизм способствует креативности артистов, но не связан с креативностью ученых. Экстраверсия же способствует креативности и артистов, и ученых. Художественная деятельность – это один домен, научно-исследовательская деятельность – другой домен. В области креативности своеобразие этих доменов обнаруживается по нейротизму, а их общность – по экстраверсии. По критерию домена, кроме того, можно заметить, что масштаб связанных между собой эмпирических понятий креативности и экстраверсии шире масштаба связанных между собой эмпирических понятий креативности и нейротизма. Подобного рода факты отмечают и другие исследователи (см., например: Vagstad, Rogvåg, Døglum, 2002), а такого рода умозаключения возникают благодаря концептуализации, которая проявляется в осмыслении и рефлексии данных наблюдений и эмпирических обобщений. Концептуализацию, которая сопутствует изучению явлений на выборках определенного профиля, обозначим термином «домениная концептуализация».

Ограничения на эмпирические обобщения и эмпирические понятия могут возникать также по критерию разграничения явлений в их основе явлений и явлений, приводящих к явным эмпирическим обобщениям и эмпирическим понятиям. В психометрических терминах, это случай, когда изучаемые переменные следует выделить и отделить от посторонних переменных, поскольку они могут смешиваться и в результате смешения изучаемые переменные будут искажаться. Отделить в наблюдении признаки одного явления от признаков другого (других) совсем просто, если имеются в виду смежные, а не контрастные явления. Чем отличаются на уровне наблюдения за отдельными признаками агрессивность от психотизма, доминантность от маскулинности, агрессивность от доминантности, общительность от экстраверсии, пластичность как свойство темперамента от подвижности как свойства нервной системы и т. п.? Концептуально эти эмпирические понятия, конечно, различаются, но к разным эмпирическим понятиям порой приходят от весьма сложных признаков казалось бы разных явлений. Сравним некоторые пункты, относящиеся к (а) доминированию как первичному компоненту экстраверсии из Пятифакторного опросника личности (модификация Хийджоро Тсуи; см.: Хромов, 2000), (б) доминированию как измерению шкалы межличностных прилагательных

Дж. Виггинса (Wiggins, 1995), (х) маскулинности, как определяет ее Вопросник Сандры Бэм (см.: Вопросник Сандры Бэм..., 2003). Пункты, относящиеся к доминированию из Пятифакторного опросника личности: «Я люблю, чтобы другие быстро выполняли мои распоряжения», «Мне часто приходится быть лидером, проявлять инициативу», «Часто случается, что я руковожу, отдаю распоряжения другим людям». Пункты, относящиеся к доминированию из шкалы межличностных прилагательных Виггинса: уверенный, самостоятельный, напористый, неуступчивый, властный. Пункты, относящиеся к маскулинности: независимость, напористость; способность к лидерству; властность, амбициозность, честолюбие. Хотя отобранные пункты представляют собой лишь часть полных наборов пунктов, тем не менее легко заметить, что пункты доминирования как компонента экстраверсии, доминирования как измерения межличностного круга и маскулинности в значительной степени пересекаются и смешиваются. Так возникают не только вопросы о дискриминантной валидности этих инструментов измерений, но и о том, насколько отчетливо признаки одних явлений отделяются от признаков других явлений. В части эмпирических обобщений и эмпирических понятий также появляются вопросы. Например, можно ли по пунктам о лидерстве строить эмпирическое понятие «доминантность» или по пунктам о доминантности судить о маскулинности, и т. д. Вопросы корректного отделения одних явлений от других, как и их корректного обозначения теми или иными эмпирическими понятиями, – это тоже тема концептуализации, работы мышления исследователя, его интеллектуальных усилий, успешных или, наоборот, недостаточно убедительных. Концептуализацию, которая направлена на обособление одних явлений от других, как и одних эмпирических понятий от других эмпирических понятий, обозначим термином «дифференцирующая концептуализация».

Еще одна разновидность концептуализации – «структурная концептуализация». В определенном смысле она противопоставлена «дифференцирующей концептуализации». Если последняя направлена на то, чтобы одни явления не смешивать с другими, перед первой стоит задача раскрыть характер отношений между разными явлениями. Правда, вопрос ставится своеобразно: не просто о связи явлений, которые устанавливают парные корреляции, а о нечто большем, более общем и абстрактном; это индукционный выход на обнаружение цельных кусков реальности, которые сплетаются в единое целое из своих частей. В межличностной круговой модели Дж. Виггинса (Wiggins, 1995, 1996) личность характеризуют

такие ортогональные черты, как «Доминантность» (вертикальная ось) и «Свежесть» (горизонтальная ось). Противоположный полюс «Доминантности» – «Подчиненность» («Повиновение»), противоположный полюс «Свежести» – «Враждебность». Существуют переходы «по кругу» одних черт в другие. Круг возникает вследствие того, что коэффициенты корреляций между межличностными переменными систематически увеличиваются или уменьшаются. В частности, между смежными переменными положительные корреляции очень высокие, а между переменными на полюсах одной оси очень высокие отрицательные корреляции. Так, «Доминантность» переходит к своему противоположному полюсу «Подчиненности» либо через октанты «Наглый-Расчетливый» (BC), «Бессердечный» (DE) и «Замкнутый-Интровертный» (FG), либо через октанты «Общительный-Экстравертный» (NO), «Сердечный-Согласный» (LM) и «Непритязательный-Бесхитрый» (JK). Все эти сугубо эмпирические данные были обобщены в эмпирическое понятие личности. Его содержание раскрывалось, в частности, через такие чисто теоретические атрибуты, как межличностный круг, ключевые измерения и октанты, бивариантность, двумерное пространство, дополняемость, переходы и т. д. Структурная концептуализация здесь способствует движению мысли не только «вверх», но и предлагает весьма плодотворную познавательную стратегию, обеспечивая ее интеллектуальной установкой на поиск целого, когда эмпирически даны его части.

Наконец, имеет смысл выделить такую разновидность концептуализации, как «концептуализация-генерализация». Не блестящей иллюстрацией может служить теория креативности Г. Айзенка (Eysenck, 1993, 1995). Покалуги, одной из главных является его идея о подобии шизофрении и креативности в их психологических проявлениях. Представления о генетическом родстве креативности и шизопатии (в первую очередь шизофрении) не означает, что креативность и шизофрения тождественны, но означает, что между ними может быть что-то общее. В значительной степени теория креативности Айзенка построена по принципам аналогии и экстраполяции: если нечто наблюдается у шизофреников, то же нечто может иметь место у людей с высоким уровнем психотизма и высоким уровнем креативности. Отсюда и смелость предсказаний. Как правило, они основаны на эмпирических данных, полученных в связи с психотизмом или с шизофренией (подробнее см.: Дорфман, 2010). Ход мыслей Айзенка (концептуализация!) – это пример экстраполяции и генерализации данных, полученных в одной последовательной области, на другую область.

Интерпретация

Интерпретация – это несколько иная разновидность отношений между эмпирическими данными, их эмпирическим обобщением и эмпирическим понятием. В одних отношениях интерпретация уподобляется концептуализации, в других отношениях, напротив, отличается от нее по своему назначению и содержанию.

Подобно концептуализации, интерпретация – это форма работы мышления исследователя, его интеллектуальные усилия. Интерпретация есть индуктивный процесс выведения эмпирических понятий из данных наблюдений и эмпирических обобщений благодаря их осмыслению, переосмыслению, рефлексии. Как и при концептуализации, в интерпретации исследовательская мысль движется от восприятия к мышлению, от конкретного к абстрактному, от частей к целому. В сравнении с концептуализацией, однако, интерпретация имеет более широкий контекст, поскольку выходит за рамки данных наблюдения, эмпирических обобщений, эмпирических понятий в поле существующих в психологической науке конструктов. Исследователь вписывает в них полученные им результаты. С другой стороны, интерпретация наступает после концептуализации, развивает и продолжает ее, придает ей новые значения и смыслы. Интерпретация – это «отскок» от концептуализации, подъем еще на более высокую ступень абстрагирования, чем при концептуализации.

Назначение интерпретации состоит в том, чтобы предложить понимание, каузальное умозаключение и объяснение полученным данным. Объяснение здесь – это попытка осмыслить, что получилось (функция понимания). Возможность понимания эмпирических данных возникает тогда, когда исследовательское мышление выходит за область наблюдаемого в область ненаблюдаемого, находится в поисках латентных факторов и общих причин для полученных фактов на уровне описывающих эти латентности эмпирических понятий. Под таким углом зрения суть интерпретации состоит в том, чтобы прийти к определенным каузальным умозаключениям. Интерпретация представляет собой также попытку теоретически восполнить возникающие пробелы в области полученных данных и их обобщений (функция замещения). Дело в том, что одной из особенностей эмпирических данных является их дискретность, прерывистость и потому фрагментарность. Отсюда неизбежное появление своеобразных пробелов в области наблюдения. Вместе с тем пробелы эти могут восполнять, а порой и замещать эмпирические обобщения. Далее нужно отметить, что задача интерпретации состоит в том, чтобы вписать факты в определенный теоретический контекст (функция контекста). Эмпирические данные можно обоб-

здать до уровня не всяких, а определенных эмпирических понятий. Однако и тем же эмпирическим данным можно находить объяснение в рамках одних эмпирических понятий, и те же эмпирические данные могут не вписываться в контекст других эмпирических понятий, а то и противоречить им. Кроме того, следует иметь в виду, что интерпретация содержит в себе нечто полагаемое, гипотетическое, если же получившее прямой эмпирической поддержки (в отличие от концептуализации). Интерпретация как предположение – это теоретическая возможность, а не статистическая вероятность и даже не предсказание. При этом возможные пути для постановки и проведения новых эмпирических исследований раскрываются (функция исследовательского поиска), но никто не знает заранее, какой путь является перспективным, а какой – тупиковый.

Интерпретация может быть тревожного рода. Первый род интерпретации заключается в том, что исследователь пытается понять и объяснить полученные им данные, обращая внимание прежде всего на их собственную (внутреннюю) организацию, не обращая при этом к теоретическому контексту, не анализируя его, но оставляя его за рамками проведенного исследования. Примерами могут служить интерпретации факторов (при эксплораторном факторном анализе) и кластеров (при кластерном анализе). В исследовании В. А. Гасимовой на старшеклассниках эксплораторному факторному анализу подвергались показатели креативного мышления и психометрического интеллекта при разных уровнях выраженности IQ (Гасимова, 2007). Было установлено, что показатели креативного мышления и психометрического интеллекта распадаются на разные факторы независимо от уровня IQ. Фактор, в который входили со значимыми факторными нагрузками показатели беглости, гибкости, оригинальности, был интерпретирован как «креативное мышление». Фактор, в который входили со значимыми факторными нагрузками показатели вербального, математического, пространственного интеллекта, был интерпретирован как «психометрический интеллект». Эти факторы являлись ортогональными. Было сформулировано предположение о том, что у старшеклассников креативное мышление и психометрический интеллект являются независимыми. Если ограничиться только данными интерпретациями, тогда интерпретация существенно сближается с концептуализацией. Интерпретацию подобного рода можно обозначить термином «интерпретация-концептуализация».

Второй род интерпретации таков, что интерпретация полученных данных и сделанных на их основе эмпирических обобщений соотносится с эмпирическими понятиями теории, которая служи-

ла исходной предпосылкой соответствующего исследования. В подобном случае интерпретация как бы соединяет индукцию (движение мысли от эмпирических данных к эмпирическим обобщениям и эмпирическим понятиям, которые относятся к этим данным) с дедукцией (движение мысли от эмпирических понятий теории к полученным в ее контексте эмпирическим данным и эмпирическим обобщениям). Получается так, что интерпретация выдвигается на двух опорах и при этом расширяет поле отношений эмпирических данных с эмпирическими обобщениями и эмпирическими понятиями. На одной стороне интерпретация завершает индукционный процесс и «поднимается» над концептуализацией, а то время как на другой стороне она возвращается к исходной теории и дедуктивно использует последнюю как точку отсчета для рассуждений о полученных результатах. Возникает своеобразное «кольцо», и если его возможно разделить на отдельные составляющие, то лишь в представлении, абстрактно, условно. Интерпретацию подобного рода можно обозначить термином «поддерживающая интерпретация». Причем различия между поддерживающей интерпретацией и концептуализацией просвечивают довольно ярко. Концептуализация имеет дело с эмпирическими данными и их обобщениями, поддерживающая интерпретация – с эмпирическими понятиями базовой теории. С. Кауфман изучал индивидуальные различия в интуитивных принятиях решений (Кауфман, 2009). Базовым было понятие латентного торможения. Интуиция рассматривалась как конструкт, выражающий своеобразие редукции латентного торможения. Полученные данные интерпретировались в пользу теории редукции латентного торможения. Таким образом, стратегия объяснения в работе Кауфмана иллюстрирует поддерживающую интерпретацию.

Поддерживающая интерпретация усиливает и укрепляет базовую теорию. Вместе с тем последняя при этом консервируется, ее развитие может сдерживаться.

Третий род интерпретации в некоторых отношениях подобен второму роду – поддерживающей интерпретации. Интерпретация полученных данных и сделанных на их основе эмпирических обобщений также соотносится с эмпирическими понятиями теории, которая служила исходной предпосылкой соответствующего исследования. Однако здесь «кольцо», соединяющее индукцию с дедукцией, разрывается, а индукция продолжает свой ход и выходит на уровень других теорий и эмпирических понятий. Такие ситуации могут возникать, когда эмпирические данные так или иначе расходятся с исходной теорией. Если эмпирические данные «плывут» вписываются в базовую теорию, их соответствие ее положениям недостаточно

убедительно и вызывает сомнения, последователь обращает свой взор на другие теории. Эта теория может быть близкой к базовой, но может быть и весьма далекой, и даже альтернативной ей. Но это иная тема, она не затрагивает вопросы собственно интерпретации. Возвращаясь к интерпретации, отметим, что если эмпирические данные и обобщения неудовлетворительно вписываются в исходную теорию, они могут стимулировать иной угол зрения на полученные при условии согласования эмпирических данных с новой теорией. Задача интерпретации в том и состоит, чтобы открыть эту перспективу. Назовем данный род интерпретации «перспективная интерпретация».

Различия между перспективной интерпретацией и концептуализацией опыта-таки просвечивают довольно ярко. Как неоднократно отмечалось выше, концептуализация имеет дело с эмпирическими данными и их обобщениями, перспективная интерпретация – с эмпирическими понятиями перспективной (а не исходной) теории. Нередко отечественные последователи интерпретируют свои данные сверхабстрактно, обращаясь к априорным и метафизическим понятиям. Такого сорта интерпретации полагаются на весьма отдаленные и смутные в эмпирическом плане перспективы. Перспективная интерпретация, напротив, является конструктивной; она обращается к теориям и понятиям, которые можно подвергнуть эмпирическому тестированию «здесь и теперь». Перспективная интерпретация предлагает объяснения, которые можно тестировать напрямую или, как минимум, конвертировать в формы, доступные для тестирования.

Одно из положений теории креативности Г. Айзенка (Eysenck, 1993, 1995) гласит, что умеренно выраженный психотизм является предпосылкой креативности. При этом Айзенк руководствовался тем, что между психотизмом и психопатией (прежде всего шизофренией) имеется известное родство (но не тождество). По меньшей мере, в отношении дивергентного мышления (как креативного мышления) одни эмпирические данные можно было интерпретировать как свидетельства в пользу теории Г. Айзенка. Другие эмпирические данные, напротив, невозможно было объяснить этой теорией. Осмысливая (интерпретируя) противоречивость фактических данных по отношению к роли психотизма для дивергентного мышления в теории креативности Айзенка, некоторые исследователи продолжили работу в русле его теории. Они предложили близкие к психотизму, но тем не менее новые эмпирические понятия для изучения предпосылок дивергентного мышления. В качестве кандидатов на замещение психотизма предлагались психотипия и гипотимия.

Новые эмпирические исследования дивергентного мышления, кстати, поддержали эту конструктивную интерпретацию касательно и шизофрении (Barch et al., 2005; Fisher et al., 2004; Schuldberg, 2001), и гипомании (Babey, Furnham, 2006; Furnham et al., 2008; Schuldberg, 1993). Переосмысление теории креативности Айзенка в свете эмпирических данных и перенос внимания от шизофрении к шизофрени и гипомании – это пример перспективной интерпретации.

Перспективная интерпретация не консервирует исходную (базовую) теорию и ее эмпирические понятия. Скорее, она трансформирует ее. Если же трансформация не приводит к эмпирической поддержке теории, на смену ей приходит другая теория или создается новая. Так перспективная интерпретация способствует развитию и движению теорий и психологической науки в целом.

Двойственность эмпирического понятия

У эмпирического понятия, как уже отмечалось, открывается двойственность. Эмпирическое понятие опирается на два «жита»: теоретическое понятие, с одной стороны, эмпирическое обобщение – с другой. В полном виде эмпирическое понятие есть мышление и восприятие, абстракция и конкретность, дедукция и индукция, редукция и обобщение. Кроме того, эмпирическое понятие вступает в «игры», когда проводится процедуры операционализации и концептуализации, концептуализации и интерпретации, наблюдения и перевода его признаков в ряд обобщенных ненаблюдаемых объектов, когда ненаблюдаемые латентные факторы выводятся из наблюдаемых переменных и конформаторный факторный анализ дополняет эксплораторный факторный анализ.

Отдельные отношения в каждой паре, как можно заметить, строятся прижизниальной неполнотой и незавершенностью. Внутри каждой пары, однако, они дополняют и умножают друг друга, как и одна пара отношений дополняется остальными парами отношений. Дополнительность можно понимать не только как умножение, но и как расширение поля возможностей. Одна из возможностей – переходы и переводы в режиме последовательной смены одних отношений другими.

Эмпирические и априорные теории

Считается, что структура психологической теории складывается из некоторых базовых идей и утверждений, образующих ядро теории (ее центр) и вспомогательных по отношению к нему опы-

та и когнитивных конструкций (периферия теории) (Юревич, 2004б). Я буду рассматривать теории в ином контексте – не в плане их общей структуры, а, напротив, в плане своеобразия теорий при их дифференциации на эмпирические и априорные (метафизические). В чем состоит отличие эмпирических теорий от априорных (метафизических)? Во-первых, ответы на этот вопрос могут быть содержательными. Во-вторых, различия между эмпирическими и априорными (метафизическими) теориями можно проводить по эмпирическим основаниям.

Априорные (метафизические) теории претендуют на постижение предельной реальности, на открытие первопринципов и сущности, которые носят принципиально нечувствительный характер и находятся за пределами той информации о мире, которую получает человек прямо или косвенно через органы чувств. Эмпирические теории, напротив, исследуют природу реальности в пределах информации, поступающей к человеку через его органы чувств. Эмпирические теории направлены на выявление происхождения ближайших, а не далеких (предельных) причин. Подобно априорным, эмпирические теории тоже носят нечувствительный характер. Но эта дорога приводит к иной, чем априорная сущность, реальности. Эмпирические обобщения и теории направлены на понимание, объяснение, предсказание явлений и событий, имеющих чувственный характер, на открытие законов и обнаружение причин, опять-таки относящихся к сфере явлений и событий, имеющих чувственный характер. С. Л. Рубинштейн усматривал сущность не только за «поверхностью» явлений (как понимает сущность метафизик), но в самих явлениях, сущностное в них (Рубинштейн, 2003). Своеобразным выражением сущности, по Рубинштейну, одним из ее значений, может служить понятие «эмпирическое обобщение». Эмпирическое обобщение – это движение исследовательского мышления в направлении к сущности, приближение к ней в самих явлениях. В то время как метафизические теории пытаются объяснить сущности (за пределами явлений), эмпирические теории пытаются объяснить явления (в поисках сущности в них). Это значит, что метафизические и эмпирические теории расходятся по своему предмету.

Другое отличие эмпирических теорий от априорных (метафизических) теорий заключается в степени их абстрагированности, «удаленности» от чувственного опыта. Есть основания полагать, что уровень абстрагированности метафизических теорий может существенно превосходить таковой у эмпирических теорий. Как отмечают Дж. Кларк и А. Райно (Clark, Raino, 1989), эмпиристы считают, что, в сравнении с теоретическими, эмпирические понятия

более привязаны к перцептивному опыту. Радикалисты, напротив, утверждают, что любые научные понятия, в том числе эмпирические, в равной степени теоретически нагружены. Эмпирические исследования в области когнитивной психологии свидетельствуют о том, что различия между эмпирическими понятиями и метафизическими понятиями все же имеют место. Они идут параллельно с различиями между конкретным и абстрактным, невербальным и вербальным. Можно полагать, что эмпирические теории являются более конкретными и менее абстрактными, чем метафизические, которые характеризуются скорее высокой степенью абстрактности, чем конкретности.

Каков объем и насколько детализированы эмпирические и априорные (метафизические) теории – третье содержательное основание, по которому они отличаются между собой. По объему и содержанию обычно различают философские, общенаучные и теоретические понятия. Можно добавить в этот ряд эмпирические понятия, оставившись и показать различия между теоретическими и эмпирическими понятиями по их объему и содержанию. Если совершить переход от понятий к теориям, то можно думать, что эмпирические теории, в сравнении с априорными (метафизическими), имеют меньший объем, но более богатое (конкретное) содержание. Сверх того, эмпирические понятия, описывая факты наблюдения, имеют больше надежных и определенных значений, чем метафизические понятия (там же).

Традиционный для XIX – первой половины XX в. взгляд заключался в том, что эмпирические науки получают знание по преимуществу индуктивным путем, начиная с наблюдения и эксперимента, т.е. они отправляются от опыта, «снизу вверх», индуктивно. Метафизика, напротив, строит теории, применяя дедуктивный метод, начиная с абстрактных сверхшироких категорий и понятий, т.е. выводит теории, так сказать, из чистого мышления, направляя его «сверху вниз», и остается при этом, как правило, в границах самого мышления. Считалось (например, неопозитивистами), что научными являются только те понятия (представления или идеи), которые выводятся из опыта. Проблема заключалась в том, чтобы определить критерии различий между научными (эмпирическими) теориями и априорными (метафизическими) теориями. К. Поппер обозначил поиск критерия для выявления различия между эмпирическими теориями и метафизическими теориями проблемой демаркации (Поппер, 2005, первая публикация – 1935 г.).

Вначале подразумевалось, что критерий демаркации обнаруживается в употреблении индуктивной логики. Однако К. Поппер от-

казался от индуктивной логики как критерия демаркации. По его мнению, индуктивная логика не устанавливает подлинного признака, по которому можно отличать эмпирические теории от метафизических. Нужен другой критерий демаркации, но он должен быть эмпирическим и не иметь метафизического характера. Этот критерий должен описывать мир-возможного-опыта – так, чтобы его можно было отличать от мира метафизических идей. Таким критерием, по Попперу, является эмпирическая проверка. Эмпирические теории можно подвергать проверке по опытному основанию, а метафизические теории, напротив, в принципе невозможно подвергать подобного рода проверке. С этой точки зрения, опыт служит специфическим методом, посредством которого можно отличать эмпирические теории от метафизических, а теория познания применительно к эмпирическим наукам предстает как теория опыта, или теория эмпирического метода.

Между тем использование опыта, или эмпирического метода, в качестве критерия демаркации приводит к мысли, что к эмпирическим теориям применим дедуктивный, а не индуктивный метод. Следствием попперовской демаркации является то, что эмпирические теории отличаются от метафизических по критерию их «чувствительности» к эмпирической проверке, но эти же теории сводятся в том, что обе используют по преимуществу дедуктивный метод. Существуют много вариантов решения проблемы демаркации: джастификационизм (верификация), пробабиллизм, фальсификационизм, фаллибиллизм, их разновидности. Проблема демаркации может решаться как индуктивным, так и дедуктивным путем. Эти вопросы подвергает критическому анализу Н. Лакатос (Лакатос, 1995).

Интеллектуализация эмпирической психологии (Заключение)

Один из платоновских критиков говорил, что видит лошадей по отдельности и не видит «лошадность» как форму, объединяющую лошадей в нечто единое и целое. Платон отвечал ему: это происходит потому, что, кроме глаз, еще нужен ум. Платон мыслил «форму» лошади, или «лошадность», как нечто реально и отдельно существующее в добавление к отдельным лошадям (см.: Дорфман, 2003). Впрочем, можно вообразить еще одного критика. Он объединяет лошадей в общую категорию «живое существо» и не замечает ни «лошадность» как отдельную категорию, ни каждую лошадь по отдельности. Это была крайность: у критика есть «ум», но нет «глаз», чтобы видеть собственно лошадей.

Эмпирическая психология имеет дело с отдельными явлениями, и с их обобщениями, но уходит от избыточных по степени абстрактности и обобщений априорных (метафизических) понятий, суждений, умозаключений. Иммануил Кант отмечал, что человеческое мышление способно производить истину, но также плодит ошибки (Кант, 2006, первая публикация – 1781 г.). Задачу отделения мышления истинного от мышления ложного невозможно решить в рамках самого мышления, но возможно посредством внешнего по отношению к нему критерия. Таким является эмпирический критерий. Вряд ли он может претендовать на универсальность. Но в определенном диапазоне он позволяет решать главную задачу – отделять продукты мышления, описывающие и объясняющие (с той или иной степенью полноты) реальность, от продуктов мышления, уводящих исследователя от нее.

Корни эмпирической психологии восходят к эмпиризму и рационализму, а не только к эмпиризму. Вначале разобщенные и противостоящие друг другу, эти философские направления примерил Кант, – правда, он сделал это несколько своеобразно. В «Критике чистого разума» он опровергает чистый рационализм в его попытке построить метафизическую систему, исходя из чистого разума и за пределами сферы возможного опыта. Не всякое разумное высказывание есть верное описание действительности; научные теории, созданные без обращения к опыту, силой только разума, спекулятивны и несоответственны. Лишь опыт позволяет судить об истинности или ложности научной теории; для этого нужно прибегнуть к наблюдению и эксперименту. Вместе с тем в границах возможного опыта Кант придавал большое значение рационализму (см. также: Поппер, 1995). На эти идеи Канта опирается современная философия науки.

Оппозиция эмпирической психологии к априорной психологии носит относительный, а не абсолютный характер. Эмпирическая психология также использует широкие абстракции и априорные понятия. Речь идет не об изгнании их из эмпирической психологии; в науке также попытки предпринимались, но были безуспешными и бесплодными (см., например: Bridgman, 1927; примеры см.: Дорфман, 2006). Между тем для добывания знаний о психической реальности априорные понятия и суждения недостаточны, психологическое познание приобретает объективность благодаря эмпирическому критерию. Кроме того, целесообразно, во-первых, отделить и обособить мышление, привязанное к чувственному материалу (эмпирическая психология), от мышления, оторванного от чувственной основы (априорная психология); во-вторых, выделить и определить качественное своеобразие мышления, привязанного именно

к чувственному материалу. К. Мартиндейл отмечал, что активация и торможение (теоретические понятия) могут объяснить фактически все в нейронных теориях когнитивной психологии, и потому эти понятия мало вдохновляют исследователей (Мартиндейл, 2000). Споры же на эмпирические понятия позволяют обнаруживать конкретные способы максимизации активации и минимизации торможения. Вместо того, чтобы совершать «восхождение» к априорным понятиям, многие исследователи предпочитают оставаться в поле эмпирических понятий. При обсуждении эмпирических данных они строят предсказания, доступные для эмпирического тестирования, а сами предсказания направляют либо в сторону расширения значений эмпирических понятий, либо в направлении описания связей одних эмпирических понятий с другими.

Эмпирическая психология обращается к эмпирической реальности. Это необходимо, но недостаточно. Она нуждается также в серьезной рефлексии и систематизации, собственном понятийном строе и яском определении понятий, глубоком и развернутом анализе тех срезов реальности, которые определяют ее объект и предмет. Во многом познавательные возможности эмпирической психологии определяются также тем, как понимаются факты, законы и причины, – в эмпирическом ключе, а не как чистые рассуждения. Здесь опять-таки открывается широкое поле для анализа, осмысления и пояснения. Все это в конечном итоге приводит к интеллектуализации эмпирической психологии. Тем не менее, она сохраняет статус самостоятельной области познания и не сводится к априорной (метафизической) психологии.

Тема эмпирической парадигмы в психологии вызывает много вопросов и содержит спорные узловые области, требует новых дискуссий с участием многих отечественных психологов, исследователей, методологов, философов науки.

Литература

- Айдем Г.Ю. Структура личности. СПб.: Ювента; М.: КСП+, 1999.
- Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь, 2003.
- Аллахвердов В.М. Блеск и нищета эмпирической психологии (На пути к методологическому манифесту петербургских психологов) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 1. С. 44–65.
- Аллахвердов В.М. Размышление о науке психологии с восклицательным знаком. СПб.: Фермат, 2009.

- Карабанщикова В. А. Идеи системности в современной психологии. М.: Институт психологии РАН, 2005.
- Вопросник Сандры Бом по изучению маскулинности–феминности // Практикум по гендерной психологии / Под ред. И. С. Клепцовой. СПб., 2003. С. 277–280.
- Газдимова В. А. Интеллект и креативность как психологические феномены // Психолого-педагогические проблемы одаренности: теория и практика: Материалы V международной конференции / Под ред. Л. И. Ларюновой. Иркутск, 2007. С. 186–195.
- Дорфман Л. Я. Исторические и философские корни научного метода в эмпирической психологии. Екатеринбург: Изд-во УГПУ, 2002.
- Дорфман Л. Я. Эмпирическая психология: исторические и философские предпосылки. М.: Смысл, 2003.
- Дорфман Л. Я. Я-концепция: дифференциация и интеграция // Интегральная индивидуальность, Я-концепция, личность / Под ред. Л. И. Дорфмана. М.: Смысл, 2004. С. 96–123.
- Дорфман Л. Я. Методологические основы эмпирической психологии: от понимания к технологии. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2005.
- Дорфман Л. Я. Концепция метainдивидуального мира: современное состояние // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. №3. С. 3–34.
- Дорфман Л. Я. Metainдивидуальная и полимодальная модели креативности // Информация, время, творчество / Ред. В. М. Петров, А. В. Харуто. М.: Государственный институт искусствознания, Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского, 2007. С. 73–79.
- Дорфман Л. Я. Горизонты современной эмпирической психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008а. Т. 5. №3. С. 3–30.
- Дорфман Л. Я. Наблюдаемые и теоретические объекты в психологических измерениях // Психология. Вестник ЮЗрГУ. 2008б. №2. С. 45–50.
- Дорфман Л. Я. Теория креативности Ганса Айзенка // Мир психологии. 2010. №2 (62). С. 70–86.
- Дорфман Л. Я., Кабанов В. С. Порог и дивергенция как условия связей психометрического интеллекта и креативного мышления // Психология человека в современном мире. В 2 т. / Отв. ред. А. А. Журавлев и др. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. Т. 2. С. 338–345.
- Канн И. Креатива чистого разума. М.: Эксмо, 2006.

- Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медгум, 1995.
- Мартиндейл К. Генеральная парадигма эмпирической эстетики // Творчество в искусстве – искусство творчества / Под ред. Л. Дерфмана, К. Мартиндейла, В. Петрова, П. Малотки, Д. Леонтьева, Дж. Купчина. М.: Наука; Смысл, 2000. С. 36–44.
- Очерк теории темперамента / Под ред. В.С. Мерлина. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1973.
- Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
- Наследов А.Д. Векс и квацета теоретической психологии (О проблеме эмпирической достоверности научного факта) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 1. С. 86–92.
- Поллер К. Что такое диалектика? // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 118–138.
- Поллер К. Логика научного исследования / Под общ. ред. В.Н. Садовского. М.: Республика, 2005.
- Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Рукавишников А.А., Соколова М.В. Факторный личностный опросник Р. Кеттелла-95. СПб.: Психодиагностика; Издат, 1995.
- Сенин Н.Г., Сарожкин О.В., Чарков В.И. Тест умственных способностей. Ярославль: Психодиагностика, 1993. С. 3–25.
- Хромов А.Б. Пятифакторный опросник личности. Курган: Изд-во КГУ, 2000.
- Челюхова А.В. Личностно-мотивационные факторы и пол как детерминанты креативности: Дис. ... канд. психол. наук. Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, 2009.
- Шилова В.М. К методологии психологического познания // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 1. С. 119–123.
- Юревич А.В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3–11.
- Юревич А.В. Психология и методология // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 5. С. 35–47.
- Юревич А.В. Состав и структура психологического знания // Методологические проблемы современной психологии / Под ред. Т.Д. Марцьяковской. М.: Смысл, 2004а. С. 37–60.
- Юревич А.В. Структура психологических теорий // Методологические проблемы современной психологии / Под ред. Т.Д. Марцьяковской. М.: Смысл, 2004б. С. 20–36.

- Юрсов А. В. Типология психологических фактов // Вопросы психологии. 2006. № 5. С. 3–13.
- Дрошицкий М. Г. Эмпирическая психология // Общая психология: Словарь / Под ред. А. В. Петровского. М.: Пер Са, 2005. С. 93.
- Batey M., Furnham A. Creativity, intelligence, and personality: A critical review of the scattered literature // *Genetic, Social, and General Psychology Monographs*. 2006. V. 132 (4). P. 355–429.
- Binet S., de Jong H. I. *Theoretical issues in psychology*. London: Sage, 1997.
- Boring E. G. Intelligence as the tests test it // *New Republic*. 1923. V. 34. P. 34–37.
- Bridgman P. W. *The logic of modern physics*. N. Y.: Macmillan, 1927.
- Borch G. S. J., Hemsley D. R., Corr P. J., Ravelis C. Personality, creativity and latent inhibition // *European Journal of Personality*. 2005. V. 19. P. 1–16.
- Cattell R. B. *Personality and motivation structure and measurement*. Yonkers, N. Y.: World Book, 1957.
- Cattell R. B. *Advances in Cattellian personality theory* // *Handbook of personality: Theory and action* / Ed. L. A. Pervin. N. Y.: Guilford Press, 1990. P. 101–110.
- Clark J. M., Paivio A. Observational and theoretical terms in psychology: A cognitive perspective on scientific language // *American Psychologist*. 1989. V. 44. P. 500–512.
- Comte A. *The positive philosophy of Auguste Comte*. N. Y.: Blanchard, 1855 (original work published 1839–1842).
- Dooley D. *Social research methods*. Upper Saddle River, N. J.: Prentice Hall, 2001.
- Dorfman L. Y. A meta-individual model of creativity // *New directions in aesthetics, creativity and the arts* / Eds P. Locher, C. Martindale, L. Dorfman. Amityville, N. Y.: Baywood Publishing Co., 2005. P. 105–122.
- Eysenck H. J. Creativity and personality: Suggestions for a theory // *Psychological Inquiry*. 1993. V. 4. P. 147–178.
- Eysenck H. J. *Genius: The natural history of creativity*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1995.
- Fair G. J. A meta-analysis of personality in scientific and artistic creativity // *Personality and Social Psychology Review*. 1998. V. 2. P. 290–309.
- Fisher J. E., Mohanty A., Harrington J. D., Koven N. S., Miller G. A., Heller W. Neuropsychological evidence for dimensional schizotypy: Implications for creativity and psychopathology // *Journal of Research in Personality*. 2004. V. 38. P. 24–31.

- Furnham A., Betsy M., Anand K., Manfield J. Personality, hypomania, intelligence and creativity // *Personality and Individual Differences*. 2008. V. 44. P. 1060–1069.
- Green C. D. Of immortal mythological beasts: Operationism in psychology // *Theory and Psychology*. 1992. V. 2 (3). P. 291–320.
- Guilford J. P. Creativity // *American Psychologist*. 1950. V. 5. P. 444–454.
- Guilford J. P. The nature of human intelligence. N. Y.: McGraw-Hill, 1967.
- Kaufman S. B. Faith in intuition is associated with decreased latent inhibition in a sample of high-achieving adolescents // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. 2009. V. 3 (1). P. 28–34.
- Kimble G. A. Psychology from the standpoint of a generalist // *American Psychologist*. 1989. V. 44 (3). P. 491–499.
- Mednick S. A. The associative basis of the creative process // *Psychological Review*. 1962. V. 69 (3). P. 220–232.
- Reber A. S. The Penguin dictionary of psychology. London: Penguin, 1995.
- Rusco M. A. Divergent thinking // *Encyclopedia of creativity* / Eds M. A. Rusco and S. R. Pritzker. San Diego et al.: Academic Press, 1999. V. 1. P. 577–582.
- Rusco M. A., Plucker J. A., Lim W. Development and psychometric integrity of a measure of ideational behavior // *Creativity Research Journal*. 2000–2001. V. 13 (3–4). P. 393–400.
- Schulberg D. Schizotypal and hypomanic traits, creativity, and psychological health // *Creativity Research Journal*. 1990. V. 3 (3). P. 218–230.
- Schulberg D. Six subclinical spectrum traits in normal creativity // *Creativity Research Journal*. 2001. V. 13 (1). P. 5–16.
- Stonovich K. E. How to think straight about psychology. N. Y.: Harper Collins Publishers, 1992.
- Toulmin S., Leary D. E. The cult of empiricism in psychology, and beyond // *A century of psychology as science* / Eds S. Koch and D. Leary. Washington, DC: American Psychological Association, 1992. P. 594–617.
- Vertovian O., Poroshina T., Dorfman L. Psychoticism and creativity among students and teachers of art and music in Russia // *Bulletin of Psychology and the Arts* / Eds L. Dorfman, V. Petrov, E. Grigorenko. 2002. V. 3 (1). P. 30–33.
- Wickers J. The Problem of Induction // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2011. URL:<http://plato.stanford.edu/archives/fall2011/entries/induction-problem> (data of publication: 09.08.2012).

- Wenar D. The scientific legacy of Sigmund Freud: Toward a psychodynamically informed psychological science // *Psychological Bulletin*. 1998. V. 124 (3). P. 333-371.
- Wiggins J. S. IAS: Interpersonal Adjective Scales. Professional Manual. PAR Psychological Assessment Resources, Inc., 1995.
- Wiggins J. S. An informal history of the interpersonal circumplex tradition // *Journal of Personality Assessment*. 1996. V. 66 (2). P. 217-233.

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА С. Л. РУБИНШТЕЙНА И А. Н. ЛЕОНТЬЕВА И ЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ «СЕТЕВОЙ ПАРАДИГМЫ» СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Е. Е. Соколова

Предлагаемая вниманию читателя статья написана в контексте начатого автором ранее (Соколова, 2006) сопоставления (а не противопоставления) идей действительности ориентированной психологии школы С. Л. Рубинштейна, с одной стороны, и школы А. Н. Леонтьева, с другой. В настоящей работе следство будет прослежено при анализе философских оснований психологических идей, разрабатываемых обеими школами. Речь пойдет о диалектической логике, противостоящей логике «сетевой (постмодернистской) парадигмы» в психологии, которая рассматривается многими современными методологами психологической науки как наиболее перспективная. На примере некоторых ключевых проблем психологии, затрагиваемых обеими указанными школами, будут показаны преимущества их конкретно-психологического решения на основе диалектической логики, а не логики, лежащей в основе «сетевой парадигмы».

Логические основания «сетевой парадигмы» современной психологии и логика истории

Современные методологи психологической науки, ориентирующиеся на идеалы постнеклассической рациональности, в построении соответствующей, как они полагают, этим идеалам «сетевой парадигмы»¹ обычно выступают за использование логика «и-и».

¹ Отметим здесь, что часто цитируемый «сетевиком» В.С. Степан, посвятивший ряд своих работ раскрытию особенностей «постнеклассической» рациональности, напротив, все время подчеркивает системный, а не «сетевой» характер постнеклассической науки и выступает, таким образом, с антистольких и антипостмодернистских позиций (см. ниже).

т.е. логики «мышления антиномично» (см. Гусельцева, 2007, с. 105). «Мышление антиномично», – пишет сторонница данной позиции М. С. Гусельцева, – оказывается эвристичнее мышления дилеммами. Мышление антиномичное означает умение воспринимать противоположные положения – тезис и антитезис – как части целого» (там же). Дилеммами же мыслят, по мнению исследовательницы, монахи, которые эгоцентрически противопоставляют свою позицию всем остальным точкам зрения, не выходя за рамки логики «или-или». Анализируя творчество Л. С. Выготского в этом ключе, М. С. Гусельцева утверждает, что его понимание «объективно-аналитического метода» было «обусловлено методологическими установками „объективизма“ и „универсализма“, которые в пост-веклассической логике нуждаются в дополнении установками „релятивизма“ и „культурной аналитики“» (там же, с. 163). «Подробный максимализм», – считает М. С. Гусельцева, анализируя позицию Выготского, – дань идеологизированной эпохе» (там же). Распознавая свою точку зрения чуть дальше, она утверждает: «Нельзя забывать о контексте (культуе материализма и позитивизма), в котором писался „Исторический смысл психологического кризиса“ и который определял не только позицию, но и риторику автора» (там же, с. 177).

Заметим на это следующее. Во-первых, в вышеприведенных высказываниях обнаруживается неправомерное сведение философской позиции диалектически мыслящего Л. С. Выготского к позитивизму (на других страницах своей книги М. С. Гусельцева и марксизм в целом рассматривает как разновидность позитивизма: см. там же, с. 97). Между тем противоположность подлинного марксизма, развивающего идеи философской классики, и позитивизма, порвавшего с этой традицией, неоднократно доказывались в работах неформатически мыслящих марксистов (см., например: Ильенков, 1980; Мареев, 2009а, б; и др.).

Во-вторых, по нашему мнению, предлагаемая М. С. Гусельцовой и другими сторонниками «сетевой парадигмы» в психологии логика «и-и» (логика мышления скептика, как говорил Г. В. Ф. Гегель) не столь противоположна логике «или-или» (логике мышления догматика, по Гегелю), как это кажется ее защитникам. Целое, согласно логике «и-и», составляется из изначально разрозненных частей, которые в логике «или-или» противопоставляются, а здесь суммативно соединяются в «целое» (поэтому для характеристики данного «целого» используются такие термины, как мозаика, коллаж, калейдоскоп, «фасетичность взгляда» и пр.).

В-третьих – и это главное – логика методологических работ Л. С. Выготского и развивающих его идеи последователей никак

не может быть сведена к догматической логике (логике «мысленных дилеммах»); это именно диалектическая логика, качественно отличающаяся от логик «и-и» и «или-или», что прекрасно было показано в классической работе крупнейшего диалектика XX в. Э. В. Ильенкова (Ильенков, 1984). Остановимся на этом подробнее.

Как известно, в нашей стране в постсоветское время слова «диалектика» и «диалектическая логика» стали чуть ли не ругательными. Между тем диалектическая традиция насчитывает тысячелетия своей истории (диалектиками были, к примеру, многие античные философы, Б. Спиноза, Г. В. Ф. Гегель и др.) и вовсе не является продуктом исключительно марксизма. В то же время диалектическая логика весьма трудна для понимания и овладения ею, что показали, например, острые дискуссии по проблемам соотношения формальной и диалектической логики еще в советскую эпоху. Однако и в настоящее время наблюдается недопонимание специфики диалектической логики. Так, В. М. Адашвердов, в отличие от «сетевиков» ориентированный на системное видение изучаемой в психологии реальности, тем не менее, пишет в одной из своих последних методологических работ: «Надо, правда, отказаться от восходящего к Г. Гегелю словоблудия, объявляющего существование особой „диалектической логики“, где противоречие считается нормой» (Адашвердов, 2009, с. 83). Противоречие считается в диалектической логике «нормой» только на стадии постановки проблемы, требующей в дальнейшем непротиворечивого ее решения.

При этом разрешение противоречия невозможно с помощью «уточнения определений», как бы это делал, натолкнувшись на противоречие, недиаlecticески мыслящий исследователь. Этот последний считал бы противоречие лишь результатом неправильного движения мысли (что, впрочем, тоже может иметь место). «Диалектика никогда не запрещает, – писал по этому поводу Э. В. Ильенков, – встретившись с противоречием, обернуться „назад“ и проанализировать предшествующий ход размышления – с целью проверить, а не со словесным ли противоречием мы тут столкнулись. „Назад“ обернуться и проверить ход мысли никогда не вредно. Вредно другое: представление, что такая проверка должна во что бы то ни стало рассеять, ликвидировать, устранить противоречие из мысли» (Ильенков, 1999, с. 251). И когда «противоречие доведено до полной ясной (аксиоматичной, уточняет Э. В. Ильенков далее. – Е. С.) остроты – тогда диалектическая логика рекомендует идти дальше, вперед, далее и глубже исследовать предмет с той целью, чтобы найти реальный конкретный предметный способ, которым выявленное

противоречие разрешается действительным движением предмета» (там же, с. 252).

Еще в 1958 г. Э. В. Ильевков в докладе в Институте философии АН СССР говорил в адрес тогдашних противников диалектики, что они, не понимая ее, «предпочитают Гегеля просто хаять» (там же, с. 253) и поэтому идут от Гегеля не вперед, а назад, к Канту: «Именно для Канта противоречие есть синоним бессмыслицы <...> Именно Кант знает и призывает один способ разрешения противоречий – способ разведения противоположных тезисов „в два разных отношения“» (там же). Между тем гегелевский (и далее – марксовый) способ понимания и соответственно способ разрешения противоречия – иной. Обнаружив наличие в познаваемой действительности противоречия «в одно и то же время, в одном и том же отношении», исследователь в разрешении данного противоречия идет по пути дальнейшего конкретного исследования объекта, рано или поздно находя тот способ, «которым сам объект в своем развитии разрешает и осуществляет это противоречие» (там же, с. 254). Именно так, к примеру, в свое время было разрешено К. Марксом следующее противоречие: как возможно возникновение прибавочной стоимости на основе закона стоимости, если это возникновение противоречит закону стоимости? Противоречие разрешается при обнаружении такого товара, потребление которого тождественно производству новой стоимости, – рабочей силы.

Таким образом, логика мышления актинностями ведет лишь к сложению (простой суммации) различных «абстрактных» знаний о предмете, тогда как диалектическая логика – к конкретному познанию как единству многообразного.

Следует отметить также (и это – в-четвертых) еще одну особенность в имеющемся в методологической литературе противопоставлении неклассической психологии Л. С. Выготского и постнеклассической рациональности. В отличие от психологов, философы, занимающиеся методологией современной науки, вовсе не считают основанием этой последней «сетевую парадигму». Как уже указывалось, В. С. Степин, которого так любят цитировать в своих методологических трудах «постнеклассические» психологи, видит идеал постнеклассической науки вовсе не в постмодернистском сочетании «всего со всем», а в формировании единой научной картины мира на основе принципов универсального эволюционизма (см. Степин, 2008, с. 331–334). При этом он резко критикует характерный для постмодернизма «особый тип мышления, который поддерживается СМИ, обслуживающими потребительское общество. Это так называемое „жизненное сознание“, когда мелькает kaleidoscope

восприятий, впечатлений, где нет четкой логики, отсутствуют рациональные основания. „Клиновое мышление“ делает людей очень восприимчивым ко всяким чудесам, тайнам и т.д.» (там же, с. 380). Философ весьма слаблен возмущен в последние десятилетия XX в. опасностью «появления различных маргинальных антинаучных концепций под видом нового развития науки», которое он объясняет, в частности, тем, что занятия подлинной наукой требуют колоссальных усилий и самоограничений, несовместимых с ориентацией потребительского общества на «легкое развлечение» (там же, с. 379–380). Но именно эта ориентация просвечивает в той современной отечественной «постнеклассической» психологии, которая прямо заявляет о своей толерантности к любой точке зрения, исходя «из предпосылок правомерности любых теорий» (Гусельцева, 2007, с. 137), которыми надо «играть» в зависимости от личных вкусов, предпочтений, мировоззрения исследователя, той или иной задачи, решаемой им в данную минуту, и пр. При этом особенно впечатляет следующее утверждение М.С. Гусельцевой: «Мировоззрения же, как показав В. Дильтей, уходят корнями в интуиции и тайные знания, и в этом смысле не поддаются ни обучению, ни воспитанию <...>. Так, вы можете родиться в стране, где признается исключительно материализм и марксистская философия, но вам интуитивно ближе идеалистическое мировоззрение, оно отвечает вашим эстетическим потребностям, и вы, несмотря на усилия пропаганды, всегда будете внутренне согласны с одними авторами и не согласны с другими. Если веками существуют множество философских систем, индивидуальное и культурное разнообразие интеллектуальных стилей, то, следовательно, имеют право на жизнь и множество методологий, и свобода ученого их выбирать для решения тех или иных исследовательских задач» (Гусельцева, 2007, с. 137).

По нашему мнению, эта позиция, выглядящая такой толерантной и демократичной, замечивает саму возможность развития психологии как науки. Во-первых, любая наука всегда стремится к системному знанию, и психология, если хочет оставаться ею, не исключение. Во-вторых, в вышеприведенных и иных подобных им высказываниях звучат призывы к возрождению давно преодоленного в культурно-деятельностной психологии постулата непосредственности и к интуитивному познанию реальности, которое противопоставляется опосредствованному ее познанию. В-третьих, при признании мировоззрения продуктом исключительно интуиции ставится под вопрос возможность трансляции научных взглядов на мир новым поколениям исследователей. В-четвертых, призыв к равноправию всех возможных теорий выглядит, по мнению

В. М. Аллавердова, очень странным с точки зрения демаркации собственно научных и ненаучных позиций: «В каком смысле может идти речь о равноправии? Конечно, во всех концепциях содержится какая-нибудь „правда“. Например, в концепция, что Земля по форме – шар, содержится элемент очевидной правды для любого пейзажа. Даже утверждение, что всяinka человека похожа на трехколесный велосипед, можно интерпретировать в терминах фрейдовской триады инстанций личности. И что же – теория трехколесности равнозначна психоанализу?» (Аллавердова, 2009, с. 52). Далее, сославшись на труды еще одного сторонника «соединения всего со всем» В. В. Козлова, признающего к полному равенству всех психологических школ и их представителей, Аллавердова справедливо заключает: «Ко мне (я знаю, что не только ко мне) порой приходит загадочно-невнятные письма не знакомых с грамматикой создателей новых психологических „теорий всего“. Эти могут и школу создать. Стоит ли вместо психиатрической экспертизы призывать их на равных правах в ряды представителей интегративной психологии, создаваемой В. В. Козловым со своим единомышленником?» (там же, с. 52).

Сон разума, как известно, рождает чудовищ. Разумное же познание мира в диалектической традиции предполагает целостное и системное его видение, которое еще только требуется выстроить в результате сложного пути između конкретного, а не абстрактного познания. Подобное системное видение мира требует гораздо больше «методологических усилий», нежели простое принятие множественности методологических позиций (Корнилова, 2009, с. 115). Разумное постижение действительности не дается в «непосредственной интуиции». Разуму надо учиться – возможно, даже преодолевая желание учителя обойтись без особых усилий. Комментируя имеющее отношение к данной проблематике работы венгерского марксиста, ученика М. Вебера Георга (Дьердя) Лукача, в частности, до сих пор не переведенный на русский язык труд «Разрушение разума», С. Н. Мареев передает одно из главных положений этого труда так: «Люди вообще должны мыслить, должны думать. В этом их назначение. И если я говорю это людям, то это не значит, что я „репрессивен“. Иначе тогда окажется „депрессивным“ Сократ, который говорил: „Умейте думать, афины!“ Подзаголовок работы Н. Г. Фихте „Ясное как солнце...“ звучит так: „Попытка принудить читателя к пониманию“. Выходит, что Фихте тоже был „репрессивен“...» (Мареев, 2008, с. 99).

Когда-то осознание существенных недостатков традиционного школьного обучения на основе рассудочно-эмпирического мышле-

ние привело В. В. Давыдова и его единомышленников к созданию системы развивающего обучения, построенной на диалектической логике и ведущей к формированию у детей разумного мышления, что было для В. В. Давыдова тождественно самостоятельному теоретическому познанию действительности. Аналогичные цели ставят перед собой в настоящее время психологи, работающие под руководством Н. Е. Вераксы (см., например: *Диалектическое обучение*, 2005; *Методологические основы психологии*, 2008; и др.). В рамках этого направления разработаны программы диалектического обучения дошкольников, школьников и взрослых (студентов). На наш взгляд, настало время отразелсировать имеющуюся практику обучения в духе диалектики и продолжить разработку программ в этом направлении.

Колоссальный потенциал для формирования и развития диалектических форм мышления студентов содержится в историко-психологическом материале, который традиционно широко используется в практике обучения на факультете психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. В своих занятиях со студентами автор данной статьи представляет историю психологии не как «мозаiku» или «коллаж» различных точек зрения, а ставит перед собой задачу вызвать особую логику развития психологической науки. Как мы показывали в ряде предыдущих работ, история психологии выступает как своеобразный «методологический эксперимент» диалектики и может служить основанием для построения единой системы психологических знаний (Симонова, 2008). В этом же ключе рассматривает историю психологии П. А. Мисоед: «Теория в психологии строится по меркам логики психологического познания, закодированного в его истории» (Мисоед, 2006, с. 140). По его мнению, целью психологического познания является именно построение системы психологии, что достижимо лишь в логико-историческом процессе восхождения к монаду (там же, с. 145). Таким образом, в отличие от М. С. Гусельцевой, П. А. Мисоед, развивая прежде всего идеи В. А. Рогинца, считает возможным строить новую постнеклассическую психологию не на основе плюрализма, а на основе моназма.

В силу вышесказанного обращение к историко-психологическому материалу в нашей статье имеет, кроме исторического, еще и очевидный методологический аспект. При всех различиях в решении конкретно-психологических вопросов, А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна объединяет, как любят говорить постнеклассические методологи, «стиль мышления» – диалектический. Правда, по мнению героев настоящей статьи, диалектика – не особый «стиль» мышления, а единственно возможная логика построения системы

научного знания. Эта логика, подчеркнем еще раз, предполагает изначальную «живую» целостность научаемой реальности, которую нельзя собрать из произвольно выделенных частей. Следуя данной логике, можно попытаться посмотреть на замкнутые в современной психологии дилеммы и разрешить их в ином ключе, не если это предлагается на основе логики «или-или» и «и-и».

Дилемма «майевтика–манипулирование» и проблема формирования личности

В современной практической психологии возникло довольно четкое противопоставление майевтики манипулированию (см., например, Пузырей, 2006). При этом, поскольку манипулирование понимается чрезмерно широко – как любая попытка «что бы то ни было „делать с“ человеком, за него, вместо него» (там же, с. 333), сторонники майевтики выступают против психотехники воо-действия или, даже со-действия (с. 320). Эта позиция вполне согласуется с принципом «благоговения перед развитием», представленным М.С. Гусельцевой как принцип постнеклассической рациональности (Гусельцева, 2007, с. 270). Ближе к вышеуказанным идеи развивает в своих последних работах В.П. Занченко: «Согласимся с А.Ф. Лосевым, что личность – это чудо и миф (а не зомби), формировать ее никому не дано. <...> Чтобы чудо случилось, необходимыми два плана личности – „внешне-исторический и внутренне-замысленный, как бы план заданности, преднамеренности и цели“. <...> К счастью, оба плана ни социальной алхимии, ни педагогике не подвластны. Встреча планов или их расхождение – это и есть чудо или судьба» (Занченко, 2008, с. 7).

Для сторонников сетевой парадигмы обе альтернативные позиции могут вполне совмещаться по принципу «и-и». Так, М.С. Гусельцева, хотя и рассматривая проблему в несколько ином контексте, сначала противопоставляет одну позицию другой¹, а потом заявляет об их дополительности (см.: Гусельцева, 2007, с. 179).

Между тем, решая – в духе диалектической логики – сложную проблему в своей ранней работе 1923 г., С.Л. Рубинштейн писал, что педагогике «в большом стиле» формирование вполне подвластно,

¹ «Психология, которая стремится познавать, и психология, которая стремится переделать человека, вывести новый тип – это методологически разные вещи. Одной достаточно быть рассуждающей и умерятельной, другая же идет по пути формирующего эксперимента. Обе имеют право на существование и должны быть ограничены диапазоном их оправданности» (Гусельцева, 2007, с. 177).

поскольку она предполагает формирование не как механическое «делание», а как творческую самостоятельность субъекта: «Субъект в своих действиях, в актах творческой самостоятельности не только обнаруживается и проявляется, он в них создается и определяется. Поэтому тем, что он делает, можно определять то, что он есть; направлением его деятельности можно определять и формировать его самого. На этом только и зиждется возможность педагогики, по крайней мере, педагогики в большом стиле» (Рубинштейн, 1986, с. 106).

В своей последней работе «Человек и мир» С.Л. Рубинштейн возвращается к обсуждению методологических оснований подобной педагогики: «Отвечая на вопрос о том, как воспитывать, мы говорим о том, что поведение людей само строится в той или иной степени как воспитание, не в смысле менторства, поучения или выставления себя в качестве образца для других людей, а в том смысле, что все поступки человека выступают как реальное явление условной жизни других людей. <...> Как воспитывать – это значит, прежде всего, самому жить настоящей жизнью и включать в нее тех, кого воспитывают, привлекая их к самой этой жизни» (Рубинштейн, 1997, с. 96–97).

Аналогичное понимание формирования как саморазвития имело место и в школе А.Н. Леонтьева: «Внутренние связи, определяющие строение личности, не накладываются механически извне. Они возникают в ходе развития жизни. Можно сказать, что индивид превращается в личность в ходе своего развития, в ходе своей биографии» (Леонтьев, 2004, с. 219). При этом «саморазвитие» не означает здесь стихийно складывающийся и конструктивно не определяемый процесс: «психическое развитие можно исследовать именно (или даже только) в ходе его конструирования. Возрастные особенности становятся не только натуральным феноменом: они задаются системой отношений ребенок–взрослый, теми „психотехнологическими действиями“, которые взрослый в образовании осуществляет» (Диалектическое обучение, 2006, с. 68). В этой логике строятся известные системы развивающего обучения, например, система Д.В. Эльконина и В.В. Давыдова. Напомним ее основные положения, Н.Е. Вереща уточняет, что любая система образования в той или иной степени «развивает», однако «теоретическое мышление, адекватное реальным процессам познания и объективному миру, в „традиционной школе“ формируется только у отдельных детей» (там же). В системе П.Я. Гальперина планомерно-поэтапно формирование умственных действий на основе третьего типа учения предполагает «проблемное преподнесение знаний» (Гальперин, 1985, с. 17), формирующее живой интерес учащегося к исследованию закономерностей изучаемого

крута влечений и стремление к сотрудничеству со взрослыми. Последние не раскрывали детям сразу, «в чем состояли их ошибки, и не давали „готовый“ правильный ответ, а сопоставляя факты, наводили на прием, который позволял детям самостоятельно найти правильное решение» (там же, с. 26). Впоследствии наблюдался существенный перенос найденных детьми способов решения определенных проблем на исследование иного круга влечений и тем самым обреталась большая свобода владения соответствующим материалом.

Традиционная система была бессильна в обучении и воспитании слеполухонемых, которым посвятили свою жизнь И. А. Соколянский и А. И. Мещеряков. Между тем «главное психолого-педагогическое открытие Соколянского и Мещерякова – закон или принцип совместно-разделенной дозированной деятельности» (Суворов, 1999, с. 179), сделанное ими в процессе работы со слеполухонемыми детьми, – прекрасно иллюстрирует диалектику «формирования» и одновременно «саморазвития» любого человека. «Руководящее усилие взрослого, абсолютно необходимое вначале, постепенно ослабляется, действие на совместного становится совместно-разделенным, а потом и полностью самостоятельным действием ребенка. Таким образом, как подчеркивает проведенный через эту систему воспитания и обучения А. В. Суворов, «детскую активность тоже нужно формировать, „сами“ она не возникает, но формировать активность – это и значит формировать способность к саморазвитию в смысле самообразования, самотворчества.... На ребенка ничего нельзя „вылепить“ именно потому, что ребенок „лепит“ себя сам, своими собственными усилиями, пусть и спровоцированными, направляемыми, руководимыми педагогом. Это и есть – саморазвитие. <...> Ребенок – сотрудник взрослого, пусть до поры до времени и невольный» (там же, с. 182–183). И этот закон, по мнению Ф. Т. Михайлова и А. В. Суворова, – закон всякой человеческой деятельности, закон, через который реализуется ее коллективная, родовая сущность. «И если бы в „нормальной“ школе, – делает вывод А. В. Суворов, – были внимательны к первым проблескам детской самостоятельности так же, как в школе у Мещерякова, – насколько вырос бы „процент талантливости“!» (с. 182).

В подборке деятельностно-ориентированной системе обучения мы опять встречаемся с диалектической логикой, когда «противоположности предполагают друг друга, превращаются друг в друга, осуществляются, реализуются друг через друга. <...> Одно возможно только благодаря другому. Да и же „одно“ и „другое“, а, в полном соответствии с философией Ильенкова, – одно и то же, один и тот же процесс: и провоцирование с руководством, и собственное помыт-

ки; и развитие, и саморазвитие; и интериоризация, и экстериоризация; и опредмечивание, воплощение, и распредемчивание; и раскрытие, и самораскрытие, – во не того, что заложено в „генах мамы с папой“, а того, что заложено в совместно-разделочной деятельности» (с. 183–184).

Надо отметить, что А. В. Суворов в своей статье затрагивает и еще одну широко обсуждаемую сейчас проблему – проблему соотношения «коллективного» и «индивидуального», которая чаще всего решается в современной психологии не в диалектическом ключе.

Дихотомия «коллективное–индивидуальное» и «человек–Человечество»

Противопоставление индивидуализма коллективизму в современной отечественной психологической литературе во многом обусловлено известными историческими причинами. Еще в 1997 г. В. П. Зинченко писал: «Сейчас нужны кардинальные сдвиги в пользу индивидуализма перед коллективизмом, нужно, чтобы человек начал осознавать себя человеком, а не членом фантомного коллектива или, хуже того, членом стада, стаи, своры. Это главное условие пробуждения индивидуального сознания» (Зинченко, 1997, с. 199). В последних своих работах Зинченко на этом основании противопоставляет личность субъекту: «Субъект – это образующаяся в результате принудительной социализации функция, которую он и репрезентирует. Личность – это образующаяся в процессе индивидуализации и преодоления субъектности свобода, которую она олицетворяет» (Зинченко, 2009, с. 18). При этом, как мы видели выше, личность, по мнению Зинченко, формированию не подлежит. Его взгляды разделяют некоторые другие современные психологи, которые доводят свои рассуждения до отказа от всякого детерминизма в поведении свободного действия личности.

По мнению А. Н. Кричевца, основания для свободного действия человека не являются результатом усвоения культурно закрепленных смыслов, а выбираются личностью вопреки этим смыслам (Кричевец, 2005). Согласно А. М. Улановскому, динамику систем, изучаемых психологией, невозможно предсказать: всегда существует возможность случайных, хаотических изменений, спонтанных колебаний, и любая флукутация в такие моменты может привести к разрыву детерминации и случайному выбору, способному определить дальнейшую судьбу системы (Улановский, 2005). Таким образом, обсуждение проблемы соотношения коллективного и индивидуального выводит нас на проблематику детерминизма и свободы.

В противоположность диалектику, недialeктически мыслящий исследователь дихотомизирует реальность при объяснении основания для поведения человека, для выстраиваемой им «модели (образа) потребного будущего». На одном полюсе этой биполярной шкалы – полная предсказуемость поведения, поскольку построение образа будущего мыслится здесь посредством воспроизведения уже имеющегося опыта (см.: Диалектическое обучение, 2005, с. 55). На другом полюсе – видение будущего как абсолютно непредсказуемого, пространства, в котором может случиться все что угодно, поэтому прогнозирование в этом случае совершенно бесперспективно и задача субъекта состоит в том, чтобы на ходу находить эффективные способы реагирования на происходящее (там же).

В диалектической психологии нет и не было подобных дихотомий «коллективное – индивидуальное», «необходимое – свободное». Согласно С. Л. Рубинштейну, духовная свобода и величие человека возможны только в обществе: «Коллективность, идейная общность должны существовать наряду с сохранением критической мысли индивида, его инициативы и ответственности. <...> Свобода человека осуществляется только в реальной жизни и обществе. Для индивида свобода существует как личная инициатива, возможность действовать на свой страх и риск, свобода мысли, право критики и проверки, свобода совести. <...> Индивид выступает как возможный представитель общества» (Рубинштейн, 1997, с. 88–89). В другом месте той же работы Рубинштейн писал: «Я самоопределяюсь во всех своих отношениях к людям, в отношении своем ко всем людям – к человечеству как совокупности и единству всех людей. И лишь в единстве Человечества определяется и осуществляется этический Субъект. Человечество есть предпосылка и объективный плюс для человека как нравственного субъекта. Вне человечества и до или помимо него не существует человека как нравственной личности» (там же, с. 156).

Близкие вышеприведенным идеи неоднократно высказывал и А. Н. Леонтьев. В статье «Начало личности – поступок», опубликованной 1 сентября 1976 г. в «Комсомольской правде», он сетовал на то, что у студента, увлекающегося тем или иными узкоспециальными знаниями, формируется своеобразный «снобизм, недооценка более широких проблем науки, ее роли в жизни общества, ее социальных функций», и тем самым происходит «сужение горизонта» (Леонтьев, 1983, с. 383). В этой же статье ученый указывал на возможный путь преодоления указанного противоречия: «Наш идеал – гармоничная личность. А гармония возникает там, где поступками человека руководят мотивы высшего порядка, те, кото-

рые не обособляют, а сливают его жизнь с жизнью других людей, его блага – с их благом» (с. 382), т.е. там, добавляет А. Н. Леонтьев, где человек становится, по выражению А. М. Горького, «человеком Человечества». Таким образом, поступок, это уникальное деяние отдельной личности, невозможно рассматривать вне контекста той или иной социальной общности и человечества в целом.

В обсуждении диалектики коллективного и индивидуального, необходимого и свободного существованию роль может сыграть, по нашему мнению, обращение к идеям как школы С. Л. Рубинштейна, так и школы А. Н. Леонтьева относительно «образцов поступков». Так, в школе Леонтьева с опорой на идеи Выготского (подробно о категории поступка в данной школе см.: Соколова, 1999) уже давно доказано, что индивидуально-неповторимая деятельность человека («реальная форма поведения») всегда имеет свои «надиндивидуальные образцы» («идеальные формы») и человек совершает свой уникальный поступок «в лоне предшествующих образцов – поступков» (Мамарданшвили, 1990, с. 174). Огромное число конкретных примеров подобных образцов содержится в работах крупнейшего филолога нашей страны Ю. М. Лотмана, которые вполне можно использовать при дальнейшем анализе данной проблематики (Лотман, 1994, 1998, 2003 и др.).

Одним образцом является деять «приглашающей к развитию силой» (Зинченко, 1997, с. 228–229), т.е. из наличия образца в культуре еще не вытекает обязательность его присвоения конкретным индивидом. Психология поэтому стоит перед проблемой научного исследования механизмов подобного присвоения. На наш взгляд, одним из таковых является «эстетизация» совершенного другими поступка в произведениях литературы и искусства. Особенно ярко данный процесс происходил, как показал тот же Ю. М. Лотман, в определенные эпохи русской истории, например, на рубеже XVIII–XIX вв. Так, свою знаменитую политическую биографию приобрел подвиг Н. Н. Раевского в войне 1812 г., против чего сам Раевский возражал, поскольку в реальности его деяния не буквально соответствовали их «оптоцированным аналогам». Однако именно эти последние сыграли чрезвычайную роль в воспитании будущих поколений воинов России. Оптоцировать можно даже последние слова умирающего (иногда это делает сам умирающий – вспомним предсмертные слова ратованного за эмпирические исследования Ф. Бэкона: «Опыт с замораживанием курицы прошел успешно», или последние слова русской балерины Анны Павловой, создавшей свой образ «Умирающего лебедя» на музыку К. Сен-Санса: «Приготовьте мне мой восток Лебедя»). Чрезвычайно активную роль в формировании особого ти-

на личности в конце XVIII – начале XIX века сыграли произведения романтического направления. Поступки героев пьес Ф. Шиллера, например, легли в основу сюжетно-ролевых игр в дворянских усадьбах в пушкинское и послепушкинское время, выступая в качестве образов для подражания в детстве и точкой опоры для совершения самостоятельных поступков в подростковом возрасте. Особая роль искусства в своеобразном «программировании» будущих человеческих поступков обуславливается тем, что подлинное искусство, согласно А. Н. Леонтьеву, всегда ставит «задачи на смысл» и предлагает читателю либо конкретные пути («образцы») их решения, либо побуждает «потребителей искусства» к соответствующему смыслостроительству (Леонтьев, 1997).

Надо отметить, что диалектика коллективной и индивидуального имеет место и в условиях сегодняшней «всеобщей атомизации общества» (Идали и Идеалы современности, 2008, с. 242). Просто одни общественные идеалы заменены другими, и эти идеалы играют весьма существенную роль в воспитании соответствующего им индивидуума. Самый свежий пример на этот счет – затеянная на втором телеканале Франции игра, поразительно напоминающая по своей сути давние эксперименты С. Милгрэма. За будущий «куп» – миллион рублей – участники игры нажимали на рубильник, принося тем самым мучения другому участнику эксперимента (как и у Э. Милгрэма, роль жертвы играл опытный актер, имитировавший страдания, которых на самом деле не было). «Научный руководитель» данного «эксперимента» четко сформулировал его цель: «Задача не в том, чтобы показать этих людей какими-то святошниками, с извращенной ментальностью и атрофированной чувствительностью, а чтобы, напротив, показать, что они нормальные люди. В том смысле нормальные, что подтверждают давно открытую максиму: человек человеку волк» (Ваксберг, 2010, с. 9). Особенно потрясает то, как «победитель» прокомментировал свое поведение: «Я очень добрый человек, моя профессия – социальная помощь старикам и инвалидам. Но меня подгоняли приказы телеведущей и воли публики в студии – „Дальше, дальше!“». Вместе с тем другие участники дискуссии, проводившей после завершения этой «игры», заняли иную позицию: «Бесконечные убийства, кровь, насилие, садизм – то, чем с утра до ночи заполнен телеэкран, – это не проходит даром. <...> Добросердечие надо внедрить! Да, насильно, если хотите. А иначе зачем школа, зачем семейное воспитание? Сегодня роль самого влиятельного и безальтернативного воспитателя играет телевидение. <...> Если так будет продолжаться, дойдет до бездны» (там же).

По мнению В. И. Толстых, именно дихотомия индивидуальности и коллективности является узловой проблемой человечества, которую оно породило, «инспирировало», не сумев разделить и решить. Согласно его точке зрения, именно эта дихотомия лежит в основе исторического спора двух цивилизаций – «технокронной» и «традиционалистской». При этом традиционализм «подравляет» в человеке его индивидуальность, личностное начало и порождает ложный (как минимум, уродливый) коллективизм, на который в разные времена и в разных исторических условиях опираются тоталитаризм и бедность» (Толстых, 2009, с. 101). Напротив, технокронная цивилизация «паразитует и воспроизводит в массовом масштабе самонадеянного, себялюбивого индивида, превыше всего ставящего свои интересы, права и свободы» (там же, с. 105) и, добавим мы вслед за Э. Фроммом и В. Франклом, забывающего о том, что свобода – оборотная сторона ответственности. В России малых истории, катнувшись от тоталитаризма к финансовому капитализму и либерализму, породил установку, характерную, впрочем, и для современного западного мира: «отныне индивид стал главным элементом народа. Правда, не любой индивид, но особо отличившийся. Скажем, миллиардер Н значит в этом мире больше, чем Болгария. <...> Современный герой – люмпен-миллиардер; он и такие, как он, решают судьбу общества» (Кавтор, 2010, с. 22).

Диалектическое решение рассматриваемой проблемы – поддержка или формирование таких форм коллективности (общественных отношений), в которых бы «единственные в своем роде» индивиды действительно обрели свою индивидуальность, а целое строилось бы как «единство» многообразного, т.е. универсум. В. И. Толстых напоминает в этой связи слова Н. А. Бердяева, который настаивал на том, что развитая и полноценная индивидуальность порождается условиями универсализма, а не индивидуализма (Толстых, 2009, с. 105).

Здесь возникает еще одна словная проблема, заслуживающая отдельного и очень серьезного разговора. Проводимая уже много лет реформа образования идет, к сожалению, от его универсализации – к узкой и прагматической его специализации, которая в условиях сознательного отказа от фундаментального развития универсальных человеческих способностей оборачивается, как выражался Э. В. Ильенков, профессиональным кретинизмом, хаотическим взаимодействием «подслеповатых специалистов» (Суворов, 1999, с. 195). Это происходит даже в университетах, которые, по меткому выражению А. В. Бузгаллина, стали превращаться в супермаркеты: «все больше нужны не субъекты особой деятельности, а стандартные профессионалы, производящие продукты (точнее – товары), науч-

кую, культурную, образовательную значимость которых оценивает... рынок» (Бузгалин, 2008). Между тем, по мнению многих философов, сейчас решается судьба человечества. В условиях системного кризиса – экономического, политического, морального – предметом обсуждения и спора становится «не вопрос о том, какая система лучше – плановая или рыночная, автократическая или демократическая, и даже не то, в какой системе легче и удобнее адаптироваться индивиду. Предстоит выяснить и определить, какая система ценностей способна предложить и сотворить образ мира, в котором можно жить по-человечески, как точно и выразительно сказал когда-то Освальд Шпенглер, и какому субъекту посылжно осуществить эту цель и задачу» (Толстых, 2009, с. 132). В таком сообществе, пишет далее В. И. Толстых, само устройство отношений и характер жизнедеятельности поднимают «планку человечности и личной ответственности за право принадлежности к человеческому роду» (там же, с. 133). Только при такой установке на стремление индивида стать «человеком Человечества» и признании приоритета «выживания и бессмертия человечества, а не отдельного индивида» (там же) может быть дан адекватный ответ на вызов времени.

Дихотомия «правило–исключение» и диалектика всеобщего и единичного в психологии деятельности

В работах защитников «сетевой парадигмы» можно встретить так же невозможное для диалектической логики противопоставление всеобщего единичному. Оно проявляется, например, в таких их высказываниях: «И теория самоорганизации, и постмодернизм, и история повседневности – все эти направления XX в. подготовили для психологии методологический переворот: смещение интереса от универсальных законов – к уникальным событиям, от общих слем исследования – к частному анализу» (Гусельцева, 2007, с. 24); «от психологии как науки об универсальных законах следует перейти к психологии как науке об исключительном» (там же, с. 37); «от абстрактного, универсального и объективного знания – к знанию социально полезным и локальным» (с. 38).

В качестве авторитетного автора, который, по мнению М. С. Гусельцевой, в своих трудах движется в том же методологическом направлении, называется известный американский психолог Майкл Коул. Обратимся и мы к анализу его книги «Культурно-историческая психология: наука будущего» (русский перевод вышел в 1997 г.; в оригинале книга, опубликованная в 1996 г., называется «Cultural psychology: A once and future discipline»).

В данной книге М. Коул обращает внимание на недостаточную, по его мнению, «экологическую валидность» известных исследований Л. С. Выготского и А. Р. Лурии, в которых изучалось развитие обобщений в историческом и онтогенетическом планах. Признавая правоту российских психологов в утверждении опосредствованной природы мышления, Коул, тем не менее, критикует их за то, что «в своих заявлениях о значительных культурных различиях в мышлении они не приняли всерьез свои собственные и Л. Левин-Брюля соображения о том, что как процесс, так и содержание мышления различаются в зависимости от конкретных обстоятельств» (Коул, 1997, с. 198). Так, в частности, «вместо того, чтобы изучить занятия местных жителей, чтобы понять их интеллектуальную структуру (речь идет об известных исследованиях А. Р. Лурии в Средней Азии. – Е. С.), А. Лурия выносила общие суждения о мышлении этих людей на основе тестов, отражающих повседневный опыт москвичей (берлинцев, парижан, Нью-Йоркцев). Я мог понять, как укоренилась такая практика среди западноевропейских или американских психологов; меня самого учили тому же. Но мне было трудно понять, как советский психолог, для которого постулатом была необходимость основывать психологический анализ на повседневной деятельности людей, мог действовать таким же образом» (там же, с. 197–198). Следовательно, по мнению М. Коула, культурно-исторический подход отрывался от деятельности в самом абстрактном смысле слова, тогда как особенности психических процессов обусловлены различными видами «повседневной деятельности».

Примеры, приводимые Коулом для иллюстрации этого последнего положения, действительно впечатляют. Так, дети говорят более сложно и выполняют более сложные интеллектуальные задачи в процессе спонтанных взаимодействий, чем в тех случаях, когда их «допрашивают» взрослые. Усвоение иностранного языка происходит в ходе участия ребенка в той деятельности, которую этот язык позволяет осуществлять, эффективнее, чем в случае, когда ребенок просто находится в комнате с говорящим на этом языке телевизором. Элементарные арифметические действия лучше осуществляют дети из того западно-африканского племени, которое зарабатывает себе на жизнь торговлей, чем дети сельскохозяйственного племени (Коул, 1997).

Надо отметить, однако, что критика М. Коулом исследований Л. С. Выготского и А. Р. Лурии этого периода их творчества идет в том же направлении, в котором шла критика данных и других разработок в русле культурно-исторического подхода со стороны Харьковской психологической школы, возникшей в начале 1930-х годов. Между тем, в книге М. Коула ссылки на работы Харьковской

школы совершенно отсутствуют; практически нет в ней и обсуждения психологии деятельности школы А. Н. Леонтьева, творчески развивавшей далее идеи А. С. Выготского. Говоря о психологии деятельности, М. Коул ссылается в основном на работы Ю. Эггестрёма, которые для подавляющего большинства зарубежных психологов заставили собственно теорию деятельности школы А. Н. Леонтьева. Между тем еще в 1930-е годы, разрабатывая проблемы структуры деятельности, харьковские психологи провели большое количество эмпирических исследований, в которых были получены конкретные доказательства того, что характеристики психических процессов обусловлены особенностями осуществляемой субъектом деятельности. Так, к примеру, П. Н. Зинченко показал, что произвольное запоминание материала осуществляется лучше, если он имеет прямое отношение к цели деятельности, а не к условию ее совершения (Зинченко, 1939). В середине 1930-х годов под руководством А. Н. Леонтьева и А. И. Розенблюма были проведены исследования деятельности и интересов посетителей Парка культуры и отдыха им. Горького, которые убедительно доказали, что «активизация интереса, приводящая к вопросам, к потребности получить разъяснение и помощь, рождается в самом процессе деятельности» (Леонтьев, Розенблюм, 1999, с. 422). Поэтому для формирования интересов детей, скажем, к научным знаниям, требуется специальная и каждый раз конкретная организация соответствующей деятельности, осуществление которой невозможно без использования научных знаний. В это же время К. Е. Хомевко и О. М. Концевая научили понимать ребенком метафор, которые, как было показано, гораздо лучше осмысливаются при включении их в контекст сказки, а не в контекст обращенной к ребенку речи взрослых (Запорожец, 1986). В 1940-е годы были проведены исследования, доказавшие изменение эффективности запоминания материала в зависимости от включения действия запоминания в ту или иную деятельность дошкольника (Истоминна, 1948); исследования, выявившие роль определенных мотивов деятельности в формировании ее произвольной регуляции (Мануйленко, 1948), и др. Даже восстановление движений у раненых бойцов шло разными путями – в зависимости от включения работы по восстановлению в ту или иную их деятельность (Запорожец, Леонтьев, 1948).

Однако дело даже не в том, что М. Коул не ссылается на неизвестные ему, видимо, исследования по психологии деятельности. В его рассуждениях опять проглядывает та же дихотомия «общего–особенного (уникального)», которая «снимается» в диалектической логике. Коул же утверждает, что «логично принять позицию культурного релятивизма: никакое универсальное представление о единой, общей

психологической характеристике, имеющей „уровень мышления“ или как-либо еще, не является универсально применимым» (Корд, 1997, с. 201). Естественным следствием подобных утверждений является постановка Коулзом проблемы соотношения между собой «методологии научного взгляда», с одной стороны, и «взгляда повседневной деятельности», с другой (там же, с. 372). Подобная проблема, по его мнению, стояла и перед А. Р. Лурией, который пытался разрешить ее созданием «романтической науки», наводящей «дополнительный мост между идеографической (так в тексте, правильно – «идиографической», – Е. С.) и номотетической наукой, наукой об уникальном и наукой об общем – разделенными, неизбежными при существовании двух наук» (с. 383). На наш взгляд, данная дилемма «общее–единичное» («здесь и теперь»–случайное», «ситуативное»; см. также: Гусельцева, 2007, с. 270) не может быть разрешена путем наведения какого-либо «моста», т. е. путем использования логики «и–и». Для этого нужна иная – диалектическая – логика, которую, кстати сказать, и пытался применить при создании «романтической науки» А. Р. Лурья.

В диалектической логике, как известно, «абстрактно–общее» отождествляется с «конкретно–всеобщим». Первое означает внешне одинаковое, тогда как вторая категория характеризует скрытый за самыми разнообразными явлениями закон, который может проявляться в виде внешне различных (т. е. неодинаковых) «единичных» феноменов. Тесно связана с данной проблематикой и проблема соотношения абстрактного и конкретного. Как известно, абстрактное определяется как «отвлеченное», «одностороннее» (знание). Однако следует различать простую абстракцию, которая отражает единичную вещь (факт, явление...) «только с той стороны, с какой она, эта вещь, подобна, сходна, тождественна целому ряду других таких же вещей» (Ильенков, 1997, с. 157), и «конкретную абстракцию». Последняя по своим действительным логическим характеристикам есть «нечто-прямо противоположное простой абстракции, абстрактному как таковому», поскольку она «отражает именно специфичную природу рассматриваемого особенного или единичного» (там же). Согласно Г. В. Ф. Гегелю, абстрактно как раз единичное, а конкретно – всеобщее. Именно Гегель, по утверждению Э. В. Ильенкова, «впервые уловил диалектику взаимоотношения между личностью („единичным“) и обществом („всеобщим“)». «...» Единичный человек лишь постольку человек, поскольку его единичная жизнедеятельность реализует какую-либо потребность, развитую общественным организмом. «...» Все специфически человеческие черты возникают и развиваются лишь в русле всеобщего, общественного процесса, лишь через взаимодействие миллионов индивидов» (там же, с. 106–107).

Развитие данных идей в марксизме привело к тому, что общественная практика человечества стала восприниматься как «субстанция», т. е. всеобщая основа и источник «всех без исключения деятельных способностей человека, и способности к абстрагирующей деятельности в том числе» (с. 167; ср. у А. Н. Леонтьева: «Деятельность и составляет субстанцию сознания» [Леонтьев, 2004, с. 121]). Тем самым совокупный процесс чувственно-практической деятельности человека стал выступать критерием, гарантом объективности абстракции и основой диалектического совпадения абстрактного и конкретного в процессе познания (Ильенков, 1997).

Многие похожие на вышеприведенные идеи о диалектике единичного и общего высказывал в своих трудах и С. Л. Рубинштейн, критиковавший эмпиризм, «подчеркивающий преимущественные права единичного, определяющий индивидуумов как единственно существующих» (Рубинштейн, 1997, с. 31). «Существующее, – писал он, – это всегда единичное, обладающее индивидуальными свойствами, но в единичном всегда представлено общее для ряда образований» (там же, с. 53); «ни один предмет, взятый сам по себе, не может обнаружить свою родовую сущность. Общее проявляется в единичном через отношение единичного к единичному, когда одно единичное выступает в качестве эквивалента другого» (с. 65). Применительно к человеку это означает, по Рубинштейну, что «реальный человек – это всегда не голый абстрактный человек, а конкретный исторический человек, в классовом обществе имеющий всегда классовую характеристику. Но это не значит, что он является только исторически конкретным, с признаками особенного, отвечающего данной общей ситуации, что внутри этой исторической конкретности он не обладает и признаками всеобщности как в плане сознания, познания, так и действия, которые образуют основу трактовки „схемологии“ человека как фундамента этноса» (с. 69).

В школе А. Н. Леонтьева диалектика общего и единичного в наиболее выпуклом виде проявилась, как уже говорилось, в учении о поступке как единице анализа личности. Упоминаемая М. Коул «романтическая наука» А. Р. Дурин – на наш взгляд, также не что иное, как рассмотрение общего через единичное и наоборот. Таким образом, в отечественной культурно-деятельностной психологии дается иное решение проблемы «номотетическое–идиографическое», нежели в варианте Cultural Psychology М. Коула. Однако не могу не привести напоследок весьма интересное замечание американского психолога, понимающего значимость не только отдельных идей, но и стиля мышления российских ученых для дальнейшего развития культурно-деятельностной психологии: «По ме-

ре того, как все большее количество источников будет оказываться доступным в полных и тщательных переводах, мы сможем составить более полное представление о русских источниках наших идей и в результате стать более точными мыслителями. Я, безусловно, получил огромную пользу от повторного перевода „Мышления и речи“ (1987), публикации ряда неопубликованных прежде книг и статей, таких, как „Этюды по истории поведения“ (1993) и избранных произведений Л. Выготского (Van der Veer and Vahiner, 1994)» (там же, с. 137-138). Остается лишь надеяться на то, что новые переводы работ А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна на английский язык будут способствовать взаимному обогащению идеями и последованиями разных школ и направлений внутри общего культурно-деятельностного движения.

Заключение

В предложенной вниманию читателя статье мы пытались обосновать преимущества диалектической логики по сравнению с логикой мышления антиномиями, предлагаемой представителями и защитниками «сетевой парадигмы». Для этого мы обратились к работам создателей двух вариантов деятельностного подхода в психологии, которые – при всех их различиях – объединяет лежащая в основании данного подхода диалектическая методология. Большие достижения как культурно-деятельностной психологии школы Л. С. Выготского–А. Н. Леонтьева–А. Р. Лурия, так и школы С. Л. Рубинштейна не в последнюю очередь обусловлены сознательным следованием этой методологии. Логика же мышления антиномиями, предлагаемая представителями «сетевой парадигмы», представляется не шагом вперед от диалектики, а шагом назад, поскольку в истории развития философской и научной мысли первая была «снята» последней.

Для диалектически мыслящих философов диалектика – синоним мышления вообще, точнее, синоним высшей формы мышления, которое только доступно человеку. Античные диалектики (Гераклит Эфесский, Платон) называли диалектикой способность движения познания к истинному бытию, способность видеть всеобщее в эмпирическом многообразии; Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс и Э. В. Ильенков – способность восходить от абстрактного к конкретному; А. Ф. Лосев говорил, что это «глаза, которыми философ может видеть жизнь» (цит. по: Мареев, 2008, с. 337); В. В. Давыдов определял диалектику как теоретическое мышление. Однако усвоение этой логики требует гораздо больших усилий, нежели усвоение логики «или–или» или ло-

тики «и-и». Дialeктика – это теория не меньшего уровня сложности, чем дифференциальное и интегральное исчисление в математике, как утверждает А. П. Бузгални, и учиться ей надо примерно столько же (Идеалы и идеалы современности, 2008, с. 260). Поэтому исследование и анализ соответствующих работ психологов, которые успешно применяли данную логику в своих исследованиях, может способствовать решению важной педагогической задачи – формированию у учащихся в психологию особого типа или, если угодно, «ствла» мышления – диалектического.

Литература

- Алленвардс В. М. Размышление о науке психологии с восклицательным знаком. СПб.: [б. и.] 2009.
- Бузгални А. В. Альтернативы деконструкции: блск и нитета постмодернизма. 2008. URL: www.alternativy.ru/ru/node/704 (дата обращения: 28.07.2012).
- Ваксберг А. Добрострадание надо внедрять силой? // Литературная газета. 2010. № 11. 24–30 марта. С. 9.
- Веракса Н. Е. Методологические основы психологии: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: ИЦ «Академия», 2008.
- Гальперин П. Я. Методы обучения и умственное развитие ребенка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
- Гуслицкая М. С. Культурная психология: методология, история, перспективы. М.: Прометей, 2007.
- Диалектическое обучение / Сост. И. Б. Шиян. М.: Эврика, 2005. (Библиотека культурно-образовательных инициатив. Книга 34.)
- Запорожец А. В. Особокности в развитии процесса восприятия // Запорожец А. В. Избранные психологические труды. В 2 т. Т. 1. Психическое развитие ребенка. М.: Педагогика, 1986. С. 52–65.
- Запорожец А. В., Ломытова А. Н. Восстановление движения: Исследование восстановления функций руки после ранения. М.: Советская наука, 1945.
- Зачеико В. П. Псих Магдальштама и трубка Мазардашвили. К началу органической психологии. М.: Новая школа, 1997.
- Зачеико В. П. Общество на пути к «человеку психологическому» // Вопросы психологии. 2008. № 3. С. 3–10.
- Зачеико В. П. Нужно ли преодолеть постулат непосредственности? // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 3–20.
- Занченко П. И. Проблема произвольного запоминания // Научные записки Харьковского государственного педагогического института иностранных языков. Том 1. Харьков: ХГПИИЯ, 1939. С. 145–187.

- Идеалы и идеалы современности: К 80-летию Эвальда Васильевича Ильенкова // Эвальд Васильевич Ильенков / Под ред. В. И. Толстых. М.: РОССПЭН, 2008. С. 240–267.
- Ильенков Э. В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. М.: Политиздат, 1980.
- Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1984.
- Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЭН, 1997.
- Ильенков Э. В. О роли противоречия в познании // Э. В. Ильенков: личность и творчество / Ред.-сост. И. П. Фарман. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 245–257.
- Исломидзе Э. М. Развитие произвольной памяти в дошкольном возрасте // Известия АПН РСФСР. Вып. 14. Вопросы детской психологии. Дошкольный возраст. Труды института психологии. М.–Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1948. С. 51–88.
- Кантор М. Почему нас убивают // Новая газета, 05.04.2010. № 35. С. 21–22.
- Корзилова Т. В. Означает ли свободная конкуренция идей отказ от критериев научности в психологии? // Прогресс в психологии: Критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марциновской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 111–125.
- Коза М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М.: Когнито-Центр–Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Крычков А. Н. Внутренние условия развития и психофизическая проблема // Вопросы психологии. 2005. № 1. С. 3–18.
- Леонтьев А. Н. Начало личности – вступая // А. Н. Леонтьев. Избранные психологические произведения. В 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1983. С. 381–383.
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2004.
- Леонтьев А. Н., Розенблюм А. И. Психологическое исследование деятельности и интересов посетителей Центрального парка культуры и отдыха им. Горького (предварительное сообщение) // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: Школа А. Н. Леонтьева / Под ред. А. Е. Войскунского, А. Н. Ждан, О. К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999. С. 370–425.
- Леонтьев Д. А. Динамика смысловых процессов // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 6. С. 13–27.
- Латман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1994.
- Латман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПБ, 1998.

- Лотман Ю. М. Воспитание души. СПб.: Искусство-СПб, 2003.
- Мамурдзанили М. К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990.
- Мамурдзанили З. В. Развитие произвольного поведения у детей дошкольного возраста // Известия АПН РСФСР. Вып. 14. Вопросы детской психологии. Дошкольный возраст. Труды института психологии. М.–Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1948. С. 89–123.
- Мареев С. Н. Из истории советской философии: Лукач–Выготский–Ильенков. М.: Культурная революция, 2008.
- Мареев С. Н. Ильенков и «философия науки» // Логос. 2009а. №1 (69). С. 94–111.
- Мареев С. Н. Классическая философия и «философия науки». М.: Изд-во СГУ, 2009б.
- Маслов П. А. О психологическом знании и познании, или Что мы хотим от психологии? // Вопросы психологии. 2006. №4. С. 139–145.
- Пузырей А. А. Манипулирование и майевтика: две парадигмы психотехники // А. А. Пузырей. Психология. Психотехника. Педагогика. М.: Смысл, 2005. С. 299–333.
- Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности (1922) // Вопросы психологии. 1986. №4. С. 101–107.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.
- Соколова Е. Е. Идеи А. Н. Леонтьева и его школы о поступке как единице анализа личности в их значении для исторической психологии // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии (школа А. Н. Леонтьева) / Под ред. А. Е. Войскунского, А. Н. Ждан, О. К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999. С. 80–117.
- Соколова Е. Е. К проблеме следствия в понимании предмета психологии в школе А. Н. Леонтьева и в школе С. Л. Рубинштейна // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / Под ред. А. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006. С. 53–60.
- Соколова Е. Е. Психологи на распутье: какая методология нужна современной психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 3. С. 25–42.
- Степан В. С. Философия науки: Общие проблемы. М.: Гардарики, 2008.
- Суворов А. В. Экспериментальная философия (Э. В. Ильенков и А. Н. Мещеряков) // Э. В. Ильенков: личность и творчество / Редакт. И. П. Фарман. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 172–196.
- Толстых В. Н. Настоящее будущее: Без утопии и возврата в прошлое. М.: РОССПЭН, 2009.
- Уманский А. М. Сивергетическая метафора сознания // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 2005. №1. С. 17–29.

ПАРАДИГМЫ В ПСИХОЛОГИИ МОТИВАЦИИ

Е. Ю. Памлова

Понятие парадигмы, ставшее столь популярным после выхода знаменитой книги Т. Куна «Структура научных революций» представляет особый интерес для психологии. Оно дает возможность перестать воспринимать сложившуюся в нашей области знания ситуацию сосуществования «многих психологий» как затянувшийся на полтора века кризис и переосмыслить эту ситуацию в терминах «многопарадигмальности» нашей науки (ср. Корнилова, Смирнов, 2006). Однако тогда перед нами встает задача описания, анализа и сооставления фактически используемых в психологии парадигм. замысел настоящей статьи состоит в том, чтобы попытаться решить эту задачу применительно к психологии мотивации, иными словами – описать и сооставить основные парадигмы, «работающие» в современной психологии мотивации.

Термин «парадигма» я буду использовать примерно в куневском смысле – как обозначающий достаточно общую систему взглядов на изучаемую область, разделяемую научным сообществом (или его существенной частью) и задающую вполне определенные «правила и стандарты научной практики» (Кун, 1975; Демьянюков, 2008). Однако общеметодологической рамкой статьи будет выступать не восходящее к Куну «революционное» понимание развития науки как последовательной смены парадигм в ходе научных революций (когда «старая» парадигма категорически отвергается и по мере «вымирания» ее сторонников исчезает из науки), а разработанное С. Тулмином представление об эволюционном развитии научного знания. Согласно ему, сосуществующие в одной и той же научной области парадигмы могут не только «бороться» друг с другом, но также и вступать в диалог, и оказывать влияние друг на друга, и эволюционировать (Тулмин, 1984). Предметом нашего рассмотрения станут как особенности парадигм, активно «работающих» в современной

психологии мотивации, так и их эволюция и судьба. При этом особое место будет уделено развитию парадигм изучения мотивации в отечественной психологии.

Наряду с появлением парадигмы и представлением об эволюционном (в отличие от революционного) развитии научного знания, отправной точкой нашего анализа выступает разработанная Э. Г. Юдиным концепция уровней методологической рефлексии науки, согласно которой следует различать конкретно-научный, общенаучный и философский ее уровни (Юдин, 1978). Исходя из этой концепции, я предполагаю, что и используемые в науке парадигмы являются разноуровневыми, так что, говоря о психологии мотивации, мы должны различать: во-первых, конкретно-научные парадигмы, задаваемые отдельными психологическими направлениями; во-вторых, общенаучные парадигмы, определяемые критериями научности, общими для многих наук; в-третьих, еще более общие философские парадигмы, связанные с пониманием природы человека и мира. Очевидными примерами конкретно-научных парадигм в психологии мотивации могут служить бихевиористская, психоаналитическая или гуманистическая, общенаучных – ориентации на естественнонаучный или гуманитарный образ человека и соответствующие методы получения и обоснования знания. К наиболее общим, философским парадигмам психологии мотивации следует, на мой взгляд, отнести те базовые представления о человеке, которые часто принимаются в качестве само собой разумеющихся, – например, представление о человеке как «состоящем» из души и тела и, соответственно, обладающем высшими (духовными) и низшими (телесными) побуждениями. Именно такие наиболее общие парадигмы, используемые в современной психологии мотивации, и станут предметом нашего анализа¹.

С легкой руки Х. Хеккхаузена, автора фундаментального руководства по психологии мотивации, распространилось представление о том, что исторически первой парадигмой понимания человеческой мотивации было объяснение поведения как определяемого внутренними свойствами человека – его инстинктами, потребностями, чертами характера и т. п. (Хеккхаузен назвал такую позицию «объяснением с первого взгляда» (см.: Хеккхаузен, 1986, с. 18–33; Леонтьев, 2002а, с. 5–6)). Подобное представление вполне объяснимо: оно возникает, если за «исходную точку» развития психологии мотивации мы берем классические школы начала XX в., такие как психоанализ,

¹ Связь данных парадигм с теми или иными конкретными философскими направлениями требует отдельного анализа и не является предметом рассмотрения в настоящей статье.

бихевиоризм и гуманистическая психология У. Мэкдугалла. Однако сами эти классические для нас теории возникли не на пустом месте, а стали ответом на гораздо более давнюю традицию рассмотрения поведения человека как движимого двумя принципиально различными типами побуждений – телесными и духовными. Авторы «классических» теорий мотивации попытались отвергнуть, преодолеть эту традицию и даже изгнать ее из психологии, и на время это им удалось. Но затем она вновь вернулась в психологию, тем самым продемонстрировав, что развитие нашей науки идет более сложными путями, чем последовательная смена парадигм. Именно с этой дуалистической традиции понимания мотивации логично начать рассмотрение парадигм, активно «работающих» в современной психологии мотивации.

Дуалистическая парадигма: человек как существо, обладающее телесными и духовными побуждениями

На протяжении веков, начиная, по меньшей мере, с Сократа и Платона, философы и богословы, а вслед за ними и простые люди понимали человеческое поведение как принципиально двойственное: одни действия рассматривались как побуждаемые телесными влечениями и страстями, аналогичными влечениям животных, другие связывались с «разумной душой» и считались свободными, не подчиняющимися голосу телесных влечений или прагматической выгоды. Дуалистическая концепция человека была воспринята христианскими мыслителями начала нашей эры и стала составной частью христианских представлений о человеке как «состоящем» из души и тела. Позднее противоположность души и тела была осмыслена Декартом в форме противоположности двух «субстанций»: мыслящей (иными словами, духовной, или идеальной) и материальной. Наиболее впечатляюще эту позицию обосновал Иммануил Кант в «Критике практического разума» (1788 г.), рассматривая человека, с одной стороны, как «ноумен», обладающий свободной и автономной волей, и, с другой стороны, как «феномен», т. е. эмпирическое существо, подчиняющееся «механизму природы» (Кант, 1965).

Психология, оформляясь в качестве самостоятельной науки, первоначально переживает это деление человеческих действий на внешние (детерминированные внешними воздействиями и устройством тела) и высшие (вытекающие из духовных актов свободного волеизъявления), и пытается найти объяснение и тем, и другим. Так, В. Вундт выделяет, в отличие от внешне обусловленных ощущений и ассоциаций, еще и активность апперцепции, или «чистой воли»,

а В. Дильтей особо подчеркивает различие действий, сопровождаемых ощущением необходимости (например, возбуждаемых чувством неудовольствия), и волевых действий, окрашенных «особым внутренним чувством, имеющим свободой» (Дильтей, 1996). Своеобразным итогом развития представлений о воле (вытекающих из телесных влечений) и вытекающих (свободных, разумных и волевых) действиях в рамках философии и практического человекознания можно считать концепцию Уильяма Джемса, отличающуюся логической последовательностью и богатством феноменологии, полученной путем тщательного самонаблюдения. «Нашими» («порочными») действиями Джемс подразделяет на привычные и инстинктивные, противопоставляя их высшим («вторичным»), волевым действиям, побуждаемым идеей или образом желаемого результата. Волевые действия также делаются на две группы – идеомоторные акты, когда «действие непосредственно вытекает из идеи о нем», и «действия по обсуждению», когда «в уме» складывается несколько идей, толкающие к противоположным действиям, и обсуждение завершается актом «умственного согласия на действие», выражаемым словами «да будет!» («fiat!»). Основываясь на самонаблюдении, Джемс выделяет пять отдельных типов сознательных решений: «рассудительное решение», «согласие плыть по течению», «порывистое решение», «решения, вызванные внезапной внутренней переменной», и «решения с усилием воли» (Джемс, 1902, с. 339–343).

Отдельного упоминания заслуживают и опубликованные в самом начале XX в. работы мюнхенского философа и психолога Александра Лифендера, который одним из первых попытался ввести феноменологический метод в психологию (подробнее см.: Куренной, 1999). Опираясь на способы работы Т. Липса, Ф. Brentano и Э. Гуссерля, Лифендер вводит различение самоопределяемых актов – выражающих собственную волю и желания человека – и всех прочих форм стремления или мотивации (Лифендер, 1914). Согласно Лифендеру, акты свободного волеизъявления выделяются феноменально, поскольку они переживаются как исшедший акт внутреннего Я, в отличие от воздействий извне или со стороны телесных потребностей и состояний. Внутренние импульсы или внешние воздействия могут давать «основание» для волеизъявления, однако акт волеизъявления или самоопределения требует одобрения внутренним Я того поведения, которое может последовать из этих «оснований». Если же человек воспринимает свои действия как порождаемые силами, отличными от внутреннего Я, или же как не полностью им одобряемые, то мы имеем дело с отсутствием самоопределения. Таким образом, Лифендер выделил существенную феноменальную

особенность самоопределяемых действий – переживание их связи с внутренним Я. К сожалению, начатая Пфендером работа по феноменологическому анализу человеческих действий в психологии (в отличие от философии) не была продолжена. Самоопределяемые действия надолго исчезают из психологии, чтобы вернуться в нее лишь во второй половине XX в.

Итак, в рамках дуалистической парадигмы в начале XX в. были выделены два типа человеческих действий и побуждательных процессов: а) побуждения, идущие от телесных состояний и внешних воздействий, соответственно, действия, определяемые инстинктами и привычками, и б) самоопределяемые действия и побуждения, исходящие из внутреннего Я или сопровождающиеся одобрением внутреннего Я, связанные с переживанием свободы и с внутренним обсуждением. Каждому типу действий соответствует свой метод исследования: наблюдение и естественнонаучный эксперимент применимы к «низким» действиям и побуждениям, самонаблюдение и феноменологический анализ – к высоким.

«Низкие» дуалистической парадигмы из психологии мотивации

Концепции У. Джемса и А. Пфендера в определенном смысле завершают период доминирования дуалистического понимания причин человеческих действий. В то самое время, когда эти авторы пытались феноменологически описать различия между многообразными видами человеческих действий, многие из современников, воодушевленные успехами физики, химии и физиологии, решали совсем другую задачу, а именно – стремились объяснить все человеческое поведение с позиций строгого детерминизма, как игру объективных физических сил «притяжения и отталкивания».

Это движение «ко строгой детерминизму в психологии» привело к рождению двух знаменитых концепций мотивации, господствовавших в психологии в первой половине прошлого века, – психоаналитической и бихевиористской. Именно они и легли в основу потребностной парадигмы анализа мотивации, которую мы детально рассмотрим чуть ниже. Обе эти концепции непримерно отвергают дуалистическое понимание мотивации, признавая лишь сознательные мысли, идеи и решения Я одним из движущих факторов человеческих действий. Сознательное Я перестает рассматриваться в качестве особого источника активности и субъекта действия. В психоанализе оно лишь предмет инстинктивного влечения приемлемую с точки зрения Сверх-Я форму (впоследствии эта идея активно использовалась в экспериментальной психологии мотивации под именем «когнитивной обработки потребностей»). В бихе-

вирсизме сознательное Я рассматривается в качестве эпифеномена, не играющего никакой существенной роли в человеческом поведении, а свободные автономные действия «сводятся» к условленным «когнитивной обработкой» инстинктивным действиям.

Иными словами, непосредственно воспринимаемая нами побудительная сила наших решений, волевых актов, убеждений и прочих процессов и явлений, принадлежащих сфере индивидуального сознания, разума и воли, была объявлена иллюзией; сами же эти процессы и явления оказались фактически изгнанными из психологии как «устаревшие» и «незачисленные». Дуалистическое понимание мотивации надолго исчезло из психологических исследований.

Возвращение дуалистической парадигмы

Будучи «изгнаны» из психологических теорий и экспериментов, свободные акты, сознательные решения и действия, направленные на воплощение ценностей, вовсе не исчезли из реальной жизни людей. Поэтому рано или поздно они должны были вернуться и в психологию мотивации, что и стало постепенно происходить начиная с середины XX в. Это возвращение шло двумя путями. Во-первых, через «вписывание» свободных самоопределяемых действий в потребностную парадигму мотивации: так появились «потребность в самсактуализации» (Маслоу, 1999) и «потребность в самодетерминации» (Deci, Ryan, 1985, 2008a,b; Ryan, 1992; Ryan, Deci, 2000, 2001, 2006; Ryan et al., 2008). А во-вторых – как раз через фактическое восстановление дуалистической парадигмы мотивации с характерным для нее противопоставлением низших (телесных, детерминированных, обусловленных) и высших (духовных, свободных) побуждений.

В частности, такое возобновление дуалистической парадигмы было осуществлено некоторыми представителями экзистенциальной психологии, которая стала одним из мощных «каналов» возвращения в психологию идеи человеческой свободы, ответственности и самоопределения. Как известно, экзистенциальная психология и психотерапия исходят из представления о человеке как о существе, способном действовать свободно, осмысленно и ответственно, а не подчиняться диктату тех или иных потребностей, влечений или внешних воздействий. Принципиальная позиция представителей экзистенциальной психологии состоит в том, что человеку присуща способность совершать свободные самоопределяемые действия (подробнее см., например, Д. А. Леонтьев, 2007). Эта способность действовать свободно и осмысленно часто выступает как особое «фундаментальное свойство» человека, присущее ему как «духовному существу». В частности, именно так понимаются «высшие»

человеческие побуждения в экзистенциальном анализе А. Лэнгле: они являются проявлением особой духовной «пра-основы» человека, называемой «Регион» и принципиально ответной не только от тела, но и от психики (или души) (Лэнгле, 2005). Строго говоря, А. Лэнгле исходит из выработанной христианами мыслителями тройственной модели человека как «состоящего» из тела, души (психики) и духа, однако поскольку телесные (голод, жажда и т. п.) и психические (стремление к удовольствию, к власти и т. д.) побуждения объединяет детерминизм (в противоположность свободному духу, или Регион), то общая парадигма понимания мотивации оказывается дуалистической: с одной стороны, есть детерминированные побуждения, обусловленные строением тела и психики, с другой – свободные «персональные», или духовные, побуждения.

Таким образом, психология в некотором смысле вернулась на круги своя: свободные самоопределяемые действия и связанные с ними «высшие устремления» (проект воли к смыслу или духовных стремлений) вновь получали все права гражданства и даже несколько потеснили в мотивационных исследованиях чисто «потребностные» побуждения (соотносимые, например, в экзистенциальном анализе Лэнгле не только с телом, но и с «психикой», противопоставляемой «духу»). Так что мы снова можем говорить о дуалистической парадигме рассмотрения человеческой мотивации, ибо наличие у человека потребностей, в частности, биологических, никто, разумеется, не отрицает.

Потребностная парадигма: поведение человека полностью определяется его природными побуждениями

Еще в середине XVIII столетия была опубликована знаменитая работа Жюльена Оффре де Ламетри «Человек-машин» (1747), в которой предлагается строго детерминистский материалистический взгляд на поведение человека. Согласно Ламетри, человеческое поведение побуждается исключительно «природными силами», как и любое механическое устройство, разница состоит лишь в нашем незнании действующих в этом случае сил. В XIX в., под явным влиянием успехов естествознания, идея природной детерминации человеческого поведения получает дальнейшее развитие, что приводит к возникновению и развитию сначала инстинктивной, а затем потребностной парадигмы анализа причин человеческого поведения. Образ «человека-машин» конкретизируется в представлении о человеке как о «машине, приводимой в действие физико-химическим механизмом» (Э. Брокхоф), и, далее, в идею «психического аппарата»

(З. Фрейд, А. Бине и др.). Наиболее влиятельными психологическими концепциями первой половины XX в. становятся психоанализ и бихевиоризм, с их пафосом инспровержения сознательного Я и объявления свободного волеизъявления человеческой натурой. Большинство психологов этого времени принимает как само собой разумеющееся положение о том, что каждое действие человека вызывается объективными причинами, не зависящими от его сознания и воли. Такими причинами могли выступать общепсихологические потребности и инстинкты, врожденные и приобретенные связи «стимул–реакция» или структура психологического «поля», – общее требование состояло лишь в том, чтобы эти причины были безличными и неподконтрольными человеческому разуму и сознанию.

Таким образом, в начале XX в. на смену дуалистической объяснительной схеме пришла новая, допускающая, по сути, лишь один тип побудительных процессов, а именно – естественные потребности, инстинкты или влечения, толкающие человека к действию помимо его сознания (последнее может лишь «приукрашивать» эти побуждения или «подсказывать» им различные «замещающие объекты»). Первоначально, как, например, в классическом психоанализе и бихевиоризме, эта схема включала в себя лишь общепсихологические потребности и влечения, однако впоследствии, во многом благодаря концептуальным разработкам К. Левина (Левина, 2001; см. об этом: Хекхаузен, 2003, с. 225–248, 279–283) и Г. Мюррея (см. там же, с. 127–129), на первый план стали выдвигать – также понимаемые в качестве «базовых» и присущих человеку по природе – более специфические для человека мотивационные тенденции, такие как потребности в достижениях, принятии, власти и некоторые другие.

Основные положения потребностной парадигмы

Сложившаяся парадигма (далее мы будем называть ее потребностной) представляла все человеческое поведение принципиально аналогичным пищевому поведению животным. Основные ее положения можно резюмировать в следующих шести тезисах:

1. Все действия человека побуждаются врожденными мотивационными тенденциями (потребностями, инстинктами, аргами, мотивами-диспозициями).
2. Существует определенный набор «базовых», т. е. свойственных человеку по природе, потребностей, причем у разных людей каждая из этих потребностей (диспозиций) может быть выражена в неодинаковой степени; степень можно измерить с помощью соответствующих тестов.

3. Потребность может пребывать в двух состояниях: латентном, когда она никак не проявляется, и активном, когда она побуждает к действию, направленному на то, чтобы ее удовлетворить.
4. Переход потребности в активное состояние может быть обусловлен как внутренним физиологическим напряжением, так и встречей с предметами или ситуациями, способными дать ей удовлетворение, или попаданием в ситуации, напоминающие об удовлетворении потребности в прошлом.
5. Процесс актуализации потребности связан с ее «когнитивной обработкой», осуществляемой автоматически и приводящей к появлению ситуативных мотивационных образований (продель, целей, желаний и намерений), непосредственно побуждающих к действию.
6. При одновременной актуализации двух потребностей либо «побуждает» более сильная из них, либо действие оказывается «компромиссным», направленным на частичное удовлетворение обеих потребностей (в обоих случаях взаимодействие потребностей походит на взаимодействие физических сил).

Сам перечень «базовых» потребностей (или мотивов) человека у разных авторов мог быть различным и со временем меняться; то же касается и степени сложности «когнитивной переработки» потребностей, и понимания роли устойчивых потребностей и факторов ситуации в побуждении к конкретным действиям. Немаловажным оставалось лишь самое общее представление о человеческой мотивации как о проявлении в конкретной ситуации ряда присущих человеку «по природе» устойчивых потребностей, или мотивационных предрасположенностей, качественно однородных и различающихся лишь по силе и содержательной направленности. Эти потребности (или инстинкты, или влечения, или «мотивы-диспозиции», или «орги») могут развиваться и преобразовываться в течение жизни, могут по-разному проявляться в тех или иных ситуациях. Однако при всем этом потребности, воляте вместе с ситуацией, определяют поведение вполне однозначно, так что различие между человеком и белой крысой состоит лишь в уровне сложности, но не в существе дела. В первой половине XX в. сторонники данного подхода практически «изгнали» из психологии представление о свободных и разумных действиях, однако поскольку сделать это можно было лишь в сфере психологических теорий и экспериментов, но не в реальной жизни, то во второй половине века психологи стали вновь к ним обращаться. При этом, усвоив потребностные взгляды на человеческие побуждения, многие из них стали «вписыв-

вать» свободные самоопределяемые действия в потребностную модель мотивации: так появились «потребность в самоактуализации» (Маслоу, 1959) и «потребность в самодетерминации» (Деци, Руан, 1985, 2008a, b; Руан, 1992; Руан, Деци, 2000, 2001, 2004; Руан et al., 2008)¹.

В развитии потребностной парадигмы исследования мотивации можно выделить несколько отдельных этапов. В сущности, те «этапы развития психологии мотивации», которые выделяет Х. Хеккхаузен (1986, с. 18–33), могут рассматриваться именно как этапы развития потребностной парадигмы: а) «объяснение с первого взгляда», т.е. акцент на потребностях, инстинктах и других устойчивых мотивационных характеристиках человека (Э. Фрейд, У. Макдугалл, ранний А. Адлер, ранние теории К. Хорни и А. Маслоу), б) «объяснение со второго взгляда», т.е. акцент на факторах ситуации (К. Левин, Л. Фестингер, Дж. Роттер), в) «объяснение с третьего взгляда», т.е. фокусировка внимания исследователей на взаимодействиях потребностей субъекта и факторов ситуации (Г. Мюррей, Дж. Атkinson, ранний Х. Хеккхаузен) и г) «объяснение с четвертого взгляда», когда в сферу внимания исследователей входит еще и социокультурная детерминация развития самих потребностей и мотивов (Д. Маклелланд, А. Бандура, Х. Хеккхаузен, А. Адлер, К. Хорни, Э. Фромм и др.). Общий «вектор» развития потребностной парадигмы можно, вслед за Д. А. Леонтьевым (Леонтьев, 2002a)², определить как движение от жесткой ориентации на естественнонаучный подход к более «гуманитарным» моделям, включающим анализ как социокультурной обусловленности человеческой мотивации, так и проблем духовных устремлений и свободного действия, традиционно рассматривавшихся в русле дуалистической парадигмы. В результате потребностная парадигма становится достаточно «размытой», хотя и сохраняет базовое положение о врожденности основных человеческих побуждений, – только теперь в качестве таковых рассматриваются уже не только общепсихологические потребности, но и специфически человеческие «инстинктоидные» потребности в познании, самоактуализации (А. Маслоу), самодетерминации (Э. Деци и Р. Райан) и т.п. Одновременно модели мотивации, основанные на потребностной парадигме, становятся существенно бо-

¹ Уделяя большее внимание анализу условий жизни, которые воплощают самодетерминацию, тем не менее, настаивает именно на врожденном характере потребности в самодетерминации (см., например: Руан, Деци, 2000, с. 48; Руан, Деци, 2008b, с. 182).

² Д. А. Леонтьев считает этот «вектор» описывающим эволюцию психологии мотивации в целом.

лее сложными, ибо, во-первых, предполагают прежнее формирование многоуровневых когнитивно-мотивационных систем на базе исходных потребностей, во-вторых – включают в себя развернутый процесс выработки конкретно-ситуативных побуждений и решений о действии (подробнее см.: Хекхаузен, 1986, 2003; Гордеева, 2006).

Отдельного анализа заслуживает функционирование потребностной парадигмы понимания мотивации человека в отечественной психологии, где понятие потребности было в значительной мере задано «сверху» в качестве своего рода универсального объяснительного принципа. Поскольку при этом произошло переплетение потребностной и культурно-исторической парадигм, мы рассмотрим данный вопрос чуть ниже – после обсуждения культурно-исторической парадигмы мотивации.

Культурно-историческая парадигма: побуждения человека есть результат исторического развития

Если в рамках дуалистической парадигмы понимания мотивации человек рассматривается как существо, изначально обладающее «низшими» (телесными и «психическими») и «высшими» (духовными) побуждениями, а в рамках потребностной парадигмы – как существо, все побуждения которого обусловлены его природой (биологической или «квазибиологической»), то согласно культурно-исторической парадигме побуждения человека не предопределены изначально и могут быть существенно разными в зависимости от социальных и культурных условий его жизни, а также и от его собственной жизненной позиции и активной деятельности. В частности, духовные устремления и свобода воли не «даны» человеку изначально, но и не являются эпифеноменами – они, начиная с некоторого этапа исторического развития человечества, могут быть «выработаны» или «обретены» человеком в ходе его жизни (однако происходит это не всегда и не автоматически, а лишь при вполне определенных условиях).

Культурно-историческая парадигма, как и потребностная, возникает из неудовлетворенности мыслителей XVIII–XIX вв. дуалистической концепцией человека, но опорой для построения нового понимания человека здесь выступают не естественные науки, а гуманитарные, прежде всего – история. Истоки этого нового подхода к человеку лежат в «Идеях к философии истории человечества» Йоганна Готтлиба фон Гердера (Гердер, 1977), «Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума» Жана-Антуана

Кондорсе (Кондорсе, 1936) и в работах Вильгельма фон Гумбольдта о влиянии социального устройства и различия языков на духовное развитие людей (Гумбольдт, 1984а, 1984б, 2009). В работах Гердера, Кондорсе и Гумбольдта не только начинается складываться культурно-историческое понимание психики человека, в том числе и движущих сил человеческого поведения, но одновременно формулируются и идеи о том, что образование должно способствовать развитию личности человека, в частности, учить его действовать самостоятельно, а не только подчиняться (Кондорсе, 1936), и о возможности «самоформирования»² человека путем свободной деятельности, общения и «усвоения богатства другого» (Гумбольдт, 2009).

Культурно-исторический подход активно развивается на протяжении XIX в. как в европейском (К. Маркс, В. Дильтей, В. Вундт и др.), так и в российском человекознании (К. Д. Кавелин, А. А. Потебня, Л. Н. Петражицкий и др.). Принципиально важную роль в его становлении сыграла разработанная К. Марксом концепция «сущности человека» как совокупности общественных отношений, ставшая своего рода точкой отсчета, относительно которой определяли свою позицию последующие мыслители культурно-исторического направления (в частности, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Л. С. Выготский, М. Фуко и др.). В первые десятилетия XX в. этот подход наиболее ярко представлен такими повитие блестящими работами, как «Протестантская этика и дух капитализма» Макса Вебера (1905), «Элементарные формы религиозной жизни» Эммы Дюркгейма (1912), «Социальные объекты, выступающие предпосылками психологии» (1910), «Социальное „я“» (1913) и другие статьи Джорджа Герберта Мидда, «Психологическая эволюция личности» Пьера Жана (1929), «Орудие и знак в развитии ребенка» (1930) и «Развитие высших психических функций» (1931) Льва Семёновича Выготского. Однако впоследствии эта линия анализа человеческих побуждений была в значительной мере «вытеснена» из психологии мотивации позитивистски ориентированными подходами.

Одним из первых детально развернутых подходов культурно-исторического направления, предложивших свою концепцию мотивации, принципиально отличную как от дуалистических, так и от натуралистических (инстинктивистских и потребностных) концепций, стала французская социологическая школа, в работах представителей которой не только закладывались основы социоло-

² Впрочем, идея самоформирования человека была провозглашена еще в конце XV в. в знаменитой «Речи о достоинстве человека» Дж. Пинто дела Мирандола.

гие как самостоятельной науки, но и разрабатывалась оригинальная психологическая концепция, ключевой особенностью которой был общественно-исторический подход к психике человека. В частности, в понимании мотивации человеческого поведения представители этой школы (Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль, М. Хальбвакс, М. Мосс и др.) в определенном смысле существенно опередили – основной поток – мотивационных исследований своего времени, разработав в первые десятилетия прошлого века представления об обществе как совершенно особом источнике человеческих побуждений, способном, в частности, создавать – «священное» – путем обожествления тех или иных объектов, вещей, государства как целого, а также разного рода идей-символов, увлекающих людей на подвиги и преступления. Некоторые идеи Дюркгейма и его коллег – например, о «коллективных представлениях», диктующих людям значительную часть их действий, о тотемах как репрезентантах социальных групп, о «сопричастных индивидах», ощущающих себя частью социального целого, о социальных рамках, определяющих мотивы и особенности поведения людей, – все это представляют собой, на мой взгляд, «зону ближайшего развития» современной психологии мотивации (подробнее см.: Патнова, 2009).

Если в модели человека, предложенной французской социологической школой, на первый план выступает социальная обусловленность высших человеческих побуждений и чувств (см., например: Durkheim, 2002a, 2002b), то в разработанной примерно в то же время концепции французского психолога Пьера Жана акцент делается на историчности высших психических функций (в том числе и высших форм побуждения), на их последовательном «изобретении» в ходе человеческой истории (Жане, 2010; Janet, 1928, 1932). Жане детально описывает «психологическую эволюцию личности», отмечая, в качестве отдельных эпох, возникновение речевых побуждений (прежде всего, приказов), побуждений, связанных с социальным оценыванием, Я-побуждений и других высших форм человеческой мотивации. Одновременно он подчеркивает решающую роль речи в формировании всех высших психических функций человека.

Следующий шаг в выстраивании культурно-исторического понимания мотивации человека делает Л. С. Выготский, неоднократно ссылавшийся на идеи своих французских предшественников. К идеям социальной обусловленности высших человеческих побуждений, их историчности и зависимости от речи Л. С. Выготский добавляет положение о преобразовании психических процессов в результате их опосредствования различными «предметами куль-

туры – знаками, орудиями, символами, художественными произведениями, социальными установлениями и т.п. Благодаря этому становится принципиально понятным сам «механизм» социального и исторического развития личности: создание новых культурных средств делает возможным появление новых форм психических процессов. Соответственно, психическое развитие отдельно взятого человека определяется тем, какие выработанные в культуре средства и умения он освоил и в какой мере. Применительно к мотивации это дает нам, во-первых, теорию воли как высшей психической функции (Выготский, 1983; Иванников, 1991), во-вторых, идею преобразования мотивационной сферы личности при восприятии произведений искусства (Выготский, 1968; Пузырей, 1986; Седякова, 2006), в-третьих, проблему сложных форм опосредствования мотивационных процессов, в частности, их опосредствования социальными установлениями, организационными структурами и системами практической этики (Выготский, 1986; Вебер, 2002; Фуко, 1996; Патшева, 1990, 2010), и, в-четвертых, проблему свободного действия как особый случай применения человеком культурных средств по отношению к себе самому (Выготский, 1984; Патшева, 2010).

Особого внимания в контексте рассмотрения сложных форм опосредствования человеческой мотивации заслуживает работа М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» (1905), в которой фактически осуществлен анализ такого опосредствования и описана целостная система средств и практик социокультурного мотивирования. Однако ограничения объема не позволяют нам остановиться на этом подробнее (см.: Патшева, 2010).

К сожалению, ни работы французских психологов и социологов, ни анализа М. Вебера, ни культурно-историческая концепция Л. С. Выготского не оказали прямого влияния на современную им психологию мотивации. Исследования французской социологической школы, как и «Протестантская этика» М. Вебера, во многом определили развитие социологии и широкого комплекса современных европейских историко-культуролого-гуманитарных исследований (М. Фуко, Р. Мандрю, П. Бурдьё, Ю. Хабермас и др.), для которых культурно-историческое представление о человеке стало как бы само собой разумеющимся. Дальнейшее же развитие культурно-исторического понимания мотивации в отечественной психологии оказалось связанным со своеобразным соединением потребностной и культурно-исторической парадигм под давлением внешних по отношению к самой психологии обстоятельств. В следующем разделе мы попробуем понять, что при этом произошло.

Потребностная модель мотивации в отечественной психологии: синтез или конфликт парадигм?

Молодая советская психология целиком опиралась на марксистский подход к пониманию личности, а в марксистском учении о личности и ее формировании потребности рассматриваются как важнейшие движущие силы развития общества, и отдельного человека.

Л. И. Вайсман. Проблемы развития личности

Для психологии понятие потребность является одним из основных понятий, но до сих пор его содержание остается неопределенным.

В. А. Навыкина. Мотивационная сфера личности: курс лекций

Особая судьба потребностной парадигмы в отечественной психологии определялась тем обстоятельством, что понятие потребности активно использовалось К. Марксом и Ф. Энгельсом в качестве единственного источника человеческого поведения: «Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того чтобы объяснять их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются)» (Энгельс, 1961, с. 493). Поскольку в советские время философская концепция Маркса и Энгельса по не зависящим от психологов обстоятельствам была задана им как единственно возможное общеметодологическое основание их работы, история анализа движущих сил человеческих действий в отечественной психологии распадается на три отдельных этапа: 1) до утверждения приведенного выше тезиса (я аналогичных ему положений) в качестве обязательного для всех методологического ориентира; 2) этап работы «под знаменем» этого тезиса; 3) современный этап, определяемый, с одной стороны, традициями мышления, сложившимися в предшествующий период, с другой – активным освоением зарубежных психологических концепций, способов работы и результатов, с третьей – не менее активным освоением запретных или недоступных ранее философских и общегуманитарных концепций (как зарубежных, так и отечественных). Остановимся на каждом из этапов подробно.

Первый этап: анализ побудительных процессов человека до «возражения» потребностной модели мотивации

В России, как и в других странах Европы, с середины XIX в. складывалось, по существу, две психологии: с одной стороны, естест-

веннонаучная, с другой – религиозно-философско-гуманитарная (Ярославский, Марцинковская, 1996). Как и в других странах, проблема свободы или, напротив, жесткой детерминированности человеческой воли стояла в центре интересов и вызвала бурные споры. При этом в работах дореволюционного периода мы можем обнаружить три принципиально различных способа понимания человеческой мотивации: естественнонаучный («рефлекторный»), дуалистический и культурно-исторический.

Первый из них, восходящий к работам Н. Г. Чернышевского и И. М. Сеченова и далее развивавшийся прежде всего И. П. Павловым и его школой, является прямым выражением естественнонаучного детерминизма – но в варианте не потребностной парадигмы¹, а рефлекторной. Иными словами, поведение человека, как и поведение животного, понимается как совокупность безусловных и условных рефлексов, «запускаемых» внешними воздействиями. Отличие человека от животного состоит в исходном наборе рефлексов (здесь уместно вспомнить о введенных И. П. Павловым понятиях «рефлекса робства» и «рефлекса свободы»), в большей сложности условно-рефлекторных связей и в наличии дополнительных рефлекторных систем (второй сигнальная система, надстраивавшаяся над первой и способная тормозить «первосигнальное» поведение). Интересно отметить, что последовательный естественнонаучный детерминизм в понимании человеческой мотивации, будучи довольно широко распространённым в 1880-е годы (что нашло отражение в классическом образе Базарова), впоследствии потерял популярность, и многие представители «естественнонаучного крыла» русской дореволюционной психологии пытались найти такое филологическое объяснение собственно человеческого поведения, которое бы адекватно уловило его специфические особенности. В частности, выдвинутой И. П. Павловым идея второй сигнальной системы и являлась подобным шагом к анализу специфичности поведения человека в отличие от животных. В еще большей степени на поиск специфически человеческих механизмов поведения была нацелена рефлексология В. М. Бехтерева с ее огромным влиянием к феномену внушения, к соотношению Я и внушения, а также к разным формам «коллективных рефлексов» (см., например, Бехтерев, 1990). Учение же А. А. Ухтомского о доминанте как «функциональном органе» поведения уже прямо противостоит потребностной парадигме понимания человеческой мотивации (выступавшей в форме инстинктивной модели поведения). В частности, он оспаривает принцип «наимень-

¹ К потребностной парадигме была близка позиция Н. Г. Чернышевского, но она не получила развития в русской дореволюционной науке.

шего действия» в физиологии и «путь наименьшего сопротивления» при объяснении поведения, говорит о создании новых доминант человеческой культурой и о необходимости воспитывать в себе определенные доминанты, – прежде всего, «доминанту на лице другого» (Ухтомский, 2002, с. 137–150).

Что касается «второй» психологии, религиозно-философско-гуманитарной, то в ее русле параллельно развивались как дуалистические (например, в работах П. Д. Юркевича, В. С. Соловьева, Л. М. Лопатина), так и культурно-исторические (в трудах К. Д. Кавелина и А. А. Потебни) взгляды на движущие силы человеческих действий. В частности, В. С. Соловьев предложил различать три вида детерминизма – «механический», «психологический» и «разумно-идеальный», и именно последний из них считал специфическим для человеческого поведения. Его суть заключалась в том, что мотивом человека становится всеобщая разумная идея добра, действующая на сознательную волю в форме безусловного долга или категорического императива (Соловьев, 1996). Понятие потребности представителями «второй» психологии использовалось лишь для объяснения «ниших» форм человеческого поведения, общих для человека и животных, а «высшие», специфически человеческие, побуждения понимались либо как проявление душойной природы человека (В. С. Соловьев, Л. М. Лопатин), либо как результат развития права (К. Д. Кавелин) и произведений словесности (А. А. Потебня).

Марксистский тезис о потребностях как источнике всего человеческого поведения был навязан отечественной психологии не сразу после победы революции. В 1920–1930-е годы представители наук о человеке вели бурные дискуссии о том, какой должна быть марксистская психология, и круг базовых категорий еще не устоялся. В частности, Л. С. Выготский не пользовался понятием потребности для объяснения человеческого поведения, но, продолжая традиции русской дореволюционной психологии, пытался выстроить теоретическую модель волевого побуждения, которая не сводила бы волевое действие к более простым формам поведения, а ухватывала бы его своеобразие и объясняла его. Такой моделью и стала культурно-историческая концепция воли как высшей психической функции, опиравшаяся на марксистское представление о социальности человека, но не на марксистскую идею потребности как источника всего поведения (см. выше).

Второй этап: потребностная модель как основа анализа мотивации
Знакомство с объяснением человеческой мотивации в отечественных концепциях XIX–начала XX в. оставляет впечатление, что по-

требностная парадигма анализа мотивации не имела сколько-нибудь глубоких корней в российской психологии и физиологии, пытавшихся уловить в понятиях и объяснить реальную сложность собственно человеческих мотивационных процессов. Марксистское же понятие потребности, которое постепенно стало исходной точкой рассмотрения мотивации в советский период, довольно существенно отличается от общепсихологического понятия потребности, ставшего отправным пунктом для зарубежной психологии мотивации. В самом деле, в работах К. Маркса и Ф. Энгельса потребность (Bedürfnis) выступает не только и не столько в биологическом смысле (как нужда организма в питательных веществах и определенных условиях существования), сколько в повседневном и одновременно политикоэкономическом значении того, что требуется – кому и чему угодно: человеку, семье, производству или обществу в целом – для поддержания своего существования и продолжения своей деятельности или функционирования. В этом смысле «потребность в питании» оказывается в одном ряду с «потребностью в новой технике» или «потребностью» капиталистического производства «в дешевой рабочей силе». Соответственно, потребности человека понимаются в марксизме как продукт социально-исторического развития, и их источник видится лежащим в обществе, а не в индивидуе. При этом для логики Маркса не имеет принципиального значения, будем ли мы говорить именно о потребностях, или о желаниях, интересах и других видах побуждений. Иначе говоря, в концепции Маркса намечено культурно-историческое понимание потребностей человека, принципиально противостоящее естественнонаучному, связывающему их с биологической природой человека. С другой стороны, знаменитый тезис Ф. Энгельса, противопоставляющий «потребности» и «мышление» (см. выше), может пониматься и как прием сфокусировать внимание на естественно-биологических потребностях человека, так что понятие потребности, «заданное» отечественной психологией «сверху», оказалось очень широким, нечетким и допускающим разные толкования.

Поэтому ведущие отечественные психологи советского времени – А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, В. Н. Мясищев, Д. Н. Узнадзе, Л. И. Божович и другие – пользовались понятием потребности по-разному. Так, А. Н. Леонтьев в своем курсе лекций начинает обсуждение темы потребностей с многозначности этого понятия, составляя три рода потребностей: потребности общества, вроде «потребности производства в кадрах», биологическое понятие потребности как объективной нужды организма в чем-то, что лежит вне его, и психологическое понятие потребности как субъективно

отражаемой нужды в чем-то, что является ее предметом (Леонтьев, 2000). Он выстраивает свою концепцию мотивации, своеобразным ядром которой выступают положения о предметности потребностей (и мотиве как предмете потребностей) и о том, что развитие потребностей идет через развитие их предметов (Леонтьев, 1977, с. 189–195). Именно благодаря введению этих двух тезисов – о предметности как принципиальной характеристике всех потребностей и о развитии потребностей через развитие их предметов – А. Н. Леонтьеву и удалось успешно «растянуть» понятие потребности на все многообразие человеческих побуждений и реализовать тезис Ф. Энгельса об объяснении поведения людей не из «мышления», а из «потребностей», которые при этом, конечно, «отражаются в голове». В самом деле: раз общество производит всевозможные предметы, будь то материальные или идеальные, – значит, оно производит и соответствующие потребности человека. Дальнее, вписав таким образом анализ человеческой деятельности в марксистскую концепцию, можно перейти к конкретно-психологическому анализу мотивации. Тут уже понятие потребности уходит на задний план, а на переднем оказываются понятия «мотива» и «смысла». Таким образом, потребности, аналогично категории деятельности (см.: Юдик, 1978), выступают прежде всего как объяснительный принцип, но не становятся предметом исследования.

Далее, раз потребности человека стали, следуя марксистской трактовке, пониматься как продукт социально-исторического развития, то неизбежно вводится ряд различений. Противопоставляются потребности:

- 1) «натуральные» (исходные биологические потребности организма, вроде голода) и «социальные» (голод, который удовлетворяется социально принятыми способами, признается отличным от того, который удовлетворяется сырым мясом с помощью одних лишь рук и зубов);
- 2) «материальные» (в тех или иных материальных предметах) и «идеальные» (в различных продуктах общественного сознания – в религии, искусстве и т.п.);
- 3) «низшие» (требующие, не требующие усилий по их воспитанию) и «высшие» (требующие специальных усилий по их воспитанию).

Благодаря этому понятие потребности стало использоваться (например, в общепсихологической теории деятельности А. Н. Леонтьева) для построения теорий мотивации, не сводящих развитие собственно человеческие формы мотивационных процессов

к общепсихологическим, а пытающихся узаконить своеобразие и тех, и других. В итоге в концепции А. Н. Леонтьева понятие потребности оказалось вписанным в культурно-историческую парадигму понимания человеческой мотивации аналогично тому, как это произошло во французской социологической школе (см., например: Halbwachs, 1913, 1938) и далее во французской гуманитарной антропологии второй половины XX в. (например: Фуко, 1996; Мандрю, 2010).

Интересно отметить, что разные отечественные авторы решали задачу вписывания анализа мотивации человека в марксистскую концепцию потребностей не вполне одинаково.

Так, А. Н. Леонтьев делает единым отправным пунктом своего анализа мотивации потребности, затем говорит об их предметности и социальности и далее переходит к анализу мотивов и неравномерно связанных с ними смыслов (биологических в случае животных и личностных у человека), так что в последние годы его жизни все большее место в его концепции мотивации начинает занимать именно понятие личностного смысла (см., например: А. Н. Леонтьев, 1977, с. 201–206). Причем понятие мотива в его работах употребляется то в значении предмета потребности, то в более традиционном значении субъективного основания деятельности (например, когда он говорит о мотивах вроде следующих: «получить хорошую отметку», «пойти в кино», «показать свою ловкость, догадливость»). И вообще, «говоря о мотивах, Леонтьев, как правило, абстрагируется от воплощенных в них потребностей» (Богомолов, 1972, с. 21), так что не исключено, что положение о потребностях и их предметах выступало в концепции мотивации А. Н. Леонтьева частью того «методологического частотала», защищавшего психологические исследования от вмешательства идеологических инстанций, о котором пишут В. П. Зинченко и В. В. Моргунов (Зинченко, Моргунов, 1994).

Параллельно с понятием мотива в концепции А. Н. Леонтьева развивается и понятие смысла, истоки которого, как показал Д. А. Леонтьев, лежат в анализе переживания Л. С. Выготским (Леонтьев, 1999, с. 79–83). Изначально понятие смысла было «введено в контексте зоопсихологии и эволюционной психологии. Различая смысловые метаномы у животных и у человека, А. Н. Леонтьев использовал для обозначения первых понятие «инстинктивный смысл» (впоследствии «биологический смысл»), а для вторых – «сознательный смысл» (впоследствии «личностный смысл»)» (там же, с. 84). Будучи определен и для животных, и для человека, «смысл» становится центральным конкретно-ситуативным мотивационным понятием. Так, в тезисах, относящихся к 1940 г., Леонтьев пишет: «Изменение

смысла действия есть всегда изменение его мотивации» (там же, с. 85). Рядом так, то мы получаем возможность изучать мотивационную регуляцию действия, вообще не обращаясь к понятию потребности и сосредоточив свое внимание на смыслах действия и их изменении. Целый ряд исследований в русле деятельностного подхода был посвящен изучению влияния различной мотивации (понимаемой как различный смысл) на особенности действия (Леонычев, Запорожец, 1945; Запорожец, 1948, 1960; Истомина, 1948; Леонычев, 1948; Славина, 1948; Зинченко, 1961; и др.). Другая большая серия исследований, развернувшаяся в последние годы жизни А. Н. Леонычева, была связана с анализом роли и места смыслов и смысловых образований (т. е. смыслообразующих мотивов, смысловых установок, ценностей и т. д.) в развитии личности и ее структуре (Братусь, 1974, 1981; Карева, 1975; Субботский, 1977, 1978, 1979а, 1979б; Асмолов и др., 1979; Зейгарник, Братусь, 1980; Братусь, Лихач, 1982; Петровский, 1975, 1977; Насиновская, 1983; и др.). Можно вполне согласиться с И. Е. Насиновской, что «основной вклад А. Н. Леонычева в проблему мотивации» состоит в разворачивании концепции личностного смысла (Насиновская, 2006, с. 162). Таким образом, концепция мотивации А. Н. Леонычева хотя и провозглашает тезис о ведущей роли потребностей в процессе мотивации, но целиком и полностью принадлежит культурно-исторической – а не потребностной – парадигме: прежде всего, в силу культурно-исторического понимания самих потребностей человека, а также благодаря акценту на мотивационной роли смыслов и смысловых образований (эту вторую линию анализа можно рассматривать как продолжение и развитие идей Л. С. Выготского о единстве интеллекта и аффекта и об опосредствованном строении высших психических функций, в данном случае – высших мотивационных процессов).

Для понимания того, как фактически функционировало понятие потребности в советской психологии, интересны комментарии Л. И. Божович по поводу развернувшейся в конце 1950-х годов в «Вопросах психологии» дискуссии о роли потребностей в поведении человека и их отношении к другим побудителям человеческой активности. Так, она отмечает, что большинство авторов, «правильно излагая марксистский подход к решению проблемы происхождения и развития человеческих потребностей», не дают при этом «собственно психологической теории этого вопроса» (Божович, 1972, с. 12).

¹ Наиболее очевидно это становится при обращении к концепции воли В. А. Иванникова (Иванников, 1996), где соединяются обе логики анализа мотивации: идея опосредствования Л. С. Выготского и деятельность-смысловый подход А. Н. Леонычева.

Далее исследовательница с сожалением констатирует, что и «вообще в психологии развитие потребностей, как правило, сводилось лишь к их количественному росту и к появлению так называемых духовных потребностей, психологический механизм возникновения которых, по существу, не раскрывался» (там же). При этом ближе всех к решению проблемы развития потребностей подошел, с ее точки зрения, как раз А. Н. Леонтьев, выдвигавший тезисы об опредмечивании потребностей и о возникновении новых потребностей через усвоение новых объектов. Однако вместе с тем, пишет Л. И. Божович, в рассуждении А. Н. Леонтьева «оказывается, на наш взгляд, пропущенным, может быть, самое главное психологическое звено. Остается нераскрытым и непонятым, в силу каких психологических механизмов человек начинает создавать новые предметы, потребности в которых он еще не испытывает» (там же, с. 14).

В своих собственных исследованиях развития мотивационной сферы детей и подростков Л. И. Божович и ее сотрудники первоначально придерживались сформулированного А. Н. Леонтьевым понимания потребностей и мотивов, однако уже в первом конкретно-эмпирическом исследовании им «пришлось» дать несколько иное рабочее определение мотива, «так как оперировать термином „мотив“, понимая под ним всегда некоторый объективный предмет, было невозможно. <...>

В исследовании мотивов учебной деятельности школьников мы временно (в качестве рабочего понятия) определяли мотив как то, ради чего осуществляется деятельность, в отличие от цели, на которую эта деятельность направлена. Например, школьники решают задачу. Цель у них одна – ее решение, а мотивы могут быть разные: у одного – отметка, у другого – одобрение учителя, у третьего – обещанный подарок, у четвертого – непосредственный интерес к самой задаче. Из этого видно, что мы не были (так же как и сам Леонтьев и все другие его ученики) достаточно последовательны в употреблении понятия „мотив“. Мы называли мотивом и отметку, т. е. некоторый по своему существу не психологический объект, стимулирующий учебную деятельность ребенка, и интерес к учению, и потребность завоевать авторитет товарищей; мы называли мотивом игрушку, всегда ребенок ради нее осуществлял непрямательную для него деятельность, и то, что лежит за этим „мотивом“ – непосредственный игровой интерес или стремление к одобрению родителей. <...>

По существу мы называли мотивами все, что побуждает активность ребенка, в том числе и принятие им решения, и чувство долга, и сознание необходимости, которые нередко выполняют свою

побудительную функцию даже вопреки имеющемуся у него непосредственному желанию. Налагая исследование мотивов учебной деятельности школьников, мы и сейчас будем называть мотивами все побудители этой деятельности» (с. 21–22).

Таким образом, обращение к анализу конкретной деятельности конкретных детей заставило Л. И. Божович и ее сотрудников отойти от исходно принятого определения мотива как предмета потребности и вернуться к рассмотрению всего традиционно описывавшегося спектра побудителей деятельности. Такой же сдвиг произошел и с понятием «потребность»: зафиксировал, что «побуждение к действию всегда исходит от потребности», Л. И. Божович в качестве примеров потребностей называет «потребность в одобрении учителя», «потребность быть на уровне своей собственной самооценки», «стремление завоевать авторитет товарищей», «желание облегчить себе поступление в высшее учебное заведение» и т. п. (с. 27). Иными словами, «потребность», «стремление» и «желание» оказываются синонимами, так что ряд результатов исследований мотивационной сферы детей и подростков лабораторией Л. И. Божович вполне можно изложить и не прибегая к понятию «потребность», а заменяя его понятиями «желание» или «стремление».

Вообще складывается впечатление, что Л. И. Божович было тесно в рамках сознательно принятой ею потребностной модели мотивации. Так, сделав вывод о том, что «в онтогенезе потребности человека изменяются не только со стороны своего содержания и динамических свойств, но и со стороны своего строения», что они «опосредствуются сознанием и начинают действовать через сознательно поставленные цели, принятые решения и намерения», она тут же добавляет: «В этом случае мы имеем дело уже не с потребностями, а с их новыми функциональными образованиями, представляющими собой некоторое неразрывное единство потребности и сознания, аффекта и интеллекта» (там же, с. 39; курсив мой. – Е. П.).

Эти «новые функциональные образования» еще ждут детального и всестороннего анализа. Пока же можно отметить, что Л. И. Божович и ее сотрудниками были описаны крайне важные частные виды таких мотивационных функциональных образований, явно не укладывающиеся в узкие рамки потребностной модели мотивации, как «направленность личности», «смысловой барьер», «внутренняя позиция ребенка», «словесные, специфически человеческие чувства (нравственные, эстетические, интеллектуальные)», «притязания», самооценка как побудительное образование (см., например: Славина, 1966, 1972; Боткарева, 1972; Неймарк, 1972а, б; Неймарк, Чудновский, 1972; Савонько, 1972; Божович, 1981, 1997).

Обратимся теперь к другим ведущим направлениям советского периода.

В концепции установки Д. Н. Узнадзе потребности, наряду с ситуацией, рассматриваются как необходимое условие возникновения установки. Введя понятие потребности¹ и выделив потребности предметные и функциональные, он сразу же переходит к установкам и делает именно их предметом своего непосредственного анализа (1966, с. 164–169), так что в его концепции потребности опять-таки занимают место скорее объяснительного принципа, чем предмета исследования. Такое же место занимает потребности в интерпретациях общепсихологической теории установки Ш. А. Надирашвили (Надирашвили, 1986), А. С. Прагмашвили (Прагмашвили, 1986) и И. В. Имедадзе (Имедадзе, 1986), а Р. Т. Сакварелидзе вообще считает, что «объяснительный аппарат программы Д. Н. Узнадзе не нуждается в понятиях „потребности“ и „объективация“». Их функцию должно выполнять понятие установки (Сакварелидзе, 1986, с. 310). Почти противоположную позицию занимает Д. А. Кикнадзе, который, опираясь на положения марксизма о том, что «никто не может сделать что-нибудь, не делая этого вместе с тем ради какой-либо из своих потребностей и ради органа этой потребности» (Кикнадзе, 1986, с. 163), пытается выстроить модель процесса мотивации, начиная с «предметной потребности» и заканчивая «практической потребностью». При этом потребность он понимает как явление, которое «выражает внутреннюю позицию человека, отношение к предметам и средствам, восстанавливающим физическую и духовную гармонию, характерный для субъекта ритм жизни» (с. 163). Нетрудно увидеть, что понятие «потребности» выступает здесь в роли своеобразного «методологического частотика» и ее вполне можно заменить любыми другими мотивационными терминами (например, «стремлением» или «желанием»).

Наиболее интересной в контексте настоящего исследования мне представляется позиция Ш. Н. Чхартушвили, который, обратившись к анализу личности и личностного поведения с позиций психологии установки, в конце жизни фактически вышел за пределы потребностной модели мотивации и перестал понимать потребности как универсальный источник всей человеческой активности (Чхартушвили, 1986). Ход его рассуждений строится на различении двух уровней «мотивационной структуры» поведения: «близкой», т. е. по-

¹ Сама потребность понимается Д. Н. Узнадзе прежде всего в классическом биологическом смысле: «как психофизиологическое состояние организма, выражающее нужду в чем-то, лежащем вне его» (цит. по Асмолов, 2002, с. 49).

требностей, и «далекой», иначе говоря, личностной и не сводимой к потребностям. На первом, более низком, из этих уровней субъект поведения «формируется, на почве определенной потребности, в каждый конкретный момент перед началом акта поведения и после реализации поведения (или его преждевременного прекращения по какому-нибудь причинам) прекращает свое существование как субъект поведения» (с. 363–364).

Но человек является не только таким субъектом поведения, но еще и личностью как особым субъектом, сохраняющим свою тождественность на протяжении всей жизни и формирующимся под воздействием требований общественной жизни. Характерная особенность личности состоит в том, что она «по существу, живет будущим» и «осуществляет далекую мотивацию» (с. 366), в отличие от «ориентированной на настоящее» потребности. Эту «далекую» мотивационную структуру Чхартишвили связывает с личностной активностью и волей, в отличие от «пассивности» потребностного поведения: «в первом случае человек пассивно отдается течению потребности и выступает в виде субъекта импульсивного поведения, во втором же он поднимается до уровня личности и действует как субъект волевого поведения» (с. 367).

В таком случае «мотивационной основой» поведения личности являются уже не потребности, но ценности («объективные» или «социальные ценности», с которыми человек «росли» и которые он «сделал своей собственной природой») и усвоенные нормы общественной жизни (с. 369–370). Поэтому и установка, соответствующая личностному уровню поведения, порождается уже не потребностью и наличной ситуацией, но «данной в плане объективации идейной ситуацией, которая под влиянием требований воспитания и общественной жизни становится предметом сознания личности, назидательной в процессе формирования», а «главные структурные моменты этой идейной ситуации» составляют «обобщенные ценности» (с. 374). Так что «установка личности» ориентирована не на потребности, а на «объективные ценности», «содержит в себе тенденцию осуществления актов поведения сохранения и создания объективных ценностей», и «на ней основываются те принципы поведения и те идеалы, которые отстаивает человек как личность на протяжении всей своей жизни» (с. 377).

Таким образом, мотивационную основу поведения личности «всегда составляют общественные или объективные ценности», а никак не потребности (с. 380). Намеченная в рассмотренной статье Ш. Н. Чхартишвили концепция мотивации личности не была разработана детально, сама эта статья вышла в свет уже после смерти

ее автора. И один из главных вопросов, на который нам как наследникам разработанных в советское время концепций мотивации, предстоит найти ответ, заключается в следующем: что является психологической основой побудительной силы ценностей? Ведь и сам Ш. Н. Чхартишвили, и многие другие авторы указывали на то, что ценности как таковые не являются психологической реальностью, к тому же, как хорошо известно, ценности могут быть освоены индивидом лишь на «знаемом» уровне.

Обратимся теперь к концепции мотивации С. Л. Рубинштейна. В отличие от А. Н. Леонтьева и Д. Н. Узнадзе, он с самого начала рассматривает три вида несводимых друг к другу мотивационных «динамических тенденций»: потребности (потребность понимается как субъективно испытываемая нужда в чем-то, что объективно необходимо для существования человека вообще или в данном обществе), интересы (к тому, что не является объективно необходимым) и надстранизаинтересы над потребностями и интересами идеалы (Рубинштейн, 2000, с. 457–471). Исходным звеном мотивации, по С. Л. Рубинштейну, могут оказываться как потребности, так и несводимые к ним интересы и идеалы. Причем именно последние два типа «побудительных тенденций» являются первоочередными объектами воспитания личности. Кроме того, С. Л. Рубинштейн неоднократно говорит и о мотивах или побуждениях, «характеризующих не столько личность, сколько обстоятельства, в которых она оказалась по ходу жизни» (Рубинштейн, 1976, с. 248). Наконец, автор «Принципов творческой самостоятельности» настойчиво продолжает размышлять и о самоопределении человека, о свободном самоопределяемом действии (см., например: Рубинштейн, 1976, с. 354–361), однако при жизни автора эти размышления опубликованы не были.

Схожую с С. Л. Рубинштейном позицию в вопросе о потребностях занимает В. Н. Мяснищев, в концепции которого базовой является категория отношения (наряду с психическими процессами, состояниями и свойствами личности), а потребность оказывается одним из видов отношений человека, наряду с интересом, любовью, привязанностью, обязанностью и высшими чувствами (интеллектуальными, эстетическими и моральными), а также оценками, ответственностью (ответственным отношением) и убеждениями (Мяснищев, 1960, 1995). Помимо потребностей, Мяснищев особо выделяет такой уже межиндивидуальный побудительный фактор, как «требования», различая требования отдельных индивидов друг к другу и «взаимные требования общества в целом и индивида»: «Влечения, потребности различаются и возникают в системе требований объективной действительности, в системе взаимных требований

общества в целом и индивиды и отдельных индивидов друг к другу. На взаимодействия требований и потребностей возникает требование к себе, которые, в свою очередь, регулируют и стимулируют динамику и проявление потребностей» (Масишев, 1960, с. 208).

Проблему «взаимоотношения требований к личности, ее требований к себе и ее потребностей» автор считает «важнейшей психологической и педагогической проблемой» (там же). Признавая потребности источником человеческой активности, В. Н. Масишев не распространяет, однако, этот тезис на все поведение человека: «Ряд отношений выступает у человека как относительно самостоятельные образования. Сюда прежде всего следует отнести интересы, оценки и убеждения» (там же, с. 214).

Некоторые отечественные психологи вообще позволили себе не относиться всерьез к марксистскому тезису о потребностях как побудительном источнике всего человеческого поведения. Так, П. М. Яковсов, рассматривая мотивацию учебной деятельности, выделяет три фактически наблюдаемые категории мотивов: «отрицательные», «внешние положительные» и «внутренние» (Яковсов, 1969). Под отрицательными мотивами «он понимал побуждения учащегося, вызванные ощущением определенных неудобств и неприятностей, которые могут возникнуть в том случае, если он не будет учиться: выговоры, угрозы родителей и т. п. <...> Здесь мотивация осуществляется по принципу „из двух зол выбрать меньшее“» (Ильин, 2002, с. 267). Вторая группа – внешние положительные мотивы – включает в себя «воздействия со стороны общества», которые формируют у учащегося «чувство долга», а также «узколичностные интересы» вроде желания сделать карьеру. Наконец, третий вид мотивации – это собственно познавательные мотивы: любознательность, стремление познать новое, познавательные интересы (там же). При таком анализе реально наблюдаемых вариантов побуждения термин «потребность» может, конечно, использоваться, но подобное использование будет осмысленным лишь для характеристики части побуждений: так, для описания третьего вида мотивации мы можем говорить о познавательной потребности, тогда как вводить «потребность избежать неприятностей» или «потребность сделать карьеру» для первых двух видов мотивации было бы явно излишним.

Таким образом, напрашивается вывод о том, что потребностная модель выступала в отечественной психологии мотивации в существенно иной функции, чем в зарубежной психологии: она использовалась в качестве обшей «рамки», позволяющей вписать исследование мотивации в марксистскую модель человека, но не определяла способов анализа конкретной мотивации, – на этом уровне использо-

вались понятия смысла, ситуативного мотива, установка, интереса, идеала, чувства, смыслового барьера, надситуативной активности и т.д. Даже там, где потребности постулировались в качестве источника всей человеческой деятельности, они затем уходили на задний план или постоянно «размывались», выступая синонимами желаний и стремления. Так что ни в одной из школ, получивших развитие в отечественной психологии в советское время, все богатство человеческой мотивации к потребностям фактически не сводилось. Иными словами, потребностная модель мотивации выступала в отечественной психологии не столько как парадигма научного мышления, сколько как заданная живые рамки описания (возможно, ее стоит назвать псевдопарадигмой), которая, конечно, оказывала влияние на развитие концепций мотивации, но допускала весьма широкий спектр пониманий. То «размытое» понимание потребностей, какое приняла потребностная парадигма в зарубежной психологии мотивации в последней трети прошлого века, советской психологии было свойственно изначально. При этом в работах отечественных психологов самых разных школ и направлений было описано множество мотивационных явлений и «новых функциональных образований», статус которых в потребностной модели остается не вполне определенным. Со страниц посмертно изданного труда С. Л. Рубинштейна звучит и явно не укладывающийся в потребностную парадигму тезис о свободе как личной инициативе и возможности действовать на свой страх и риск (Рубинштейн, 1976, с. 360), однако конкретные исследования психологических условий свободного действия по вполне понятным причинам в то время не могли быть развернуты. В силу идеологического давления¹ в отечественной психологии возник определенный разрыв между разделяемым большинством психологов тезисом о самостоятельности и активности личности (см., например: Рубинштейн, 2000; Лисонька, 1977; Божович, 1997) и описанным развитием высших форм мотивации как только усвоения (интернализации) социальных ценностей, норм и идеалов.

Третьей (современной) ступень понимания дискуссия сил человеческого поведения: от единства к многообразию

В современной российской психологии можно выделить три различных тенденции в понимании потребностей. Одни авторы (Виллонас, 1990; Виллонас, Кравченко, 2002; Сафьянов, 2002, 2003; и др.) от «всколывающегося» понятия потребности советского периода вернулись к более традиционному его пониманию как «инстинкта-

¹ Оно выражалось, например, в том, что коллектив и его интересы возможно было ставить выше отдельной личности и ее интересов.

идных» (по А. Маслоу) побуждений, имеющих врожденную основу, и тем самым стали использовать термин «потребности» в общепринятом в западной психологии смысле (ср. Маслоу, 1999; Deci, Ryan, 2008б; и др.). Другие авторы (Леонтьев, 1992; Ивашкин, 2008) продолжают тенденцию максимально широкой интерпретации потребностей, восходящую к А. Н. Леонтьеву (Леонтьев, 1977) и Ж. Нюттену (Нюттен, 2004), и понимают их как объективно существующие жизненные отношения субъекта с миром: «Потребность мы определим как соответствующее одному из модусов жизнедеятельности объективное отношение между субъектом и миром, требующее для своей реализации активности субъекта в форме его деятельности. Понятие требования означает здесь, что при отсутствии требуемой активности состояние жизненных отношений соответствующего модуса будет неблагоприятным для сохранения существования и развития субъекта» (Леонтьев, 1992, с. 112).

При таком понимании «потребности» не являются чем-то изначально (в момент рождения) заложеным в человека, а выступают как форма отношений, складывающихся между человеком и миром, в котором он живет, в процессе их взаимодействия» (там же). Это позволяет сохранить положение о потребности как мотивационной основе всего поведения и деятельности человека и рассматривать сквозь призму одной и той же категории деятельность по добычанию пищи и, например, эстетическую. С другой стороны, потребность при таком подходе становится настолько абстрактным понятием, что, как и на предшествующем этапе, выполняет лишь роль объяснительного принципа, мало используясь в исследованиях конкретных мотивационных процессов.

Наконец, третья тенденция состоит в появлении все большего числа мотивационных концепций, исследований и данных, вообще не использующих понятие потребности при обсуждении специфически человеческих способов мотивации действий. Сюда можно отнести анализ таких собственно человеческих форм побуждения, как альтруистический императив (Насоновская, 2002), личностно-смысловые диалогические регулятивные сюжеты (Васильев, 2002; Корнилова, 2002), смысловой выбор как деятельность решения «задачи на смысл» (Леонтьев, Пилишко, 1995) и т. п. Не обязательным оказалось понятие потребности и при изучении негативного влияния мотивации на мыслительную деятельность (Арестова, 2002), мотивации потока (Войскуцкий, Смылова, 2002), факторов, влияющих на образовательную мотивацию (Ellis, Hulten, Hildreth, Shahin, 1999) и во многих других исследованиях. При этом все более активно развиваются представления о ценностях как специфически

человеческом и альтернативном потребностях -источнике мотивации» (Братусь, 1999; Леонтьев, 1999, 2005а) и концепции ценностно-смысловой регуляции человеческого поведения (Братусь, 1999; Леонтьев, 1999, 2005б; Сафьянов, 2002, 2003).

Таким образом, понятие потребности перестало быть универсальным объяснительным принципом при объяснении мотивации, что открывает возможность для нового «размежевания» потребностной и культурно-исторической парадигм анализа мотивации и их последующего диалога. Другое важное отличие современной российской психологии мотивации от советской состоит в том, что на эту психологию в явном виде вернулась проблема свободного действия – будь то в терминах «свободной причастности» или «самопричастности» (Петровский, 1997, 2006), самодетерминации (Леонтьев, 1997, 2000, 2002б), свободного действия (Зинченко, Моргунов, 1994; Леонтьев, 1997, 2000), имманентной детерминации и свободной самодетерминации (Дорфман, 1997), ценностного выбора (Васильев, 1997), деяния (Леонтьев, 2001), поступка (Асмолов, 2007; Зинченко, Моргунов, 1994; Зинченко, 1997; Леонтьев, 2001; Саволова, 1999; и др.), самоопределяемого действия (Патшева, 2002, 2010) или каких-либо иных. Причем попытки осмысления свободного действия предпринимаются с позиций как культурно-исторической, так и дуалистической парадигмы, рассматривающей духовность как особое начало в человеке и восстанавливающей традиции русской религиозно-философской школы мышления о человеке (Братусь, 1997, 1998, 2000; Васильев, 2005; и др.).

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать несколько предварительных выводов, которые могут стать опорными точками для дальнейшего обсуждения вопроса о парадигмах в психологии.

1. В современной психологии мотивации, как мировой, так и отечественной, активно функционируют три вполне самостоятельных и не сводимых друг к другу парадигмы: потребностная, дуалистическая и культурно-историческая. Это особенно интересно, если учесть, что на протяжении XX столетия развитие мировой и отечественной психологии шло существенно разными путями.
2. Развитие психологии мотивации представляет собой не столько процесс последовательной смены научных парадигм, сколько гораздо более сложный процесс становления и развития много-

парадигмальной дисциплины. В нем есть и периоды господства единой общепринятой парадигмы (такая, дуалистическая парадигма бесспорно доминировала до середины XIX в., а потребностная – в первой половине XX в.), и периоды ожесточенных споров и активной борьбы между представителями разных парадигм (таким периодом была, например, вторая половина XIX в., когда дуалистическое понимание мотивации было «изгнано» из психологии), и периоды более или менее «мирного» сосуществования различных парадигм, их взаимопроникновения и взаимообогащения (именно таковым мне представляется современный этап развития психологии мотивации). Возможно, в будущем это взаимопроникновение приведет к формированию единой обобщенной парадигмы понимания мотивации, однако столь же возможно и сохранение и дальнейшее развитие сложившейся многопарадигмальной структуры (в идеале – с активным диалогом между представителями различных парадигм).

3. Благодаря работам Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и их соратников и учеников отечественная психология мотивации обладает, вероятно, более детализированным и совершенным концептуальным аппаратом для построения конкретно-психологических теорий мотивации в русле культурно-исторической парадигмы, чем большинство других направлений мировой психологии. Поэтому создание целостной культурно-деятельностной концепции мотивации (учитывающей, конечно, основные результаты, достигнутые в рамках дуалистической и потребностной парадигм) могло бы стать нашим важным вкладом в мировую психологию мотивации.

Литература

- Арефьев О. Н. Мотивация как негативный фактор мышления // Современная психология мотивации / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 233–241.
- Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл–Академия, 2007 (1-е изд. – 1990).
- Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.
- Асмолов А. Г., Врануть Б. С., Зейдманх Б. В., Петровский В. А., Субботский Е. В., Харш А. X., Цветкова Л. С. О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности // Вопросы психологии. 1979. № 4. С. 35–46.

- Беккерев В. М. Роль внушения в общественной жизни // Природа, 1990. № 7. С. 78–87.
- Божович Л. Н. Проблема развития мотивационной сферы ребенка // Изучение мотивации детей и подростков. М.: Педагогика, 1972. С. 7–44.
- Божович Л. Н. Психологический анализ условий формирования и строения гармонической личности // Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981. С. 257–284.
- Божович Л. Н. Проблемы формирования личности: Избранные психологические труды. М.–Воронеж, 1997.
- Бочкарева Г. Г. Психологическая характеристика мотивационной сферы подростков-правонарушителей // Изучение мотивации детей и подростков / Под ред. Л. Н. Божович, Л. В. Благородной. М.: Педагогика, 1972. С. 259–350.
- Братусь Б. С. Психологический анализ именованной личности при алкоголизме. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974.
- Братусь Б. С. К изучению смысловой сферы личности // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1981. № 2. С. 46–56.
- Братусь Б. С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии, 1997. № 5. С. 3–19.
- Братусь Б. С. Двойное бытие души и возможность христианской психологии // Вопросы психологии, 1998. № 4. С. 71–79.
- Братусь Б. С. Личностные смыслы по А. Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А. Н. Леонтьева / Под ред. А. Е. Войскунского, А. Н. Ждан, О. К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999. С. 284–298.
- Братусь Б. С. Психология – наука о жизни или учение о душе? // Человек, 2000. № 4. С. 30–38.
- Братусь Б. С., Лыжин О. В. Закономерности развития деятельности и проблемы психолого-педагогического воздействия на личность // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1982. № 1. С. 12–20.
- Васильева И. А. Мотивация и смысловая регуляция мыслительной деятельности // Современная психология мотивации / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 214–232.
- Васильев Ф. Е. Психотезисна выбора // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Шур. М.: Смысл, 1997. С. 284–314.
- Васильев Ф. Е. Переживание и молитва: Опыт общепсихологического исследования. М.: Смысл, 2005.

- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Ново-Франковск: Изд-во, 2002.
- Валлонс В. К. Психологические механизмы мотивации человека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
- Валлонс В. К., Крайченко А. С. Мотивация демонстративного поведения // Современная психология мотивации / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 122–151.
- Вайскуцкий А. Е., Смылова О. В. Мотивация потока и ее изучение в деятельности хакеров // Современная психология мотивации / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 244–277.
- Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Искусство, 1968.
- Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Собр. соч. М., 1983. Т. 3. С. 5–328.
- Выготский Л. С. Орудие и язык в развитии ребенка // Собр. соч. В 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 6. С. 5–90.
- Выготский Л. С. Конкретная психология человека // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология, 1986. № 1. С. 52–63.
- Гердер И. Г. Идеи в философии истории человечества. М.: Наука, 1977.
- Гордеева Т. О. Психология мотивации достижения. М.: Смысл, 2006.
- Гумбольдт фон В. О влиянии различного характера языков на литературу и духовное развитие // Гумбольдт фон В. Набранные труды по языковедению. М.: Прогресс, 1984а. С. 324–326.
- Гумбольдт фон В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества // Гумбольдт фон В. Набранные труды по языковедению. М.: Прогресс, 1984б. С. 37–297.
- Гумбольдт фон В. О пределах государственной деятельности. Челябинск: Социум, 2009.
- Дельяно В. Э. Термин парадигма в «родном» и «чужом» ареалах // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. научных трудов. М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 15–39.
- Джемс В. Научные основы психологии / Под ред. Л. Е. Оболенского. СПб.: Санкт-Петербургская электрончатна, 1902.
- Дильтей В. Описательная психология. СПб.: Алетейя, 1996.
- Дорфман А. Я. Детерминированность и свобода человека // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 145–155.
- Жаме П. Психологическая эволюция личности. М.: Академический Проект, 2010.

- Запорожец А. В. Изменение моторики ребенка-дошкольника в зависимости от условий и мотивов его деятельности // Известия АПН РСФСР. 1948. Вып. 14. С. 125–166.
- Запорожец А. В. Развитие произвольных движений. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960.
- Зейдариш Б. В., Братусь Б. С. Очерки по психологии аномального развития личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
- Зименко В. П. Психология Осипа Мандельштама и trubка Мамордашвили: К началу органической психологии. М.: Новая школа, 1997.
- Зименко В. П., Марунов Е. Б. Человек развивающийся: Очерки российской психологии. М.: Тризна, 1994.
- Зименко П. И. Непроизвольное запоминание. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961.
- Иванников В. А. Психологические механизмы волевой регуляции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.
- Иванников В. А. Мотивационная сфера личности: Курс лекций. М.: АССО, 2008.
- Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002.
- Имедадзе Н. В. Проблема структуры установок // Дмитрий Николаевич Унадзе – классик советской психологии. Тбилиси: Мецниереба, 1986. С. 110–130.
- Испомина Э. М. Развитие произвольной памяти в дошкольном возрасте // Известия АПН РСФСР. 1948. Вып. 14. С. 51–88.
- Кант И. Критика практического разума // И. Кант. Сочинения. В 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 311–501.
- Карев М. А. Об одном виде формирования патологического мотива в подростковом возрасте: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1975.
- Кындадзе Д. А. Первое действие и развитие личности // Дмитрий Николаевич Унадзе – классик советской психологии. Тбилиси: Мецниереба, 1986. С. 159–170.
- Кандарак Ж.-А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.–Л.: Соцгиз, 1936.
- Корнилова Т. В. Мотивационная регуляция принятия решений: современные представления // Современная психология мотивации / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 172–213.
- Корнилова Т. В., Смирнов С. Д. Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006.
- Кум Т. Структура научных революций. М.: Наука, 1975.
- Куремой В. К вопросу о возникновении феноменологического движения // Logos. 1999 (21). № 11–12. С. 156–182. URL: http://www.gubelin.ru/logos/tumbet/1999_11_12/11.htm (дата обращения: 15.08.2012).

- Ламетри Ж. О. Человек-машинка // Ламетри Ж. О. Сочинения. М.: Мысль, 1978. С. 183–244.
- Левин К. Намерение, воля и потребность // Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001. С. 94–164.
- Леонтьев А. А. Действительный ум (Дейтельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001.
- Леонтьев А. Н. Актуальные проблемы развития психики ребенка // Известия АПН РСФСР. 1948. Вып. 14. С. 3–9.
- Леонтьев А. Н. Дейтельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977.
- Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000.
- Леонтьев А. Н., Золоторев А. В. Восстановление движения. М.: Советская наука, 1945.
- Леонтьев Д. А. Жизненный мир человека и проблема потребностей // Психологический журнал. 1992. № 2. Т. 13. С. 107–117.
- Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999.
- Леонтьев Д. А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 1. С. 15–25.
- Леонтьев Д. А. От инстинктов – к выбору, смыслу и саморегуляции: психология мотивации вчера, сегодня и завтра // Современная психология мотивации / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002а. С. 4–12.
- Леонтьев Д. А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Вып. 1 / Под ред. Б. С. Братуся, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002б. С. 56–65.
- Леонтьев Д. А. Духовность, саморегуляция и ценности // Гуманитарные проблемы современной психологии: Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета. 2005а. № 7. С. 16–21.
- Леонтьев Д. А. Новые горизонты проблемы смысла в психологии // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла): Материалы международной конференции / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2005б. С. 36–49.
- Леонтьев Д. А. Восхождение к экзистенциальному мировоззрению // III Всероссийская конференция по экзистенциальной психологии / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2007. С. 3–12.
- Леонтьев Д. А., Палияко Н. В. Выбор как деятельности: личностные детерминанты и возможность формирования // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 97–110.

- Давид А. Регион. Экзистенциально-аналитическая теория личности. М.: Гешвинг, 2005.
- Монру Р. Франция Раннего Нового времени, 1500–1640: Эссе по исторической психологии. М.: Территория будущего, 2010.
- Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999.
- Маслоу В. Н. Личность и неврозы. Л.: ЛГУ, 1960.
- Маслоу В. Н. Психология отношений. М.–Воронеж, 1995.
- Найрашвили Ш. А. Основные положения общепсихологической теории установки // Дмитрий Николаевич Узнадзе – классик советской психологии. Тбилиси: Мецниереба, 1986. С. 208–223.
- Насановская Е. Е. Смысловой аспект мотивации: Дис.... канд. психол. наук. М., 1983.
- Насановская Е. Е. Альтруистический императив // Современная психология мотивации / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 152–171.
- Насановская Е. Е. Деятельностная парадигма в изучении мотивации личности // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра. М.: Смысл, 2006. С. 161–174.
- Наймарк М. С. Направленность личности и эффект неадекватности у подростков // Изучение мотивации детей и подростков / Под ред. Л. И. Божович, Л. В. Благоннадежной. М.: Педагогика, 1972а. С. 112–146.
- Наймарк М. С. Изучение подростков с разной направленностью личности // Изучение мотивации детей и подростков / Под ред. Л. И. Божович, Л. В. Благоннадежной. М.: Педагогика, 1972б. С. 147–248.
- Наймарк М. С., Чудновский В. Э. Составление различных экспериментальных методов по выявлению направленности личности // Изучение мотивации детей и подростков / Под ред. Л. И. Божович, Л. В. Благоннадежной. М.: Педагогика, 1972. С. 249–258.
- Никольн Ж. Мотивация, действие и перспективы будущего. М.: Смысл, 2004.
- Патласова Е. Ю. К анализу сложных форм опосредования индивидуальной деятельности // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы: Сб. науч. тр. / Под ред. В. В. Давыдова, Д. А. Леонтьева. М.: Изд-во АПН СССР, 1990. С. 83–96.
- Патласова Е. Ю. Мотивация учения: заданное, стихийное и самоопределяемое учение // Современная психология мотивации / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 289–313.
- Патласова Е. Ю. К истокам культурно-исторического понимания человеческой мотивации: французская социологическая школа // Культурно-историческая психология, 2009. № 4. С. 10–22.

- Павлова Е. Ю. Культурно-исторический анализ развития мотивации личности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
- Петровский В. А. К психологии активности личности // Вопросы психологии. 1975. № 3. С. 26–38.
- Петровский В. А. Активность субъекта в условиях риска: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1977.
- Петровский В. А. Очерк теории свободной причинности // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Шур. М.: Смысл, 1997. С. 124–144.
- Петровский В. А. Леонтьевские корни общей психологии // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / Под ред. А. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006. С. 148–160.
- Принципалов А. С. К вопросу о взаимосвязи между установкой (Einstellung) и поведением (Verhalten) // Дмитрий Николаевич Узнадзе – классик советской психологии. Тбилиси: Мецниереба, 1986. С. 258–271.
- Пульрей А. А. Культурно-историческая теория Л. С. Выготского и современная психология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.
- Рубинер А. Введение в психологию. Петроград: Изд-во М. Н. Семнова, 1914.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000.
- Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976.
- Савенко Е. Н. Возрастные особенности соотношения ориентации на самооценку и на оценку другими людьми // Изучение мотивации детей и подростков / Под ред. А. Н. Божович, Л. В. Благоннаджиной. М.: Педагогика, 1972. С. 81–111.
- Саварельдзе Р. Т. К общепсихологическому статусу исследовательской программы Д. Н. Узнадзе // Дмитрий Николаевич Узнадзе – классик советской психологии. Тбилиси: Мецниереба, 1986. С. 302–314.
- Сабунов Ф. С. Психологические механизмы криминальной агрессии: мотивационный аспект // Современная психология мотивации / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 327–342.
- Сабунов Ф. С. Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003.
- Седякова О. А. Психия и антропология // Седякова О. Музыка. Стихи и проза. М.: Русский мир; Московские учебники, 2006. С. 383–392.
- Славина Л. С. О развитии мотива игровой деятельности в дошкольном возрасте // Известия АПН РСФСР. 1948. Вып. 14. С. 11–29.
- Славина Л. С. Дети с аффективным поведением. М.: Просвещение, 1966.

- Славина Л. С. Роль поставленной перед ребенком цели и образованного им самим намерения как мотивов деятельности школьника // *Изучение мотивации детей и подростков* / Под ред. Л. И. Божович, А. В. Балгазовой. М.: Педагогика, 1972. С. 48–80.
- Соловьев В. С. *Оправдание добра: Нравственная философия*. М.: Республика, 1996.
- Субботский Е. В. Изучение у ребенка смысловых образований // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 14, Психология*. 1977. № 1. С. 63–72.
- Субботский Е. В. Генезис морального поведения у дошкольников // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 14, Психология*. 1978. № 3. С. 13–25.
- Субботский Е. В. Формирование морального действия у ребенка // *Вопросы психологии*. 1979а. № 3. С. 47–55.
- Субботский Е. В. Формирование элементов альтруистического поведения у дошкольников // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 14, Психология*. 1979б. № 2. С. 36–47.
- Тулмин С. *Человеческое понимание*. М.: Прогресс, 1984.
- Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. М.: Касталь, 1996.
- Узнадзе Д. Н. *Психологические исследования*. М.: Наука, 1966.
- Ухтомский А. А. *Доминанта. Статьи разных лет, 1887–1939*. СПб.: Питер, 2002.
- Хекхаузен Х. *Мотивация и деятельность*. В 2-х т. М.: Педагогика, 1986 (2-е изд.: М., 2003).
- Чхрешвицкиа Ш. Н. Проблема личности в психологии установки // *Дмитрий Николаевич Узнадзе – классик советской психологии*. Тбилиси: Мецхаереба, 1986. С. 362–380.
- Змыль Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*. М.: Госполитиздат, 1963. Т. 20. С. 488–499.
- Юдан Э. Г. *Системный подход и принцип деятельности*. М.: Наука, 1978.
- Ярославский М. Г., Мерцанковская Т. Д. Развитие психологии в России // *Ярославский М. Г. История психологии от античности до середины XX в.: Учеб. пособие*. М.: Академия, 1996.
- Deci E. L., Ryan R. M. *Intrinsic Motivation and Self-Determination in Human Behavior*. N. Y.: Springer, 1985.
- Deci E. L., Ryan R. M. Facilitating Optimal Motivation and Psychological Well-Being Across Life's Domains // *Canadian Psychology*. 2008a. V. 49. № 1. P. 14–23.
- Deci E. L., Ryan R. M. Self-Determination Theory: A Macrotheory of Human Motivation, Development, and Health // *Canadian Psychology*. 2008b. V. 49. № 3. P. 182–185.

- Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse. Le système totémique en Australie. Paris: PUF, 1912/1968. Édition électronique: Québec, 2002a.
- Durkheim É. Le problème religieux et la dualité de la nature humaine // Émile Durkheim, Textes. 2. Religion, morale, anomie. P. 23-59. Édition électronique: Québec, 2002b.
- Effort J., Hufton N., Wilderth A., Mashin L. Factors Influencing Educational motivation: a study of attitudes, expectations and behaviour of children in Sunderland, Kentucky and St Petersburg // British Educational Research Journal. 1999. V. 25. N° 1. P. 75-94.
- Hallwachs M. La classe ouvrière et les niveaux de vie. Recherches sur la hiérarchie des besoins dans les sociétés industrielles contemporaines. Paris, Félix Alcan, 1913.
- Hallwachs M. Esquisse d'une psychologie des classes sociales. Paris: Librairie Marcel Rivière et Cie, 1938.
- Jaxet P. Évolution de la mémoire et de la notion du temps. Paris, 1928.
- Jaxet P. Les débuts de l'intelligence. Paris, 1932.
- Ryan R. M. Agency and Organization: Intrinsic Motivation, Autonomy, and the Self in Psychological Development // Nebraska Symposium on Motivation. 1992. V. 40. P. 1-56.
- Ryan R. M., Deci E. L. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being // American Psychologist. 2000. V. 55. N° 1. P. 68-78.
- Ryan R. M., Deci E. L. On Happiness And Human Potentials: A Review of Research on Hedonic and Eudaimonic Well-Being // Annual Review of Psychology. 2001. V. 52. P. 141-166.
- Ryan R. M., Deci E. L. Self-Regulation and the Problem of Human Autonomy: Does Psychology Need Choice, Self-Determination, and Will? // Journal of Personality. 2006. December. V. 74. P. 1557-1586.
- Ryan R. M., Patrick H., Deci E. L., Williams G. C. Facilitating health behaviour change and its maintenance: Interventions based on Self-Determination Theory // The European Health Psychologist. V. 10. 2008. March. P. 3-6.

В ПОИСКАХ ПАРАДИГМЫ: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПСИХОЛОГИИ НАУКИ

В. И. Коннов

Главным итогом переворота в западном науковедении, отправной точкой для которого послужила книга Т. Куна «Структура научных революций», стало разрушение внутренних дисциплинарных границ, разделявших сообщество науковедов, и выдвижение на первый план самостоятельной комплексной дисциплины «science studies». Несмотря на то, что лежащим на поверхности русским переводом этого названия является «науковедение», данное направление имело иное содержание, чем то, которое ассоциируется с науковедением в отечественном научном обороте. На пике своего развития, в 1970–1980-е годы, советское науковедение было занято, главным образом, попытками создать научную базу научно-технической политики, причем значимую роль в этой работе играли теория систем и разработка математических моделей. Западное же – скажем так, «новое» – науковедение примерно в этот же период занялось анализом содержательной, когнитивной стороны научной деятельности преимущественно на основе методов гуманитарных дисциплин – антропологии, философии, социологии и в меньшей степени – психологии, оставив математическое моделирование жителям. В авангарде движения оказались социологи, заявившие о необходимости «симметричного подхода», который подразумевал рассмотрение всего знания – истинного и ложного, научного и обывательского – с общих позиций (Blot, 1976). Этот призыв, впервые озвученный эдинбургской школой «социологии научного знания», позволял социологам значительно усилить свои позиции, что нашло буквальное отражение в провозглашении «сильной программы», предусматривавшей распространение социологического метода на вопросы формирования истинного научного знания, которые ранее признавались доминионной философией. Это наступление было успешным, и социологам удалось добиться пересмотра

раздела территории науковедения в свою пользу, заметно потеснил философов. В итоге исследователи, стоявшие во главе этой волны, смогли получить все выгоды, связанные с институционализацией своей дисциплины: собственные кафедры и центры, профильные программы подготовки, специализированные издания и т. д.

Несмотря на то, что эта группа заявляла о своей приверженности методу «куновского анализа» и фактически провозгласила Кун своим вождем, ее инициативы не нашли поддержки у самого автора «Структуры научных революций». Новую волну социологии науки он не одобрил, полагал, что его собственные работы относятся к истории или к философии, а на всех науковедческих направлениях выделял психологию науки, так как именно она, на его взгляд, могла бы раскрыть механизмы описанных им закономерностей (Кун, 2003; Kuhn, 1977). Тем не менее, несмотря на явный скепсис своего главного героя, новое науковедение сумело использовать импульс, заданный «Структурой научных революций», с тем чтобы прорваться в заметную часть западного университетского истеблишмента, в то время как психология науки, даже с точки зрения президента Международного общества психологии науки и технологий Г. Фейста, и по сей день существует скорее как некоторая общая тема, представленная в различных психологических направлениях, а не как самостоятельная дисциплина (Feist, 2006). Сам Кун разрабатывал свой понятийный аппарат на материале естественных наук и не считал возможным говорить о гуманитарных дисциплинах как о носителях полиценных парадигм, однако этот главный кунковский термин приобрел колоссальную популярность в самоописании гуманитариев, и если использовать его для характеристики сложившейся в науковедческих дисциплинах ситуации, то можно заметить, что науковедение, в смысле «science studies» во главе с социологической наукой, сумело оформить собственную парадигму, в то время как психология науки продолжает существовать как допарадигмальная дисциплина.

Такая характеристика требует пояснений. Начать следует с того, что в самой «Структуре...» термин «парадигма» использовался автором чрезвычайно свободно, а по мнению ряда критиков и вовсе небрежно. Реагируя на недоверие коллег, указывавших на расплывчатость основных определений книги, Кун в статье «Возвращаясь к парадигмам» признал, что это понятие действительно имеет по меньшей мере два смысла. В более широком значении парадигма – это «все общее убеждения, разделяемые группой ученых» (Kuhn, 1977, с. 294). Она обеспечивает «относительно беспроблемный характер общения между специалистами и делает возможным прине-

тие профессиональных решений в условиях, близких к консенсуальным». Это понимание Кун предлагал обозначить словосочетанием «дисциплинарная матрица»: «дисциплинарная», потому что она является общим доставщиком практиков, принадлежащих к определенной профессиональной дисциплине, и «матрица» – потому что она состоит из набора выстроенных в определенном порядке элементов, каждый из которых нуждается в отдельном рассмотрении» (там же, с. 297). Заметив, что он не претендует на составление исчерывающего перечня этих элементов, Кун выделяет три из них, имеющих определяющее значение: модели, символические обобщения и образцы.

Модели – это аналоги, с помощью которых сообщество описывает исследуемую действительность; примером может служить описание газа как совокупности хаотично перемещающихся микроскопических шариков. В случаях, когда модели перестают считаться метафорами, т. е. когда их характеристики начинают рассматриваться как буквально отражающие свойства реальных объектов, они становятся особой онтологией. Такое превращение происходит, например, когда повышение температуры тела описывается не просто как фиксируемый моделью общий результат движения множества частиц, а утверждается, что тепловая энергия на самом деле и есть кинетическая энергия молекул.

В свою очередь, под символическими обобщениями понимаются условные обозначения и составленные на них формулы, которые образуют особый язык науки. Этот язык не только упрощает общение специалистов, вводя символы для обозначения общезвестных в сообществе понятий, изложение которых с помощью повседневной речи чрезмерно перегружает коммуникации, но и направляет ключной поиск, прямо влияя на то, как ученый взаимодействует с реальностью. При этом применение формул к реальности вовсе не предопределено самими этими формулами, а регулируется «правилами соотношения», которые чаще всего остаются неформализованными. В качестве иллюстрации раздельного существования подобных элементов Кун упоминает часто встречающееся недоумение студентов-физиков, убежденных, что они разобрались с теоретическим разделом учебника, но неспособных решить практические задачи. Преодолеть это затруднение можно, лишь распознав сходство между условиями задачи и уже знакомой формулой или же другой уже решенной задачей. Решение приходит аналогично тому, как оно возникает в детских графических загадках, в которых среди хаотичного набора линий надо распознать изображение какого-либо предмета: распознавание приходит разом, а потом включается при любом

взгляде, бросившем на то, что ранее воспринималось как бессмыслица. Таким же образом студент усваивает пути к решению задач, которые по мере обучения становятся все ближе к реальности и, соответственно, сложнее, а затем приобретает способность применять усвоенные методики непосредственно к реальным проблемам. В результате все участники профессионального сообщества, прошедшие эту школу, разделяют общий генералитет как способность видеть мир через призму определенных методик. Учебные же задачи, с помощью которых прививается этот навык, восходят к экспериментам классиков дисциплины: так, например, простейшие задачи по физике воспроизводят математические модели движения сферических тел, которые Ньютон сопоставлял со своими астрономическими наблюдениями. Схемы, заложенные в подобных экспериментальных методиках, и являются «образцами», или парадигмами, во втором, узком смысле этого слова.

В своей статье Кун с сожалением признает, что «большинство читателей „Структуры научных революций“ упустили из виду то, что для меня было главным предназначением термина, и теперь используют его в смысле, для обозначения которого я предлагаю „двухплановую матрицу“». Должен признать, что сейчас я уже не вижу шансов отстоять изначальное предназначение «парадигмы», хоть с филологической точки зрения оно и является единственно допустимым» (там же, с. 307).

Казалось бы, предложенная Куном картина организации научного сообщества открывала широчайший спектр для психологических исследований науки. Подходящими для психологии темами были и процессы, характеризующие «нормальную науку» как период, когда все представители дисциплины, разделяющие парадигму, воспринимают ее как нечто самоочевидное и работают над тем, чтобы вписать все исследуемые явления в ее рамки. И «научные революции», которые характеризуются разрушением этого единообразия, что ведет к конкуренции различных взглядов на мир. И проблема «несовместимости» парадигм, из-за которой одновременно может восприниматься только какая-нибудь одна из них, так как разные парадигмы – это взаимоисключающие перспективы, а пытаться смотреть на мир сразу через две парадигмы столь же бессмысленно, как надевать сразу две пары очков. Но одновременно с этим именно концепция Куна, будучи приложенной к истории западного науковедения 1970–1990-х годов, дает объяснение, почему эти возможности не захватили внимания представителей психологии и inadvertently оказалась перехваченной группой социологов, которая, к тому же, выступала против пользующейся признани-

ем школы социологии науки Р. Мертона, высоко ценимой и самим Куном.

Связано это прежде всего с методом, использованным автором «Структуры научных революций». Речь идет об «анализе случаев» (*case study*), детально освоенным им в ходе работы над учебным курсом «Общее научное образование», который был введен президентом Гарвардского университета Дж. Конантом. Задача курса заключалась в том, чтобы преподать широкому кругу студентов научный метод не в виде свода правил или истории поступательного продвижения к истине, а в форме демонстрации не всегда лежащих на поверхности механизмов развития науки. Для этого использовались примеры важнейших научных открытий: переход от геоцентрической астрономической модели к гелиоцентрической, создание квантовой физики, открытие кислорода и т. д. Материалы, подготовленные для этого курса, послужили основой первой монографии Куна «Коперниканская революция: планетарная астрономия в развитии западной мысли» (1957), а в дальнейшем использовались им при подготовке своего основного труда. Исторический разбор поворотных моментов развития науки позволял наблюдать «скрытые дружки» научной деятельности, что невозможно сделать в ситуациях, когда среди представителей дисциплины существует согласие по ключевым вопросам. Разрушение этого консенсуса и обострение внутренней дискуссии подталкивают ученых к тому, чтобы гораздо подробнее характеризовать свои методики в условиях их применения, чем это делается в более спокойные периоды.

Собственно, данный подход и сыграл роль парадигмы для сильной программы, возникшей в Отделе наукоедения Эдинбургского университета. Основатели направления Дж. Блур и Б. Барнс заявили о своем неприятии так называемого «попперо-мертоновского пакта», по которому изучение закономерностей развития науки как свода истинного знания закреплялось за философией, а все, что касается обеспечения работы научного комплекса в целях расширения этого свода, признавалось предметом социологии. В выступлении эдинбургцев был элемент провокационного бунта против «столичных порядков», диктуемых Лондонской школой экономики, где обосновался К. Поппер, и Нью-Йоркским Колумбийским университетом, где работал Р. Мертон. Выступление имело явный практический смысл. В социологии науки на тот момент господствовала парадигма, выдвинутая Мертоном, которая заключалась в признании существования внутренней логики науки, предопределяющего направление развития научного знания, и в ограничении социологического исследования вопросами организации науки как социаль-

ного института. Соответственно, главной темой для мертоновцев была стратификация научного сообщества: за эталон принималась такая организация, при которой возвышение ученого обеспечивалось исключительно его научными достижениями, и центральным вопросом становилось выявление отклонений от этого эталона. Исследования, которые проводили Мертон и его сторонники, отличались масштабностью: сюда входили интервьюирование Нобелевских лауреатов (Zuckerman, 1977); компьютерная обработка массовых данных, позволившая впервые использовать паттерны цитирования как индикатор результативности исследовательской работы (Cole, 1973); анализ материалов экспертизы крупнейшего в мире агентства конкурсной поддержки фундаментальной науки – Национального научного фонда США (Cole, 1978; Cole, 1981) и т.п. В отличие от подобных предприятий, исследование исторических случаев было гораздо более доступным для социологов, не располагавших ресурсами мертоновской школы.

Но, конечно же, методический выбор «сильной программы» был предопределен не только эвонимией. Сказались и изменения в общественном контексте. Для Мертона и его коллег главным заказчиком были государственные ведомства, интересовавшиеся прежде всего тем, какие закономерности развития науки могут служить опорой для повышения эффективности организации научно-технического комплекса. Работы школы представляли собой развернутый ответ на этот вопрос, который, что характерно, в значительной мере совпадал с мнением столбов американской научной политики. К примеру, цели послевоенной реорганизации научного комплекса, заявленные в докладе «Наука – бесконечная передовая» 1945 г., который был подготовлен по поручению президента Рузвельта В. Бушем, руководившим в годы войны Научно-техническим бюро, практически совпадают с эталонной картинкой организации науки по Мертону. Авторы же новой волны социологии науки имели другие ориентиры.

По общему наблюдению А. В. Юревича, «для социогуманитарной науки, в отличие от естественной и технической, более характерно не столько практическое применение, сколько „социальное размыривание“ знания в разных, а не только в чисто практических, направлениях» (Юревич, 2000, с. 214). Удачно «разыграть» имеющееся знание в сложившейся ситуации – это как раз то, что в полной мере удалось новым ученым. Развитие потребительской культуры, подталкивавшей студентов гораздо более самоуверенно и прищипчиво подходить к выбору предметов и к оценке своих преподавателей, заставляло профессоров быть внимательнее ко вкусам аудитории, которые имели сильную примесь протестных настроений.

Акценты же, характерные для «сильной программы», а впоследствии и для других близких ей науковедческих течений – теории акторских сетей, этнометодологии науки и др., – в полной мере отвечали этим вкусам. Здесь есть и критика науки, связанной с военно-промышленным комплексом, и дополнительные аргументы в пользу дискуссий против гендерной и расовой дискриминации, и общая направленность на ниспровержение авторитетов. Вдобавок, в этом направлении преобладали исследования, делающие неожиданные выводы в духе «срывания покровов» и, соответственно, способные произвести эффект в учебной аудитории.

И наконец, в пользу усвоения куновских новаций именно направлением «science studies» сыграли дисциплинарные границы, существующие в англо-американской науке. Они предполагают четкое разделение гуманитарных и социальных дисциплин. К первым относятся история, философия, филология и искусствоведение, которые науками в строгом смысле этого слова не признаются: от них не требуется обосновывать свои результаты опытным путем и они вправе ограничиваться аналитическими и спекулятивными методами. Что же касается социальных дисциплин (экономики, психологии и социологии), то им, пусть и с некоторыми оговорками, предъявляются методические требования, применимые к естественным наукам. В этом смысле в структуре американского науковедения, которое до появления «science studies» чаще всего обозначалось как «история, философия и социология наук», от социологического элемента отпала опытная проверка выводов, сформулированных в исторических изысканиях и в философском анализе. Куны же смещал жанры, предлагая историческое, по сути, исследование, посвященное философским вопросам, и с результатами, которые имели социологическое значение. Развитие подобной электической линии позволило науковедцам работать в менее затратном с точки зрения организации исследовательских проектов историко-философском ключе, претендуя при этом на «научность» своих результатов за счет их ассоциации с социологией. Это обеспечивало лучшие перспективы финансовой поддержки и укрепления собственного статуса, нежели те, на которые можно было рассчитывать, оставаясь в рамках только истории или философии, и, как упоминалось выше, позволило организовывать менее затратные исследовательские предприятия, чем это предполагалось мертовской социологической наукой. Мертовщикам же пришлось мириться с новым, довольно-таки злым соседом, существование которого они либо замалчивали (как большей частью это делал сам Мертон, позволявший себе критические высказывания в адрес науковедения лишь в отдельных интересах),

либо признавали, сопровождая признание призывами сместиться ближе к позиции эмпирической социологии, в чем новые науковеды, по понятным причинам, заинтересованы не были.

В этой же плоскости лежат объяснения того, почему вопреки логике, заложенной в «Структуре научных революций», импульс к развитию не получила психология науки. Если говорить о психологических направлениях, которые могли бы развить идеи Куна, то в первую очередь это, конечно же, когнитивная психология и социальная психология. И та, и другая в середине 1960-х уже имели собственные парадигмы: для когнитивных психологов таковыми являлись работы Дж. Келли и Д. Брунера, рассматривавшие психические процессы по аналогии с машинной обработкой информации; для социальных – эксперименты, аналогичные тем, которые ставил М. Шериф, С. Эли и С. Милграм. При этом обе дисциплины стремились, насколько это было возможно, упростить исследуемые процессы, с тем чтобы путем разбора простых интеллектуальных операций выяснить, какие психические механизмы являются определяющими в той или иной ситуации. Простота исследуемых операций была необходимым условием для организации социально-психологических экспериментов, и вдвойне важна для когнитивных психологов, использовавших алгоритмизацию психических процессов и компьютерное моделирование.

Подобные подходы обеспечивали психологам признание в американском научном сообществе и служили защитой от подозрений в «философичности» со стороны ученых-естественников. Разработка же тем, намеченных Куном, означала бы переход к исследованию гораздо более сложных процессов, а значит – заметный поворот в сторону теории, который вовсе не выполнял бы большинство психологов, включенных в сеть финансирования исследований именно на правах представителей социальных наук, а не гуманитарных дисциплин.

Что же касается с много философичного психологического направления – психоанализа, то он оказался одной из опор широкого движения «культурных исследований» (cultural studies), с которым было тесно связано новое науковедение. Работая в поле, которое традиционно ассоциировалось с социальной философией, сторонники культурных исследований сделали своим главным принципом отказ от использования категории объективности, в которой они видели инструмент борьбы за власть, направляемой против эксплуатируемых и ограниченных в правах общественных групп – женщин, представителей национальных, сексуальных и иных меньшинств и т.д. Для «разоблачения» претензий на объективность, в том числе содер-

жащихся в публикациях по естественным наукам, использовались три концептуальных подхода. Первый и, пожалуй, главный – марксистская теория, которая позволяла за любым утверждением найти классовые интересы. Второй – философия деконструкции, предполагающая рассмотрение любого текста исключительно как производного от контекста, в котором он создавался, и, таким образом, изначально не допускающая существования «объективных» текстов. И последний – психоанализ, через призму которого любой творческий продукт можно было рассматривать как проявление неархетипических тенденций его создателя. Естественные науки исключением не признавались, и представители «культурных исследований» считали возможным применять свою методологию к статьям и книгам по физике, химии, биологии и т.д. Занимаясь подобной критикой авторы С. Арановиц, А. Ресс, Д. Харауэй и др. соединили это течение с новым науковедением, в котором они составили радикальное крыло.

Таким образом, ни одно из психологических течений не выдвинуло «образца», подходящего для психологии науки, который мог бы послужить центром притяжения для потенциальных последователей дисциплины. Это не означало, что вопросы психологии научной деятельности вообще не разрабатывались, – в примере, прямое отношение к ним имеет теория эвристик и когнитивных предубеждений А. Тверски и Д. Канемана, однако эти авторы идентифицировали себя с когнитивной психологией или даже с поведенческой экономикой. Подобный случай был типичным, и в результате психология науки оставалась общей темой, к которой время от времени обращались психологи, предпочитавшие сохранять свой статус представителей других психологических дисциплин.

Принципиально иная ситуация вокруг психологии науки складывалась в СССР. Советская психология 1970-х годов была гораздо более теоретичной, чем на Западе. Философия сама по себе признавалась наукой, а философичность той или иной дисциплины вовсе не обязательно становилась препятствием, мешающим ее бюджетной поддержке и развитию. Естественно, признавалось единственное – марксистское течение, что, конечно же, стесняло развитие таких дисциплин, как полетавиомия и социология, которые обязаны были соответствовать догмам исторического материализма. В психологии же это влияние было не столь сильным, поскольку классики марксизма психологами не были и их труды содержали лишь небольшое число тезисов, применимых к этой науке. Более того, ранние советские психологи (среда них Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн), по свидетельству историков психологии, вполне

искренне воспринимали философию Маркса как интеллектуальный ориентир для своей дисциплины, что предопределило интенсивную разработку вопроса социального влияния на психику, содержание которой, соответственно, рассматривалось как производное от социокультурных факторов. Таким образом, с одной стороны, советская психология науки могла быть более спекулятивной, чем это было допустимо на Западе, с другой – в ней была сильно развита традиция поиска внешних детерминант психических процессов. Эта направленность достаточно четко отражена авторами «Психологии науки», вышедшей уже в новой России: «При изучении связей и зависимостей между индивидуальным и социальным в человеческом поведении современная психология, храня память об опасности психологизма, нанесшего немалый ущерб ее взаимоотношениям с социальными науками, сосредоточивает свои усилия на анализе одного направления – детерминационной зависимости творчества индивида от мира культуры» (Алмазвердия, 1998, с. 25).

Одновременно развитие науки и всего, что с ним связано, признавалось в Советском Союзе приоритетной задачей народного хозяйства, что обеспечивало всем науковедческим дисциплинам дождевые шансы на получение государственной поддержки. Как характеризует ситуацию А. В. Юренич, «выстраивалась цепочка: социальная психология науки – организация коллективных форм научной деятельности – научно-технический прогресс – благосостояние общества, что определяло важную роль этой дисциплины в решении приоритетных социальных задач» (Юренич, 2000, с. 9). При этом из двух основных для исследования науки психологических направлений – социальной психологии и когнитивной психологии, последняя, по большому счету, претендовать на официальное признание не могла; сказывались отголоски проблем вокруг кибернетика, служившей одной из основ когнитивизма, но в СССР объявленной формой буржуазной идеологии. Социальная же психология, напротив, хорошо сочеталась с акцентом на исследовании внешних детерминант психических процессов, и именно с ней были связаны главные шансы советской психологии науки на преодоление рубежа создания собственной парадигмы. Это место вполне мог занять программно-ролевой подход, предложенный М. Г. Ярошевским: изначально возникнув как теория, он смог стать основой для накопления эмпирических результатов и имел группу последователей. Однако общественный кризис конца 1980-х – начала 1990-х годов, вся тяжесть удара которого пришлось на научное сообщество, серьезно ограничил возможности институционализации новых науковедческих дисциплин.

Что же касается современной ситуации в психологии науки, то Г. Фейст считает, что в данный момент дисциплина находится на стадии идентификации. Согласно его концепции, этому этапу становления научных дисциплин предшествует изоляция, а следовать за ней должна институционализация. Этап изоляции характеризуется появлением заметных работ по теме, написанных специалистами из других областей, которые, хотя и вызывают определенный интерес, не служат центром притяжения для последователей, способных развить идеи автора. Отсчет этой первой фазы Фейст ведет с выхода в 1874 г. труда Ф. Гальтона «Английские ученые», отражающего результаты ранних психометрических исследований автора. Сам же термин «психология науки» был введен в оборот более чем полвека спустя гарвардским психологом С. Стивенсом, опубликовавшим в 1930-е годы серию статей, в которых он выступал за развитие психологией главной роли в формировании «науки о науке». Среди других заметных работ этого этапа выделяются книга «Психология науки» А. Маслоу (1966) и статья «Психология ученого: обзорный взгляд» М. Махони (1979).

Переход к идентификации дисциплины Фейст связывает с конференцией, проведенной в 1988 г. в Мемфисском университете, участники которой подготовили сборник «Психология науки» (*Psychology of science*, 1988). «Мемфисская группа» сумела собрать армян авторов, общая цель которых – создать полнокровную новую дисциплину – не встретила возражений у психологического сообщества, в пользу чего говорит создание секции по психологии науки на ежегодной конференции Американской психологической ассоциации в 1992 г. Однако эта инициатива не повлекла за собой консолидации специалистов, которые предпочитали оставаться в рамках устойчивейшей дисциплинарной структуры: Д. Симонсон, в дальнейшем развивший свою статью в мемфисском сборнике до книги «Научный гений: психология науки» (Simonson, 1988), продолжил работу над психологией творчества; Д. Кун, разработавшая проблему формирования научного мышления, осталась в рамках психологии развития; М. Демей предпочитал исследовать проблемы науки, скорее, с позиций историков, расширенного за счет включения психологической перспективы, нежели с позиций самостоятельной психологии науки. В то же время в 1990-е годы были предприняты две попытки заявить о специализированных психологиях науки: в 1994 г. был подготовлен сборник «Социальная психология науки» (*The social psychology of science*, 1994) а в 1999 г. в Рутгерсе (США) состоялась конференция «Когнитивные основы науки». Обе инициативы значимого продолжения не получили: книга В. Шадиша и С. Фулера

даже не дотла до издания в мягкой обложке, которого обычно удостоивается пользующаяся спросом научная литература. И наконец, в 2007 г. состоялось учреждение Международного общества психологии науки и технологий, которое начало издавать собственный журнал. Эта инициатива также не была отмечена вниманием со стороны ученых: в настоящее время издание «Психологии науки и технологий» приостановлено, а возобновление планируется исключительно в онлайн-овом режиме.

Таким образом, можно констатировать, что самостоятельная психология науки остается целью отдельных энтузиастов, не оставляющих попыток построить полноценную дисциплину, но пока не находящих широкой поддержки у сообщества психологов. При этом ее тематика продолжает разрабатываться в рамках всех главных психологических направлений. Исключением не является даже биологическая психология, представленная нейробиологией и поведенческой генетикой, хотя доступный этим дисциплинам исследовательский инструментарий, казалось бы, дает мало возможностей для изучения сложных психических функций, которые задействуются в научной деятельности. Тем не менее, науковедческие по своему предмету исследования встречаются и здесь, как, например, работа А. Катц, пытавшегося локализовать научное мышление с точки зрения асимметрии функций полушарий головного мозга и пришедшего к выводу, что для ученых более характерным является доминирование левого полушария (Katz, 1986). Эти выводы далеко не бесспорны: к примеру, К. Вейбу, напротив, связывает выдающиеся математические способности с доминированием правого полушария или с высокой степенью билатеральности полушарий (Weibow, 1988). Особые способности в научным занятиям исследуются и с точки зрения генетики, хотя здесь получить точные выводы еще сложнее: например, Д. Линкн, Т. Бонгар и др. описывают гениальность как результат «эмергендеса» – сложной комбинации влияния большого набора полиморфных генов, который делает наследование выдающихся способностей невозможным (Linken, 1992).

С биологической психологией тесно связана персонология, имеющая, в свою очередь, общие корни с психологией науки. Это прежде всего работы Ф. Гальтона, посвященные анализу влияния наследственности на формирование личности, в которых главным объектом исследования стали британские ученые. Ученые часто оказывались в фокусе персонологических работ также и в XX в., однако очевидным образом эти исследования, нацеленные преимущественно на выявление связи между определенными личностными характеристиками, с одной стороны, и выбором профессии

ученого и дальнейшим успехом в этой профессии – с другой, слабо затрагивали содержание научной деятельности.

Психология развития, несмотря на то что в ней преобладает интерес к психическим процессам и поведению детей, также имеет общие моменты с психологией науки. Г. Фейст характеризует эти моменты следующим образом: «На самом общем уровне представители психологии развития, начиная с известнейшего среди них Жака Пиаже, сохраняют хотя и не очевидную, но прочную связь с психологией науки, обусловленную их интересом к проблеме сходства поведения и мышления ребенка с поведением и мышлением ученого, которое находит отражение в подходе, характеризуемом в качестве метафоры «ребенок как ученый». Психология науки представлена в психологии развития не только явно: существует в явном исследовательском направлении, в рамках которого психологи развития сосредотачиваются на подростках и взрослых в поиске ответа на вопрос, как и почему некоторые индивиды приобретают интерес к науке и становятся учеными» (Feist, 2006, с. 54). Что касается второго направления, то оно включает разработку таких тем, как влияние на выбор профессии процесса формирования самовосприятия и его отдельных этапов, например, осознавая себя представителем какой-либо религиозной культуры или иммигрантом, что, по мнению психологов, может в дальнейшем повлиять на профессиональный выбор в пользу науки. Также изучается связь между выбором профессии ученого и порядком рождения: исследования по этой теме показали явное преобладание среди ученых первенцев (там же).

Что касается когнитивной психологии, то, как обозначили в мемфисском сборнике Б. Голсок, Э. Фридман и А. Хаутс, ее главная задача – «создать когнитивную теорию, которая смогла бы объяснить, как рабочие практики ученых обеспечивают развитие научного знания» (Psychology of science, 1989, с. 267). Эта цель являлась общей для четырех работ, представлявших в сборнике данное направление, каждая из которых основывалась на применении той или иной модели психологического объяснения с целью выявить связь между конкретными интеллектуальными практиками и продвижением научного знания на примерах из истории науки. М. Демей анализирует роль аналогий в открытии кровообращения У. Гарвейем с точки зрения теории специализированных когнитивных модулей Дж. Фоллора; Д. Джентлер и М. Жезнорски применяют метод структурного картирования, разработанный первым автором, к трудам С. Карно, Р. Бойля и сочинениям алхимиков; А. Миллер разбирает период формирования квантовой механики с точки зрения концепции когнитивных операций Ж. Пиаже; Р. Тинни использует моделирование

решения задач для анализа открытая электромагнитной индукции, осуществленного М. Фарадеем. Аналогичный подход характерен для Д. Симмонтона, развивающего на материале открытий Ч. Дарвина, А. Пуанкаре, Э. Маха и др. теорию гениальных открытий, в основе которой лежит концепция слепого отбора идей Д. Кампбелла.

Одновременно Б. Голсон, Э. Фридман и А. Хауэс заявляли в своей программной статье, что, «в дополнение к анализу ярких эпизодов из истории науки, будущие когнитивные исследования должны будут включать изучение современных ученых, занятых работой в лабораториях, научных бюро, участвующих в конференциях и т. п., а также моделирование названных видов деятельности с целью их анализа в лабораторных условиях» (ibid., p. 270). Сейчас, 23 года спустя, можно констатировать, что переход к исследованиям такого рода так и не состоялся. Обзор когнитивного направления психологии науки, приведенный в книге Г. Фейста, выделяет два фактически используемых подхода. Первый – это все тот же разбор случаев из истории науки, который может включать и такие методика, как компьютерное моделирование процесса анализа данных, лежащего за выдающимися открытиями (например, законом Кеплера или циклом превращений лимонной кислоты в живых клетках, впервые описанным нобелевскими лауреатами Х. Кребсом и Ф. Липманом). Второе – экспериментальное изучение отдельных когнитивных процессов: построения гипотез, использования аналогий, принятия интуитивных решений и т. п. Как правило, данные процессы исследуются на гораздо более простых примерах, чем те, которые можно найти в самой научно-исследовательской деятельности (Feist, 2006). Попытки же выйти на уровень интеллектуальной работы самих ученых зота и встречаются (примером могут служить проведенные К. Данбаром наблюдения за лабораторными совещаниями с целью определить схемы, лежащие в основе совместных решений (Danbar, 1995)), но и в этом случае методика оказывается ближе не к характерным для когнитивной психологии экспериментам с контролируемым условиями, а к анализу исторических случаев. Содержимое итогового материала подобных исследований делает их более похожими на истории отдельно взятых локальных групп, наблюдаемых в реальном времени, чем на анализ индивидуальных и групповых когнитивных процессов.

Что же касается социальной психологии, то можно заметить, что основные социально-психологические темы – будь то изучение установок, общественного влияния, групповой динамики, восприятия в социальном контексте или иные направления – представляют безусловный интерес для науковедения. В то же время ис-

использование социально-психологической методологии в изучении общественной стороны научно-исследовательской деятельности сталкивается с тем, что в этом поле активно работает социология науки, исходящая из собственной перспективы, которая плохо сочетается с психологическим подходом. Эта несовместимость объясняется В. Шаднивым на следующем примере: «Для того, чтобы составить первое впечатление о несоизмеримости двух взглядов, рассмотрим, какой смысл вкладывается в понятие „идеология“. С одной стороны, социологам свойственно рассматривать идеологию как лингвистическое поведение, как „легитимизационный ресурс“, используемый для оправдания действий в рамках более широкой нормативной структуры, независимо от того, действительно ли идеология объясняет поведение индивида, или даже от того, верит ли сам индивид в то, что идеология способна объяснить его поведение. С другой стороны, психология трактует идеологию как часть мотивационной системы индивида, а именно как ложное или искаженное убеждение, которое входит в комплекс причин, предопределяющих то или иное поведение индивида. По мере того, как мы спускаемся от макро- к микроуровню исследований, подходящим способом выявить препятствия, мешающие соединению социологической и психологической перспектив в рамках социальной психологии, оказывается установление различий между этими двумя традициями в использовании представления о „норме“» (*The social psychology of science, 1994, с. 7*).

Эти различия хорошо прослеживаются в сопоставлении представлений классика социологии науки Р. Мертона и позиционировавшего себя как социального психолога науки А. Магрофа. Мертон известен как автор понятия «научный этос», под которым подразумевался набор из четырех норм – универсализма, коллективизма, бескорыстности и организованного скептицизма, – обеспечивающих выполнение науки достоверными знаниями. Соблюдение норм зависит от контроля научного сообщества над каждым отдельным ученым, и хотя Мертон признавал, что они часто нарушаются, эти нормы сохраняют свое влияние по меньшей мере как императивы, декларацию приверженности которым можно использовать для укрепления собственной позиции в научных спорах, в то время как противников можно обвинять в их нарушении. «Сильная программа» и другие «посткунквантские» течения были не согласны с Мертоном в том, что эти императивы являются универсальными для ученых всех эпох и культур, предполагая, что на самом деле они в гораздо большей степени подвержены влиянию идеологий более широких социальных групп; но в том, что касается природы норм, представле-

тели новой волны сохранили ту же социологическую точку зрения, согласно которой нормы имеют внешний по отношению к индивиду характер и гарантом их исполнения служит сообщество в целом.

Митроф же, автор широко известного исследования группы геофизиков, которые занимались образцами породы, доставленными с Луны, будучи сторонником социально-психологической перспективы, считал, что объективность научного результата обеспечивается не соблюдением социальных норм при его получении, как это следовало из концепции Мертона, а одинаковым восприятием этого результата всеми нормальными учеными. Нормальность же определяется у Митрофа не соответствием поведения определенному набору правил, а способностью балансировать между противоречивыми требованиями, порожденными социальной жизнью, сохраняя при этом душевное равновесие. Эти противоречивые требования были описаны Митрофом в виде 11 пар, состоящих из нормы и анти-нормы: универсализм – партикуляризм, индивидуализм – социальная сплоченность, бескорыстие – личная заинтересованность и т.д. (Mitroff, 1983). Данные нормы не являются установленными научного сообщества, внешними по отношению к ученому: они, скорее, личностные установки, интернализированные им в ходе длительного периода обучения, а то, что нормы не соблюдаются – это в большей степени психологическая проблема, связанная с неопределенностью влияния установок личности на ее поведение, а не социальная, вызванная несовершенством механизмов общественного контроля.

Работа Митрофа «Субъективная сторона науки», изданная по итогам проведенного им исследования, полностью соответствует критериям, которые Кун установил для «парадигмальных исследований», служащих организации ученых вокруг парадигмы определенной авторе: в ней представлен особый взгляд на исследуемую действительность, открывающий в ней новые аспекты; обосновывается методология исследования, строящаяся вокруг серии полуструктурированных интервью, которые проводились в течение длительного периода времени в устойчивой группе специалистов; утверждается яркий результат – существование противоречивых установок, являющихся частью внутреннего мира ученых. И все же парадигмой это исследование не стало: даже сам Митроф в дальнейшем отошел от социальной психологии науки, сместившись в сферу организационной психологии и бизнес-консультирования.

Почему и в какой момент успешное исследование становится парадигмой, конечно же, зависит не только от его содержания и «качества». Важную – а возможно и главную – роль играет его соответствие интересам потенциальных последователей. А в сложив-

шейся в 1980-е годы ситуация науковедение не могло обеспечить социальным психологам привлекательных перспектив. Следовательно, к примеру, «образцу» Митрофа требовало значительных ресурсов, как репутационных (чтобы получить согласие признанных специалистов на продолжительные интервью), так и материальных (чтобы оплатить труд и возместить расходы самого исследователя), и не в последнюю очередь – транспортных, связанных с необходимостью подстраиваться под графики работы и передвижений интервьюируемых ученых, которые не отличались домоводством. В большинстве случаев гораздо менее хлопотными были эксперименты со студентами, соглашавшимися участвовать «за зчет». Именно подобные эксперименты и оставались наиболее популярными для сбора эмпирических данных в социальной психологии 1980-х годов. Кроме того, результаты, которые могли получить социальные психологи в сфере науковедения, не находили спроса ни у становившейся все более избалованной студенческой аудитории, для которой они были слишком «сухими», ни у правительственных ведомств, ориентированных на более масштабную перспективу. Первые составляли целевую группу для «новой волны» социологии науки, вторые – для мертовнианской школы. Что же касается определяющихся с выбором исследовательской тематики социальных психологов, то науковедение вряд ли могло показаться им гостеприимным полем на фоне организационной и индустриальной психологии, пользующейся поддержкой бизнес-школ, корпоративных кадровых служб и консалтинговых агентств. Профессиональная биография самого Митрофа, которая увела его именно в эту сферу, служит хорошим примером того, как сложившаяся ситуация могла влиять на карьерные решения. Положительно картину дают публикации Д. Симмонса: сквозная тема его книг и статей – психология гениальности, а исследование психологии выдающихся ученых представляет для него один из частных случаев, наряду с которым он рассматривает режиссеров, президентов и других деятелей, выдвигая на первый план проблемы «креативности» и «лидерства» – излюбленные предметы на курсах MBA и в бизнес-консультировании.

При всем при этом целесообразность психологического изучения научной деятельности никем всерьез не оспаривается, а в условиях чрезвычайного разнообразия источников финансирования исследовательских проектов, которое существует в США, американская психология науки находит поддержку, позволяющую ей держаться «на плаву». Но до сих пор она остается уделом энтузиастов, которым пока не удалось поймать волну общественного интереса, способную вывести их дисциплину на первый план.

Схожим образом, хотя и под влиянием совершенно других обстоятельств, сложилась судьба отечественной социальной психологии науки. Как уже говорилось выше, в советской традиции гуманитарные науки могли позволить себе быть более теоретичными: «В отечественной социальной психологии науки все было наоборот: сначала возникла теория – разработанный М.Г. Яроневским программно-ролевой подход к изучению научных групп, который лишь впоследствии оброс результатами эмпирических исследований. Такая траектория накопления знания, при ее отклонении от стандартных схем развития науки, была в общем-то закономерной для наших условий, ведь „эмпирический“ путь развития дисциплины предполагает большое количество эмпирических исследований, требующих изрядных кадровых и финансовых ресурсов, и поэтому более характерен для Запада, „теоретический“ же путь вполне возможен в условиях недостатка всего этого и поэтому более типичен для нашей страны» (Юревич, 2001, с. 12–13). Целесообразность этой дисциплины, также как и на Западе, не оспаривалась ни учеными, ни политическим руководством: «Отечественные науковеды уже с начала 1970-х годов настойчиво подчеркивали, что образ науки выглядит блекло, если не дорисован социально-психологическими красками, поскольку современная научная деятельность организована как деятельность научных групп, что делает ее зависимой от протекающих в них социально-психологических процессов.... Воздавалось должное и прагматическому потенциалу социальной психологии наук, в которой виделся ресурс интенсификации научного труда, в те годы считавшейся главной задачей науковедения» (Юревич, 2001, с. 8). При этом если главным предметом психологии науки признавалась личность ученого, то социальная психология науки делала акцент на изучение малой научной группы и проблем, возникающих на уровне личности в связи с вхождением в коллектив. Однако в новой России экономический кризис и редкая смена политических приоритетов также превратили социальных психологов в группу маргиналов, причем оказавшихся в несравнимо более сложных экономических условиях, чем их западные коллеги. Для основной же массы социальных психологов гораздо более привлекательной (и контраст здесь был куда сильнее, чем на Западе) оказалась практическая сфера, связанная с психологическим сопровождением предпринимательства. Но с постепенным восстановлением финансирования и общественного положения науки, которое можно было наблюдать на протяжении последнего десятилетия, перспектива дальнейшего развития социальной психологии науки с опорой на концептуальную основу, созданную еще в Советском Союзе, становится реальной.

В целом же, в лице психологии науки мы имеем дисциплину, прошедшую значительную историческую дистанцию, но еще не оформленную институционально. Она пользуется признанием как со стороны других науковедческих направлений, так и со стороны сообщества психологов, но ей не удается выйти на уровень, достигнутый в науковедении социологической наукой, а в психологии, к примеру, организационной и индустриальной психологией, – т. е., говоря проще, получить свои собственные регулярные мероприятия, издания и кафедры. Если смотреть на этот вопрос с позиций кумовской теории развития науки, то недостающим элементом здесь будет именно парадигма, которая смогла бы привлечь достаточное количество последователей-психологов и обеспечить устойчивый приток результатов, способных захватить внимание более широкой аудитории, – как исследователей, так и за пределами научного сообщества.

Направлением, с которым связана возможность совершить рывок в сторону институционализации дисциплины, остается социальная психология науки. Стратегия, которая, возможно, способна его обеспечить, заключается в расширении предмета дисциплины. Об этом пишет А. В. Юревич, указывая на то, что ограничение предмета проблемами личности ученого и малой научной группы было естественным для начального этапа, однако «неизбежно наступает момент, когда искусственно суженная область знания перерастает свой первоначальный предмет и начинает примериваться к другим объектам. Это происходит сейчас и с отечественной социальной психологией науки, которая, обкатав свои методы и объяснительные принципы на проблемах личности ученого и малой группы, вполне созрела для того, чтобы внести свой вклад и в изучение других видов научной деятельности» (там же, с. 13–14). Такая постановка вопроса созвучна стремлению отечественной психологии выйти на уровень более крупных общностей, нежели малые группы и организации. Это стремление, по мнению коллектива авторов, представляющих Институт психологии РАН, предопределено заметно возросшим значением психологии: «Социальная релевантность психологии предполагает ее активное участие не только в „малых“, но и в „больших делах“, таких как оценка общего состояния нашего общества и путей, которыми оно движется, выработка программы его развития и т. п. На этом макросоциальном поле отечественные психологи куда менее активны и заметны, чем в весьма важных, но далеко не очерчивающих их возможностей „малых делах“. В результате наше общество страдает „экономическим детерминизмом“ – сведением социума к его экономике, важной, но далеко не единственной составляющей, а наши бескончаемые реформы, как правило, выглядят

бездарными в психологическом отношении и имеют стандартный результат, выражаемой формулой „опять забыли про человека“. Эта ситуация расширяет социальный заказ психологии, побуждая ее обратиться в качестве объекта изучения и к нашему обществу в целом, к его макропсихологическим проблемам...» (Макропсихология..., 2009, с. 6–7).

По пути расширения предмета, хотя и в несколько другом смысле, пытается двигаться и западная социальная психология, одним из наиболее динамично развивающихся направлений которой стала психология культуры. Такие авторы, как Х. Маркус, Ш. Китамма, Г. Триандис, Д. Коэн и другие, следуют в том, что культурный факт – это устойчиво воспроизводимый элемент социального взаимодействия, причины которого могут лежать как в психическом (представлениях, установках, ценностях), так и в социальном (институтах, практиках, артефактах), а чаще всего располагаются одновременно и в индивидуальном, и в общественном. Таким образом, причинно-следственные связи могут проводиться в двух направлениях: как от психического к социальному, так и наоборот. Используя этот подход, культурная психология значительно расширяет сферу психологического исследования, по сравнению с традиционной социальной психологией, включая в нее культурные практики и другие продукты культуры и вторгаясь, таким образом, в поле, которое ранее было закреплено за социологией. Основанием для этого является то, что все эти объекты могут существовать только будучи представленными одновременно и в психике человека, и во внешнем мире. Но при этом, как отмечает Д. Коэн, психология культуры сталкивается с проблемами при установлении причинно-следственных связей, так как при изучении культуры практически невозможно изолировать исследуемые переменные с тем, чтобы четко установить взаимосвязь между ними. Причем, учитывая расширенный перечень феноменов, которые психология культуры включает в круг своих интересов, количество взаимосвязей может быть попросту астрономическим.

Продолжать эту проблему Коэн предлагает двумя способами. Первый – описательные исследования, в которых выделенные феномены преподносятся с максимально полной характеристикой контекста их существования, но без попыток определить направление причинно-следственных связей или измерить их влияние. По ее мнению, такой подход является вполне продуктивным для современного этапа развития как психологии в целом, так и психологии культуры – в частности, так как он способен создать базу для более точного исследования причинно-следственных связей в будущем.

Пренебрежение же такой детализированной описательной работой – это то, что предопределило некоторую ограниченность социальной психологии, сконцентрированной на изучении небольшого числа феноменов, которые хорошо укладывались в формальные модели и, таким образом, поддавались измерению. Фактически социальные психологи отказались от описательной работы, почти полностью уступив ее антропологам и социологам. Из-за этого, считает Коэн, был пропущен важный – описательный – этап становления социальной психологии, который, если обратиться к примеру естественных наук, физика прошла в рамках натурфилософии, а биология – до момента появления эмпирической теории.

Второй способ преодолеть методологические затруднения – это одновременное использование разнообразных как количественных, так и качественных методик, которые перекрывают друг друга и таким образом позволяют повысить достоверность результатов.

Применение этих подходов в исследованиях науки предполагает выделение в ее рамках определенных культур. И здесь оказывается доступен достаточно разработанный аппарат, позволяющий описывать культуры разного уровня, к примеру, организационные и национальные, как это делает Г. Хофстеде с соавт. (Hofstede, 2010). Учитывая, что подход к науке как к культуре дает расширенную перспективу, позволяющую вовлекать в круг рассматриваемых феноменов не только психологические явления, возникает возможность перекинуть мост к микросоциологии науки, в которой в качестве носителей определенной культуры выделялись организации, отдельные направления или дисциплины (Latour, 1986; Knorr-Cetina, 1999). В целом этот взгляд способен открыть новые грани науки, ранее в науковедении не отмеченные.

Конечно же, данное направление является лишь одним из доступных путей поиска подходов, которые способны сыграть парадигмальную роль для психологии науки и позволить ей перейти к этапу институционализации. Вполне возможно, что новый этап будет связан с какой-нибудь другой психологической отраслью, поскольку в той или иной степени интерес к исследованию научной деятельности присутствует практически во всех основных направлениях психологии. В любом случае идентификация дисциплины уже состоялась, и растущая сеть контактов между исследователями, которые ассоциируют с ней свою работу, повышает шансы на выделение некоторого ядра, способного превратить сеть в более устойчивую структуру. По словам Куна, «Парадигма – это то, что разделяется всеми участниками сообщества ученых. И наоборот, обладание общей парадигмой – это то, что превращает в научное сообщество

группу по-другому никак между собой не связанных людей» (Kuhn, 1977, с. 294). С этим высказыванием классика хорошо перекликается примененное слово Г. Фейста на сайте Международного общества психологов науки и технологий: «Знать о природе научного мышления и научной логике, о развитии навыков конструирования теорий, об основах личности ученого, научного таланта и способности к творчеству столько, сколько знают сегодняшние психологи науки, они просто не могут не иметь общего центра, вокруг которого можно объединяться с коллегами-единомышленниками» (Feist, 2012).

Литература

- Алалвердян А. Г., Монахова Г. Ю., Юревич А. В., Ярошевский М. Г. Психология науки. М.: Флинта, 1998.
- Кум Т. Структура научных революций. М.: Издательство АСТ, 2003.
- Макропсихология современного российского общества / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Юревич А. В. Социальная психология науки. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001.
- Юревич А. В. Методология и социология психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Benton C. P. Sex differences in mathematical reasoning ability in intellectually talented preadolescents: their nature, effects, and possible causes // *Behavioral and Brain Sciences*. 1988. № 11. P. 169–183.
- Bloor D. Knowledge and social imagery. Chicago: University of Chicago Press, 1976.
- Cole S., Rabin L., Cole J. Peer review in the National Science Foundation. Phase one of a study. Washington, DC: National Academy of Sciences, 1978.
- Cole J., Cole S. Peer review in the National Science Foundation. Phase two of a study. Washington DC: National Academy of Sciences, 1981.
- Dunbar K. How scientists really reason: scientific reasoning in real-world laboratories // *Mechanisms of insight* / Eds R. A. Sternberg, J. Davidson. Cambridge: MIT Press, 1998. P. 368–398.
- Feist G. A note from the president. URL: <http://www.igstonline.org/News/RokStories/a-note-from-the-president.html> (дата обращения: 20.05.2012).
- Feist G. The psychology of science and the origins of the scientific mind. New Haven: Yale University Press, 2006.
- Hofstad G., Hofstad G. J., Minkov M. Cultures and organizations: software of the mind. N. Y.: McGraw Hill, 2010.
- Psychology of science / Eds B. Gholson, W. Shadish, R. Neimeyer, A. Houts. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

- Katz A. N. The relationship between creativity and cerebral hemisphericity for creative architects, scientists, and mathematicians // *Empirical Studies of the Arts*. 1986. V. 4. P. 97-108.
- Kozer Götisa K. *Epistemic cultures: how the sciences make knowledge*. Cambridge: Harvard University Press, 1999.
- Kuhn T. *The essential tension*. Chicago: University of Chicago Press, 1977.
- Latsur B., Woolgar S. *Laboratory life*. Princeton: Princeton University Press, 1986.
- Lykkes D., McGue M., Tellegen A., Bouchard T. Emergenesis. Genetic traits that may not run in families // *American Psychologist*. 1992. V. 47 (12). P. 1565-1577.
- Mitroff I. *The subjective side of science*. Seaside: Intersystems Publications, 1983.
- The social psychology of science* // Eds W. Shadish, S. Fuller. N. Y.: The Guilford Press, 1994.
- Sturton D. K. *Scientific genius: a psychology of science*. N. Y.: Cambridge University Press, 1988.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Бусыгина Наталья Петровна** – кандидат психологических наук, доцент кафедры индивидуальной и групповой психотерапии Московского государственного психолого-педагогического университета.
- Гарбер Илья Евгеньевич** – кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования Института дополнительного профессионального образования Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.
- Гусельцева Марина Сергеевна** – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Психологического института РАН, доцент Московского педагогического государственного университета.
- Дорфман Леонид Яковлевич** – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики Пермского института искусств и культуры.
- Журавкин Анатолий Лактионович** – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института психологии РАН.
- Зеленкова Татьяна Владимировна** – кандидат психологических наук, доцент Московского государственного областного педагогического института, старший научный сотрудник Московского НИИ психиатрии Росздрава.
- Ключко Виталий Евгеньевич** – доктор психологических наук, профессор кафедры общей и педагогической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Коптов Владимир Иванович** – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии МПНМО СВ МВД России.
- Корнилова Татьяна Владимировна** – доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.
- Кутройченко Алла Борисовна** – доктор психологических наук, доцент, профессор НИУ «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН.

- Малков Владимир Александрович** – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии факультета социального управления Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского.
- Маланов Сергей Владимирович** – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии Мариинского государственного университета.
- Мариницкая Татьяна Давидовна** – доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией Психологического института РАН.
- Мирошник Ирина Анатольевна** – доктор психологических наук, профессор кафедры коррекционной педагогики и коррекционной психологии факультета дефектологии и социальной работы Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.
- Патина Екатерина Юрьевна** – кандидат психологических наук, старший преподаватель факультета психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.
- Соколова Елена Евгеньевна** – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.
- Ушаков Дмитрий Викторович** – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН.
- Шадрин Николай Семёнович** – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии и педагогики Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова, Казахстан.
- Юревич Андрей Владиславович** – доктор психологических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института психологии РАН.
- Яцук Владимир Александрович** – доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии Академии последипломного образования (Беларусь).

Научное издание

Серия «Методология, история и теория психологии»

ПАРАДИГМЫ В ПСИХОЛОГИИ

Научковедческий анализ

Редактор – Т. А. Сарыгина

Макет, верстка и обложка – С. С. Федоров

Лицензия ЛР №00726 от 12.01.01

Издательство «Институт психологии РАН»

129386, Москва, ул. Ярославская, 13

Тел.: (495) 682-61-02, E-mail: info@ipran.ru, www.ipran.ru

Сдано в набор 15.09.12. Подписано в печать 01.10.12

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная

Гарнитура гус: Святая. Ул.-над. л. 27, усл.-печ. л. 29,5

Тираж: 860 экз. Заказ

Отпечатано в ООО «Издательство МБА»

119361, Москва, ул. Озерная, д. 46

Книги издательства «Институт психологии РАН»

- Холодная М. А.** Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 288 с.
- Психологические исследования.** Вып. 6 / Под А. Л. Журавлева, Е. А. Сергеевко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 187 с. (Труды молодых ученых ИП РАН)
- Современная личность: Психологические исследования /** Отв. ред. М. И. Воловикова, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 392 с. (Труды Института психологии РАН)
- Гостев А. А., Борисова Н. В.** Психологические идеи в творческом наследии И. А. Ильина: На путях создания психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 288 с. (Методология, теория и история психологии)
- Когнитивные исследования: Сборник научных трудов.** Вып. 5 / Под ред. А. А. Кибрика, Т. В. Черниговской, А. В. Дубасовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 295 с.
- Хашенко В. А.** Психология экономического благополучия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 426 с.
- Психологические проблемы современного российского общества /** Отв. ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергеевко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 575 с. (Психология социальных явлений)
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.** Социально-психологическое пространство личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 496 с.
- Падуи М. А., Котельникова А. В.** Психическая травма и картина мира: Теория, эмпирия, практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 206 с. (Перспективы психологии)

- Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 3 / Под ред. В. А. Бедрова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 400 с. (Труды Института психологии РАН)**
- Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 368 с. (Труды Института психологии РАН)**
- Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 440 с. (Психология социальных явлений)**
- Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна / Под ред. К. А. Абульхановой, С. В. Тихомировой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 432 с. (Методология, теория и история психологии)**
- Материалы итоговой научной конференции Института психологии РАН (24–25 февраля 2011 г.) / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. И. Артёмовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 216 с.**
- Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 736 с. (Научные школы ИП РАН)**
- Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергеева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 512 с. (Психология социальных явлений)**
- Журавлев А. Л. Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 560 с.**
- Ушаков Д. В. Психология интеллекта и одаренности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 464 с. (Экспериментальные исследования)**
- Дискурс в современном мире. Психологические исследования / Под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зичевой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 368 с. (Труды Института психологии РАН)**
- Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юренич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 480 с. (Психология социальных явлений)**
- Гулевич О. А. Социальная психология справедливости. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 284 с.**

- Психология – наука будущего: Материалы IV международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего» 17–18 ноября 2011 г. Москва / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 240 с. (Интеграция академической и университетской психологии)**
- Занковской А. Н. Психология лидерства: от поведенческой модели к культурно-ценностной парадигме. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 296 с.**
- Современная экспериментальная психология: В 2 т. / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 555 с., 493 с. (Интеграция академической и университетской психологии)**
- Познание в деятельности и общении: От теории к практике к эксперименту / Под ред. В.А. Барабанщикова, В.Н. Носуренко, Е.С. Самойленко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 527 с. (Интеграция академической и университетской психологии)**
- Гуцыхова С.В. Метод экспертных оценок: теория и практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 144 с. (Методы психологии)**
- Ваканов А.С., Обознов А.А. Эргономика пользовательского интерфейса: от проектирования к моделированию человеко-компьютерного взаимодействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 176 с.**
- Ермолаева Е.П. Оценка реализации профессионала в системе «человек–профессия–общество». М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 176 с. (Методы психологии)**
- Ларимова Л.И. Культурно-психологические факторы развития интеллектуальной одаренности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 320 с.**
- Волкова Е.В. Психология специальных способностей: дифференциально-интеграционный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 320 с.**
- Проблемы нравственной и этической психологии в современной России / Отв. ред. М.И. Воловщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 320 с. (Труды Института психологии РАН)**
- Рабов В.Б. Гуманитарная технология организационного проектирования и развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 224 с. (Фундаментальная психология – практика)**
- Морозов В.П. Невербальная коммуникация: Экспериментально-психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 528 с. (Достижения в психологии)**

- Нестак Т. А.** Отношение к времени в малых группах и организациях. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 296 с. (Перспективы психологии)
- Галкина Т. В.** Самооценка как процесс решения задач: системный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 399 с.
- Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики.** Выпуск 2 / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 624 с. (Труды Института психологии РАН)
- Ушакова Т. Н.** Рождение слова: Проблемы психологии речи и психолингвистики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 524 с. (Достижения в психологии)
- Юревич А. В., Цапенко И. П.** Наука в современном российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 352 с.
- Юревич А. В.** Методология и социология психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 272 с. (Методология, теория и история психологии)
- Аюпов Г. В.** Психология сознания: Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 372 с.
- Математическая психология: Школа В. Ю. Крылова** / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Н. Савченко, Г. М. Головиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 512 с. (Научные школы Института психологии РАН)
- Когнитивные исследования: Сборник научных трудов. Вып. 4** / Под ред. Ю. И. Александрова, В. Д. Соловьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 304 с. (Когнитивные исследования)
- Выходцев Ю. В., Тарабрина Н. В.** Психологическая оценка переживания террористической угрозы: Руководство. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 85 с. (Методы психологии)
- Психологические исследования: Вып. 5** / Под ред. А. Л. Журавлева, В. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 264 с. (Труды молодых ученых ИП РАН)
- Самойленко Е. С.** Проблемы сравнения в психологическом исследовании. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 416 с.
- Психология интеллекта и творчества: Традиции и инновации: Материалы научной конференции, посвященной памяти Я. А. Пономарева и В. Н. Дружинина, ИП РАН, 7-8 октября 2010 г.** М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 368 с. (Интеграция академической и университетской психологии)